МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИРКУТСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОЭКОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ
LV РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Иркутск, 23–27 марта 2015 г.

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2015

УДК 902/904+39](47)(063)
ББК 63.4+63.5](2)л0
М34

Проведение конференции и публикация сборника материалов
осуществлены в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ, тема № 33.1637.2014/К

Ответственные редакторы
д-р ист. наук, проф. Г. И. Медведев
канд. ист. наук Е. А. Липнина

Редакционная коллегия
канд. ист. наук И. М. Бердников, Н. Е. Бердникова, канд. ист. наук О. И. Горюнова,
Г. Н. Михнюк, канд. ист. наук А. Г. Новиков, канд. ист. наук В. М. Новосельцева,
канд. ист. наук Н. А. Савельев, канд. ист. наук М. Г. Туров, канд. ист. наук Е. О. Роговской

Ответственный секретарь
Д. Н. Лохов

Переводчик
П. А. Курзыбов

М34 Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 23–27 марта 2015 г. / отв. ред.: Г. И. Медведев, Е. А. Липнина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – 269 с.
ISBN 978-5-9624-1194-1

Сборник содержит материалы докладов LV Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых (Иркутск, 23–27 марта 2015 г.), посвященной памяти выдающегося российского археолога доктора исторических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Г. И. Медведева.

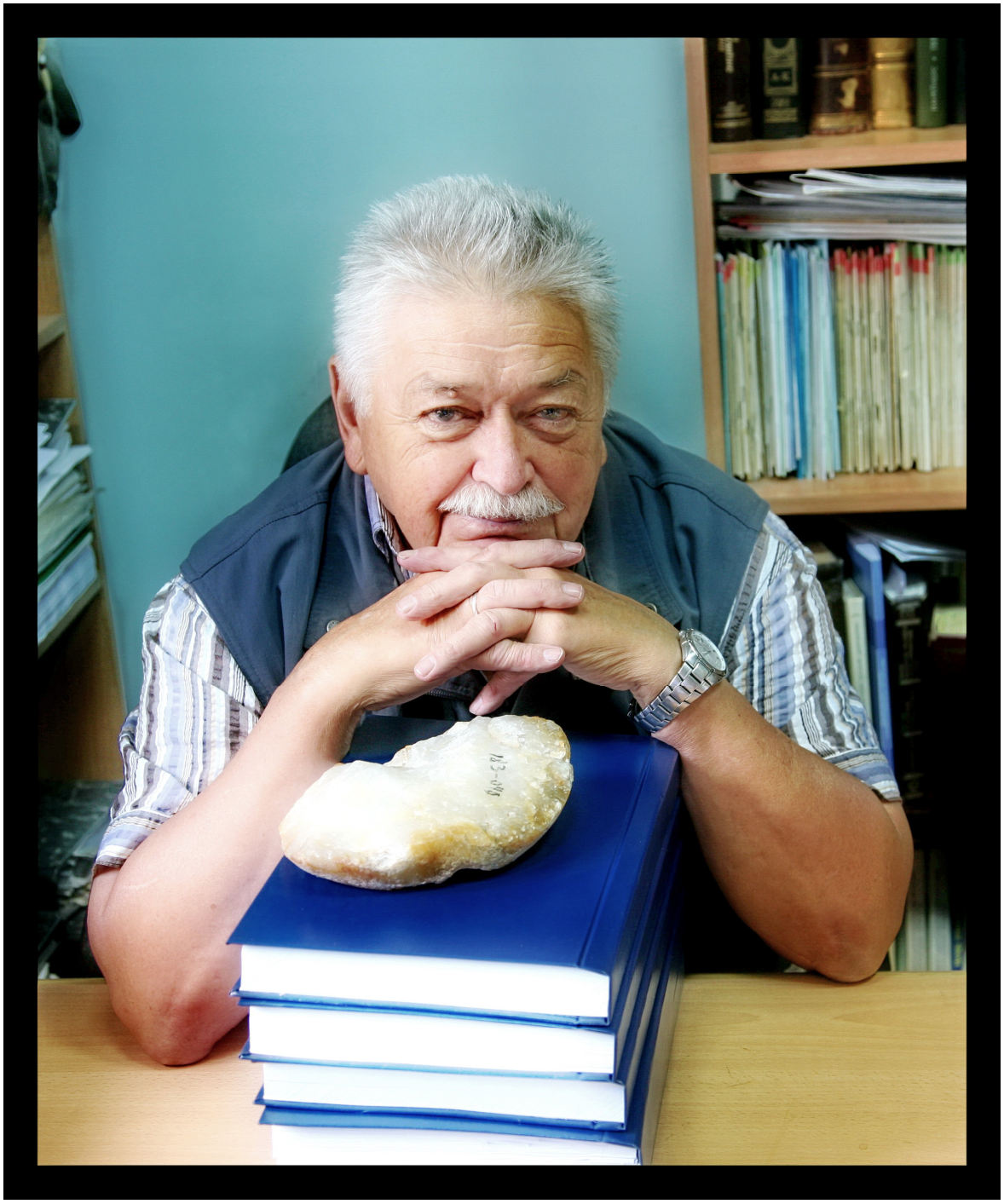
В статьях молодых ученых представлены результаты археологических, этнологических, культурологических и междисциплинарных исследований древних, традиционных и современных обществ Евразии, проведенных ими как самостоятельно, так и под руководством ведущих специалистов. Ряд статей носит проблемный и дискуссионный характер. Издание адресовано специалистам археологам, этнологам, историкам, культурологам, регионоведам, музейным работникам, студентам, а также краеведам и широкому кругу читателей, интересующихся археологическими древностями, проблемами развития палеокультур и современными этнокультурными процессами Евразийского пространства.

Оргкомитет выражает благодарность Министерству культуры и архивов Иркутской области, Службе по охране объектов культурного наследия Иркутской области и книготорговой фирме «ПродаЛитЪ» за помощь в проведении конференции

УДК 902/904+39](47)(063)
ББК 63.4+63.5](2)л0

ISBN 978-5-9624-1194-1

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2015
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2015



Герман Иванович Медведев
(07.01.1936–21.02.2015)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 11

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Аскеров С. Г. О., Замотаева Л. А.
Некоторые формы организации археологической работы с детьми в летних лагерях и в школе 13
Блазаренко Н. Р.
К вопросу об общественной реакции на археологические открытия 15
Василевская А. В., Малицкая А. А.
«Дом юношества» в Красноярске: неизвестные страницы 16
Гантимурова М. И.
Из истории создания музея Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в 1895–1896 гг. 18
Киркин А. А.
Вклад Д. Г. Савинова в изучение петроглифов на плитах тагарских курганов 20
Клименко М. Ю.
Начальный этап формирования остеологических коллекций животных в Алтайском государственном университете 21
Кочкина Е. И.
Международные связи Красноярского музея 1889–1930 гг.: археология и этнография 23
Кузнецов И. С., Маслодудо С. В.
Усть-Мензенский археологический комплекс – полигон для научно-исследовательской деятельности забайкальской молодежи 25
Кутас Ю. В.
Визуализация пространства раскопа как инструмент планиграфического анализа 27
Никулин Д. О.
История археологического изучения Центральной Азии в начале XX в. (по материалам экспедиций А. Стейна, С. Хедина, Р. Ч. Эндрюса) 28
Новикова А. С.
Начало изучения памятников археологии Усть-Абаканского района Республики Хакасия 30
Скрябин А. И.
Открытия археологической экспедиции ЯГУ в Усть-Алданском улусе 33
Ухинов З. Ч., Смолин К. А.
Малая Кулинда: история исследования и проблема сохранения 35
Ялин Д. О., Иванов А. А.
Молодежный археологический лагерь «Искатель» Верхнеамурской археологической экспедиции 36
Завгородняя Д. А.
Патологии зубной системы у населения Горного Алтая скифского времени (по материалам могильника Барангол) 38
Слепцова А. В.
Об опытах классификации искусственной деформации черепа человека 40
Вернигоров В. Д.
К проблеме изучения истории техники и технологии косторезного производства на севере Дальнего Востока России 42
Игнатенко К. Ю.
Микротопонимы села Николаевка Поспелихинского района Алтайского края как источник изучения влияния этнических контактов на топонимию 44

Малков Ф. С.
Особенности 3D сканирования черепов для антропологических исследований 46
Насонова Э. Д.
Природные условия обитания человека в Притоболье: от неолита до средневековья 48
Никулина А. В.
Использование ГИС-технологий для анализа пространственного расположения археологических памятников (эпоха бронзы, ранний железный век) центральной части Барабинской лесостепи 50

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Алишери Джумъакул, Шнайдер С. В.
Характеристика залегания археологических комплексов лессового палеолита (по материалам раннепалеолитических памятников Гиссаро-Алайской горной системы, Южный Таджикистан) 53
Барков А. В.
Орудийный набор верхнепалеолитического памятника Малая Сыя 55
Веселовская В. А.
Экспериментальное изучение галечных орудий (материалы к концепции усложненного собирательства в эпоху палеолита)..... 57
Викулова Н. О., Филатов Е. А., Усенков И. В.
Средний палеолит Восточного Забайкалья: к постановке проблемы 59
Мороз А. Ю.
Остеологические материалы палеолитических поселений Усть-Менза-1, 2, Студеное-1, 2: антропогенные и природные факторы воздействия 62
Смычагина Д. В.
Конструкция из костей мамонта, обнаруженная в 2014 г. на памятнике Костенки 11..... 64
Филатов Е. А., Викулова Н. О., Мухамудьянов П. А.
Палеолитическая мастерская Сухотино-12 66
Хаценович А. М.
Граница среднего и верхнего палеолита в Монголии: по материалам памятника Харганын-Гол-5..... 68
Павленок Г. Д.
Характеристика проявлений материальной культуры в Западном Забайкалье на рубеже плейстоцена и голоцена..... 70
Горбунова В. А.
Минерально-сырьевая база древнего населения Среднего Зауралья в эпоху камня 72
Исаев А. В., Тетенькин А. В.
Новое археологическое местонахождение Коврижка V на Нижнем Витиме 74
Кузнецов А. М.
Финальномезолитические депозиты острова Лиственичный (Северное Приангарье) 77
Селецкий М. В.
История изучения мезолита Кабардино-Балкарии 80
Шнайдер С. В.
Ранний и поздний мезолит на территории Памиро-Алая (Западная часть Центральной Азии): варианты адаптаций 81
Шарова О. Г., Безрукова Е. В., Летунова П. П., Кулагина Н. В.
Палеоэкологические условия на юге Забайкальского региона с мезолитической эпохи..... 83

Иванова Д. А.
Памятник Госёно: структура и этапы развития дзёмонского поселения..... 85
Федоров С. В., Дударёк С. П.
Каменные наконечники стрел эпохи неолита и раннего бронзового века с многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье 87
Уланов И. В.
Идентификация следов в микрорельефе поверхности неолитических сосудов стоянки Усть-Белая 89
Соколова Н. Б.
Неолитическая керамика многослойного местонахождения Усть-Кеуль I 92
Залётова Е. Н.
Заготовки каменных наверший палиц (Знаменская-Телевышка-1) 94
Николаев Е. Н., Дьяконов В. М.
К проблеме применения стрельных ядов в каменном веке Северо-Востока Азии 95
Чеха А. Н.
Памятник Устье реки Кутарей в Северном Приангарье: перспективы и проблемы изучения 97

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Леонова Н. Е., Рудакова А. Р.
Результаты спасательных работ на могильнике бронзового века Рушмалей-1 (Забайкалье) 99
Пупаева Л. А.
«Рубчатая» керамика поселения Скородумный Бык на р. Ангаре 101
Сайберт В. О.
Жилища бронзового века лесостепного Обь-Иртышья (источниковедческий аспект) 103
Селин Д. В.
Морфологический анализ сосудов андроновской (федоровской) культуры Еловского II могильника 105
Спиненко О. В.
Проблема соотношения логиновского и кротовского типа керамики эпохи бронзы юга Западной Сибири 107
Айткали А. К.
Курганы гунно-сарматской эпохи Восточного Казахстана 109
Бирюлева К. В.
Валиковая керамика раннего железного века поселения Проспихинская Шивера-IV в Северном Приангарье 110
Плац И. А.
Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ложка-6 (Барабинская лесостепь) 112
Головченко Н. Н.
Подвесные элементы предметного комплекса поясной фурнитуры населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа 114
Данилова О. С.
Место коня в погребальном обряде евразийских номадов I тыс. до н.э. (в сообщениях античных авторов и по археологическим данным)..... 115
Лазин Б. В., Никитина Л. А.
Каменный инвентарь памятника янковской культуры Назимова-1 117
Раисова А. Д.
Современное состояние проблемы происхождения сакской археологической культуры..... 119

Саттаров Р. Р.
Некоторые замечания к изучению импортов в раннем железном веке Волго-Уралья (на примере взаимодействия оседлого и кочевого населения)..... 121
Титова Ю. А.
Технологические особенности изготовления керамических сосудов раннего железного века с поселения Каменка на Среднем Енисее 123
Толстова М. В.
Погребальный ритуал могильника Цаган-Хушун II..... 125
Трусова Е. В.
Новые материалы эпохи раннего железа из Причумышья (Восточный Алтай)..... 127

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Бычков Д. А.
Новые свидетельства использования сигнальных кострищ на городище Усть-Черная..... 129
Гультяева К. Я.
Погребения дарасунской культуры из бассейна р. Куэнги..... 131
Жалмаганбетов Ж. М., Абдигали Н. А., Ахметов М. Г.
Погребальный обряд древних тюрков Казахского Алтая (по материалам могильника Каракаба)..... 132
Зеленков А. С.
Проблемы изучения кушнаренковской и караякуповской гончарной традиции..... 135
Караченцев И. С.
Проблемы изучения средневековой керамики Алтая..... 137
Кулигина С. Е.
Погребальный обряд троицких мохэ по результатам раскопок археологического памятника Октябрьское, грунтовый могильник-1..... 139
Куркин С. П.
Производство бронзовых изделий в средневековом городище Талгар..... 141
Мамуль Я. М.
Опыт строительства (реконструкции) раннесредневекового жилища в Амурской области 143
Мартюшов Р. А.
Место Лебединского клада в относительной хронологии раннесредневековых комплексов Кузнецкой котловины..... 145
Мясникова О. В.
Браслеты Армиевского могильника (к вопросу о типологии и хронологии)..... 146
Носова Л. И.
Женские украшения из средневековых погребений Восточного Забайкалья..... 149
Пермякова А. В.
Ювелирные техники на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья: чеканка..... 150
Щербакова А. В.
К вопросу о соотношении верхнеобских и басандайских древностей юга Нижнего Притомья (по материалам стоянки Долгая 1)..... 153
Яковлев А. В.
Михайловская археологическая культура в Западном Приамурье..... 155
Большакова А. А.
Феномен моделирования изделий у аборигенного населения севера Западной Сибири (по материалам исследования обдорских городков) 157
Вальченко В. Е.
Нательные кресты из Албазинского острога..... 159

Крупенкова М. Ю.
Археологическая коллекция костяных изделий Томского кремля последней трети XVII – середины XVIII вв. 161
Кушнарева А. С.
Женские украшения из коллективного захоронения Прядчинского могильника в Амурской области 163
Менщикова Ю. В.
Строительный приклад в системе ритуальной обрядности русского населения Западной Сибири в XVII–XVIII вв. 165
Петров Д. М., Сыроватский В. В.
Погребение из местности Юс-Хатын (г. Якутск) 167
Сыроватский В. В., Петров Д. М.
Погребение из местности Шестаковка (г. Якутск) 169
Фаистов Т. Н.
Ножи из материалов раскопок Тарской крепости 171

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Алекса Д. В.
Образ «кержака» в рассказах жителей алтайской деревни: по полевым материалам Центра устной истории и этнографии АлтГПУ 173
Багай-оол Д. В.
Обычаи и обряды, связанные с лошадью, в традиционной культуре тувинцев 175
Байгонакова Г. А.
Войлочный ковер у казахов Горного Алтая 177
Балчыр С. Н.
Мифы, связанные с культами птиц, у народов Сибири 179
Гайфулина Г. С.
Свадебный стол татар с. Солоуха Красноярского края 181
Голубев М. Е., Павленок М. О.
О возможности возрождения традиций у сельских шорцев в современных условиях 182
Досмурзинов Р. К.
Традиционное хозяйство казахов XIX – первой половины XX века (по трудам А. Н. Букейхана) 184
Евстигнеева Н. Б.
Изучение русских городов Западной Сибири конца XVI века - первой половины XVIII века по письменным источникам: основные направления и возможности исследования материальной культуры 186
Емельянов Д. В.
Лыжи в традиционной культуре коренного населения Северного Алтая 188
Ешим Е. О.
Традиция и практика многоженства в казахском обществе 190
Кабышева А. Б.
Традиционные родильные обычаи и обряды казахов 192
Кенжебекова Ж. К.
Казахские ювелирные украшения 194
Киссер Т. С.
Методика описания народов в XVIII в.: опыт И. Г. Георги 196
Кожахметова С. Т.
Исторические топонимы Прииртышья и присырдарьинских регионов как источник по этнической истории Центральной Азии 198
Коптяева Е. А.
Связь межэтнических отношений и брачных установок у современного городского населения (на примере молодежи г. Омска) 200

Кубаев А. С.
Игра в культуре казахов: прошлое и настоящее 202
Кульдо М. Е., Ибрагимов М. Н.
Этноконфессиональная политика государства и миссионерская деятельность среди забайкальских старообрядцев (вторая половина XIX – начало XX вв.) 204
Лаврищук Е. М.
Лекарственные растения в жизни Омолонских эвенов и чукчей 206
Люля Н. В.
Факторы изменения традиционной материальной культуры украинского сельского населения Алтайского края 208
Мейрамова А. А.
«Обряды перехода» в казахской свадьбе 210
Николаев Н. А.
Новые этнографические сведения о племени хоро 211
Новикова Ю. С.
Современные этнические процессы у украинцев Омской области 213
Норкина М. В.
Арктическое жилище как сакральный объект (на примере чукотского жилища)..... 215
Пономарев М. Б.
Фотография как этнографический источник в изучении культуры и быта якутов в конце XIX – начале XX вв. 217
Рублев Е. А.
Особенности хозяйственно-экономического положения русских переселенцев Ояшинской волости Томского уезда и губернии в конце XIX–начале XX века..... 218
Рыговский Д. С.
Фольклорно-этнографическая карта святых мест старообрядцев Западной Сибири: локальные варианты модели конструирования сакрального пространства..... 220
Рыков А. В.
Трудовые традиции крестьянства в контексте советской модернизации в 1920–1940-е гг. 222
Собакин К. А.
Представления о семье у якутской и казахской молодежи..... 224
Федоров С. И.
Традиционная утварь кумысопития у скотоводческих народов Северо-Восточной и Центральной Азии 225
Чарышова М. Ю.
Семейный праздник «койу-кочо» у алтайского народа в свете научных подходов к обряду 227
Шинкевич П. П.
Аграрные переселения 1917–1924 гг. и их влияние на этногрупповую структуру населения Сибири (по материалам Омской области)..... 229
Ябыштаев Т. С.
О межконфессиональной ситуации в Республике Алтай (об установке поклонного креста)..... 231

СЕМАНТИКА И СИМВОЛИКА В АРХЕОЛОГИИ

Аболонкова И. В.
К вопросу изучения гравированных изображений Тепсейского археологического комплекса..... 233
Андреев О. В.
Восток и Запад: сравнительный анализ ритуала порчи боевого оружия..... 235
Евлюхина К. А.
Редко встречаемые образы животных в кремневой скульптуре Урала 237

Мальцев Р. К.
Наскальные изображения хакасских тамг как исторический источник 239
Маляренко А. Г.
Образы птиц на керамической посуде древнего населения Западной Сибири..... 241
Монгуш К. М.
О семантике шествия животных в петроглифах Малого Баян-Кола 243
Моряхина К. В.
Средневековые украшения рук с зооморфными изображениями Пермского Предуралья..... 244
Сазонова О. М.
Исследование петроглифов в окрестностях с. Соленоозерное сотрудником Красноярского краеведческого музея Н. В. Нащекиным..... 246
Талягина М. А.
К проблеме атрибуции петроглифов тесинского времени (по изобразительным материалам Минусинской котловины) 248
Широких Д. А.
Использование красящих веществ древним человеком 251
Шишкина О. О.
Антропоморфные изображения на плитах оград тагарских курганов и могильных плитах (археологический комплекс Тепсей)..... 252

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ,
ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Базаров Б. А.
Археология Бурятии: новые материалы по результатам историко-культурных экспертиз (предварительные данные) 255
Елтышева И. В., Мамедова К. В.
Полтаковский музей наскального искусства «Хайа Хоос»: прошлое, настоящее, будущее..... 258
Конончук К. В.
Реставрация, которой не было: консервационные и реставрационные работы на Томской писанице в 1989 и 1990 гг..... 260
Крючко Е. И.
Археологическое обследование зоны строительства Магистрального газопровода «Сила Сибири» в Амурской области 262
Лыкова О. А.
Петроглифы северо-запада Минусинской котловины..... 264
Моро А. Ю.
Проблема изучения и сохранения водонапорных башен Забайкальской железной дороги как памятников историко-культурного наследия 266
Побегуц К. В.
Возможности практического применения разработок археологического экскурсоведения на примере Алтая 267

Список сокращений 270

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археология в современном мире есть органическая часть мировоззренческого комплекса, фонда образованности и, особенно в России, патриотической воспитанности населения. Археология является необходимым структурным компонентом нравственного отдела общей стратегии государственной стабильности и национальной безопасности. Неуклонно-поступательный рост археологического знания, фиксированный в истории человечества общей протяженностью развития в несколько миллионов лет, документируемый неоспоримыми достижениями в методологии и, прежде всего, в практике открытий – очевидное свидетельство категорической рецентной потребности в перспективной познавательной надежности археологии. Реестр научно-образовательных дисциплин академического и вузовского статусов размещает археологию в совокупности направлений гуманитарного блока. В реалии современного социального мира археология есть знание научно-поливалентное, обращенное ко всем, без различия специальностям и возрастам. Археология не может быть формально уравнена ни с одним из современных исторических направлений в научной организации. Но постоянно развивающиеся взаимозависимые блоки аналитики, методологии и теории как многовекторной системы эволюции познания расположены к использованию в любом направлении современных натурно-исторических, техно-исторических, гуманитарно-исторических отделов общего знания о Земле и Человеке. Археология требует самого емкого участия в исследовательском процессе студенчества и рабочего взаимодействия преподаватель – студент за рамками учебного цикла.

LV Российская (с международным участием) археолого-этнографическая конференция студентов и молодых ученых в год очередного юбилейного своего собрания начинает работу в г. Иркутске. Родившись в глубине 1960-х гг., активно набиравший рабочий потенциал на протяжении 1980–1990-х гг. и в новом, XXI веке, РАЭСК стал явлением - постоянно действующей творческой «лабораторией», коллективом, работа в котором быстро превратилась из осознанной необходимости в потребность и добрую традицию. Практика проводимого мероприятия позволила выработать у молодых исследователей представления о взаимовхождении всех региональных особенностей археологических универсумов в трансконтинентальные и глобальные закономерности развития; овладеть основными междисциплинарными современными методами научных тематических исследований – поиск, сбор археологических данных, их анализ, обобщение, интерпретация; сформировать навык практического использования полученных знаний в постановке и решении научных задач.

Представление материалов в виде докладов, стендовых презентаций дифференцировано по направлениям, соответствующим археологической научной иерархии. Каждое направление имеет специфическую особенность, отличающую его от смежных, и не может быть подменено или совмещено с разработкой какого-либо «иного». Все материалы исследований – сугубо оригинальны, не имеют повторов, обладают перманентной особенностью роста обеспеченностью данными, высокой степенью модификаций на выходе результатов.

Вашему вниманию предложено очередное юбилейное издание с уже твердо устоявшимся тематическим набором разделов. Традиционно археологическая тематика доминирует в общем количестве заявленных материалов, устойчивый интерес сохраняется к вопросам и проблемам, связанным с палеокультурными процессами эпохи палеометалла и с современными традиционными культурами и обществами. Не ослабевает внимание молодых исследователей и к вопросам соотношения семантики и символики в археологических исследованиях. По-прежнему актуальными остаются разработки, касающиеся поиска форм, методов развития музейного дела и практики, использования археологического наследия в образовательной и охранной деятельности.

Дорогие участники, коллеги, начинающие свой путь в науке и состоявшиеся, от имени оргкомитета юбилейной РАЭСК разрешите поблагодарить за ваш авторский вклад и участие в этом научном мероприятии, выразить надежду на плодотворное сотрудничество, интересную, результативную и взаимообогащающую работу нашего собрания, несущую дополнительный заряд для новых встреч, острых дискуссий и творческих дерзаний.

Месяц тому назад ушел из жизни председатель Оргкомитета РАЭСК, заведующий кафедрой археологии, этнологии, истории древнего мира Иркутского государственного университета, профессор, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ Герман Иванович Медведев. Он стоял у истоков формирования конференции, был ее постоянным организатором и вдохновителем. Герман Иванович – ученый-археолог с мировым именем, является автором многих уникальных открытий, теоретических, методологических и методических разработок по древнейшим периодам истории и культуры населения Сибири. С его именем связано возрождение и развитие известной как в России, так и за рубежом Иркутской школы археологии, воплощенное в кафедре археологии, этнологии, истории древнего мира и в Научно-исследовательском центре «Байкальский регион» ИГУ. Г. И. Медведев создал концепцию Прибайкальского мезолита и стоял у истоков нового активно развивающегося междисциплинарного направления в российской археологии – геоархеологии. Неоценим его вклад в исследовании палеолита Сибири – он первым открыл нижнепалеолитические комплексы Сибири. С его именем связано продолжение исследования уникальной Мальтинской палеолитической стоянки. С кончиной Г. И. Медведева ушла целая эпоха, а российская археология понесла невосполнимую утрату. Тем не менее, проведение юбилейной конференции является несомненным продолжением его деятельности и данью его памяти от новых поколений археологов.

Оргкомитет LV РАЭСК

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

УДК 373: 902

Некоторые формы организации археологической работы с детьми в летних лагерях и в школе

С. Г. О. Аскеров, Л. А. Замотаева
Забайкальский государственный университет, Чита

Археология – это комплексная историческая наука, изучающая прошлое людей по вещественным материалам. К ней всегда были причастны люди самых разных профессий и возрастов, начиная с юношеского периода. Поэтому и школьной археологии в России уже около ста лет. В Сибири первые школьные археологические кружки тоже стали появляться в начале прошлого века. Руководителями их становились простые школьные учителя и профессиональные археологи, которые работали в школах и в краеведческих музеях. Даже в 30-е гг. XX в., которые в целом были сложны для исторической науки, интерес к школьной археологии не был утрачен. Наоборот, именно в это время, он начинает резко возрастать, что было связано, несомненно, с целенаправленным воспитанием патриотизма в детской среде и углубленным интересом к местной истории и к краеведению [Бровко, 2004, с. 6].

В конце 50 – начале 60-х гг. в журнале «Советская археология» появляется даже специальная рубрика, посвященная учителям и краеведам. В это время происходит необычайный подъем школьного краеведческого движения, составляющей частью которого становятся специализированные археологические кружки. И уже в 70–80-е гг. прошлого столетия проведение летних археологических лагерей с участием школьников становится нормой в отечественных экспедициях. Спад наметился в середине 90-х гг., когда стали закрываться школьные музеи и детские центры, на базе которых существовали школьные археологические кружки [Фролов].

Сегодня школьное археологическое движение вновь возрождается, но уже как часть туристическо-краеведческого направления дополнительного образования.

Мы можем отметить, что обучение, построенное на интересе, а не на принуждении, всегда является более целенаправленным и продуктивным. Археологии здесь принадлежит весьма позитивная роль, потому что через практическое знакомство с археологическими материалами она позволяет ученикам непосредственно прикоснуться к тайнам истории, заинтересовать их в получении дополнительных исторических сведений, а это, несомненно, расширяет кругозор учащихся и способствует формированию у них гуманистического мировоззрения.

Отметим также, что термин «педагогическая археология» применяется сегодня только для дополнительного образования. Однако археология как предмет имеет возможность воздействовать на сознание и эмоции учащихся намного шире. Мы уже говорили выше, что она не только побуждает детей к изучению нового материала, но и формирует у них нравственные, патриотические и позитивные личностные качества. Более того, она становится средством достижения определенных педагогических целей. Педагогика, в свою очередь, выполняет в общей системе целеполагающую и целереализующую функции. Ребенок включается в новое для него образовательное пространство, реализуя свой потенциал в нескольких направлениях. Поэтому задачей каждого педагога является передача культурных

ценностей и исторических традиций новым поколениям.

И одной из форм приобщения детей и молодежи к истории и археологии может стать археологический кружок или клуб. Несомненно, что это решение многих образовательных и воспитательных задач, напрямую связанных и с духовным возрождением общества, и с охраной культурно-исторического наследия. Огромную роль здесь играет использование археологического материала. Мы могли убедиться в этом сами, когда работали в августе 2014 г. в Детском оздоровительно-образовательном центре «Чайка». В центре нами был организован специализированный археологический кружок. В него входили дети разного возраста – от 10 до 16 лет. И мы работали с ними, разъясняя кружковцам не только цели организации самого кружка, но и проблемы, которые решает забайкальская археология; говорили о том, что археолог должен уметь делать (фотографировать, чертить, рисовать, знать топографию, геологию, этнографию и т. д.); рассказывали, где и в каких полевых условиях ему придется жить; с кем общаться, какими специализированными инструментами и приборами уметь пользоваться и т. д. Главное, на что мы обращали внимание, это то, что современный археолог – всесторонне развитый человек, и каждый из кружковцев должен стремиться стать таким человеком.

Закончив общее знакомство с основами археологии, мы перешли к конкретному изучению археологических памятников нашего края. Но перед этим мы представили кружковцам одну из археологических экспедиций, в работах которой сами принимали участие и которая на протяжении многих десятков лет ведет раскопки в нашем крае – Верхнеамурская археологическая экспедиция. Руководителем экспедиции является кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ЗабГУ Ковычев Евгений Викторович. Затем, с помощью фото и видеоматериалов, мы представили участникам кружка археологические памятники, где проводились раскопки. Кружковцы познакомились с нашими работами на древнемонгольском Хирхиринском городище, Кондуйском дворце и древнемонгольской феодальной усадьбе Алестуй. Представлены были и другие археологические памятники края. В конце наших занятий мы разработали небольшой тест с целью проверки знаний кружковцев. Он дал положительный результат.

Отметим также, что работа по организации археологического кружка была продолжена нами дальше на базе общеобразовательной школы № 11 г. Читы и тоже дает положительные результаты. Мы надеемся привлечь школьников к реальным научным и лабораторным исследованиям, участию в конкурсах и викторинах по археологической тематике. Очень важно, чтобы работа в школьном археологическом кружке дала возможность учащимся почувствовать себя полноправными «сотрудниками» науки.

Научный руководитель – доцент, канд. ист. наук Е. В. Ковычев

Список литературы

Бровко Д. В. Феномен педагогической археологии / Д. В. Бровко // Уссурийский краеведческий вестник. – 2004. – № 3. – С. 5–9.

Фролов И. В. Педагогический потенциал археологии [Электронный ресурс] // Клуб юных археологов «Резерв». – URL: http://www.rezerv.narod.ru/frolov.html (дата обращения: 25.12.2014).

Some forms of organizing archaeological work with children in summer camps and in schools

S. G. O. Askerov, L. A. Zamotaeva

The article presents information on forms of organizing archaeological work with children as based on the example of the school and children's health and educational centre. The authors define characteristic features of the development of school archaeology in Russia, beginning from the 1930s up until the 1990s, as well as peculiarities of the development of school archaeological movement in the present time. Special attention in the article is paid to educational functions of an archaeological hobby group and to the formation of humanistic outlook among children.

Keywords: pedagogical archaeology, archaeological hobby group, Khirkhirinskoye settlement, Kondui palace, Alestui estate.

Аскеров Самир Габил Оглы
магистрант 1-го года обучения
Забайкальский государственный университет
e-mail: askerovsamir93@mail.ru

Замотаева Любовь Алексеевна
студент 3-го курса,
Забайкальский государственный университет
e-mail: kiraisgod@mail.ru

Askerov Samir Gabel Oglu
graduate student 1st year
Zabaikalsky state University
e-mail: askerovsamir93@mail.ru

Zamotaeva Lyubov Alekseevna
student 3rd year
Zabaikalsky state University
e-mail: kiraisgod@mail.ru

УДК 902.2:316.654:304.9

К вопросу об общественной реакции на археологические открытия

Н. Р. Блазаренко
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Археологические раскопки всегда привлекают внимание общественности по разным причинам – мировоззренческим, религиозным, политическим и пр. Иногда местное население не понимает научной ценности археологических находок, считает обнаруженные на собственной территории находки принадлежащими своему народу, вернее, его непосредственным предкам. Между тем п. 3 ст. 49 Федерального закона № 73-ФЗ от 25.06.2002 гласит: «Объекты археологического наследия находятся в государственной собственности» [Федеральный закон…, 2002].

Классическим примером суеверного отношения к открытиям археологов могут служить знаменитые раскопки гробницы Тутанхамона. Всеобще известен миф о «проклятии фараонов». После раскопок газеты писали о том, что участники экспедиции умирают один за другим и причина тому – «проклятие фараонов». Эта ситуация стала сюжетом не одного художественного фильма. Среди них «Тутанхамон: Проклятие гробницы» (2006) и «Пирамида» (2014).

История раскопок в Израиле, неизменно сопровождающихся особым вниманием со стороны местного населения и арабов, также знает случаи «народного» неприятия. В интервью православному журналу «Фома» библейский археолог иерей Александр Тимофеев рассказал, что реакция населения может быть чревата различными провокациями, исследователей даже могут закидать камнями [http://foma.ru…].

Известно из СМИ, что протест местного населения вызвали раскопки «золотого человека» из царского кургана Байгетобе могильника Шиликты-3 в Восточном Казахстане в 2003 г. Курган, в котором было обнаружено несколько тысяч золотых украшений, относится к сакской эпохе. Жители поселка Шиликты связали различные бедствия с гневом потревоженного раскопками «царя». В сложившейся ситуации Министерство культуры Республики Казахстан приняло решение о перезахоронении останков [Фоминых, 2013, с. 6].

Одним из ярких примеров отрицательной реакции на раскопки является общественный резонанс, вызванный открытием мумии «алтайской принцессы» в 1993 г. [Полосьмак, 1994, с. 3–10]. После раскопок мумия была перевезена в Новосибирск и хранилась в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН. Алтайцы придали открытию огромное значение, отождествив «принцессу» с богатыркой из героического эпоса – Очи-балой, непобедимой защитницей алтайского народа [Алтайский героические сказания…, 1997]. Жители республики настаивали на возвращении мумии на Алтай и её перезахоронении. В научных и интернет-публикациях выделяются несколько причин, которые могут служить объяснением такой реакции алтайцев:

– алтайцы связывали с гневом мумии многие стихийные бедствия, случившиеся на Алтае после раскопок;

– алтайцы считают себя потомками пазырыкцев;

– бурханизм – алтайская форма буддизма, особенность которого заключается в обожествлении Алтая, почитании природы и бережном отношении к культурному наследию [http://fedpress.ru…];

– традиционное представление об опасности контакта с миром мертвых. Алтайцы избегают мест захоронения, в том числе древних курганов. До середины XX в. даже существовал запрет на произношение слова «корум» (каменная насыпь, курган) [Тадина, Ябыштаев, 2013, с. 167];

– ситуацию, связанную с «принцессой Укока», Д. А. Михайлов считает проявлением алтайского национализма [Михайлов, 2013, с. 44].

После долгих общественных дискуссий, в сентябре 2012 г. мумия «принцессы» была возвращена на Алтай. В настоящее время она находится в Национальном музее им. А. В. Анохина.

В августе 2014 г. Совет старейшин Республики Алтай принял решение о перезахоронении мумии, но в настоящее время существует множество проблем юридического и ритуального характера, требующих разрешения [http://ria.ru…].

Подводя итоги обсуждаемой в статье проблемы, можно заключить, что археологи в своей деятельности должны предусматривать осложняющую научное исследование негативную общественную реакцию на археологические раскопки.

Предотвращению конфликтных ситуаций с местным населением, по мнению В. А. Кореняко, может способствовать разработка и принятие кодекса профессионального археолога (подобные этические кодексы существуют в США, Европе и Украине). В кодексе, среди прочего, должно содержаться предписание «оценивать экологические и социальные последствия археологических работ, уважать достоинство и культурные традиции местных жителей, консультироваться с представителями местного населения, информиро-

вать это население о результатах исследований, приглашать местных жителей к участию в проектах» [Кореняко, 2013, с. 130]. О важности соблюдения археологами этических норм также пишет Е. Королёва. Она считает, что избежать негативного отношения местных жителей поможет разъяснительная работа [http://fedpress.ru…].

По общему мнению В. И. Соёнова, Н. А. Константинова и зарубежных авторов Г. Плетца и Э. Робинсона, российские археологи должны осуществлять сотрудничество и межкультурный диалог с коренными жителями [Международное значение репатриации …, 2014, с. 38].

Нам представляется продуктивным антропологическое направление исследований [Международное значение репатриации …, 2014, с. 19]. Задачей этого направления, по нашему мнению, должно быть изучение рассмотренного в статье феномена, удачного или неудачного опыта преодоления подобных ситуаций и выработка практических рекомендаций по их урегулированию.

Научный руководитель – д-р ист. наук, доцент Л. Н. Ермоленко

Список литературы

Кореняко В. А. Об этическом кодексе профессиональных археологов (зарубежный опыт) / В. А. Кореняко // РА. – 2013. – № 4. – С. 125–142.

Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами?) / Г. Плетц, В. И. Соёнов, Н. А. Константинов, Э. Робинсон // Древности Сибири и Центральной Азии. – 2014. – № 7 (19). – С. 17–46.

Михайлов Д. А. Алтайский национализм и археология / Д. А. Михайлов // ЭО. – 2013. – № 1. – С. 37–51

Тадина Н. А. Пазырыкский стиль символьной атрибуции республики Алтай в контексте картины мира алтайцев / Н. А. Тадина, Т. С. Ябыштаев // Вестник Томского гос. ун-та. – 2013. – № 3 (23). – С. 165–168.

Федеральный закон РФ от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: http://graph.document. kremlin.ru/page.aspx ?723283 (дата обращения 06.12.14).

Фоминых Е. Долой науку – дорогу суевериям? / Е. Фоминых // Время. – 2013. – 13 июля. – С. 6.

URL: http://fedpress.ru/news/society/reviews/1409817420-ekspert-trevogu-gornogo-altaya-tsinichno-konvertiruyut-v-golosa-izbiratelei (дата обращения 29.12.14).

URL: http://foma.ru/gde-naxoditsya-mogila-adama-ili-paradoksyi-biblejskoj-arxeologii.html (дата обращения 29.12.14).

The issue of Public Reaction to Archaeological Discoveries

N. R. Blazarenko

The article deals with issue of negative public reaction to the archaeological excavation of burials. Different cases of such negative attitude expression are analyzed. Particular attention is given to the public reaction to the discovery of "Altai Princess". The author considers the reasons explaining the position of the Altai people, summarizes researchers' proposals to prevent conflicts with local population.

Keywords: excavation of burials, reaction of indigenous population, "Altai Princess", professional ethics.

Блазаренко Наталья Романовна
студент 2-го курса,
Кемеровский государственный университет
e-mail: Natascha.1994@mail.ru

Blazarenko Natalya Romanovna
student 2nd year, Kemerovo State University
e-mail: Natascha.1994@mail.ru

УДК 902–908

«Дом юношества» в Красноярске: неизвестные страницы

А. В. Василевская, А. А. Малицкая
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск

В Красноярске в последней четверти XIX в. складывается традиция ученических археологических экскурсий, которая связана с именами таких известных учёных археологов как И. Т. Савенков, А. С. Еленев, П. С. Проскуряков.

В годы Первой Мировой войны особенно возрастает интерес к досуговой деятельности учащихся. Наиболее популярными остаются загородные экскурсии, например, на Афонтову гору [Устюгов, 1916, с. 74].

Революция и гражданская война внесли изменения как в политическую, так и в социально-культурную сферу. Появляется множество молодёжных общественных организаций. Ярким примером в Красноярске стал «Дом юношества», который был образован 1 октября 1917 г. Состав этой организации был очень разнообразен: учащиеся Мужской гимназии, Землемерного училища, Первой Женской гимназии, Второй Женской гимназии, Частной женской гимназии, Епархиального училища, Учительской семинарии, Реального училища, Торговой школы и других учебных заведений. Всего в общество входило более 500 человек [КККМ. О/ф 3723].

«Дом юношества» располагался в помещении Землемерного училища; в него входили различные кружки и организации. Отдельно стоит отметить кружок сибириеведения. Перед ним были поставлены задачи изучения истории, географии, этнографии, культуры Сибири. Руково-

дителями кружка были такие известные люди, как М. В. Красножёнова, известный в Красноярске педагог, собирательница сибирского фольклора, создательница первого передвижного педагогического музея [Кочкина, 2013, с. 30], и, позднее, А. Я. Тугаринов – консерватор Красноярского городского музея [Яворский, Макаров, 1989, с. 24]. Работой в летний период руководил А. Л. Яворский. Кружок работал на протяжении почти всего периода деятельности «Дома юношества» с 1917 по 1919 гг.

У «Дома юношества» был свой печатный орган, издававший двухнедельную общественно-литературную ученическую газету «Юное дело» (первый номер – 18 марта 1918 г.) [КККМ. О/ф 3723].

«Дом юношества» стремился к всестороннему развитию молодёжи, для чего Правление проводило различные экскурсии и ученические вечера. Предполагалось в летний период организовать группу учащихся для проведения экскурсий на археологические памятники в окрестностях Красноярска.

Для привлечения учащихся к науке учёные и общественные деятели города читали лекции на различные темы. Чтения проводились по пятницам или субботам в 5–6 часов вечера. Так, зимой 1919 г. Н. К. Ауэрбах, выпускник Московского археологического института, ученик известного археолога В. А. Городцова, прочел в «Доме юношества» цикл лекций, посвященных археологии Енисейского края. Одна из этих лекций «О прошлом Енисейского края», состоялась 15 февраля 1919 г. В начале своего сообщения докладчик знакомит собрание с общими методами археологической науки, потом делает краткий обзор древнейшим памятникам прошлого: Афонтовой горе, Военному городку, Базаихе. Особое внимание было уделено археологической поездке 1918 г. по р. Енисею, на лодке от Красноярска до Енисейска. Последующие свои лекции Н. К. Ауэрбах планировал посвятить описанию курганов, писаниц, каменных баб, городищ, древних рудников и оросительных каналов [Енисейский вестник, 1919, с. 3].

В марте 1919 г. была прочитана лекция А. Я. Тугариновым «Путешествие по реке Енисей от верховьев до устья», в которой большое внимание было уделено описанию коренного населения Енисейской губернии [Свободная Сибирь, 1919].

Красноярский «Дом юношества» был участником заседания, посвященно памяти Н. М. Ядринцева (25 лет со дня смерти), 8 ноября 1919 г., совместно с КОРГО и Союзом областников-сибиряков, на котором И. В. Тюшняков, выпускник Казанского университета, ученик известного этнографа, географа и музееведа Бруно Фридриховича Адлера, выступил с докладом «Путешествия и научные труды Н. М. Ядринцева», в котором уделил большое внимание археологическим открытиям учёного [Василевская, 2014, с. 12].

С приходом советской власти резко меняется отношение к молодёжным организациям, многие из которых закрываются (не исключение и «Дом юношества»).

Многие идеи, заложенные деятельностью «Дома юношества», были реализованы в 1920-е гг. Так, в г. Красноярске в 1923–1926 гг. работал «Археологический кружок им. И. Т. Савенкова» [Макаров, Вдовин, 2014].

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. С. Вдовин

Список литературы

Василевская А. В. Иннокентий Васильевич Тюшняков – неизвестный исследователь Енисейского края / А. В. Василевская // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск : СФУ, 2014. – С. 11–13.

Енисейский вестник. – № 30. – 1919. – С. 3.

КККМ. О/ф 3723.

Кочкина Е. И. Красноярский передвижной педагогический музей / Е. И. Кочкина // Молодежь и наука XXI века. – Красноярск, 2013. – Т. 4. – С. 30–32.

Макаров Н. П К истории школьной археологии (Археологический кружок им. И. Т. Савенкова 1923–1926 гг.) / Н. П. Макаров, А. С. Вдовин // Аннинские чтения (2012–2013). – Железногорск : Блиц-Принт, 2014. – С.19–24.

Свободная Сибирь. – № 57. – 1919. – С. 4.

Устюгов П. Дневник народного учителя / П. Устюгов // Сибирская школа. – № 1. – 1916. – С. 74–76.

Яворский А. Л. Двадцать лет во главе музея / А. Л. Яворский, Н. П. Макаров // Век подвижничества. – Красноярск, 1989. – С. 24–39.

Youth House in Krasnoyarsk: unknown pages

A. V. Vasilevskaya, A. A. Malitskaya

The article considers Formation of the youth organization of the city of Krasnoyarsk, in the early years of bourgeois rule in Russia. The basic position, direction of the organization, social structure. Based on study Authors made conclusions about public life of the city in 1917–1919.

Keywords: Krasnoyarsk, Youth House, lecture

Василевская Алёна Валерьевна
студент 5-го курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
e-mail: LeonV1992@yandex.ru

Малицкая Анна Андреевна
студент 5-го курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
e-mail: anna_malickaya@mail.ru

Vasilevskaya Alena Valer'evna
student 5th year, Krasnoyarsk State Pedagogical University V. P. Astaf'eva
e-mail: LeonV1992@yandex.ru

Malitskaya Anna Andreevna
student 5th year, Krasnoyarsk State Pedagogical University V. P. Astaf'eva
e-mail: anna_malickaya@mail.ru

УДК 913 (Заб)

Из истории создания музея Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества в 1895–1896 гг.

М. И. Гантимурова
Государственный архив Забайкальского края, Чита

С развитием Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (далее ЧОПОИРГО) тесно связана деятельность Краевого музея, торжественное открытие которого состоялось 16 апреля 1895 г.

Организация музея РГО являлась закономерным событием. Коллекции естественноисторического, археологического, этнографического характера находились в ЧОПОИРГО с момента его основания (около 2,5 тыс. предметов). Именно эти коллекции и легли в основу музейных фондов. 14 июля 1894 г. во время открытия отделения его высокопревосходительство Приамурский генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской при осмотре частных коллекций выразил желание форсировать открытие музея для широкой публики.

Согласно «Программе и правилам Забайкальского Областного музея Читинского Отделения Приамурского Отдела Русского Географического Общества» музей представлял наглядную картину природы, «как окружающей нас, так и отжившей, и проявлений человеческого ума, как в настоящее время, так и в прошедшем» [Отчет императорского…, 1899, с. 217].

Первым директором музея был выбран Алексей Кириллович Кузнецов. С его именем связано также открытие Нерчинского (1866 г.) и Якутского (1911 г.) музеев.

В начале своей деятельности музей ЧОПОИРГО располагался в трех комнатах здания пансиона мужской гимназии. При быстром росте коллекций музея, а также книг в библиотеке РГО, теснота и неудобство занимаемого ими помещения становились все более ощутимыми [Отчет о деятельности…, 1896, с. 6]. Члены Читинского отделения ходатайствовали перед Приамурским генерал-губернатором о расширении помещения музея. В результате было получено разрешение на участок городской земли по р. Кайдаловка под строительство нового здания музея и ботанического сада. Но отсутствие денежных средств отсрочило осуществление этого проекта до 1914 г.

К 1896 г. все коллекции были систематизированы. Экспонаты распределялись на две группы: на местные, собранные в Забайкальской области, и на предметы сопредельных и других стран. В свою очередь, местные классифицировались по следующим отделам: естественноисторическому (минералогия и геология, ботаника, зоология, палеонтология); антропологическому (этнография и антропология); археологическому; промышленному; сельскохозяйственному; нумизматическому; отделу пособий (архивные документы, карты, инструкции и т. д.); отделу событий, относящихся к Забайкалью (посещение наследником цесаревичем Николаем Забайкалья в 1891 г., сооружение Великой Сибирской дороги, декабристы Забайкалья); образовательному (предметы неместного происхождения и из сопредельных стран). По предложению А. К. Кузнецова была введена система подвижных каталогов. Описываемые предметы, находившиеся в этих каталогах, были расположены по системам рек Забайкалья в направлении с запада на восток [Отчет о деятельности …, 1896, с. 27–28].

Финансирование музея осуществлялось из общего бюджета отделения РГО. Но для привлечения дополнительных средств уже в первый год работы совет ЧОПОИРГО разослал подписные листы для сбора пожертвований. Такая практика стала регулярной и приносила большие результаты. Общественность не только интересовалась материалами, представленными в экспозициях, но и очень активно жертвовала деньги и коллекционные предметы. В 1895 г. было пожертвовано 10 783 предметов от 264 лиц и учреждений, а 1896 г. – 7 129 предмета [Отчет о деятельности…, 1896, с. 44–47].

Коллекции и предметы, пожертвованные музею, представляли большой научный интерес и значительную материальную ценность. Среди них можно выделить: гербарий флоры Забайкалья, собранный Г. А. Стуковым, преподавателем духовного училища в г. Нерчинске [Записки Читинского отделения…, 1898, с. 138]; петрографическую коллекцию, предоставленную горным инженером А. П. Герасимовым; от Нерчинского музея – редкий полный костюм шаманки, состоящий из нескольких сотен предметов; благодаря активному содействию и.д. хамбо-ламы Гусино-Озерского дацана Б.И. Доржиева, музею были подарены модель Гусино-Озерского дацана, труба «*гинлин*» из человеческой кости, чаша «*габала*» из черепа человека, большая молитвенная мельница «*хурдэ*» и другие материалы по

буддийскому культу; материалы по этнографии орочон от доктора Н. В. Кирилова; образцы рудного россыпного золота с сопровождающими его породами от А. Ф. Геллера (эта коллекция в 1895 г. оценивалась в 15 000 рублей, но была утрачена в годы гражданской войны); ряд редких архивных дел и статей (например, метеорологические дневники талантливого учителя Цыбыка Онгодова, «Дело о бывшей в Чите в 1862 г. сельскохозяйственной выставке»), карты, археологические коллекции и т. д. [Отчет о деятельности…, 1897, с. 40].

Для пополнения коллекций члены Читинского отделения организовывали кратковременные экспедиции, экскурсии. В 1895 г. Н. В. Кирилов проводил исследования в верховьях р. Нерчи для изучения быта забайкальских орочон. В 1896 г. он привез из Монголии гербарий растений, используемых в тибетской народной медицине, который продолжал собирать и на территории Забайкальской области. Самым активным исследователем в ботаническом направлении являлся Г. А. Стуков. Каждый год он совершал экскурсии с целью сбора и изучения флоры. Результатом его работы стал самый большой и подробно описанный гербарий в Забайкалье. Директор музея А. К. Кузнецов совместно с горным инженером А. П. Герасимовым в 1895 и 1896 гг. совершили экскурсию по р. Ингоде, низовьям р. Онона и по Агинской степи. Было открыто более 20 стоянок каменного века, семь «камней с письменами» (так называемые, оленные камни). В результате были представлены солидные археологические, петрографические, ботанические, энтомологические коллекции. Среди бурят Агинской степи К. Д. Логиновский собирал сказки, легенды, пословицы, загадки, сведения о шаманстве. Исследователи И. М. Буйвид и Н. А. Геллер проводили геологические и палеонтологические изыскания на левом берегу р. Витима. В результате были представлены весомые археологические, геологические, петрографические и другие коллекции.

Члены отделения участвовали в научных экспедициях, проводимых другими ведомствами. Например, К. Д. Логиновский был прикомандирован в качестве коллектора к Маньчжурской экспедиции князя Г. З. Андронникова. В результате он передал музею дендрологическую коллекцию маньчжурских древесных пород, зоологические материалы.

С первых лет своего существования музей активно принимал участие в выставках. Например, в 1896 г. на Всероссийскую промышленную и сельскохозяйственную выставку в Нижний Новгород было представлено около 394 коллекций и отдельных предметов [Отчет о деятельности…, 1896; с. 42].

Музей ЧОПОИРГО вызывал живой интерес у местного населения. Самыми активными посетителями музея были учащаяся молодежь и интеллигенция. Для гостей города музей открывали в любое время.

Таким образом, музей стал самым важным достижением Читинского отделения РГО, центром популяризации краеведческих исследований Забайкалья. Члены отделения активно занимались научными изысканиями. Коллекции, собранные музеем в то время, чудом уцелевшие в годы войн и революций, в настоящее время представляют научную ценность и вызывают активный интерес общественности.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор М. В. Константинов

Список литературы

Записки Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. III. – Чита : Тип. А. П. Бадмаев и К°, 1898. – 138 с.

Отчет Императорского Русского географического общества за 1898 г. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1899. – 227 с.

Отчет о деятельности Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1895. – Чита, 1896. – 46 с.

Отчет о деятельности Читинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1896. – Чита : Тип. А. П. Бадмаев и К°, 1897. – 46 с.

From the history of the museum department of the Chita Branch of the Priamursky department of the Imperial Russian Geographical Society in 1895–1896

M. I. Gantimurova

The activity of one of the museums is closely connected with the development of the Chita Branch of the Priamursky Department of the Imperial Russian Geographical Society. Since the moment of its foundation the museum evoked great interest of the public which was very vigorous to give over collector's items to the museum as well. Of great scientific interest and material value among the collections are the herbarium of Zabaikalsky flora, the petrographic collection, the items of Buddhist cult and the ethnographic collections of Oroch people, the gold samples. The museum had become the most important achievement of the Chita Branch of RGS, the centre of popularization of regional studies in Zabaikalye.

Keywords: Museum, collections, the system of moving catalogues, scientific expeditions.

Гантимурова Мария Ивановна
специалист научно-исследовательского отдела и использования документов, ГКУ «Государственный архив Забайкальского края»
e-mail: gantmary@yandex.ru

Gantimurova Mariya Ivanovna
specialist of scientific research department and use of documents, State Archive of Zabaikalsky Krai
e-mail: gantmary@yandex.ru

УДК 001.89: 904(571)

Вклад Д. Г. Савинова в изучение петроглифов на плитах тагарских курганов

А. А. Киркин
Кемеровский государственный университет, Кемерово

В тагарскую эпоху на территории Хакасско-Минусинской котловины появляются бесчисленные курганы, окружённые по периметру каменными плитами, ставшие характерной чертой степного пейзажа данного региона. Зачастую на плитах этих могильных и курганных конструкций имеются изображения. Иногда они наносились специально для данного погребения или курганной конструкции, и в этом случае рисунки являются частью погребального ритуала. В других случаях плиты с имеющимися на них петроглифами использовались как строительный материал – это могли быть как скальные блоки с ближайших местонахождений наскального искусства, так и плиты, взятые со святилищ или разрушенных могил предыдущих периодов [Миклашевич, 2011, с. 214]. Памятники такого рода привлекали внимание исследователей, начиная с XVIII в. Первоначально с различной степенью точности зарисовывались изображения на наземных курганных конструкциях (более подробно об изучении изображений на курганных плитах [Савинов, 1976; 1994, с. 124–125; Николаева, 1983; Миклашевич, 2011, с. 214–223 и др.]). Во второй половине XX в. объектами изучения стали изображения не только на наземных курганных камнях, но и на могильных плитах из раскопок [Миклашевич, 2011, с. 222]. В этом плане, несомненно, заслуживает внимание деятельность Д. Г. Савинова, внесшего огромный вклад в изучение изображений на плитах тагарских курганов.

Интерес Д. Г. Савинова к курганным рисункам формируется ещё в студенческие годы, во время работы в составе Туранского отряда Красноярской экспедиции (1963–1964 гг.), когда он в свободное от раскопок время осматривал многочисленные курганы на могильниках у горы Туран и копировал изображения на плитах оград [Бобров, 2011, с. 7]. Позднее эти и другие материалы были им опубликованы в статье «К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов» [Савинов, 1976].

С 1984 г. Д. Г. Савинов возглавляет группу новостроечных экспедиций Ленинградского отделения института археологии АН СССР, являясь начальником Средне-Енисейской археологической экспедиции и её головного Аскизского отряда. В ходе раскопок многочисленных разновременных памятников на юге Хакасии были получены новые материалы, в том числе плиты и стелы с изображениями, изменившие представления о древней истории и искусстве этого региона [Савинов, 1993; 1994; 1995; 2009 и др.].

В своих работах, посвященных анализу этого уникального археологического материала, помимо введения в научный оборот новых композиций и отдельных фигур, Д. Г. Савинов определяет методические принципы исследования изображений на курганных камнях, выделяет их хронологические группы, рассматривает вопросы семантики.

1. Основываясь на том, что для основной массы рисунков дата сооружения кургана служит нижней границей их бытования, исследователь применил разработанную классификацию «тагарских курганов с определением обязательного количества наземных плит для каждого этапа» для определения «даты сооружения кургана визуально, без археологических раскопок» [Савинов, 1976, с. 59].

2. По особенностям стиля и аналогиям в мелкой пластике Д. Г. Савиновым были выделены среди петроглифов на курганных плитах рисунки раннего этапа развития скифо-сибирского звериного стиля в Минусинской котловине, а также группы более поздних рисунков – сарагашенские, таштыкские, тюркские [Савинов, 1976, с. 61]. Внутри серии изображений подгорновского этапа тагарской культуры им были определены разные стилистические направления – «раннескифский», «реалистический», «орнаментальный» и «схематический» стили [Савинов, 1994]. Настоящим открытием стало выделение нового пласта в наскальном искусстве – тесинского – на основе анализа материалов раскопок могильника тесинского этапа Есино III [Савинов, 1995; 2009].

3. Учёный уделял внимание семантической интерпретации рисунков на курганных плитах. Считая, что одиночные фигуры расшифровать невозможно, Д. Г. Савинов особый интерес проявляет к многофигурным композициям, соотнося одни сцены с культом плодородия; другие связывая с символом отрицания, смерти; третьи с ритуальными действиями [Савинов, 1976, с. 59–72 и др.].

4. Несомненной заслугой Д. Г. Савинова является то, что в процессе раскопок памятников на юге Хакасии он приложил все усилия для сохранения этого богатейшего наследия. Благодаря его инициативе, часть плит была увезена в Ленинград, в камеральную лабораторию ЛОИА,

некоторые поступили в музеи. Около сотни плит было решено свезти в с. Полтаков, где после обращения Д. Г. Савинова к директору совхоза «Есинский» М. М. Карамчакову выделили место для их размещения, а несколько позднее открыли музей наскального искусства [Миклашевич, 2011, с. 224–226].

Таким образом, Д. Г. Савинов не только ввел в научный оборот целый корпус новых уникальных материалов, но и одним из первых приступил к всестороннему изучению изображений на курганных плитах, продемонстрировав важность данного источника для решения вопросов хронологии, атрибуции и семантики искусства региона и сопредельных территорий.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. Н. Мухарева

Список литературы:

Бобров В. В. Дмитрий Глебович Савинов – учёный и педагог / В. В. Бобров // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. – С. 6–10.

Миклашевич Е. А. Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) / Е. А. Миклашевич // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011. – С. 214–232.

Николаева Т. В. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры (методика и хронология) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. В. Николаева. – Кемерово, 1983. – 20 с.

Савинов Д. Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов: (По материалам могильников у горы Туран) / Д. Г. Савинов // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово : Изд-во КемГУ, 1976. – Вып. 8: Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – С. 52–72.

Савинов Д. Г. Изображения эпохи бронзы на плитах тагарских курганов юга Минусинской котловины / Д. Г. Савинов // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово : Изд-во КемГУ, 1993. – С. 61–73.

Савинов Д. Г. Развитие стиля изображений на плитах курганов тагарской культуры / Д. Г. Савинов // Памятники древнего и средневекового искусства. – СПб. : СПбГУ, 1994. – Вып. 3. – С. 123–136.

Савинов Д. Г. Тесинские «лабиринты» (по материалам могильника Есино III) / Д. Г. Савинов // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово : Изд-во КемГУ, 1995. – С. 22–32.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.) / Д. Г. Савинов. – СПб. : ЭлекСис, 2009. – 226 с.

The contribution of D. G. Savinova in the study of petroglyphs on the plates Tagar mounds

A. A. Kirkin

The theses examines the contribution of D. G. Savinov in the study of petroglyphs on the plates of Tagar mounds, analyzed according to the researches on stylistic analysis, chronology and semantics of burial patterns.

Keywords: D. G. Savinov, petroglyphs, stone slabs, Tagar mounds, history, stylistic analysis, semantics

Киркин Анатолий Александрович
студент 2-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: braziles27@rambler.ru

Kirkin Anatoly Aleksandrovich
student 2rd year, Kemerovo State University
e-mail: braziles27@rambler.ru

УДК 902(571.15)

Начальный этап формирования остеологических коллекций животных в Алтайском государственном университете*

М. Ю. Клименко

Алтайский государственный университет, Барнаул

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Как показывают археологические раскопки, костный материал является неотъемлемой частью многих памятников. В могильниках находят скелеты лошадей, захороненные вместе с умершим человеком, а на поселениях обычно встречаются фрагментированные костные остатки, что указывает на использование животных в пищу. Изучение всей совокупности таких находок позволяет не только реконструировать экологическую обстановку и систему жизнедеятельности разных социумов, но и получить разные зоологические сведения. Значимость костей возрастает при использовании современных методов.

На данный момент в Алтайском государственном университете (АлтГУ) имеются крупные остеологические коллекции, сформированные, главным образом, в ходе раскопок археологических памятников на территории Алтайского края и Республики Алтай. Поступали кости животных и из

других регионов Сибири. Все они хранятся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ.

Первые систематические раскопки на территории Алтая были предприняты экспедициями АлтГУ в середине 1970-х гг. Тогда же и началось формирование остеологического собрания. В Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области (ныне – Республика Алтай), близ с. Ело, были найдены и исследовались памятники афанасьевской культуры. Раскопками руководил В. А. Посредников. Работы там продолжались в течение нескольких лет. Остеологический комплекс был представлен небольшим количеством костных останков крупного рогатого скота.

С 1978 г. раскопки осуществлялись экспедициями под руководством Ю. Ф. Кирюшина. В ходе исследований памятников получено значительное количество остеологического материала. Костный материал выявлен в ходе изучения памятников на оз. Иткуль. Там, например, в могилах 4, 10, 15 энеолитического могильника Большой Мыс найдены резцы лошади, а на поселении Костенкова Избушка встречены кости лошади, крупного и мелкого рогатого скота и собаки (определения А. В. Гальченко и Т. В. Калашниковой). Были получены и определены кости представителей дикой фауны: медведь, лось, бобр, лиса, сурок, заяц. Согласно определениям А. В. Гальченко и Т. В. Калашниковой, был сделан вывод об охотничье-скотоводческом типе хозяйства энеолитического населения [Кирюшин, 2002].

Материал поступал и с памятников ранней бронзы. Из третьего горизонта поселения Костенкова Избушка (преобладают материалы елунинской культуры) удалось получить 664 фрагмента костей, из которых 229 оказались определимыми и принадлежали домашним животным: лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, собака. Поселения Коровья Пристань-II и Коровья Пристань-III также пополнили остеологические материалы. На поселении Коровья Пристань-II 10 костей принадлежали лошади (2 особи), шесть – лосю (2 особи) и пять – кулану (2 особи). На поселении Коровья Пристань-III определены 12 костей лошади (3 особи), 10 – лося (4 особи) и один целый скелет собаки [Кирюшин, 2002].

В 1980 г. проводились также работы на поселении Балыктыюль (Юго-Восточный Алтай). В ходе раскопок был получен костный материал, остеологический анализ которого провела Т. В. Калашникова. На основании этих данных был сделан вывод о существовании у «афанасьевцев» скотоводческо-охотничьего хозяйства [Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 66].

В 1980-е гг. на территории Алтая и Верхнего Приобья экспедиции Алтайского государственного университета проводят много археологических работ. Исследуется ряд древних и средневековых памятников. Определением костного материала занимался А. В. Гальченко, составивший представительную базу по раскопанным объектам. Среди них отметим поселение периода поздней древности (первая половина I тыс. н.э.) Майма-1, открытое Б. Х. Кадиковым в 1956 г. С конца 1970-х и в 1990-х гг. оно изучалось разными исследователями, в том числе под руководством М. Т. Абдулганеева, работы которого по изучению памятников (Фирсово, Точильное, Иткуль, Березовка и др.) сыграли немаловажную роль в формировании остеологического фонда. Определения костных остатков выполнил А. В. Гальченко. Анализ остеологии показал, что основная масса костей принадлежит домашним животным: крупному рогатому скоту, лошади и мелкому рогатому скоту. В процентном соотношении доминирует крупный рогатый скот. На втором месте лошадь. Мелкому рогатому скоту принадлежал меньший удельный вес. Также были выделены кости диких животных – лось, косуля, кабан, бобр, заяц [Абдулганеев, 1996].

В 1985 г. Н. Ю. Кунгуровой было открыто поселение Тыткескень-3 в долине р. Катунь рядом с устьем р. Тыткескень. Раскопочные работы проводились в 1988–1991 гг. экспедицией АлтГУ. Из всей остеологической коллекции, отнесенной к верхнему слою, полученной на поселении, остеологу А. В. Гальченко удалось определить до видовой принадлежности 729 фрагментов костей. Из них 26 % (187 фрагментов) принадлежали диким видам животных [Соенов, Константинов, 2014].

С середины 1980-х гг. коллекции пополнялись за счет проведения масштабных исследований экспедициями под руководством А. Б. Шамшина. Определением костных остатков также занимался А. В. Гальченко. На могильнике Рогозиха-1 были исследованы курганы, в которых был получен остеологический материал, состоящий из отдельных костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 189–193]. Представительные остеологические коллекции были собраны в ходе последующих экспедиций. Существенный материал был накоплен в ходе работы Кулундинской экспедиции под руководством А. Б. Шамшина, проводившей раскопки памятников Константиновка I, II, III, Смирненькое 1 и др. [Шамшин, 1989]. В дальнейшем основная часть остеологии происходила из памятников Рублевского археологического микрорайона и других комплексов Верхнего Приобья.

Археологические раскопки в 1970-х – 1980-х гг. в Алтайском крае обеспечили материалами фонды Алтайского госуниверситета. И в настоящее время продолжается пополнение новыми многочисленными материалами [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011 и др.]. Сегодняшней главной задачей является комплексный подход к изучению

остеологии. Именно костные остатки могут рассказать о становлении и развитии производящего хозяйства древнего населения.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А. А. Тишкин

Список литературы

Абдулганеев М. Т. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая / М. Т. Абдулганеев, Ю. Ф. Кирюшин, Б. Х. Кадиков // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 66.

Абдулганеев М. Т. О хозяйстве населения лесостепного и предгорного Алтая в скифское время / М. Т. Абдулганеев // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С. 145–153.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири / Ю. Ф. Кирюшин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю. Ф. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи / Ю. Ф. Кирюшин, А. М. Малолетко, А. А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Т. I. – 288 с.

Кирюшин Ю. Ф. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи / Ю. Ф. Кирюшин, С. П. Грушин, А. А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. II. – 171 с.

Соенов В. И. Охотничья деятельность населения Алтая в I тыс. н.э. / В. И. Соенов, Н. А. Константинов. – Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014. – 310 с.

Уманский А. П. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби / А. П. Уманский, А. Б. Шамшин, П. И. Шульга. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с.

Шамшин А. Б. Отчет об археологических исследованиях Приобской и Предгорной археологических экспедиций летом 1987 г. в Алтайском крае. / А. Б. Шамшин // Архив Института археологии АН СССР. Р. I. № 13200. – Барнаул, 1989.

The initial stage of the formation of skeletal collections of animals in Altai State University

M. Yu. Klimenko

Modern archaeological research includes various complex analyzes of materials obtained during the excavations. Among them is the comprehensive study of the skeletal remains, which allows reconstructing many aspects of life of ancient and medieval societies. In the Altai State University there are skeletal collections of animals, which initial stage of formation is accounted for the 2nd half of the 1970s and 1980s. With the introduction of new methods of natural science the research capacity increases significantly.

Keywords: Altai, Upper Ob, archaeological sites, excavation, fossil remains, museum, skeletal collections of animals, farming.

Клименко Михаил Юрьевич
магистрант 1-го года обучения,
Алтайский государственный университет;
лаборант-исследователь, Лаборатория междисциплинарного изучения Западной Сибири и Алтая
e-mail: mikhailk99@gmail.com

Klimenko Mikhail Ur'evich
graduate student 1st year, Altai State University;
assistant researcher, Laboratory of interdisciplinary study of Western Siberia and Altai
e-mail: mikhailk99@gmail.com

УДК 908

Международные связи Красноярского музея 1889–1930 гг.: археология и этнография

Е. И. Кочкина

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск

Красноярский городской музей с момента основания (1889 г.) уделял внимание развитию международных связей, у сотрудников складывались особые отношения в области археолого-этнографических контактов с зарубежными учеными.

Международное сотрудничество Красноярского музея началось незадолго после его открытия. В 1892 г. в Москве проходил Международный антропологический конгресс, куда были приглашены близкие музею ученые – И. Т. Савенков и А. С. Еленев, отправивших коллекции Бюрюсинских пещер и стоянки Бирюса для демонстрации [Вдовин, Макаров, 2009, с. 345].

Французский археолог Жозеф де Бай поддержал И. Т. Савенкова и продолжил сотрудничество с учеными, посетив Красноярск в 1896 и 1897 гг. Ознакомившись с коллекциями Красноярского городского музея, барон дал ему высокую оценку [К истории красноярской археологии…, 2010, с. 108]. Вице-губернатор Красноярска Приклонский передал де Баю древние бронзовые предметы Восточной Сибири. Впоследствии эти материалы, с собственными сборами де Бая, экспонировались в музее Естественной истории в Париже [Вдовин, Макаров, 2011, с. 58–59].

В начале XX в. Городской музей начал обрастать обширной сетью зарубежных контактов. В деле об издательстве, выписке и покупке книг за 1903 г. содержится список учреждений, из которых на археологии и этнографии специализировались: Берлинский этнографический музей,

Венгерский национальный музей, Копенгагенский музей Северных древностей, Лейпцигский этнографический музей, Угро-финское ученое общество в Гельсингфорсе, Финляндское археологическое общество [ГАКК. Ф. 217. О. 1. Д. 29а. Л. 27].

Из Австрии в 1910 г. велась переписка с этнографом и антропологом Ф. Я. Коном, сообщавшим о получении красноярских материалов для обработки и размещении их в изданиях [ГАКК. Ф. 217. О. 1. Д. 68. Л. 16].

Часто приезжающие иностранные ученые отправлялись в Городской музей – центр науки и культуры Красноярска, чтобы ознакомиться с накопленными материалами и собрать информацию для своих трудов.

Норвежский путешественник Фритьоф Нансен, посетивший в 1913 г. Красноярск, был в местном музее. Большой интерес и отклик исследователя нашли этнографические «коллекции, касающиеся енисейских остяков, тунгусов, самоедов и других» [Нансен, 1915, с. 275].

Через год музей встречал английского этнографа Марию Антонину Чаплицка, которая была руководителем экспедиции Оксфордского университета в 1914–1915 гг. Ее спутниками были орнитолог Мауд Хавиланд, художница Дора Кёртис и американский антрополог Генри Ушер Холл. Ученые несколько раз были в Красноярске, ознакомились с местным музеем и интересующей их этнографической коллекцией [Клиценко, 2014].

В июне 1915 г. прибыл финский археолог Арне Михаэль Тальгрен. Сотрудники музея встретили его на пути в Минусинск и познакомили с коллекциями. После отъезда ученый переписывался с красноярскими коллегами: А. Я. Тугариновым, С. М. Сергеевым, Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским, В. Г. Карцовым, В. А. Даниловым [Вдовин, Кузьминых, 2006; Кузьминых, Вдовин, 2007]. В Финляндии с 1870-х гг. создавался финно-угорский Центральный музей, и русские контакты были важны для приобретения коллекций.

Наиболее продуктивным периодом международного сотрудничества музея стало время пребывания А. Я. Тугаринова в должности консерватора [Детлова, 2011, с. 93]. В 1914 г. он поехал за границу, где осмотрел известные достопримечательности Варшавы, Берлина, Лондона, Брюсселя, Парижа и других городов Европы. Сам он активно занимался археологией и этнографией, поэтому нередко обращался к иностранным ученым для определения коллекции, а в годы Первой мировой войны привлек к работе в музее военнопленных: немцы Иосиф Иосифович Водрацка, Ганс Пангерл, Геро Вальтарович Мергарт, венгр Франц Францевич Душ. Особое место в истории музея занимает Геро фон Мергарт. В Красноярском музее он работал с 1919 г. по 1921 г., результатом стало пополнение, реставрация и систематизация археологических коллекций музея, разработка перспективной программы археологического изучения Приенисейского края и т. д. [Детлова, 2009, с. 243].

Сотрудничество с эмигрантом в США Л. В. Тульпа предоставило возможность публиковать работы сотрудников музея, в частности по археологии и этнографии, в американском издании «Географический журнал» [ГАКК. Ф. р-1380. О.1. Д. 40. Л. 20].

В 1924 г. Н. К. Ауэрбах получил письмо из Америки от археолога Варнера, который интересовался, разрешат ли ему экспедицию в Минусинский край. А в 1925 г. в «Сибирских огнях» Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский публикуют обзор новой иностранной литературы по доистории [Кузьминых, Вдовин, 2010, с. 48].

Одним из последних ученых, посетивших музей в исследуемый период, стал немецкий этнограф Ганс Финдайзен. В 1927–1928 гг. он проводил исследования на севере края и был в Красноярске, где имел возможность познакомиться с коллекциями местного музея [Детлова, 2009, с. 244].

Связи с археологами и этнографами осуществлялись путем визита зарубежных ученых, поездок сотрудников музея за границу, переписки, обменом научной литературой и материалами. Сегодня Енисейские древности хранятся в музеях Вашингтона, Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Будапешта, Осло, Стокгольма, Хельсинки и др. [К истории красноярской археологии…, 2010, с. 106].

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. С. Вдовин

Список литературы

Вдовин А. С. Сергей Михайлович Сергеев (1879–1947): начало научной деятельности / А. С. Вдовин, С. В. Кузьминых // Археология Южной Сибири.. – Кемерово: Летопись, 2006. – Вып. 24. – С. 168–174.

Вдовин А. С. Еленев А. С. Материалы к биографии. Красноярский период. / А. С. Вдовин, Н. П. Макаров // Енисейская провинция. – Красноярск, 2009. – № 4. – С. 341–347.

Вдовин А. С. Утраченные археологические коллекции Красноярского музея / А. С. Вдовин, Н. П. Макаров // Второй век подвижничества. – Красноярск, 2011. – С. 58–59.

ГАКК. Ф. 217. О. 1. Д. 29а. Л. 12.

ГАКК. Ф. 217. О. 1. Д. 68. Л. 16.

ГАКК. Ф. р-1380. О. 1. Д. 40. Л. 20.

Детлова Е. В. Об опыте международной деятельности в Красноярском краевом краеведческом музее / Е. В. Детлова // Красноярский край. Прошлое, настоящее, будущее. – Красноярск : КГПУ, 2009. – Т 2. – С. 243–244.

Детлова Е. В. «Глава и вождь» музейного дела в Красноярске / Е. В. Детлова // Аркадию Яковлевичу Тугаринову посвящается. – Красноярск, 2011. – С. 92–128.

К истории красноярской археологии: международные связи / А. С. Вдовин, Е. В. Детлова, С. В. Кузьминых, Н. П. Макаров // Енисейская провинция. – Красноярск, 2010. – Вып. 5. – С. 107.

Клиценко Ю. В. Один год в Сибири: к 100-летию енисейской экспедиции Марии Чаплицкой [Электронный ресурс] – 2014 – URL: // http://zaimka.ru/klitsenko-czaplicka/ (дата обращения: 28. 11.14).

Кузьминых С. В. К истории археологической коллекции И. П. Товостина / С. В. Кузьминых, А. С. Вдовин // Енисейская провинция. – Красноярск, 2007. – Вып. 3. – С. 88–91.

Кузьминых С. В. В. А. Городцов и Е. А. Гольмшток: к истории советско-американских связей в области археологии в 1920–30-е годы / С. В. Кузьминых, А. С. Вдовин // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. – Рязань : РИАМЗ, 2010. – С. 48–55.

Нансен Ф. В страну будущего. Великий северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / Ф. Нансен // Склад при Конторе изданий Товарищества А. Ф. Маркса. – Петроград, 1915. – 561 с.

International relations of the Krasnoyarsk Museum in 1889–1930: archeology and ethnography

E. I. Kochkina

Article is devoted to the development of international relations of the Krasnoyarsk Museum of Archaeology and Ethnography in the field. They contributed to the spread of science in the region and introduced foreign scientists to the activities of the museum. This is an important factor in the development of the museum.

Keywords: International relations museums, foreign scientists, archaeology, ethnography, exchange of literature.

Кочкина Елена Игоревна
студент 5-го курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
e-mail: lena.k.elena@mail.ru

Kochkina Elena Igorevna
student 5th year, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
e-mail: lena.k.elena@mail.ru

УДК 378:902 (571.54/55)

Усть-Мензенский археологический комплекс – полигон для научно-исследовательской деятельности забайкальской молодежи

И. С. Кузнецов, С. В. Маслодудо
Забайкальский государственный университет, Чита

На протяжении более трех десятков лет Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного университета ведутся планомерные широкомасштабные работы на Усть-Мензенском археологическом комплексе.

Комплекс расположен в Красночикойском районе Забайкальского края, в урочище Усть-Менза, при впадении р. Мензы в р. Чикой. Урочище Усть-Менза с северо-востока обрамлено р. Воровской (приток р. Чикой), с северо-запада – р. Чикой, с юго-запада – р. Мензой, с юго-востока – горным хребтом с вершинами Крестовая и Крестьянская. Свободное пространство занимают террасовые уровни р. Мензы и р.Чикоя, при этом прослеживаются террасы с I по VI, от 6 до 40 м высотой, сопряженные со склонами.

Ландшафт Усть-Мензы – горно-таежный, но подвергшийся антропогенным изменениям за счет распашки, занявшей, в основном, поверхность II террасы и террасоувала (уровни III–VI террас). Распашка террасоувала прекратилась в 1930-х гг., сейчас он покрыт смешанным лесом. Распашка II террасы происходила до 1984 г., на сегодняшний день её поверхность поросла сосновым лесом.

Первые археологические разведки на Усть-Мензе проведены Чикойской археологической экспедицией Читинского пединститута (ныне ЗабГУ) в 1980–1981 гг. В дальнейшем исследования проводились ежегодно до 1992 г. включительно, затем в 1995 г. и возобновлены в 2003 г. За это время открыты и частично раскопаны пятнадцать археологических объектов:

Усть-Менза-1 – 25 культурных горизонтов, верхний палеолит–средневековье;

Усть-Менза-2 – 31 культурный горизонт, верхний палеолит–бронза;

Усть-Менза-3 – 7 культурных горизонтов, верхний палеолит–бронза;

Усть-Менза-4 – 3 культурных горизонта, верхний палеолит–бронза;

Усть-Менза-5 – 9 культурных горизонтов, мустье–бронза;

Усть-Менза-6 (Груздевой сбор) – 3 культурных горизонта, верхний палеолит–бронза;

Усть-Менза-7 (Овражный край) – 2 культурных горизонта, бронза;

Усть-Менза-8 (Песчаная тропа) – 2 культурных горизонта, верхний палеолит–ранний мезолит;

Усть-Менза-9 (Крапивный мыс) – 4 культурных горизонта, неолит–бронза;

Усть-Менза-10 (Полевой бугор) – 5 культурных горизонтов, верхний палеолит;

Усть-Менза-11 (Кабаний Ключ) – подъемный палеолитический материал;

Усть-Менза-12 (Звериный ход) – 1 культурный горизонт, бронза;

Усть-Менза-13 (Увалистая) – 4 культурных горизонта, верхний палеолит–бронза;

Усть-Менза-14 (Лагерная) – 1 культурный горизонт, верхний палеолит.

Усть-Менза-15 (Кедровая) – 3 культурных горизонта, мустье–верхний палеолит.

Раскопками на поселениях комплекса руководили М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Семина (Екимова), И. И. Разгильдеева, С. Б. Верещагин.

В культурных горизонтах поселений комплекса изучены остатки одинарных и сложносоставных жилищ эпохи верхнего палеолита, мезолита, найдены самые древние в регионе наконечники стрел, относящиеся к раннему мезолиту. На основе археологических материалов поселений Усть-Мензы впервые в Забайкалье выделено мустье, обосновано разделение неолита на 3, а бронзы – на 2 этапа. В пределах раскопов на объектах комплекса выявлена также серия погребений, в том числе одно из древнейших в Забайкалье [Усть-Менза, 2011, с. 302].

Поселенческие объекты комплекса демонстрировались в разное время участникам Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986 г.), международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (2003 г.), международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (2013 г.).

С 1982 г. на территории комплекса организуются полевые лагеря для студентов и школьников образовательных учреждений Забайкальского края.

Последние годы основной состав экспедиционных лагерей составляют студенты исторического профиля, занимающиеся научно-исследовательской и учебно-исследовательской (студенты-практиканты) деятельностью.

В настоящее время территория комплекса пригодна для проведения не только стационарных археологических работ, но и для осуществления научно-исследовательских мероприятий, полевых практик студентами других специальностей (география, геология, биология, экология, педагогика). В 2015 г. на Усть-Мензе планируется организация Краевого археологического лагеря для школьников.

Ежегодно для участников полевых лагерей проводятся специализированные семинары, мастер-классы по истории, археологии, этнографии, трасологии, геологии. Организуются обзорные экскурсии по музеям, историческим поселениям, этнографическим объектам Красночикойского района Забайкальского края и Республики Бурятия. Данные маршруты могут быть также использованы для привлечения различных молодёжных туристических групп, не связанных с научно-исследовательскими работами на Усть-Мензинском археологическом комплексе.

Основным видом деятельности в археологических лагерях являются раскопки, требующие от участников физических работ и интеллектуальных затрат. Многолетняя практика показала, что в полевых условиях процессы накопления знаний и оздоровления организма могут удачно совмещаться. Также молодые исследователи приобретают бесценный археологический опыт, навыки ведения быта и хозяйства в полевых условиях, получают эстетическое удовольствие от природы, окружающей социальной среды.

Таким образом, мы считаем, что Усть-Мензенский археологический комплекс можно отнести к своеобразному «учебно-образовательному полигону» и применять его потенциал в организации масштабных образовательных, научных, туристических и прочих молодёжных мероприятий российского и международного уровня.

Научный руководитель – С. Б. Верещагин

Список литературы

Усть-Менза / М. В. Константинов, А. В. Константинов, Л. В. Екимова, И. И. Разгильдеева // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск : Наука, 2011. – С. 302–306.

Ust-Menza archaeological complex is a ground for scientific work of the youth of Zabaikalye

I. S. Kuznetsov, S. V. Maslodudo

The article is devoted to the questions of explotation of the territory of archaeological complex Ust-Menza (Krasnii Chikoi region, Zabaikalsky Krai) as an educational ground for organizing scientific, tourist, educational, and other events for youth on the state and regional levels.

Keywords: archaeological complex, field camp, scientific and research work, educational ground.

Кузнецов Игорь Сергеевич
магистрант 1-го года обучения, Забайкальский государственный университет
e-mail: npomuseumzgu@mail.ru

Маслодудо Сергей Владимирович
магистрант 1-го года обучения, Забайкальский государственный университет
e-mail: npomuseumzgu@mail.ru

Kuznetsov Igor Sergeevich
graduate student 1st year,
Zabaikalsky State University
e-mail: npomuseumzgu@mail.ru

Maslodudo Sergey Vladimirovich
graduate student 1st year,
Zabaikalsky State University
e-mail: npomuseumzgu@mail.ru

УДК 902.01

Визуализация пространства раскопа как инструмент планиграфического анализа

Ю. В. Кутас
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

Традиционная форма представления результатов археологических раскопок имеет ряд недостатков, затрудняющих анализ материала. Разнообразие способов отображения полевых археологических данных лишает их наглядности, что определяет сложность визуального представления структуры памятника в целом [Груздев, 2010, с. 237]. Поэтому, на наш взгляд, разработка новых форм представления данных, полученных при раскопках, является сегодня актуальной. Широкие возможности дает в этом смысле применение трехмерного моделирования, которое в течение последних десятилетий внедряется в археологию. В данной работе описан метод трехмерной визуализации первичных данных, полученных при раскопках

Построение модели осуществляется на базе программ Microsoft Office Excel, Autodesk 3ds Max и Paint.NET. Выбор программного обеспечения был продиктован несколькими соображениями – этот софт хорошо известен, он не требует специальных навыков, легок в использовании. Поскольку эти программы постоянно обновляются, на их жизнеспособность не влияют изменения операционных систем, усовершенствования оборудования и прочие новшества компьютерных технологий. А значит, созданные с их помощью модели могут использоваться в течение многих лет. Немаловажным преимуществом является и то, что данные, полученные с помощью Microsoft Office Excel и Autodesk 3ds Max, импортируются в другие программы.

Трехмерная модель включает в себя две составляющие: находки и структуры культурного слоя. Первые вводятся в модель с помощью таблицы данных Excel и скрипта (программы, содержащей набор инструкций для некоторых приложений или утилит), что позволяет автоматизировать процесс отображения находок. Эта часть работы описана в статье «Визуализация расположения археологических находок в трехмерных компьютерных моделях» [Визуализация расположения…, 2005]. Затем визуализируются структуры культурного слоя.

На первом этапе работы в таблице Excel создается база данных, в которую по столбцам вносятся наименование находки, цифровое обозначение примитива, т. е. простого трехмерного объекта, готового к размещению в сцене 3ds Max, который будет отображать данный тип артефактов. Следующие шесть столбцов содержат координаты артефактов и их размеры. Далее в столбцы заносится ориентация залегания находки в слое, т. е. угол ее поворота относительно каждой из осей координат в градусах. Как отмечается в работе «Визуализация расположения археологических находок в трехмерных компьютерных моделях», «все три угла меряются против часовой стрелки в плоскости перпендикулярной каждой их осей координат по длинной оси находки. Первая – горизонтальная ориентация, затем две вертикальных. Горизонтальная ориентация – угол, который измеряется в горизонтальной плоскости с помощью азимутального кольца горного компаса. Две вертикальные ориентации измеряются в вертикальных плоскостях с помощью эклиметра горного компаса по шкале отвеса» [Визуализация расположения…, 2005]. Наконец, последние три столбца – это цвет находок в системе Red Green Blue, сюда вписываются числа от 0 до 255. В итоге, каждый тип находок будет иметь собственную форму и цвет. Чтобы сократить время и ресурсы компьютера, были выбраны стандартные примитивы 3ds Max, которые не передают информацию об особенностях форм каждой находки. Хотя при желании исследователь может вручную нарисовать необходимые ему формы.

Далее в пространство модели вводятся структуры культурного слоя. В качестве исходной информации используется набор планиграфических срезов культурного слоя памятника. Они сканируются и обрабатываются в графическом редакторе (в данном случае – Paint.NET) следующим образом: объекты обводятся по контуру и заливаются, фон преобразуется в прозрачный. Полученные изображения можно конвертировать в качестве текстур в 3ds Max. Текстура – это растровое изображение, накладываемое на поверхность полигона для придания ей цвета, окраски или иллюзии рельефа. Для визуализации горизонтов (с учетом масштаба чертежей) в 3ds Max создаются расположенные друг над другом примитивы Plane («плоскость»), на них накладываются подготовленные текстуры [Стиренко, 2008, с. 423]. Вдоль границ объектов производится расстановка узловых точек. Затем точки программно связываются между собой. Заключительным этапом является формирование пространственного образа объекта за счет построения поверхностей, связывающих точки на всех построенных контурах.

Полученная трехмерная модель включает в себя пространственно-упорядоченный набор объектов, геометрические параметры и взаимное

расположение которых отражают соответствующие параметры слоя археологического памятника [Груздев, Журбин, 2002, с. 112]. Ее использование дает ряд преимуществ. Во-первых, полученное изображение отличается высокой наглядностью, позволяет анализировать структурную (скрытую) информацию, выраженную во взаимном расположении элементов культурного слоя. Во-вторых, используя пространственно-временную привязку совокупности археологических объектов, исследователь получает возможность изучать планировку памятника в различные хронологические периоды. Также решается задача выделения отдельных археологических комплексов и структурных элементов памятника путем формирования тематических групп разнородных археологических объектов, существовавших синхронно.

От других способов визуализации первичных археологических данных этот метод выгодно отличается тем, что для него не требуется изменять методику ведения раскопок, как это необходимо, например, при применении стереофотограмметрии. Таким образом, метод можно применять и для анализа уже раскопанных памятников.

В перспективе возможно усовершенствование метода путем создания скрипта для отображения структур культурного слоя, что ускорит процесс создания модели и повысит точность визуализации.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Т. А. Горбунова

Список литературы

Груздев Д. В. Алгоритм и технология визуализации пространственной модели археологических объектов / Д. В. Груздев // Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций. – М.; Барнаул; Томск : Изд-во МГУ, 2010. – С. 237–249.

Груздев Д. В. Компьютерное моделирование археологических объектов: методика и технология создания пространственной модели / Д. В. Груздев, И. В. Журбин // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». – 2002. – № 29. – С. 112–122.

Визуализация расположения археологических находок в трехмерных компьютерных моделях / А. В. Постнов, И. С. Черников, В. М. Ружелович, Т. А. Горбунова // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – 2005. – Вып. 9. – С. 62–79.

Стиренко А. С. 3ds Max 2009 / А. С. Стиренко. – М. : МДК Пресс, 2008. – 544 с.

Rendering of excavation area like toll spatial analysis

Yu. V. Kutas

This work describes the method of 3D rendering raw data, derived from excavations. A 3D pattern represents an arrangement of findings in an excavation area and a structural feature.

Keywords: Renderind, Autodesk 3ds Max, Artifact distribution analysis, 3D modeling , Virtual 3-D Reconstruction.

Кутас Юлия Витальевна
студент 2-го курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: cutasu@gmail.com

Kutas Yulia Vital'evna
student 2nd year, Omsk State University n.a. F. M. Dostoevskiy
e-mail: cutasu@gmail.com

УДК 903.21

История археологического изучения Центральной Азии в начале XX в. (по материалам экспедиций А. Стейна, С. Хедина, Р. Ч. Эндрюса)*

Д. О. Никулин
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск
*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045)

Археологические коллекции, собранные Китайско-Шведской экспедицией Свена Хедина (1927–1935 гг.) и Центрально-Азиатской экспедицией Р. Ч. Эндрюса (1922–1930 гг.), составили в первой трети XX в. основу знаний о доисторическом прошлом Монголии. Всего Китайско-Шведской экспедицией было открыто 327 малых и больших памятников, с которых экспедиция забрала около 50 000 объектов. Находки экспедиции Р. Ч. Эндрюса (1884–1960 гг.) дали богатый палеолитический материал. В пустыне Гоби и пограничных регионах были зафиксированы остатки нескольких культурных горизонтов [Berkey, Nelson, 1926, p. 11]. Но еще до этого археологические исследования проводил здесь М. А. Стейн.

Результатом экспедиций были кардинально новые на тот момент данные. Целью данной работы является рассмотрение некоторых работ указанных исследователей и анализ специфики найденного ими материала.

Артефакты верхнего палеолита найдены экспедицией Р. Ч. Эндрюса [Berkey, Nelson, 1926, p. 11] только в Орок Норе. Другой вероятный археологический объект обнаружен между Улан-Нором и Арц Богдо; его идентификация затруднена, поскольку регион был источником сырья и позже. Инвентарь включает чопперы, продолговатые примитивные отщепы, двойные концевые скребки ориньякского типа, незаконченные формы.

Мезолит предоставляет комбинацию «гобийских» особенностей. Н. Нельсон, археолог экспедиции Р. Ч. Эндрюса, выделяет шабаракскую культуру. По стратиграфической позиции она донеолитическая; артефакты имеют сходство с азильской кремневой индустрией западной Европы. Инвентарь включает отбойники, нуклеусы (грубые и тонкие), отщепы разнообразной формы, сверла, концевые скребки, дисковидные бусины.

Неолитическая **с**тадия развилась из предшествующей мезолитической шабаракской культуры, но географические рамки неолита намного шире. Выделяются отбойники, шлифовальные камни, зернотёрки, ступки, кельты, тесла, фрагменты керамики серого и кирпично-красного цвета.

Были проведены разведки вдоль р. Янцзы в Хубэй и Сычуане и в центральной Юньнани. В Юньнани найдены отщепы и шлифованные изделия, обычно ассоциируемые с культурами, в составе которых есть глиняная посуда. У р. Янцзы также был найден неолитический материал.

Был открыт неолитический памятник Лунь Кай. На нём было найдено 200 артефактов. Примерно 75 из них были отщепами с ретушью и без. В составе инвентаря присутствуют также отбойники, топоры, долота, скребки, зернотёрка и точило, лезвие нефритового топорика.

По мнению главного археолога экспедиции С. Хедина, Ф. Бергмана, неолитическая орнаментированная керамика проникла в Центральную Азию вместе с оседлым населением с территории Ближнего Востока, и процесс был постепенным; Синьцзян же был транзитной областью. Центр орнаментированной керамики в Синьцзяне находился в Турфанском бассейне [Bergman, 1939, p. 26].

Материал Синьцзяна, наряду с объектами из Монголии, Ф. Бергман относит к гобийской культуре, созданной номадами.

Эпоха металла. В материалах Р. Ч. Эндрюса фаза представлена монументальными остатками и наскальными рисунками. "Монументы" состояли из прямоугольных и круглых каменных оград. Встречались пирамиды или конические кучи камней. Большинство из них в какое-то время являлись захоронениями. Была вскрыта могила, в которой были найдены деревянная чаша, седло, лук и колчан со стрелами, ткань и кости. Н. Нельсон предполагает, что культура происходит из бассейна Енисея [Berkey, Nelson, 1926, p. 16].

Наскальные рисунки представляют собой изображения людей, верблюдов, лошадей и крупного рогатого скота, оленя, антилопы, горного козла и горных баранов. По мнению Н. Нельсона, авторы рисунков использовали лук и стрелы и одомашнили лошадь, а их культура основывалась на древесине и металле.

Во время экспедиции С. Хедина (1865–1952 гг.) в Лобнор в 1899–1902 гг. были обнаружены городища Карадун и Дандан-Уйлык. Важнейшей находкой является городище Лоулань, имевшее большое значение в регионе на рубеже эр. Позднее раскопки городища проводил А. Стейн. Ему удалось восстановить план построек; были найдены документы на шёлке, папирусе и деревянных дощечках.

Первичные захоронения в регионе, исследованные экспедицией 1927–1935 гг., в большинстве случаев состояли из одного погребения. В случае угрозы наводнения или ветровой эрозии тела переправлялись на вершины столовых гор. Датируются они 100 г. до н.э. – 300 г. н.э. Наиболее яркий погребальный комплекс – «некрополь Ёрдека» (Сяохэ) [Bergman, 1939, p. 61].

На основе положения руин, могильников и разбросанных находок Ф. Бергман выделяет три группы [Bergman, 1939, p. 159]:

Первая – вокруг нынешней дельты Кум-Дарьи содержится много развалин и основная часть могил.

Вторая группа состоит из руин, расположенных на юге и вблизи северного берега Каракошуна.

Третью группу образуют погребения, обнаруженные в западной части пустыни Лоб.

В результате раскопок Ауреля Стейна (1862–1943 гг.) в Нии во время его второй центральноазиатской экспедиции 1906–1908 гг. были получены предметы домашнего обихода, текстильные материалы, документы на китайском и на кхароштхи. В одном из помещений, признанном А. Стейном служебным [Stein, 1921, p. 226], был обнаружен архив с документами. Изображения на печатях свидетельствовали об эллинистическом влиянии. А. Стейн предполагает, что поселение было земледельческим, заброшенным в III в. н.э. из-за неспособности Китая поддерживать западные регионы. Не заселили его заново из-за отсутствия воды [Stein, 1921, p. 246].

В пещерных храмах Дуньхуана Стейном были обнаружены важные документы и настенная живопись, произошедшая из Индии и подвергшаяся центральноазиатскому и танскому влиянию. Некоторые пещеры датированы IV–V вв., большинство остальных – IX–X вв. Были обнаружены картины на шёлке, папирусе, изображавшие Будду, бодхисаттв, буддистский рай [Кочергина, 1984, с. 193].

В Хадалыкских развалинах, датируемых им концом VIII в. н.э., были обнаружены фрагменты лепных украшений, фрески, памятники с надписями на китайском, хотанском и тибетском языках и монеты [Stein, 1921, p. 164].

В Миране им были найдены тибетские документы IX–X вв. Была обнаружена и ранняя тюркская руническая письменность. Здесь же А. Стейн обнаружил древнейшую в Восточном Туркестане настенную живопись, также со следами эллинистического влияния [Stein, 1921, p. 494].

Восточнее он нашел остатки пограничных постов – продолжение Великой китайской стены. Было найдено около 2 000 китайских документов середины II в. Были обнаружены раннесогдийские письма и документы на брахми. А. Стейн приходит к выводу, что Миран и Лоулань стояли на важном китайском торговом пути на запад, соединяя Тарим и Дуньхуан. Это подтверждается и письменными источниками [Stein, 1909, p. 30].

Таким образом, основываясь на изучении работ указанных авторов, можно сделать следующие выводы:

– только Р. Ч. Эндрюс нашел значительный палеолитический материал;

– А. Стейн работал в основном с памятниками искусства и поселениями;

– Ф. Бергман работал в основном с погребениями;

– экспедиции С. Хедина и Р. Ч. Эндрюса нашли богатый неолитический материал.

Научный руководитель – канд. ист. наук
Т. И. Нохрина

Список литературы

Bergman Folke. Archaeological Researches in Sinkiang. Especially in the Lop-Nor Region / Folke Bergman. – Thule, Stockholm, 1939. – 258 p.

Berkey Charles P. Geology and prehistoric archaeology of Gobi Desert / Charles P. Berkey, N. C. Nelson // American Museum Novitates. – 1926. – N 222. – P. 11–14.

Stein A. Exploration in Central Asia, 1906–1908 / A. Stein // The Geographical J. – 1909. – N 34. – P. 5–36.

Stein A. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China / Aurel Stein – Oxford : Clarendon Press, 1921. – Vol. 1. – 547 p.

Кочергина Н. П. Аурел Стейн и его исследования Восточного Туркестана / Н. П. Кочергина // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. – М. : Наука, 1984. – С. 188–200.

The history of archaeological research of Central Asia in the beginning of XX century (based on materials of the expeditions by A. Stein, S. Hedin, R. C. Andrews)

D. O. Nikulin

Collection of prehistoric remains, collected in Inner Mongolia by the Sino-Swedish expedition led by Sven Hedin (1927–1935) and in Outer Mongolia by the Central Asian expedition led by Roy C. Andrews (1922–1930) constituted the base knowledge of the prehistoric past of Mongolia in the first third of the XX century. But even before that some archaeological research was conducted here by M. A. Stein. The findings were radically new at the time. The purpose of this paper is to review some of the work of the researchers and to analyze the specificity of the discovered materials.

Keywords: Stein, Andrews, Hedin, archaeology, Mongolia, Sinkiang, Neolithic, Bergman, art, Bergman

Никулин Даниил Олегович
магистрант 2-го года обучения
Новосибирский государственный университет
e-mail: nikdanya@mail.ru

Nikulin Daniil Olegovich
graduate student 2nd year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: nikdanya@mail.ru

УДК 902

Начало изучения памятников археологии Усть-Абаканского района Республики Хакасия

А. С. Новикова
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан

Усть-Абаканский район Республики Хакасия (площадь 8,8 тыс. кв. км) занимает ее центральную часть. Здесь хорошо представлены степной, лесостепной, подтаежный и горно-таежный ландшафты.

История изучения археологических памятников Усть-Абаканского района неразрывно связана с изучением памятников археологии Хакасии и Южной Сибири в целом. Их исследование уходит своими корнями в XVIII в. С присоединением Южной Сибири к России проявился интерес к археологическим памятникам долины Среднего Енисея, в первую очередь, к древним курганам, которых на этой территории множество. Этот интерес сказался двояко. В первую очередь курганы стали раскапывать с целью их разграбления, так как в могилах нередко встречались золотые и серебряные изделия, что и породило промысел «бугровщиков» (от слова «бугор» – так называли курганы, их возвышающиеся земляные насыпи) – то, что ныне называют «черной археологией». Для борьбы с этим явлением в 1718 г.

Петр I издал первое правительственное распоряжение по охране археологических памятников Сибири, по которому «жестоко запрещались» грабительские раскопки [Кызласов, 1962, с. 46]. Бугровщиков ловили, жестоко наказывали, но промысел не исчезал.

Следующими шагом Петра I стало собирание древних вещей, найденных в Сибири – в 1718 г. издаются еще два указа: «Ежели кто найдет в земле или в воде какие старые вещи… тако же бы приносили, за что будет довольная дача, смотря по вещи» [Кызласов, 1962, с. 48]. Вторым указом предписывалось не только собирать древние вещи, но и, «где найдутся такие, всему делать чертежи, как что найдут» [Кызласов, 1962, с. 46].

На XVIII в. приходится и начало изучения территории Усть-Абаканского района первыми научными экспедициями, поскольку по его просторам пролегал наиболее удобный и короткий путь из Томска через Кузнецк в Абаканский острог (основан в 1707 г.).

Ученым-первооткрывателем Хакасии стал Данил Готлиб Мессершмидт (1685–1735 гг.). Он же являлся первым ученым, который вместе со своим помощником – пленным шведским офицером Филиппом Иоганном Страленбергом, изучил археологические памятники на территории современного Усть-Абаканского района. Путешествуя по Сибири, Д. Г. Мессершмидт был наслышан о различных древностях на юге – именно поэтому он корректирует свой маршрут и летом 1721 г. из Томска отправляется в Кузнецк. Оттуда, в свою очередь, на небольших шорских челноках экспедиция поднялась вверх по р. Томи до устья р. Балыксу. Из Балыксы в сопровождении проводников-шорцев исследователи продолжили путь по р. Теренсуг, перевалили через «Белые горы» (Кузнецкий Алатау) и попали к истоку р. Уйбат [Кызласов, 1998, с. 34]. Спускаясь по р. Уйбат Д. Г. Миссершмидт впервые увидел поразившие его своими размерами курганы. В устье р. Бюрь, впадающей в р. Уйбат, им были увидены первые каменные изваяния. Следуя дальше по р. Уйбат, Д. Г. Миссершмидт изучал различные рисунки на каменных плитах и скалах. С помощью проводников Мессершмидт разыскал и осмотрел в августе 1721 г. находившийся на северном берегу р. Уйбат каменный обелиск, изогнутый «в виде венгерской сабли». На узкой грани обелиска были обнаружены странные знаки – 13 строк, которые путешественники охарактеризовали как неизвестную, древнюю письменность. Художник Карл Шульман зарисовал эти знаки, а Мессершмидт отметил в дневнике – «Уйбатский камень, вырезанный руническими письменами» – это был первый известный науке памятник енисейской письменности [Ключников, 2011, с. 9]. Рисунок К. Шульмана не сохранился, а каменное изваяние было в 1886 г. привезено Д. А. Клеменцем в Минусинский краеведческий музей

По р. Уйбат Мессершмидт добрался до р. Абакан, а затем – до Абаканска, т. е. продолжил исследования уже за пределами территории современного Усть-Абаканского района.

Следующий исследователь Сибири – Герхард Фридрих Миллер (1705–1783 гг.), также не обошел своим вниманием древности Усть-Абаканского района. Одной из задач академической экспедиции Г. Ф. Миллера (1733–1743 гг.) было уточнение данных, полученных экспедицией Д. Г. Миссершмидта. В Хакасию экспедиция Г. Ф. Миллера пришла из Красноярска. После остановки на месте слияния Белого и Черного Июсов, в начале сентября 1739 г. она отправилась по следам Д. Г. Миссершмидта – в поисках «уйбатского камня с руническими письменами». Для этого от р. Туим экспедиция держала путь на юг – к р. Бюря. В своих путевых заметках Г. Ф. Миллер подробно описал окрестности этой реки, как и окрестности р. Уйбат – следующего пункта своего путешествия [Миллер, 1739]. Несмотря на опрос местных жителей (сагайских татар), «камень Мессершмидта» ученый так и не обнаружил, как и не обнаружил других камней с надписями. Поэтому экспедиция покинула территорию Усть-Абаканского района и направилась по р. Ниня дальше на юг (в Аскизский район), а затем в Саянский острог и далее в Абаканск. Но на этом исследования Усть-Абаканского района Г. Ф. Миллером не заканчиваются. В Абаканске к нему пришел казак, который ранее сопровождал Д. Г. Миссершмидта в долину р. Уйбат – он «припомнил место», где был найден камень с надписями. В конце сентября Г. Ф. Миллер покидает Абаканск, чтобы найти его. Из междуречья рр. Ерба и Тесь он направляется к р. Кокса, а оттуда – к р. Уйбат. По пути ученый наткнулся на Большой Салбыкский курган. Как он отмечает, «во всех красноярских степях нет такого кургана, который был бы равен ему по величине» – для подробного его описания останавливаться ученый пока не стал – это он хотел сделать на обратном пути в Абаканск [Миллер, 1739]. На северной стороне р. Уйбат Г. Ф. Миллер наконец обнаружил древний монумент, но уже не в прежнем состоянии – камень был свален. При его исследовании было обнаружено, что некоторые знаки были упущены Д. Г. Мессершмидтом при зарисовке – все недостающие моменты были тщательно зафиксированы. После этого экспедиция отправилась по той же дороге обратно – плохая погода помешала остановиться у «большого кургана» для его зарисовки, поэтому остались только сведения после первого осмотра памятника – курган незадолго до этого был сильно разрушен, была измерена примерная его величина [Миллер, 1739]. На этом исследование Усть-Абаканского района Г. Ф. Миллером было окон-

чено – далее экспедиция путешествовала уже за его пределами.

Еще одним исследователем, побывавшем в Усть-Абаканском районе в XVIII в. стал Петр Симон Паллас (1741–1811 гг.) – по его территории он проехал во время второй своей экспедиции в Хакассию в 1772 г. Ученый осмотрел места, о которых упоминал Г. Ф. Миллер, в том числе побывал на р. Уйбат. Как отмечает П. С. Паллас в своих заметках: «вся степь испещрена старинными могилами, из которых не без основания заключать можно, что сии места всегда и в старину обитаемы были» [Паллас, 1778, с. 479]. К сожалению, из всех памятников древности П. С. Паллас уделял внимание только курганам – абаканская степь поразила его их обилием и многообразием, которые он оценивал как «чрезвычайной величины и виду» [Белокобыльский, 1986, с. 33]. Интересовавшая предыдущих ученых древняя письменность на каменных стелах ему казалась произвольной и не имевшей никакого смысла, личины и человеческие изваяния не представляли научного интереса [Белокобыльский, 1986, с. 33].

Таким образом, изучение археологических памятников Усть-Абаканского района Хакасии в XVIII в. первыми научными экспедициями Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера и П. С. Палласа положили прочное основание для последующих археологических изысканий. Эти ученые стали «первооткрывателями» археологических древностей Хакасии, среди которых особое внимание привлекали «большие курганы» тагарской культуры, поражавшие размерами и массовостью, каменные изваяния и «камни с надписями» – памятники древнетюркской письменности. В основном, это были долины рек Уйбат и Бюрь – богатые археологическими памятниками и сегодня.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент В. С. Зубков

Список литературы

Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и Исследований (XVIII – первая треть XX вв.) / Ю. Г. Белокобыльский. – Новосибирск : Наука, 1986. – 168 с.

Ключников Т. Д. Г. Мессершмидт – исследователь Сибири / Т. Ключников // Минусинский край. Вестник Минусинского регион. краевед. музея им. Н. М. Мартьянова. – Минусинск, 2011. – № 1–2 (47–48). – С. 8–9.

Кызласов Л. Р. Начало сибирской археологии / Л. Р. Кызласов // Историко-археологический сборник. – М., 1962. – С.43–53.

Кызласов Л. Р. В Сибирию неведомую за письменами таинственными / Л. Р. Кызласов. – Абакан : РОСА, 1998. – 72 с.

Миллер Г. Ф. Путевые описания Сибири. 1739 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vostlit.info/ Texts/rus16/ Miller_4/text8.phtml?id=10287 (дата обращения: 29.09.2014).

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Часть третья. Половина первая / П. С. Паллас. – СПб. : Императорская Академия Наук, 1778. – 625 с.

The beginning of the researching of monuments in Ust-Abakan district of the Republic of Khakassia

A. S. Novikova

The article investigates the history of the studying of archaeological monuments in Khakassia. Today there are not so many researches that characterize the history of the studying of the separate areas of Khakassia – basically all of them are dedicated to studying the history of the republic as a whole, or the history of the studying of individual archaeological monuments. Therefore, this article will detail the routes of the first scientific expeditions, which conducted their research on the territory of Ust-Abakan District.

Keywords: archaeological monuments, the Republic of Khakassia, D. G. Messerschmidt, G. F. Miller, P. S. Pallas.

Новикова Анастасия Сергеевна
магистрант 1-го года обучения, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
e-mail: anastasia.0809@mail.ru

Novikova Anastasia Sergeevna
graduate student 1st year, The Khakas State University named after N. F. Katanov
e-mail: anastasia.0809@mail.ru

УДК 902

Открытия археологической экспедиции ЯГУ в Усть-Алданском улусе

А. И. Скрябин
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Усть-Алданский улус – один из районов Центральной Якутии, который находится в пространстве, которое представляет собой междуречье рек Лена, Алдан и Амга. Характерный здесь ландшафт – это таежная и аласная (с озерными котловинами, которые имеют термокарстовое происхождение) зоны. Они представляют открытые пространства среди тайги, покрытые обильным травостоем, которые, чередуясь один за другим, образуют неповторимый ландшафт. Формы аласов разнообразны, но, в большинстве своем, округлые и овальные, размеры колеблются от 0,1 до 10 км в диаметре [Босиков, 1991, с. 44]. На западе и севере Усть-Алданский улус ограничен крупнейшими реками – Лена и Алдан, которые сыграли роль в формировании облика древних культур Якутии.

На аласах очень часто встречаются памятники древних скотоводческих культур в виде хозяйственных построек, остатков жилищ и погребений, которые можно датировать промежутком времени от эпохи средневековья до начала XX в. [Босиков, 1991; Гоголев, 1980]. Памятники более раннего времени аласно-озерных образований до сих пор представлены единичными явлениями. Специальных работ по поиску остатков древнейших поселений и погребений по бортам аласных образований не проводилось. Поэтому на данный момент существует проблема определения времени заселения аласов древним человеком. Все это, несомненно, говорит об актуальности археологического изучения районов равнинной Якутии [Гоголев 1993; Пестерева, Пестерев, Хлахула, 2013].

К сожалению, планомерные исследования на территории данного района Якутии еще не проводились. Первые археологические работы в Усть-Алданском улусе проводились в начале XX в. Якутским краеведческим музеем. Работники музея занимались раскопками якутских погребений. Систематические археологические работы проводятся с 40-х гг. прошлого столетия, когда начала работу Ленская историко-археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР и Института языка, литературы и истории ЯАССР под руководством А. П. Окладникова. Вблизи с. Соттинцы (Сотто) А. П. Окладников обнаружил на берегу оз. Ымыяхтах поселение древних охотников и рыболовов, где в древних слоях была найдена керамика с отпечатками вафельной лопаточки на внешней стороне сосуда, в дальнейшем название стоянки послужило названием поздненеолитической культуры [Окладников, 1950]. В 1960-х гг. бассейны рр. Лена и Алдан становятся объектами исследования Приленской археологической экспедицией. Благодаря деятельности экспедиции на р. Алдан были открыты уникальные многослойные памятники, которые в последующем стали основой для разработки археологической периодизации Якутии. В период с 1970 по 1995 гг. проводили археологические работы сотрудники ИЯЛИ СО АН СССР и ЯГУ. Интересные работы проводил археолого-этнографический отряд ЯГУ под руководством А. И. Гоголева, который вел поиск и исследования древних поселений, захоронений якутов. В частности, им были изучены поселения Тумул и Уганья. Гоголев пришел к выводу, что эти поселения имеют типологически схожий материал. На основании изученного материала А. И. Гоголев выделяет кулун-атахскую культуру (XIV–XVI вв.).

В 1985 г. начинается работа Новостроечного отряда ЯГУ в центральных улусах Якутии, в результате были открыты новые стоянки древнего человека на территории Усть-Алданского улуса, в период деятельности отряда с 1992 по 2004 г. [Алексеев, 1992; 1995; 2004]. В этот период археологами ЯГУ было открыто более десятка разновременных памятников, которые располагались преимущественно на разрушенных и полуразрушенных участках, предназначенных для строительства водовода или автодороги. Подавляющее большинство этих стоянок отнесено по найденному материалу ко времени от эпохи палеометалла до XIX в.

Материал представляет собой фрагменты керамики эпохи палеометалла (гладкостенная или рубчатая керамика) и якутской культуры XVIII–XIX вв. (толстостенная керамика с налепными подтреугольными валиками и, иногда, с разнофигурными вдавлениями штампа). Найденные фрагменты глиняной льячки со следами металла, множество кусочков шлака говорят о развитом кузнечном ремесле на якутских поселениях.

Материалом более ранних эпох являются датированные средним и поздним неолитом Якутии фрагменты керамики, украшенной вафельным или шнуровым техническим орнаментом и декоративным орнаментом в виде перекрещивающихся линий (такой орнамент характерен для позднего неолита Якутии). Кроме этого, к каменному веку можно отнести многочисленные отщепы и обломки ножевидных пластин.

Среди прочего инвентаря большой интерес вызывает счетный жетон с латинской надписью

(Вольфганг Иероним Гоффман), по всей видимости, это имя мастера. На другой стороне жетона имеется портрет Людовика XV – короля Франции. Экспертиза, проведенная специалистами Эрмитажа, показала, что данный жетон, был изготовлен в Нюрнберге в первой половине XVIII в.

Усть-Алданский улус располагается на междуречье Лены и Алдана и сочетает природную среду речных долин и таежно-аласного ландшафта. В таких экологических условиях сложились различные хозяйственные типы. Данные экологические условия вполне подходят как для охоты, так и для скотоводства. Это во многом определило хозяйственно-культурное развитие населения этого района Якутии с древнейших времен. Изучение археологических памятников Усть-Алданского улуса показывает то, что древнее население данного района внесло вклад в общечеловеческую культуру, освоив суровую природно-климатическую зону Лено-Алданского междуречья и выработав для дальнейших поколений адаптационные механизмы выживания.

Научный руководитель – старший преподаватель К. А. Пестерева

Список литературы

Алексеев А. Н. Отчет по научно-исследовательской работе. Археологическое обследование и охранно-спасательные раскопки на строящейся автодороге Борогонцы – Тюнгюлю на участке Сырдах–урочище Курбалах / А. Н. Алексеев. – Якутск, 1992. – С. 35–39.

Алексеев А. Н. Отчет по научно-исследовательской работе. Археологическое обследование и охранно-спасательные работы в зоне строящегося водовода р. Лена – п. Борогонцы в Усть-Алданском улусе Республики Саха (Якутия). Участок: МТФ Мэкэри – Сырдах – Чаранг – Борогонцы / А. Н. Алексеев. – Якутск, 1995. – 8 с.

Алексеев А. Н. Отчет по научно-исследовательской работе. Археологическое обследование и охранно-спасательные раскопки на строящейся автодороге Борогонцы – Тулуна – Эселях – Дыгдыл на участке 8–15 км в Усть-Алданском улусе Республики Саха (Якутия) / А. Н. Алексеев. – Якутск, 2004. – С. 11–14.

Босиков Н. П. Эволюция аласов Центральной Якутии / Н. П. Босиков. – Якутск : ИМЗ СО АН СССР, 1991. – 128 с.

Гоголев А. И. Этногенез и этническая история якутов / А. И. Гоголев. – Якутск : Изд-во Якут. ун-та, 1980. – 180 с.

Гоголев А. И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры) / А. И. Гоголев. – Якутск : Изд-во. Якут. ун-та, 1993. – 199 с.

Пестерева К. А. Новые неолитические памятники Центральной Якутии / К. А. Пестерева, Д. А. Пестерев, И. Хлахула // Сборник научных трудов SWorld. Вып. 3. Т. 51. – Одесса : Куприенко СВ, 2013. – С. 93–100.

Окладников А. П. Ленские древности / А. П. Окладников. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Вып. 3.– С. 124–145.

The opening of an archaeological expedition YSU Ust-Aldan ulus

A. I. Scriabin

This article is devoted to the archaeological work of YSU in Ust-Aldan Ulus of the Sakha Republic (Yakutia), which were held in 1992, 1995 and 2004. It describes Ust-Aldansky District and its characteristic landscape. Characteristic landscape implies alas area. It just addresses the problem of determining the time of alasses settlement by ancient people. Later in the article there is a description of archaeological work groups, examined objects and the most interesting finds. To study the monuments we can conclude that the ancient population of the area has contributed to human culture, having mastered the severe climatic zone of Lena-Aldan interfluve and developed for future generations the adaptive coping mechanisms.

Keywords: the Sakha Republic (Yakutia), hunter, fisherman, ceramics, burial.

Скрябин Антон Иванович
студент 2-го курса, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
e-mail: Antowa_1995@mail.ru

Scriabin Anton Ivanovich
student 2nd year, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
e-mail: Antowa_1995@mail.ru

УДК 902(571.54/55)

Малая Кулинда: история исследования и проблема сохранения

З. Ч. Ухинов, К. А. Смолин
Забайкальский государственный университет, Чита

Одним из уникальных памятников историко-культурного наследия Восточного Забайкалья является археологический комплекс Малая Кулинда. Памятник расположен на террасе правого берега р. Онон, в устье руч. Малая Кулинда, напротив с. Ононск Оловяннинского района Забайкальского края. В состав комплекса входят: стоянка эпохи неолита – бронзового века и монгольский могильник XII–XIV вв.

Впервые археологический комплекс зарегистрирован в 1964 г. участниками краеведческого кружка средней школы № 235 ст. Оловянная под руководством учителя истории Р. Н. Ступникова. В ходе разведочных работ на территории стоянки был собран подъемный материал из фрагментов керамических сосудов и каменных орудий. Исследователь предварительно предположил, что находки относятся к эпохе неолита. Так же на северо-западной окраине стоянки зафиксированы каменные кладки, которые были интерпретированны как надмогильные конструкции погребений средневековой эпохи.

В 1968 г. на могильнике Р. Н. Ступниковым были произведены изыскательные работы – было раскопано 5 погребений из 12 зафиксированных. Из описаний автора известно, что «умерших клали головой в северную сторону на спину, в могилу ставилась жертвенная пища, костные останки от которой сохранились» [Ступников, 1968, с. 92]. В мужских захоронениях сопроводительный инвентарь состоял из железных наконечников стрел, берестяных колчанов, железных ножичков. В женских захоронениях были обнаружены золотые украшения от головного убора, бронзовые зеркала, остатки тканей и различные украшения. На основе полученных данных автор датировал могильник монгольским периодом – X–XII вв.

Дальнейшие исследования были продолжены в 1979 г. сотрудниками Читинского археологического отряда ЧГПИ, под общим руководством И. И. Кириллова и Е. В. Ковычева [Ковычев, 2011, с. 198]. К началу исследовательских работ археологический комплекс был в плачевном состоянии: оказала влияние эоловая эрозия почвы, дополненная антропогенным воздействием – территория комплекса входила в зону военных учений. Вся площадь стоянки и могильника была перерыта траншеями, канавами, площадками для укрытия военной техники и даже железобетонными капонирами, которые были врыты прямо в центр могильного поля. Часть погребений была уничтожена, другая часть носила следы значительных повреждений. Поэтому проводившиеся археологические работы носили спасательный характер. Перед началом изыскательных работ заново проведен учет погребений и картирование (топография) всего археологического комплекса, раскопано 27 погребений, без учета раскопанных Р. Н. Ступниковым. В результате проведенных работ Е. В. Ковычев датировал могильник XIII–XIV вв. – эпохой монгольского великодержавия. Кроме того, уточнились границы стоянки, собран подъемный материал – остатки каменной индустрии и фрагменты керамических сосудов. На основе чего исследователи характеризовали памятник как поселение эпохи неолита – бронзового века.

В 1996 г. изыскательные работы на могильнике проводились сотрудниками Верхнеамурской археологической экспедиции ЧГПИ, под руководством И. И. Кириллова и Е. В. Ковычева. Было раскопано 11 погребений, которые также подтвердили принадлежность могильника к монгольским племенам.

В 2003 г. (ВАЭ) раскопана отдельная группа из 7 погребений в 30 м северо-западнее от основного могильника. По существу, они составляли отдельную могильную группу, что подтверждается результатами исследований. В этих захоронениях были зафиксированы внутримогильные конструкции, представленные каменными ящиками-цистами, что мало характерно для древнемонгольского погребального обряда. По обнаруженным фрагментам керамики «ляоского» (киданьского) типа и китайским монетам династии Северная Сун (1068–1077 гг.) Е. В. Ковычев датировал эту группу погребений периодом конца XI – началом XII вв. [Ковычев, 2004, с. 196].

В августе 2013 г. сотрудники Ононского археологического отряда ВАЭ ЗабГУ в ходе разведывательных работ в Оловяннинском районе провели мониторинг состояния археологического комплекса Малая Кулинда. Было зафиксировано практически полное разрушение памятника вследствие проведения военных маневров. Территория комплекса вся перерыта танковыми траншеями и капонирами (около 30 шт.), завалена разнообразным бытовым мусором. Ветровая эрозия и антропогенное воздействие полностью изменили рельеф местности, нарушив культуросодержащий слой поселения неолита – бронзового века. В данный момент проведение комплекс-

ных спасательных работ невозможно ввиду полного разрушения памятника.

Уникальный археологический комплекс Малая Кулинда имел большое значение для истории Забайкальского края, но безвозвратно утерян как ценный исследовательский объект. Основную роль в этом сыграло деструктивное отношение людей к памятникам археологии. Эоловая эрозия почвы, как природно-климатический фактор, имела менее разрушающее воздействие на сохранность комплекса, чем антропогенное воздействие.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Е. В. Ковычев

Список литературы

Ковычев Е. В. Раннемонгольские погребения из могильника Малая Кулинда / Е. В. Ковычев // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2004. – Вып. 2. – С. 181–186.

Ковычев Е. В. Малая Кулинда / Е. В. Ковычев // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск : Наука, 2011. – С. 198–199.

Ступников Р. Н. Археологические исследования в нижнем течении Онона в 1964–1967 гг. / Р. Н. Ступников // Проблемы краеведения. – Чита : Изд-во Заб. филиал ГО СССР, 1968. – Вып. 3. – С. 89–92.

Malaya Kylinda: history of research and the problem of conservation

Z. Ch. Ukhinov, K. A. Smolin

Archeology complex Malaya Kulinda is original historical monument on the territory of Eastern Transbaikaliya. Complex includes Neolithic – Early Bronze Age encampment and Mongolian cemetery of XII–XIV centuries. Recently this monument has been destroyed as a result of human impact and aeolian processes.

Keywords: Malaya Kulinda, encampment, cemetery, Mongolian Age

Ухинов Зорикто Чимитдоржиевич
аспирант 3-го года обучения, Забайкальский государственный университет
e-mail: zorikhann-ukhinov@yandex.ru

Ukhinov Zorikto Chimitdorzhievich
postgraduate student 3rd year, Zabaikal State University
e-mail: zorikhann-ukhinov@yandex.ru

Смолин Константинов Алексндрович
аспирант 3-го года обучения, Забайкальский государственный университет

Smolin Konstantinov Aleksndrovich
postgraduate student 3rd year, Zabaikal State University

УДК 37.013

Молодежный археологический лагерь «Искатель» Верхнеамурской археологической экспедиции

Д. О. Ялин, А. А. Иванов

Забайкальский государственный университет, Чита

Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности предложен современный национальный воспитательный идеал – «это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [Данилюк, Кондаков, Тишков, 2009, с. 11]. Вопрос о становлении патриотического сознания, формирование комплекса личностных компетенций современного российского гражданина сегодня очень актуален.

Педагогическая археология является междисциплинарной отраслью знания, направленной на взаимодействие методов решения педагогических задач и прикладного характера археологии [Бровко, 2004, с. 5].

В настоящее время педагогическая археология является одним из наиболее эффективных направлений краеведческой работы со школьниками и студентами. Привлечение обучающихся к участию в археологических исследованиях способствует не только ознакомлению с методикой ведения археологических работ и историко-культурным наследием нашей страны, но и формированию верных ценностных ориентиров и нравственных норм, накоплению духовного опыта. Уникальность детской археологии состоит и в том, что обучающиеся изучают историю наглядно, а это непосредственно способствует развитию интереса к данному предмету. Археология сама по себе является дисциплиной, наиболее способствующей эффективному взаимодействию школьного и вузовского образования, особенно в период совместной деятельности школьников и студентов в полевых условиях.

В духовно-нравственном развитии личности, в патриотическом воспитании особое место занимает знание истории своей страны, своей малой Родины [Мезенцев, 2012]. Именно поэтому в полевом лагере экспедиции необходима организация не только научно-познавательных, но и досугово-развлекательных, и спортивно-оздоровительных мероприятий.

Более 40 лет на базе исторического факультета Забайкальского государственного университета осуществляет археологические исследования Верхнеамурская археологическая экспедиция под руководством канд. ист. наук, доцента кафедры истории ЗабГУ Е. В. Ковычева. Ежегодно до 100 студентов и школьников принимают участие в археологических раскопках, проводимых на территории Забайкальского края.

В последние годы наряду с археологическими исследованиями реализуется уникальная образовательная программа, способствующая творческой самореализации молодежи в полевых условиях – развитию у школьников и студентов интереса к археологическим исследованиям, созданию условий для формирования системы ценностных ориентиров. Во взаимодействии школьников и студентов особое внимание уделяется студенческому самоуправлению, что способствует развитию у студентов их педагогического потенциала.

Работы были начаты еще в 2011 г., когда в полевом археологическом лагере была реализована программа научно-практической и культурно-досуговой дятельности «Искатель-Алестуй-2011». Программа включала три основных направления: личностно-ориентированный подход, организация КТД, здоровьесберегающие технологии.

В 2013 г. в полевом лагере «Искатель» Верхнеамурской археологической экспедиции, с учётом основных положений Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, был организован инструктивно-обучающий семинар. Он предусматривал реализацию комплекса мероприятий, направленных на развитие интеллектуального и творческого потенциала, повышение профессионального уровня студентов 2–3 курсов направления «Педагогическое образование», профиль «Историческое образование» исторического факультета Забайкальского государственного университета. В работе семинара также приняли участие школьники 8–10 классов общеобразовательных учреждений г. Борзя, пгт. Шерловая-1, ГОУ «Центр образования для детей-инвалидов Забайкальского края».

С 5 по 27 июля 2014 г. в рамках Верхнеамурской археологической экспедиции был реализован проект «Полевая школа ВАЭ – 2014» (научный руководитель – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории ЗабГУ О. А. Яремчук), включающий комплекс многоаспектных мероприятий, составляющих основу культурно-досуговой и образовательной деятельности участников молодежного археологического лагеря «Искатель».

В работе школы приняли участие студенты 2–4 курсов исторического факультета Забайкальского государственного университета, а также школьники 8–11 классов школ г. Борзя, пгт. Шерловая-1 Борзинского района Забайкальского края и с. Кокуй Сретенского района Забайкальского края. Общее количество участников школы составило 60 человек. Организаторами мероприятий являлись студенты 4-го курса и магистранты исторического факультета Забайкальского государственного университета.

Программа школы включала следующие формы работы:

1) научно-практический блок: лекции, мастер-классы, деловые игры, дискуссионные площадки;

2) досуговый блок: творческие конкурсы, адаптационный тренинг.

Основными задачами мероприятия являлись:

– развитие профессиональной компетентности студентов – будущих педагогов, историков, археологов;

– создание условий для профессионального общения участников полевого лагеря «Искатель», направленных на понимание и решение практических задач через их методологическое осмысление;

– взаимодействие школьников и студентов, создание «первичных» органов молодежного самоуправления.

Каждое мероприятие, организованное в рамках работы школы, способствовало творческой самореализации молодежи в полевых условиях, развитию у школьников и студентов интереса к археологическим исследованиям, созданию условий для формирования системы ценностных ориентиров. Во взаимодействии школьников и студентов, как и раньше, особое внимание было уделено студенческому самоуправлению, что способствовало развитию у студентов их педагогического потенциала.

Психолого-педагогические методики, направленные на сплочение коллектива, способствовали плодотворному взаимодействию студентов и школьников различных учебных заведений. Важной составляющей культурно-досуговой деятельности являлся режим дня, включающий, помимо прочего, ежедневные организационные линейки, зарядку и рефлексию. В настоящее время нами ведётся разработка программы Молодежного форума истории, археологии и краеведения Забайкалья-2015.

Актуальность «детской» археологии непосредственно связана с сокращением финансирования полевых исследований и организацией научно-практических и культурно-досуговых мероприятий для молодежи в полевых условиях.

Дальнейшая разработка и реализация задач педагогической археологии непосредственно будет способствовать популяризации археологических исследований, решению определенных педагогических задач, а, в перспективе, достижению современного национального воспитательного идеала, предложенного Концепцией.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент О. А. Яремчук

Список литературы

Бровко Д. В. Феномен педагогической археологии / Д. В. Бровко // Уссурийский краеведческий вестник. – 2004. – № 3. – С. 5–9.

Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – М. : Просвещение, 2009. – 23 с.

Мезенцев А. Л. Археология и формирование интереса к истории у школьников [Электронный ресурс] // Резерв. – URL: http://www.rezerv.narod.ru/interes.html (дата обращения: 10.01.2012).

Youth Archaeological camp "Adventurer" Verhneamurskoy archaeological expedition

D. O. Yalin, A. I. Ivanov

This paper is devoted to creating an environment conducive to creative self-realization of young people in terms of archaeological camp; development in pupils and students' interest in archaeological research, the creation of conditions for the formation of a system of values.

Keywords: pedagogical archeology, archaeological youth camp, regional studies, patriotic education, the system of values.

Ялин Дмитрий Олегович
магистрант 2-го года обучения, Забайкальский государственный университет
тел. +7-964-467-77-19

Yalin Dmitriy Olegovich
graduate student 2nd year, Zabaikal State University
tel. +7-964-467-77-19

Иванов Алексей Андреевич
студент 4-го курса, Забайкальский государственный университет
тел. +7-914-523-93-99

Ivanov Aleksey Andreevich
student 4th year, Zabaikal State University
tel. +7-914-523-93-99

УДК 572

Патологии зубной системы у населения Горного Алтая скифского времени (по материалам могильника Барангол)*

Д. А. Завгородняя

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045)

В данной работе представлены результаты изучения патологий зубной системы населения Горного Алтая, относящегося к северному варианту пазырыкской культуры. Исследование проводилось по материалам Барангольского некрополя (курганные группы Барангол-1, Барангол-2 и Барангол-4), который располагается между селами Усть-Муны и Барангол, в 120 м южнее Чуйского тракта, в долине р. Катунь. Памятник был открыт А. П. Бородовским.

Курганная группа Барангол-1 датирована концом V–IV – началом III вв. до н.э.; Барангол-4 – IV–III вв. до н.э.; Барангол-2 – III–II вв. до н.э.; [Бородовский, Бородовская, 2013]. Численный состав группы Барангол-1 – 23 индивида, из них – 10 женщин, 4 мужчин, 4 ребенка, 2 подростка. Пол трех индивидов определить не удалось. При изучении рассматривалась вся группа, однако у двух индивидов детского возраста патологий обнаружено не было. Группа Барангол-2 представлена 18 индивидами. В группе 9 женщин, 4 мужчин, 5 детей. Изучены были зубные системы всех индивидов. Только в двух случаях патологий обнаружено не было (у двух индивидов детского возраста). Группа Барангол-4 оказалась самой малочисленной – 6 индивидов. Группа состоит из трех женщин, одного мужчины и двух детей. К исследованию было привлечено 5 индивидов, так как у одного из представителей группы детского возраста зубная система не сохранилась.

Основные рассмотренные патологии: кариес, заболевания пародонта, эмалевая гипоплазия и зубной камень. Для всех трех групп (Барангол-1, Барангол-2, Барангол-4) характерны очень высокие частоты кариеса и заболеваний пародонта. Частота кариеса варьирует в пределах 82,6–

100 %, составляя в среднем 88,6 %. Наибольшая встречаемость кариеса у группы Барангол-4 (100 %), наименьшая у группы Барангол-1 (82,6 %). А у группы Барангол-2 она составила 83,3 %. Уровень процента заболеваний пародонта довольно высок. Он варьирует от 73,9 % до 100 %. Среднее значение составляет 87,8 %. Больше всего заболеваний пародонта у группы Барангол-4 (100 %). Меньше всего – у группы Барангол-2 (78,6 %). В группе Барангол-1 оно составляет 85 %. Зубной камень – также довольно распространенная патология. В среднем составляет 80 %. Самая высокая встречаемость зубного камня – у группы Барангол-2 (88,9 %). Самая низкая – у группы Барангол -1 (73,9 %). У группы Барангол-4 зубной камень встречается в 80 % случаев.

Эмалевая гипоплазия не слишком часто наблюдается у представителей Барангольского некрополя. Среднее значение этого маркера физиологического стресса составляет 10,2 %. Больше всего гипоплазии (17,6 %) в группе Барангол-2, совсем не наблюдается этой патологии у группы Барангол-4. А в группе Барангол-1 встречаемость составила 13 %.

Возможно, в III–II вв. до н.э. в жизненных условиях представителей пазырыкской культуры в ее северном варианте появились факторы, негативно повлиявшие на пищевой рацион и повлекшие за собой пищевые стрессы, о чем свидетельствует тенденция повышения уровня эмалевой гипоплазии в наиболее поздней группе (Барангол-2) по сравнению с наиболее ранней (Барангол-1).

В результате изучения патологий зубной системы групп Барангольского некрополя можно сделать вывод о том, что для данного населения характерны высокие частоты заболеваний пародонта, кариеса и зубного камня. Такая картина является обычной для земледельческого населения, в скотоводческих культурах, как правило, кариес встречается заметно реже или отсутствует вообще. По археологическим данным у населения пазырыкской культуры основным типом хозяйства было кочевое скотоводство. Однако в материалах ряда некрополей были обнаружены жернова и фрагменты зернотерок, свидетельствующие о том, что с земледелием пазырыкское население также было знакомо. Примерами этого являются курган Бертек-10 (там была обнаружена зернотерка), Бертек-1 (жернов), Мойнак-2 (находка каменных курантов), зернотерки в памятниках Боротал-2 и Юстыд [Молодин, Бородовский, 1994, с.72–78]. Кроме того, в одном из захоронений кургана Барангол-1 была обнаружена каменная терка [Бородовский, Бородовская, 2013, с. 42]. У других групп населения пазырыкской культуры кариес встречается значительно реже, чем в некрополе Барангол. У индивидов из памятника Барбургазы кариес составляет 22,2 % у мужского населения, а у женского – 0%. В памятнике Юстыд – 8,3 % у мужчин, у женщин – 30 %. В памятниках Ала-Гаил, Боротал, Уландрык у женщин и мужчин кариес не встречается. В курганах долины р. Бертек кариес был обнаружен у представителей из могильника Мойнак-2, в долине р. Катунь – в курганах Бике, Кара-Тенеш.

Проанализировав полученную информацию, можно предположить, что освоение земледельческих традиций в разных группах пазырыкского населения происходило неравномерно, как хронологически, так и территориально. По всей видимости, группы пазырыкцев, захоронения которых были обнаружены в долинах р. Катунь, Бертек, Барбургазы и Юстыд, потребляли больше продуктов земледелия, чем группы из долин р. Чуя и Уландрык.

Научный руководитель – канд. ист. наук
А. В. Зубова

Список литературы

Бородовский А. П. Археологические памятники горной долины нижней Катуни в эпоху палеометалла / А. П. Бородовский, Е. Л. Бородовская. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.

Молодин В. И. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири / В. И. Молодин, А. П. Бородовский // Алтаика, Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – № 4. – С. 72–79.

Dental pathologies of Pazaryk's culture population (on the materials of Barangol nekropolis)

D. A. Zavgorodnyaya

This work represents research of dental pathologies in Barangol nekropolis (mound groups Barangol-1, Barangol-2, Barangol-4). Barangol-1 dated within the late V–IV to early III centuries B.C. Barangol-2 dated within IV – III centuries B.C. The Barangol-4 group bearing a date III–II centuries B.C. As a result of analysis of Barangol nekropolis dental system we can make a conclusion, that the high level of such dental diseases as paradont pathologies, caries, dental calculus was common here. High frequencies of these pathologies usually characterize agricultural populations. Archaeological data confirms that Pazyryk culture population was nomadic pastoralists. However, in materials of different Paryryk's nekropolis were found fragments of millstones and grain grinders, indicating that the Pazyryk culture people knew agriculture.

In other Pazyryk groups caries occurs much less frequently than in the Barangol necropolis. For example in the group from Barburgazy caries level is 22.2 % for males and is 0 % for females. In the group from Yustyd it was fixed as 8.3 % for men and 30 % for women. In Ala-Gail, Balik-Cook, Borotal, Ulandryk, both women and men, tooth decay does not

occur. In the valley of the river Bertek caries was found in Moinak-2 burials, in the valley of Katun – in the mounds Bike and Kara Tenesh.
We can suggest, that the development of the agricultural traditions in populations of Pazyryk culture was different in chronological and geographical aspects. Apparently, the Pazyryk groups which burials were found in the valleys of the rivers Katun, Bertek, Barburgazy and Yustyd, consumed more soil products than people from valleys of the rivers Chiua and Ulandryk.

Keywords: Caries; dental calculus; agriculturalists; cattle breeders; grinding stones.

Завгородняя Дарья Алексеевна
студент 2-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: daria_zavgorodnyaya@mail.ru

Zavgorodnyaya Daria Alekseevna
student 2nd year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: daria_zavgorodnyaya@mail.ru

УДК 572

Об опытах классификации искусственной деформации черепа человека*

А. В. Слепцова
Тюменский государственный университет, Тюмень
*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект № МК-200.2014.6)

Каждый раз при изучении антропологами краниологических серий представителей различных культур встаёт вопрос о типологизации и классификации разновидностей деформации черепа человека. Цель настоящего сообщения – рассмотреть попытки зарубежных и отечественных антропологов, систематизировать различные типы и способы деформации головы человека. Актуальность работы обуславливается существующей путаницей, возникающей при изучении работ иностранных авторов. К сожалению, наши знания об исследователях, впервые обративших свое внимание на данные, послужившие для разработки первых классификационных схем, ограничены в связи с неполнотой источниковедческой базы.

Первые попытки собрать информацию о деформации черепа были предприняты в начале XIX в. В 1815 г. Вирей (Virey) опубликовал материалы о преднамеренной деформации черепа младенца, и это стало одним из самых первых упоминаний практики. В середине XIX в. была опубликована другая важная, с точки зрения историографии, работа. В ней Л. Госсе (L. A. Gosse) описал шестнадцать основных форм деформаций, каждую из которых, в свою очередь, подразделили на два и более типа [Dingwall, 1931, p. 4].

1. Клиновидная форма (деформация лобно-затылочная)
   А) клиновидная наклонная
   Б) клиновидная высокая
2. Симметрично удлиненная (лобно-теменно-теменная)
   А) удлиненная цилиндрическая
   Б) удлиненная коническая
3. Неравномерно сжатая и расширенная
4. Четырехугольная форма
5. Трилобат (трехдольная, деформация лобно-теменно-затылочная)
6. Уплощенная со стороны лба
7. Форма с приложенным давлением в районе носа (назальная деформация)
8. Монгольская форма (назо-теменная деформация)
9. Прогнатическая (назо-фронтальная деформация)
10. Уплощенная со сторон (височно-теменная)
11. Уплощенная со стороны и со лба (лобно-височная деформация)
12. Сферическая (циркулярная деформация)
13. Анулярная
14. Билобат (теменная деформация)
15. Уплощенная сзади (затылочная деформация)
16. Усеченная каноническая (лобно-теменно-затылочная деформация)

После изучения списка видно, насколько неудовлетворительна представленная классификация. Различные формы помещены вместе независимо от средств, с помощью которых была произведена деформация. Но стоит отдать должное ученому, так как это была первая в своем роде попытка какой-либо типологизации.

Николуччи (Nicolucci) в 1890 г. выделил две основные формы, которые впоследствии Вольфганг Кохлер разделили на восемь форм: затылочную, лобную, лобно-затылочную, теменную, круговую, трилобат, удлиненную и асимметричную [Dingwall, 1931, p. 5]. Это была слишком общая классификация. Что касается последней формы, то ее вообще вряд ли можно использовать в качестве критерия.

Американский исследователь Алеш Хрдличка (Ales Hrdlicka) в 1919 г. сперва разделил все деформации на намеренные и непреднамеренные. Затылочная и затылочно-теменная, которые в зависимости от местоположения описываются как латеральная или медиальная, а по форме – слабая, выраженная и ярко выраженная, составили типы непреднамеренного изменения формы головы. Преднамеренная деформация была поделена на лобно-затылочную (североамериканские плоскоголовые или флэт-хедз), кольцевую и макроцефальную (восточный тип).

В конце XIX в. немецкий ученый Рудольф Вирхов (R. Virchow) указывал на неоправданную сложность и произвольность классификаций искусственной деформации черепа. Он пытался большее внимание обратить на деформирующие инструменты: «Неправильно основываться только на внешней форме, не принимая во внимание аппарат, с помощью которого она была достигнута» [Imbelloni, 1938, p. 249].

Помимо Р. Вирхова и А. Хрдлички многие антропологи в этот период исследовали деформацию черепа или, по крайней мере, упоминали о ней. Это были Э. Дингоулл, В. Флауэр (W. H. Flower), А. Мэйер (A. B. Meyer), но они не пришли к единой классификации и терминологии [Шведчикова, 2009].

Первая половина XX в. также ознаменовалась такими крупными работами о типах модификации свода черепа, как уже упомянутая работа Эрика Дингуолла [Dingwall, 1931], а так же работа Адольфо Дембо и Хосе Имбеллони [Imbelloni, Dembo, 1938]. Их преимущество было в том, что взгляд на практику деформации стал более широким. Во внимание были приняты техники, географическое распределение, осуществлены попытки объяснить обычай. Эти исследования оказались достаточно перспективными, и, наконец, появились действующие до сих пор классификации деформаций. Так, схема, разработанная Имбеллони, используется и по сей день в Южной и Центральной Америке.

Исследователь выделил следующие типы:

1. Деформация при помощи дощечек (табулярная). Существует в двух вариантах:

а) косая (oblique)

б) прямая (erect)

2. Анулярная деформация. Возможны два варианта:

а) косая (oblique).

б) Прямая (erect).

Еще одна классификация принадлежит американскому ученому Ньюману. В качестве основных форм для Северной Америки он выделил четыре типа деформации [Newmann, 1942]: лямбдоидную, затылочную, лобно-затылочную и параллельно-лобно-затылочную.

Классификация Дейла Стюарта, приложимая также к типам деформации среди народов нового света, предполагает выделение 5 категорий [Stewart, 1941]. К типологии Ньюманна был добавлен лобный тип изменений формы черепа.

На территории России одним из первых начал исследовать практику преднамеренного изменения формы черепа Д. Н. Анучин [Анучин, 1887]. Но самой распространенной классификацией в пределах нашей страны стала классификация Е. В. Жирова [Жиров, 1940], который составил одну из первых сводок по древним искусственно деформированным черепам, связав каждую из них с особенностями деформирующих механизмов: 1) затылочная деформация, 2) лобно, 3) теменная, 4) кольцевая или циркулярная [Жиров, 1940]. Именно классификация Е. В. Жирова описывает все разнообразие искусственно деформированных черепов на территории Евразии, поэтому ее можно признать эффективной для современных исследований.

В настоящее время зарубежные ученые используют различные типологии. На территории Центральной и Южной Америки до сих пор придерживаются классификации Дембо и Имбеллони. Не менее популярна и типология Стюарта.

Ознакомившись с представленными выше классификациями, можно отметить, что они строились в своем большинстве на выделении различных форм «искаженного» черепа порой без учета особенностей деформирующего аппарата. Также стоит отметить, что несогласованность происходила и происходит из-за местного характера типологий, при использовании географических названий и названий народов.

И даже на настоящее время различные терминологии и классификации существуют параллельно. Разные ученые обращаются к разным терминологиям, в зависимости от цели исследования дают описания, делая упор на различные признаки. Таким образом, необходимо уделять особое внимание формированию и развитию универсальных исследовательских программ.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Н. П. Матвеева

Список литературы

Анучин Д. Н. О древних искусственно деформированных черепах, найденных в пределах России / Д. Н. Анучин // Изв. / об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. – СПб., 1887. – Т. XIX., вып. 4. – С. 367–414.

Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы / Е. В. Жиров // КСИИМК. –1940. – Вып. 8. – С. 88–95.

Жиров Е. В. Разновидность брахикефалии / Е. В. Жиров // КСИИМК. –1941. – Вып. 10. – С. 63–75.

Медникова М. Б. Феномен культурной деформации головы: Евразийский контекст / М. Б. Медникова // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. – М. : ИА РАН, 2006. – Вып. 5. – С. 206–225.

Шведчикова Т. Ю. К вопросу о распространении обычая искусственной деформации головы у древнего населения Восточного Приаралья / Т. Ю. Шведчикова // Вест. Москов. Ун-та. – 2009. – № 1. – С. 78–84.

Dingwall E. J. Artificial cranial deformation. A contribution to the study of ethnic mutilation / E. J. Dingwall. – L., 1931. – 296 p.

Imbelloni J. Die Arten der künstlichen Schädeldeformation / J. Imbelloni // Anthropos. – 1938. – Vol. 25. – P. 801–830.

Newmann G. Types of Artificial Cranial deformation in the Eastern United States / G. Newmann // American Antiquity. – 1942. – Vol. 7. – P. 306–310.

Stewart T. D. The circular Type Of Cranial Deformation in the United States / T. D. Stewart // American Journal of Physical Anthropology. – 1957. – Vol. 28, № 3. – P. 189–208.

The classifications of artificial deformation of human skull

A. V. Sleptsova

The object of this article is devoted to a consideration of the attempts made mainly by foreign anthropologists since the early XIX c. to work out a systematic classification of various types and models of human head deformation.
Today we see different typologies functioning parallel to each other. Specialists apply different terms, and suggest description based on different indications. Thus, it seems necessary to pay more attention to formation of different classifications and investigational programs.

Keywords: Artificial scull deformation, occipital deformation, frontal-occipital deformation, annular deformation, cincipital deformation.

Слепцова Анастасия Викторовна
студент 4-го курса, Тюменский государственный университет
e-mail: Sleptsova_1993@mail.ru

Sleptsova Anastasia Viktorovna
student 4th year, Tumen State University
e-mail: Sleptsova_1993@mail.ru

УДК 745/749

К проблеме изучения истории техники и технологии косторезного производства на севере Дальнего Востока России

В. Д. Вернигоров
Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Искусство резьбы по кости развивалось на протяжении тысячелетий. Превосходный по своим эстетическим и технологическим качествам материал привлекал внимание мастеров еще с глубокой древности. Традиционно из кости изготавливались украшения, предметы быта, культовые принадлежности и многое другое.

Украшения из кости в древности считались символом победы человека над суровой природой и служили доказательством его мужества, таланта охотника и кормильца семьи. Костяные изделия – от наконечников стрел и охотничьих ножей до изысканных статуэток и украшений – до сих пор находят археологи от крайних северных районов до жарких стран [Баталова, 2006, с. 7].

Одним из брендов нашего края являются сувениры из кости моржа, мамонта, рога лося, оленя и пр. Их можно встретить в элитных магазинах г. Магадана, а также в киосках аэропорта или Союзпечати. Изделия представлены сувенирами высокого качества, они хорошо раскупаются. Возможно, многие знают, что подобные изделия изготавливали здесь еще с древних времен, но мало кто задумывается, что за каждым изделием стоит отточенная веками технология их изготовления.

Согласно исследованиям [Косторезное производство…] и нашим наблюдениям, технико-технологический цикл косторезного производства включает следующие этапы: 1) добыча, отбор и обработка сырья, 2) разметка и изготовление заготовки изделия, 3) обработка поверхности изделия – шлифовка и полирование, украшение.

Для нас основные источники по изучению технико-технологического цикла косторезного производства представляют археологические коллекции из эскимосских могильников и поселений, этнографические коллекции из фондов Корякского краеведческого музея с. Палана, коллекции из фондов Северо-Восточного государственного университета, из личного фонда геолога Т. В. Гончаровой (пос. Инчоун).

Этнографические описания техники и технологии косторезного производства у народов Севера Дальнего Востока России имеются у первых исследователей нашего региона С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера, Я. И. Линденау, а также в работах В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона.

Особенно ценны по теме исследования работы В. В. Леонтьева, который много лет прожил на Чукотке, в поселке Уэлен, где известную Уэленскую косторезную мастерскую возглавлял его отец – В. М. Леонтьев. Книга «Юному косторезу» [Леонтьев, 1959] и сегодня может служить как историческим источником по изучению косторезного промысла, так и пособием для начинающих мастеров.

Для изучения технико-технологического цикла косторезного производства полезны публикации, посвященные его реконструкции в древности в разных регионах России, экспериментальным работам по восстановлению технико-технологического цикла [Хлопачев, Гиря, 2010]. Большое значение имеют данные о технико-технологическом цикле косторезного производства, представленные в учебно-методических пособиях А. А. Абросимовой, Н. И. Каплан, Т. Б. Митлянской [Абросимова, Каплан, Митлянская, 1989], Т. Б. Митлянской [Митлянская, 1976; 1983], И. Баталовой [Баталова, 2006], а также данные сайтов сети Интернет «Резьба по дереву и кости» [http://rezchiku.ru/], «Народные художественные промыслы Чукотки» [http://remeslachukotki.ru/] и др.

Большую ценность для анализа современного косторезного производства представляет возможность проведения опросов современных мастеров, работающих в качестве индивидуальных предпринимателей в косторезных мастерских г. Магадана.

В связи с этим, для восстановления особенностей технико-технологического цикла косторезного производства на Севере Дальнего Востока России с древнейших времен и выявления элементов эволюционного развития технико-технологического цикла в современном косторезном производстве представляется перспективным решение следующих задач.

1. Определение понятий – технико-технологический цикл, косторезные производство и промысел; специфических терминов, связанных с набором косторезного инструментария и пр.

2. Сбор, анализ и систематизация археологических и этнографических источников о технико-технологическом цикле косторезного производства на территории СДВР в древности.

3. Сбор, анализ и систематизация данных об особенностях техники и технологии современного косторезного промысла в регионе.

4. Анализ эволюции техники и технологии косторезного производства.

Решение поставленных задач поможет восстановить особенности технико-технологического цикла косторезного производства на Севере Дальнего Востока России с древнейших времен и выявить элементы эволюционного развития в современном косторезном производстве.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент И. Ю. Понкратова

Список литературы

Абросимова А. А. Художественная резьба по дереву, кости и рогу / А. А. Абросимова, Н. И. Каплан, Т. Б. Митлянская. – М., 1989. – 159 с.

Баталова И. Резьба по кости / И. Баталова. – М., 2006. – 160 с.

Косторезное производство в эпоху бронзы. [Электронный ресурс]. – URL: http://informvest.ru/1059-kostoreznoe-proizvodstvo-v-epohu-bronzy.html (дата обращения 02.03.2014).

Леонтьев В. В. Юному косторезу / В. В. Леонтьев. – Магадан, 1959. – 47 с.

Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное. Каталог выставки. – М.; Анадырь, 2007. – 215 с.

Митлянская Т. Б. Художники Чукотки / Т. Б. Митлянская. – М., 1976. – 208 с.

Митлянская Т. Б. Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока / Т. Б. Митлянская. – М., 1983. – 344 с.

Народные художественные промыслы Чукотки [Электронный ресурс]. – URL: http://remeslachukotki.ru/ (дата обращения 02.03.2014).

Резьба по дереву и кости [Электронный ресурс]. – URL: http://rezchiku.ru/ (дата обращения 02.03.2014).

Хлопачев Г. А. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке / Г. А. Хлопачев, Е. Ю. Гиря. – СПб., 2010. – 143 с.

To the Problem of Studying the History of Engineering and Technology of the bone production in the North of the Russian Far East

V. D. Vernigorov

The report is devoted to a review of the sources, and based on their analysis, a number of tasks to restore features of the technological cycle of bone production in the North of the Russian Far East since ancient times and identify elements of the evolutionary development of the technological cycle in modern bone production.

Keywords: Technique, technology, The North of the Russian Far East, bone production.

Вернигоров Владислав Дмитриевич
Студент 2-го курса, Северо-Восточный государственный университет
e-mail: ponkratova1@yandex.ru

Vernigorov Vladislav Dmitrievich
student 2nd year, North-Eastern State University
e-mail: ponkratova1@yandex.ru

УДК 308

Микротопонимы села Николаевка Поспелихинского района Алтайского края как источник изучения влияния этнических контактов на топонимию

К. Ю. Игнатенко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Для ономастики в целом и топонимики в частности проблема этнических контактов была и остается одной из актуальных проблем, ибо нет территории, где бы отсутствовали межнациональные и межъязыковые связи народов, отразившиеся далеко не в последнюю очередь на ономастическом материале.

Русская топонимия Сибири является поздним стратиграфическим пластом, вобравшим в себя большое число предшествовавших аборигенных топонимов, оформленных и адаптированных русским языком. Но одновременно с русским населением и вслед за ним на протяжении последних двух веков в Сибирь приехали значительные группы разноязычного населения, которые вместе с русскими осваивали здесь обширные территории. Что принесли они с собой в топонимическом отношении, оставили ли свои следы в топонимике [Воробьева, 1993, с. 5]?

Во все периоды существования Сибири в составе русской империи украинцы переселялись на эти территории. Их особенно привлекала степная зона края, напоминающая по природным условиям степи Украины.

Украинцы, придя на Алтай и используя во всех сферах общения родной язык, вынуждены были осваивать и русский. В свою очередь, русское население понимало украинцев, хотя не говорило по-украински, но заимствовало от них отдельные слова, обороты. В этих условиях, по материалам И. А. Воробьевой, многие созданные украинцами на Алтае географические названия в настоящее время фонетически, структурно переоформились и не выделяются из общей массы топонимов [Воробьева, 1993, с. 9].

В качестве источников настоящего исследования выступают двадцать восемь микротопонимов с. Николаевка Поспелихинского района Алтайского края, мы рассматриваем ойконим (название населенного пункта) и годонимы (названия улиц) села.

Задачей исследования является выявление влияния этнических контактов на топонимию.

Село Николаевка получило свое название по имени населенного пункта в Харьковской губернии, откуда была родом большая часть переселенцев, таким образом они воспроизвели наименование своего родного местожительства [Пеляничко, 2004, с. 1].

Если же брать во внимание годонимы (название улиц) с. Николаевка, то впервые официальные названия появились в 1933 г. на заседании президиума Николаевского сельсовета от 25 ноября [Пеляничко, 2001, с. 3], и здесь не прослеживается украинское влияние, а четко видно влияние советского периода.

Таким образом, были обозначены три улицы (Ленинская, Советская, Пролетарская) и двенадцать переулков (Центральный, Сталинский, Колхозный, Садовый, Столбовой, Буденовский, Мостовой, Поперечный, Красный, Степной, Веселый, Выездной), в их названиях была отражена как история нашего государства в целом, так и история с. Николаевка.

Некоторые названия связаны с именами (фамилиями) видных деятелей партии и государства, героев Гражданской войны, так ул. Ленинская, пер. Сталинский, пер. Буденовский были названы в честь В. И. Ленина, И. В. Сталина и С. М. Буденного.

По объектам, расположенным на улице или поблизости от нее, получили названия пер. Садовый, Столбовой, Мостовой, Выездной, Поперечный, Степной. Так, пер. Столбовой был назван оттого, что здесь проходили телеграфные столбы, а название пер. Садового свидетельствует о том, что в селе находился сад, но сейчас он уже не существует.

Внешние особенности переулка отражены в цветовом прилагательном Красный, возможно, данное слово используется в значении «красивый», но не исключено, что слово «красный» получило нецветовое идеологическое значение.

Историческое прошлое отражено в названии ул. Пролетарской, пер. Колхозного. Действительно, во время коллективизации, на территории села было образовано пять колхозов (коллективных хозяйств): «Правда», «Чапаев», «Большевик», «имени Буденного», «Красная звезда».

Но аншлаги не были прибиты к домам, сельчане даже не знали, что улицы получили официальное название, поэтому эти названия «не прижились». Побеседовав со старожилами села, мы выяснили, что в народе существовали и другие неофициальные названия улиц, например, «улица Самарка» – названа так, потому что там жили переселенцы из Самары; «переулок Конюшенный» – в селе находились конюшни, где содер-

жали фондовых лошадей, которые состояли на балансе колхоза.

Менялось время, и появилась необходимость в точном определении места проживания, названий улиц. Это событие запротоколировано не было, но, по свидетельству Павла Николаевича Пеляничко, бывшего учителя Николаевской средней школы, который работал художником-оформителем в совхозе «Николаевском», улицы были названы Иваном Константиновичем Приходько, председателем Николаевского сельсовета с 1975–1985 гг. [Пеляничко, 2001, с. 4].

В настоящее время на территории с. Николаевка насчитывается 10 улиц и 2 переулка – Набережная, Ленинская, 8-е марта, Советская, Новая, Коммунистическая, Урожайная, Правды, Пролетарская, Степная; переулки – Северный и Октябрьский.

По фамилии выдающегося политического деятеля названа улица Ленинская.

По объектам, расположенным на улице или поблизости от нее, – улицы Советская (расположено здание сельсовета), Правды (находился колхоз «Правда»), Урожайная (название связано с центральным током, куда свозился урожай на переработку и дальнейшее складирование), Набережная (расположена на берегу р. Поперечной), Степная (степь).

По внешним особенностям и времени создания – улица Новая.

По историческому прошлому – ул. 8-е марта, Пролетарская, Коммунистическая и пер. Октябрьский.

Прежние названия улиц и переулков не совпадают с теми, которые им были присвоены позже. Также имеются неофициальные названия, удобные, связанные с привычными для сельчан наименованиями: улица Набережная – «нижняя»; Ленинская – «центральная»; Советская – «школьная» или «каменная»; Коммунистическая – «трасса»; Новая – «новая барская»; «Заярочная» – часть улицы Советской, расположенная за Ярком (ярок – это овраг, заполненный водой); «выселки» – окраина села.

И. А. Воробьева утверждает, что влияние украинцев на топонимию всего Алтая, прежде всего, заключается в том, что именно с Украины были перенесены многие топонимы [Воробьева, 1993, с. 9], но, на примере исследуемого нами села, можно убедиться в том, что это утверждение относится не ко всей территории края.

После проведенного нами исследования можно сделать вывод, что, безусловно, влияние этнических контактов на топонимию с. Николаевка Поспелихинского района Алтайского края было, но влияние советской идеологии оказалось сильнее, а также немалую роль сыграла и унификация системы создания названий населенных пунктов и их улиц. Возможно, особое место при определении топонимии исследуемого села имеет и литературный язык, так как все новые топонимы советского времени были на русском языке как государственном. А этнические топонимы замещались ими, не важно русские они были или украинские, но часто они продолжали существовать в быту неофициально.

Научный руководитель –
старший преподаватель А. Н. Телегин

Список литературы

Воробьева И. А. Русско-украинское взаимодействие в топонимии Алтая (к проблеме этнических контактов) / И. А. Воробьева // Русские говоры и топонимия Алтая в их истории и современном состоянии. – Барнаул : Изд-во БГПУ, 1993. – С. 3–13.

Пеляничко П. Н. Сага о Николаевке / П. Н. Пеляничко // Новый путь. – 2001. – 26 янв. – С. 3–4.

Пеляничко П. Н. В Сибирь за лучшей долей / П. Н. Пеляничко // Новый путь. – 2004. – 13 авг. – С. 1–2.

Microtoponyms village Nykolaivka of Pospelikhinsky district of Altai Krai

Ch. Yu. Ignatenko

This article discusses microtoponyms village Nykolaivka Pospelikhinsky District Altai Krai, also focuses on the informal name, Russian, Ukrainian people.

Keywords: Microtoponyms, oikonym, godonimy.

Игнатенко Кристина Юрьевна
студент 4-го курса, Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: ignatenko.kristina94@mail.ru

Ignatenko Christina Yurievna
student 4th year, Altai State Pedagogical University
e-mail: ignatenko.kristina94@mail.ru

УДК 069.44

Особенности 3D сканирования черепов для антропологических исследований

Ф. С. Малков
Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет, Иркутск

С 2012 г. в Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии (ЛАПиСЖНСА) Иркутского государственного технического университета проводятся работы по трёхмерному сканированию археологического материала [Малков, 2013]. Одним из направлений этой работы является сканирование, как человеческих черепов, так и черепов животных.

Чаще всего для трехмерного сканирования в Лаборатории применяется 3D сканер Breuckman SmartScan. Иногда для этих целей используется 3D сканер NextEngine. В зависимости от того, какое качество должно получиться в результате копирования, подобная работа может выполняться и на любом другом из доступных 3D сканеров.

Для демонстрации методики сканирования объектов различных пропорций использовались черепа человека (рис. 1, *1*), собаки (рис. 1, *2*), волка (рис. 1, *3*) и оленя (рис. 1, *4*). В зависимости от задач, стоящих перед исследователем, полученные трёхмерные модели используются для следующих целей:

– трехмерная печать черепа для последующей пластической реконструкции (когда черепа хрупкие и есть вероятность их повреждения в процессе пластической реконструкции);

– пересылка данных трёхмерного сканирования черепов специалистам в других регионах или странах;

– публикация данных трёхмерного сканирования на специализированных сайтах (например, на http://dogarchaeology.org/3d-models/);

– анализ форм и использование техник, таких как геометрическая морфометрия [Drake, 2011, p. 204–213];

– виртуальная реконструкция облика человека по черепу [Resco, 2014].

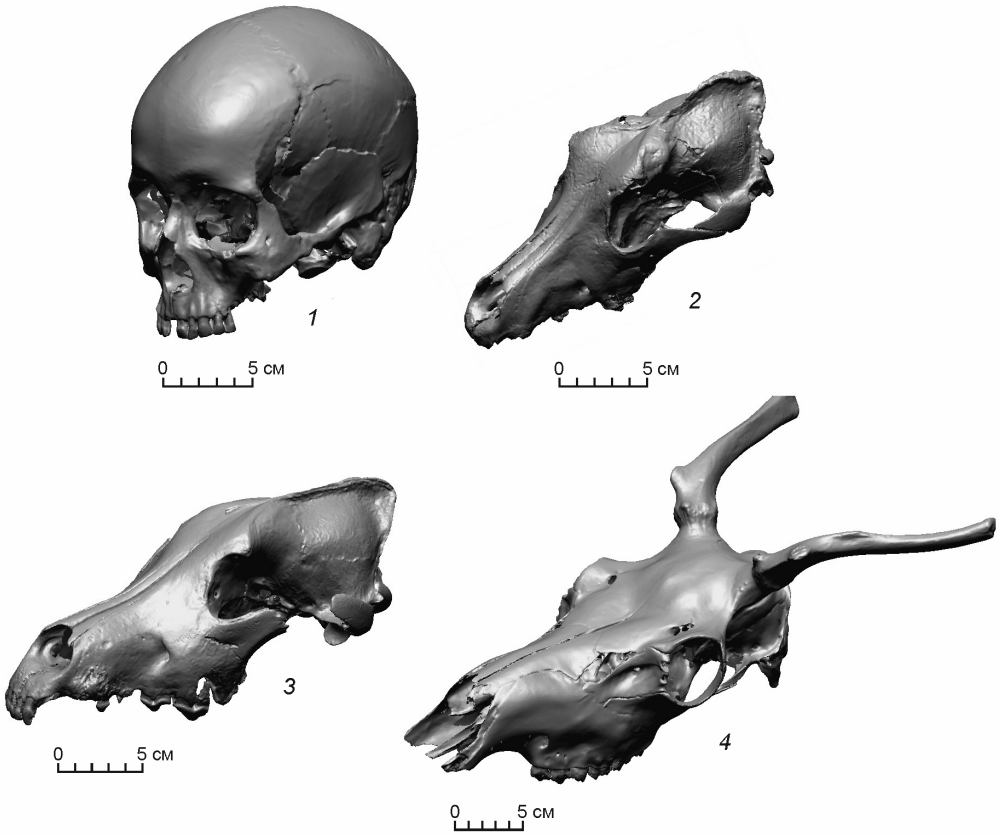


Рис. 1. 3D модели черепов: 1 – человека; 2 – собаки; 3 – волка; 4 – оленя

После того, как исследователь определился, для какой из задач он будет сканировать череп, становится понятным, какого качества модель надо получить. В зависимости от этого, а также, с черепами каких пропорций проводится работа, выбирается режим сканирования.

Из нашего опыта трехмерного сканирования черепов (черепа человека, волка, оленя и собаки) наиболее простым при сканировании оказался череп человека.

При трёхмерном сканировании человеческого черепа (рис. 1, *1*) с использованием Breuckman SmartScan достаточно просканировать его дважды – с нижней и верхней позиции (естественное положение черепа и перевёрнутый на темечко). При этом происходит вращение черепа на 36° при каждом повороте стола (можно задать и меньший градус поворота, как показала практика, на качество это не влияет). Пробелы в глазницах модели черепа заполняются при помощи дополнительных одиночных сеансов трёхмерного сканирования.

При трёхмерном сканировании черепа собаки (рис. 1, *2*) и волка (рис. 1, *3*) возникли некоторые сложности, связанные с тем, что эти черепа являются более вытянутыми по сравнению с человеческим черепом. В связи с этим, данные черепа сканировались со следующих позиций: снизу, сверху, справа, слева. Так же, как и в случае с человеческими черепами, одиночными трехмерными сканированиями дополнялись недостающие фрагменты черепов волка и собаки.

Трехмерное сканирование черепа оленя (рис. 1, *4*) выполнялось на максимально имеющихся в Лаборатории объективах сканера Breuckman SmartScan. При использовании другого набора объективов или трёхмерного сканера с меньшей зоной охвата сканирования работа по длительности увеличивается в два-три раза. В связи с этим могут возникнуть сложности со сканированием удалённых поверхностей, таких как рога. Кроме того, при трехмерном сканировании черепов оленей наблюдаются проблемы со сканированием носовой части черепа. Трехмерный сканер не может скопировать внутреннюю поверхность черепа.

Подводя итоги, можно сказать, что качество данных, получаемых при 3D сканировании, зависит от опыта специалиста, выполняющего эти работы, и в меньшей степени от используемого оборудования. Хочется надеяться, что в будущем гораздо большее количество исследователей будет обращаться к методикам трехмерного сканирования и более активно применять полученные данные в своих работах.

Научный руководитель – д-р ист. наук,
профессор А. В. Харинский

Список литературы

Малков Ф. С. 3D формат в археологических исследованиях и новые возможности представления результатов работ / Ф. С. Малков // Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект. – Владивосток : Издат. дом ДВФУ, 2013. – С. 37–39.

Drake A. G. Dispelling dog dogma: an investigation of heterochrony in dogs using 3D geometric morphometric analysis of skull shape / A. G. Drake // EVOLUTION & DEVELOPMENT 13:2, 204–213 (2011). DOI: 10.1111/j.1525-142X.2011.00470.x

Resco P. A. Cómo documentar un cráneo humano mediante fotogrametría [Электронный ресурс] // PAR Patrimonio y tecnología gráfica. – 2014. – URL: http://parpatrimonioytecnologia.wordpress.com/2014/09/17/como-documentar-un-craneo-humano-mediante-fotogrametria/ (дата обращения 05.01.2015).

Features 3D scanning skulls for Anthropological Research

F. S. Malkov

This article describes the experience of three-dimensional scanning of human skulls, as well as the skull of a dog, a wolf and a deer. It is demonstrated when and how the data can be used in the studies.

Keywords: three-dimensional scanning, 3D scanning, scull, cranium, anthropological research.

Малков Федор Сергеевич
студент 5-го курса, Институт кибернетики
им. Е. И. Попова, Национальный исследовательский
Иркутский государственный технический университет
e-mail: iksut@ya.ru

Malkov Fyodor Sergeevich
student 5th year, Institute of Cybernetics of E. I. Popov,
National Research Irkutsk State Technical University
e-mail: iksut@ya.ru

УДК 902.672

Природные условия обитания человека в Притоболье: от неолита до средневековья*

Э. Д. Насонова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045)

Природа всегда занимала важное место в системе жизнедеятельности человека. Вследствие этого, изучение археологами остатков человеческой деятельности без исследования окружающей среды дает не полную картину развития общества.

В данной работе мы бы хотели рассмотреть уже известные палинологические данные для территории Притоболья и добавить к ним результаты, полученные на поселении Оськино Болото.

На территории Притоболья Н. Е. Рябогиной с коллегами (Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень) палинологическим методом изучено более чем 12 археологических памятников, поэтому можно говорить о возможности реконструкции ландшафтно-климатических изменениях в этом районе. Палинологические данные, полученные нами, способствовали частичному пополнению базы для данной территории, а так же подтвердили ранее известные данные общим совпадением палинологических спектров в конкретный период [Матвеева, Волков, Рябогина, 2003; Рябогина, Иванов, 2009; Ландшафты голоцена…, 2008].

По результатам спорово-пыльцевого анализа было установлено, что граница леса и степи на территории Тоболо-Исетья не оставалась стабильной.

Для неолитического периода (8–5 тыс. лет назад) характерно три климатических этапа: начальный – теплый климат, понижение воды в озерах и Тоболе, преобладает степная и луговая растительность, в древесной растительности на данном этапе значительное место занимают березовые леса. Средний этап – повышается уровень влажности, по сравнению с начальной стадией, об этом говорит расширение ареала осоковых, на более же высоких участках рельефа (террасы и гривы) развивается луговая растительность, преимущественно разнотравно-злаковая. Финальная стадия неолитического периода – происходит остепнение ландшафтов, леса сохраняются лишь в долинах, уровень влажности понижается. Редкими деревьями в этот период становятся сосна, ольха, ива и калина. Приблизительно с этого времени палинологические данные отражают проявление антропогенного воздействия на растительный покров – наблюдается сокращение пыльцы березы, основной составляющей леса того периода, что, скорее всего, свидетельствует о вырубке лесов [Зах, 2009, с. 118–125].

В энеолитический период (5–4 тыс. лет назад) начинается похолодание (рис.1), климат становится более влажным по сравнению с неолитической эпохой. Восстанавливаются березовые леса, идет расширение луговой растительности. Часто в энеолитический период наблюдается чередование засушливых периодов с более влажными. Эти процессы сказались на формировании конечного облика растительного покрова на заключительном этапе энеолитического периода. Водоемы обмелели, исчезли леса – постепенно сместились на север, основным фоном ландшафтов стали луга и луговые степи. Более или менее благоприятные условия сохранялись лишь в долинах рек и вокруг озер [Ландшафты голоцена…, 2008, с. 52–59]. Палинологические данные, полученные с памятника Оськино Болото, подтверждают развитие луговой растительности в регионе, наличие древесной растительности незначительно – преимущественно береза, встречается небольшое количество ольхи и лиственницы. Обилие пыльцы осоковых может косвенно свидетельствовать о зарастании водоемов.

Для бронзового периода характерен сухой и теплый климат, с предыдущего этапа сохраняется большое количество лугов, леса практически отсутствуют, расширяется ареал степной растительности. На финальной стадии бронзового века климат начинает меняться в сторону похолодания и увлажнения, начинают восстанавливаться леса. Благодаря палинологическим данным были подтверждены предположения о появление земледелия на данной территории в период развитой бронзы [Рябогина, Иванов, 2009, с. 174–175; Федоровский поселок Курья-1…, 2013, с. 20–21; Рябогина, Иванов, 2011, с. 96–107]. Данные с поселения Оськино Болото относятся к периоду поздней бронзы и свидетельствуют о расширении степной растительности, а так же о небольшом увеличении количества березы, отмечается скачок в пользу возрастания древесной растительности внутри позднего бронзового этапа, что, скорее всего, показывает именно локальную особенность памятника Оськино Болото.

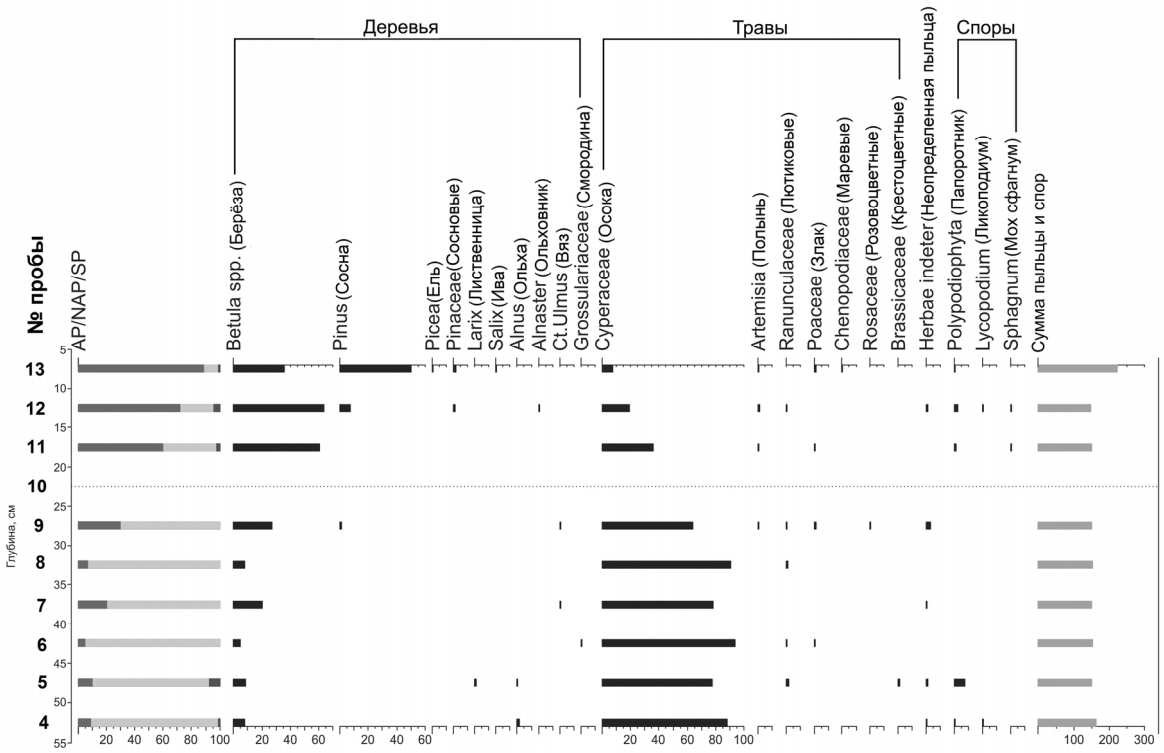


Рис. 1. Палинологическая диаграмма разреза Оськино Болото

Ранний железный век (VII в. до н.э. – V в. н.э.) на всем протяжении имеет тенденцию к похолоданию и повышению влажности климата, увеличивается площадь, занятая лесной растительностью, хотя в ландшафтах по-прежнему доминируют остепененные луга [Матвеева, Волков, Рябогина, 2003, с. 126–127]. Результаты анализа проб раннего железного века с поселения Оськино Болото так же свидетельствуют о возрастающей роли древесной растительности: первенство продолжает занимать береза, присутствует ольховник, распространяется сосна, в конце этого периода мы наблюдаем преобладание древесной растительности над травянистой.

В начале средневекового периода (с VI в. н.э.) климат определяется умеренно прохладным, активно развиваются леса, преимущественно березовые. На финальной стадии данного периода климат становится немного теплее и суше, появляются отдельные сосновые боры [Зах, Рябогина, 2005, с. 85–100]. Данные с изучаемого нами памятника показывают господствующее положение древесной растительности, на первое место выходит сосна, количество березы уменьшается, появляется ива и ель.

Несмотря на совпадение наших данных и результатов, полученных ранее с памятников, расположенных на территории Притоболья, остаются сложности в сведении палинологических и археологических данных, а также трудности в интерпретации локальных изменений растительности.

Научный руководитель – канд. биол. наук
Н. А. Рудая

Список литературы

Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья / В. А. Зах. – Новосибирск : Наука, 2009. – 320 с.

Зах В. А. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья / В. А. Зах, Н. Е. Рябогина // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – №4 (24). – С. 85–100.

Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В. А. Зах, О. Ю. Зимина, Н. Е. Рябогина, С. Н. Скочина, И. В. Усачева. – Новосибирск : Наука, 2008. – 212 с.

Матвеева Н. П. Новые памятники бронзового и раннего железного веков / Н. П. Матвеева, Е. Н. Волков, Н. Е. Рябогина. – Новосибирск : Наука, 2003. – 174 с.

Рябогина Н. Е. Реконструкция ландшафтного облика Тоболо-Ишимского междуречья в среднем и позднем голоцене по материалам палинологических исследований / Н. Е. Рябогина, С. Н. Иванов // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 172–175.

Рябогина Н. Е. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоэтноботанические методы и анализ фактов / Н. Е. Рябогина, С. Н. Иванов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 4 (48). – С. 96–106.

Федоровский поселок Курья-1 в системе Андреевских озер / В. А. Зах, Н. Е. Рябогина, В. В. Илюшина, С. Н. Иванов, Е. И. Мурзина // ВААЭ. – 2013. – №1 (20). – С. 10–23.

The natural conditions of human habitation in the Tobol: from the Neolithic to the Middle Ages

E. D. Nasonova

The theses are considering palynological results obtained in the work of researchers from the archaeological monuments on the territory of Tobol, thanks to which today one can restore the landscape and climatic conditions of the territory. Furthermore, the author had an independent study on the Os'kino Boloto site, located in the territory of the forest-steppe Tobol, and in consequence, to supplement already existing data.

Keywords: Palynology, archaeology, forest-steppe Tobol region, paleoclimate, paleolandscapes, pollen, settlement Os'kino Boloto.

Насонова Элеонора Дмитриевна
студент 3-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: Eleonora_Nasonova@mail.ru

Nasonova Eleonora Dmitrievna
student 3rd year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: Eleonora_Nasonova@mail.ru

УДК 902.03 + 551.435 + 551.89(1-925.11)

Использование ГИС-технологий для анализа пространственного расположения археологических памятников (эпоха бронзы, ранний железный век) центральной части Барабинской лесостепи*

А. В. Никулина
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск
*Данная работа была поддержана грантом РФФИ (№ 12-06-00045)

Географической информационной системой (ГИС, GIS) называют информационную систему, обеспечивающую сбор, хранение, доступ, обработку, отображение и распространение пространственно-координированных данных [Коробов, 2011, с. 7]. ГИС дает возможность провести анализ собранной информации, в результате чего можно выявить определенные закономерности в расположении археологических объектов.

С точки зрения археологии одним из наиболее хорошо изученных регионов Западной Сибири является центральная часть Барабинской лесостепи, включающая в себя следующие административные районы Новосибирской области: Венгеровский, Здвинский, Чановский, Барабинский, Куйбышевский, Кыштовский, Татарский и Усть-Таркский. Продолжительное время на ряде археологических памятников этой территории проводились и продолжаются полевые исследования, которые позволили создать археологические карты отдельных районов и разработать общую историко-культурную концепцию на основе археологических данных [см. например, Молодин, Новиков, 1998; Молодин, Новиков, Софейков, 2000; Археологические памятники…, 2011]. На сегодняшний день на территории выше названных административных районов известно около 600 археологических памятников, официально зарегистрированных и имеющих статус объектов историко-культурного наследия.

Данное исследование состоит из нескольких этапов: 1) составление выборки археологических памятников, имеющих культурно-хронологическую привязку; 2) создание геоморфологической карты района исследования; 3) определение координат выбранных объектов, описание их геоморфологического положения; 4) создание базы геоданных; 5) проведение анализа на основе полученных данных.

На первом этапе проводится выборка археологических памятников, имеющих временную атрибуцию. Каждый культурный слой многослойных памятников заносится в базу как отдельный объект анализа. В настоящий момент около 40 % археологических памятников данного региона имеет датировку. В данной работе учтены памятники и слои, относящиеся к эпохам бронзового (72 объекта) и раннего железного веков (70 объектов).

Результатом второго этапа является геоморфологическая карта, созданная в программном пакете ArcGis на основе цифровой модели рельефа SRTM (с пространственным разрешением около 90×60 м; точность по высоте ±1–2 м). В пределах района исследования выделяется два крупных класса рельефа: водораздельные пространства (слаборасчлененные поверхности и гривы) и речные долины.

Третий этап работы связан с определением географических координат (с помощью GPS-приемника Garmin 76GSx) и описанием геоморфологического положения памятников, занесенных в перечень на первом этапе.

На основе полученных данных была составлена база геоданных, включающая следующую информацию об объектах: название памятника, координаты, геоморфологическое положение, хронологическая атрибуция, краткое описание артефактов, источник информации.

Эпоха бронзы представлена разными типами памятников. Абсолютное большинство памятников составляют поселенческие комплексы (73,6 %). Курганные могильники эпохи бронзы представлены 19,4 %. Наименьшее количество объектов – грунтовые могильники (7 %). Эта же тенденция сохраняется и для раннего железного века: поселенческие комплексы – 65,7 %, курганные могильники – 32,8 %, грунтовые – 1,5 %.

Что касается приуроченности памятников к классам и типам рельефа, то городища (60 %), поселения и стоянки (48 %) эпохи бронзы в основном расположены на плоском водоразделе. Большая часть курганных могильников этого периода приурочена к гривам (50 %), а грунтовых – к плоскому водоразделу (40 %) и останцам (40 %). Поселенческие комплексы эпохи раннего железного века в большей степени тяготеют к бровке водораздела (городища – 54,6 %, стоянки и поселения – 65,7 %). Курганные могильники раннего железного века в основном приурочены к гривам (56,5 %). Полученные данные позволяют опровергнуть мнение большинства археологов о том, что памятники исследуемого региона в основном расположены на террасах (табл. 1, 2).

Для Венгеровского района были собраны данные по приуроченности памятников к абсолютным отметкам рельефа (см. диаграмму 1). От эпохи бронзы к раннему железному веку наблюдается увеличение количества объектов, расположенных на абсолютных высотах 102–111 м.

Таблица 1

Приуроченность поселенческих комплексов эпохи бронзового и раннего железного веков к классам и типам рельефа

Эпоха	Поселения и стоянки						Городища					
	Всего объектов*	Водораздел			Долина	Останец	Всего объектов*	Водораздел			Долина	Останец
		Плоский	Бровка	Грива				Плоский	Бровка	Грива		
Бронза	48	48%	33,4%	10,2%	4,2%	4,2%	5	60%	20%	–	20%	-
РЖВ	35	17,2%	65,7%	14,2%	–	2,9%	11	18,1%	54,6%	9,2%	–	18,1%

*для каждого периода за 100 % берется общее количество объектов определенного типа

Таблица 2

Приуроченность могильников эпохи бронзового и раннего железного веков к классам и типам рельефа

Эпоха	Курганные могильники						Грунтовые могильники					
	Всего объектов*	Водораздел			Долина	Останец	Всего объектов*	Водораздел			Долина	Останец
		Плоский	Бровка	Грива				Плоский	Бровка	Грива		
Бронза	14	28,7%	14,3%	50%	–	7%	5	40%	20%	–	–	40%
РЖВ	23	17,5%	21,7%	56,5%	–	4,3%	1	–	–	–	–	100%

*для каждого периода за 100 % берется общее количество объектов определенного типа

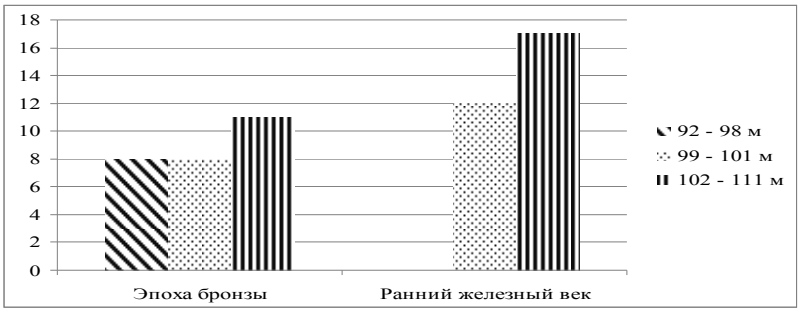


Диаграмма 1. Распределение по высоте объектов бронзового и раннего железного веков Венгеровского района [Анализ пространственного распределения…, 2013]

Повышенная концентрация поселенческих комплексов на бровке водораздела, а также увеличение количества объектов, расположенных на высотах 102–111 м, могут быть связаны с общим увлажнением климата, которое сопровождалось повышением уровня воды в реках и озерах на рубеже бронзового и раннего железного веков [Косарев, 1991, с. 42]. Этот природный фактор в значительной степени определял тип и способ ведения хозяйства, стимулируя освоение более возвышенных территорий.

Научные руководители – канд. ист. наук
О. И. Новикова, д-р геогр. наук Я. В. Кузьмин

Список литературы

Анализ пространственного распределения археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на основе ГИС-технологий / Я. В. Кузьмин, И. Д. Зольников, О. И. Новикова, Н. В. Глушкова, Д. А. Чупина , О. В. Софейков, Д. Е. Ануфриев, В. Н. Дементьев // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2013. – Т. 12. – Вып. 7. – С. 87–96.

Археологические памятники Чановского района Новосибирской области / В. И. Молодин, А. И. Соловьев, М. А. Чемякина, В. А. Сумин, Д. Е. Ануфриев, Е. М. Евтеева, А. О. Князев, Е. В. Кравченко. – Новосибирск : НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2011. – 258 с.

Молодин В. И. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области / В. И. Молодин, А. В. Новиков. – Новосибирск : НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В. И. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области / В. И. Молодин, А. В. Новиков, О. В. Софейков. – Новосибирск : НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2000. – 224 с.

Коробов Д. С. Основы геоинформатики в археологии / Д. С. Коробов. – М. : Изд-во МГУ, 2011. – 224 с.

Косарев М. Ф. Древняя история Сибири: человек и природная среда / М. Ф. Косарев. – М. : Наука, 1991. – 302 с.

The analysis of spatial distribution of the Bronze and Early Iron ages sites of the central Baraba forest steppe (based on GIS-technologies)

A.V. Nikulina

Spatial analysis of more than 200 sites belonging to the Bronze and Early Iron ages in central part of the Baraba forest steppe (Western Siberia) was conducted with the help of GIS-technologies. It was found that the majority of sites (at least 98% of the total amount) is located on the watersheds, especially near the boundary with river valleys. This position could be determined by economic reasons, and the contact of different types of relief was attractive to ancient humans.

Keywords: Archaeology, GIS-technologies, spatial analysis, Baraba forest steppe, Western Siberia

Никулина Анастасия Вячеславовна
студент 4-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: Nikulina_a@ngs.ru

Nikulina Anastasia Vyacheslavovna
student 4th year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: Nikulina_a@ngs.ru

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 902/904

Характеристика залегания археологических комплексов лессового палеолита (по материалам раннепалеолитических памятников Гиссаро-Алайской горной системы, Южный Таджикистан)

Алишери Джумъакул[1], С. В. Шнайдер[1–3]
[1]*Новосибирский государственный университет, Новосибирск*
[2]*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*
[3]*Алтайский государственный университет, Барнаул*

Использование термина «лессовый палеолит» относительно археологических комплексов, заключенных в лессовые отложения, было предложено исследователями В. А. Рановым и В. И. Гладилиным в 1970-х гг. [Гладилин, Ранов, 1973]. Постепенно данная дефиниция закрепилась и получила широкое распространение в отечественной литературе [Ранов, Шефер, 2000; Ранов, 1988].

Одним из регионов наибольшего развития лессово-почвенной формации эолового генезиса является Гиссаро-Алайская горная система. С этим регионом связана и наиболее тщательно разработанная археологическая периодизация нижнепалеолитических индустрий, обнаруженных в палеопочвенных педокомплексах (ПК), перемежающих лессовые отложения:

ПК- 11–12 – кульдаринская индустрия – 950 тыс. л. н.;

ПК- 7–8 – изолированные находки;

ПК-4–6 – каратауская культура – 600–400 тыс. л. н.

ПК-3 – изолированные находки [Ломов, Ранов, 2001].

Одной из стоянок, где было зафиксировано самое раннее появление человека на территории Гиссаро-Алая, является памятник Кульдара, располагающийся в водораздельной части хребта Хазратишах в долине р. Оби-Мазар. Возраст стоянки определяется в 950 тыс. л. н. Отложения памятника приурочены к 11–12 ПК. Для данного комплекса характерны типологически нестандартизированные орудия с преобладанием зубчато-выемчатых форм [Ранов, Каримова, 2005].

На основе материалов памятников Гиссаро-Алая, обнаруженных в 4–6 ПК, В. А. Рановым была выделена каратауская культура. Хронологические рамки данной культуры исследователем определяются в пределах 600–400 тыс. л. н., а в развитии культуры выделяется два этапа – ранний и поздний. К раннему этапу были отнесены материалы Каратау и Оби-Мазар-6. К позднему – Оби Мазар-4 и Лахути.

Памятник Каратау располагается в водораздельной части хребта Яванский Каратау. Исследования стоянки проводились под руководством В. А. Ранова в два этапа: в 1973–1975 гг. и 1981–1986 гг. Артефакты стратиграфически приурочены к 6-му ПК. Возраст самых ранних культурных отложений определяется в пределах 600 тыс. л. н. Орудийный набор стоянки характеризуется чопперами и зубчато-выемчатыми орудиями [Ранов, 1988].

Близкими технико-типологическими характеристиками к индустрии Каратау обладают материалы стоянки Оби-Мазар-6, располагающейся в водораздельной части хребта Хазратшах между бассейнами рек Оби-Мазар и Кызилсу. Раскопки на памятнике проводились Таджикско-Германской экспедицией под руководством В. А. Ранова и Й. Шефера в 1997 г. Артефакты приурочены к 6 ПК, соответственно, возраст стоянки исследователями определяется в пределах 600 тыс. л. н. Орудийный набор данного комплекса характеризуется наличием крупных скребел, клиньев и выемчатых скребел.

Стоянка Лахути расположена в водораздельной части Вахшского хребета, разделяющего бассейны рр. Оби-Мазар и Тира. Изучение памятника проводилось в 1976–1979 гг. под руководством В. А. Ранова. Артефакты на стратиграфическом разрезе стоянки приурочены к 5 ПК,

возраст которого определяется исследователем в пределах 475–528 тыс. л. н. Индустрию Лахути от Каратау отличает большой процент скребловидных орудий и орудий на отщепах.

Наиболее поздние материалы каратауской культуры представлены на памятнике Оби-Мазар-4. Стоянка располагается в непосредственной близости от Оби-Мазар-6; их раскопки проводились параллельно Таджикско-Германской экспедицией под руководством В. А. Ранова и Й. Шефера. Каменные артефакты приурочены к 4 ПК, возраст которого определяется исследователями в 400 тыс. л. н. Орудийный набор представлен выемчатыми, зубчато-выемчатыми орудиями, скребками, резцами и чопперами [Ранов, Каримова, 2005].

Строение погребенных почв нижнепалеолитических памятников региона и распределение в них каменных артефактов свидетельствуют о том, что обживание площадей стоянок древним человеком происходило в период формирования почв, климат в это время характеризуется оптимальным сочетанием тепла и влаги [Додонов, 2002]. Важно отметить, что наибольшая концентрация каменных артефактов отмечается в средней части ПК. Перекрывающие ПК лессовые отложения формировались в периоды сухого и холодного, неблагоприятного для человеческих популяций климата, что подтверждается практически полным отсутствием в них каменных артефактов.

Если провести анализ расположения памятников с точки зрения их приуроченности к определенным типам ландшафтов и водных ресурсов, то мы можем наблюдать следующую закономерность – все упомянутые выше памятники приурочены к высокогорным ландшафтам и находятся на водоразделах рек. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что раннепалеолитические люди в периоды теплого и влажного климата предпочитали заселять высокогорные ландшафты Гиссаро-Алая. При этом для стоянок они предпочитали территории, находящиеся между руслами нескольких рек. Выбор именно такой локализации, на наш взгляд, можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, доступностью водных ресурсов, поскольку горные реки в нижнепалеолитическое время располагались гораздо выше их настоящего уровня. Во-вторых, приуроченностью к естественным маршрутам зверей. В-третьих, доступностью эффузивного сырья, которое транспортировалось в руслах рек из источников, находящихся выше по их течению.

Научный руководитель – д-р ист. наук
А. И. Кривошапкин

Список литературы

Гладилин В. И. Граница неогена и четвертичной системы. Древнейшие находки в лессах Таджикистана / В. И. Гладилин, В. А. Ранов. – М. : Наука, 1973. – С. 195–196.

Додонов А. Е. Четвертичный период Средней Азии: стратиграфия, корреляция, палеография / А. Е. Додонов. – М. : ГЕОС, 2002. – С. 125–128.

Ломов С. П. Проблемы древней и средневековой истории и культуры Центральной Азии / С. П. Ломов, В. А. Ранов. – Душанбе, 2001. – С. 33–35.

Ранов В. А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира : автореф. дис. … докт. ист. наук / В. А. Ранов. – Новосибирск, 1988. – 52 с.

Ранов В. А. Лессовый палеолит / В. А. Ранов, Й. Шефер // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20–32.

Ранов В. А. Каменный век афгано-таджикской депрессии / В. А. Ранов, Г. Р. Каримова. – Душанбе : Деваштич, 2005. – 252 с.

Characteristics of stratigraphic occurrence of loess Paleolithic archaeological sites (based on the Early Paleolithic sites from Hissar-Alai mountain system, South Tadzhikistan)

Alisheri Jumaqul, S. V. Shnaider

Since 1970s a series of Paleolithic sites that became famous later (Karatau, Kuldara, Lahuti Obi Mazar-4, etc) was found in loess sediment of southern Tadzhikistan. Southern Tajikistan is a region of the greatest development of loess-soil complexes of aeolian origin. Herein we had the following archaeological periodization industry related to paleosoils (PC). It is important to emphasize that artifacts are practically encountered in loess, but they are confined to a PC. Correlation of artifacts to PC speaks about favorable environmental conditions for the life of primitive people.

Keywords: Paleolithic, stratigraphic, loess, Tadzhikistan

Алишери Джумъакул
студент 5-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: ali_30_1991@mail.ru

Шнайдер Светлана Владимировна
младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Алтайский государственный университет
e-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Alisheri Jumaqul
student 5th year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: ali_30_1991@mail.ru

Shnaider Svetlana Vladimirovna
junior researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk National Research State University, Altai State University
e-mail: sveta.shnayder@gmail.com

УДК 903.21

Орудийный набор верхнепалеолитического памятника Малая Сыя*

А. В. Барков

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045)

Палеолитический памятник Малая Сыя находится на стыке территории Минусинской котловины с восточными предгорьями Кузнецкого Алатау, в среднем течении р. Белый Июс (административно памятник расположен в Ширинском районе республики Хакасия).

Памятник был открыт в 1974 г. Н. Д. Оводовым и исследовался им в 1974–1975 гг. В последующие годы В. Е. Ларичевым (1975–1980 гг.), Ю. П. Холюшкиным (1992, 2001 гг.) и др. были проведены археологические исследования, сформировавшие общие представления об объекте [Ларичев, Холюшкин, 1992; Общая характеристика…, 1982; Холюшкин, 2009]. В 2013 г. был начат новый этап в изучении памятника, который предполагает как введение всех накопленных к настоящему времени археологических материалов в научный оборот, так и продолжение комплексных полевых археологических, геолого-геоморфологических и иных исследований.

В результате анализа коллекции артефактов выяснилось, что опубликованная характеристика орудийного набора не полностью отражает представленные в коллекции памятника орудийные формы. В связи с этим представляется актуальным представить типологическую характеристику орудийного комплекса.

Коллекция орудий памятника насчитывает 574 экз., что составляет 4,9 % от всей индустрии, и представлена следующими типами артефактов.

Скребки (67 экз. – 11,7 %) представлены преимущественно концевыми вариантами на пластинах, которые различаются отсутствием или наличием ретуши на продольных краях заготовки. Малочисленными сериями присутствуют скребки высокой формы, с перехватом, боковые и с выемкой.

Остроконечники (27 экз. – 4,7 %) изготавливались на пластинах и представлены одинарными формами; двойные остроконечники единичны. Острия орудий образованы двумя конвергентными продольными краями, которые полностью или частично обработаны дорсальной краевой либо захватывающей чешуйчатой многорядной крутой ретушью.

Выемчатые орудия (19 экз. – 3,3 %) с одним ретушированным анкошем, локализованным на продольной дорсальной стороне орудия. **Зубчато-выемчатые орудия** (2 экз. – 0,3 %) имеют зубчатый рабочий край, расположенный на одном продольном крае заготовки.

Острия (17 экз. – 3 %) представлены орудиями на отщепах с симметричным или смещенным в боковую сторону относительно оси заготовки рабочим краем, локализованным преимущественно на дистальном конце. Оформление рабочего края проводилось отвесной чешуйчатой ретушью.

Комбинированные орудия (скребок-остроконечник) (14 экз. – 2,4 %) представляют собой артефакты, на противолежащих краях которых оформлены выпуклый скребковый рабочий край и острие, образованное конвергенцией боковых граней заготовки.

Проколки (10 экз. – 1,7 %) отмечены преимущественно одинарными срединными, реже угловыми или двойными формами. Жальца выделялись двумя плечиками и обрабатывались крутой многорядной ретушью.

Скребла (8 экз. – 1,4 %) характеризуют преимущественно дорсальные продольные с прямым или выпуклым рабочим краем. Единичными формами представлены дорсальное угловое, дорсальное поперечное и вентральное скребла.

Стамесковидные орудия (8 экз. – 1,4 %) изготовлены на пластинах (стамесковидные орудия были выделены на материалах памятников Сабаниха и Малая Сыя Н. Ф. Лисицыным и охарактеризованы им как орудия, имеющие уплощенно обработанный прямой рабочий край [Лисицын, 2000, с. 26, 28]). Рабочий край орудий прямой либо немного выпуклый и обработан полукрутой захватывающей или краевой ретушью. Два орудия несут следы вентрального утончения.

Долотовидные орудия (4 экз. – 0,7 %) представлены артефактами с одним, двумя противолежащими и четырьмя рабочими краями. Также, одно орудие представлено обломком с сохранившимся рабочим краем.

Ножи с обушком (4 экз. – 0,7 %) изготовлены преимущественно из отщепов. Рабочий край, локализованный на продольном крае, обработан крутой чешуйчатой ретушью. Обушок, находящийся на противоположном продольном крае, обработан отвесной ретушью либо сохраняет галечную поверхность.

Пластины с усеченным ретушью концом (2 экз. – 0,3 %) представляют собой целые пла-

стины, дистальный конец которых усечен полукрутой чешуйчатой краевой ретушью.

Пластины с ретушью (180 экз. – 31,4 %) представлены преимущественно во фрагментированном состоянии, обработаны как по одному, так и по двум продольным краям дорсальной крутой или полукрутой ретушью. **Отщепы с ретушью** (99 экз. – 17,2 %) различных размеров, как правило, несут следы дорсальной краевой ретуши.

Помимо орудий на сколах, в коллекции представлены также и **галечные орудия** (80 экз. – 13,9 %), к которым относятся немногочисленные струги, чопперы и чоппинги, ретушеры и отбойники, наковальни, а также гальки со следами выбивки, которые составляют наиболее многочисленную группу. Гальки со следами выбивки (48 экз.) представлены в коллекции памятника в виде двух вариантов, различающихся характером следов. Гальки с «точечной выбивкой» преобладают, гальки с «линейной выбивкой» менее распространены. Характер и функциональная принадлежность следов нуждаются в дальнейшем уточнении.

Также в коллекции отмечены **фрагменты орудий** (33 экз. – 5,7 %), к которым были отнесены обломки артефактов, несущих следы вторичной обработки, но не имеющие выраженной морфологической формы рабочего края.

Таким образом, основу орудийного набора памятника Малая Сыя составляют орудия из пластин, которые представлены преимущественно концевыми скребками, пластинами с ретушью, остроконечниками и остриями, комбинированными орудиями, выемчатыми орудиями; многочисленны гальки со следами выбивки и отщепы с ретушью. Остальные типы орудий (скребла, проколки, чопперы и чоппинги, струги, ножи с обушком, пластины с усеченным концом, долотовидные и стамесковидные орудия) в коллекции памятника представлены, но статистически не репрезентативны.

Среди синхронных памятников региона наибольшее сходство в орудийном наборе прослеживается с коллекцией памятника Сабаниха, расположенного в среднем течении р. Енисей на расстоянии около 100 км от памятника Малая Сыя [Лисицын, 2000]. В орудийном наборе обеих индустрий преобладают пластины с ретушью и концевые скребки на пластинах. Имеются схожие формы: выемчатые орудия, комбинированные орудия (скребок–остроконечник), стамесковидные орудия. Помимо этого, объединяет комплексы немногочисленность боковых и округлых скребков, скребел, единичность долотовидных орудий.

Помимо сходства орудийных комплексов коллекций Малой Сыи и Сабанихи, параллели имеются также в технико-типологической характеристике первичного расщепления, типологии костяных орудий, что позволяет вновь поставить вопрос о их монокультурности, уже обсуждавшейся в литературе [Лисицын, 2000].

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Л. В. Лбова

Список литературы

Ларичев В. Е. Палеолитическая стоянка Малая Сыя / В. Е. Ларичев, Ю. П. Холюшкин // Археология, геология и палеография палеолитических памятников Юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау, Восточный Саян). – Красноярск : Зодиак, 1992. – С. 109–122.

Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья / Н. Ф. Лисицын. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. – 232 с.

Общая характеристика палеолитической стоянки Малая Сыя в Хакасии / В. М. Муратов, Н. Д. Оводов, В. А. Панычева, С. А. Сафарова // Археология Северной Евразии. – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 41–45.

Холюшкин Ю. П. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур Homo sapiens в Северной Азии) / Ю. П. Холюшкин // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск : Город, 2009. – С. 137–145.

The tool kit of Upper Paleolithic Malaya Syya-site

A. V. Barkov

The article is devoted to the tool kit analysis of Malaya Syya-site and trace analogy among the synchronous regional sites. The main tool categories are end scrapers, points, composite tools (end scraper-point) on the blade blanks, retouched blades and flakes, points on flakes, pebble tools. Also chisel-like tools were allocated, which are similar to tool kit of Sabanikha-site.

Keywords: Minusinsk Basin, Upper Paleolithic, stone industry, tool kit.

Барков Александр Викторович
аспирант 1-го года обучения, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: barkovalex@bk.ru

Barkov Alexander Viktorovich
postgraduate student 1st year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: barkovalex@bk.ru

УДК 903.01

Экспериментальное изучение галечных орудий (материалы к концепции усложненного собирательства в эпоху палеолита)*

В. А. Веселовская

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045)

Изучение характера следов на поверхности галечных орудий позволяет определить их функциональное назначение и способствует реконструкции хозяйственной деятельности человека.

В 1953 г. А. Н. Рогачевым была предложена концепция усложненного собирательства на основе исследования им пестов-терочников палеолитических комплексов Костенки-1, 4, 9, 11, Молодова-5, Бабин-1 и др. [Рогачев, 1973, с. 127]. Трасологическое исследование данной категории орудий проводено К. С. Степановой и О. Н. Загородней [Степанова, Загородняя, 2012, с. 67–71].

Целью данного исследования является выявление следов истирания на поверхности галечных орудий, полученных в результате экспериментальной обработки растительного материала, кости и камня.

Для проведения эксперимента были взяты 8 гранитных и кварцитовых галек и 1 гранитная плита, с помощью которых производилась обработка растительных материалов различной твердости, кость, камень (донбасский кремень).

1. Галька овальной формы. Размеры: длина – 95 мм, ширина – 53 мм, высота – 41 мм. На боковой стороне гальки в результате растирания зерен образовалась заглаженная блестящая поверхность с неглубоким углублением в центре и линейные следы истирания. На одной из торцовых сторон гальки в результате дробления мягких зерен (ячменя) образовались следы мелкоточечной выбивки.

2. Галька четырехугольной формы. Размеры: длина – 65 мм, ширина – 48 мм, высота – 47 мм. На нижней стороне орудия в результате растирания зерен твердых сортов (пшеницы) образовалась заглаженная блестящая рабочая поверхность. В результате дробления зерен пшеницы в центральной части нижней рабочей поверхности и на торцовой части орудия образовались следы мелкоточечной выбивки.

3. Галька четырехугольной формы. Размеры: длина – 106 мм, ширина – 55 мм, высота – 63 мм. На торцовой стороне орудия в результате раскалывания скорлупы ореха (миндаля) образовались ярко выраженные следы мелкоточечной выбивки. В результате раскалывания частицы скорлупы отложились в углублениях естественного происхождения на поверхности орудия. На нижней стороне орудия в результате растирания ядра миндаля образовалась заглаженная блестящая поверхность, которая имеет более темный цвет, в отличие от остальной части поверхности гальки.

4. Галька треугольной формы. Размеры: длина – 97 мм, ширина – 49 мм, высота – 61 мм. На боковой стороне гальки в результате растирания зерен ячменя образовалась заглаженная блестящая поверхность с ярко выраженными линейными следами. В результате дробления мягких зерен (ячменя) на боковой рабочей поверхности и на торце орудия образовались слабо выраженные следы мелкоточечной выбивки.

5. Галька треугольной формы. Размеры: длина – 89 мм, ширина – 53 мм, высота – 59 мм. В центральной части нижней стороны орудия каменной пластиной была нанесена поковка для более удобного захвата растираемого материала. Поковка представляет собой вогнутую область мелких выбоин, локализующихся в центре рабочей поверхности. В результате растирания зерен твердых сортов (пшеницы) рабочая поверхность с поковкой стала немного заглаженной. На торцовой части орудия в результате разминания материала образовались слабо выраженные следы мелкоточечной выбивки.

6. Галька четырехугольной формы. Размеры: длина – 86 мм, ширина – 47 мм, высота – 37 мм. В результате нанесения однорядной ретуши орудием на пластину длиной 104 мм на нижней стороне гальки образовались следы в виде мелких царапин, расположенных от боковых сторон поверхности к центру. На боковых гранях в результате нанесения ретуши образовались мелкие выбоины, от которых распространяются царапины, переходящие на нижнюю поверхность орудия.

7. Галька треугольной формы. Размеры: длина – 107 мм, ширина – 69 мм, высота – 46 мм. В результате нанесения однорядной ретуши на пластину длиной 97 мм на краях нижней части орудия образовались мелкие царапины, распространяющиеся по большей части нижней рабочей поверхности, а также мелкие выбоины в результате взаимодействия орудия с каменной пластиной. Рабочая поверхность гальки в результате обработки каменной пластины стала заглаженной и приобрела блеск.

8. Галька подовальной формы. Размеры: длина – 134 мм, ширина – 80 мм, высота – 56 мм. В результате дробления и разминания костей торцовая часть орудия оказалась сильно сбитой,

нижняя сторона гальки имеет слабо выраженные следы мелкоточечной выбивки и мелкие царапины, расположенные в основном в центре рабочей поверхности.

9. Нижняя терочная плита неправильной четырехугольной формы. Размеры: длина – 178 мм, ширина – 160 мм, высота – 58 мм. Верхняя часть поверхности терочной плиты в результате дробления, разминания и растирания вышеперечисленных материалов стала немного заглаженной, в центре поверхности образовались слабо выраженные выбоины и мелкие царапины.

По итогам проведенного эксперимента можно сделать следующие выводы: на поверхности галечных орудий (терочников), применявшихся для обработки растительных материалов и костей, линейные следы истирания и блеск локализуются на нижней рабочей поверхности, а мелкоточечная выбивка – на торцовой части орудия. На поверхностях ретушеров, используемых для обработки камня, следы истирания в виде царапин и выбоин расположены, как и у терочников, на нижней рабочей поверхности. Ретушеры на рабочих поверхностях имеют более отчетливые следы (царапины), что связано с твердостью обрабатываемого материала (камень), в то время как терочники для обработки зерна и кости имеют слабо выраженные следы (линейные следы и мелкоточечная выбивка). Поверхности терочников для обработки зерен имеют более отчетливый блеск, в отличие от поверхностей орудий для обработки кости и ретушеров. На поверхностях гранитных галечных орудий в связи с особой твердостью сырья мелкоточечная выбивка и линейные следы более слабо выражены, в отличие от следов на поверхностях остальных орудий. Поэтому можно сказать, что на характер следов на поверхностях галечных орудий влияют особенности природного сырья и характер обрабатываемых материалов.

Песты-терочники и нижние каменные плиты встречались в культурных слоях верхнепалеолитических памятников Европейской части России, что позволило А. Н. Рогачеву утверждать, что в эпоху верхнего палеолита на данной территории такая форма присваивающего хозяйства, как собирательство, приобретало усложненную форму [Рогачев, 1973, с. 140]. На поверхностях пестов-терочников памятников Костенковско-Борщевского района имеются следы мелкоточечной выбивки, расположенные по большей части на торцах и гранях орудий, и ярко выраженный блеск на нижних рабочих поверхностях [Рогачев, 1973, с. 128–134]. Такое сходство следов на поверхности орудий, исследованных А. Н. Рогачевым, и следов, полученных нами в результате проведенного эксперимента, может подтвердить возможность зарождения усложненной формы собирательства в эпоху верхнего палеолита.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Л. В. Лбова

Список литературы

Рогачев А. Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской Равнине / А. Н. Рогачев // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. – М., 1973. – С. 127–141.

Степанова К. С. Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород / К. С. Степанова, О. Н. Загородняя // РА. – 2012. – № 2. – С. 67–71.

Experimental study of pebble tools (the concept of complicated gathering)

V. A. Veselovskaya

The article presents the result of our experiments to detect traces on the surface of pebble tools that have been used for the treatment of plant, stone and bone materials. Conducted ratio pebble tools resulting from the findings of the Upper Paleolithic sites on Russian plain to confirm the concept of sophisticated gathering proposed by A. N. Rogachev (1973).

Keywords: pebble tools, experiment, work surface, grinding, crushing, retouching, complication gathering.

Веселовская Вероника Алексеевна
магистрант 1-го года обучения,
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: veselovskaya.94@mail.ru

Veselovskaya Veronika Alekseyevna
graduate student 1st year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: veselovskaya.94@mail.ru

УДК 902/903

Средний палеолит Восточного Забайкалья: к постановке проблемы

Н. О. Викулова, Е. А. Филатов, И. В. Усенков
Забайкальский государственный университет, Чита

При построении концепций, раскрывающих движение древних гоминидов и освоение древним человеком Евразии, очень важно учитывать информацию по всем регионам, несмотря на различную степень их изученности. Одним из регионов, на территории которого расположено большое количество памятников, включающих материалы среднепалеолитического облика, является Восточное Забайкалье.

Изучение палеолита Восточного Забайкалья начиналось с отдельных находок, обнаруженных в долинах р. Ингоды и Онона А. К. Кузнецовым, С. И. Руденко, Г. П. Сосновским, И. В. Арембовским. На Титовской сопке в черте г. Чита сборами каменных грубых каменных изделий занимались краеведы Е. И. Титов и А. И. Махалов.

Исследования Бурят-Монгольской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А. П. Окладникова на территории Восточного Забайкалья обозначили новый этап в изучении палеолита. В статье И. И. Кириллова и М. В. Константинова сообщается, «что эта работа сразу дала результаты: были открыты палеолитическая стоянка у станции Атамановка и стоянка-мастерская на Титовской сопке». Причем авторами делается интересный вывод о наличии различных «вариантов палеолитических культур» (индустрий) «галечной техники расщепления и леваллуа» [Кириллов, Константинов, 1968, с. 82].

В 1950 г. А. П. Окладников представил в отчете для ОПИ сведения о стоянке-мастерской палеолитического времени, которая потом получила его имя. Вообще он с большим интересом относился к территории Забайкалья, называя её «связующим звеном между палеолитом Запада и Востока» [Окладников, 1976, с. 385]. В публикациях он касается вопроса об истоках палеолита Забайкалья и путях заселения этого края. Но при этом в обобщающей статье 1959 г. А. П. Окладников указывает на то, что наиболее древние Забайкальские памятники каменного века датируются эпохой верхнего палеолита [Окладников, 1959, с. 3].

М. В. Константинов в статье «Развитие взглядов на палеолит Забайкалья» отмечает, что ещё в 1920-х гг. возникла и постепенно укреплялась теория о своеобразии палеолита Сибири, которое выражается в сочетании обычных позднепалеолитических и более архаичных по облику изделий, вызывающих в памяти мустьерские. Присутствие «архаичного» комплекса объяснялось А. П. Окладниковым хозяйственно-бытовыми нуждами сибирского палеолитического населения [Константинов, 1983, с. 33]. В дальнейшем А. П. Окладниковым был выделен леваллуазский культурно-исторический этап в формировании палеолита Забайкалья. Первым памятником, который был отнесен к леваллуазскому этапу, стала Варварина гора.

Для территории Восточного Забайкалья важным открытием стало изучение поселения Сухотино-1, которое входит в Сухотинскую группу стоянок, расположенную на Титовской сопке в черте г. Чита. Стоянка зафиксирована на террасе высотой 40 м над урезом р. Ингоды.

Отложения стоянки были изучены на площади 70 кв.м. Выявлено 3 литологических слоя: 1-й – светло-гумусированная супесь мощностью 25 см; 2-й – желтоватый песок мощностью до 2,5 м; 3-й – светло-серый песок. Основная масса каменных изделий залегает на глубине 15–30 см, на контакте между первым и вторым слоями. Зафиксированный археологический материал представлен каменными изделиями, которые несут следы глубокой патины. Технокомплекс включает в себя 542 предмета.

Нуклеусы, в основном, представлены грубыми заготовками, имеют место леваллуазские формы. Пластины несут на себе следы вторичной обработки в виде полукрутой ретуши дорсального и вентрального способа наложения, а также в виде выемок-анкошей. Орудия с выемками выделяются в особую группу, функционально определяются как скобели. Из других орудий выделяются два скребла овальной формы с массивным выпуклым рабочим краем. Скребла обработаны с обеих сторон грубой ретушью, а овальные лезвия имеют дополнительную подправку по краю. Два ножа – подтреугольной формы. Первый из них обработан противолежащей ретушью и имеет слегка зубчатое обоюдоострое лезвие. В целом инвентарь данного поселения, по определению А. П. Окладникова, «имеет отчетливый леваллуазский облик». Он определяется характерными леваллуазскими чертами первичного расщепления, а также наличием отщепов и пластин с выемками [Окладников, Кириллов, 1976, с. 420].

В 1979 г. на топоплане, представленном в отчете И. И. Кириллова, появляется Сухотинская мастерская, подъемные материалы которой отли-

чаются архаичным обликом [Кириллов, 1979, с. 42].

Дальнейшие исследования на предмет выявления памятников, иллюстрирующих элементы материальной культуры среднего палеолита, также связаны с именем И. И. Кириллова. В одной из статей [Кириллов, Каспаров, 1990, с. 196] он поднимает проблему необходимости изучения памятников древнейших эпох с целью выявления генетических связей культур внутри региона, представляя материалы памятников Зилово-1, Арта -2, Сухотино-6.

Стоянка-мастерская Сухотино-6, открытая в 1988 г., находится на выположенном участке поверхности, обрывающейся отвесными скальными выходами в сторону р. Ингоды, на высоте 56 м над урезом реки. Отложения представлены суглинками с дресвой и щебнем. Зафиксировано 2 культурных слоя, разделенных стерильной прослойкой мощностью до 40 см. В первом слое материал более многочисленный: отщепы, сколы, фрагменты пластин, средние и крупные желваки со следами сколов, нуклеусы подпризматические одноплощадочные, однофронтальные. Среди оформленных орудий скребки, проколки, скобели, рабочий край которых сформирован крутой и полукрутой ретушью дорсального и вентрального способа наложения. Зафиксирована серия выемчато-зубчатых форм и два изделия типа лимасов.

Во втором слое, помимо кубовидных кусков породы со следами сколов и отходов производства, найдено три нуклеуса леваллуа и соответствующие им пластины, часть которых подправлена краевой ретушью [Кириллов, Каспаров, 1990, с. 196].

В качестве основных аргументов, свидетельствующих в пользу древности археологического материала стоянки-мастерской Сухотино-6, И. И. Кирилловым приводится технолого-типологический анализ каменного инвентаря. При этом, в описании каменного инвентаря стоянки-мастерской автор использует как верхнепалеолитическую терминологию, так и среднепалеолитическую, отмечая наличие зубчато-выемчатых форм.

По мнению И. И. Кириллова интерес представляют нижние горизонты поселения Зилово-1 на р. Белый Урюм (бассейн р. Шилка), которое известно с 1993 г. Стоянка расположена на террасе высотой 24 м, юго-западная её часть разрушена карьером до глубины 8,5 м. В разрезе до глубины 7 м прослеживается 8 культурных слоев. Основная часть каменных инструментов изготовлена из кремнистого сланца зеленоватого цвета. Наиболее архаичный материал представлен в слоях 5–6. Встречаются массивные отщепы с выемками-анкошами, также своеобразные рубящие изделия с выпуклым лезвием, оформленным с двух сторон и галечной коркой на противоположном конце. В слое преобладают уплощенные однофронтальные ядрища подтреугольной формы с оформленными ударными площадками и фасетками снятий по длинной оси, противоположная сторона уплощена разнонаправленными сколами либо сохраняет естественную поверхность. Находки имеют интенсивно дефлированные поверхности. Слои 7 и 8 скрыты осыпями, но в местах их выхода на поверхность найдено несколько грубых отщепов и расслоившихся фрагментов кости [Кириллов, Каспаров, 1990, с. 195; Кириллов, Ковычев, Черенщиков, 1995, с. 202]. Слои 5–6 на основании технолого-типологического анализа каменного инвентаря предварительно отнесены были к началу среднего палеолита. Вопрос о хронологической принадлежности слоев 7 и 8 остается пока открытым.

К среднему палеолиту И. И. Кирилловым отнесены материалы палеолитической стоянки Арта-2 на р. Арта, притоке р. Ингода. Арта-2 расположена на террасе высотой 14–20 м. Здесь выявлено 6 культурных слоев. Наибольший интерес представляют слои 5–6. В слое 5 обнаружены немногочисленные артефакты: крупные желваки мраморизированной породы со следами сколов, 2 подтреугольные пластины леваллуазского облика, чопперовидные орудия. По углю из слоя 5 получена дата 37 360±2 000 л. н. [Кириллов, Каспаров, 1990, с. 196]. Наличие в слое 5 артефактов леваллуазского облика, вероятно, послужило основанием для отнесения этого слоя к среднему палеолиту. В слое 6, который располагается на 5,8 м ниже слоя 5, зафиксированы отдельные желваки мраморизированной породы со следами сколов и фаунистические остатки, среди которых кости мамонта, шерстистого носорога, пещерной гиены и пещерного льва. Хронологическая принадлежность этих находок может быть определена в рамках дальнейших исследований.

На современном этапе исследований в Восточном Забайкалье ведется работа по изучению уже известных и выявлению новых археологических памятников представленных среднепалеолитическими и более архаичными индустриями. Возобновились работы в рамках Сухотинского археологического комплекса. Основные исследования проводятся отрядом Чикойской археологической экспедиции на стоянке-мастерской Сухотино-6, стоянке Сухотино-8 и мастерской Сухотино-12.

Изыскания по выявлению памятников археологии, иллюстрирующих среднепалеолитические индустрии, осуществляются в бассейне р. Онон. По итогам разведок П. В. Мороза в 2009 г. было выявлено два объекта, анализ материалов которых позволил автору открытия отнести их к среднепалеолитическим. Это местонахождения Дальние Шивычи и Тарбальджей [Мороз, 2013, с. 138].

По итогам полевого сезона 2014 г. автором зафиксировано три пункта с подъемным мате-

риалом в Борзинском районе Забайкальского края в черте с. Кондуй. На гипсометрических уровнях 180–200 м над уровнем небольшой р. Кондуй выявлены скопления археологического материала в виде каменного инвентаря среднепалеолитического облика, сырьевой базой для которого служил кварцит местного происхождения. Каменный инвентарь представлен ядрищами радиального принципа расщепления, отдельные нуклеусы отмечены бессистемными снятиями. Орудийный набор включает в себя рубящие и чопперовидные изделия, орудия с носиком, а также зубчато-выемчатые формы. Коллекция насчитывает около 300 изделий.

Таким образом, мы можем говорить о наличии отдельных памятников на территории Восточного Забайкалья, которые демонстрируют материалы среднепалеолитического облика. Изучение среднего палеолита как эпохи становления культурных общностей, использовавших различные стратегии адаптации, крайне важно для понимания условий формирования человека современного антропологического типа и истории освоения Евразии. Нашей задачей было обозначение проблемы изучения среднего палеолита на территории Восточного Забайкалья, которая неоднократно поднималась, но её решение не выходило на уровень систематических исследований. Проблема среднего палеолита Восточного Забайкалья находится на стадии накопления материалов и формирования представлений об особенностях среднепалеолитических индустрий и их месте в палеолите Северной Азии.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор М. В. Константинов

Список литературы

Кириллов И. И. Научный отчет о раскопках в Читинской области в 1979 г. / И. И. Кириллов. – Чита, 1979. – 89 с.

Кириллов И. И. Археология Забайкалья: Проблемы и перспективы (эпоха палеолита) / И. И. Кириллов, А. К. Каспаров // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск : Ин-т теплофизики СО АН СССР, 1990. – С. 194–198.

Кириллов И. И. Новые палеолитические памятники в бассейне реки Ингоды / И. И. Кириллов, М. В. Константинов // Ученые записки ЧГПИ.– Чита, 1968. – Вып. 18. – С. 81–91.

Кириллов И. И. Аксеново-Зиловский комплекс археологических памятников / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, О. Ю. Черенщиков // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов, антропологов Сиб. и Д. Вост. в 1993 г. – Новосибирск : НГУ, 1995. – С. 201–203.

Константинов М. В. Развитие взглядов на палеолит Западного Забайкалья / М. В. Константинов // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск : Наука. – 1983. – С. 26–45.

Коновалов П. Б. Состояние и задачи археологии Забайкалья / П. Б. Коновалов, И. И. Кириллов // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск : Наука. – 1983. – С. 3–26.

Мороз П. В. Среднепалеолитические памятники южного Забайкалья (по материалам с поверхностным культурным горизонтом) / П. В. Мороз // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Чита, 2013. – Ч. 1. – С. 137–145.

Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк / А. П. Окладников // Археологический сборник. – Улан-Удэ : БурГИЗ, 1959. – Вып.1. – С. 2–26.

Окладников А. П. Палеолитическое поселение Сохатино (Титовская сопка) / А. П. Окладников, И. И. Кириллов // История и культура Бурятии. – Улан-Удэ : Бурятское кн. изд-во, 1976. – С. 416–421.

Middle Paleolithic in Eastern Zabaikalye: propose discuss problem

N. O. Vikulova, Ye. A. Filatov, I. V. Usenkov

The article features the data about the sites on the territory of Eastern Zabaikalye which demonstrate lithic tool-kit of Middle Paleolithic appearance. The article addresses the lack of research of Middle Paleolithic industries in Eastern Zabaikalye region. The necessity for research is obvious due to the fact that concepts are being formed which reveal the migration of earliest hominids and due to the adamant theories about earliest human settling in Eurasia. The author raises the problem of the necessity to investigate ancient sites with the aim of identifying genetic connections between cultures inside the region.

Keywords: Eastern Zabaikalye, Middle Paleolithic, lithic industries, technocomplex

Викулова Наталья Олеговна
магистрант 2-го года обучения,
Забайкальский государственный университет
e-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Filatov Yegor Alekseevich
student 2nd year, Zabaykalski State University
e-mail: egor_filatov_1992@mail.ru

Filatov Yegor Alekseevich
student 2nd year, Zabaykalski State University
e-mail: egor_filatov_1992@mail.ru

Usenkov Ivan Vladimirovich
student 2nd year, Zabaykalski State University

Vikulova Natalya Olegovna
graduate student 2nd year,
Zabaykalski State University
e-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Усенков Иван Владимирович
студент 2-го курса, Забайкальский государственный университет

УДК 903-03

Остеологические материалы палеолитических поселений Усть-Менза-1, 2, Студеное-1, 2: антропогенные и природные факторы воздействия

А. Ю. Мороз

Забайкальский центр научно-технической информации и библиотек – Музей истории Забайкальской железной дороги, Чита

Фаунистические материалы являются одним из важнейших источников изучения археологических памятников. Их присутствие в палеолитических коллекциях представляет неоценимую возможность дополнить данные, полученные при анализе каменного инвентаря и структур обитания, а также иных немногочисленных источников. Однако во время анализа археофаунистических материалов исследователи сталкиваются с проблемой разграничения различных типов воздействия на фаунистические остатки. Повреждения, которым подвергся тот или иной экземпляр, могут быть результатом воздействия как естественных процессов, так и модификаций, внесенных человеком. При выяснении приблизительной последовательности пре-, пост- и депозиционных повреждений для каждого экземпляра исследователю приходится принимать во внимание значительное количество возможных агентов влияния [Davis, 1987, p. 19]. Поэтому для коллекций остеологических материалов палеолитических поселений Усть-Менза-1, 2, Студеное-1, 2 был произведен комплексный анализ по ряду показателей, предложенных С. Г. Васильевым [Васильев, 2004]: количество экземпляров в культурном горизонте, количество целых костей, неопределимых осколков, обломков трубчатых костей, сохранность (по 5-бальной шкале, где 5 – наилучшая сохранность), наличие на поверхности погрызов грызунов, погрызов хищников, анатомическая принадлежность костей (кости конечностей / кости черепа / кости позвоночного столба и т. д.), наличие остатков рога, следы воздействия корневой системы (дендриты), кислотное воздействие почвы, линейное растрескивание, следы перемещения объекта в грунте.

Антропогенные факторы включают такие показатели: термообработка поверхности кости (обжиг / варка), наличие следов рассечения, принадлежность к нуклеоидной технике, следы вторичной обработки, принадлежность к орудийному фонду, следы резания на поверхности. Статистические данные по этим факторам воздействия в обобщенном виде представлены на графике (рис.1).

Общая численность проанализированных остеологических материалов из обнаруженных на палеолитических объектах Студеное-1, Студеное-2, Усть-Менза-1, Усть-Менза-2 составила 2 809 экземпляров. Видовой состав памятников является характерным для рассматриваемого периода региона – это фауна сартанского и голоценового периода: *Bison sp.*, *Capra (Idex) sibirica Pallas*, *Ovis ammon L.*, многочисленны также зубы горного барана *Ovis ammon ammon*, в коллекциях присутствуют кости *Equus (Equus) sp.*, *Cervus elapus, Vulpes vulpes*.

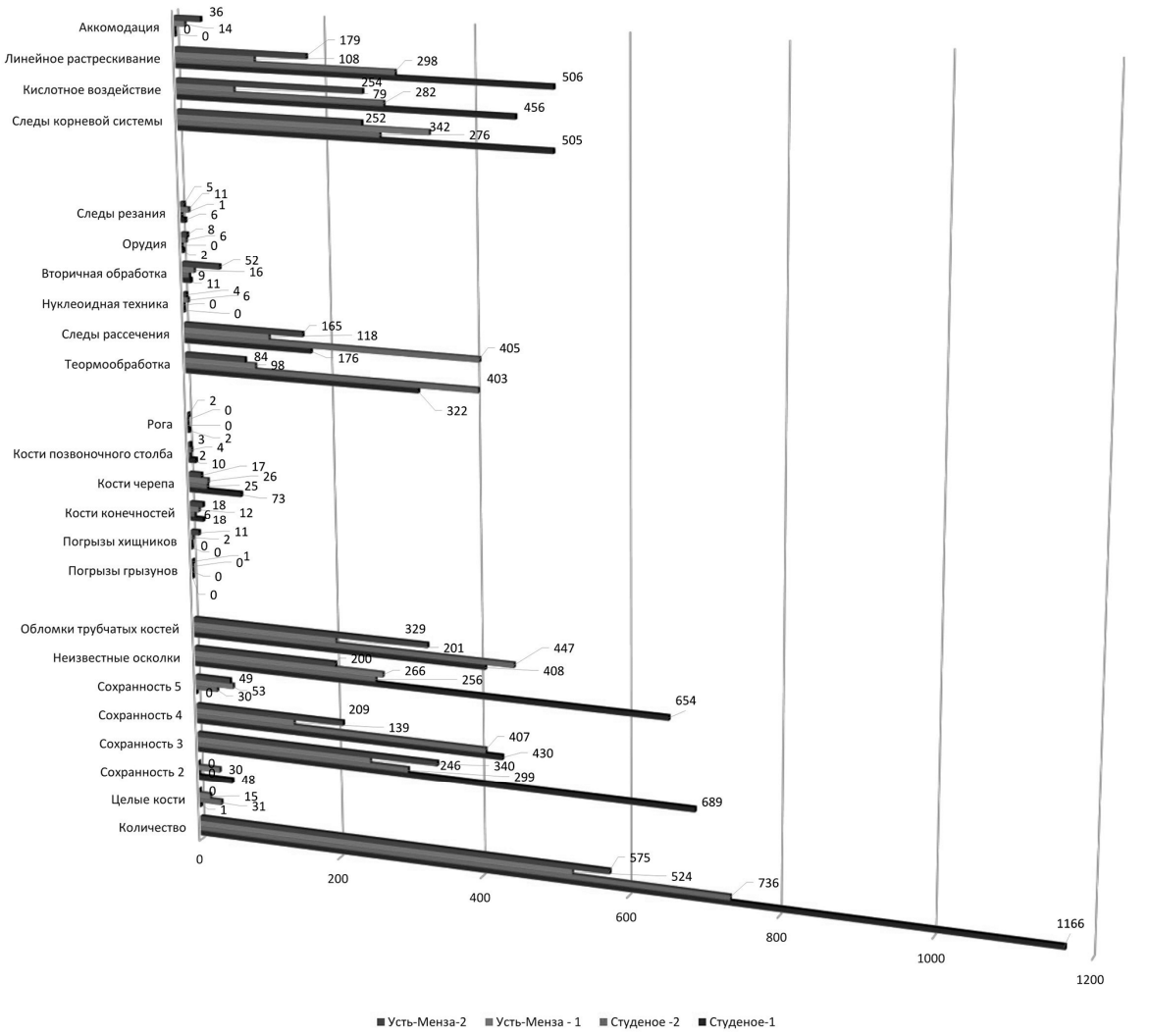
Ни на одном объекте не обнаружено костей шейного и поясничного отделов, костей таза. Это по нашему мнению, может свидетельствовать о разделке туш животных непосредственно на месте охоты и доставке на поселение только жизненно необходимых и хозяйственно полезных костей животных. Если принимать во внимание сильную фрагментированность остатков коллекции, то она только подтверждает присутствие на памятниках большого количества костей конечностей, ведь большая часть материалов каждого памятника – осколки трубчатых костей. Наличие следов расщепления на значительном количестве экземпляров костей (в среднем до 1/3), присутствие большого количества осколков, отделенных в древности, обожженные кости, присутствие следов разделки и нуклеоидного расщепления, вторичной обработки на всех объектах, а также малое влияние животных на состояние костей позволяют говорить о том, что для всех рассмотренных археологических памятников характерно преобладание антропогенных факторов формирования остеологических остатков.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор М. В. Константинов

Список литературы.

Васильев С. Г. Археологическое изучение остеологических материалов на примере палеолитического поселения Толбага : автореф. дис. … канд. ист. наук / С. Г. Васильев. – Чита, 2004. – 28 с.

Davis Simon J. M. The Archaeology of Animals / S. J. M. Davis. – Haven and London : Yale University Press, 1987. – 225 p.



The osteological materials from Paleolithic sites Studenoe-1, 2, Ust-Menza-1, 2: anthropogenic and natural factors of influence

A. Y. Moroz

The article describes the experience of using complex analysis of faunal materials from from Paleolithic sites Studenoe-1, -2, Ust-Menza-1, -2. Osteological collections have been considered on a basis of anthropogenic and natural influence factors. Statistical data are diagrammed. Results of the study suggest that anthropogenic factors have had a decisive influence.

Keywords: Zooarhaeology, faunal materials, osteological collection, Paleolithic sites Studenoe-1, -2, Ust-Menza-1, -2.

Мороз Альбина Юрьевна
младший научный сотрудник Забайкальский центр научно-технической информации и библиотек – Музей истории Забайкальской железной дороги
e-mail: freealya@gmail.com

Moroz Albina Yur'evna
junior researcher, The Transbaikal center for Scientific and Technical information and libraries – The museum if History of TransBaikal Railway
e-mail: freealya@gmail.com

УДК 903.3

Конструкция из костей мамонта, обнаруженная в 2014 г. на памятнике Костенки 11*

Д. В. Смычагина
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск
*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14-28-00045)

Памятник Костенки 11 (Аносовка 2) представляет собой многослойную стоянку с остатками округлых наземных жилищ, датированных в пределах 20-16 тыс. л.н. [Аникович, Попов, Платонова, 2008, с. 208]. Стоянка была открыта А. Н. Рогачевым в 1951 г., зафиксировано шесть культурных слоев. К 1965 г. в слое Iа были расчищены остатки первой конструкции из костей мамонта (жилого комплекса), в 1970 г. обнаружились остатки второй аналогичной конструкции [Палеолит Костенковско-Борщевского..., 1982, с. 116]. Ныне остатки первого жилища в расчищенном виде экспонируются в здании музея «Костенки». Эти остатки образуют внешнее кольцевое нагромождение, в котором выделяют 8 секций, состоящих из однотипных костей [Аникович, Попов, Платонова, 2008, с. 209].

Раскопом 2014 г. вскрыто 150 кв. м севернее здания музея (общее руководство раскопками осуществлял А. Е. Дудин). В ходе работ выявлено дугообразное скопление костей мамонта, идентифицированное как часть округлой костноземляной конструкции. На данном этапе возможно предварительное сопоставление конструктивных особенностей части этой постройки с уже известными в Костенковско-Борщевском районе.

Костяная конструкция, судя по части, вскрытой в 2014 г., имела округлую форму. Расчищенная ее часть (сектор) размером 4,5 м по линии З–В, 5 м – по линии С–Ю. Обнаружено не менее шести черепов мамонта, которые находились на границе скопления, ближе к центру конструкции. Рядом с черепами зафиксированы тазовые кости. Ближе к северной границе раскопа скопление расширяется, начинают преобладать крупные кости, в том числе плечевые и берцовые (всего в конструкции около 20), бивни (7) и лопатки (5). Нижних челюстей мамонта на вскрытой площади обнаружено две, одна из них находилась на внешней границе скопления, другая немного ближе к центру, обе ветвями вовнутрь конструкции.

В отличие от северной, южная часть скопления состоит преимущественно из более мелких костей: позвонков, ребер, эпифизных частей других костей. В этой части скопления найден также один бивень, однако по размеру он намного меньше других.

В центральной части конструкции обнаружено пятно прокала (размеры 1,5×1,5 м), в котором практически нет находок костей и немного каменных артефактов. За пределами пятна концентрация каменных артефактов повышается. Находки представлены отщепами и микроотщепами (1–5 см в длину). Другое скопление каменных артефактов совпадает с внешней границей костяного нагромождения. Здесь же найдены кусочки красной охры.

Таким образом, из зафиксированных 430 артефактов 110 располагались по периметру пятна прокала, 140 – по внешней границе костяного скопления.

На расстоянии 0,5–1 м от внешнего края костяного нагромождения обнаружено два небольших скопления костей. Кости скоплений залегали на 0,5 м ниже, чем кости основной части конструкции. На данный момент не установлено, в каком литологическом слое залегают данные объекты, а следовательно, можно ли относить их к описываемой конструкции, но визуально данная ситуация напоминает расположение ямкладовых по периметру первого музеефицированного жилого комплекса стоянки Костенки 11. Обнаруженная конструкция имеет и другие аналогии с первым жилым комплексом, относимым к жилищам аносовско-мезинского типа.

Аносовско-мезинский тип постройки впервые был выделен А. Н. Рогачевым [Рогачев, 1962, с. 12–17]. Впоследствии это понятие было сформулировано как «округлое в плане наземное костноземляное жилище с двумя – четырьмя окружающими его ямами-кладовыми» [Рогачев, Аникович, 1984, с. 189–192]. Такой тип построек обнаруживает аналогии на ряде восточноевропейских стоянок: Мезин, Межиричи, Добраничевка, Юдиново, Гонцы и др. В Костенковско-Борщевском районе жилые комплексы этого типа найдены на памятниках Костенки 2 и Костенки 11.

На основании изучения конструктивных особенностей первого жилого комплекса стоянки Костенки 11, опираясь на этнографические параллели, В. В. Попов предложил следующую реконструкцию. Жилище имело округлое основание диаметром около 7 м, углубленное на 30 см. По краю длины окружности возвышался вал высотой до 70 см, состоящий из грунта, извлеченного при углублении основания. Для его укрепления, секциями укладывали кости мамонта и добавляли золу и костный уголь. Пары черепов являлись ядром каждой секции. Вокруг них укладывались лопатки, нижние челюсти, тазовые кости. Вертикально стоящие трубчатые кости были стойками, на которые они опирались [Попов, 2003, с. 183]. Данную реконструкцию можно условно принять за образец «эталонного» жилища данного типа, дающий возможность сравнения его конструкции с материалами 2014 г.

Однако ныне вскрыта ориентировочно 1/6 часть конструкции, поэтому выводы относительно ее строения носят предварительный характер. Черепа мамонта расположены в обоих случаях у внутренней границы костяного скопления, но в отличие от первого жилого комплекса, во вскрытой конструкции пары черепов расположены перпендикулярно длинной оси скопления. Как и в первом комплексе, центральная часть вскрытой конструкции слабее насыщена костным материалом. Однако, в последней имеется практически свободное от находок пятно прокала. Ширина полосы костяного скопления в первом случае в среднем составляет 1 м, во втором – 1,5 м.

Размеры первого жилища, скорее всего, были близки размерам конструкции, вскрытой в 2014 г., общая площадь скопления в первом случае около 63 кв. м., во втором может быть аналогичной, если исходить из размеров вскрытой части. В. В. Попов для внутренней площади первого жилища предполагает диаметр основания около 7 м (с учетом оплыва вала) [Попов, 2003, с. 183], т.е. около 38 кв. м. Ширина костяного скопления во втором случае достигает 2 м, таким образом, внутренняя площадь конструкции должна была быть несколько меньше. Если сравнивать эти размеры с размерами других жилищ аносовско-мезинского типа, то конструкции Костенок 11 по площади значительно превышают их средние размеры. Эти жилища имели внутреннюю площадь (по площади пола): от 20 кв. м (Гонцы, Мезин) до 23 кв. м (Межиричи) [Пидопличко, 1969, с. 45, 77, 111]. Другой аналогией может служить скопление костей в виде полукруга радиусом 4,5 м, состоящее из четырех участков, обособленных в плане, различных по составу костей на стоянке Борщево 1 [Палеолит Костенковско-Борщевского..., 1982, с. 214]. Однако памятник исследовался преимущественно шурфовкой, и сохранность костного материала исключительно плохая.

Таким образом, конструкция, обнаруженная в 2014 г., демонстрирует основные признаки, приписываемые жилищам аносовско-мезинского типа:

– использование костей мамонта как основного строительного материала. Все жилища аносовско-мезинского типа должны были являться костно-земляными постройками, так как исключительно костяная конструкция не могла быть достаточно устойчивой и выдерживать собственный вес [Попов, 2003, с. 184]. Косвенно наличие земляной насыпи подтверждается и хорошей сохранностью костей, которые подверглись бы большему разрушению, находясь на открытом воздухе, и их положением в скоплении, близком к первоначальному;

– округлая в плане форма;

– строение цоколя: во всех случаях черепа мамонтов считаются конструктивным основанием цоколя жилища, и их расположение в рассматриваемом случае идентично другим конструкциям указанного типа. Также отмечается использование для постройки цоколя тазовых и крупных трубчатых костей, что зафиксировано и в описываемом костяном скоплении;

– возможность выделения секторов костяного скопления на основании группировки определенных видов костей: сочетание пар черепов с тазовыми костями и лопатками, трубчатые кости, уложенные вдоль длинной оси скопления и поставленные вертикально на его внешнем крае.

Обнаруженные по периметру основной конструкции небольшие костяные скопления могут являться аналогичными «ямами-кладовыми» как у музеефицированного жилища.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Л. В. Лбова

Список литературы

Аникович М. В. Палеолит Костенко-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы / М. В. Аникович, В. В. Попов, Н. И. Платонова // Труды Костенко-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. – СПб. : Нестор-История, 2008. – Вып. 1. – 304 с.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону, 1879-1979: Некоторые итоги полевых исследований / Под. ред. Н. Д. Праслова, А. Н. Рогачева. – Л. : Наука, 1982. – 288 с.

Пидопличко И. Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине / И. Г. Пидопличко. – Киев : Наукова думка, 1969. – 165 с.

Попов В. В. Кости мамонта в конструкции жилища аносовско-мезинского типа на стоянке Костенки 11 (Аносовка 2) / В. В. Попов // Stratumplus. – 2003. – № 1. – С. 157–186.

Рогачев А. Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине / А. Н. Рогачев // КСИА. – 1962. – Вып. 92. – С. 12–17.

Рогачев А. Н. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма / А. Н. Рогачев, М. В. Аникович // Палеолит СССР. – М. : Наука, 1984. – С. 162–271.

The construction of mammoth bones found on the Kostenky 11 site in 2014

D. V. Smychagina

The article describes the structure of mammoth bones found on the site Kostenky-11 during excavations in 2014. Cambered congestion of bones has been discovered. In this congestion stone waste flakes and pieces of red ocher were found. On these grounds the structure, discovered in 2014, is classified as a dwelling of Anosov-Mezin type.

Keywords: Anosov-Mezin type, Kostenky, mammoth bone, earthen construction.

Смычагина Дарья Валерьевна
магистрант 1-го года обучения, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

Smychagina Daria Valeryevna
graduate student 1st year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: dasha-smychagina@yandex.ru

УДК 902/903

Палеолитическая мастерская Сухотино-12

Е. А. Филатов, Н. О. Викулова, П. А. Мухамудьянов
Забайкальский государственный университет, Чита

Мастерские каменного века на территории Забайкальского края представлены в основном памятниками Титовской сопки, находящейся в восточном Забайкалье, в окрестностях г. Чита.

Первая мастерская была открыта А. П. Окладниковым в 1950 г. Мастерская находится на северо-восточном склоне Титовской сопки, на высоте 95 м над уровнем Ингоды. В 1961 г. были проведены раскопки С. Н. Астаховым под руководством А. П. Окладникова. В ходе работ удалось выявить информативный археологический материал, включающий в себя нуклеусы, орудия, большое количество отходов первичного расщепления, кости животных, костяные отжимники, а также следы примитивных ям. Выявлено три культурных слоя. Нижний представлен сероватым лессовидным суглинком мощностью до 50 см с находками каменных изделий с леваллуазской традицией в обработке: нуклеусы и соответствующие им пластины подтреугольных очертаний, иногда с выемками, и в незначительном количестве нуклеусы подпризматической формы [Береговая, 1960]. В 1969 г. отрядом ЧГПИ под руководством И. И. Кирилова на мастерской был заложен раскоп площадью 100 кв. м. Были выявлены ямы по добыче камня, кострища, кирки из рогов животных, подпризматические, торцовые, леваллуазские нуклеусы, заготовки каменных орудий [Кириллов, Кириллов, 2011]. С 1980 г. мастерская на Титовской сопке носит имя А. П. Окладникова.

В 700 м от мастерской им. А. П. Окладникова находится мастерская Скальная 1, известная с 1977 г. В 1986 г. она исследовалась С. Г. Васильевым. Автор исследований характеризует ее как верхнепалеолитическую мастерскую с культурным горизонтом поверхностного залегания [Васильев, 1985].

На юго-восточном склоне Титовской сопки интерес представляет мастерская Сухотино-6, открытая в 1986 г. И. И. Кирилловым. В супесчаных отложениях склона на отметке 62 м над уровнем реки был выявлен архаичный по облику каменный материал, включающий шиповидные и зубчатые орудия, массивные скребла, крупные ортогональные нуклеусы. Автором выделено два культурных слоя, отнесенных к «ашело-мустьерскому» времени [Кириллов, Каспаров, 1990].

Нами исследовалась мастерская Сухотино-12 (Сухотинская мастерская). Как местонахождение с подъемным материалом оно известно с 1974 г. Сведения о памятнике не публиковались.

В 2013 г. проведено внешнее обследование территории памятника и заложен шурф. В сентябре того же года памятник демонстрировался участником IV международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири», состоявшейся в Чите, в Забайкальском государственном университете. Сухотинская мастерская располагается на удаленном от Ингоды возвышенном участке склона с юго-восточной экспозицией. Шурф находится на абсолютной отметке 756 м с превышением над рекой 117 м. Стратиграфическое описание шурфа было выполнено Ю. В. Рыжовым. Он выделил пять литологических слоев и отметил их делювиально-пролювиальный генезис. Во всех слоях выявлен археологический материал. Несмотря на небольшие размеры шурфа (площадь – 4 кв. м, глубина – 2,2 м), в нем было найдено более 10 тыс. каменных предметов.

Литологические слои обильно насыщены грубообломочным и археологическим материалом, он дифференцирован по литологическим слоям и разбит на уровни.

На данном этапе изучения коллекции артефактов установлен ряд особенностей. Для предметов из 1 и 2 литологических слоев (мощностью 0,18 и 0,25 м соответственно) характерной особенностью является наличие сильного субаэрального воздействия, выраженного в патинизации и дефляции. Эти слои представлены выразительными орудиями, включающими бифасы, скребла, зубчато-выемчатые формы, массивные чопперы. Выразительно орудие в виде трехгранной пики подтреугольной формы. Нуклеусы представлены односторонними леваллуазскими, дисковидными, протопризматическими и пирамидальными.

На предметах из литологических слоев 3–5 отсутствует патинизация и дефляция. Слой 3 связан со светло-коричневыми супесчаными отложениями мощностью 0,3 м. Для предметов этого слоя характерно наличие протопризматического, леваллуазского и ортогонального расщепления. Орудийный набор включает орудия с клектонскими и ретушированными анкошами, шиповидные формы, скребла с поперечным и продольным рабочим краем.

Литологический слой 4 связан с суглинком мощностью 0,6 м темно-серого цвета. Особенностью структуры слоя являются линзы супесчаных отложений, возникшие вследствие микропролювиальных процессов. Характер первичного расщепления основан на использовании протоприз-

матических и леваллуазских нуклеусов. В этом слое присутствуют орудия на пластинах. Разнообразны орудия с носиком, массивные скребла, скребки.

Литологический слой 5 представлен дезинтеграцией скального цоколя, включенного в суглинистые отложения серого цвета. Мощность слоя 0,3 м. В нем также был выявлен археологический материал.

Стратифицированный археологический материал выразительно дополняет коллекция подъемных сборов. Выявлено 1 500 предметов, включающих как среднепалеолитические, так и верхнепалеолитические компоненты.

В технике первичной обработки выражено плоскостное дисковидное, ортогональное и леваллуазское расщепления. Выделяются протопризматические, призматические и пирамидальные нуклеусы. Нуклеусы выразительны, характеризуются отчетливо выделенными ударными площадками и плоскостями снятий. Если обратиться к сколам и орудиям на них, то следует указать на их относительную грубость и массивность. Продукты первичного расщепления представлены пластинами и отщепами. Технокомплекс характеризуется как нефасетированный.

Вторичная обработка представлена, в основном, чешуйчатой нераспространенной ретушью, клектонскими и ретушированными анкошами, реже зубчатой ретушью и подтеской; техника резцового и плоского резцового скола в коллекции отсутствуют.

Скребла выразительны и своеобразны: конвергентное, выполненное на крупном отщепе однонаправленного скалывания с фасетированной ударной площадкой, края обработаны чешуйчатой ретушью; простое дорсальное продольное скребло, дорсальная поверхность несет следы центростремительных снятий, обработано краевой разнофасеточной ретушью; двойное продольное выполнено на плитчатой заготовке, обработано крутой чешуйчатой краевой ретушью.

Выделяется группа орудий с шиповидным выступом в виде носика. По характеру оформления выделяются два типа. Орудия первого типа (3 экз.) выполнены на плитчатой заготовке, по периметру оформлены крупной разнофасеточной ретушью, шип определяется за счет изначально подобранной заготовки, подработанной небольшими фасетками. Второй тип изделий (3 экз.) выполнен на крупных сколах: шип первых двух изделий выделен ретушными лицевыми анкошами; два других изделия также выполнены на отщепах, шип выделен на дистальной части скола небольшими клектонскими анкошами.

Зубчато-выемчатые орудия представлены 8 экз. Все изделия данной группы выполнены на крупных сколах. Морфологический элемент оформлялся клектонскими и ретушированными анкошами, зубчатой ретушью.

Выразительны рубящие орудия. Обработка крупной подтеской формировала, как правило, подпрямоугольную форму изделий, разнофасеточной ретушью оформлены рабочие края.

В целом, подъемный материал представлен выразительным технокомплексом. Визуальная диагностика, технико-типологические характеристика каменного инвентаря, различная степень дефлированности поверхности артефактов позволяют его трактовать как среднепалеолитический с верхнепалеолитическим компонентом. Он коррелируется с верхними стратифицированными уровнями (1, 2).

В ходе исследований удалось зафиксировать материал в стратифицированных отложениях. Обильность насыщения литологических слоев и характерные особенности каменного инвентаря позволяют отнести данный памятник к мастерским. Археологический материал 3–5 слоев на основании технико-типологических характеристик правомерно отнести к среднему палеолиту. Материал слоев 1, 2 переотложен и композитивен. Они включают как среднепалеолитические, так и более поздние предметы. На это указывает разная степень дефлированности артефактов, характер отложений и наличие верхнепалеолитического элемента, выраженного в особенностях первичного расщепления и вторичной обработки. Работы на памятнике будут продолжены с привлечением методов естественно-научного анализа.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор М. В. Константинов

Список литературы

Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР / Н. А. Береговая // МИА. – 1960. – № 81. – С. 106–107.

Васильев С. Г. Научный отчет о раскопках Читинского района в 1984 году / С. Г. Васильев // Архив ИА РАН. – Чита, 1985. – 19 с.

Кириллов И. И. Археология Забайкалья: Проблемы и перспективы (эпоха палеолита) / И. И. Кириллов, А. К. Каспаров // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск : Ин-т теплофизики СО АН СССР, 1990. – С. 194–198.

Кириллов И. И. Сухотино / И И. Кириллов, О. И. Кириллов // Малая энциклопедия Забайкалья: Археология. – Новосибирск : Наука, 2011. – С. 280–282.

Paleolithic workshop Sukhotino-12

Ye. A. Filatov, N. O. Vikulova, P. V. Muhamudyanov

The article is devoted to Paleolithic workshop named by A. P. Okladniko. The workshop is located in the eastern Transbaykaliya, on the Titovskoy hill. The excavations were able to establish occurrence of crop residues in five geological layers. Material recovered from the pit belongs to the Middle Paleolithic. They represent an archaic core, scrapers, tools in the form of a peak, choppers.

Keywords: Paleolithic, Transbaikalia, workshop, Middle Paleolithic

Филатов Егор Алексеевич
студент 2-го курса, Забайкальский государственный университет
e-mail: egor_filatov_1992@mail.ru

Filatov Yegor Alekseevich
student 2nd year, Zabaykalski State University
e-mail: egor_filatov_1992@mail.ru

Викулова Наталья Олеговна
магистрант 2-го года обучения, Забайкальский государственный университет
e-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Vikulova Natalya Olegovna
graduate student 2nd year, Zabaykalski State University
e-mail: natasha_vikulova@mail.ru

Мухамудьянов Павел Александрович
студент 2-го курса, Забайкальский государственный университет

Muhamudyanov Pavel Alexandrovich
student 2nd year, Zabaykalski State University

УДК 903.2

Граница среднего и верхнего палеолита в Монголии: по материалам памятника Харганын-Гол-5*

А. М. Хаценович
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 14-28-00045

Два кластера памятников в Центральной Монголии – стоянки в долинах рек Орхон и Их-Тулбэрийн-Гол, и Харганын-Гол – позволили проследить смену среднепалеолитических комплексов привнесенными пластинчатыми индустриями. Памятники Орхон-1 и Мойлтын Ам демонстрируют переход от среднепалеолитической индустрии с леваллуазским компонентом к отщеповому варианту раннего верхнего палеолита. Местонахождения Толбор-4, 15, 16 представляют собой пластинчатый ранний верхний палеолит на разных стадиях его эволюции – от начальной поры, характеризующейся наличием удлиненных пластин, в том числе остроконечных, полученных с подпризматических нуклеусов, и орудий-маркеров с высоким индексом пластинчатости, до постепенного перехода к производству отщепов как основной целевой заготовки.

Обнаружение памятника Харганын-Гол-5, расположенного в соседней с р. Их-Тулбэрийн-Гол долине, имеющей непосредственный выход в долину р. Орхон, позволило проследить последовательность происходящих событий на двух кластерах памятников. Нижние горизонты 6 и 7 имеют архаический облик. Несмотря на наличие только одной преформы плоскостного нуклеуса и общую немногочисленность коллекции, можно предположить доверхнепалеолитический возраст этих комплексов. В индустрии отсутствуют выраженные верхнепалеолитические типы орудий, представлены леваллуазские отщепы и атипичное однонаправленное леваллуазское острие с фасетированной выпуклой ударной площадкой. Сама индустрия была направлена на получение крупных отщепов. Немногочисленные пластины получали в однонаправленной и бипродольной системах. В гор. 5 представлена своеобразная индустрия, характеризующаяся сочетанием верхнепалеолитических типов орудий с некоторыми леваллуазскими формами нуклеусов – классических черепаховидных и комбинированных, и единичных леваллуазских отщепов с продольно-поперечной и субконвергентной огранкой. Для этого слоя были получены даты, пока не опубликованные, но сопоставимые по своей древности с наиболее ранними отделами верхнего палеолита и финального среднего палеолита Монголии. Ранний верхний палеолит представлен в гор. 4, где присутствуют нуклеусы-резцы. Небольшие призматические и подпризматические нуклеусы для получения пластинок и небольших пластин демонстрируют развитую технологию подготовки к скалыванию. Гор. 7 и 6 предварительно отнесены к финалу среднего палеолита и могут соотноситься с индустриями стоянок Орхон-1 (гор. 3, раскопы 1–2) и Мойлтын Ам (гор. 5–4); гор. 5 представляет собой, очевидно, время контакта с пришлым населением, результатом которого явился комплекс с чертами начальной поры верхнего палеолита и местным леваллуазским компонентом. Индустрия гор. 4 демонстрирует окончательное вытеснение локальной индустрии интрузивной и имеет много общего с ранним верхним палеолитом памятников Толборской группы.

Культурный успех инфильтраций с Горного Алтая на территории севера Центральной Монголии заставляют задуматься о его причинах и, в

частности, о различии между местной системой производства пластин и ранневерхнепалеолитической интрузивной. Среднепалеолитическая система отличается от высокоорганизованного подпризматического пластинчатого производства начальной поры верхнего палеолита. В первую очередь встает вопрос о получении пластин в леваллуазской и нелеваллуазской системах. На памятнике Орхон-1 (гор. 3 раскопов 1–2) леваллуазская технология была направлена на получение отщепов центростремительным и комбинированным методом [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010], что давало большое количество пластин как побочного продукта расщепления [Вариабельность и хроностратиграфя…, 2015]. Эти пластины имеют фасетированную площадку, и их в ассамбляже до 24,5% [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]. Целенаправленное получение крупных и средних пластин производилось в подпризматической бинаправленной, реже – однонаправленной системе, при минимальной подготовке ядрища, которое могло выражаться в оформлении одного из ребер крупными сколами и незначительном приострении нижнего терминала нуклеуса [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010], а также с торцовых ядрищ. В гор. 7–6 Харганын-Гол-5 представленные пластины также сняты в бипродольной и однонаправленной системах, имеют гладкие площадки, за исключением единственной прямой фасетированной. Технические сколы в гор. 6–7 полностью отсутствуют, тогда как в гор. 5, на фоне высокого индекса пластинчатости, они составляют 7 %, при преобладании полуреберчатых и краевых. Интрузивное пластинчатое производство начальной поры верхнего палеолита, представленное в гор. 4 Харганын-Гол-5, гор. 5–6 Толбор-4 и гор. 7b Толбор-16, отражает широкий спектр типов нуклеусов для пластин, в том числе специализированных, не дающих побочных, иных по морфологии, продуктов (нуклеусы-резцы, нуклеусы на пластинах или подпрямоугольных в плане и сечении конкрециях с оформленным ребром [Развитие каменных индустрий…, 2006]). Все эти нуклеусы подразумевали подправку, производившуюся для поддержания выпуклости фронта. Полученные пластины, при относительно небольшой ширине, имели многогранную огранку дорсальной поверхности.

Если различия между среднепалеолитическим и верхнепалеолитическим производством пластин прослеживаются по материалам, то доказать целенаправленное получение пластин только в нелеваллуазской системе достаточно сложно. Одним из свидетельств может являться тот факт, что леваллуазская технология предполагает серийное снятие заготовок, при котором получается большое количество побочных продуктов, в частности, при получении острий – пластины [Shimelmitz, Kuhn, 2013]. Лептолитическая индустрия фокусируется только на одном типе целевой заготовки – пластине. При наличии ядрищ для получения пластин можно заключить о сосуществовании в рамках одной индустрии среднепалеолитического пластинчатого производства и леваллуазской технологии производства острий.

Список литературы

Деревянко А. П. Палеолит Орхона / А. П. Деревянко, А. В. Кандыба, В. Т. Петрин. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Вариабельность и хроностратиграфия леваллуазской технологии в среднем палеолите и раннем верхнем палеолите Монголии / Е. П. Рыбин, А. В. Кандыба, А. М. Хаценович, В. С. Славинский // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – 2015. – Вып. 3. – В печати.

Развитие каменных индустрий верхнего палеолита Северной Монголии (по данным стоянки Толбор) / А. П. Деревянко, А. Н. Зенин, Е. П. Рыбин, С. А. Гладышев, А. А. Цыбанков // Человек и пространство в культурах каменного века Евразии. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 17–42.

Shimelmitz R. Early Mousterian Levallois Technology in Unit IX of Tabun Cave / R. Shimelmitz, S. Kuhn // PaleAnthropology. – 2013. – P. 1–27.

Middle – Upper Paleolithic boundary in the territory of Mongolia based on the Kharganyn-Gol-5 site materials

A. M. Khatsenovich

Two lines of Upper Paleolithic development have been defined in Mongolia: industries rooted in the local Middle Paleolithic and intrusive assemblages from Siberia. At Orkhon-1, in Central Mongolia and Kharganyn-Gol-5 in Northern Mongolia, transitional assemblages are characterized by the coexistence of Levallois with blade technology. Intrusive assemblages are referred to as Initial Upper Paleolithic and or Early Upper Paleolithic. In Northern Mongolia, the Initial Upper Paleolithic is defined on the basis of specific tool-types and blade reduction patterns highly similar to those described in Siberia (e.g. the Kara-Bom variant). It is followed by the Early Upper Paleolithic that documents systematic and controlled bladelet production.

Keywords: Middle and Upper Paleolithic, lithic assemblage, Levallois technology, blade industry

Хаценович Арина Михайловна
младший научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет;
ведущий переводчик, Институт археологии и этнографии СО РАН
e-mail: ada1985@yandex.ru

Khatsenovich Arina Mikhailovna
junior research, Novosibirsk National Research State University;
senior interpreter, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
e-mail: ada1985@yandex.ru

УДК 903.2

Характеристика проявлений материальной культуры в Западном Забайкалье на рубеже плейстоцена и голоцена

Г. Д. Павленок
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Алтайский государственный университет, Барнаул

Финальноплейстоценовое время на территории Западного Забайкалья характеризуется доминированием в каменных индустриях развитой микропластинчатой техники, основанной на изготовлении и утилизации клиновидных нуклеусов.

Для территории долины р. Селенги и ее крупных притоков было выявлено несколько районов, включающих ряд синхронных многослойных памятников финальноплейстоценового – раннеголоценового времени. Это Студеновский, Усть-Мензинский и Усть-Кяхтинский комплексы археологических памятников. По итогам работ на этих объектах было выявлено две культурных традиции: студеновская [Константинов, 1994] и селенгинская [Ташак, 2005]. Причем в настоящий момент сложилась ситуация, когда студеновские комплексы относятся к одноименной культуре, усть-кяхтинские – к селенгинской, а усть-мензинские разные исследователи относят к той или другой группировке [Константинов, 1994; Мороз, 2014].

Сопоставление каменных индустрий этих комплексов позволило установить, что в них применялись схожие технологические схемы расщепления. Эти выводы также подтверждаются анализом орудийных наборов [Павленок, 2014б]. В связи с этим была поставлена задача сопоставить иные проявления материальной культуры человека: костяную индустрию, предметы неутилитарной деятельности человека и свидетельства организации жилого пространства для всех трех комплексов.

Костяная индустрия. В культурных отложениях рассматриваемых стоянок были зафиксированы изделия трех групп – острия, основы вкладышевых изделий и рыболовные изделия [Павленок, 2014а].

Острийные формы обнаружены на ряде памятников: Усть-Кяхта-3 (слой 1), Усть-Кяхта-17 (горизонты 3, 4), Усть-Менза-3 (горизонт 3), Студеное-1 (горизонты 17, 15), Студеное-2 (горизонт 4) [Константинов, 1994; Ташак, 2005; Павленок, 2014а]. При рассмотрении острийных форм было отмечено, что для большинства крупных изделий скорее можно зафиксировать приспособление человеком естественных форм костей к орудийной деятельности, нежели изготовление морфологически устойчивых форм орудий. Только два изделия с территории усть-кяхтинского археологического района продемонстрировали очень схожие формы, которые, видимо, были достигнуты путем специального оформления основной части орудия, а также дополнительной подработкой базальной части в виде ее уплощения (слой 1, Усть-Кяхта-3; горизонт 3, Усть-Кяхта-17).

Костяные основы однопазовых вкладышевых орудий фиксируются в индустриях финального плейстоцена – Студеное-1 (горизонт 18/2) и раннего голоцена – Усть-Менза-1 (горизонт 11) [Константинов, 1994]. Двупазовые вкладышевые изделия появляются в финальноплейстоценовое время – Усть-Кяхта-3 (слой 2), Усть-Кяхта-17 (горизонт 3) [Ташак, 2005; Павленок, 2014а]. Кроме того, двулезвийная вкладышевая основа была обнаружена в раннеголоценовых отложениях памятника Студеное-1 (горизонт 11) [Константинов, 1994].

Рыболовные крючки отмечаются в финальноплейстоценовых отложениях слоя 1 Усть-Кяхты-3, горизонте 3 Усть-Кяхты-17 [Ташак, 2005; Павленок, 2014а], а также в раннеголоценовых горизонтах 10 и 11 памятника Студеное-1 [Константинов, 1994].

Соответственно, можно заключить, что костяные орудия в усть-кяхтинских, усть-мензинских и студеновских комплексах представлены близким типологическим рядом.

Отдельную группу находок составляют *предметы неутилитарной деятельности* человека. Наиболее распространенными изделиями этой категории для рассматриваемой территории являются бусины из скорлупы яиц страуса. Целая серия подобных находок – как готовых изделий, так заготовок и фрагментов скорлупы, известны с Усть-Кяхты-3 (слой 1) [Окладников, 1979] и Усть-Кяхты-17 (горизонт 3) [Ташак, 2005]. Также 12 круглых бусинок из талькового сланца, туфита и скорлупы яиц страуса было обнаружено в горизонте 5 Студеного-2, а в горизонте 4/5 этого же памятника – аналогичные изделия из тех же материалов и риолита [Мещерин, Разгильдеева, 2002].

Помимо персональных украшений в горизонте 4 Усть-Кяхты-17 была обнаружена «антропоморфная» фигурка из песчаника [Ташак, 2005]. Схожие изделия зафиксированы и в материалах студеновских комплексов. Так, горизонт 5 Студеного-2 содержит ряд выразительных изделий. Это в первую очередь орнаментированный «жезл начальника» из обломка рога северного оленя. Кроме того, это пяточная кость архара, которая не подвергалась дополнительной обработке, но, по мнению авторов

раскопок, ее естественная форма при определённом ракурсе создает образ головы лося [Мещерин, Разгильдеева, 2002].

Организация пространства на рассматриваемых стоянках также имеет много общего. В первую очередь это жилищные комплексы. Археологическим доказательством существования жилищ являются определенные морфологические признаки, характеризующие их остатки. Для территории Западного Забайкалья это очаг и внешняя обкладка из камней, которые находятся в определенном отношении друг с другом и дополнены предметным материалом [Константинов, 2001].

Жилищные комплексы были выявлены в культурных слоях представительного ряда стоянок (85 культурных горизонтов) второй половины верхнего плейстоцена – начала голоцена на изучаемой территории. Из комплексов, рассматриваемых в данном исследовании, жилища были выявлены на Усть-Кяхте-17 (горизонты 1–5), Усть-Мензе-1 (горизонт 17, 20, 25), Усть-Мензе-2 (горизонт 21), Косой Шивере-1 (горизонт 14) ,Студеного-1 (горизонты 14–17, 18/1, 18/2, 19/3, 19/4), Студеном-2 (горизонт 3, 4/5, 5). Для финальноплейстоценового времени наиболее характерны одноочажные жилища овальной формы до 5 м в диаметре, что указывает на кратковременность их обитания [Константинов, 2001; Разгильдеева, 2003; Ташак, 2005].

Таким образом, комплексная характеристика материалов памятников, объединенных ранее в селенгинскую и студеновскую культуры, позволяет сделать следующие заключения:

– анализ представительных коллекций каменных артефактов свидетельствует об использовании схожих приемов камнеобработки, как в первичном расщеплении, так и при оформлении орудий;

– анализ иных проявлений материальной культуры, не всегда одинаково сохраняющийся в различных комплексах (костяная индустрия, предметы искусства, свидетельства организации жилого пространства), также указывает на их значительное сходство.

Полученные результаты позволяют ставить вопрос о возможном объединении всех рассмотренных комплексов в рамках единого культурного образования.

Список литературы

Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит) / А. В. Константинов. – Новосибирск : Наука, 2001. – 224 с.

Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии / М. В. Константинов. – Улан-Удэ; Чита : Изд-во БНЦ СО РАН – Изд-во ЧГПИ, 1994. – 180 с.

Мещерин М. Н. О находках произведений искусства «малых форм» на палеолитическом поселении Студёное 2 / М. Н. Мещерин, И. И. Разгильдеева // История и культура Востока Азии. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 116–120.

Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья / П. В. Мороз // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Чита : ЗабГУ, 2014. – 182 с.

Окладников А. П. Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта 1 (Кяхтинский район БурАССР) в 1978 г. / А. П. Окладников. – Новосибирск, 1979. // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224.

Павленок Г. Д. Костяная индустрия стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье) / Г. Д. Павленок // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014а. – № 2. – С. 14–18.

Павленок Г. Д. Микропластинчатое расщепление в пред- и раннеголоценовых индустриях Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) / Г. Д. Павленок // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань : Отечество, 2014б. – Т. I. – С. 109–113.

Разгильдеева И. И. Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье) : автореф. дис. … канд. ист. наук / И. И. Разгильдеева. – Владивосток, 2003. – 28 с.

Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты / В. И. Ташак. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.

Material culture characteristic in Final Pleistocene – Early Holocene Western Transbaikalian archaeological complexes

G. D. Pavlenok

The article contains comparison results of material culture displays which were observed in Ust`-Kyakhta, Ust`-Menza and Studenoe complexes of Pleistocene – Holocene boundary in Transbaikal and are not associated with stone industry. Particularly, bone industry, objects of non-utilitarian human activity and evidences of living space organization were compared. Analysis indicated the significant complex similarity in these characteristics. It supports the conclusions reached during the stone industry analysis.

Keywords: Transbaikal, Pleistocene – Holocene boundary, Ust`-Kyakhta, Ust`-Menza, Studenoe, bone industry, objects of non-utilitarian human activity, evidences of living space organization.

Павленок Галина Дмитриевна
младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; Алтайский государственный университет
e-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Pavlenok Galina Dmitrievna
junior researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; Altai State University
e-mail: lukianovagalina@yandex.ru

УДК 549+903.03

Минерально-сырьевая база древнего населения Среднего Зауралья в эпоху камня

В. А. Горбунова

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил

Изучение сырьевой базы, откуда черпал свои ресурсы древний человек, может пролить свет на некоторые особенности его хозяйства. Население каменного века изготавливало орудия труда и предметы культа из подручных материалов, одним из которых был минерал. Свойства минерального сырья тесно связаны с особенностями естественной среды, в которой живёт человек. В каменном веке они оказывали определяющее влияние на хозяйственную жизнь человека, внешний вид изготавливаемых им орудий, приёмы работы и производственные навыки.

Настоящая статья представляет собой анализ минерального сырья периода каменного века, который проводился на основе археологических данных, полученных в ходе раскопок на территории Среднего Зауралья.

Известно, что заселение человеком данной территории относится к эпохе раннего палеолита [Сериков, 2001]. Пришлое население, за незнанием особенностей окружающей среды региона, было вынуждено использовать наиболее распространенные здесь породы минерала. Такими породами стали, в первую очередь, алевротуфы, окремнелые туфы, серпентинит. Они представляют собой горные породы, встречающиеся, как правило, крупными фракциями.

Так, например, использование коричневых окремнелых туфов и алевротуфов зеленоватого и серо-зеленого цветов отмечено на местонахождениях Голого Камня. Изделия из синеватых и серо-зеленых алевротуфов обнаружены на стоянке-мастерской Амбарка и местонахождениях Верхней Туры [Сериков, 2006].

В верхнем палеолите ассортимент используемого минерального сырья значительно расширился. Связано это с увеличением численности людей, населявших территорию Среднего Зауралья. Теперь для изготовления каменных орудий человек стал использовать кремни, кремнистые сланцы, яшмы. На территории Урала большое количество изделий из яшмы выявлено на Гаринской палеолитической стоянке. Важно отметить, что сырье использовалось местное и, в основном, представлено изделиями из галек [Сериков, 2007, с. 43–56].

В эпоху мезолита на исследуемой территории зафиксирован кризис минерального сырья. Дефицит крупных фракций пригодного для обработки сырья вынуждал древнего человека экономно относиться к минеральным ресурсам. В этот период наблюдается повсеместное использование вкладышевой техники изготовления орудий, а в археологических коллекциях появляется значительное количество находок микролитов, микропластинок и изделий из них. Кроме того, широкое распространение получило вторичное использование изделий. Из уже сработанного вкладыша или трапеции изготавливали резцы, резчики или скобели; нуклеусы могли служить отбойником или ретушером.

Что же касается видов минерального сырья, то стоит сказать, что в мезолите происходит расширение ассортимента пород камня, используемых древним населением. Широкое распространение получили изделия из кремнистых сланцев. Они различаются степенью окремнелости, плотностью, структурой, цветом, включениями. На втором месте стоят изделия из различных видов халцедона и яшмы. Богатая коллекция изделий из данных минералов обнаружена при раскопках на Шайтанском озере I. Среди них 32 нуклеуса из халцедона и 5 – из прозрачного сердолика, а также микропластинки и изделия из них, выполненные из оранжевого и бурого халцедона. В коллекции присутствует и геометрический микролит в виде трапеции из халцедона. Нуклеусы из яшмы представлены в коллекции 14 экземплярами. Использовалась яшма различных оттенков: серо-зеленоватая, светло-серая, сургучная и зеленая [Сериков, 2013, с. 13–18]. Большое число изделий из цветного минерального сырья (около 28 %) и заметное количество геометрических микролитов и наконечников стрел являются характерной чертой данного комплекса [Сериков, 2012, с. 385]. Крупнозернистые породы камня применялись значительно реже. Крайне редки находки изделий из разновидностей горного хрусталя, агата и сердолика. Как правило, они использовались в качестве сакральных минералов.

Уже в мезолите наблюдается специализация по минеральному сырью, т.е. определенные породы камня использовались для изготовления определенных типов орудий. Из туфопорфирита изготавливали шлифованные рубящие орудия – топоры и тесла. Гранодиорит (биотитовый гранит) использовали в качестве шлифовальных плит и абразивных пил. Из песчаника изготавливали рыболовные грузила. Разновидность серпентинита – офит – применялся для изготовления украшений – подвесок [Сериков, 1989, с. 35–39].

В неолите мы можем наблюдать схожие с мезолитическим временем тенденции в использовании минерального сырья. В производстве впервые появляются такие виды пород камня как молочный кварц, углистый сланец, серый кварцит, тальк, туф. Благодаря своим химическим свойствам молочный кварц, кварцит и углистый сланец отлично подходили для изготовления наконечников стрел, ножей и скребков. Осваивая новые выходы минерального сырья, неолитическое население перешло к изготовлению пластин крупного размера, шириной 1,8–2,5 см. Большая часть пластин выполнена из светло-серого слабоокремнелого сланца. Из плиток черного сланца и серого кварцита путем двустороннего ретуширования получали ножи и, реже, наконечники стрел. Тальк применялся в качестве примеси в тесто глиняных сосудов, использовался для производства тальковых лощил, утюжков, украшений. Довольно широко тальк использовался для изготовления рыболовных грузил. Такие грузила чаще всего имели индивидуальную форму.

Важно отметить, что в неолите широкое распространение получила абразивная техника обработки камня. Это позволило древнему человеку эффективно обрабатывать и использовать мягкие породы минералов, а, следовательно, расширить ассортимент изготавливаемых им изделий. В обиходе древнего человека появились новые инструменты: долота, стамески, кожевенные и строгальные ножи, пилы.

Таким образом, мы наблюдаем значительные изменения в составе минерально-сырьевой базы населения каменного века на территории Среднего Зауралья. Начиная с эпохи раннего палеолита, по мере освоения окружающей среды, древний человек открывал для себя все новые минералы. Сырьевой кризис мезолитического времени подтолкнул его к поиску и использованию неизвестных ранее пород камня и изобретению новых техник обработки. Этому способствовало разнообразие минерального сырья в данном регионе.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Ю. Б. Сериков

Список литературы

Сериков Ю. Б. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке / Ю. Б. Сериков // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале – Свердловск : УрО АН СССР, 1989. – С. 32–45.

Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2001. – 430 с.

Сериков Ю. Б. Новые находки раннего палеолита на территории Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков // Оборинские чтения. – Пермь, 2006. – Вып. 4. – С. 20–24, 172–174.

Сериков Ю. Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2007. – 138 с.

Сериков Ю. Б. Мезолитические комплексы Шайтанского озера (Среднее Зауралье) / Ю. Б. Сериков // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. – М. : ИА РАН, 2012. – С. 383–400.

Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро – священное озеро древности / Ю. Б. Сериков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2013. – 408 с.

Mineral resources of the ancient population of the Middle Trans-Ural during a Stone Age

V. A. Gorbunova

This article is devoted to study of raw mineral materials used for making tools of everyday life during the Stone Age. Analysis of the mineral resources was based on the archaeological material obtained in the course of researches in the territory of Middle Trans-Ural. We observe significant changes in composition of mineral row during different periods of the Stone Age.

Keywords: Mineral, mineral resources, types of mineral raw materials, characteristic of raw materials.

Горбунова Валерия Александровна
студент 3-го курса, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета
e-mail: vag.mineral@gmail.com

Gorbunova Valeriya Aleksandrovna
student 3rd year, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute – branch of Russian State Vocational Pedagogical University
e-mail: vag.mineral@gmail.com

УДК 902.2

Новое археологическое местонахождение Коврижка V на Нижнем Витиме

А. В. Исаев, А. В. Тетенькин

Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет, Иркутск

Ансамбль археологических местонахождений «Коврижка» расположен на северо-востоке региона Байкальской Сибири, в Байкало-Патомском нагорье, в долине Витима (нижнее течение), административно принадлежит Бодайбинскому району Иркутской области (рис. 1). Координаты ансамбля 57°48’ с.ш., 113°56’ в.д. Коврижка входит в Мамаканский геоархеологический субрайон, характеризуемый наибольшей для Нижнего Витима концентрацией археологических местонахождений и наиболее полно изученный [Модель формирование рельефа…, 2002]. В частности, она расположена в 2 км ниже по течению Витима от опорного археологического объекта Большой Якорь I [Инешин, Тетенькин, 2010].

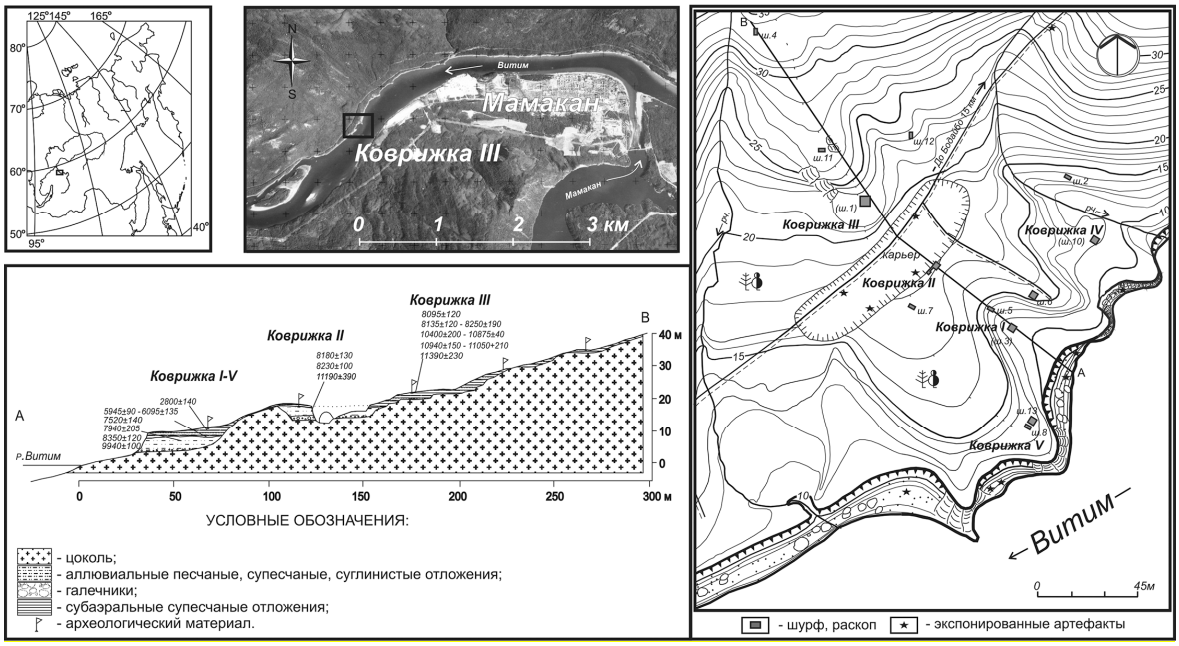


Рис. 1. Местоположение и профиль ансамбля археологических местонахождений «Коврижка»

Летом 2012 г. на комплексе археологических местонахождений Коврижка проводились исследования Витимским отрядом Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии Иркутского государственного технического университета под руководством А. В. Тетенькина. Они имели плановый, продолжающийся характер, начатый с 1995 г. [Тетенькин, 1996; 2000; 2010]. В сезоне 2012 г. принимала участие аспирантка Центра по изучению первых американцев Техасского сельскохозяйственно-технического университета Х. Л. Смит. Основные работы были сосредоточены на местонахождениях Коврижка III и IV [Тетенькин, 2011, 2014], однако попутно в рамках цикла разведочных работ был заложен очередной шурф с порядковым номером 13, выявивший новую ситуацию вмещения культурных остатков.

Шурф заложен на 10-метровой 1-ой надпойменной террасе в 30 м от береговой кромки, у подножия борта 2-й надпойменной террасы высотой 16–18 м. Глубина шурфа составила 1,9 м. Площадь 4 кв.м. На глубине 0,8 м была встречена мерзлота, и шурф копался с протайкой. В ходе работ выявлена следующая стратиграфия (рис. 2, 1).

1. Почвенно-растительный горизонт, мощность 0,10–0,16 м.
2. Подзолистая супесь, мощность 0,02–0,08 м.
3. Оранжевая неяснослоистая супесь, мощность 0,13–0,20 м.
4. Светло-желтая супесь, частично сохранившаяся меж языков подошвы и в разрывах вышележащего слоя, мощность 0,01–0,26 м.
5. Песок зелено-серый тонкозернистый, мощность 0,05–0,25 м.
6. Розовато-белесо-светло-коричневая тонкопесчаная прослойка редуцированной погре-

бенной почвы с включениями угля, мощность 0,04–0,06 м

7. Песок желто-серый тонкозернистый, мощность 0,16–0,20 м.

8. Две пирогенные, интенсивно насыщенные углем прослойки мощностью до 0,05 м с темно-желто-серым песком между ними. В северо-восточном углу шурфа прослойки слипаются друг к другу. В верхней прослойке – находки 1 культурного горизонта. Мощность – 0,02–0,12 м.

9. Песок светло-желтый, среднезернистый, мощность 0,10–0,24 м.

10. Пачка пирогенных, интенсивно насыщенных углем, размытых (растащенных) прослоек с желто-серым, красно-бурым, зелено-серым тонкопесчаным заполнением. В верхней части – 2 культурный горизонт. Мощность – 0,30–0,40 м.

11. Песок белесо-серый, тонкозернистый, косослоистый с линзой ожелезнения в верхней части.

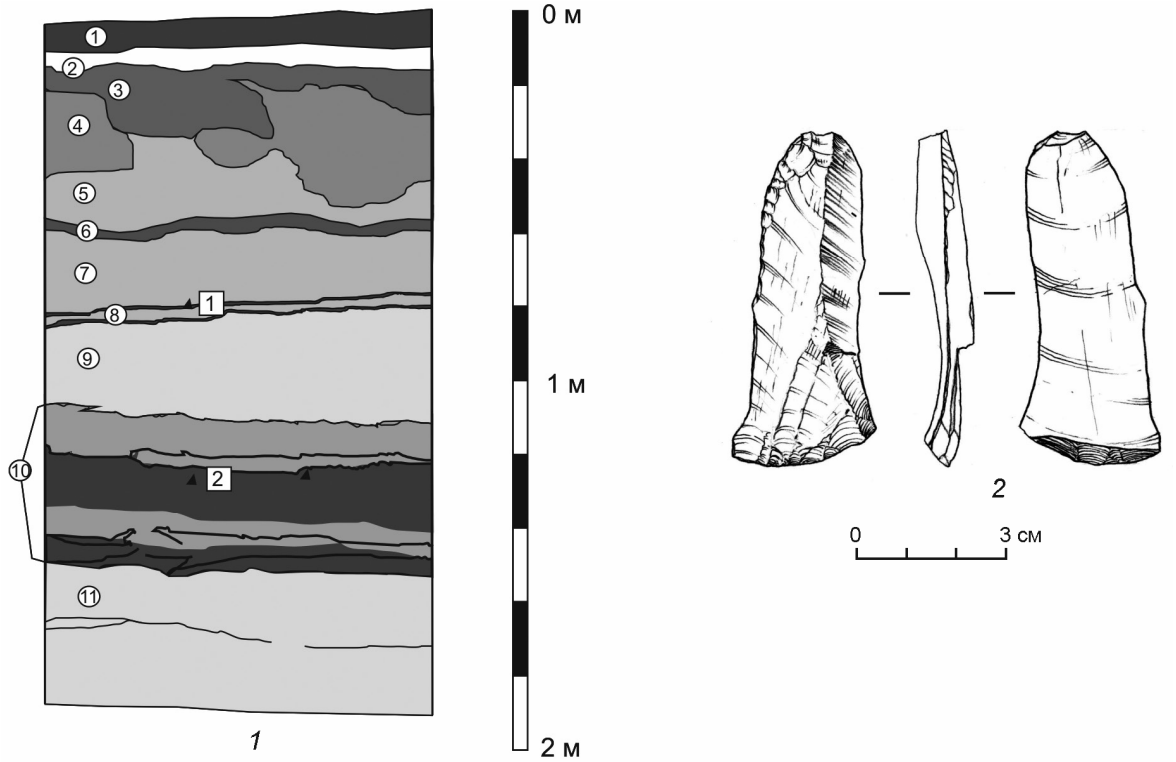


Рис. 2.1. Стратиграфический разрез местонахождения Коврижка V: 1–11 – номера литологических слоев, 1–2 – номера культуросодержащих горизонтов; 2 – пластинчатый скол с ретушью, культуросодержащий горизонт 2

Культурные остатки были обнаружены в двух уровнях. 1 культурный горизонт зафиксирован в углистой прослойке на глубине 0,85–0,95 м (литологический слой 8). По углю из слоя получена дата 7 520±140 л.н. (СОАН-8838). 2 культурный горизонт обнаружен в составе пачки растащенных угленасыщенных прослоек черно-сизого цвета (литологический слой 10) на глубине около 1,20 м. По углю из них получена дата 9 940±100 л.н. (СОАН-8837).

Коллекция 1 культурного горизонта состоит из 6 предметов. Из них 1 медиальный фрагмент микропластины из цветного полосчатого кремня, 1 проксимальный фрагмент микропластины из горного хрусталя (кварца), 4 мелких отщепа из горного хрусталя.

Материал 2 культурного горизонта насчитывает свыше 512 единиц, в том числе 239 чешуек, 3 пластины, 3 изделия. 28 предметов из горного хрусталя (кварца), остальные артефакты из кремнистых пород (эффузивные породы среднего и основного составов). Одно из изделий представляет собою ретушированный пластинчатый скол с бифасиального орудия (рис.2, 2). Слегка расширенная дистальная часть этого снятия несет фрагмент ребра рабочего края бифасиального орудия. Скол был снят поперек исходной формы (бифаса) со стороны обушка. На левом маргинале в проксимальной трети скола нанесена краевая ретушь, занимающая до половины длины продольного края. В основных признаках – расширенной дистальной части и сужающемуся проксимальному концу, краевой ретуши, локализованной в проксимальной трети, – предмет имеет аналогии с выделенным В. И. Ташаком для финального палеолита Забайкалья усть-кяхтинском типом остроконечника [Ташак, 2012].

Второе орудие представляет собой подтреугольный осколок отщепа горного хрусталя с ретушью на одной из сторон. Еще один предмет

является дистальным сегментом пластинчатого снятия с мелкими негативами краевой, вероятно, амортизационной ретуши.

Изначально выявленный шурфом 13 участок культуровмещающих отложений воспринимался как юго-западная часть местонахождения Коврижка I, выделенного по раскопу на базе шурфа 3 [Тетенькин, 2010]. В первые годы исследований вся первая надпойменная терраса на протяжении подъемного материала, встречаемого у ее подножия на бичевнике, была определена как площадь местонахождения Коврижка I. В 2007 г. северо-восточная ее часть, отделенная ложками, содержащая принципиально иные от литологии шурф-пикета Коврижки I по типу и по возрасту отложения, была выделена в самостоятельное местонахождение Коврижка IV [Тетенькин, 2010]. Выявленные в сезон 2012 г. в шурфе 13 культуровмещающие отложения также отличны от седиментов опорного для Коврижки I шурф-пикета 3. В первую очередь, этот вывод основывается на радиоуглеродном датировании отложений. Для Коврижки I имеется радиоуглеродная дата 2 800 л.н. для первого культуровмещающего уровня (1 к.г.) и две даты в районе 6 000 л.н. для второго культуровмещающего уровня (2 к.г.), залегающего на глубине около 1,6 м, практически, в низах субаэральной пачки отложений. В целом, культуровмещающую пачку Коврижки I можно охарактеризовать как накопления склонового делювиального сноса, деформированные эпигенетическими криогенными пертурбациями, ложащиеся на аллювиальные отложения.

Судя по радиоуглеродным датам и характеру слоистости, культуровмещающие отложения шурфа 13 формировались в раннеголоценовое время, т.е. раньше таковых в шурф-пикете 3 (Коврижка I) и в более спокойной обстановке. Хотя характер слоистости углистых прослоек 2 к.г. показывает, по-видимому, их интенсивный размыв. В целом, ни разрезы, ни вмещенные культурные остатки обоих пунктов по возрасту (прежде всего) не сопоставимы. На этом основании мы полагаем необходимым юго-западную часть 9–11-метровой террасы выделить в отдельное местонахождение Коврижка V.

Имеющиеся представления о культуре местонахождений Коврижка I– IV и в целом памятников Мамаканского геоархеологического района позволяют сделать первые выводы о культурной атрибуции 1 и 2 культурных горизонтов нового пункта Коврижка V [Тетенькин, 2011].

В 1-м культурном горизонте выразительна призматическая пластина из цветного кремня. Этот субстрат доминирует на Нижнем Витиме в ансамблях типа Большой Северной, на Коврижке представленный во 2 к.г. пункта Коврижка I (6,0 т.л.н.) и 1А к.г. пункта Коврижка III (8,2 т.л.н.). Для них как раз более всего характерно производство микропластин с призматических микронуклеусов на основе эксплуатации цветных качественных яшмовидных кремней. На этом основании 1 к.г. предварительно пока можно отнести к линии существования ансамблей типа Большой Северной на Нижнем Витиме.

В отношении 2 культурного горизонта пока нет сколько-нибудь определенных типологических оснований для суждений. Интересен сам возраст этого комплекса. В хронологическом интервале 9–10 тысяч лет назад это пока единственный, хотя и переотложенный, материал. В этом может быть его научная востребованность на сегодняшний момент. Среди раннеголоценовых памятников до недавнего времени самым ранним являлся 1 культурный горизонт пункта 2 местонахождения Инвалидный III – 8 925±140 л.н. (СОАН-4884) [Инешин, Тетенькин, 2005]. Новые датированные отложения террасового ряда на участке «Коврижка» вносят вклад в построение местной модели геоморфологического развития долины Витима.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. В. Тетенькин

Список литературы

Инешин Е. М. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I / Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин. – Новосибирск : Наука, 2010. – 270 с.

Инешин Е.М. Проблемы изучения археологических памятников раннего голоцена на Нижнем Витиме / Е. М. Инешин, А. В. Тетенькин // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – Ч. 1. – С.96–104.

Модель формирование рельефа Мамаканского геоархеологического субрайона / В. М. Белоусов, Е. М. Инешин, Л. Д. Сулержицкий, А. В. Тетенькин // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 21–42.

Ташак В. И. Остроконечники усть-кяхтинского типа и орудия на дивергентных сколах / В. И. Ташак // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып.9. – С. 31–42.

Тетенькин А. В. Коврижка – новый многослойный объект Нижнего Витима / А. В. Тетенькин // Археология и палеоэкология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск, 1996. – Ч.1. – С. 104–107.

Тетенькин А. В. Исследования многослойного объекта Коврижка на Нижнем Витиме / А. В. Тетенькин // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск : Изд-во ИГПУ, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С. 117–146.

Тетенькин А. В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. – Вып. 8. – С. 64–134.

Тетенькин А. В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена / А. В. Тетенькин // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда.– СПб; М; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 94–95.

Тетенькин А. В. Стоянка Коврижка III в археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья / А. В. Тетенькин // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань : Отечество, 2014. – Т. I – С. 163–168.

New Archaeological Site Kovrizhka V on Lower Vitim River

A. V. Isaev, A. V. Teten'kin

The article is devoted to the new site Kovrizhka V which was discovered in 2012 on Lower Vitim River. There were found two cultural levels. Based on radiocarbon data Upper horizon is dated by 7,5 kyr BC (noncalibrated) as well as lower one dated by 9,9 – 7,5 kyr BC (noncalibrated). To this moment it seems that they cultural remnants should be addressed to different cultural traditions existed the region in Early Holocene.

Keywords: Vitim River, Kovrizhka V, Early Holocene, preneolithic assemblages.

Исаев Александр Владимирович
студент 2-го курса, Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет
e-mail: altet@list.ru

Тетенькин Алексей Владимирович
кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет
e-mail: altet@list.ru

Isaev Alexandr Vladimirovich
student 2nd year, National Research Irkutsk State Technical University
e-mail: altet@list.ru

Teten'kin Aleksei Vladimirovich
PhD, associate-professor of National Research Irkutsk State Technical University
e-mail: altet@list.ru

УДК 903(571.53)«633»

Финальномезолитические депозиты острова Лиственичный (Северное Приангарье)

А. М. Кузнецов
Иркутский государственный университет, Иркутск

Археологические закрытые комплексы артефактов являются одним из важных источников в изучении элементов промыслово-хозяйственной деятельности древнего социума. Особая исследовательская ценность заключена в их закрытости, т.е. одномоментности формирования. Кроме того, если депозит фиксируется в культурном слое, то возможно установить культурные связи с материалом комплекса, и, таким образом, приблизиться к пониманию производственных и культурных циклов в зависимости от утилитарности артефактов в депозите.

Депозиты, обнаруженные в финальномезолитическом горизонте многослойной стоянки Остров Лиственичный, в полной мере обладают подобного рода исследовательской ценностью.

Стоянка Остров Лиственичный открыта в 2007 г. отрядом ИГУ во время проведения рекогносцировочных работ в зоне Богучанского водохранилища. Объект располагался (на сегодняшний день остров Лиственичный полностью затоплен) на одноименном острове, вписанном в Като-Ёдарминское расширение долины Ангары. Абсолютные высотные отметки стоянки 189–190 м. Рекогносцировочные и спасательные работы на острове в полевые сезоны 2007–2008 и 2010–2012 гг. выявили семь уровней стратификации археологического материала, шесть из которых относятся к голоценовым образованиям. Все депозиты зафиксированы в 5 позднемезолитическом горизонте, абсолютный возраст которого определен около 9 тыс. л. н. [Роговской, Кузнецов, 2013].

По результатам спасательных работ 2011–2012 гг. на стоянке было зафиксировано три депозита. Все они располагались в границах 5 позднемезолитического культуросодержащего горизонта (ксг), в отложениях ранней фазы бореального периода голоцена.

Депозит № 1 был обнаружен в полевой сезон 2012 г. Ориентирован по линии северо-запад – юго-восток, по течению р. Ангары. Общий абрис группы предметов – овальный. Укладка предметов умещается в размеры 0,42×0,29 м. «Яма-тайник» не читается. Ориентируясь на высотный уровень ближайших к депозиту находок 5 ксг, заглубление, если и было, то – незначительное. В составе депозита семь предметов. Изделия уложены в два ряда. Все предметы лежат плотно, параллельно друг к другу. Укладка предметов компактная. В верхнем ряду депозита располагается абразив, крупный наконечник гарпуна, рог косули, шлифованное тесло и крупный концевой скребок. В нижнем ряду два отжимника из рога. Высота укладки 0,08 м.

Депозит № 2 также зафиксирован в полевой сезон 2012 г. Абрис депозита овальный, ориентация комплекса по линии северо-восток – юго-запад. Размеры укладки – 0,71×0,3 м, высота – 0,12 м. По отношению к уровню 5 ксг депозит

заглублен на 0,15 м до подстилающей поверхности депозита. В стратиграфии «яма-тайник» не читается.

В составе депозита 83 предмета, в том числе 22 артефакта из кости и рога и 61 каменный артефакт. Набор артефактов из органических материалов включает в себя заготовки, представленные экземплярами обработанного разными способами рога оленя, расщепленными трубчатыми костями, готовыми изделиями и небольшим скоплением рыбьих костей. Каменные артефакты представлены абразивами, бифасом, заготовкой, резцом, наконечниками, нуклеусом, ретушированной по краям с вентрального фаса пластиной, пластинами и сколами. Предметы из кости и рога компактно и параллельно уложены друг на друга. Два абразива также располагаются параллельно основной массе находок. Остальные каменные артефакты фиксировались в средней части при разборе укладки. Группирование и иная упорядоченность при этом не отмечена. Сколы и изделия из камня фиксировались на костяных предметах и между ними. Плотная, параллельная укладка предметов друг на друга и находящиеся внутри укладки каменные артефакты могут указывать на изначальное помещение депозита во вместилище (кожаный мешок, берестяной туес и т.п.).

Депозит №3 зафиксирован в полевой сезон 2011 г. Депозит имеет овалоидную форму, ориентированную по линии север – юг. Размеры депозита – 0,28×0,35×0,07 м. «Яма-тайник» в разрезе не прослеживается.

По составу депозит состоит преимущественно из крупных сколов-заготовок из сланца. Укладка очень плотная. Сколы лежат друг на друге и при депонировании, очевидно, были уложены в небольшое углубление в земле. Об этом можно судить по форме депозита, напоминающей своего рода чашу, выложенную крупными сколами. Центральная часть укладки на 3–4 см ниже краев. Депозит насчитывает 32 скола. 27 единиц (84 %) имеет размер одного из линейных (длины или ширины) параметров более 7 см, один скол 4,5 см, линейные размеры остальных 4 единиц не превышают 2–3 см. Сколы в количестве 18 ед. (56 %) имеют участки с сохранившейся галечной коркой, 14 сколов являются вторичными, причем 9 (28 %) из них – крупные. В планиграфической близости от депозита, в радиусе 10–15 см, зафиксированы менее крупные сколы, но из того же субстрата.

Депозиты № 1, 2 стоянки гомогенны по своему происхождению с 5 ксг. и по геостратиграфическим условиям залегания полностью или относительно синхронны с ним по времени формирования. А депозит № 3 свидетельствует о прямой связи с материалами слоя. В материалах культурное единство депозитов с 5 ксг выражается, прежде всего, в наличии руководящего типа – гарпунов с п-образным стопор-линем, присущих только этому горизонту [Роговской, Кузнецов, 2013]. Костяные скребки, каменные наконечники с прямым насадом, отжимники и абразивы также в числе предметов, которые одновременно отмечаются в коллекции депозитов и 5 ксг. Вместе с тем, в депозитах фигурируют нескольких типов изделий, которые не были отмечены в материалах стоянки. Это рукояти втульчатых орудий, вкладышевые обоймы на крупных роговых фрагментах, кинжалы.

Состав всех трех депозитов документирует наличие структурированных производственных циклов на археологической стоянке. Судя по обнаруженному в 5 ксг многочисленному инструментарию для производства орудий, отходам производства и рафинированным «производственным наборам» в депозитах, можно говорить, что древние обитатели занимались на стоянке изготовлением орудий специализированно и систематически. Благодаря уникальности наборов депозитов в 5 ксг реконструируются технологические процессы, где разные его элементы в закрытом селективном наборе выстраиваются в цепочку с возможностью детализации в рамках логики технологической необходимости: наборы инструментов для обработки сырья, заготовка сырья, разнообразная обработка заготовок, готовые орудия (может быть, в качестве образца). Так, в депозите № 1 имеются отжимник, отжимник-переходник с глухим отверстием в рабочей части для получения более мелкой ретуши или для обработки мелких предметов и абразив средней степени зернистости. В депозите № 2 мы видим в наборе различные по зернистости и твердости абразивы, в том числе и тот, аналоги которому в слое не зафиксированы. Это мягкий мелкозернистый абразив (№ 2), с чьей помощью происходила доводка и полировка изделия. Таким образом, подразумевавшееся звено в технологической цепочке, благодаря материалам депозита получило свое документальное подтверждение. Депозит № 3 иллюстрирует один из элементов технологического процесса – отбор каменных заготовок с необходимыми параметрами и, кроме того, вносит определенные коррективы в представления о литотехнологии в 5 ксг.

В голоценовых комплексах Байкальской Сибири аналогичные комплексы артефактов фиксируются в более поздних отложениях. Если 5 культуросодержащий горизонт стоянки датируется около 9 тыс. л.н., то наиболее близкий по времени «клад» обнаружен в 6 ранненеолитическом культуросодержащем горизонте многослойной стоянки Усть-Хайта, состоящий из заготовок-бифасов [Многослойный геоархеологический объект …, 2001]. В Северном Приангарье депозиты фиксируются на стоянках Ручей Дубинский, Акимов Ручей, Берямба, Окуневка, Сергушкин-1, Проспихинская Шивера [Абдулов,

2012; Людников, 2012; Гревцов, Лысенко, Галухин, 2010; Адамов, Данилов, Турова, 2010; Привалихин, 2011; Вдовенко, 2014]. Однако, все они датируются авторами раскопок средним–поздним неолитом – ранней эпохой бронзового века. Таким образом, депозиты стоянки на сегодняшний день являются наиболее древними зафиксированными сюжетами депонирования в Байкальской Сибири.

Научный руководитель – канд. ист. наук
Е. О. Роговской

Список литературы

Абдулов Т. А. Отчет об охранно-спасательных работах в зоне затопления Богучанской ГЭС на стоянке Отико II и Ручей Дубинский I в Усть-Илимском районе Иркутской области / Т. А. Абдулов / Архив лаборатории археологии ИГУ. – Иркутск, 2012. – 380 с.

Адамов А. А. Результаты полевых работ на стоянке Окуневка (Северное Приангарье) / А. А. Адамов, П. Г. Данилов, Н. П. Турова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 350–353.

Вдовенко М. В. Клад неолитических предметов из поселения Проспихинская Шивера-IV / М. В. Вдовенко // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 54–56.

Гревцов Ю. А. Спасательные работы Берямбинского отряда Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2010 году / Ю. А. Гревцов, Д. Н. Лысенко, Л. Л. Галухин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 509–514.

Людников В. О. «Клад» каменных изделий со стоянки Ручей Акимов (Северная Ангара) / В. О. Людников // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор : Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 61–67.

Привалихин В. И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункта «А» (по материалам исследования археолого-этнографической экспедиции Красноярского краевого краеведческого музея в зоне затопления Богучанской ГЭС на Нижней Ангаре) / В. И. Привалихин // Второй век подвижничества. – Красноярск : КККМ, 2011. – С. 150–160.

Роговской Е. О. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственичный в Северном Приангарье / Е. О. Роговской, А. М. Кузнецов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 102–115.

Роговской Е. О. Рыболовство в раннем голоцене на многослойном местонахождении Остров Лиственичный (в зоне затопления Богучанской ГЭС) / Е. О. Роговской, А. М. Кузнецов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 2 (3). – С. 15–32.

Многослойный геоархеологический объект Усть-Хайта (предварительные данные) / Н. А. Савельев, А. В. Тетенькин, Е. С. Игумнова, Т. А. Абдулов, Е. М. Инешин, С. С. Осадчий, В. М. Ветров, А. М. Клементеьв, А. М. Мамонтов, Л. А. Орлова, И. В. Шибанова // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 338–347.

Final Mesolithic deposits of Ostrov Listvenichniy

A. M. Kuznetsov

At the Ostrov Listvenichniy, which was discovered during the work on the Angara River, in the flood zone of Boguchanskaya HPP in 2011–2012`s field seasons, by rescue operations it was uncovered cultural deposits of Early Holocene. In the process of uncovering the later Mesolithic fifth horizon, it was identified three objects, which are referred to as "deposit" by author. The deposits of artifacts, located in borders of a cultural layer and structurally interconnected with it on the composition, demonstrate production sets that are arranged in a certain technological chains, both confirming and supplementing the links of the technological process at the site. Bone artifacts composed of deposits on the one hand confirm the cultural unity with materials of the Mesolithic fifth horizon, on the other hand, significantly enrich the tool composition of the site. In conclusion, the authors note that Ostrov Listvenichniy`s deposits of artifacts are the oldest such objects on the territory of the Baikal Siberia today.

Keywords: ostrov Listvenichniy, deposit, Mesolithic

Кузнецов Алексей Михайлович
лаборант, Иркутский государственный университет
e-mail: golos_siberia@list.ru

Kuznetsov Aleksey Mikchailovich
laboratory assistant, Irkutsk State University
e-mail: golos_siberia@list.ru

УДК 902/904

История изучения мезолита Кабардино-Балкарии*

М. В. Селецкий

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045)

Мезолит Кабардино-Балкарии – важный археологический объект изучения, так как содержит материалы, одни из которых можно отнести к чохской культуре, другие – нельзя отнести к кавказским мезолитическим культурам.

Грот Сосруко находится в Кабардино-Балкарии, на правом берегу р. Баксан, между селениями Былым и Лашкута, расположен в 60–64 м над рекой у основания отвесной известняковой скалы. Отложения грота связаны со второй надпойменной террасой. Его длина приблизительно 30 м, современная глубина не превышает 6 м. Грот открыт С. Н. Замятниным и П. Г. Акритасом в 1954 г., и раскапывался ими в 1955–1957 гг. Исследователи описали три литологические пачки слоёв [Мезолит СССР, 1989, с. 100].

В Сосруко выделяются два мезолитических комплекса. Для нижнего характерны ножевидные пластины с выемками, высокие сегменты, уплощённые односторонние косоплощадочные нуклеусы, пластины без обработки, пластины с боковыми выемками, округлые скребки, угловые резцы (слои М3–М4). Для верхнего – мелкие ножевидные пластины без следов обработки, мелкие призматические нуклеусы, округлые скребки и костяные составные орудия с пазами для вкладышей (слои М1–М2). Каменные артефакты в большинстве случаев сделаны из обсидиана, реже – из кремня [Замятнин, Акритас, 1957, с. 431–452]. Абсолютные датировки отсутствуют.

В литературе есть также упоминание о мезолитических находках в навесе у Алебастрового завода, который расположен напротив грота Сосруко. Однако, кроме информации о том, что этот навес был раскопан в 1954–1955 гг. экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института, а его археологический материал очень близок к слоям М1–М4 грота Сосруко [Мезолит СССР, 1989, с. 101] никаких данных опубликовано до сих пор не было.

В 2004 г. археологическим отрядом под руководством доктора исторических наук В. Н. Зенина было выявлено новое многослойное местонахождение – навес Бадыноко.

Навес с южной экспозицией расположен на левом берегу р. Баксан, в 700 м к юго-западу от с. Жанхотеко. Исследователи описали 8 литологических пачек слоёв. Мезолитические материалы содержатся в осыпи, а также в 7 и 8 слоях внутри навеса [Бадыноко – новое многослойное…, 2004, с. 70].

В осыпи собрана большая коллекция находок – 1 142 экз., включая керамику (30 экз.), железную пластинку с отверстиями, фрагмент костяного стержня, зубы и кости (15 экз.). Преобладают изделия из камня (1 095 экз.). Доля орудий составляет 14,2 %. Широко представлены скребки, пластинки с притупленным краем, отщепы и осколки с ретушью, выемчатые, зубчатые и долотовидные орудия, тронкированные пластинки, острия и проколки. В числе редких инструментов отмечены резцы, наконечник стрелы с двусторонней обработкой и вогнутым основанием, геометрические микролиты: прямоугольники, сегменты. Состав находок свидетельствует о разновременности материалов – от раннего средневековья до мезолита.

Находки в слое 7 залегали равномерно по всей толще без видимых перерывов. Основа коллекции – изделия из камня (2 468 экз.), причем доли сырья (кремня и обсидиана) примерно равны. Для индустрии характерны призматические нуклеусы, преимущественное использование кремня для выделки орудий, большое число тронкированных пластинок и геометрических микролитов.

Находок в слое 8 существенно меньше – 191 экз. Характерно преимущественное использование обсидиана. Для получения основного вида заготовки – пластинки, применялись нуклеусы параллельного принципа расщепления. Состав орудий менее разнообразен, чем в слое 7 [Бадыноко – новое многослойное … , 2004, с. 75–76].

На разновременность отделов культурного горизонта указывают и радиоуглеродные датировки по древесному углю. Так, для кровли культурного горизонта получена дата 7 715±95 л.н. (СОАН-5895), для средней части – 12 635±150 л.н. (СОАН-5896), а для нижней части - ≥13 990±340 л.н. (СОАН-5897) [Зенин, Орлова, 2006, с. 54].

Материалы грота Сосруко (М3–М4), навеса Бадыноко и навеса у Алебастрового завода можно отнести к чохской культуре Кавказа, для которой характерно значительное присутствие нуклевидных орудий, пластинок с притупленным краем и разнообразных вкладышей – низких асимметричные треугольников, сегментов, трапеций. Культурные слои М1–М2 Сосруко пока не имеют аналогий, что говорит о малой изученности мезолита Кабардино-Балкарии и требует дополнительного изучения, в первую очередь –

обнаружения новых стоянок и получения серии абсолютных датировок.

Научный руководитель – д-р ист. наук А. И. Кривошапкин

Список литературы

Замятнин С. Н. Раскопки грота Сосруко в 1955 году / С. Н. Замятнин, П. Г. Акритас // Учёные записки КБНИИ. – Нальчик, 1957. – Т. XIII. – С. 431–452

Бадыноко – новое многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии / А. П. Деревянко, В. Н. Зенин, А. А. Анойкин, Е. П. Рыбин, Б. М. Керефов, Х. Х. Виндугов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 70–76.

Зенин В. Н. Каменный век Баксанского ущелья (хронологический аспект) / В. Н. Зенин, Л. А. Орлова // XXIV Крупновские чтения. – Нальчик, 2006. – С. 54–57.

Мезолит СССР. – М. : Наука, 1989. – 352 с. – (Археология СССР).

The history of the study of the Mesolithic of Kabardino-Balkaria

M. V. Seletskiy

The Mesolithic of Kabardino-Balkaria is an important archaeological field of research because it contains materials, some of which can be attributed to Chohskaya culture, others – can't be attributed to any of Caucasian Mesolithic cultures. Materials from grotto Sosruko (M3–M4) (located between the villages Bylym and Lashkuta), Badynoko (located 700 m to the south-west of the village Zhanhoteko) and rock-shelter in a vicinity of Alabaster factory (located near the grotto Sosruko) can be attributed to Chohskaya culture of the Caucasus, which is characterized by core-like tools, backed bladelets and a variety of geometric inserts – low asymmetric triangles, segments, and trapezoids. Archaeological materials from layers M1–M2 of Sosruko do not yet have cultural analogues, suggesting poor knowledge of the Mesolithic of Kabardino-Balkaria.

Keywords: Archaeology, Kabardino-Balkaria, Mesolithic, Sosruko, Badynoko, rock-shelter at Alabaster factory.

Селецкий Максим Владимирович
студент 3-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: archmax1995@gmail.com

Seletskiy Maxim Vladimirovich
student 3rd year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: archmax1995@gmail.com

УДК 903.01 (235.214)

Ранний и поздний мезолит на территории Памиро-Алая (Западная часть Центральной Азии): варианты адаптаций

С. В. Шнайдер
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
Алтайский государственный университет, Барнаул

На основании анализа целого ряда технологических и типологических данных в мезолите Памиро-Алая выделяется два этапа – ранний и поздний [Ранов, Каримова, 2005; Шнайдер, 2014]. Причину данных различий большинство исследователей связывает с закономерностями культурного развития либо с миграционными процессами [Ранов, 1991; Коробкова, 1989; Филимонова, 2007]. Не отрицая данных интерпретаций, можно также более внимательно рассмотреть фактор внешнего воздействия на процессы культурогенеза (изменения в экологии древних популяций) и ответной реакции (адаптации) древних коллективов на данное воздействие.

К раннему мезолиту относятся небольшие стоянки (площадь около 30 кв. м). Археологические коллекции данных комплексов немногочисленны (ок. 1000 изделий), здесь не представлено всего цикла расщепления, значительную часть коллекции составляют орудия (от 15 % до 25 %). Индустрии основываются на утилизации исключительно приносного кремневого сырья, ближайшие источники которого находятся около 100 км от стоянок. В первичном расщеплении выделяется значительная доля кареноидного расщепления (рис. 1, *13*). В орудийных наборах отмечается доминирование геометрических микролитов (прямоугольники, сегменты) (рис. 1, *1–4; 5, 6*) также выделяются пластинки с притупленным краем (рис. 1, *7, 8*), пластины с альтернативной ретушью (рис. 1, *9, 12*) и высокие микроскребки (рис. 1, *10, 11*) [Ranov, Davis, 1979; Шнайдер, 2014].

Для стоянок позднего мезолита характерны бóльшие площади (от 100 до 350 кв. м). Археологические коллекции данных комплексов многочисленны (от 3 000 до 10 000 изделий), в них представлен весь цикл расщепления и отмечается использование более широкой сырьевой базы за счет использования эффузивных пород, ис-

точники которых располагаются в непосредственной близости от стоянок. Утилизация эффузивных пород преимущественно направлена на получение крупных сколов (отщепов, пластин) (рис. 1, *24*). Мелкопластинчатое производство в большей степени представлено на приносном кремневом сырье в рамках объемной и торцовой стратегий расщепления (рис. 1, *22, 23*), при этом отмечается отказ от кареноидной технологии для получения мелкопластинчатых заготовок. В орудийном наборе доминируют сегменты (рис. 1, *14–16*), острия туткаульского типа (рис. 1, *17, 18*) и концевые скребки (рис. 1, *19–21*) [Ranov, Davis, 1979; Шнайдер, 2014].

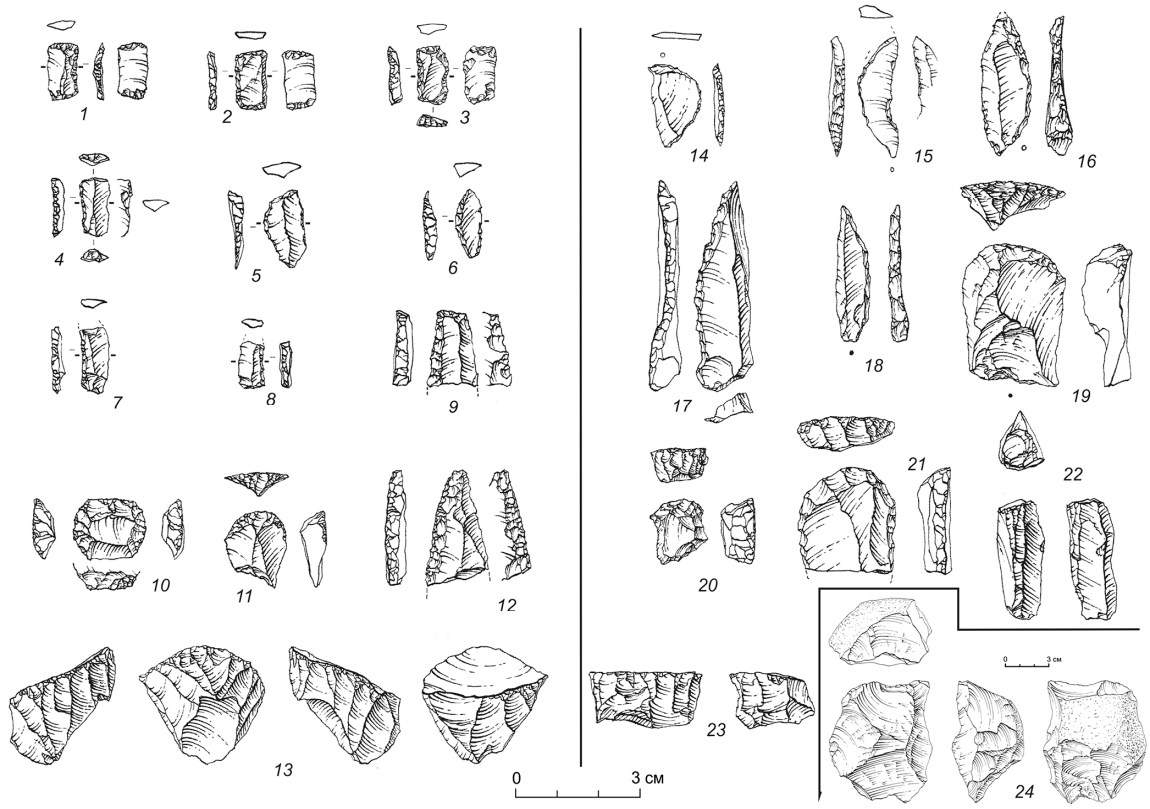


Рис. 1. Каменные артефакты мезолитических комплексов памятников Туткаул (*1–13* – каменные артефакты гор. 3 памятника Туткаул; *14–24* – каменные артефакты гор. 2а памятника Туткаул)

На наш взгляд, различия между ранним и поздним этапами можно попытаться объяснить изменением адаптационных стратегий древнего населения. Малая площадь стоянок, использование импортного сырья, отсутствие полного цикла расщепления и большой процент орудий в раннемезолитических комплексах объясняется высоким уровнем мобильности населения. Напротив, широкие площади стоянок, использование как импортного, так и местного сырья, присутствие всего цикла расщепления каменных пород на позднемезолитических стоянках свидетельствуют о распространении относительно оседлого образа жизни.

Эти изменения, на наш взгляд, хорошо согласуются с палеоклиматическими данными, согласно которым на рубеже позднего плейстоцена – раннего голоцена (12–10 тыс. л. н.) климат определяется как холодный и засушливый, после чего наступает лявляканский плювиал (10–6 тыс. л. н.), который характеризовался теплым и влажным климатом [Виноградов, 1981; Додонов, 2002; Ранов, Каримова, 2005]. Вероятнее всего, большая доступность водных источников (а, соответственно, и большая предсказуемость пищевых ресурсов, как животного, так и растительного происхождения) способствовала переходу людей к оседлому образу жизни.

Научный руководитель – д-р ист. наук
А. И. Кривошапкин

Список литературы

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья / А. В. Виноградов. – М. : Наука, 1981 – 173 с.

Додонов А. Е. Четвертичный период Средней Азии / А. Е. Додонов. – М. : ГЕОС, 2002. – 249 с.

Коробкова Г. Ф. Мезолит средней Азии и Казахстана / Г. Ф. Коробкова // Мезолит СССР. – М. : Наука, 1989. – С. 149–174.

Ранов В. А. Могут ли геометрические микролиты быть показателем миграционных процессов в средней Азии / В. А. Ранов // Древности. – 1991. – № 19. – С. 25–27.

Ранов В. А. Каменный век афгано-таджикской депрессии / В. А. Ранов, Г. А. Каримова. – Душанбе : Деваштич, 2005. – 252 с.

Филимонова Т. Г. Верхний палеолит и мезолит афгано-таджикской депрессии : автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. Г. Филимонова. – Душанбе, 2007. – 24 с.

Шнайдер С. В. Каменная индустрия мезолитической стоянки Оби-Киик (Таджикистан) / С. В. Шнайдер // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 108–117.

Ranov V. A. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic / V. A. Ranov, R. Davis // Current Archeology. – 1979. – Vol. 20, № 2. – P. 249–262.

Early and Late Mesolithic in the Pamir-Alai territory (West part of Central Asia): The Models of Adaptation

S. V. Shnaider

Mesolithic of Pamir-Alai falls into Early and Late stages on the basis of wide range of analyzed technological and typological data. Most of researchers associate source of these differences with laws of cultural development or dispersal movements. Without negation of these interpretations special focus have to be on such factors as external actions on culture genesis (changes in ecology of paleo-populations) and response (adaptation) of ancient social groups to these actions.

Keywords: Mesolithic, geometric microliths, Pamir-Alai.

Шнайдер Светлана Владимировна
младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Алтайский государственный университет
e-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Shnaider Svetlana Vladimirovna
junior researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; Novosibirsk National Research State University; Altai State University
e-mail: sveta.shnayder@gmail.com

УДК 56.074.6:903 (571.54/.55)

Палеоэкологические условия на юге Забайкальского региона с мезолитической эпохи*

О. Г. Шарова[1,2], Е. В. Безрукова[1,2], П. П. Летунова[1,2], Н. В. Кулагина[3]
[1]*Институт геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН*
[2]*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН*
[3]*Институт земной коры СО РАН*
*Исследования частично поддержаны проектом РФФИ № 15-05-01644

Исследования природной среды и климата Байкальского региона в голоцене в последние десятилетия были особенно активными, а их результаты позволили выявить периоды значительных сдвигов в режиме тепла и влаги, смене ландшафтов за это время [A reassessment of late glacial-Holocene…, 2011]. Палеоэкологические данные, полученные из отложений оз. Байкал, из осадков малых озер и торфяников его бассейна, предоставили высокоразрешающие записи природной среды голоцена [Late Glacial and Holocene…, 2005; Vegetation dynamics…, 2013]. Они, наряду с количественными реконструкциями ландшафтов, климата [Tarasov, Bezrukova, Krivonogov, 2009], моделированием климатической системы региона, стали основой создания надежных локальных и региональной схем вариаций природных условий и совмещения их с периодами социокультурных изменений древних групп охотников-собирателей, рыболовов и животноводов. Несмотря на все возрастающее количество исследований природной среды голоцена Байкальского региона в целом, свидетельства ее динамики в Забайкалье остаются довольно скудными. Имеющиеся записи истории климата и ландшафтов Забайкалья, вмещавших древнего человека от мезолитического до настоящего времени, как правило, разрозненны, имеют низкое временное разрешение, слабо обоснованные возрастные модели [Растительность Центрального Забайкалья…, 2013]. Только относительно недавно появились реконструкции природной среды голоцена с высоким (150–250 лет) временным разрешением, обеспеченные адекватными возрастными моделями [Растительность Центрального Забайкалья…, 2013].

Эти реконструкции могут дать дополнительную и важную информацию о развитии социальных процессов и особенностей адаптации человека в определенный период в прошлом. Палинологические записи из донных отложений оз. Арахлей и оз. Котокель позволяют выявить динамику развития вмещающих человека ландшафтов, растительности и климата Забайкалья за последние 11 тыс. лет, воссоздать условия существования здесь человека.

Оз. Арахлей находится в 70 км к западу от г. Читы, а оз. Котокель – на западе Республики Бурятия, в 2 км восточнее побережья оз. Байкал. В бассейнах обоих озер климат резко континентальный, с холодным зимним и теплым летним периодами. Растительность изученных территорий представлена горно-таежными лесами с доминированием лиственницы, сосны обыкновенной и сибирской, с примесью ели, пихты, березы. Реконструкции природной среды с мезолита базируется на комплексном изучении донных отложений этих озерных геосистем. Временные рамки мезолита в Забайкальском регионе определены временем ~10,8–6,5 тыс. л.н. Мезолитические культуры известны из ряда геоархеологических объектов, таких, как Студеное-1, Усть-Менза-1, Ошурково. На ранней стадии мезолита, ~11–10,5 тыс. л.н., по данным палинологического анализа, в Забайкалье преобладала тундровая и степная растительность в условиях резко континентального климата [Last glacial-interglacial vegetation…, 2010; Растительность Центрального Забайкалья…, 2013]. Позднее ~10,5 тыс. л. н. происходит улучшение климата в исследуемом регионе, что привело к расширению древесной растительности с широким участием темнохвойных пород, означая наступление регионального оптимума влаги и снижения континентальности. Значительные изменения природной среды в конце мезолита, ~9–7 тыс. л.н., привели к смене влажных темнохвойных лесов светлохвойными из березы, лиственницы, сосны обыкновенной. Постепенное расширение ареала последней считается наиболее важным событием в голоцене всего Байкальского региона. Это могло означать завершение оптимума голоцена и наступление климатических условий, близких к современным, с резко континентальным климатом.

К началу неолита, ~6,5 тыс. л.н., суммы реконструированных средних значений атмосферных осадков снизились на 70–50 мм по сравнению с предыдущим интервалом времени [Tarasov, Bezrukova, Krivonogov, 2009], средние температуры зимних сезонов на 1,5–2°С ниже, а летних – на 1–1,5°С стали выше, что привело к усилению континентальности. Позднее ~6 тыс. л.н. на исследуемой территории шло формирование растительности и климата современного характера.

В целом, реконструкция палеоэкологической обстановки юга Забайкалья за последние ~11 тыс. лет свидетельствует о значительной смене естественных условий обитания человека. Однако вопрос о возможном влиянии вариаций природно-климатических условий изученного временного интервала на динамику социокультур и способов адаптации древних людей к ним остается дискуссионным, требуя новых, гораздо более детальных записей природной среды и комплексного изучения геоархеологических объектов палеогеографическими и археологическими методами.

Научный руководитель – д-р геогр. наук, профессор Е. В. Безрукова

Список литературы

Растительность Центрального Забайкалья в позднеледниковье и голоцене / С. А. Решетова, Е. В. Безрукова, В. Паниззо, Э. Хендерсон, А. Б. Птицын, А. В. Дарьин, И. А. Калугин // География и природные ресурсы. – 2013. – № 2. – С. 110–117.

A reassessment of late glacial-Holocene diatom oxygen isotope record from Lake Baikal using a geochemical mass-balance approach / A. W. Mackay, G. E. A. Swann, T. S. Brewer, M. J. Leng, D. W. Morley, N. Piotrowska, P. Rioaul, D. White // Journal of Quaternary Science. – 2011. – Vol. 26, N. 6. – P. 627–634.

Last glacial-interglacial vegetation and environmental dynamics in southern Siberia: chronology, forcing and feedbacks / E. V. Bezrukova, P. E. Tarasov, N. Solovieva, S. K. Krivonogov, F. Riedel // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology 296. – 2010. – P. 185–198.

Late Glacial and Holocene vegetation and regional climate variability evidenced in high-resolution pollen records from Lake Baikal / D. Demske, G. Heumann, W. Granoszewski, M. Nita, K. Mamakowa, P. E. Tarasov, H. Oberhansli // Global and Planetary Change 46 (1–4). – 2005. – P. 255–279.

Tarasov P. E. Late Glacial and Holocene changes in vegetation cover and climate in southern Siberia derived from a 15 kyr long pollen record from Lake Kotokel / P. E. Tarasov, E. V. Bezrukova, S. K. Krivonogov // Climate of the Past 5. – 2009. – P. 285–295.

Vegetation dynamics around Lake Baikal since the middle Holocene reconstructed from the pollen and botanical composition analyses of peat sediments and its implication for paleoclimatic and archaeological research / E. V. Bezrukova, S. Hildebrandt, P. P. Letunova, E. V. Ivanov, L. A. Orlova, S. Müller, P. E. Tarasov // Quaternary International 290–291. – 2013. – P. 35–45.

Palaeoecological conditions in the south Trans-Baikal region since the Mesolithic epoch

O. G. Sharova, E. V. Bezrukova, P. P. Letunova, N. V. Kulagina

In this study a radiocarbon-dated pollen records from Lake Kotokel and Lake Arakhley located in southern Siberia east of Lake Baikal were used to derive qualitative and quantitative characteristics of regional vegetation and climate from about 11 kyr BP (1 kyr=1000 cal. yr) until today. Quantitative reconstruction of the Holocene demonstrates the maximal spread of the boreal forest (taiga) communities in the region associated with a warmer and wetter-than-present climate that occurred ca. 10.8–7.3 kyr BP. The pollen-based best modern analogue reconstruction suggests a decrease in woody cover percentages and in all climatic variables about 7–6.5 kyr BP. Our results demonstrate a gradual decrease in precipitation and mean January temperature towards their present-day values in the region around the studied lakes since the Mesolithic time.

Keywords: Palaeoecology, Holocene environment, high-resolution pollen records, vegetation and climate changes

Шарова Ольга Геннадьевна
младший научный сотрудник, аспирант 1-го года обучения, Институт геохимии им. А. П. Виноградова СО РАН;
старший лаборант, Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН
e-mail: sharova@igc.irk.ru

Sharova Olga Gennad'evna
junior researcher, postgraduate student 1st year, A. P. Vinogradov Institute of Geochemistry SB RAS;
senior laboratory assistant, Irkutsk Laboratory of Archaeology and Paleoecology IAET SB RAS
e-mail: sharova@igc.irk.ru

УДК 903.42

Памятник Госёно: структура и этапы развития дзёмонского поселения*

Д. А. Иванова
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 4-01-00017 «Поселенческие комплексы культуры дзёмон: эволюция, особенности, тихоокеанский контекст»

Памятник Госёно – национальный исторический памятник, расположенный в преф. Иватэ, г. Ичинохэ, район Ивадатэ Госёно на восточной береговой террасе в верховьях Мабэчи. Он датируется серединой – концом среднего дзёмона (2500–2000 л. до н.э.) [Такада, 2005, с. 5–10].

Памятник был обнаружен в 1989 г. во время сельскохозяйственных и строительных работ. Первой находкой стали каменные круги и погребения, расположенные под каменными насыпями. В 1993 г. стоянке Госёно присвоен статус «национального исторического памятника». В 1996 г. раскопано жилище со следами обожженной древесины и горелой земли. Эта находка позволила ученым выделить новый тип конструкции жилища. Они выдвинули гипотезу, что жилища на памятнике Госёно покрывались не только соломой, как на других поселениях эпохи дзёмона, но и поверх соломы укладывались пласты дерна. В следующем году были проведены первые эксперименты по реконструкции жилища, которые подтвердили данную гипотезу. В 2003 г. на месте раскопок открыт «парк эпохи дзёмон Госёно», состоящий из музея культуры дзёмон и восстановленной деревни. Также в состав парка вошла территория стоянки Бабатай, исследованная еще в 1977–1978 гг., которая расположена у северо-западного подножья Госёно. В 2012 г. памятники эпохи дзёмон на территории о. Хоккайдо и северного Тохоку, в том числе и Госёно, были причислены ЮНЕСКО к объектам Всемирного наследия [Takada, 1998].

На сегодняшний день территория памятника составляет почти 89 тыс. кв. м, однако детально изучено только 10 %.

Остатки жилищных конструкций и погребения зафиксированы по всей территории памятника, однако, больше всего находок было отмечено в четырех районах (или деревнях). Три из них входят в состав Госёно: восточная, центральная и западная зона, а четвертая представлена стоянкой Бабатай.

Керамика, раскопанная на памятниках Госёно, характерна для середины – конца среднего дзёмона. На ее основе удалось датировать поселенческий комплекс и выделить пять этапов (фаз) в его развитии. Каждая из этих фаз соответствует определенному стилю керамики. Этап I представлен сосудами стиля Верхний Энто типа «c», этап II включает сосуды типов «d» и «e» стиля Верхний Энто, этап III – керамика стиля Дайги 8 тип «b», этап IV – керамика стиля Дайги 9, этап V – керамика стиля Дайги 10 [Takada, Yamada, 1997; Takada, 1998].

Восточная деревня. Следы жилищных конструкций и могильных ям были обнаружены по всей территории сектора, их наиболее высокая плотность наблюдается в юго-восточной части. На сегодня полностью исследовано 234 полуземлянки. Учитывая, что большая часть памятника до сих пор не раскопана, максимальное число жилищ в данном районе может достигнуть 300 единиц. По своим размерам все жилища разделены на три группы: большие – до 10 м в диаметре, средние – 5–7 м, маленькие – 3–4 м. Найденная керамика относится к этапам II–V.

Центральная деревня. Максимальным по концентрации находок является центральный район. В его состав в северной части входят каменные круги, погребения и ямки от конструкций типа *Hottatebashira* (конструкций на опорных столбах). Протяженность центральной зоны с севера на юг равна 50 м, а с запада на восток – 80 м.

В южной части была раскопана земляная насыпь высотой 1–2 м, протяженностью с севера на юг – 30 м, с запада на восток – 80–90 м. Внутри насыпи были обнаружены обломки посуды, каменные орудия, обожженные кости животных, обугленные семена растений, изделия и украше-

ния из камня и кости, догу, глиняные колокольчики и грибы, обломки гальки, глиняная маска.

Следы жилищных конструкций и погребения были зафиксированы за пределами каменных кругов, к северу от земляной насыпи. Общее число жилищ составило около 300–350 единиц. Для данного района характерны полуземлянки трех типов (большие, средние и маленькие). Самые большие из них расположены, главным образом, к востоку и западу от каменных кругов. Артефакты, найденные в северной части (каменные круги, погребения, ямки, земляная насыпь) датируются III–V этапами, тогда как жилищные конструкции относятся ко II–V этапам.

Западная деревня. Северо-восточная область западной деревни немного наклонная, поэтому все руины сконцентрированы в западной части. На сегодняшний день полностью раскопано около 50 жилищ. Для западной деревни характерны полуземлянки большого, среднего и небольшого размера. Найденная керамика относится ко II–V периодам, реже к III периоду.

Район Бабатай. Хотя памятник в отчетах имеет совершенно иное название, он, несомненно, является частью Госёно. Общее число раскопанных жилищ равно 37 единицам. Из них 5 домов большого размера, 22 – среднего и 14 – маленького. Для данного района характерна керамика I–II этапа [Takada, Yamada, 1997; Takada, 1998; Такада, 2005, с. 12–18].

Если подытожить всю имеющуюся информацию, то складывается следующая картина развития поселения.

1. Жилищные конструкции, датируемые I этапом, были обнаружены только на территории района Бабатай. Помимо этого, керамика I этапа была зафиксирована в центральной деревне. Таким образом, можно предположить, что эти две зоны были заселены раньше всего, а жилища I этапа в центральной зоне просто пока не раскопаны (в связи с большими размерами памятника Госёно).

2. Жилища этапа II были раскопаны во всех районах. Однако до сих пор не найдены погребения, характерные для периодов I и II.

3. Во время недавних исследований были раскопаны полуземлянки III периода в северном и западном районах центральной деревни. Кроме того, первые свидетельства формирования погребений относятся к III этапу, но, возможно, есть более ранние находки. Во всяком случае, земляная насыпь в южной части центрального сектора начала формироваться во время III этапа. Поскольку число жилищных конструкций, относящихся к I и II этапам в восточном и западном секторах незначительно, то сектор Бабатай выступает в качестве центрального района поселения на данных этапах.

4. На III и IV этапах происходит формирование поселенческих комплексов на памятнике Госёно, в то время как в секторе Бабатай почти не обнаружено жилищ на данном периоде развития. По-видимому, этапы с III по VI (V) являются временем расцвета поселенческого комплекса Госёно. Об этом свидетельствует появление особого ритуального места, обозначенного не только каменными кругами, но и строениями типа Hottatebashira.

5. Следы жилищных конструкций периода V в основном найдены во всех секторах Госёно, но они не сконцентрированы в каком-либо одном месте, а, скорее, найдены в районах, которые ранее не были заселены.

Научный руководитель – д-р ист. наук
А. В. Табарев

Список литературы

Такада К. Дзёмон-но иэ то мура-но фӯкэй. Госёно исэки [Вид дома и деревни эпохи дзёмон. Памятник Госёно] / К. Такада // Исэки о манабу [Изучение археологических памятников]. – Токио : Кодансяа, 2005, № 15. – 93 с. [на яп. яз.].

Takada K. An Archeological Analysis of the Settlement in the Goshono Ruins / K. Takada, M. Yamada // Collection of Anthropological Magazines. – Tokyo : Metropolitan University, 1997. – P. 14–17.

Takada K. The Reconstruction of a Jomon Settlement at Goshono Site / K. Takada // Collection of Anthropological Magazines. – Tokyo, 1998. – P. 131–152.

Goshono Site: Jomon Settlement Structure and Stages of Development

D. A. Ivanova

The article is devoted to investigation researches of ancient settlement complexes in Japan. Goshono site is dated by middle – end phase of Middle Jomon period (2500–2000 BC). Along with Sannai Maruyama site, Oyu stone circles, Komakino site, Korekawa site, Kamegaoka site and so on, Goshono site is a cultural treasure, national and world historical heritage of Jomon period.

Keywords: Japanese Archipelago, Honshu, Jomon, Goshono, settlement, pottery, dwellings, reconstruction.

Иванова Дарья Александровна
аспирант 2-го года обучения, Институт археологии и этнографии СО РАН
e-mail: Nightliro@bk.ru

Ivanova Darya Alexandrovna
postgraduate student 2nd year, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
e-mail: Nightliro@bk.ru

УДК 903.222 (571.53)

Каменные наконечники стрел эпохи неолита и раннего бронзового века с многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье*

С. В. Фёдоров, С. П. Дударёк
Иркутский государственный университет, Иркутск
*Работа выполнена в рамках государственного заказа № 33.1637.2014/К
Министерства образования и науки РФ

Наконечники стрел на местонахождениях эпохи неолита и ранней бронзы являются наиболее распространенным классом каменных изделий в категории специализированных орудий охоты. Проблемам классификации каменных наконечников стрел Прибайкалья было уделено достаточно много внимания в монографиях А. П. Окладникова, в отдельных работах В. И. Базалийского, Г. И. Медведева, О. И. Горюновой, Г. М. Георгиевской и др. [Базалийский, 2010; Георгиевская, 1989; Горюнова, 1997; Медведев, 1981; Окладников, 1950; 1955].

Данное исследование посвящено описанию и попытке классификации каменных наконечников стрел с объекта археологического наследия Усть-Ёдарма II.

Многослойное геоархеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II является одним из опорных объектов по изучению археологических, геологических, климатических процессов не только в Северном Приангарье, но и Байкальской Сибири. Относительно стройная стратиграфическая позиция культурных отложений позволила выделить несколько неолитических комплексов (ранний, средний, поздний) и с некоторой долей уверенности говорить о «чистом» комплексе бронзового века.

Для описания и анализа был отобран 71 каменный наконечник (целые и фрагменты) из 3–8 культуросодержащих уровней. Было выделено три основных типа (по форме пера) – овальные (49 ед.), треугольные (20 ед.) и ромбовидные (2 ед.).

Исходя из локальных различий того или иного типа (насад, пропорции тела наконечника и т. п.), были выделены следующие варианты (при выделении вариантов использовались только целые наконечники и фрагменты с сохранившимся насадом и телом) (рис. 1).

1. Овальные наконечники (34 экз.):

1.1 – удлиненно-листовидные с выпуклой базой (2 экз.). Все наконечники изготовлены из кремнистого сланца. Размеры: 4,3×0,5×1,5 см и 5,8×0,6×1,4 см. Ретушь бифасиальная, покрывающая, струйчатая, стелющаяся;

1.2 – листовидные с выпуклой базой (10 экз.), из них 5 наконечников изготовлено из кремнистого сланца, 2 – кремень, остальные выполнены из халцедона, траппа и порфирита. Длина целых наконечников варьирует от 3,9 до 5,5 см. По ширине и толщине они почти не отличаются – 1,5–1,7 см и 0,4–0,6 см соответственно. Ретушь у всех наконечников бифасиальная, покрывающая или распространенная, стелющаяся;

1.3 – листовидные с прямой базой (6 экз.). Субстрат, из которого изготовлены изделия, разнообразный – халцедон (1 экз.), кремнистый сланец (1 экз.), трапп (3 экз.), порфиритовый диабаз (1 экз.). Длина варьирует от 2,5 до 4,3 см, толщина – 0,4–0,5 см, ширина – 1,3–1,6 см. Все наконечники обработаны бифасиальной, плоской покрывающей ретушью, у одного наконечника тело не фасетировано, а ретушью оформлены только края;

1.4 – листовидные с вогнутой базой (4 экз.). Два наконечника изготовлено из кремнистого сланца, два – из кремня. Размеры длины варьируют от 1,3 до 2,5 см, ширины от 0,7 до 1,9 см. Наконечники обработаны бифасиальной стелющейся покрывающей ретушью;

1.5 – листовидные черешковые (3 экз.). Два наконечника изготовлено из кремнистого сланца, один – из кремня. Размеры – 3,9×0,3×1,2 см. Два экземпляра ретушированы бифасиально покрывающей ретушью, у третьего только края подготовлены мелкой краевой ретушью;

1.6 – листовидные обоюдоострые (2 экз.), изготовлены из кремнистого сланца (2 экз.). Размеры: длина 2,9 и 3,8 см, ширина 1 и 1,2 см, толщина 0,3 см. Ретушь у наконечников бифасиальная, стелющаяся;

1.7 – листовидные с выемкой (4 экз.), изготовлены на халцедоновых пластинах. Размеры: 3,6–4,6×0,25–0,3×0,7–1,4 см. Ретушь бифасиальная, струйчатая, распространенная;

1.8 – усеченно-овальный с прямой базой (1 экз.), изготовлен из кремневого субстрата. Размеры: 2,6×0,5×1,8 см. Ретушь бифасиальная, стелющаяся; с одного фаса покрывающая, с другого – краевая;

1.9 – усеченно-овальные с вогнутой базой (2 экз.). Один изготовлен из кремня, второй – из кремнистого сланца. Наконечники сильно отличаются по пропорциям: длина – 2,6 и 4,3 см, толщина – 0,2 и 0,7 см, ширина – 1,6 и 2,7 см соответственно. Ретушь у обоих наконечников бифасиальная, стелющаяся, краевая.

2. Треугольные наконечники (13 экз.)

2.1 – треугольные с прямой базой (2 экз.). Первый наконечник выполнен из мелкозернистого кварца, второй – из кремнистого сланца. Размеры: длина 2,6 и 2,8 см, ширина 1,5 и 4,7 см соответственно. Ретушь бифасиальная, покрывающая, стелющаяся;

2.2 – треугольные с вогнутой базой и симметричными шипами (4 экз.), изготовлены из кремнистого сланца, оформлены диагональной ретушью. Размеры целого наконечника 4,2×0,7×1,9 см, ширина и толщина остальных – 0,15–0,3×1,4–1,5 см. Ретушь бифасиальная, диагональная, покрывающая;

2.3 – треугольные с вогнутой базой и Асимметричными шипами (5 экз.). Субстрат разный – 3 экз. изготовлено из кремнистого сланца, 1 – из кремня, 1 – из халцедона. Длина наконечников от 2,4 до 4,2 см; ширина от 1,3 до 1,5 см; толщина от 0,2 до 0,7 см. Ретушь у всех наконечников бифасиальная, стелющаяся, покрывающая;

2.4 – треугольные черешковые (2 экз.). Оба изготовлены из кремнистого сланца. Один наконечник целый (1,1×0,3×0,9 см), второй представлен фрагментом тела. Ретушь бифасиальная, распространенная, стелющаяся.

3. Ромбовидные наконечники (2 экз.)

Наиболее редкий тип наконечников стрел, представлен всего двумя экземплярами с обломанными насадами. Наконечники имеют удлиненное перо. Оба изготовлены из кремнистого сланца. Размеры: длина 2 и 3,7 см; ширина 1,1 и 1,6 см; толщина 0,3 и 0,4 см. Ретушь бифасиальная, стелющаяся и краевая. Исходя из малого количества экземпляров и схожести изделий для данного типа наконечников на данный момент выделение вариантов затруднено.

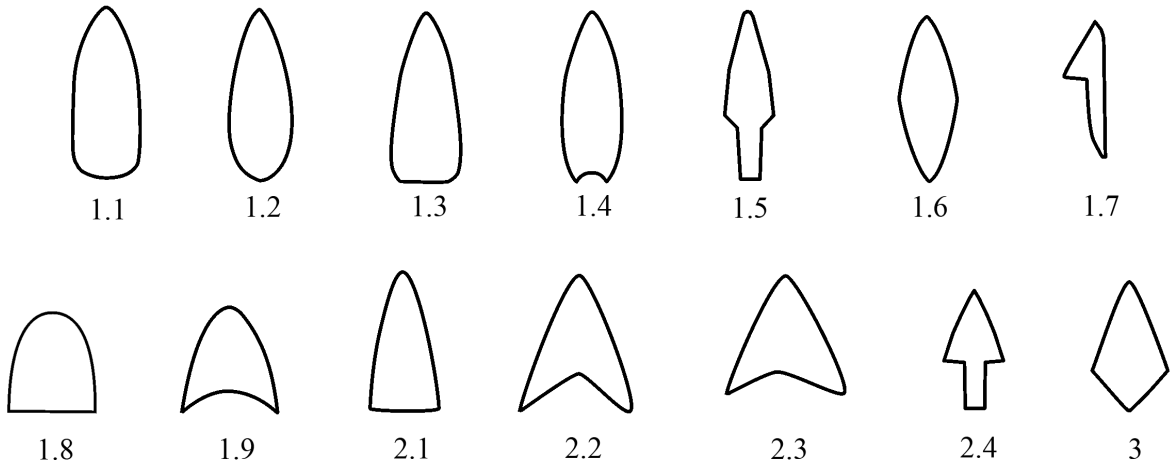


Рис. 1. Варианты наконечников стрел местонахождения Усть-Ёдарма II (уровни 3–8).

Таблица 1

Типы наконечников стрел местонахождения Усть-Ёдарма II

к.у.	овальные									треугольные				ромбовидные	фрагменты	
	1.1	1.2	1.3	1.4	1.5	1.6	1.7	1.8	1.9	2.1	2.2	2.3	2.4	3.1	овальные	треугольные
3	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2	-	1	-	-	-	1
4	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	1	2	1	-	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	5	-
6		2	3	1	1	2	2	1	-	-	3	3	2	-	1	2
7	1	2	-	1	1	-	-	-	1	-	-	1	-	1	4	3
8		2	1	1	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1	5	1
Всего	2	10	6	4	3	2	4	1	2	2	4	5	2	2	15	7

Как видно из табл. 1, наконечники с овальной (листовидной) формой пера преобладают во всех культурных горизонтах. В то время как в Прибайкалье – наиболее близком в культурно-историческом плане регионе – распространены треугольные формы каменных наконечников стрел.

В результате проведенного анализа материалов других сопредельных с Северным Приангарьем регионов – Якутии, Красноярской лесостепи, Канско-Рыбинской котловины, было выявлено, что здесь на местонахождениях эпохи неолита и бронзового века распространены наконечники стрел овальной формы.

Однако хотелось бы отметить тот факт, что отобранная нами серия каменных наконечников стрел является только малой частью «североангарских археологических богатств», поэтому для построения более точной классификационной

схемы необходимо привлечь материалы других крупных археологических объектов Северного Приангарья. Это в дальнейшем позволит проследить динамику изменчивости форм, конструктивных элементов и техники обработки, что на данном этапе затруднено и носит субъективный характер.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Е. А. Липнина

Список литературы

Базалийский В. И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив» / В. И. Базалийский // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2010. – Вып. 8. – С. 39–53.

Георгиевская Г. М. Китойская культура Прибайкалья / Г. М. Георгиевская. – Новосибирск : Наука, 1989 – 152 с.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья / О. И. Горюнова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997 – 112 с.

Медведев Г. И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири / Г. И. Медведев // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск : Иркут. ун-т, 1981. – С. 16–33.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1, 2. – 412 с. – (МИА. – № 18).

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3: Глазковское время. – 374 с. – (МИА. – № 43).

The stone arrowheads of Neolithic and Earle Bronze Age from multilayered geoarchaeological site Ust'-Yodarma II in Northern Angara region

S. V. Fedorov, S. P. Dudariok

The article describes and attempts to classify stone arrowheads from 3-8 cultural levels from the object of archaeological heritage Ust-Edarma II. There are three main types of tips of the pen form distinguished: oval, triangular and diamond-shaped. The study found that the oval type of stone arrowheads prevails in all cultural levels. Unfortunately, the question about the morphological transformation of the main forms through time from the early Neolithic to the Bronze Age remains open. The question of creating the classification scheme of stone arrowheads using materials of reference objects from North Angara region is raised.

Keywords: stone arrowheads, Neolithic, Bronze Age, Northern Angara region, Ust'-Yodarma II.

Фёдоров Сергей Владимирович
студент 3-го курса, Иркутский государственный университет
e-mail: srgvf22@gmail.com

Fedorov Sergey Vladimirovich
student 3rd year, Irkutsk State University
e-mail: srgvf22@gmail.com

Дударёк Сергей Павлович
аспирант 3-го года обучения, Иркутский государственный университет
e-mail: dudareks@mail.ru

Dudariok Sergey Pavlovich
postgraduate student 3rd year, Irkutsk State University
e-mail: dudareks@mail.ru

УДК 903.23(571.5)«634»

Идентификация следов в микрорельефе поверхности неолитических сосудов стоянки Усть-Белая*

И. В. Уланов
Иркутский государственный университет

*Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1637.2014/К Министерства образования и науки РФ

Важным аспектом изучения древнего гончарства является техника формовки сосудов. Среди признаков технологических операций, как наиболее доступных для исследователя, выделяются те, которые можно оценить визуально. В рамках настоящего исследования проведен анализ следов в микрорельефе поверхности сосудов неолитического времени из многослойной стоянки Усть-Белая, расположенной на левом приустьевом участке р. Белой в месте впадения ее в р. Ангару (в 110 км на северо-запад от г. Иркутска). Как заметил И. Г. Глушков, «не все следы, проявляющиеся на сосудах, поддаются объяснению как следы формовочных действий, многие из них носят случайный характер и сообщают минимальную информацию о технологической карте сосуда» [Глушков, 1996, с. 35]. Нами подвергнуты анализу те следы, которые встречены неоднократно и могут быть отнесены к категории признаков, свидетельствующих об определенных операциях формовки сосудов и последующей их обработке.

Среди керамики эпохи неолита на Усть-Белой количественно преобладают сосуды усть-бельского типа, на втором месте – хайтинского типа. Находки посольской и сетчатой керамики с оттисками сетки-плетенки немногочисленны.

Хайтинская керамика на территории юга Средней Сибири датируется ~7800–5500 л. н. (^{14}C без калибровки) [Бердников, 2013, с. 212]. Внешняя поверхность сосудов данного типа покрыта шнуровыми отпечатками. По нашему мнению, это следы выколачивания стенок колотушкой, обмотанной шнуром. В пользу этой гипотезы свидетельствует также плотность и незначительная толщина стенок сосудов (в среднем – 0,4–0,6 см), а также разнонаправленный и прерывистый рисунок шнуровых оттисков. На внутренней поверхности сосудов хайтинского типа визуально диагностируются следы в виде рельефных линий. Ранее эти следы интерпретировались как «близкие к горизонтали штрихи затирания или расчеса в виде неглубоких желобков» [Ветров, 2003, с. 52] Также высказывалась версия о том, что это оттиски твердого плетеного каркаса, выполнявшего роль шаблона при выколачивании [Игумнова, Савельев, Спиридонова, 2005, с. 26]. Визуальный анализ керамики с Усть-Белой позволил нам выдвинуть версию о том, что следы на внутренней поверхности являются негативами фрагментов шнуровых хайтинских сосудов с прочерченным орнаментом или без него. При помощи сырой глины сняты слепки как с внутренней, так и с внешней стороны фрагментов разных сосудов. В результате отмечено близкое сходство слепков с внутренней поверхности с внешней поверхностью фрагментов и наоборот. Судя по всему, фрагменты старых хайтинских сосудов использовались в качестве наковаленок при выбивке новых. Этой же версии придерживаются авторы статьи о хайтинской керамике Северного Приангарья, которая декорировалась преимущественно наколами [Лохов, Роговской, Дударёк, 2013, с. 122].

Подробнее следует остановиться на идентификации следов на археологически целом сосуде с Усть-Белой из раскопок Л. Я. Крижевской (1957–1959 гг.)[1]. Это сосуд сложной закрытой формы, круглодонный, с профилировкой верхней части. Высота – около 30 см, диаметр по венчику – около 25 см, диаметр в самой широкой части – около 30 см. Черепок тонкий (от 0,25 до 0,4 см), его толщина увеличивается в привенчиковой части до 0,6–0,7 см, в придонной – до 0,8 см. Фиксируются следы ремонта – округлые отверстия с двух сторон вдоль вертикальной трещины практически по всей высоте горшка. Внешняя поверхность сосуда полностью покрыта оттисками тонкого шнура (ширина бороздок ≤0,1 см), направленными вдоль вертикальной оси. Композиция орнамента состоит из сочетаний вертикальных, горизонтальных, косых и зигзагообразных прочерченных линий. На внутренней поверхности сосуда имеются короткие (около 1 см) рельефные линии, расположенные друг к другу под углом около 90º, которые можно интерпретировать как следы от орнаментированного фрагмента (или фрагментов) керамики, выполнявшего роль наковаленки.

Кроме охарактеризованных следов, на рассматриваемом сосуде отмечен факт интересного технического приема. В месте присоединения придонной части к тулову произошло расслоение по спаям лент. В образовавшемся разломе отчетливо видны параллельные, расположенные вплотную друг к другу прямые бороздки – оттиски тонких витых шнуров. Аналогичные следы диагностированы нами на расслоившихся фрагментах посольских сосудов со стоянки им. Генералова. Первоначальная версия о применении при стыковке лент прокладки-арматуры в виде текстильной полоски, сплетенной из шнуров, которая при обжиге выгорала [Уланов, 2014], не нашла подтверждения. Более глубокий анализ шнуровых оттисков в разломе, как со стороны позитива, так и негатива показал, что в данном случае использовался прием специальной подготовки – рельефной обработке – одной ленты перед соединением с последующей. Отпечатки, по нашему мнению, образовывались в результате обработки позитива спая колотушкой, обмотанной шнуром. Наиболее близким аналогом является техника, отмеченная в процессе экспериментального моделирования одинокрохалевской посуды бронзового века Западной Сибири [Глушков, 1996, с. 102–103], где в спаях лент зафиксированы текстильные отпечатки. И. Г. Глушков пришел к выводу, что в процессе формовки сосудов использовалась не ткань, а резная колотушка, обработка которой создавала имитацию текстильных отпечатков. Каждая лента в отдельности расформовывалась колотушкой, а наличие характерных следов в спаях обусловлено накладыванием каждой последующей ленты на предыдущую ленту с рифленой поверхностью.

В пользу данной гипотезы свидетельствует ряд признаков. В горизонтальном изломе фрагментов, в расслоившихся спаях которых имеются шнуровые отпечатки, никаких следов не зафиксировано. Шнуровая основа, выгоревшая при обжиге, обязательно оставила бы в горизонтальном изломе следы в виде небольших отверстий. Кроме того, на поверхностях спаев лент, обращенных наружу, фиксируются четкие отпечатки шнуров, на противоположных им лентах – негативы данных оттисков, менее отчетливые, с оплывшими краями. При соединении фрагментов

[1] Выражаю глубокую признательность и благодарность сотрудникам ИИМК СО РАН: Г. В. Синицыной за возможность работы с материалами Усть-Белой и Л. А. Соколовой за помощь и содействие.

выпуклые элементы рельефа в спае одной ленты совпадают с углублениями на другой. Таким образом, поверхность, где присутствуют оттиски шнуров, является позитивом, а противоположная – негативом спая. Следует отметить еще одну важную деталь. Негативные отпечатки рисунка с позитива могли образоваться лишь в том случае, если позитивная лента была подсохшей, что в свою очередь указывает на перерыв в формовке.

Усть-бельская керамика широко распространена в регионе и датируется в хронологическом интервале 6600–4100 л. н. [Бердников, 2013, с. 217]. Внешняя поверхность сосудов данного типа, найденных на Усть-Белой, не несет следов технического декора. Внутренняя поверхность после завершения формовки тщательно затиралась. Об этом свидетельствуют нередко фиксирующиеся следы зубчатого инструмента в виде расчесов [Березин, 1985, с. 34, рис. 2; Иванова, 2012, с. 94; Синицына, 1979, с. 89–90]. В ряде случаев отмечаются горизонтально направленные наплывы глины, которые могли образовываться в процессе заглаживания поверхности ребром лопатки, гладким скребком. В редких случаях на внутренней поверхности придонной части, которая, как правило, не затиралась, фиксируются выпуклые следы различной конфигурации. Глиняные слепки, сделанные нами, с большой долей уверенности позволяют говорить о том, что данные следы представляют собой негативы орнамента других сосудов. Они, по всей видимости, служили шаблоном, на котором формовался сосуд или его дно.

Детальная диагностика следов в микрорельефе поверхности керамики с Усть-Белой помогает приблизиться к решению ряда вопросов, связанных с технологическими операциями и способом формовки неолитических сосудов юга Средней Сибири. Анализ внутренней поверхности хайтинских сосудов позволяет говорить об использовании фрагментов керамики в качестве наковаленок при выбивке стенок колотушкой, обмотанной шнуром. Наблюдаемые в изломе спая оттиски шнура свидетельствуют о том, что в процессе конструирования хайтинских сосудов перед присоединением следующей ленты предыдущая расформовывалась колотушкой, обмотанной шнуром. Характер следов на внутренней поверхности усть-бельских сосудов позволяет сделать выводы о том, что при формовке в качестве шаблона использовались другие сосуды, а сама поверхность тщательно затиралась и заглаживалась. Озвученные гипотезы должны быть подвергнуты проверке в рамках экспериментальных исследований, однако можно отметить, что по результатам визуальной диагностики намечены основные пути решения ряда вопросов, связанных с изучением технологических аспектов неолитического гончарства юга Средней Сибири.

Научный руководитель – канд. ист. наук
И. М. Бердников

Список литературы

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) / И. М. Бердников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Березин Д. Ю. Неолитический сосуд с поселения Бадарма II и на средней Ангаре / Д. Ю. Березин // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 33–35.

Ветров В. М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене / В. М. Ветров // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск, 2003. – С. 49–53.

Глушков И. Г. Керамика как археологический источник / И. Г. Глушков. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Иванова Д. П. Усть-бельский тип керамики памятников Устье Реки Кутарей и Парта / Д. П. Иванова // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск : НГУ; ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 92–94.

Игумнова Е. С. Керамика «хайтинского» типа Мишелевского геоархеологического комплекса / Е. С. Игумнова, Н. А. Савельев, Ю. В. Спиридонова // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005. – С. 25–26.

Лохов Д. Н. Североангарский вариант керамики хайтинского типа / Д. Н. Лохов, Е. О. Роговской, С. П. Дударёк // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 116–132.

Синицына Г. В. Керамика Усть-Бельского поселения: (по материалам раскопок Н. Н. Гуриной) / Г. В. Синицина // КСИА. – 1979. – № 157 – С. 88–92.

Уланов И. В. Новые аспекты формовочной техники шнуровой керамики посольского типа / И. В. Уланов // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск : СФУ, 2014. – С. 89–91.

Identification of Traces in the Microrelief Surface of Neolithic Vessels from Ust'-Belaya Site

I. V. Ulanov

This article provides a description and analysis of traces of the microrelief on the surface of pottery of Neolithic Khaita and Ust'-Belaya types from Ust'-Belaya site. As a result of this analysis we can gain understanding of some aspects of ancient pottery production technology in the South of Middle Siberia. For the first time, special attention is paid to the inner surface of the vessels.

Keywords: Ancient pottery, South of Middle Siberia, Ust'-Belaya, the Neolithic

Уланов Илья Викторович
магистрант 1-го года обучения, Иркутский государственный университет
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Ulanov Ilya Viktorovich
graduate student 1st year, Irkutsk State University
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

УДК 903.022(571.5)«634»

Неолитическая керамика многослойного местонахождения Усть-Кеуль I (Северное Приангарье)*

Н. Б. Соколова
Иркутский государственный университет, Иркутск

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, тема № 33.1637.2014/К

Многослойное местонахождение Усть-Кеуль I, ныне затопленное водами Богучанского водохранилища, располагалось на левобережном приустьевом участке р. Кеуль, левого притока р. Ангары (Усть-Илимский р-н Иркутской области) [Новосельцева, Соколова, 2012]. В результате спасательных работ, проведенных в 2011–2012 гг. Усть-Кеульским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, получена представительная коллекция археологического и палеофаунистического материала общей численностью 36 414 ед. Объект располагался на территории д. Кеуль и сильно пострадал вследствие хозяйственной деятельности человека. Мощность нарушенных культуросодержащих напластований на разных участках раскопа фиксируется в пределах от 0,2 до 1,5 м. В северо-западной части раскопа отмечена ситуация компрессии литологических и культурных слоев. Тем не менее, стратиграфия стоянки Усть-Кеуль I позволяет определить относительную хронологию разновременных комплексов.

Археологический материал на стоянке Усть-Кеуль I зафиксирован в 11-и культуросодержащих горизонтах (к. г.). К периоду неолита отнесены к. г. 7 и 8, имеющие субаэральный генезис. В соответствии со стратиграфией отложений время их формирования следует отнести к атлантической стадии голоцена. К. г. 8 представлен слабогумусированными пылеватыми супесями серого, палево-серого цвета с включениями глыб, гальки и дресвы, мощностью 0,15–0,3 м, к. г. 7 – супесями темно-серого, почти черного цвета с включениями глыб, гальки и дресвы мощностью 0,15–0,3 м [Новосельцева, 2012].

Керамическая коллекция к. г. 8 насчитывает 269 фр. Большинство из них принадлежит как минимум 6 сосудам простой формы с оттисками плетеной сетки (62,4 % от общего числа). Венчики – прямые. Следы сетки-плетенки фиксируются на внешней поверхности сосудов и по срезу венчика. На внутренней поверхности в ряде случаев отмечаются следы затирания зубчатым инструментом (тонкие параллельные борозды) и остатки органики в виде нагара. Черепок плотный, в большинстве случаев с включением дресвы, реже шамота и песка. Цвет фрагментов варьирует от рыжего до темно-коричневого. Толщина стенок – 0,2–0,6 см, утолщение прослеживается по спаям лент (до 0,8 см) и по венчику (до 1 см). В соответствии с планиграфией раскопа сетчатая керамика зафиксирована в юго-восточной его части (пикеты 85–87, 105–107, 125–127, 145–147, 165–167, 185–187). Она встречена по всей площади данного участка преимущественно отдельными обломками небольшого размера. Найден всего один развал сосуда (52 фр.), у которого сохранилась и восстановлена донная часть округлой формы. Диаметр в наибольшей части – не менее 20 см, высота не установлена. На внешней поверхности видны отчетливые следы плетеной сетки с размером ячеек 0,2×0,2 см. Орнамент отсутствует. Стенки сосуда хорошо выбиты, черепок плотный, тонкий (0,2–0,3 см) с незначительным включением дресвы. Внутренняя поверхность гладкая, следы нагара отсутствуют.

Оставшуюся часть коллекции к. г. 8 составляют встреченная в незначительном количестве усть-бельская керамика, а также многочисленные малоинформативные фрагменты без орнамента (в ряде случае с оттисками шнура).

Керамическая коллекция к. г. 7 насчитывает 556 фр. и представлена преимущественно сетчатой, усть-бельской и посольской керамикой, а также малоинформативными фрагментами без орнамента – гладкими и с оттисками шнура. В к. г. 7 количество сетчатой керамики, которая ряду параметров близка керамике из к. г. 8., незначительно (9 % от общего числа). Несколько фрагментов с оттисками плетеной сетки можно с уверенностью отнести к аплинскому типу, недавно выделенному по материалам Северного Приангарья [Бердников, Лохов, 2013]. Под венчиком на внешней поверхности аплинских сосудов прочерчена горизонтальная линия, на которой расположен ряд сквозных отверстий. Ниже расположены горизонтальные ряды оттисков овального гладкого штампа, поставленного вертикально.

Посольская керамика представлена несколькими фрагментами венчиков с широкими налепными валиками и отверстиями под срезом. Декорированы они горизонтальными рядами отступающего зубчатого стека и прочерченными линиями.

В числе усть-бельской керамики – отдельные фрагменты стенок и венчиков сосудов простой формы. На внутренней поверхности большинст-

ва из них зафиксированы следы затирания зубчатым инструментом. Черепок плотный, с включением дресвы. Толщина стенок 0,5–0,6 см. Орнамент традиционен для усть-бельской керамики: горизонтальный ряд ямочек в зоне венчика, горизонтальные и вертикальные ряды оттисков, выполненных стеками с подпрямоугольным рабочим краем в технике отступания, и оттисков поставленного с наклоном гладкого овального и полукруглого зубчатого штампа. Срез венчика, как правило, приостренной формы, орнаментирован оттисками зубчатого штампа. Зафиксирован небольшой развал усть-бельского сосуда простой формы, состоящий из 16 фр. Высота и диаметр не установлены. Черепок плотный, с включением дресвы и шамота, на внутренней поверхности видны следы затирания зубчатым инструментом и остатки органического происхождения в виде нагара. Венчик приостренный, декорированный по внешнему борту зубчатым штампом. Толщина стенок 0,4–0,5 см, в зоне венчика – 0,9 см. Под венчиком расположен горизонтальный поясок ямок, ниже (на тулове) горизонтальные ряды оттисков, выполненных полукруглых зубчатым стеком.

Обнаружена также верхняя часть простого сосуда закрытой формы с пунктирно-гребенчатым штампом (88 фр.). Черепок плотный, со значительным содержанием дресвы и шамота, толщина – 0,5–0,6 см. На внутренней поверхности фиксируются следы органического происхождения в виде нагара. Орнамент состоит из ряда вертикальных и горизонтальных оттисков пунктирного гребенчатого штампа и ямок в зоне венчика, которые сгруппированы по три штуки. Диаметр сосуда по венчику – около 37 см. Высота сохранившейся части – 21 см.

Значительную часть коллекции к. г. 7 составляют малоинформативные фрагменты без орнамента, с оттисками шнура и неопределимые обломки.

По рогу млекопитающего из к. г. 8 получена дата 8370±125 л. н. (СОАН-8906), однако, на наш взгляд, она выглядит несколько удревненной. Сетчатая керамика на юге Средней Сибири датируется в интервале ~8000–5500 л. н.[1] [Савельев, 1989; Бердников, 2013, 2014]. Но и в этих рамках нижняя хронологическая граница требует подтверждения, так как к настоящему моменту она обеспечена недостаточным количеством ^{14}C-дат. Вследствие этого находки из к. г. 8 правильнее датировать временем не ранее начала атлантического периода. Однако время формирования литологического слоя в целом, к которому приурочен культуросодержащий горизонт, скорее всего, было довольно длительным, так как в коллекции присутствует и усть-бельская керамика, максимальный возраст которой не достигает 7000 лет.

Усть-бельская и посольская керамика, полученная из к. г. 7, датируется на юге Средней Сибири ~6900–4100 л. н. Время появления пунктирно-гребенчатой керамики в регионе определяется в районе 5300 л. н. [Бердников, 2013] Учитывая дату 4995±90 л. н. (СОАН-8905), полученную для к. г. 6, верхнюю хронологическую границу для к. г. 7 можно установить в районе 5100–4900 л. н.

В заключение можно сделать ряд выводов. В результате настоящего исследования проанализированы керамические комплексы к. г. 8 и 7 многослойного местонахождения Усть-Кеуль I, возраст которых предварительно (до получения серии дат) можно определить в расширенном интервале ~8000–5000 л. н., где нижняя хронологическая граница требует проверки. Древнейшей на стоянке является ранненеолитическая сетчатая керамика, зафиксированная преимущественно в к. г. 8. Позднее появляется и занимает доминирующее положение усть-бельская и посольская керамика, найденная в к. г. 7. Озвученные выводы в целом согласуются с основными положениями культурно-хронологической концепции неолита юга Средней Сибири.

Научный руководитель – канд. ист. наук
И. М. Бердников

Список литературы

Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) / И. М. Бердников // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – Изд-во : ИГУ, 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бердников И. М. К вопросу о типологии сетчатой керамики юга Средней Сибири / И. М. Бердников // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Кызыл: Тув. гос. ун-т, 2014. – С. 14–17.

Бердников И. М. Сетчатая керамика аплинского типа / И. М. Бердников, Д. Н. Лохов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. – Изд-во : ИГУ, 2013. – № 2 (3). – С. 72–83.

Новосельцева В. М. Новые данные по геохронологии голоценовых комплексов геоархеологического местонахождения Усть-Кеуль I в Северном Приангарье / В. М. Новосельцева, Н. Б. Соколова // Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. Иркутск, 2012. – С. 137–146. – [Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеэкология, культуры ; вып. 1].

Новосельцева В. М. Отчет об археологических раскопках стоянки Усть-Кеуль I в Усть-Илимском районе Иркутской области в 2011 году // В. М. Новосельцева. – Новосибирск, 2012. – 833 с.

Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири: (история основных идей и современное состояние проблемы) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. А. Савельев. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

[1] Здесь и далее по тексту данные ^{14}C без калибровки.

Neolithic Pottery from Multilayered Site Ust'-Keul I (North Angara Region)

N. B. Sokolova

Neolithic pottery-complexes from excavations of multilayered Site Ust'-Keul I in North Angara Region (flood zone of Boguchanskaya HPP) are considered in this article. We conducted a typological, morphological and comparative analyses of ceramics. It has been established that the age of ceramic complexes ranges from 8000 to 5000 years BP.

Соколова Наталья Борисовна
магистрант 2-го года обучения, Иркутский государственный университет
e-mail: snb-87@mail.ru

Sokolova Natalia Borisovna
graduate student 2st year, Irkutsk State University
e-mail: snb-87@mail.ru

УДК 902/903

Заготовки каменных наверший палиц (Знаменская-Телевышка-1)*

Е. Н. Залётова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
*Работа выполнена при поддержке Научного фонда ДВФУ, гос. задания № 1466

Памятник Знаменская-Телевышка-1 (Дальнереченский район Приморского края) был открыт в 2013 г. отрядом Учебно-научного музея ДВФУ под руководством А. Н. Попова и относится к поздненеолитической зайсановской культуре (5,3–3,5 тыс. л.н.) [Археологические исследования…, 2014].

Раскопки на памятнике проводились летом 2014 г. Среди находок выделяются два плоских просверленных камня, предположительно бывшие заготовками наверший палиц. Обе заготовки подквадратной формы, разбиты, вероятно, при сверлении (в обоих случаях линия разлома проходит через отверстие или его заготовку). Оба предмета изготовлены из гранитной плиты (сырьё, вероятно, было принесено извне, поскольку на территории памятника такой породы не обнаружено).

Размер первого предмета 155×157 мм, канал отверстия имеет биконическую форму, максимальный его диаметр составляет 44 мм с одной стороны (плоской) и от 43 до 47 мм с другой (здесь отверстие слегка вытянуто), диаметр в центре – 22 мм.

Размер второго предмета – 120×120 мм, канал отверстия намечен с обеих сторон (внешний диаметр 37 мм), но не завершён – осталась перемычка толщиной 15 мм. Обе заготовки находились в одном квадрате, рядом с ними были обнаружены ещё фрагменты той же породы.

Подобные находки не единичны, в Приморском крае они появляются в зайсановской культуре и встречаются вплоть до этнографической современности (распространены на Нижнем Амуре, интерпретируются обычно как навершия палиц для глушения крупной рыбы) [Бродянский, 2013, с. 25, рис. 112, 115].

Среди материалов памятника Синий Гай в неолитическом слое в 21 жилище также были найдены каменные навершия: 11 целых и 18 разбитых, причём в жилище оставалась одна половинка навершия, что повлекло за собой предположение о возможном ритуальном назначении этих предметов [Бродянский, 2013, с. 37, рис. 150].

Подобные предметы можно обнаружить и в других культурах. Так, на поселениях и могильниках Северо-Восточного Китая бронзового века встречаются находки шлифованных палиц округлой формы с просверленным посередине отверстием [Ларичев, 1961].

В Корее оружие подобного типа появляется в финальном неолите – это плоские круглые боевые топоры или палицы, в их центре просверлены круглые отверстия, в которые вставлялась рукоять из дерева или рога, а края заточены. В бронзовом веке усложняется их форма, наряду с округлыми появляются навершия с зубчатыми краями, число зубцов может достигать 10 [Ларичев, 2012, с. 197, рис. 44].

Интерпретации таких предметов исследователями очень разнообразны: это и навершия палиц и булав (как охотничьих или боевых, так и ритуальных), и утяжелители для сверла или палки-копалки, и грузила, и многое другое [Заитов, 1992].

Несмотря на то что подобные предметы достаточно широко распространены, не всегда удаётся однозначно идентифицировать их предназначение. Вполне возможно, что оно варьирует в зависимости от времени и места их изготовления.

Научный руководитель – канд. ист. наук
А. Н. Попов

Список литературы

Археологические исследования в Дальнереченском районе Приморского края в 2013–2014 гг. / А. Н. Попов, Б. В. Лазин, В. А. Лынша, В. Н. Тарасенко // Тихоокеанская археология. – Владивосток : ДВФУ, 2014 – Вып. 29: Золотой мост древностей. – С. 60–82.

Бродянский Д. Л. Синий Гай. Поселения неолита и бронзового века в Приморье / Д. Л. Бродянский. – Владивосток : ДВФУ, 2013. – 208 с.

Заитов В. И. Каменные перфорированные диски поселения Ботай // РА. – 1992. – № 2. – С. 136–146.

Ларичев В. Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая (по материалам раскопок китайских и японских археологов) // СА. – 1961. – № 1. – С. 3–25.

Ларичев В. Е. Путешествие археолога в Страну утренней свежести. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 234 с.

Half-finished stone maces from site Znamenskaya-Televyishka-1

E. N. Zalyotova

Two stone tools, which are considered to be half-finished mace heads, were found during the excavation at Znamenskaya-Televyishka-1 archaeological site in 2014. Description of these artifacts is made in this work.

Keywords: Neolithic, mace heads, zaisanovskaya culture, Znamenskaya-Televyishka-1.

Залётова Елена Николаевна
магистрант 1-го года обучения, Дальневосточный федеральный университет
e-mail: enzalyotova@mail.ru

Zalyotova Elena Nikolaevna
graduate student 1st year, Far Eastern Federal University
e-mail: enzalyotova@mail.ru

УДК 903.222

К проблеме применения стрельных ядов в каменном веке Северо-Востока Азии

Е. Н. Николаев, В. М. Дьяконов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

Освоение обширных территорий Северо-Востока Азиатского континента требовало от древнего человека применения инновационных по тем временам технологий, позволивших ему успешнее адаптироваться к суровым природно-климатическим условиям, распространить культуру на значительные расстояния. Несомненным достижением является применение различного рода отравляющих веществ. Отравленные стрелы использовались многими народами Северо-Восточного региона, что зафиксировано в этнографических источниках. Ительмены, коряки, чукчи и юкагиры использовали отравленные стрелы, как во время охоты, так и военных конфликтов [Антропова, 1957, с. 194]. Вероятно, что традиция применения отравленных стрел уходит корнями в древнее прошлое народов.

В данном свете интерес представляют обнаруженные на археологических объектах Якутии костяные наконечники стрел, отличительной особенностью которых является наличие на гранях неглубоких прорезанных бороздок [Аргунов, 1990, с. 53; Константинов, 1970, с. 91]. Изделия относятся к эпохе позднего неолита. Наконечники имеют значительную длину, свыше 20 см, ромбическое поперечное сечение. Бороздки, как правило, расположены параллельно на продольных краях наконечника, идут от конца острия до самого низа основания. Сами бороздки неглубокие, от 0,1–0,2 см. Подходя к вопросу о назначении бороздок, можно предположить, что наконечники с углублениями применялись в охоте с использованием стрельных ядов. Наличие углублений на наконечнике позволяло избежать размазывания и стирания яда об кожу или мех объекта охоты. Таким образом, при проникновении в тело подобного наконечника бороздки на нем позволяли ввести внутрь организма значительную концентрацию яда, что, несомненно, сказывалось на эффективности отравления жертвы.

Известно, что ительмены «толченым корнем лютика намазывают стрелы свои». Смерть человека от такого яда наступала приблизительно через 2 дня, если не принимать никаких мер по излечению [Крашенинников, 1949, с. 240–241]. Также С. П. Крашенинников указывает, что яд из лютика был известен корякам, чукчам и юкагирам. Применялся также яд, получаемый из аконита (лат. *Aconitum*). Для приготовления яда было необходимо предварительно высушить растение на свежем воздухе, затем растолочь в порошок и смазать стрелы [Стеллер, 1999, с. 95]. В труде «Описание земли Камчатки» приводится описание действия такого стрельного яда: «Если такою стрелою ранены животные или люди, раны начинают синеть, а некоторое время спустя вся сторона тела, где находится рана, вздувается, причем по прошествии двух дней от этого гибнут даже крупнейшие киты и морские львы. Раненные таким образом морские животные уже не в

силах дольше оставаться в воде и вылезают на сушу, издавая ужасный рев» [Стеллер, с. 95]. Действительно, все растения из семейства лютиковых (лат. *Ranunculaceae*) содержат очень ядовитые алколоиды [Астахова, 1977, с. 32]. При отравлении данными ядами у человека наблюдается раздражение дыхательных путей: удушье и спазмы мышц гортани, резкие боли в пищеводе, желудке и кишечнике, сопровождаемые рвотой, поносом, упадком сердечной деятельности. В тяжелых случаях при попадании в организм большой концентрации яда поражается ЦНС. Отравившиеся животные погибают через 15–30 минут после проявления первых симптомов [Астахова, 1977, с. 102].

Применение стрельных ядов является одной из важнейших достижений древнего человека. Охота с отравленными стрелами гарантировала значительную вероятность поражения цели и отсутствие подранков, так как малейшая рана вела к летальному исходу. По этой же причине ядовитые стрелы очень эффективны и при различных военных конфликтах, масштабы и интенсивность которых все возрастали [Погребение ымыяхтахского воина…, 2006, с. 52]. Высокая поражающая способность стрельного яда превращает даже самый слабый лук в поистине смертоносное оружие. Также стоит отметить, что проблема применения отравляющих веществ на Северо-Востоке Азии требует дальнейших комплексных исследований, с привлечением специалистов-токсикологов, проведения экспериментов.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А. Н. Алексеев

Список литературы

Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири / В. В. Антропова // Сибирский этнографический сборник. – М.; Л., 1957. – С. 99–245.

Аргунов В. Г. Каменный век Северо-Западной Якутии / В. Г. Аргунов. – Новосибирск : Наука, 1990. – 213 с.

Астахова В. Г. Загадки ядовитых растений / В. Г. Астахова. – М. : Лесная промышленность, 1977. – 176 с.

Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки / С. П. Крашенинников. – М.; Л., 1949. – 480 с.

Константинов И. В. Неолитические стоянки на Оленеке / И. В. Константинов // По следам древних культур Якутии (Труды Приленской археологической экспедиции). – Якутск, 1970. – С. 73–94.

Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген / А. Н. Алексеев, А. Д. Степанов, А. К. Шараборин, Л. Л. Алексеева // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 45–52.

Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки / Г. В. Стеллер. – Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор. кн. изд-во, 1999. – 288 с.

On the problem the use of poisoned arrows in the Stone Age of Northeast Asia

E. N. Nikolaev, V. M. Dyakonov

This article is devoted to the study of poisoned arrows in the Stone Age of Northeast Asia. Poisoned arrows were used by many nations of the North-Eastern region. It is likely that the use of poisoned arrows tradition is rooted in the ancient past.

Keywords: Poison, arrowheads, North-Eastern region, poisoned arrows, Stone Age

Николаев Егор Николаевич
аспирант 1-го года обучения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: nikolaev.ykt@gmail.com

Nikolaev Egor Nikolaevich
Postgraduate 1st yaer, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN)
e-mail: nikolaev.ykt@gmail.com

Дьяконов Виктор Михайлович
кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: dyakonov_vm@rambler.ru

Dyakonov Victor Mikhaylovich
PhD, Researcher Fellow, The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (IHRISN)
e-mail: dyakonov_vm@rambler.ru

УДК 903.2

Памятник Устье реки Кутарей в Северном Приангарье: перспективы и проблемы изучения

А. Н. Чеха
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Новый этап в изучении территории Северного Приангарья связан с возобновлением строительства на БоГЭС. Проведенные археологические работы выявили огромный массив материала, который требует анализа и согласования с культурно-хронологической схемой региона. Однако в археологическом плане территория остается недостаточно изученной.

Одним из наиболее дискуссионных в историографии остается вопрос о хронологии и периодизации неолита и бронзового века Северного Приангарья. Начиная с 1950-х гг. эта тема широко представлена в работах А. П. Окладникова, М. М. Герасимова, Б. Э. Петри, Л. П. Хлобыстина, Н. А. Савельева и Г. И. Медведева, В. В. Свинина, О. И. Горюновой, И. В. Асеева [Гришин, 2000, с. 8–36; Асеев, 2003, с. 13].

Кроме того, культурно-хронологическая интерпретация памятников Северного Приангарья зачастую затруднительна из-за смешения в одном слое материалов неолита и бронзового века. Это вызвано так называемым «компрессионным» характером напластований, как правило, без стерильных разделяющих прослоек и вскрытием всей толщи культурного слоя условными горизонтами. В данном случае относительным культурным и датирующим маркером может служить керамика.

Новые исследования по изучению керамических комплексов бронзового века Енисейского Приангарья представлены работами П. В. Мандрыки (на данной территории с конца III тыс. до н.э. он выделяет несколько культурных традиций: комплексы с гладкостенной керамикой и гребенчато-пунктирной орнаментацией (бобровский тип); комплексы с «тонкошнуровой» керамикой (усть-шилкинский тип), переходный комплекс (с утолщенными краями венчика, под венчиком – орнаментация сеткой), самоделкинский комплекс, шепилевский комплекс) [Мандрыка, 2008], Н. П. Макарова (по материалам 4 и 5 культурных горизонтов стоянки Усть-Карабула, содержащих артефакты неолитического облика) [Макаров, 2013] и А. Н. Савина (по материалам многослойного поселения Парта) [Савин, 2010, с. 585]. Особенно актуально изучение материалов Усть-Кутарейского археологического микрорайона в контексте новых данных по усть-бельской керамике (по материалам стоянки Сергушкин-1), которые позволяют отнести ранний период бытования усть-бельского комплекса к концу VI – началу V тыс. до н.э. [Герман, 2013, с. 151].

При исследовании памятников Усть-Кутарейского микрорайона (Устье реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей) было обнаружено более 30 тыс. артефактов. Проведение рекогносцировочных работ позволило выявить наиболее перспективные участки с четкой стратиграфией, где были проведены раскопки сплошной площадью.

Наиболее перспективным в контексте данной проблематики представляется изучение материалов памятника Устье реки Кутарей.

Стоянка Устье реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангары в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей. Памятник находится на террасе высотой 5–10 м от уреза воды. С запада терраса ограничена урезом р. Ангары, а с юго-востока – устьем р. Кутарей. Первоначально памятник был определен как стоянка эпохи неолита (IV–III тыс. до н.э.), но в результате работ 2010 г. было выявлено три культурных горизонта от эпохи неолита до средневековья.

Памятник открыт в 1974 г. Кежемским отрядом СААЭ КГПИ под руководством Н. И. Дроздова. Впоследствии исследование памятника проводилось в 2008 г. отрядом Института археологии и этнографии СО РАН в рамках проекта сохранения памятников историко-культурного наследия Красноярского края в зоне затопления БоГЭС. Рекогносцировочные исследования производились согласно методике археологических исследований принятой ОПИ Института археологии РАН, раскопами 2×2 м, разбитыми в единой сетке координат на расстоянии 100 м, а также рекогносцировочными зачистками размерами 2×2 м. В результате работ 2008 г. были уточнены границы и исследована степень сохранности археологического материала объекта.

Рекогносцировочные зачистки располагались в единой сетке координат на береговых склонах и осыпях, по краям техногенных разрезов. Стратиграфическая ситуация памятника представлена чередованием четырех основных слоев, из которых наиболее перспективным является третий, представляющий собой светло-желтую слабоувлажненную супесь, мелкодисперсную, пылеватую при высыхании. Слой содержал археологические материалы эпохи неолита и периода эпохи бронзы. Нижняя граница слоя нечеткая. Граница слоя субгоризонтальная, со слабо выраженной волнистостью. Мощность слоя достигает 0,43 м [Савин, 2011. с. 23–25].

Массовые археологические комплексы из слоев 3 и 4 включают в основном каменную индустрию (технологически индустрия неолитическая не отличается от индустрии бронзового ве-

ка) и керамику (сопоставимую с материалами Прибайкалья, Нижней Ангары, четко фиксируются группы посольской и усть-бельской керамики) [Савин, 2011, с. 113]. Информативным представляется анализ материалов Устья реки Кутарей в сравнении с коллекциями памятников Сенькин (Синий) камень и Ручей Поварный (менее многочисленны – 1400 артефактов, но содержат показательные типы орудийного набора).

Отчетливые стратиграфические напластования и взаимосвязанные с ними керамические комплексы памятников Усть-Кутарейского микрорайона дают возможность датировать сопутствующие материалы, а в дальнейшем позволят внести существенный вклад в построение единой хроностратиграфической шкалы археологических памятников среднего течения реки Ангары.

Научный руководитель – д-р ист. наук
М. В. Шуньков

Список литературы

Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла / И. В. Асеев. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.

Герман П. В. Комплекс археологических материалов с Усть-Бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – №1 (2). – 2013. – С. 133–156.

Гришин Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья / Ю. С. Гришин – М. : Старый сад, 2000. – 128 с.

Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта / А. Н. Савин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 582–587.

Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья / Н. П. Макаров // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск : Изд-во КККМ, 2013. – С. 130–175.

*Мандрыка П. В***.** Степь и тайга: проблема взаимоотношений племен раннего железного века (по материалам Енисейского Приангарья) / П. В. Мандрыка // Журнал СФУ. – Красноярск, 2008. – Т. 1, № 2. – С. 261–269.

Савин А. Н. Отчет об археологических раскопках стоянки Устье Реки Кутарей 2010 г. (Кежемский район Красноярского края) / А. Н. Савин. – Новосибирск, 2011. – Т. I. – 175 с.

Archaeological site The Mouth of the river Kutarey: perspectives and problems of studying

A. N. Chekha

This work contains brief results of Ust-Kutarey microregion sites researching in 2008–2011 in the context of main problems of investigation Neolithic-bronze age complexes in North Priangare. The accumulated material requires consent of the generalizations and matching with cultural-chronological scheme of the region**.** Although layers are of "compression" character, stratigraphic situation, as well as ceramic complexes from this site allow to date collateral materials that will further give opportunities to use these data to construct a single chronostratigraphic scale for this region.

Keywords: Neolithic-bronze age complexes, North Priangare, layers with "compression" character.

Чеха Анна Николаевна
аспирант 2-го года обучения, Институт археологии и этнографии СО РАН
e-mail: cheha.anna@yandex.ru

Chekha Anna Nikolaevna
Postgraduate 2nd year, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
e-mail: cheha.anna@yandex.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 902 (571.54/55)

Результаты спасательных работ на могильнике бронзового века Рушмалей-1 (Забайкалье)

Н. Е. Леонова, А. Р. Рудакова
Забайкальский государственный университет, Чита

В полевой сезон 2014 г. в ходе поисковых и мониторинговых работ, проводимых археологической экспедицией ЗКО ВООПиК, был обследован могильник Рушмалей-1. Объект расположен в 4,3 км западнее ст. Ингода Читинского района Забайкальского края и приурочен к выположенным остепнённым площадкам левостороннего борта долины р. Рушмалей. Объект открыт и исследован в ходе масштабных археологических разведок, проводимых в конце 80-х гг. XX в. участниками Верхнеамурской археологической экспедиции Читинского государственного педагогического института. Материалы разведок широко не публиковались, но были оформлены в списки с краткой информацией об открытых и изученных объектах. Авторы исследований – представители Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры – И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев. По имеющейся информации могильник Рушмалей-1 относится к «дворцовской культуре» бронзового века (середина II – середина I тыс. до н.э.) и насчитывает 8 курганов, размерами 3–4 м в диаметре. Площадь могильника определена исследователями более 400 кв.м. Могильник частично разрушался карьером и склоновыми процессами.

В 2014 г. было установлено, что существующий карьер активно используется, а вскрышными работами уже уничтожена восточная часть могильника. В ходе натурного осмотра в непосредственной близости от бровки карьера был обнаружен погребальный комплекс. На современной поверхности он был выражен плоским курганом высотой до 0,3 м и около 3 м в диаметре. После снятия дернового слоя и зачистки выяснилось, что данный комплекс представляет собой квадратную в плане формы кладку с оградой в виде поставленных на ребро тонких плит песчаника. Именно плиты ограды аккумулировали и сдерживали склоновые отложения и придали кладки вид невысокого кургана.

Размеры зачищенного комплекса составили 4×4 м с ориентацией по сторонам света. Плиты ограды возвышались над поверхностью зачищенной кладки на 0,05–0,1 м. Внутреннее пространство ограды было заполнено диким камнем небольших размеров. В центре и южной части комплекса зафиксированы следы попыток ограбления.

После разборки элементов верхнего слоя забутовки выяснилось, что пространство внутри ограды перекрыто несколькими слоями плит песчаника. В восточной части ограды под одной из плит обнаружено несколько черепов коровы и овцы (определение Н. Д. Оводова). Головы животных были уложены мордой на восток.

После снятия плит перекрытия во внутреннем пространстве ограды было зафиксировано 3 могильных пятна овальной формы. Пятна располагались параллельно друг другу, по длинной оси, ориентированные запад–восток. Размеры пятен практически идентичны друг другу, в пределах 1,4×0,5 м. В ходе изучения заполнения могильных пятен обнаружен погребальный материал.

Погребение 1. Располагалось в северной части внутреннего пространства ограды. Обнаружены останки человека неудовлетворительной сохранности. Погребённый лежал на спине, головой на восток, лицом вверх. В районе левого плеча обнаружены два цельнолитых медно-бронзовых предмета. Первый предмет представ-

лен ложечковидной подвеской. Общая длина предмета – 12 см, на конце рукояти имеется шарообразное навершие со сквозным отверстием с боку. Ложка имеет овальную форму, размеры 4,8×4,2 см.

Второй предмет – полусферическая бляшка-пуговица, круглой формы и диаметром 3,3 см. Оба предмета зафиксированы в скоплении сгнивших тонких прутьев и стеблей травянистых растений.

В области колен обнаружено 29 медно-бронзовых полусферических бляшек-пуговиц. Диаметр находок от 1,5 до 1,8 см. Предметы располагались в линию, перпендикулярно ногам. Причём одни лежали лицевой поверхность вверх, другие вниз. В петлях нескольких предметов сохранились фрагменты кожаных ремешков. Чуть ниже линии бляшек обнаружено также 9 восьмёркообразных нашивных бляшек. Данные предметы также являются продуктом древнего меднолитейного производства. Размеры изделий варьируются от 1,8–1,9 см в длину и до 0,7 см в ширину. Грунт и находки в области колен были обильно окрашены охрой.

Погребение 2 расположено в центральной части комплекса. В восточной части могильной части зафиксирован скелет овцы (определение Н. Д. Оводова). В медиальном сегменте ямы обнаружено скопление 108 пастовых бусин цилиндрической формы. Грунт в районе скопления бусин и скелета овцы был окрашен охрой.

Погребение 3 находилось в южной части комплекса. В юго-восточной части ямы обнаружены в потревоженном состоянии кости животных. Останки были представлены неполным скелетом овцы и фрагментом лопатки лошади (определение Н. Д. Оводова). Археологический материал зафиксирован на всей площади могильной ямы. Он представлен 249 пастовыми бусинами цилиндрической формы и медно-бронзовыми изделиями: 13 восьмёркообразными нашивными бляшками, а также одной полусферической бляшкой-пуговицей диаметром 1,4 см. Археологический материал и грунт из заполнения ямы, также как и в первых двух случаях, был окрашен охрой.

Изученный нами погребальный комплекс уникален. Он совмещает в себе элементы погребального обряда двух культур бронзового века Забайкалья («дворцовская культура», «культура плиточных могил»). Обнаруженные изделия бронзолитейного производства весьма информативны и редки для погребальных объектов бронзового века Забайкалья. Полученные в ходе спасательных работ материалы могильника Рушмалей-1 позволяют вновь поднять вопрос о преемственности и взаимодействии культур ранних номадов на территории Забайкальского края.

Научный руководитель – С. Б. Верещагин

Results of Rescue Works on the Bronze-age Burial Site Rushmaley-1 (Zabaikalye)

N. E. Leonova, A. R. Rudakova

The article is devoted to the results of the investigations of the Bronze-age burial mound Rushmaley-1. The burial is situated in the river Rushmaley valley in Chita Region, Zabaikalsky Krai. The burial complex is unique. It combines features of burial ritual of two cultures belonging to the Bronze Age of Zabaikalye. The burial yielded presentable series of implements of bronze, which is a rarity for the Bronze epoch in Zabaikalye.

Keywords: Bronze age, palace culture, slab stone culture, burial ritual, burial complex

Леонова Надежда Евгеньевна
студент 3-го курса, Забайкальский государственный университет
e-mail: npomuseumzgu@mail.ru

Leonova Nadezhda Evgen'evna
student 3rd year, Zabaikalsky State University
e-mail: npomuseumzgu@mail.ru

Рудакова Александра Романовна
студент 3-го курса, Забайкальский государственный университет
e-mail: npomuseumzgu@mail.ru

Rudakova Aleksandra Romanovna
student 3rd year, Zabaikalsky State University
e-mail: npomuseumzgu@mail.ru

УДК 902.01

«Рубчатая» керамика поселения Скородумный Бык на р. Ангаре

Л. А. Пупаева
Сибирский федеральный университет, Красноярск

Керамика, как археологический источник, является важным культурным маркером для комплексов неолита и бронзового века Средней Сибири. Известно, что наименее изученной остается проблема периодизации бронзового века Северного Приангарья, разработкой которой занимались, многие ученые: А. П. Окладников, Н. А. Савельев, Н. И. Дроздов, В. И. Привалихин, О. И. Горюнова, Д. Н. Лохов и др. На ангарских памятниках часто встречается керамика, внешняя поверхность которой покрыта «рубчатыми» оттисками. Найдена такая керамика и в ходе работ отряда АЭ СФУ в 2013 г. на поселении Скородумный Бык, расположенном на 22–24-метровой террасе левого берега р. Ангары в Мотыгинском районе Красноярского края. В данной работе проводится морфологический анализ «рубчатой» керамики, а также дается попытка определения датировки и культурной принадлежности комплекса, в котором она отмечена.

Раскоп площадью 290 кв. м был заложен в глубине террасы, в 30 м от края, за пределами визуально читаемых жилищных западин. Фрагменты «рубчатой» керамики отмечались по всей толще слоя бурой супеси, перекрытой мешаной почвой современного наброса, и залегали на площади раскопа скоплениями вместе с каменными абразивами, ножами, концевыми скребками, листовидными наконечниками стрел, сколами и отщепами.

Найдено 540 фрагментов от различных частей сосудов. По фрагментам венчиков было выделено 15 сосудов. Целых форм нет, реконструируется только один сосуд с «ушками». Для 12 удалось определить форму, среди которых 11 простой закрытой и 1 открытой формы. Венчики сосудов прямые, прямоугольные в сечении, у пяти форм он слегка отгибается наружу, у одной скошен с внешней стороны.

Сосуды разных размеров, диаметр по венчику от 9 до 34 см. Среди небольших форм отмечен сосуд с «ушками» объемом около одного литра и диаметром по обрезу 9 см. Это сосуд закрытой усеченно-овалоидной формы с округлым дном. К краю прилеплены два округлых «ушка» с вертикальными отверстиями, в придонной части – еще одно «ушко» языковидной формы и без отверстия. Отмечалось, что такие емкости могли использоваться как «дымокуры» для отпугивания таежного гнуса [Окладников, 1955, с. 129].

Стенки сосудов покрыты «рубчатыми» оттисками. Этот технический декор образовывался выбиванием стенок с внешней стороны колотушкой с параллельными желобками. Она оставляла на поверхности отпечаток из неглубоких параллельных бороздок, отстоящих друг от друга на расстоянии 1–2,5 мм. Бороздки были примерно такой же ширины. Рубцы располагаются на стенках сосудов горизонтально, изредка наклонно. С внутренней стороны, под точку удара, подставлялся твердый предмет, вероятнее всего, округлая галька, следы от которой фиксируются в виде неглубоких ямок. В трех случаях «рубчатые» оттиски фиксируются по обрезу сосудов. Похожий прием рубчатой выколотки описывается В. В. Свининым для прибайкальской керамики [Свинин, 2000, с. 14–16]. После выбивки по сырой еще стенке наносился рельефный орнамент.

Орнамент занимает верхнюю часть сосудов, включая венчик. У 13 форм венчики украшены различными способами. По поверхности обреза семи сосудов отмечаются оттиски квадратного или зубчатого штампа, отпечатки витого (?) шнура. У восьми сосудов орнаментировались также внешний или внутренний край венчика. Фиксируются насечки, округлые вдавления, оттиски шнура, прочерченные линии, подпрямоугольные и гребенчатые наколы.

Под краем сосудов наносился горизонтальный ряд «жемчужин», которые получались от вдавлений (ямок) с внутренней стороны округлым орнаментиром диаметром 0,4–0,7 см. Диаметр «жемчужин» 0,7–1,2 см. На одном сосуде отмечены крупные ямки диаметром около 1 см. В 12 случаях орнаментир имел неровное окончание, в остальных – округлое. На двух формах ямки были нанесены под наклоном к плоскости стенки, во всех остальных – перпендикулярно.

В сочетании с поясом «жемчужин» отмечается один, два или три ряда повторяющихся оттисков. Это зубчатые или овальные, или каплевидные наколы, прочерченные линии, оттиски шнура. Прочерченные линии строятся на форме вертикально ромбической сеткой или полосой с параллельными отрезками внутри.

Представленную керамику можно объединить в один тип, так как указанные признаки (рубчатая поверхность, пояс «жемчужин», ряды оттисков) имеют устойчивое повторение на каждой форме.

«Рубчатая» керамика с «жемчужинами» встречается достаточно часто на памятниках Северного Приангарья. В основном, она зафиксирована на поселенческих и стояночных комплек-

сах, имеющих мешаный характер культурного слоя, в котором отмечаются разновременные находки. Узко датированных и стратифицированных комплексов бронзового века в Северном Приангарье мало. Исследователями стоянок Парта, Окуневка, Сергушкин-1 и 3, Усть-Карабула, им. Генералова и поселения Ручей Конный-3 она датируется в диапазоне от раннего до позднего бронзового века [например, Савин, 2010, с. 160; Герман, Леонтьев, 2013, с. 62; Стоянка им. Генералова ..., 2014 г., с. 184].

Керамический сосуд с «ушками» и «рубчатыми» оттисками из Скородумного Быка подобен горшку-дымокуру, отмеченному в Прибайкалье в погребении № 1 могильника Усть-Илга. Относится это погребение к глазковской культуре и датируется ранним бронзовым веком [Окладников, 1955, с. 128, рис. 52]. Похожий «рубчатый» сосуд с «ушками» найден и на территории Приангарья. Его фрагменты залегали между и под камнями кладки погребения № 5 могильника Сергушкин-3, которое, по мнению автора раскопок, близко глазковским и датируется бронзовым веком [Привалихин, 2009, с. 300, 302–304].

Фрагмент венчика с «рубчатыми» оттисками и поясом «жемчужин» обнаружен в одном из кострищ многослойного местонахождения Усть-Едарма II, в непосредственной близости от погребения № 1, радиоуглеродная дата которого 3590±55 л. н. (СОАН-8457) [Дударек, Лохов, 2012, с. 90; Дударек, Лохов, 2014, с. 62, рис. 3, *2*].

Таким образом, «рубчатую» керамику из поселения Скородумный Бык следует датировать бронзовым веком. Вопрос об определении ее культурной принадлежности следует пока оставить открытым, так как керамика, зафиксированная в погребениях глазковской культуры в Прибайкалье [Окладников, 1955, с. 127–129] или схожей с ней культуры в Приангарье [Привалихин, 1998, с. 74], достаточно разнообразна и отличается от сосудов из Скородумного Быка формой и орнаментом.

Научный руководитель - канд. ист. наук, доцент П. В. Мандрыка

Список литературы

Герман П. В. Многослойные стоянки острова Сергушкин (краткие результаты полевых изысканий 2009–2011 гг.) / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. – Красноярск : КККМ, 2013. - С. 57-72.

Дударёк С. П. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности / С. П. Дударёк, Д. Н. Лохов // Известия Иркутского государственного университета, серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – Т. 7. - С. 54–80.

Дударёк С. П. Погребение бронзового века с многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье / С. П. Дударёк, Д. Н. Лохов // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы. – Новосибирск : Изд-во НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 89-90.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А.П. Окладников // МИА. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – № 43. – Ч. III: Глазковское время. – 375 с.

Привалихин В. И. Сосновый Мыс-2 – новый разновременный могильник Северного Приангарья / В. И. Привалихин // Межмузейный научный сборник. – Красноярск, 1998. – С. 72–87.

Привалихин В. И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре / В. И. Привалихин // Енисейская провинция. – Красноярск : КККМ, 2009. – Вып. 4. – С. 300-310.

Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта / А. Н. Савин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 582–586.

Свинин В. В. Исследования древней керамики Прибайкалья / В. В. Свинин // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск : Изд-во ИГПУ, 2000. – Вып. 2. – Ч. 2. – С. 14-16.

Стоянка им. Генералова (р. Чуна). Результаты охранно-спасательных работ 2013 года / Н. Е. Бердникова, Е. О. Роговской, И. М. Бердников, Е. А. Липнина, Д. Н. Лохов, С. П. Дударёк, Н. Б. Соколова, А. А. Тимощенко, А. А. Попов, Н. В. Харламова // Известия Иркутского государственного университета, серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». – Иркутск, 2014. – Т. 7. - С. 150-191.

"Ribbed" ceramics Skorodumny Byk settlement on the river Angara

L. A. Pupaeva

This article is about "ribbed" ceramic of the Skorodumny Byk settlement. It is characterized by a simple closed shape with direct, rectangular in cross section edge. Their walls are covered with "ribbed" technical decor and in the top part decorated by horizontal series of "pearls", which can be supplemented by other elements of the ornament. The complex dates back to the Bronze Age. The question of cultural identity the author leaves open.

Keywords: Archaeology, North Angara, Bronze Age, "ribbed" ceramics.

Пупаева Лилия Алексеевна
научный сотрудник, лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири Сибирский федеральный университет
e-mail: lili_856@mail.ru

Pupaeva Liliya Alekseevna
Research scientist, Laboratory of archaeology, ethnography and history of Siberia, Siberian Federal University
e-mail: lili_856@mail.ru

УДК 902.637

Жилища бронзового века лесостепного Обь-Иртышья (источниковедческий аспект)*

В. О. Сайберт

Алтайский государственный университет, Барнул

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), Проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Поселения и жилища для древнего человека – это пространство, в котором он был защищен от негативного воздействия окружающей природной и социальной среды. Облик поселений и построек определялся различными факторами. Традиции и особенности домостроительства древнего населения находятся в центре внимания исследователей с самого начала археологического изучения [Еньшин, Белоногов, 2010, с. 39].

Цель работы – дать характеристику состояния источников и оценить степень изученности жилищных комплексов бронзового века лесостепного Обь-Иртышья. Для достижения цели первостепенной задачей стал обзор и систематизация источниковой базы, а также проведение аналитической работы по определению степени изученности жилищ эпохи бронзы на данной территории.

Лесостепное Объ-Иртышье ограничено с запада и востока речными системами Верхнего Иртыша и Верхней Оби. В административном отношении данная территория расположена в границах Алтайского края, Новосибирской и Омской областей России, а также Павлодарской и Восточно-Казахстанской областях Республики Казахстан [Грушин, 2013, с.7].

В Верхнем Прииртышье к настоящему времени выявлено более 100 поселений бронзового века. На некоторых (Аир-тау, Канай, Типкаши и др.) открыты и исследованы жилищные комплексы. Семь поселений (Новошульбинское, Барашки I, Побока, Меновое, Усть-Нарым, Малокрасноярка, Трушниково) представлены наиболее представительными данными, которые включают 20 жилищ. В основном это результаты раскопок Н. А. и А. А. Ткачевых, С. С. Черникова, Л. Н. Ермоленко, А. Г. Максимовой и А. Н. Богдановой [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 81–90; Поселение древних металлургов…, 1998, с. 39–46]. Исследователями дана полная характеристика жилищных конструкций, их взаимосвязь с окружающей средой, а также общая характеристика домостроительства в эпоху развитой и поздней бронзы на территории Прииртышья.

Территория Верхнего Приобья в археологическом отношении изучена лучше. Здесь известно более 400 поселений эпохи бронзы, большая их часть представлена подъемными сборами материала без раскопок. Только на 28 поселениях эпохи бронзы были раскопаны жилищные конструкции. Причем половина из них приходится на поселения позднего бронзового века и переходного периода к раннему железному веку. Всего исследовано более 100 жилищных конструкций. Наиболее изученными являются жилища поселения Венгерово-2, Милованово-3, Черноозерье-I, Преображенка-3, городище Большой Лог, Чича-1 [Молодин, 1977, с. 50; Сидоров, Новикова, 2004, с. 104–124; Генинг, Стефанов, 1993, с. 67–111; Молодин].

Таким образом, территория лесостепного Объ-Иртышья хорошо изучена и накоплен большой фактический материал. В настоящее время нет обобщающих работ по изучению жилищных комплексов эпохи бронзы. В основном жилища представлены в общем контексте описания поселений, именно поэтому возникает необходимость их выделения в отдельную категорию исследования. В редких случаях исследователи прибегают к реконструкции комплексов, зачастую упор делается на создание одного условного варианта сооружения с общим описанием конструкции [Еньшин, Белоногов, 2010, с. 40–42]. Безусловно, при работе, связанной с графической или другого вида реконструкцией, возникает ряд проблем и сложностей, так как жилища предстают в разных состояниях сохранности [Молодин, Глушков, 1989, с. 13]. Методом условных реконструкций пользуется большинство исследователей. Например, им воспользовались В. И. Молодин и Н. В. Полосьмак при описании жилищ поселения кротовской культуры Венгерово-2 (первая половина II тыс. до н.э.) [Молодин, Полосьмак, 1978, с. 49]. Ю. Ф. Кирюшин и М. А. Малолетко реконструировали жилища Васюганья, делая при этом общую характеристику комплексов, обнаруженных на данной территории [Кирюшин, Малолетко, 1979, с. 122–125]. Материалы, полученные на поселении Чекановский Лог-I, также позволили сделать условную реконструкцию одного из жилищ [Демин, Ситников, 2007, с. 68]. Метод условных реконструкции рассматривается как ступень на пути к построению натурной модели древних построек.

Первый опыт моделирования жилых сооружений Западной Сибири описан в монографии В. И. Молодина и И. Г. Глушкова «Самусьская культура Верхнего Приобья». В 1987 г. участниками экспериментальной экспедиции была воспроизведена модель жилища поселения Крохалевка-I в натуральную величину в полевых условиях [Молодин, Глушков, 1989, с. 13]. Также И. Г. Глушковым созданы реконструкции жилищ поселения Саранин II [Глушков, Бородовский, 1988, с. 26–41].

Хорошая изученность территории лесостепного Обь-Иртышья позволяет проследить развитие домостроительства в эпоху бронзы. Имеющийся материал может стать основой для создания реконструкции жилищных комплексов как графических, так и в масштабе. Обладая довольно большим количеством методов и средств для воссоздания древних сооружений, далеко не все они используются в полной мере, что обуславливает поверхностное описание построек в работах отечественных исследователей. Результаты проводимой работы могут стать основой для создания классификации жилищ эпохи бронзы, их графической и масштабной реконструкции, базы данных, которая обеспечит легкий доступ к информации о жилищных комплексах, а также построению более полной картины хозяйственно-культурной деятельности человека в древности.

Научные руководители – д-р ист. наук, профессор С. П. Грушин, канд. ист. наук, доцент Т. Г. Гребенникова

Список литературы

Генинг В. Ф. Поселения Черноозерье-I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья / В. Ф. Генинг, В. И. Стефанов // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. – С. 67–111.

Глушков И. Г. Хозяйственно-бытовые комплексы поселения Саранин II (реконструктивная модель) / И. Г. Глушков, А. П. Бородовский // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. – Тобольск, 1988. – с. 26–41.

Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э. : автореф. дис. … канд. ист. наук / С. П. Грушин. – Барнаул, 2013. – 54 с.

Демин М. А. Материалы Гилевской археологической экспедиции / М. А. Демин, С. М Ситников. – Барнаул : БГПУ, 2007. – Ч. I. – С.66–69.

Еньшин Д. Н. К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища 5 поселения Мергень 6) / Д. Н. Еньшин, Д. А. Белоногов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2010. – № 1 (12). – С. 39–48.

Кирюшин Ю. Ф. Бронзовый век Васюганья / Ю. Ф. Киришин, А. М. Малолетко. – Томск : Изд-во Томск. унт-та, 1979. – 182 с.

Молодин В. И. Самусьская культура в Верхнем Приобье / В. И. Молодин, И. Г. Глушков. – Новосибирск, 1989. – 168 с.

Молодин В. И. Венгерово-2 – поселение кротовской культуры / В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск, 1978. – С. 40–50.

Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья / В. И. Молодин. – Новосибирск, 1977. – 172с.

Молодин В. И. Чича-1 [Электронный ресурс] // Библиотека сибирского краеведения. – URL: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/chicha-1 (дата обращения 14.01.2015).

Поселение древних металлургов VIII–VII вв. до н. э. на Семипалатинском правобережье Иртыша / А. С. Ермолаева, Л. Н. Ермоленко, Э. Ф. Кузнецова, Т. М. Тепловодская // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 1998. – Вып.2. – С. 30–46.

Сидоров Е. А. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 / Е. А. Сидоров, О. И. Новикова // Аридная зона юга западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 104–124.

Ткачева Н. А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья / Н. А. Ткачева, А. А. Ткачев. – Новосибирск : Наука, 2008. – 304 с.

Хабдулина М. К. Новые данные по эпохе бронзы павлодарского Прииртышья / М. К. Хабдулина // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2000. – С. 70–74.

The dwellings of the Bronze Age forest-steppe Ob-Irtysh (source aspect)

V. O. Saibert

The paper provides an assessment of knowledge of the Bronze Age settlements in the territory of the Ob-Irtysh, quantitative data with detected settlements housing constructions, as well as examples of their renovations. The prospects for further work had been identified.

Keywords: archeology, settlement, dwelling, forest-steppe Ob-Irtysh, the Bronze Age

Сайберт Виолетта Олеговна
студент 5-го курса, Алтайский государственный университет
e-mail: vita77792@mail.ru

Saybert Violetta Olegovna
student 5th year, Altai State University
e-mail: vita77792@mail.ru

УДК 903.02

Морфологический анализ сосудов андроновской (федоровской) культуры Еловского II могильника*

Д. В. Селин

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045)

Еловский II могильник расположен в Томской области на берегу р. Симан западнее д. Еловки и представляет собой совокупность разновременных некрополей, основную часть которого составляют комплексы, относящиеся к эпохе бронзы. Памятник исследован В. И. Матющенко, общая площадь раскопанной части составляет 12 532 кв. м [Матющенко, 2004, с. 7].

Для морфологического анализа выбрана коллекция андроновских (федоровских) сосудов из 122 захоронений Еловского II могильника, насчитывающая 162 изделия (112 сосудов с горловиной, 50 – без горловины; все изделия плоскодонные). Следует отметить, что коллекция опубликована [Матющенко, 2004, с. 19–174]. Подобное исследование было выполнено на синхронных материалах памятников Тартас-1 и Старый Тартас-4, расположенных в Венгеровском районе Новосибирской области [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014, с. 45].

Морфологический анализ был проведен с использованием нескольких методик: «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга [Генинг, 1973, с. 114–135], метод изучения соотношения основных пропорций сосудов [Shepard, 1965], методика работы с экстремальными точками и графической корреляцией полупрофилей сосудов [Nordström, 1972; Мыльникова, 2014] и метод определения общей пропорциональности сосудов [Цетлин, 2012, с. 160–164]. Предложенные методы направлены на выявление как общих черт традиций изготовления сосудов определенных форм, так и на выявление особенностей коллекций отдельных памятников [Мыльникова, 2014, с. 42].

В ходе исследования по методу В. Ф. Генинга, андроновские (федоровские) сосуды из захоронений Еловского II могильника распределились по указателям следующим образом:

ФА (указатель высотности) – низкие (31 %), средние (69 %);

ФБ (высотно-горловинный) – очень низкогорлые (100 %);

ФВ (широтногорловинный) – среднегорлые (1 %); широкогорлые (90 %); очень широкогорлые (9 %);

ФГ (профилировка шейки) – с наклоном внутрь (25 %), слабопрофилированная (3 %), среднепрофилированная (4 %), сильнопрофилированная (15 %), очень сильнопрофилированнная (53 %);

ФД (высотный указатель тулова) – очень сильноприплюснутое (1 %); сильноприплюснутое (90 %); приплюснутое (9 %);

ФЕ (высотный указатель плечика) – низкое (1 %); среднее (43 %); высокое (50 %), очень высокое (6 %);

ФЖ (указатель выпуклости плечика) – очень слабовыпуклое (74 %); слабовыпуклое (26 %);

ФИ (указатель ширины дна) – среднедонное (20 %), широкодонное (77 %); очень широкодонное (3 %).

Сравнение основных пропорций сосудов показало, что соотношение высоты придонной части к общей высоте у изделий с горловиной для 60 экземпляров (54 %) составило 1:2, что говорит о приземистости форм, для 48 сосудов (43 %) характерно соотношение 3:2. Корреляция диаметра горловины и диаметра венчика для всей коллекции составила 1:1, что определяет их широкогорлость. Преобладающей при сравнении диаметра дна к диаметру венчика являются пропорция 2:3 и 3:5, что маркирует широкодонность изделий. Соотношение диаметра венчика и диаметра тулова составляет 1:1 с небольшим смещением в пользу диаметра тулова. Подобная тенденция была отмечена у сосудов памятников Тартас-1 и Старый Тартас-4 [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014, с. 61]. Так же графики основных пропорций изделий продемонстрировали, что одни пропорции меняются линейно (диаметр венчика / диаметр горловины; диаметр венчика / диаметр дна; высота сосуда / высота придонной части), а другие – непропорционально (высота сосуда / высота плеча; высота сосуда / высота горловины; высота горловины / высота плеча).

Прорисовки профилей и «скелетов» изделий в едином масштабе демонстрируют, что в центре графа, несмотря на наличие отклонений, четко проявляется «эталонный» сосуд. Прорисовка сосудов с сохранением масштаба зафиксировала ассортимент емкостей, который включал как малые, так и большие изделия. Таким образом, можно предположить, что хоть сосуды андроновской (федоровской) культуры и различались по ассортименту, но для помещения в могилу производился отбор изделий по высотности, что коррелируется с полученными ранее данными [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014, с. 61]. Помимо этого, наблюдается разброс абсолютных

размеров высоты плеча и диаметра горловины сосудов, что совпадает с полученными выше данными по изменению основных пропорций изделий. Следует отметить вариативность диаметра дна и угла отгиба придонной части.

При выявлении общей пропорциональности определено, что 43 изделия (27 %) относятся к категории низко-средних пропорций и их следует квалифицировать как «сосуды-подражания», 119 (73 %) – к категории средних, т.е. «привычных» форм, которые являются маркером устоявшейся гончарной традиции. Из этого следует, что на границе между категориями средних и средне-низких пропорций находится 20 сосудов, которые созданы мастерами, чьи динамические стереотипы начинают подстраиваться под существующие традиции формообразования.

Таким образом, морфологический анализ андроновских (федоровских) сосудов из захоронений Еловского II могильника демонстрирует устоявшуюся гончарную традицию формообразования, что фиксируется в наличии «эталонного» сосуда, присутствии изделий «чистых» форм, составляющих большую часть коллекции (76 %), в то время как «сосуды-подражания» – 27 %.

При сравнении результатов морфологического анализа андроновских (федоровских) изделий Еловского II могильника с полученными ранее данными по сосудам памятников Тартас-1 и Старый Тартас-4, несмотря на ряд схожих черт между коллекциями (наличие четкого «эталонного» макета, большое количество «чистых» форм), следует отметить несомненную специфику изделий Еловского II могильника. Это проявляется в различных процентных соотношениях указателей, полученных по методу В. Ф. Генинга. Так, для Еловского II могильника характерны очень низкогорлые (100 %), сильноприплюснутые (90 %) изделия с очень слабовыпуклым плечом (74 %), тогда как для сосудов с памятников Тартас-1 и Старый Тартас-4 – низкогорлые (74,8 %), приплюснутые (89 %) с очень слабовыпуклым (46 %) или очень сильновыпуклым (33 %) плечом. Отмечаются и вариативности в диаметре и угле отгиба придонной части, что нехарактерно для изделий памятников Тартас-1 и Старый Тартас-4 [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014, с. 62]. Наибольшие различия прослеживаются с сосудами могильника Старый Тартас-4, который относят к комплексам андроновской (федоровской) культуры, не испытавшей инокультурного влияния. При этом ряд признаков (отклонение сосудов от общего канона при графической корреляции, количественно большее наличие «сосудов-подражаний») схож с керамикой со смешанной гончарной традицией андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014, с. 64–65]. Таким образом, анализ морфологии позволяет предположить, что для изделий Еловского II могильника характерна схожая модель смешения нескольких гончарных традиций, где основой являются андроновская, включающая ряд местных субстратов.

Научный руководитель – канд. ист. наук
Л. Н. Мыльникова

Список литературы

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок / В. Ф. Генинг // СА. – 1973. – №1. – С. 114–135.

Матющенко В. И. Еловский археологическй комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы / В. И. Матющенко. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 468 с.

Молодин В. И. Морфологический анализ сосудов эпохи развитой бронзы (первая половина II тыс. до н.э.) лесостепного Прииртышья (по материалам погребальных комплексов Венгеровского микрорайона) / В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, Д. П. Иванова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2 (58). – С. 45–66.

Мыльникова Л. Н. Изучение форм древних керамических сосудов: теоретический и практический аспекты / Л. Н. Мыльникова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2 (58). – С. 31–43.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода / Ю. Б. Цетлин. – М. : Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

Nordström H. A. Cultural Ecology auf ceramic technology / H. A. Nordström. – Stockholm, 1972. – 200 p.

Schepard A. Ceramics for archaeologist / A. Schepard. – W. : Carnegie Institution of Washington, 1965. – 380 p.

Morphological analysis of ceramics of andronovsky (fedorovsky) culture of the Elovsky II burial ground

D. V. Selin

This paper presents the results of the morphological analysis ceramics of andronovsky (fedorovsky) culture significant the Elovsky II burial ground. We obtained the data using statistical methods developed by V. Gening, A. Shepard, H. Nordström, A. Bobrinsky and Yu. Tsetlin. Based on these data it was concluded similarity of models of potter's traditions that – this fact may indicate about the mixed nature of the cultural traditions of the population that has left the site.

Keywords: archaeology, the Bronze Age, West Siberian, ceramics, morphology, statistical methods of analysis.

Селин Дмитрий Вадимович
магистрант 2-го года обучения, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: selin@epage.ru

Selin Dmitry Vadimovich
graduate student 2nd year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: selin@epage.ru

УДК 902. 637 (571.1)

Проблема соотношения логиновского и кротовского типа керамики эпохи бронзы юга Западной Сибири*

О. В. Спиненко

Алтайский государственный университет, Барнаул

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление N 220), проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

Для юга Западной Сибири эпохи ранней бронзы выделены несколько типов керамики и археологических культур. Одной из проблем, которая остается актуальной и на сегодняшний день, является соотношение кротовского и логиновского типов керамики. В данной работе рассматривается проблема их соотношения в историографии.

Кротовский керамический комплекс был впервые выявлен в начале 50-х гг. XX в. М. Н. Комаровой на стоянках Кротово-VII/VIII, Киприно, Ирба во время археологических работ в зоне затопления Новосибирского водохранилища. Керамика представляла собой плоскодонную валиковую посуду, украшенную нечеткими оттисками гребенчатого штампа, которую исследователь отнес к неолиту [Комарова, 1956, с. 99–100].

В. И. Молодиным был раскопан еще ряд памятников, содержавших керамику кротовского типа (поселения Бельгень-II, Преображенка-III, Венгерово-II, III, в лесостепной Барабе), на основе изученного материала была выделена кротовская культура в 1975 г. Одним из критериев выделения кротовской культуры является орнаментация посуды. Важнейшим показателем родства данных керамических комплексов является наличие валиков на посуде, сосуды украшались гребенчато-отступающей техникой, гребенчатым вдавливанием, отступающей и шагающей гребенкой, также и одним из показателей является отсутствие линейно-накольчатой орнаментации [Молодин,1985, с. 37–40].

По мнению М. Ф. Косарева, одной из самых специфических особенностей кротовской посуды является наличие валиков, которые в ряде случаев делят орнаментальное поле на несколько зон, а также гребенчатая качалка. Она располагалась по-разному – горизонтальными, наклонными и даже вертикальными рядами [Косарев,1981, с. 106–107].

В. И. Молодин и И. Г. Глушков в монографии «Самуськая культура в Верхнем Приобье» отмечали, что кротовская культура в процессе своего развития прошла три этапа: саранинский, преображенский и сопкинский. Орнаментация на всех этих этапах представлена гребенкой: на первом – движущая гребенка, на втором – печатно-гребенчатый штамп и на третьем – с отступающе-гребенчатыми и гребенчатыми мотивами [Молодин, Глушков, 1989, с. 98–110].

Н. К. Стефанова отмечает нечеткость в орнаментации кротовского типа, обусловленную слабым нажимом на инструмент и плотным расположением элементов. Орнамент нанесен при помощи «движущейся» гребенки: шагающей, отступающей, протащенной, отступающе-протащенной. Основные элементы композиции – прямые и волнистые горизонтальные ленты, вертикальные столбики оттисков, пояса ромбовидных фигур [Стефанова, 1985, 1988].

Керамический комплекс логиновского типа был выделен В. Ф. Генингом и В. В. Евдокимовым по материалам Логиновского городища в лесостепном Поишимье [Генинг, Евдокимов, 1969, с. 115–116]. Орнамент наносился протягиванием гладкой или отступающей лопаточкой. В ряде случаев наблюдается чередование горизонтальных линий с полосами, выполненными вертикальными оттисками широкой лопаточки. По венчику иногда идет ряд характерных пальцевых вдавлений и защипов [Косарев,1981, с.86–105]. Посуда логиновского типа орнаментирована узорами из прочерченных и отступающе-накольчатых линий, встречается в одиновских и кротовских памятниках [Корочкова, Стефанов, Стефанова,1991, с.70–92].

Таким образом, после рассмотрения этих типов керамики возникает вопрос об их соотношении, так, например, Н. К. Стефанова по планиграфическим и стратиграфическим анализам кротовской и логиновской керамики на поселение Чернозерье-VI делает предположение о разновременности их отложения на памятнике [Стефанова, 1988, с. 53–72].

В свою очередь, И. Г. Глушков и В. И. Молодин писали о сосуществований двух орнаментальных традиций – гребенчатой (кротовской) и накольчато-отступающей (логиновской) на ранних этапах кротовской культуры, т. е. рассматривали данные типы керамики в рамках одной культуры [Молодин, Глушков, 1989, с. 108–110].

В. Ф. Генинг, Т. М. Кондратьев, Т. М. Гусенцова и др. писали о близости кротовского и логиновского типа посуды, так как на памятниках Черноозерье-IV, VI сходство проявляется в орнаментальных узорах в виде вертикальных, гори-

зонтальных и наклонных, реже волнистых, полос, треугольников, ромбов, зигзагов и елочек. Керамика кротовского типа по мотивам орнаментации продолжает логиновскую линию развития, вместо палочки для выполнения узоров употребляется длинный гребенчатый штамп [Периодизация поселений эпохи…, 1970, с. 13–33].

По мнению С. П. Грушина, отступающе-накольчатая керамика, пусть даже и в малых количествах, но все же присутствует в большинстве керамических комплексов Барабы и Верхнего Приобья, в которых отмечена посуда, орнаментированная «шагающей гребенкой». Материалы елунинской культуры свидетельствуют о культурной идентичности керамики, орнаментированной «отступающей палочкой», и посуды с отпечатками «шагающей гребенки». На одном из сосудов памятника Телеутский Взвоз-I зафиксировано сочетание горизонтальных рядов, выполненных «отступающей палочкой» и «шагающей гребенкой», т.е. присутствие двух традиций на одном памятнике. Керамические материалы с однослойного поселения Березовая Лука также подтверждают данное наблюдение [Грушин, 2003, с. 49–56].

Таким образом, вопрос о соотношении логиновского и кротовского типа керамики остается нерешенным, так как одни исследователи рассматривают их в рамках одной культуры [Молодин, Глушков, 1989, с. 108; Периодизация поселений эпохи…, 1970, с. 13–33], другие считают, что они относятся к одной культуре, но имеют разные традиции [Грушин, 2003, с. 49–56], а третьи считают их разнокультурными [Стефанова, 1988, с. 67].

Нами была начата работа по выявлению планиграфических закономерностей распространения логиновского и кротовского типа керамики на поселении Колыванское-I. Она позволила выявить следующие закономерности:

– керамика распространена по территории неравномерно, большая ее концентрация отмечена на северном и южном участках, центральный характеризуется большей разреженностью;

– преобладает керамика, украшенная «отступающей палочкой», которая составляет примерно 1/3 от общего количества фрагментов;

– количество фрагментов, украшенных «шагающей гребенкой» постепенно увеличивается с севера на юг, соответственно количество керамики с «отступающей палочкой» уменьшается с севера на юг.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент С. П. Грушин

Список литературы

Генинг В. Ф. Логиновское городища (VI–VII вв. н. э.) / В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов // ВАУ. – 1969. – Вып. 8. – С. 115–116.

Грушин С. П. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху ранней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. I. – С. 49–56.

Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – № 64. – С. 93–103.

Корочкова О. Н. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) / О. Н. Корочкова, В. И. Стефанов, Н. К. Стефанова // ВАУ. – 1991. – Вып. 20. – С. 70–92.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири / М. Ф. Косарев. – М. : Наука, 1981. – 278 с.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы / В. И. Молодин. – Новосибирск : Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В. И. Самусьская культура в Верхнем Приобье / В. И. Молодин, И. Г. Глушков. – Новосибирск : Наука, 1989. – 168 с.

Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья / В. Ф. Генинг, Т. М. Гусинцева, О. М. Кондратьев, В. И. Стефанов, В. С. Трофименко // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970. – С. 12–52.

Стефанова Н. К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше / Н. К. Стефанова // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 54–62.

Стефанова Н. К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье / Н. К. Стефанова // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – С. 53–75.

The problem of correlation loginovsky and krotovsky type of Bronze Age pottery south of Western Siberia

O. V. Spinenko

For the south of Western Siberia, the Early Bronze Age marked several types of ceramics and archaeological cultures. One problem that remains relevant today is the relationship between krotovsky and loginovsky type of pottery. This paper covers the issues related to the relationship between loginovsky and Krotovsky type of ceramics in historiography.

Keywords: Krotovskiy type ceramics, Loginovskiy type ceramics, Krotovskaya culture, and ratio.

Спиненко Олеся Владимировна
студент 5-го курса, Алтайский государственный университет
e-mail: olesyaspinenko1392@mail.ru

Spinenko Olesya Vladimirovna
student 5th year, Altai state University
e-mail: olesyaspinenko1392@mail.ru

УДК 902/904

Курганы гунно-сарматской эпохи Восточного Казахстана

А. К. Айткали
Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, Астана, Казахстан

В 2014 г. производились раскопки могильников Каратобе и Котырыкора в микроархеологическом районе Кокентау. Полевые разведочные работы весной этого года показали, что территория насыщена разновременными памятниками, начиная от эпохи мезолита и заканчивая памятниками этнографического времени. Рассматриваемый археологический район включает в себя крупные поселения, могильники, мастерские и несколько гротов с петроглифами.

При обследовании поселений обнаружены руины каменных жилищ с сохранившимися стенами высотой более 1 м. Около таких построек найдено множество орудий труда и крупные каменные плиты, по-видимому, выполнявшие функции столешниц древних мастеров. Причем многие орудия труда сделаны из кремня. Кроме того, в составе подъемного материала имеются фрагменты керамики, орнамент которой схож с андроновскими рисунками. По всей площади микроархеологического района разбросаны могильники эпохи бронзы, раннего железного века и раннего средневековья. В числе памятников раннего средневековья выделяется около десятка комплексов ранних тюрков. На площади рассматриваемых комплексов установлены каменные изваяния. Несмотря на то, что они обветривались ветрами на протяжении многих веков, на изваяниях отчетливо прослеживаются изображения древних насельников.

Из числа могильников раннего железа выделяются памятники раннесакского и гуннского времени. Как правило, курганы раннесакского времени имеют стелы у основания либо на вершине. Стоит отметить, что все объекты имеют следы грабежа в виде воронок на поверхности. Памятники гуннского времени, как нам кажется, составляют большинство за погребальными сооружениями эпохи бронзы. Курганы гунно-сарматской эпохи по внешнему краю, как и у исследованных нами объектов, имеют двойные кольца, а некоторые – без них. Их нередко сопровождают небольшие скопления камней, выполняющие, скорее всего, функции жертвенников.

Ранее на этой территории археологические исследования не производились. Изучаемые нами могильники Каратобе и Котыркора локализованы у подножья северо-западной оконечности горного массива Кокентау.

Название могильник Каратобе получил от одноименной близлежащей заброшенной зимовки. С южной стороны могильника располагаются несколько современных казахских зимовок. В северной части имеются проселочные дороги и линии электропередач, которые тянутся по направлению с востока на запад. Памятник состоит из двух относительно параллельных цепочек, расположенных по направлению север – юг. Число объектов в западной цепочке памятника насчитывает около 10, а в восточной их 8. В составе могильника обнаружен курган «с усами». Объект состоит из двух спаренных курганов в виде восьмерки. Усы отходят на восток от второй, восточной насыпи, и в длину они достигают около 10 м. Исследовано 3 кургана (№ 1–3) диаметром не более 17 м, высотой не превышающие 1 м.

Визуально между объектами двух цепочек есть некоторые отличия, выраженные в особенностях надмогильных сооружений. Западная цепочка курганов состоит из насыпей, по краям которых имеются двойные кольцевые выкладки, с «воротами» в северо-восточной стороне. Эти дополнительные детали надмогильной конструкции не зафиксированы в восточной цепи курганов. Стоит отметить интересную деталь в виде каменной цепочки с южной стороны памятника, которая тянется поперек направления могильника с востока на запад на протяжении около 1 км. О семантике рассматриваемой детали сооружения памятника в данное время что-либо говорить в связи с нехваткой соответствующих материалов пока не приходится.

Могильник Котыркора расположен в 1 км западнее могильника Каратобе. В составе памятника зафиксировано 16 разновременных объектов. В целом, курганы расположены по линии север-юг. Но некоторые погребальные сооружения пристроены к западу от основной массы, за пределами цепочки. Исследовано 2 кургана (№ 1, № 2) диаметром не более 8 м, высотой не превышающие 0,5 м.

Таким образом, в совокупности в двух могильниках раскопано 5 курганов, относящихся к одной эпохе. В результате нами получены новые материалы касательно архитектуры и погребальной обрядности населения гунно-сарматской эпохи Восточного Казахстана.

Были определены особенности наземных и внутримогильных сооружений курганов. Своеобразная структура наземной и внутримогильной конструкции курганов дали сведения, по которым можно судить о генезисе культуры древнего населения изучаемого микроархеологического района.

Между исследованными могильниками Каратобе и Котыркора, несмотря на то, что они находятся на небольшом друг от друга расстоянии в пределах 1,5 км, нами были зафиксированы некоторые существенные отличия. Выражены в диаметре и составе насыпей. Курганы могильника Каратобе достигали размеров до 17 м и сложены преимущественно из камня, тогда как насыпи курганов Котыркора в диаметре уступали и сложены, в основном, из грунта, лишь верхний слой состоял из мелких камней. Несмотря на это, скорее всего, эти погребальные сооружения построены одним древним этносом, обитавшим на этой территории. В пользу этого говорит следующее: на уровне древнего горизонта курганы обоих могильников имели каменные кольца, в центре которых располагались ямы с одинаковым широтным направлением и схожим устройством внутримогильных сооружений с заставками из продолговатых плит, поставленных поперек могильных ям. Среди предметов сопроводительного инвентаря вместе с усопшими часто находили железные стержни (булавки?) и хвостовые позвонки барана. Кроме того, в двух случаях (мог. Каратобе, курганы № 2, 3) обнаружены ожерелья из цветных камней.

Таким образом, исследованные курганы по особенностям конструкции наземных и внутримогильных сооружений, сопроводительного инвентаря, ориентации погребенных на запад с небольшим отклонением в южный сектор характеризуют устойчивый погребальный обряд населения, оставившего эти могильники. В связи с нехваткой и фрагментарностью имеющихся в нашем распоряжении источников, предлагать какие-либо заключения по этнокультурной атрибуции памятников нам представляется преждевременным.

Monuments Hun time in East Kazakhstan

A. K. Aitkali

The Hun time monuments were investigated during 2014 field season. Major works have been made in the area of Kokentau in Eastern Kazakhstan. Reviewed archaeological area includes large settlements themselves, burial grounds, workshops and several caves with petroglyphs. Among the early Iron Age burial monuments stand early Saka and Hun time. Archaeological studies have not been done earlier in this territory of. We studied burials Karatobe and Kotyrkora localized at the foot of the north-western tip of the mountain massif Kokentau.

Айткали Азат Калыулы
Младший научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана
e-mail: A7471986103@yandex.ru

Aitkali Azat Kaliuli
junior researcher, Branch Institute of archaeology after named A. K. Margulan
e-mail: A7471986103@yandex.ru

УДК 902.01

Валиковая керамика раннего железного века поселения Проспихинская Шивера-IV в Северном Приангарье

К. В. Бирюлева
Сибирский федеральный университет, Красноярск

После проведения спасательных археологических работ в зоне затопления БоГЭС был получен значительный объем материалов, дополнивший имеющиеся представления о раннем железном веке Северного Приангарья. Изучением этого периода занимаются ученые из Красноярска (В. И. Привалихин, Н. П. Макаров, П. В. Мандрыка и др.), Кемерово (С. Н. Леонтьев, П. В. Герман и др.), Новосибирска (Ю. Н. Гаркуша, Ж. В. Марченко, А. Е. Гришин и др.) и др. городов. В данной статье проводится анализ посуды, которая украшалась рассеченными жгутиковыми валиками.

В изучении керамики региона основной трудностью является малочисленность стратифицированных и закрытых комплексов, в которых она содержится. Большая ее часть найдена на поселениях в смешанных комплексах. Такая ситуация наблюдалась и при раскопках второго культурного слоя многослойного объекта Проспихинская Шивера-IV, который располагался на 10–16-м террасе правого берега р. Ангары в 1 км выше устья р. Коды и ныне затоплен водами Богучанского водохранилища. Разновременные находки раннего железного века – средневековья располагались на глубине 15-20 см в одной толще темно-серой супесчаной почвы и не разделялись стратиграфически, поэтому их культурно-хронологическая атрибуция возможна лишь с использованием типологического метода с поиском аналогий из датированных комплексов.

В коллекции слоя было выделено несколько типов керамики, отнесенных к раннему железному веку. Горшки, украшенные тонкими вали-

ками, оформленными пальцевыми защипами, соотносятся с раннескифской керамикой третьего культурного слоя поселения Язаевки [Бирюлева, 2013, с. 84]. Сосуды с налепной лентой сопоставляются с посудой цэпаньского/ карабульского и каменско-маковского типов. Горшки с пальцевыми защипами в приустьевой зоне и тонкими валиками, близки керамике с поселения Айканки на Среднем Енисее [Бирюлева, 2013, с. 82].

В настоящей статье будет рассмотрена керамика раннего железного века еще одного типа из того же слоя Проспихинской Шиверы-IV, которая ранее не обсуждалась. К ней относятся круглодонные горшки, украшенные одним либо несколькими рядами налепных жгутиковых валиков, рассеченных овальными оттисками. Анализ этой керамики связан с решением вопросов относительно ее датировки и культурной принадлежности.

Этот тип керамики представлен 737 фрагментами, относящимися минимум к 15 сосудам. Археологически целых форм нет. Сосуды выделены по фрагментам венчиков, размеры которых позволяют использовать для типологии 11 форм. Вся посуда типа круглодонная, закрытой формы, имеет, как правило, округлое сечение края, вертикальную или слабопрофилированную шейку, а также плавно раздутое тулово.

По орнаментации можно выделить два варианта. К первому относится 8 горшков. Их объединяет наличие только одного налепного жгутикового валика, расположенного в основании шейки либо в верхней части плечика и рассеченного наклонными оттисками. У четырех горшков в основании шейки отмечается пояс ямок. Кроме того, в двух случаях фиксируется украшение плечика сосуда рядами оттисков от подушечки пальца. На пяти сосудах внешняя поверхность грубо затёрта.

Ко второму варианту относится три горшка, для которых характерна орнаментация несколькими рядами рассеченных налепных валиков, опоясывающих зону плечика сосуда. Нижняя часть тулова, судя по всему, не орнаментировалась. В двух случаях в основании шейки нанесен пояс ямок. Стенки этих сосудов не имеют следов грубой затёртости.

Следы грубой затирки на сосудах первого варианта, вероятно, выполнялись неровным эластичным предметом, возможно, пучком травы. Возможно, это было сделано для большей прочности формы. И. Г. Глушков называет схожий технологический прием рифлением, и отмечает, что подобный складчатый рельеф способствует предупреждению растрескивания стенок при сушке и обжиге [Глушков, 1996, с. 71]. На двух горшках затирка фиксируется только на тулове сосуда и не заходит в зону орнаментации. В четырех случаях затиралась вся внешняя поверхность формы, включая налепной валик.

На территории Северного Приангарья посуда представленного типа датируется в рамках всего раннего железного века. Ближайшей аналогией к ней является керамика с памятников Среднего Енисея шилкинской культуры (VI–I вв. до н. э.). Это круглодонные горшки и банки, украшенные под венчиком налепными рассеченными жгутиковыми валиками [Мандрыка, 2008, с. 73]. Кроме того, сходство наблюдается: 1) в украшении основания шейки поясом ямок (характерно для большинства горшков шилкинской культуры); 2) в орнаментации зоны плечика овальными оттисками (в редких случаях, как например, на горшке из 4 слоя поселения Шилка-9 [Мандрыка, 2005, с. 180, рис. 6–*15*]); 3) в использовании грубой затирки (в единичных случаях, как например, на сосуде из жилища 9 городища Шилка 2 и только на тулове). Различия в керамике из енисейских памятников и Проспихинской Шиверы-IV проявляются по цвету. Черепки сосудов шилкинской культуры на Енисее, как правило, плотные, темно-серого цвета с коричневым оттенком. Редко встречаются горшки светло-серого цвета [Мандрыка, 2008, с. 73]. Керамика Проспихинской Шиверы-IV визуально менее плотная, преобладают горшки, имеющие каштановый и бурый цвет. Скорее всего, при лепке использовались разные типы исходного сырья.

Кроме того, есть определенное сходство между рассматриваемой керамикой и елгинской посудой Прибайкалья, которая датируется исследователями в рамках III в. до н. э. – IV в. н. э. [Харинский, 2005, с. 204] или VI (V) в. до н. э. – IV в. н. э. [Горюнова, Новиков, 2010, с. 243]. К общим признакам относятся гладкостенность и использование в орнаментации одного или нескольких рассеченных налепных валиков в сочетании с поясом ямок. Существенным различием является плоскодонность елгинской посуды [Харинский, 2005, с. 208].

Таким образом, рассматриваемый в работе тип керамики внешне близок посуде раннего железного века Среднего Енисея и Прибайкалья. Наибольшее сходство он находит в керамике енисейских памятников шилкинской культуры. Вероятнее всего, такая посуда сосуществовала на территории Северного Приангарья с керамикой цэпаньского/карабульского и тонковаликового типов. Введение в научный оборот керамики из других памятников региона и определение их датировок поможет более точно установить место представленного керамического типа в комплексе культур раннего железного века Северного Приангарья.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент П. В. Мандрыка

Список литературы

Бирюлева К. В. Морфологический анализ тонковаликовой керамики поселения Проспихинская Шивера-IV / К. В. Бирюлева // Древности Приенисейской Сибири. – 2013. – Вып. VI. – С. 75–85.

Глушков И. Г. Керамика как археологический источник / И. Г. Глушков. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Горюнова О. И. Комплексы железного века и раннемонгольского времени побережья оз. Байкал (по материалам многослойных поселений) / О. И. Горюнова, А. Г. Новиков // Древние культуры Монголии и байкальской Сибири. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 241–245.

Мандрыка П. В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на Среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги Средней Сибири / П. В. Мандрыка // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 172–185.

Мандрыка П. В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири / П. В. Мандрыка // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 68–76.

Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / А. В. Харинский // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3. – С. 198–215.

Early Iron Age pottery of raised borders from Prospihinskaya Shivera-IV in North Angara

K. V. Biryuleva

The article provides a morphological analysis of the Early Iron Age pottery from the second cultural layer of archaeological resource Prospihinskaya Shivera-IV in North Angara. Considered type includes round-bottomed pottery, decorated of one or more dissected applicated raised borders in the upper part. The closest analogy to this type is pottery of Middle Yenisei, related to shilkinskaya culture (VI–I centuries. B.C.), but there are technological features. These pottery styles existed at the same time.

Keywords: Early Iron Age, North Angara, pottery of raised borders.

Бирюлева Ксения Викторовна
научный сотрудник, Сибирский федеральный университет
e-mail: Ksy36ss@yandex.ru

Biryuleva Kseniya Viktorovna
researcher, Siberian Federal University
e-mail: Ksy36ss@yandex.ru

УДК 903

Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ложка-6 (Барабинская лесостепь)

И. А. Плац
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Барабинская лесостепь является контактным районом между лесными и степными ландшафтами. Это отразилось в сложных культурно-исторических процессах на её территории в различные археологические эпохи. Не исключением является поздний бронзовый век. В этот период исследователи фиксируют существование в Барабе ирменской, пахомовской и сузгунской культур [Молодин, 1985; Генофонд мтДНК..., 2012, с. 62–70]. Каждый новый исследованный памятник поздней бронзы позволяет уточнить схему культурного развития в Барабинской лесостепи. Значительную информацию для таких построений дает керамика. В этой работе дается анализ и интерпретация керамического комплекса памятника Ложка-6.

Поселение Ложка-6 расположено в центральной части Барабы (Венгеровский район Новосибирской области) на надпойменной террасе оз. Большая Ложка. Памятник открыт В. В. Бобровым и исследуется Кузбасской археологической экспедицией. Во время полевых сезонов 2010–2014 гг. на поселении вскрыто 281 кв.м. площади. В результате исследовано внежилищное пространство и часть котлована жилища или хозяйственного строения. Среди прочего, обнаружены остатки бронзолитейного производства (обломок литейной формы) и ямы с глиняными шарами (возможно, культовые). Выделены две группы посуды, свойственные пахомовской культуре [Бобров, Моор, 2010, с. 154–157; Бобров, Моор, 2011, с. 139–142; Исследования разновременных..., 2012, с. 120–123; Исследования неолита..., 2013, с. 124–132].

В данной работе анализируется весь керамический комплекс памятника в целом. Методологической основой исследования является сокращенная программа статистической обработки керамики В. Ф. Генинга [Генинг, 1973, с. 114–137].

Керамическая коллекция памятника насчитывает около 5 500 фрагментов сосудов. Для исследования отобрано 911 экземпляров. Степень фрагментированности довольно высока, поэтому судить о форме и пропорциях сосудов не представляется возможным, но сохранившиеся придонные части позволяют заключить, что посуда имела плоское дно. Шейки сосудов в большинстве случаев прямые (70,6 %) либо слегка отогнутые наружу. Венчики чаще всего округлые (73,8 %), реже уплощенные (18,6 %) или несколько приостренные (7,6 %). Срез венчика, как и дно сосудов, не орнаментировался.

Были выявлены следующие элементы орнамента (в порядке убывания индекса встречаемости): ряды наклонных оттисков (гладкий штамп), ряды вертикальных оттисков (гладкий штамп), ямки, ряды наклонных оттисков (гребенчатый штамп), «елочка» (гладкий штамп), «елочка» (гребенчатый штамп), каннелюры, треугольные (уголковые) оттиски, косая сетка (гладкий штамп), ряды каплевидных оттисков, ряды вдавлений пальцем, ряды вертикальных оттисков (гребенчатый штамп), горизонтальные линии, заштрихованные треугольники, меандры, зигзаги (гладкий штамп), ногтевые оттиски, косая сетка (гребенчатый штамп), валики, зигзаги (гребенчатый штамп), диагональные ряды косых оттисков, ромбы (табл. 1).

Наиболее близкие аналогии рассматриваемому комплексу находятся в материалах поселений Инберень IV [Корякова, Стефанова, 1981, с. 178–187], Жар-Агач [Сотникова, 1986, с. 43–55] и на многослойном памятнике Тартас-1 [Культовые комплексы..., 2013, с. 265–269]. Все эти памятники относятся к пахомовской культуре. Посуда Ложки-6 сходна и с материалами других андроноидных культур: с первыми тремя группами керамики еловской культуры по М. Ф. Косареву [Косарев, 1981], с керамикой барабинского варианта сузгунской культуры [Молодин, Чемякина, 1984, с. 40–62], с керамикой корчажкинской культуры [Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 137–158]. Кроме того, рассматриваемый комплекс генетически связан как с посудой федоровцев (предшествующего населения Барабы), так и с керамикой ирменцев.

Таким образом, в данной работе уточнены особенности керамики поселения Ложки-6 и место этого памятника в схеме культурного развития Барабинской лесостепи.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор В. В. Бобров

Список литературы

Бобров В. В. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 (2010 год) / В. В. Бобров, Н. Н. Моор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. 16. – С. 154–157.

Бобров В. В. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 / В. В. Бобров, Н. Н. Моор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 139–142.

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок / В. Ф. Генинг // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–137.

Генофонд мтДНК представителей восточного варианта пахомовской культуры / В. И. Молодин, А. С. Пилипенко, А. А. Журавлев, Р. О. Трапезов, А. Г. Ромащенко // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 62–70.

Исследования неолита и бронзы в Барабинской лесостепи в 2013 году / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова, Н. Н. Моор // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. – Кемерово, 2013. – Вып. 5. – С. 124–132.

Исследования разновременных археологических комплексов в Барабинской лесостепи в 2012 г. / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, Н. Н. Моор, А. Ю. Юракова // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. – Кемерово, 2012. – Вып. 4. – С. 120–123.

Кирюшин Ю. Ф. Корчажкинская культура лесостепного Алтайского Приобья / Ю. Ф. Кирюшин, А. Б. Шамшин // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987. – С. 137–158.

Корякова Л. И. Городище Инберень-4 на Иртыше / Л. И. Корякова, В. И. Стефанова // СА. – 1981. – № 2. – С. 178–187.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири / М. Ф. Косарев. – М. : Наука, 1981. – 282 с.

Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 / В. И. Молодин, Л. С. Кобелева, А. Наглер, И. А. Дураков, Н. С. Ефремова, Д. А. Ненахов, М. С. Демахина, Л. Н. Мыльникова, С. Хансен // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. 19. – С. 265–269.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы / В. И. Молодин. – Новосибирск : Наука, 1985. – 126 с.

Молодин В. И. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи / В. И. Молодин, М. А. Чемякина // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул : АГУ, 1984. – С. 40–62.

Сотникова С. В. Поселение Жар-Агач / С. В. Сотникова // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. – Омск, 1986. – С. 43–55.

Pottery of the Late Bronze Age from the settlement Lozhka-6 (Baraba forest-steppe)

I. A. Plats

Article is devoted to new materials that have been found on a settlement Lozhka-6. The ceramics analysis allows connecting them with known settlements in the archaeological literature the Inberen-4 and Zhar-Agach.

Keywords: Baraba forest-steppe, the Late Bronze Age, settlement Lozhka-6, pottery.

Плац Иван Андреевич
магистрант 1-го года обучения, Кемеровский государственный университет
e-mail: ivanplac@ya.ru

Platz Ivan Andreevich
graduate student 1st year, Kemerovo State University
e-mail: ivanplac@ya.ru

УДК 902

Подвесные элементы предметного комплекса поясной фурнитуры населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа

Н. Н. Головченко
Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Среди носителей культур скифского мира широкое распространение имели наборные пояса. Не является исключением в этом отношении и регион Верхнего Приобья. Традиционно при анализе поясов исследователи основное внимание уделяют нашивным элементам [Шульга, 2008], отводя на второй план подвесные. Предлагаемая работа призвана обозначить перспективы исследования подвесной фурнитуры поясов населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (подвесок и костыльков).

Десять подвесок были обнаружены на памятниках Новотроицкое-1, Староалейка-2 и Обские Плесы-2 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009]. Контекст обнаружения находок варьирует в пределах от костей таза до коленей костяков. Во всех известных нам случаях (если опираться на антропологические определения авторов), изделия были выявлены в женских погребениях. Подвеска представляет собой наборное украшение, включающее в себя проволочную или веревочную основу с петелькой, бусы и «котловидное» украшение. Вероятно, длина веревок подвесок различалась, что диктовалось определенными ритуальными или эстетическими предпочтениями авторов костюма [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 170], а сосуд-подвеска являлся своеобразным дуалистическим символом высокого семиотического ранга [Тетерин, Митько, Журавлева, 2010].

Костыли (ложечковидные подвески, кочедыки) на территории Верхнего Приобья были выявлены почти повсеместно на памятниках Новый Шарап-1, Быстровка-1, Рогозиха-1, Михайловка-VI, Новотроицкое-1, 2, Локоть-4а, Гоньба-2, Бийск-1, Староалейка-2, Фирсово-XIV, XVI [Троицкая, Бородовский, 1994; Шульга, 2003]. Всего нам известен 41 экземпляр. Топографически в погребении костыльки встречаются по одному или по два справа и слева от тазовых или бедренных костей скелета. Предположительно они крепились к поясу при помощи веревки или петли, продеваемой через отверстие в изделии. Дискуссионным остается вопрос об их назначении. Можно предполагать, что костыльки использовались как средство для крепления или устройство для развязывания узлов или предмет культа [Болотин, Алкин, 1996; Могильников, 1997; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005]. По нашему мнению, ажурность оформления, крепление в районе символической границы ярусов костюма, а также помещение костыльков в сакральные клады (Июсский клад) свидетельствуют в пользу их культовой интерпретации, что, однако, не исключает и другие варианты их использования. Примечательно, что костыльки, как и котловидные подвески (подвески-сосуды), могут быть истолкованы через призму дуальности [Тетерин, Митько, Журавлева, 2010]. Возможно, дуализм сосудов-подвесок и костыльков как-то связан с их расположением на поясе, границе среднего и нижнего мира в рамках тернарной структуры костюма.

Традиционно к подвесным элементам поясной фурнитуры относят оселки, что, по нашему мнению, нуждается в дополнительной доказательной базе в силу неподтвержденности этого факта реальными находками веревок. Принадлежность оселков к фурнитуре пояса определяется по топографии находок вокруг тазовых костей и бедренных костей скелета, и отверстию в верхней части изделий. В публикациях нами отмечено более 40 описаний оселков, выявленных при исследовании памятников Ближние Елбаны, Камень-II, Рогозиха-2, Леонтьевка, Кирилловка-III, Новотроицкое-1, 2, Масляха-1, Староалейка-2, Фирсово-XIV, Обские Плесы-2, Быстровка-1 [Грязнов, 1956; Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997]. Основная их масса выявлена в ходе исследования мужских погребений (20 экз.). В женских и детских погребениях они встречаются значительно реже (10 экз.). Материал, из которого изготовлялись оселки, определяется исследователями как мелкозернистый песчаник или плотный сланец [Грязнов, 1961; Могильников, 1997]. Как и в случае с костыльками, точное назначение этих изделий неизвестно. Интерпретация оселков осуществляется исследователями в двух основных направлениях: 1) оселки – точила [Могильников, 1997; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005]; 2) оселки – предмет культа [Грязнов, 1961; Чугунов, 2007]. Основная сложность в решении данного вопроса заключается в том, что большая часть обнаруженных оселков трасологическую экспертизу, насколько это нам известно, не проходили. Анализ сработанности изделиям давали сами авторы публикаций. Вероятно, оба истолкования имеют право на существование.

Картография памятников, на которых были обнаружены описанные находки, показывает их сплошное распространение по региону Верхне-

обского бассейна. Вместе с тем, наблюдается ряд микрорайонных типологических различий украшений по форме и составу (в случае с подвесками), что наводит на мысль о поликультурной вариабельности подвесных элементов поясов, объяснимой несформировавшейся традицией их использования в качестве украшений костюма у населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А. П. Бородовский

Список литературы

Болотин Д. П. Уникальная находка из серии ордосских бронз в бассейне р. Зея / Д. П. Болотин, С. В. Алкин // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 107–112.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка / М. П. Грязнов // МИА. – 1956. – № 48. – 163 с.

Грязнов М. П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени / М. П. Грязнов // Исследования по археологии СССР. – Л., 1961. – С. 139-144.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. / В. А. Могильников. – М., 1997. – 195 с.

Тетерин Ю. В. Бронзовые миниатюрные подвески-сосуды Южной Сибири / Ю. В. Тетерин, О. А. Митько, Е. А. Журавлева // Вестник НГУ. Серия: история, философия. – 2010. – Т. 9. – Вып. 7. Археология и этнография. – С. 80–94.

Троицкая Т. Н. Большереченская культура лесостепного Приобья / Т. Н. Троицкая, А. П. Бородовский. – Новосибирск : Наука, 1994. – 184 с.

Уманский А. П. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби / А. П. Уманский, А. Б. Шамшин, П. И. Шульга. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с.

Чугунов К. В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990 – 1998 гг.) / К. В. Чугунов // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. – СПб. : Культ-Информ-Пресс, 2007. – С. 123–144.

Шульга П. И. Могильник скифского времени Локоть-4а / П. И. Шульга. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае / П. И. Шульга. – Ч. I: Раннескифское время. – Барнаул : Азбука, 2008. – 276 с.

Шульга П. И. Новотроицкий некрополь : Монография / П. И. Шульга, А. П. Уманский, А. В. Могильников. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 329 с.

Suspended elements of the complex subject of accessories belts population of the Upper Ob Early Iron Age

N. N. Golowchenko

This article analyzes the prospects of studying hanging accessories belts population of the Upper Ob in Early Iron Age. The paper addresses the issues of functional and semiotic interpretations of some of the finds. As a result, the author comes to the conclusion that the use of false traditions unformed elements belts as decorations suit the population of the Upper Ob in Early Iron Age.

Keywords: the Upper Ob, Early Iron Age, complex subject, suspended elements of accessories belts.

Головченко Николай Николаевич
аспирант 1-го года обучения, Новосибирский государственный педагогический университет
e-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

Golowchenko Nikolay Nikolaevich
Postgraduate 1st year, Novosibirsk State Pedagogical University
e-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

УДК 902

Место коня в погребальном обряде евразийских номадов I тыс. до н.э. (в сообщениях античных авторов и по археологическим данным)

О. С. Данилова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

В жизни евразийских номадов скифо-сакского времени лошадь была не только средством передвижения, источником питания, но и важнейшей частью жизненной философии. Она сопровождала его не только при жизни, но и после смерти. На это обращали внимание античные авторы, и в первую очередь Геродот.

Геродот, описывая погребение вождя племен причерноморских скифов, упоминает о важной роли коня в этом обряде: «В остальном обширном пространстве могилы погребают коней… самых красивых коней» [Геродот, 1972, с. 107]. Так же конь наиболее часто участвовал в жертвоприношении. Вот, что по этому поводу пишет Геродот: «…в жертву приносят также и других домашних животных, в особенности же коней» [Геродот, 1972, с. 107].

Очевидно, что причерноморские номады, описываемые Геродотом, клали в могилы лошадей. Данные археологии показывают, что количество костяков лошадей в могилах на территории Евразийских степей было различным. Например, на Кубани их число в могилах достигало десятков и сотен голов. Также впечатляющие

конские погребения встречаются и на юге России. В Чертомлыкской царской могиле были найдены десять лошадей в полной сбруе.

Захоронения лошадей на северо-западе России отличаются от захоронений на Кубани и от царских могил на юге России. Так, в довольно лесистых районах, где население в основном состояло из оседлых или, по крайней мере, полуоседлых жителей, в курганах было захоронено меньшее количество лошадей. Их число редко превышало двух [Райс, 2003, с. 57].

Что же касается территории Горного Алтая, то к пазырыкской культуре относится наиболее многочисленная выборка погребений с сопровождающими захоронениями коней. М. А. Очир-Горяева подсчитала количество погребений с сопровождением коней: «Общее количество погребений скифской эпохи Северного Причерноморья можно округлить в целом до 2600 погребений, а количество погребений с конем составляет 88–94 погребений (3,5 %). В Нижнем Поволжье из примерно 300 комплексов с инвентарем, предметы узды встречены только в 17 погребениях, что составляет 5,6 % от общего. В Южном Приуралье учтено 66 комплексов скифского времени с сопроводительными захоронениями коней. Процент погребений с уздой и конями в Южном Приуралье должен составлять 13,8 % от общего числа погребений. Согласно данным, насчитывается около 569 погребений пазырыкской культуры, среди них погребения с захоронениями коней составляют 37,3 %, что составляет 212 погребений» [Очир-Горяева, 2014б, с. 126–128]. Это явление обусловлено географическим положением Горного Алтая. Население проживало между перевалами, по горным долинам, со своей социальной структурой. Следовательно, количество привилегированного населения было больше, чем в остальных регионах Евразии [Очир-Горяева, 2014б, с. 131].

Что же касается «лучших коней», то материалы пазырыкских курганов показывают, что в могилы клали коней собственного седла, которые отличались от остальных лошадей отсутствием колец на роговых башмаках (что свидетельствует о пережитых голодовках), а также эти кони были старше остальных [Витт, 1952, с. 163–205].

Возможно, что, вкладывая смысл в слова «самые лучшие кони», Геродот имел в виду не только масть лошади, но также и ее убранство. Все погребенные кони были в полной сбруе. Необходимо обратить внимание на то, что индоарии и скифы практиковали «*ашвамедху*», т.е. обряд жертвоприношения коня царем. Одним из ярких примеров является курган Чертомлык. Под насыпью Чертомлыка вблизи человеческой могилы, к западу от неё, находились могилы лошадей. При пяти из них оказались золотые уздечные и седельные наборы, а при шести – серебряные [Артамонов, 1966, с. 38]. Судя по расположению лошадей и их убранству, можно предположить, что лошадь являлась проводником в загробный мир.

Основная идея о коне как о силе, способной придать умершему духовную энергию, плодовитость и богатство скотом, судя по материалам скифской эпохи Горного Алтая, нашла свое отражение в религиозной системе пазырыкского общества. По мнению П. К. Дашковского, погребальная камера могил с «классическими» пазырыкскими чертами являлась прототипом повозки или кибитки [Дашковский, 2006, с. 3]. Это свидетельствует о том, что лошадь является проводником между мирами, что характерно для индоевропейской мифологии.

Таким образом, опираясь на данные археологии и письменные источники, можно предположить, что лошади являлись проводником в загробный мир.

Но убранство коней пазырыкских курганов несколько отличалась от сбруи лошадей Северного Причерноморья. В погребениях пазырыкской культуры кони, как правило, имели пышно орнаментированную церемониальную узду. В некоторых из этих курганов сохранились останки коней с головными уборами-масками. Во втором Башадарском кургане конь, который лежал ближе к хозяину, был снабжен кожаным головным убором с рогами горного барана. В кургане 11-го могильника Берель три коня были снабжены головными уборами-масками с рогами горного барана. Три коня имели рога горного козла. В первом Пазырыкском кургане самого лучшего коня по экстерьеру сопровождала головной убор-маска, выполненная из войлока с рогами оленя. Во втором Пазырыкском кургане была найдена маска, которая имела навершие в виде горного барана с птицей. Все маски были единичными, но, все же, есть возможность выявить ряд закономерностей. Маскировка коней под диких копытных животных зависит от ареала пазырыкской культуры: в западном ареале – под горных баранов, а в восточном – под оленя. Важной особенностью является то, что кони в головных уборах-масках были «головными» и возглавляли церемониальные процессии. Коней использовали для изображения мифических животных. Замаскированные кони выполняли важную миссию в церемониальных процессиях, представляя мифических животных, возможно, родовых предков тотемистического характера [Очир-Горяева, 2014а, с. 94–99].

Опираясь на рассказ Геродота и данные археологии, можно утверждать, что кони являлись проводниками в загробный мир. Что же касается носителей пазырыкской культуры, то у них конь выполнял роль мистического животного, который также являлся проводником в царство мертвых.

Научный руководитель – старший преподаватель А. Н. Телегин

Список литературы:

Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа / М. И. Артамонов. – Прага : Артия, 1966. – 270 с.

Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов / В. О. Витт // СА. – 1952. – Вып. XVI. – С. 163–205.

Геродот. История: в 9 кн. / пер. Г. А. Стратановского. – Л. : Наука, 1972. – 600 с.

Очир-Горяева М. А. Маскировка коней под мифических животных в пазырыкской культуре Горного Алтая / М. А. Очир-Горяева // Вестник Калмыцкого ин-та гум. исслед. РАН. – Элиста, 2014а. – № 3. – С. 94–99.

Очир-Горяева М. А. Сопровождающие конские захоронения в Пазырыкских курганах / М. А. Очир-Горяева // Древности Сибири и центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2014б.– №7 (19). – С.120–131.

Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид / пер. Л. А. Карпова. – М. : Центрполиграф, Внешторгпресс, 2003. – 106 с.

Погребальный обряд Пазырыкской культуры Горного Алтая [Электронный ресурс] // Дашковский П. К. Скифская эпоха Алтая. – Барнаул, 2006. – URL: http://new.hist.asu.ru/skif/index.html (дата обращения 24.11.2014).

Place the horse in the funeral ceremony of Eurasian nomads I millennium BC (in the messages of ancient authors and archaeological data)

O. S. Danilova

The article described the place of a horse in the funeral ceremony of the nomads of the Eurasian steppes in I millennium BC. Particular attention is paid to written sources, particularly Herodotus. The analysis of burials with horses on the territory of the Eurasian steppes highlighted a number of territorial features horse burials. Emphasizes the role of the horse in the funeral ceremony. A comparative analysis of the decoration of horses in the steppe nomads burials Eurasia.

Keywords: Nomads, barrows, horse mask, funeral rites, Pazyryk, horses.

Данилова Ольга Сергеевна
студент 4-го курса, Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: donja777_1993@mail.ru

Danilova Olga Sergeevna
student 4th year, Altai State Pedagogical University
e-mail: donja777_1993@mail.ru

УДК 902/903

Каменный инвентарь памятника янковской культуры Назимова-1*

Б. В. Лазин, Л. А. Никитина
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
*Работа выполнена при поддержке Научного фонда ДВФУ, гос. задания № 1466

Время существования янковской культуры (VIII–IX вв. до н.э. – начало I в. н.э.), это время, когда на территории Приморья впервые появляется железо [Андреева, Жущиховская, Кононенко, 1986; Бродянский, 1987; Окладников, 1963]. Однако основу материально-технической базы этой культуры составляют именно вещи, изготовленные из камня.

Памятник Назимова-1 находится в северо-западной части полуострова Назимова, на слабонаклонной площадке, приуроченной к высокому (20–25 м) обрывистому берегу мыса, обращенному в сторону бухты Улисс и пролива Босфор Восточный. Объект был открыт в 2007 г., а в 2008 и в 2012 гг. на нем были проведены спасательные раскопки (руководитель А. Н. Попов) [Попов, Лазин, 2010]. В результате раскопок получена коллекция каменных предметов в количестве 295 экземпляров. Сырьём для производства каменных изделий служили андезиты, габбро, диориты, сланцы, песчаники. Эти породы камня легкодоступны и встречаются повсеместно на побережье залива Петра Великого. Использование такого сырья напрямую связано с технологией производства орудий, основанной на технике шлифовки, полировки и пикетажа.

Самой массовой (42 %) категорией каменных изделий являются рубящие орудия (55 тел и 68 осколков). Все рубящие орудия имеют прямоугольное или близкое к нему сечение, в плане также прямоугольник с небольшим расширением от обуха к лезвию. Среди них морфологически выделяются тёсла (9–15×4,5–6×1–3,3 см) (27 экз.) — рубящие орудия, имеющие асимметричную заточку лезвия. Долота (3 экз.), из них – два обломка рабочих частей, прямоугольного сечения 1×0,6 см с закругленным лезвием. Одно массивное долото прямоугольного сечения 3,5×1 см с закругленным лезвием, изделие обломано, длина сохранившейся части 15 см. Одно орудие имело двойное назначение – это топор-молот (13×5×4,5 см) прямоугольного со скругленными углами сечения, в плане так же практически прямоугольник, с небольшим расширением от обуха к лезвию. Обломков крупных частей рубящих орудий найдено 23 экз.

В большом количестве (15 %) на памятнике представлены метательные орудия. Наконечники

стрел (46 экз., из них – 6 целых и 40 обломков). Всего выделено семь типов, что свидетельствует о наличии специализации по назначению, возможно связанной с различными объектами охоты. Кроме того, обнаружены две сланцевые плитки – сырьё для изготовления наконечников стрел и других предметов.

Наконечники дротиков (3 экз.). Первый с треугольным пером и отделенным от него слабо выраженными плечиками прямым насадом с параллельными краями, с шестигранным сечением пера и насада, острие и основание насада обломано (7×3,4×0,5 см). Второй листовидный четырехгранного сечения (8×2,9×0.5 см). Еще один образец – это обломок черешка и небольшой части пера метательного орудия с прямоугольным черешком с плоским основанием, отделен от пера выраженными плечиками, сечение пера шестигранное, черешка – прямоугольное. В основании пера просверлено два биконических отверстия диаметром 0,3 см, еще одно отверстие диаметром 0,2 см просверлено в углу основания насада (3×2,4×0,4 см).

Два разделочных ножа, изготовленных из сколов с рубящих орудий, имеют закругленное короткое лезвие.

Грузила (38 экз.). Выполнялись двумя различными способами. В первом случае на плоских гальках на противолежащих сторонах выбивались выемки для привязывания веревки. Таких грузил найдено 28. Во втором случае на сферических или овальных гальках округлого сечения выбивался желобок для веревки (10 экз.).

Отбойники (21 экз.): гальки различной формы, но в основной массе удлиненные и округлые в сечении, со следами использования в виде забитостей.

Абразивы (35 экз.): плоские плитки песчаника различной зернистости со следами использования в качестве шлифовального камня – затёртостями, параллельными царапинами, бороздками на плоской поверхности.

Лощила (22 экз.): гальки различного размера и формы, поверхности которых покрыты мелкими параллельными царапинами. В ряде случаев в виду интенсивного использования на округлых гальках образовались слабо выраженные грани.

Куранты (5 экз.): ладьевидной формы, представлены в виде обломков (3 экз.). Два обломка курантов с плоской рабочей поверхностью: один – округлого, второй – подпрямоугольного сечения. Кроме того обнаружена одна зернотерка – обломок массивной плиты, на поверхности которой видны параллельные бороздки.

Кроме уже описанных изделий на памятнике был обнаружен уникальный предмет, который представляет собой обломок клинка и отделенной от него слабо выраженным плечиком рукояти крупного шлифованного орудия из бордово-красного кремнистого сланца с клинком и рукоятью четырехгранного сечения. Клинок имеет забитые лезвия, у рукояти грани оббиты, что придает им некоторую округлость и делает удобным ее удержание в руке (размеры фрагмента 11×6,5×1,5 см). Размерные характеристики позволяют интерпретировать данный предмет как обломок меча. Подобного рода предметы ранее на территории Приморского края не встречались, однако традиция изготовления каменных мечей – реплик изделий из бронзы и железа – была распространена на территории Кореи и Северо-Восточного Китая.

В целом, комплекс каменного инвентаря памятника Назимова-1 дает представление о различных направлениях хозяйственной деятельности. Рубящие орудия связаны с деревообработкой, которая, несомненно, имела большое значение в жизни янковцев. При этом следует отметить, что подавляющая часть каменных орудий – это тёсла, инструмент не столько для рубки, сколько для долбления древесины. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что данные орудия применялись для изготовления, в первую очередь, лодок и предметов домашней утвари, возможно, посуды.

Важнейшим направлением хозяйственной деятельности всегда являлась добыча пищевых ресурсов. Здесь можно отметить такие направления как охота, добыча морских ресурсов и, возможно, земледелие. С охотой связаны наконечники метательных орудий. Морской промысел в камне отражают грузила. Для разделки добычи использовались каменные ножи со специфической округлой формой лезвия.

Найденные на памятнике отбойники, абразивы и сланцевые плитки указывают на то, что производство орудий или их ремонт также осуществлялся непосредственно на этом месте.

Стоит отметить, что все орудия, найденные на памятнике, представлены в виде обломков крупных частей, осколков или целых орудий с поврежденной рабочей частью и не пригодны для дальнейшего использования. Этот факт свидетельствует о том, что утилизация этих орудий происходила непосредственно на памятнике.

В целом, комплекс каменного инвентаря памятника Назимова-1 в совокупности с данными планиграфии, геоморфологии и комплексом изделий из других материалов позволяет сделать вывод о том, что во время существования янковской культуры на мысе Назимова располагалась крупная промысловая стоянка с ориентацией на добычу как морских, так и сухопутных биоресурсов.

Список литературы

Андреева Ж. В. Янковская культура / Ж. В. Андреева, И. С. Жущиховская, Н. А. Кононенко. – М. : Наука, 1986. – 216с.

Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию / Д. Л. Бродянский. – Владивосток : Изд-во Дальневост. Ун-та, 1987. – С. 28–96.

Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока / А. П. Окладников // МИА. – 1963. – № 112. – 355 с.

Попов А. Н. Охранные археологические исследования на федеральных стройках в г. Владивостоке / А. Н. Попов, Б. В. Лазин // Тихоокеанская археология. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – Вып. 18: Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности Тихоокеанских стран. – С. 120–151.

Stone tools from archaeological site Nazimava-1

B. V. Lazin, L. A. Nikitina

Yankovskaya culture relates to the period of the early Iron Age. However, the findings of metal in it are very rare, and most of the tools made of stone. In this paper, a description of the complex of stone artifacts from the archaeological site Nazimova-1, located on the Bosfor Vostochny Strait in the city of Vladivostok is provided.
Keywords: Yankovskaya culture, stone tools, coastal adaptation, early Iron Age.

Лазин Борис Владимирович
научный сотрудник, Учебно-научный музей Дальневосточного федерального университета
e-mail: Lazin.bv@dvfu.ru

Никитина Лариса Александровна
главный хранитель фондов, Учебно-научный музей Дальневосточного федерального университета

Lazin Boris Vladimirovich
researcher, Educational and Scientific Museum of Far Eastern Federal University
e-mail: Lazin.bv@dvfu.ru

Nikitina Larisa Aleksandrovna
chief curator of funds, Educational and Scientific Museum of Far Eastern Federal University

УДК 902

Современное состояние проблемы происхождения сакской археологической культуры

А. Д. Раисова
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Рубеж II–I тысячелетий до н.э. и начало последнего на просторах евразийской аридной зоны ознаменовались важным событием – становлением кочевых форм скотоводческого хозяйства и распространением металлургии железа [Байпаков, Таймагамбетов, 2006, с. 129]. По своим последствиям переход к кочевому образу жизни сыграл в жизни местных племен значительную роль и повлек за собой ряд перемен.

Со второй половины VII в. до н.э. ведущую роль на территории Казахстана и Киргизии стали играть племена сакской конфедерации. Генезис сакской культуры – чрезвычайно сложный вопрос [Акишев, Кушаев, 1963, с. 121]. Первые работы по сакской проблематике были написаны на основе античных, древнеперсидских и китайских источников. В них рассматривались преимущественно вопросы расселения и политической истории саков. Самоназвание саков стало известно только после находки надписи в храме богини Иштар, обнаруженной во время раскопок столицы Ассирии – Ниневии. Эта надпись была высечена на мраморной плите царем Ашшурбанипалом (правил в 669–631 гг. до н.э.). В ней упомянуты гиммири и их вождь Тугдамме, названный «царем саков» [Кляшторный, 2002, с. 93].

Изучение данной темы, основу которой составляют археологические материалы, было начато в 1930-е гг. и связано с именами С. П. Толстова и А. Н. Бернштама. Именно с этого времени в научных трудах стал бурно обсуждаться вопрос о генезисе сакской культуры. Так, С. П. Толстов отмечал ведущую роль тазагъябских и суярганских племен эпохи бронзы Южного Приаралья в сложении сако-массагетских племен среднеазиатского Междуречья. О. А. Вишневская и М. А. Итина также отмечают черты преемственности племен культуры бронзового века с саками Приаралья. А. Н. Бернштам в свою очередь считает, что саки являются прямыми потомками сложившихся под влиянием южносибирских этнических компонентов андроновцев [Акишев, Кушаев, 1963, с. 122–123]. Данная точка зрения также напрямую связана с проблемой происхождения андроновской культуры.

В 1963 г. увидела свет монография К. А. Акишева и Г. А. Кушаева «Древняя культура саков и усуней в долине реки Или». Работа написана на основе материалов, собранных на протяжении шестилетней деятельности Илийской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР (1954, 1957–1961 гг.).

Монография представляет собой обобщающий труд, посвященный материальной культуре племен долины р. Или. В работе систематизирован большой объем информации, рассматриваются некоторые вопросы хозяйственного развития, имущественного неравенства, социальной дифференциации, классообразования и техники строительства у саков. Впервые в работе поставлены вопросы о происхождении саков и генезисе их культуры. Кроме того, в ней дается первая для Казахстана хронологическая шкала на основе бронзовых наконечников стрел, используемых для датировки памятников раннежелезного века. К. А. Акишев, анализируя вопросы происхождения сакской археологической культуры, пишет, что предками саков являются андроновцы, пришедшие на юг и юго-восток Евразии (территория Южного Казахстана, Семиречья и Северной Киргизии) из центрального и восточного центра андроновской культуры в поисках новых земель, необходимых для растущего поголовья скота. Материальная культура Семиречья и Южного Казахстана, созданная племенами андроновцев Центрального Казахстана и Южной Сибири, по мнению автора, окончательно формируется уже на новых местах их расселения [Акишев, Кушаев, 1963, с. 129].

Открытие царского кургана Аржан в Туве в 1970-е гг. экспедицией М. П. Грязнова поставило перед археологами новые вопросы относительно хронологии памятников ранних кочевников, играющих важную роль как в конкретно-историческом плане, так и в методическом, и теоретическом отношениях. Материалы Аржана отодвигают начальную дату эпохи ранних кочевников, по меньшей мере, на столетие в глубину веков. Позднее после дендрохонологического анализа была предложена абсолютная датировка Аржана – конец IX–начало VIII века до н.э. [Грязнов, 1980, с. 32].

Проблема происхождения сакской археологической культуры получила отражение в трудах Л. Р. Кызласова, отмечавшего, что «культура саков генетически связана с дандыбай-бегазинской культурой», племена которой были вытеснены носителями тасмолинской культуры [Кызласов, 1977, с. 71–72]. В результате вытеснения предки саков распространились в Семиречье, Восточном Казахстане и далее на восток. Археолог видит сходство Бесшатырских курганов и раскопанных им в Прибалхашье плиточных оград могильника Бегазы (VIII – начало VII вв. до н.э) как в плане, так и в конструкции камер с дромосами. Исходя из этого, автор приходит к выводу, что сакские курганы Бесшатыра являются следующей ступенью развития надмогильного сооружения, и их архитектура вытекает из конструктивных особенностей предшествующей бегазинской погребальной архитектуры. Кроме того, Л. Р. Кызласов обращает внимание на найденные в дандыбай-бегазинских памятниках предметы («раннескифские» бронзовые наконечники стрел, оселки, роговые застежки, грубые гладкие горшковидные и баночные («татарские») сосуды), столь характерные для сакской и скифской материальной культуры, относящиеся к переходному времени дандыбай-бегазинской культуры (VIII – начало VII вв. до.н.э) [Кызласов, 1977, с. 71–72].

На обширных просторах степной полосы Евразии, начиная с VIII в. до н.э., синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах культуры скифо-сибирского типа. Мы должны изучать историю развития культуры кочевых племен отдельно взятых народов (будь то пазырыкские племена Алтая или скифы Северного Причерноморья, саки Средней Азии или уюкские племена Тувы) не изолированно от других, близких и далеких кочевых объединений, а во взаимосвязи с историей всего кочевого мира в целом. Острые вопросы, касающиеся генезиса сакской археологической культуры и распространения культур скифо-сибирского мира, обсуждаются не одним поколением исследователей.

Сакская археологическая культура наиболее ярко представлена курганами сакской знати Иссык, Чиликта и Бесшатыр. Они являются не единственными образцами величия саков от Сыр-Дарьи до Тарбагатайских гор, от южных пределов Бетпак-Далы и Прибалхашья до предгорной и горной зон Северного Тянь-Шаня. На площади, размером 1200х1300 км, было выявлено 65 могильников и местонахождений, в которых насчитывается порядка 350 царских курганов, относящихся к V – II вв. до н.э. [Акишев, 1994, с. 8–12].

Обследовав данную территорию, К. А. Акишев выделил 6 микрорайонов наибольшего сосредоточения больших курганов. Это Алматинский, Иссыкский, Бериктасский, Сырдарья-Таласский, Бесшатырский, Кегенский микрорайоны, представляющие для нынешнего поколения археологов богатейшую панораму для проведения исследований. Дальнейшее изучение данного феномена позволит заполнить имеющуюся лакуну в вопросах изучения сакской археологической культуры.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент М. К. Хабдулина

Список литературы

Акишев К. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или / К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. – Алма-ата : Изд-во АН КазССР, 1963. – 320с.

Акишев К. А. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня / К. А. Акишев // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб., 1994. – С. 8–12.

Байпаков К. М. Археология Казахстана / К. М. Байпаков, Ж. К. Таймагамбетов. – Алматы : Казак университет, 2006. – 356 с.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени / М. П. Грязнов. – Л. : 1980. – 64 с.

Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопросы происхождения сакской культуры / Л. Р. Кызласов // СА. – 1977. – № 5 (2). – С.71–72.

Кляшторный С. Саки / С. Кляшторный // История татар с древнейших времен в 7 томах.– Казань : Изд-во «Рухият», 2002. – Т. I. Народы степной Евразии в древности. – С. 93–105.

The modern condition problems of the origin of archaeological culture of Saka

A. D. Raisova

This article describes the current state of the problem related with the origin of the sak archaeological culture. The main written and archaeological sources on the topic have been analyzed. The paper presents the basic views of archaeologists about the origin of the Saka and the genesis of their culture. The necessity to examine the development of the culture of nomadic tribes has been identified, not in isolation from the others, yet near and far the nomadic groups, and in the connection with the history of the nomadic world in general. Based on the analysis of the sources related with this topic, sharp questions, those a further study would fill the existing gap in the study of Saka archaeological culture, have been showed.

Keywords: sak archaeological culture, culture of nomadic tribes

Раисова Айкумис Давлюбаевна
студент 4-го курса, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: Aikumisraisova@mail.ru

Raisova Aikumis Davlyubaevna
student 4th year, Eurasian National University named after L. N. Gumilev
e-mail: Aikumisraisova@mail.ru

УДК 902.01

Некоторые замечания к изучению импортов в раннем железном веке Волго-Уралья (на примере взаимодействия оседлого и кочевого населения)

Р. Р. Саттаров
Самарский государственный университет, Самара
Самарская академия государственного и муниципального управления, Самара

На вещи неместного характера, т. е. на импорты, исследователи давно обращают свое пристальное внимание. Важность этих находок в памятниках любой археологической культуры трудно переоценить. На сегодняшний день опубликован ряд фундаментальных научных трудов, посвященных импортным изделиям, ставших настольными книгами практически любого археолога, занимающегося проблемами раннего железного века и раннего средневековья Евразии [Амброз, 1966; Кропоткин, 1970; Симоненко, 2011 и др.]. По исследованию импортов подготовлено и успешно защищено несколько диссертационных работ [Кропотов, 2008; Ли Джи Ын, 2010]. И это далеко не полный перечень. Как мы видим, тема изучения импортов актуальна, однако, несмотря на такие фундаментальные исследования, это направление остается весьма перспективным в плане социально-экономических связей, социально-политической истории и уточнения хронологических позиций.

В толковом словаре русского языка значение слово импорт трактуется следующим образом: «ИМПОРТ, -а, м. 1. Ввоз товаров, капиталов, технологии из-за границы; противоп. экспорт. И. машин. И. зерна. 2. собир. Ввозимые из-за границы товары, изделия (разг.). II прил. импортный, -ая, -ое» [Ожегов, Шведова, 1992]. Из этого определения явствует, что основополагающим для обозначения предмета импортным является его изготовление за пределами рассматриваемой территории. Действительно ли это так в археологическом контексте? Наряду с термином «импорт» археологи довольно часто используют такое словосочетание как «заимствование форм». Мы предполагаем, что заимствование формы тоже может выступать как предмет импорта – импорт идей. Копируя внешние очертания и наружный вид первоисточника, предметы вооружения, к примеру, изготавливали по своим традиционным технологиям [Зубов, Саттаров, 2013, с. 314–315]. Приведем наиболее характерный случай. Бронзовые наконечники стрел пьяноборской археологической культуры находят аналогии в сарматских древностях. Нам кажется очевидным, что бронзовые наконечники стрел не являлись прямым импортом. Среди бронзовых наконечников иногда встречаются производственные браки, что возникает при массовом изготовлении подобных предметов. Думается, что изделия с литейными огрехами не могли быть предметом торгового обмена, тем более с учетом имевшегося у пьяноборского населения высокоразвитого для своего времени бронзолитейного

производства. Данные предметы были изготовлены пьяноборскими мастерами в традициях сарматских форм, т. е. была заимствовано форма изделия.

Таким образом, на наш взгляд, такое понятие как заимствование форм в контексте «импорта идей» следует учитывать в качестве импортов. Однако не стоит забывать об оговорках – о возможном заимствовании формы.

В археологии импорты принято считать, прежде всего, торговым маркером. Действительно, такая наиболее массовая и чрезвычайно информативная категория находок как бусы, происхождение которых в пьяноборской культуре априори связывают с античными центрами Северного Причерноморья, откуда они через кочевников Волго-Донских и Волго-Уральских степей попадали к оседлому населению Прикамья [Бугров, 2007, с. 451], являются индикатором массовых торговых обменов. Для долгосрочного стабильного торгового обмена должна существовать постоянная «обменная валюта». Не вдаваясь в подробности анализа декларативных заявлений исследователей о комплексном (многоотраслевом) хозяйстве пьяноборской культуры [Генинг, 1970, с. 94–97; Агеев, 1992, с. 86; Голдина, 1999, с. 255–256], выделим лишь то, что могло предложить оседлое население в обмен на вещи привозимые торговцами. Это, в первую очередь, ценные меха и, кроме этого, из обменного фонда нельзя исключать шкуры и особенно рога крупных копытных (лось, олень), из которых в кочевнической среде изготовлялись предметы столовой посуды.

Существуют единичные вещи, которые, на наш взгляд, характеризуют импорты как военно-политический маркер. В первую очередь, к таковым можно отнести четыре меча, сделанных в китайских мастерских или изготовленных по их образцам в сарматской или пьяноборской среде из Камышлы-Тамакского (погр. 68), Кушулевского III (погр. 306), Ново-Сасыкульского (кв. 19 / с) и Кипчаковского I курганно-грунтового (погр. 8, 2012 г.) могильников. Скорее всего, данные образцы клинкового оружия попали в пьяноборье через кочевников-сармат. В сарматских комплексах А. С. Скрипкиным учтено 19 подобных мечей [Скрипкин, 2000, с. 17–40]. Каким же образом попала эта статусная категория оружия в пьяноборье? Здесь открывается простор для размышлений и предположений. Мы не исключаем, что они оказались в пользовании оседлого населения в результате торгового обмена, но, вероятнее всего, попали в качестве трофея или дипломатического дара. В пользу последнего говорит отсутствие укрепленных поселений на юге пьяноборской культуры, что может свидетельствовать о тесных и довольно мирных контактах оседлого населения с кочевниками.

Стоит отметить, что один из вышеупомянутых образцов китайского клинкового оружия, найденного в Кипчаковском I курганно-грунтовом могильнике, является пока самой северной от Великого шелкового пути находкой подобного типа, и он был найден в подкурганном захоронении (погр. 8, курган 20, раскопки С. Э. Зубова в 2012 г.), что говорит о высоком статусе погребенного. Соответственно этот факт вкупе с находкой клинкового оружия позволяет судить об импортах, как и о социальном маркере. Приведем еще один пример. В пьяноборской культуре имеется немногочисленная группа погребений, которая по обряду захоронения отличается от типично пьноборских. В этих практически безинвентарных погребениях умершие лежали скорченными на боку. Видимо, правы исследователи (В. Ф. Генинг, Б. Б. Агеев), которые относили эти погребения к захоронениям определенной социальной категории – патриархальных рабов [Генинг, 1970, с. 124–125; Агеев, 1992, с. 21]. В качестве рабочей гипотезы можно допустить, что это социальная категория могла быть и продуктом обмена на рубеже эр.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, в контексте археологического изучения импорты или предметы импортного производства – это предметы в большей степени материальной культуры, изготовленные или добытые в одной историко-культурной области и попадающие в другую в результате торгового обмена, военного захвата или дани, платы за службу и т.п. Отдельные дорогие вещи могли быть дипломатическими дарами, традиции изготовления которых часто отличаются совершенностью отделки и технологических приемов. Заимствование форм в контексте «импорта идей» – неотъемлемая часть в освещении вопросов, связанных с предметами импортного производства и предполагает более детальную проработку этих вопросов.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент С. Э. Зубов

Список литературы

Агеев Б. Б. Пьяноборская культура / Б. Б. Агеев. – Уфа : БНЦ УрО РАН, 1992. – 140 с.

Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР (II д. н.э. – IV в. н.э.) / А. К. Амброз. – М. : Наука, 1966. – 125 с.

Бугров Д. Г. Бусы Тойгузинского II городища / Д. Г. Бугров // Проблемы истории и филологии культуры. – М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. – Вып. 17. – С. 442–453.

Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.1. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в.н.э. / В. Ф. Генинг // ВАУ. – Свердловск; Ижевск, 1970. – Вып. 10. – 258 с.

Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа / Р. Д. Голдина. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 1999. – 464 с.

Зубов С. Э. Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья / С. Э. Зубов, Р. Р. Саттаров. // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2014. – Т. 16. – № 3. – С. 314–320.

Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н. э) / В. В. Кропоткин. – М. : Наука, 1970. – 279 с.

Кропотов В. В. Фибулы юга Восточной Европы II в. до н.э. – III в. н. э. (типология, периодизация и распространение) : автореф. дис. … канд. ист. наук / В. В. Кропотов. – Киев, 2008. – 24 с.

Ли Джи Ын. Китайский импорт в памятниках Юга России (I в. до н.э. – III в. н. э.) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Ли Джи Ын. – Ставрополь, 2010. – 33 с.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1992. – 955 с.

Симоненко А. В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья / А. В. Симоненко. – СПб. : Филологический ф-т СПбГУ : Нестор-История, 2011. – 272 с.

Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры Сарматов / А. С. Скрипкин // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2000. – Вып. 3. – С. 17–40.

Some remarks on the study of imports in the early Iron Age of the Volga-Ural (for example, the interaction of the settled and nomadic population)

R. R. Sattarov

The author gives some remarks to the issues of the study of imported subjects. These comments are based on intercultural interaction settled and nomadic population of the Volga-Ural region, namely, nomadic Sarmatian and pyanoborskaya population that existed at the turn of the eras in the Kama.

Keywords: Early Iron Age, the Volga-Ural region, nomadic Sarmatians, pyanoborskaya Culture, import.

Саттаров Рузиль Раильевич
младший научный сотрудник, Самарский государственный университет;
аспирант 2-го года обучения, Самарская академия государственного и муниципального управления
e-mail: sattarov.rr@rambler.ru

Sattarov Ruzil Railevich
junior researcher, Samara State University;
postgraduate student 2nd year, Samara Academy of Public Administration
e-mail: sattarov.rr@rambler.ru

УДК 903.023

Технологические особенности изготовления керамических сосудов раннего железного века с поселения Каменка на Среднем Енисее

Ю. А. Титова
Сибирский федеральный университет, Красноярск

Изучение технологии изготовления керамических изделий позволяет в определенной степени разрешить вопрос о взаимодействии древних сообществ. Данная статья представляет результаты изучения керамической коллекции раннего железного века, полученной в результате раскопок на поселении Каменка в 2010 и 2012 гг. Исследуемая керамика происходит из второго культурного слоя, с уровня которого были впущены два котлована жилищ [Фокин, 2013, с. 50–57]. Большинство керамических сосудов с поселения (33 сосуда) – это горшки с профилированной шейкой, украшенной жгутиковыми налепными валиками, рассеченными пальцевыми защипами, ногтевыми вдавлениями или оттисками прямого орнаментира, дополненные поясом ямок сразу под венчиком. Большинство этих сосудов происходит из котлованов жилищ.

Остальные сосуды имеют индивидуальный декор: есть сосуды, украшенные в верхней части двумя горизонтальными рядами пальцевых вдавлений; с заглаженными жгутиковыми валиками, поверх которых нанесены отступающие наколы прямого орнаментира и ногтевые вдавления; с поясом ямок и рядами зубчатых или приостренных отступающих наколов; с тремя горизонтальными рядами отступающих наколов прямого орнаментира (на одном таком сосуде отмечаются следы крепления налепного керамического ушка) [Фокин, 2013, с. 53–54]. В интерпретации автора раскопок, горшки с орнаментом в виде налепных рассеченных жгутиковых валиков и пояса ямок находят прямые аналоги в шилкинской культуре, остальные сосуды в разной степени могут быть сопоставимы с керамикой нижнепорожнинской археологической культуры [Фокин, 2013, с. 56].

Анализ и описание керамической технологии производились в рамках историко-культурного подхода А. А. Бобринского и включали в себя:

1) изучение следов работы гончара по свежим изломам с использованием микроскопа МБС-10;

2) изучение следов работы гончара, фиксируемых на поверхностях сосуда;

3) сравнение с эталонной коллекцией [Бобринский, 1987; 1999].

В целом, были исследованы фрагменты от 48 керамических сосудов, а также фрагменты от двух бронзолитейных льячек и двух керамиче-

ских налепных ушек. Произведенный анализ технологии изготовления керамики показал, что в качестве исходного сырья для всех 100 % керамических изделий с поселения использовалась исключительно глина, слабоожелезненная, с незначительными включениями кварцевого песка. Включения бурого железняка и окислов железа (что является основным критерием, характеризующим ожелезненность глины) фиксируются в единичных образцах. Однако цвет изученной керамики (от бежевого до красно-коричневого) свидетельствует об использовании ожелезненной глины.

Состав формовочной массы также одинаков для всех изделий. В глину добавлялись два вида отощителя:

1) гранито-гнейсовая дресва, некалиброванная, от 0,1 до 3 мм в высокой концентрации – 1:2, 1:3 (44 сосуда, 2 льячки и 2 налепных ушка), в концентрации 1:4/5 с преобладанием крупных включений (4 сосуда);

2) органический раствор, не очень плотный, который оставил после выгорания небольшую слоистость и пустоты с рыхлым матовым налетом по спаям и остатки невыгоревшей органики в виде нитей и «икринок».

Таким образом, состав формовочных масс керамики на поселении является смешанным. Тем не менее, все керамические изделия были изготовлены с использованием одного рецепта составления формовочных масс: дресва + органический раствор (100 % изделий). Использование в качестве основного отощителя дресвы в высокой степени концентрации невозможно без дополнительного введения в рецепт органического наполнителя (органического раствора), который позволяет скрепить сосуд и избежать его растрескивания и раскалывания во время сушки и обжига.

Наличие в коллекции частично реставрированных сосудов позволяет судить и о способах их конструирования. Сосуды изготавливались из разноразмерных лоскутов комковатым неорганизованным налепом в форме емкости. Об этом свидетельствуют следы от пальцев на внутренней поверхности стенок сосуда, образовавшиеся в результате придавливания глиняной массы к стенке формы емкости при наложении лоскутов; значительные перепады толщины стенок сосуда при сохранении сферической ровной внешней поверхности; незначительная складчатость с внешней стороны, возможно, оставшаяся от кожаной или тканевой прокладки между сосудом и формой емкостью.

Об обработке поверхности можно судить по разнонаправленным тонким бороздкам, фиксируемым с внешней и с внутренней стороны сосудов. Подобные следы остаются после заглаживания мягким предметом (выделанной кожей или куском материи).

Обжиг керамических изделий костровой, высокотемпературный (до температуры каления), что фиксируется по неравномерной окраске.

Таким образом, несмотря на наличие разной по типу орнаментации керамики, изучение технологических особенностей указывает на ее изготовление в рамках единой гончарной технологии, которая заключалась в использовании одного вида исходного сырья, одного рецепта составления формовочных масс, одного способа конструирования и обработки поверхности.

Список литературы

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М. : Наука, 1987. – 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения / А. А. Бобринский // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара : Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5–109.

Фокин С. М. Поселение Каменка на Енисее / С. М. Фокин // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск : СФУ, 2013. – Вып. VI. – С. 50–57.

Early Iron Age pottery from the settlement of Kamenka on the middle reaches of the Yenisei River and specificity of the technology of its production

Yu. A. Titova

The article describes the results of the technology study of ancient ceramics of residents from the settlement of Kamenka. We investigated the main stages of production: the choice of clay, preparing the molding composition, method of molding pots, surface treatment and firing. Produced study showed the existence of stable traditions in the manufacture of ancient pottery.

Keywords: early Iron age **,** the settlement of Kamenka, ancient ceramics, technology, clay, molding composition, method of molding pots, surface treatment, firing, traditions

Титова Юлия Аркадьевна
старший преподаватель, Лаборатория археологии, этнографии и истории Сибири, Сибирский федеральный университет
e-mail: abdulia@mail.ru

Titova Julia Arkadievna
Senior Lecturer, Laboratory of Archaeology, Anthropology and History of Siberia, Siberian Federal University
e-mail: abdulia@mail.ru

УДК 903.5(571.5)

Погребальный ритуал могильника Цаган-Хушун II

М. В. Толстова
Иркутский государственный университет, Иркутск

На протяжении более десяти лет ведутся исследования на могильнике Цаган-Хушун II. К настоящему времени он является крупнейшим некрополем конца I тыс. до н.э. на байкальском побережье. Памятник расположен на западном побережье оз. Байкал в Приольхонье, в 1,25 км к юго-востоку от д. Курма, в восточной части одноименного мыса. Памятник открыт в 1995 г. А. В. Харинским. С 2000 г. на нем проводятся систематические археологические раскопки [Харинский, 2003].

Памятник состоит из двух частей: южная, за которой закреплен литер «а», и северная – литер «б». К 2010 г. северная часть могильника, состоящая из 28 комплексов, была полностью исследована. К 2014 г. на южном участке было обнаружено 35 комплексов, но еще около трети перспективной для поиска захоронений площади не вскрыто. Некрополь сооружался на возвышенном участке местности, с которого открывался прекрасный обзор на окружающий ландшафт. Поминальные и погребальные комплексы располагались близко друг от друга, поэтому проводить их исследование приходилось сплошным раскопом [Харинский, Коростелев, 2011а; 2011б].

Большинство захоронений разграблено в древности, непотревоженные останки умерших были найдены в 5 погребениях. На памятнике Цаган-Хушун II было выявлено две погребальных традиций: елгинская и бутухейская. В комплексах № 6 и 19 южной части могильника и в № 4 в северной были найдены захоронения с трупопомещением на правом или левом боку, с подогнутыми ногами, головой на юго-восток. Такое расположение костяка характерно для елгинской погребальной традиции. В комплексах № 23 и 31 в южной части могильника погребенные располагались вытянуто на спине, головой на юго-восток, что характерно для бутухейской культуры. Захоронения бутухейского типа бытовали в Приольхонье в одно время с плиточными могилами и лишь в конце I тыс. до н. э. люди, оставившие их, могли какое-то время сосуществовать с елгинцами [Харинский, 2005б]. Каменные кладки и ямы у бутухейцев и елгинцев схожей овальной формы, но различны по размерам – у бутухейцев выделяется более крупные и вытянутые формы. Как правило, погребенный располагался на глубине около 30 см.

Отдельно обратимся к анализу сопроводительного инвентаря. Так как большинство погребений было разграблено в древности, в некоторых захоронениях сопроводительного инвентаря обнаружено не было. Так, например, в комплексе № 19 он отсутствовал полностью [Коростелев, 2009], в комплексе № 6 найдены лишь костяные наконечники стрелы с расщепленным насадом [Харинский, 2005а]. В единственном неразрушенном погребении северной части могильника был найдены изделия из железа: петельчатый нож, обоймы, трубка, шило с кольцевым навершием, кольцо. Вдоль нижней челюсти погребенного располагались 22 бусины, составлявшие нить, в центре которой находилась бронзовая подвеска с изображением хищника, две железные сферические пуговицы и две ложечковидные подвески (застежки) из бронзы, позолоченная бронзовая серьга, остатки кожаного пояса, на который с помощью кожаных ремешков крепились две трапециевидные пряжки из бронзы. К одной из них на витом ремне подвешено бронзовое кольцо. Под кистью правой руки найдена бронзовая четырехугольная поясная бляха, прикреплявшаяся к левой стороне пояса с помощью кожаного ремешка, который продевался через два круглых отверстия, расположенных с узкого края бляхи [Харинский, 2014].

В бутухейских комплексах № 23 и 31 найдены предметы из кости: наконечники стрел с расщепленным насадом и концевые накладки на лук с арочным вырезом сбоку. Металлические вещи представлены бронзовым язычком ременной пряжки, бронзовыми и железными пуговицами, бронзовой бляшкой с изображением двух голов грифонов, а также сильно коррозированной железной бабочковидной бляшкой.

Сопроводительный инвентарь, обнаруженный в бутухейских погребениях на могильнике Цаган-Хушун II, аналогичен изделиям из елгинских захоронений, следовательно, елгинцы и бутухейцы проживали на территории Приольхонья в одно и то же время. Это предположение подтверждается радиоуглеродными датами, полученными по 3 погребениям могильника: елгинские захоронения – комплекс № 4 – 2050±55 л. н. (СОАН – 4324), комплекс № 6 – 2285±55 л. н. (СОАН – 5281); бутухейские захоронения – комплекс № 23 – 2275±55 л. н. (СОАН – 4324).

Это не единственный случай присутствия на одном могильнике двух погребальных традиций. Подобная тенденция зафиксирована и на северо-западном берегу Байкала. На могильнике Бай-

кальское XXVII выявлены две группы захоронений, отличающихся между собой положением погребенного в могильной яме. Так, в комплексах № 8, 11 и 12 умерший располагался на спине, вытянуто, головой был ориентирован на восток – юго-восток. В комплексе № 2 погребенный, вероятно, находился на боку, с подогнутыми ногами, головой ориентирован на юго-восток [Коростелев, Харинский, 2010].

На могильнике Байкальское XXXI также были обнаружены находящиеся по соседству захоронения елгинцев и бутухейцев. В елгинских погребениях № 1 и № 3 этого могильника найдены бабочковидные бляшки из железа, аналогичные найденным на памятнике Цаган-Хушун II. По захоронению № 1 получена радиоуглеродная дата 2130±50 л. н. (СОАН – 4100). Близкие по времени даты имеют и бутухейские захоронения могильника № 4 – 1980±65 (СОАН-4323) и № 8 – 2025±75 (СОАН-4878), указывающие на синхронное существование на памятнике двух погребальных традиций [Харинский, 2004].

Наличие на байкальских некрополях железного века двух погребальных традиций – бутухейской и елгинской – свидетельствует об их синхронном существовании на территории региона в конце I тыс. до н.э., на что указывают и радиоуглеродные даты по этим памятникам.

Население, практиковавшее захоронение своих умерших по елгинскому погребальному ритуалу, широко распространяется на байкальском побережье в конце I тыс. до н.э. Сталкиваясь с представителями бутухейской погребальной традиции, заселившими берега Байкала уже с конца II тыс. до н.э., елгинцы, вероятно, пытались не конфликтовать с ними, а выстраивать взаимовыгодные отношения. Они хоронили своих умерших на одних могильниках, не отделяя захоронения, выполненные по разному погребальному ритуалу, друг от друга. Елгинцы не пытались доминировать в регионе, полностью подчинив себе местное население и стерев память о них посредством разрушения могил, а наоборот принимали их традиции, в том числе и в сакральной сфере.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А. В. Харинский

Список литературы

Коростелев А. М. Население Приольхонья на рубеже эр: по археологическим данным / А. М. Коростелев // Вестник ИрГТУ. – 2009. – № 7 (54). – С. 238–242.

Коростелев А. М. Погребально-поминальный комплекс Байкальское XXVII и его культурно-хронологическая интерпретация / А. М. Коростелев, А. В. Харинский // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 73–76.

Харинский А. В. Могильник Цаган-Хушун II на западном побережье Байкала / А. В. Харинский // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 248–254.

Харинский А. В. Погребальный ритуал населения Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н. э. начале I тыс. н. э.: по материалам могильника Байкальское XXXI / А. В. Харинский // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. – Вып. 2. – С. 134–150.

Харинский А. В. Вооружение жителей Приольхонья в III в. до н. э. – IV в. н. э. и некоторые тенденции развития военного дела населения Предбайкалья / А. В. Харинский // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005а. – С. 46–51.

Харинский А. В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / А. В. Харинский // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005б. – Вып. 3. – С. 198–215.

Харинский А. В. Елгинские захоронения Прибайкалья / А. В. Харинский // Известия лаборатории древних технологий. – № 3 (12). – 2014. – С. 20–44.

Харинский А. В. Западное побережье оз. Байкал в хуннское время (по материалам могильника Цаган-Хушун II) / А. В. Харинский, А. М. Коростелев // Хунну: археология, происхождение культуры, этническая история. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011а. – С. 173–202.

Харинский А. В. Результаты исследования погребально-поминального комплекса Цаган-Хушун II «а» в Приольхонье / А. В. Харинский, А. М. Коростелев // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011б. – С. 377–385.

The funeral ritual of burial ground Tsagaa-Khushun II

M. V. Tolstova

At the monument of the early Iron Age Tsagaan-Khushun II were found burials belonging to the different funeral traditions. By analysis of accompanying grave goods and by the position of buried, we concluded that the different cultures of the Baikal coast's populations peacefully existed together and migrated to the northern Baikal.

Keywords: Butuhey's culture, Elga's culture, burial ground Tsagaan Khushun 2, Baikal Archaeology of Early Iron Age

Толстова Мария Васильевна
студент 1-го курса,
Иркутский государственный университет
e-mail: mariyatolstova96@gmail.com

Tolstova Mariya Vasil'evna
student 1st year, Irkutsk state university
e-mail: mariyatolstova96@gmail.com

УДК 903.59 (571.150)

Новые материалы эпохи раннего железа из Причумышья (Восточный Алтай)

Е. В. Трусова
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Грунтовый могильник Чумыш-Перекат находится в Залесовском районе Алтайского края. Памятник расположен на правом берегу р. Чумыш, на высокой ровной мысовидной террасе. Могильник открыт в 2012 г. С. П. Грушиным.

В 2014 г. работы на памятнике проводились совместной археологической экспедицией кафедры археологии Кемеровского государственного университета и лаборатории междисциплинарного изучения Алтая и Сибири Алтайского государственного университета под руководством А. В. Фрибуса и С. П. Грушина.

В ходе полевого сезона 2014 г. были выделены основные культурно-хронологические комплексы памятника Чумыш-Перекат. Могильник представлен тремя разновременными горизонтами. Наиболее ранний комплекс относится к эпохе позднего неолита–энеолита, второй – к эпохе бронзы (андроновская культура). Наиболее поздние из исследованных на сегодняшний день погребений связаны с эпохой раннего железа.

Могилы № 3 и № 4 (согласно общей нумерации) образуют единый ряд, вытянутый по линии ЮЗ - СВ.

Могила № 3. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по длинной оси СЗ–ЮВ. Дно ямы было выстлано полотнищем бересты. Умерший, предположительно мужчина, был уложен вытянуто на спине, головой на СЗ. Голова слегка приподнята, подбородок упирается в грудь, что позволяет предположить наличие несохранившейся «подушки». Сверху погребенный был укрыт полотнищем бересты, следы перекрытия отсутствуют. Справа от черепа располагался керамический сосуд, который украшен по венчику оттисками гладкого штампа, образующими ряд горизонтальной «елочки», и жемчужником. Весь инвентарь из могилы представлен одним сосудом.

Могила № 4 располагалась в 2 м от могилы № 3. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по длинной оси СЗ–ЮВ. Могильная конструкция представляла собой деревянную раму в один венец, перекрытую 6 продольными плахами. Мощность сохранившихся фрагментов плах от 5 до 10 см. Скелет, предположительно женщины, был уложен вытянуто на спине, головой на СЗ. Среди костей таза компактным скоплением располагались кости младенца. В углу ямы, справа от черепа погребенного были найдены два миниатюрных керамических сосуда. Около правой кисти – две небольшие бронзовые подвески, костяная сверленая бусина и костяная пронизка. Около левого плеча было положено керамическое пряслице.

Сосуд № 1 представляет собой небольшой горшок желто-коричневого цвета. Украшен наклонными оттисками гладкого штампа, образующими по венчику и шейке два ряда горизонтальной «елочки». Сосуд № 2 – небольшая глубокая миска светло-коричневого цвета на невысоком налепном поддоне. Сосуд не орнаментирован.

Керамическое пряслице, диаметр которого составляет 4 см, толщина – 2 см, диаметр отверстия 0,7 см, имеет круглую форму. С одной стороны орнаментировано двумя концентрическими окружностями, пространство между которыми заполнено ямочным орнаментом, опускающимся на боковые грани. Оборотная сторона изделия не орнаментирована.

Определение культурной принадлежности памятников эпохи раннего железного века на территории Верхнего Приобья зачастую вызывает сложности. Существуют объекты, где наблюдается смешение разных культурных традиций [Фролов, 2001]. Основная проблема интерпретации в нашем случае состоит в том, что на данный момент на могильнике Чумыш-Перекат исследована лишь небольшая серия могил эпохи раннего железа. По ряду признаков могилы № 3 и № 4 тяготеют к староалейской культуре. С одной стороны, грунтовый характер могил, ориентировка могильного ряда сопоставимы с погребальным обрядом староалейской культуры. Для грунтовых могильников последней характерно расположение могил рядами, ориентированными по линии ЮЗ–СВ [Фролов, 2004].

С другой стороны, характер устройства внутримогильной конструкции в погребении № 3 находит аналогии в памятниках каменской культуры. Так, в нескольких погребениях из Новотроицкого могильника, датируемым V–III вв. до н. э., было встречено накрытие берестой погребенного (курган 12, мог. 9; курган 13, мог. 4) [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 94–97]. В некоторых погребениях (Кириловка 3, курган 8, мог. 4; Кучук 1, курган 5) под голову умершего был подложен обрубок дерева наподобие подушки, также встречается просто земляная подушка [Могильников, 1997, с. 18], как и в могиле № 3.

Пряслице из могилы № 4, как «важный культурно-диагностирующий признак», может помочь при решении вопроса о культурной принадлежности погребения [Телегин, 1999; Фролов, 2000]. Подобный ямочный орнаментальный мотив имеет аналогии в материалах каменской культуры (Новотроицкое 2, курган 3, могила 13 [Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 328], Раздумье IV, курган 6, могила 8 [Уманский, 2001, с. 106]; Быстровка-1, курган 2, могила 1 [Троицкая, 1983, с. 36]; Ближние Елбаны XII, могила 3 [Грязнов, 1956, Табл. XXX, 2] и др. В староалейской культуре пряслица, орнаментированные концентрическими кругами из ямочных вдавлений, встречаются в единичных случаях, например, на могильнике Обские Плесы 2 [Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 95]. Широкое использование пряслиц в хозяйстве и помещение их в могилы является существенной особенностью как каменской, так и староалейской культур [Фролов, 2001].

На сегодняшний день исследователи считают, что позднестароалейские памятники (на последней стадии существования староалейская культура (IV–II вв. до н.э.) теряет свою самобытность) практически идентичны каменским [Фролов, 2001].

Таким образом, наиболее поздние погребения грунтового могильника Чумыш-Перекат по комплексу признаков можно предварительно отнести к каменской культуре Верхнего Приобья и датировать их IV–II вв. до н.э.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. В. Фрибус

Список литературы

Ведянин С. Д. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плёсы-2 / С. Д. Ведянин, А. Л. Кунгуров // Погребальный обряд древних племён Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 88–115.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка / М. П. Грязнов // МИА № 48. – 1956. – 163 с.

Кирюшин Ю. Ф. Могильник раннего железного века Староалейка-2 / Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров // Погребальный обряд древних племён Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 115–135.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. / В. А. Могильников. – М., 1997. – 195 с.

Телегин А. Н. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего источника (по материалам эпохи раннего железа) / А. Н. Телегин / Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул, 1999. – С. 140–148.

Троицкая Т. Н. Могильник Быстровка-I как исторический источник / Т. Н. Троицкая // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 31–50.

Уманский А. П. Аварийные раскопки в урочище Раздумье в 1965–1966 гг. / А. П. Уманский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул : Азбука, 2001. – Вып. XII. – С. 104–113.

Фролов Я. В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке / Я. В. Фролов // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул, 2000. – С. 75–82.

Фролов Я. В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) / Я. В. Фролов // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 149–156.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в н.э. (по данным грунтовых могильников) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Я. В. Фролов.– Барнаул, 2004. – 23 с.

Шульга П. И. Новотроицкий некрополь / П. И. Шульга, А. П. Уманский, В. А. Могильников. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 329 с.

New materials of the Early Iron Age from Chumysh river (Eastern Altai)

E. V. Trusova

The article considers information about the graves of the early Iron Age from burial ground Chumysh-Perekat. The graves have been attributed to the Kamenka archaeological culture and dated to the 4th–2st centuries B.C.

Keywords: the graves, the Early Iron Age, the Kamenka archaeological culture.

Трусова Елена Викторовна
магистрант 1-го года обучения, Кемеровский государственный университет
e-mail: trusova.lena@inbox.ru

Trusova Elena Viktorovna
graduate student 1st year, Kemerovo State University
e-mail: trusova.lena@inbox.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 902.21

Новые свидетельства использования сигнальных кострищ на городище Усть-Черная*

Д. А. Бычков
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск
*Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014К)

В 2012 г., в ходе разведочных работ [Ахметов, Алкин, 2012, с. 163] на городище Усть-Черная, расположенном в бассейне среднего течения р. Шилки, были обнаружены остатки двух сгоревших конструкций. Исходя из диспозиции обнаруженных конструкций – мысовидные выступ и оконечность горы, – было выдвинуто предположение [Суворова, Вебер, 2013, с. 263], что эти конструкции являются сигнальными кострищами. По результатам экспериментальных и планиграфических исследований, проведенных в 2013 г [Бычков, 2014], было установлено, что сгоревшие конструкции представляли собой пирамиды из четырех жердей, наклоненных друг к другу, высотой около 130 см. В центре пирамиды, вероятно, был расположен костер типа «колодец». В результате экспериментальных исследований их функциональных возможностей было установлено, что данная конструкция может передавать сигналы на дистанцию более 2 км. Учитывая ряд фактов: нахождение в бассейне р. Шилки нескольких раннесредневековых городищ, которые считаются единовременными и относящимися к культуре мохэ троицкой группы [Полевые исследования…, 2008, с. 118], расположение городищ на вершинах утесов, гор и особую этнополитическую ситуацию в регионе на рубеже I–II тысячелетий, было высказано предположение, что данные сигнальные кострища являются элементами системы визуальной коммуникации между городищами.

Для более разностороннего доказательства гипотезы о системе визуальной коммуникации в полевом сезоне 2014 г. был проведен комплекс исследований. Цель – выявить свидетельства функционирования сигнальных кострищ на городищах Шилкинской системы, определить точки ретрансляции сигналов вблизи городищ и провести серию экспериментов по проверке диспозиции выявленных точек ретрансляции.

Разведочные работы проводились на склонах и оконечностях горы, на которой располагается городище Усть-Черная. На основании теоретических оценок дальности видимости светодымового сигнала и, исходя из необходимости наличия прямой видимости Чудейского утёса, были выбраны места наиболее вероятного нахождения точек ретрансляции. На мысовидном выступе северного склона горы, в 100 м от городища, в шурфе был выявлен прокаленный участок грунта. На основе планиграфического анализа прокал определяется как след горения отопительного костра. Глубина залегания и расположение в суглинках (к суглинистым отложениям привязывают культурный слой раннего средневековья) говорит о возможности относительной датировки ранним средневековьем. Дислокация объекта имеет все признаки, как и у аналогичных объектов, обнаруженных в 2012 г.: расположение в верхней точке на мысовидном выступе склона горы, наличие достаточной мощности рыхлых отложений, прямая видимость местонахождения

другого городища – Чудейского утеса. На основе вышеописанных наблюдений было сделано заключение, что, вероятнее всего, обнаруженный объект был частью наблюдательного пункта, на который могли передаваться световые сигналы с Чудейского утеса.

Для проверки выдвинутого предположения была проведена серия экспериментов. На выступе, где был обнаружен отопительный костер, и на Чудейском утесе, в 500 м от городища, были установлены экспериментальные сигнальные кострища (далее ЭСК). ЭСК на Чудейском утесе было установлено таким образом, чтоб с него было видно ЭСК у городища Усть-Черная. Зажженные ЭСК были обоюдно видны – ЭСК на Чудейском утесе был хорошо различим благодаря яркому пламени, а ЭСК у городища Усть-Черная благодаря густому столбу дыма, который поднимался над горой. Несмотря на задымленность (высокая влажность воздуха, вследствие чего утренний туман полностью сходил только к вечеру), при которой расчетная дальность видимости светового сигнала с учетом коэффициента экстинкции (ослабление света в атмосфере) не превышала 1 км, было установлено расстояние эффективной передачи светодымового сигнала в 4,75 км. Таким образом, интерпретация обнаруженного объекта как точки ретрансляции достаточно аргументирована.

В заключении, основываясь на материалах с городища Усть-Черная, были сформулированы археологические признаки вероятных местонахождений точек ретрансляции или сигнальных кострищ. Ими являются: расположение на доминантных формах рельефа (мысовидный выступ, склон, оконечность горы, холм), наличие достаточной мощности рыхлых отложений для содержания культурного слоя и археологического материала, наличие мощного прокаленного участка грунта и/или остатков сгоревшей конструкции, прямая видимость местонахождения другой точки ретрансляции или сигнального кострища.

В результате проведенных исследований было выявлено еще одно свидетельство использования системы визуальной коммуникации среди раннесредневековых городищ бассейна среднего течения р. Шилки. Выявленные остатки отопительного костра весьма убедительно можно считать частью наблюдательного пункта, который служил точкой ретрансляции сигналов. Проведенные экспериментальные исследования подтвердили это предположение и установили возможность светодымовой коммуникации между городищами Усть-Черная и на Чудейском утесе.

Научный руководитель – д-р ист. наук
П. В. Волков

Список литературы

Ахметов В. В Разведочные работы в районе Усть-Чёрнинского городища / В. В. Ахметов, С. В. Алкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 160–163.

Бычков Д. А. Экспериментальные исследования конструкции сигнальных кострищ городища Усть-Черная Шилкинской системы городищ / Д. А. Бычков // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск : Изд-во СФУ, 2014. – С. 155–157.

Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края / С. В. Алкин, В. В. Нестеренко, В. К. Колосов, П. В. Мороз // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С.116–121.

Суворова А. Н. Расчет реконструкций сигнального костра городища Усть-Чёрная Шилкинской системы городищ / А. Н. Суворова, Е. И. Вебер // Археология, этнология и антропология. Междисциплинарный аспект. – Владивосток : Изд-во СВФУ, 2013. – С. 261–263.

New evidences of the use of signal fires on the Ust'-Chyornaya settlement

D. A. Bychkov

The aim of this work is to detect evidences of the use of the signal fires at the settlements of Shilkinskaya system and the definition of relay points of signals near the settlement. Research methods were: exploration, experiment, spatial analysis, theoretical estimates of visibility range, trigonometric computation.
During exploration traces of fire were discovered in estimated relay point. The effective transmission distance of signals was established empirically about 4.75 km. According to the results of field experimental researches in 2012–2014 archaeological indications of signal fires were formulated.

Keywords: Transbaikal, early medieval settlement, signal fires, experimental archeology, visual communication system

Бычков Дмитрий Александрович
студент 4-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: bda.nsk@yandex.ru

Bychkov Dmitriy Aleksandrovich
student 4th year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: bda.nsk@yandex.ru

УДК 902(571.54/55)

Погребения дарасунской культуры из бассейна р. Куэнги

К. Я. Гультяева
Забайкальский государственный университет, Чита

Во второй половине I тыс. н.э. степные и лесостепные районы Восточного Забайкалья входили в состав Тюркских и Уйгурского каганатов. Археологические исследования показывают, что здесь проживало неоднородное по этническому составу население, оставившее многочисленные погребальные комплексы, часть которых объединена в рамках дарасунской археологической культуры. Носителями этой культуры считаются тюркоязычные племена байырку (баегу) и токуз-татар, фрагменты истории которых представлены в китайских исторических хрониках и в руническихъ памятниках того времени [Кириллов, Ковычев, Кириллов, 2000, с. 69–73]. К сожалению, эти сведения мало информативны и погребения дарасунской культуры именно поэтому важны для исследователей забайкальского средневековья, поскольку позволяют не только дополнить имеющиеся сведения неизвестными прежде фактами, но и более полно характеризовать этнокультурную ситуацию в данном регионе. В статье представлены два неопубликованных погребения дарасунской культуры, исследованных Верхнеамурской археологической экспедицией в 1990 г. в окрестностях с. Гаур Чернышевского района на правом берегу р. Куэнги.

Погребения входили в состав двух разновременных могильников, расположенных по соседству друг с другом (могильники 23-й и 27-й км).

Погребение № 1 (мог. 23-й км) располагалось у подножия сопки и имело округлую каменную выкладку размерами 320×330 см. Камни были уложены в два слоя по краям и в три слоя – в центре. При этом, третий уровень камней располагался вертикально по контуру могильной ямы, образуя подобие ящика. Внутри «ящика», на глубине 60 см, был обнаружен костяк женщины, расположенный на правом боку, в скорченном положении, головой на север. От одежды умершей сохранились остатки шелковой ткани золотистого цвета, а от шапочки и обуви – фрагменты полуистлевшей кожи с обработанными и подшитыми краями. Дно могильной ямы было выстлано кусками бересты, также сшитой по краям. На черепе, в районе височных костей, располагались фрагменты узких кожаных ремешков с нанизанными на них скобкообразными бронзовыми обоймочками. Справа от костяка, на бересте, лежали железный нож, бронзовый колокольчик и такие же ремешки с обоймочками. Подобные ремешки и колокольчики нередко встречаются в погребениях дарасунской культуры, свидетельствуя о возможных способах украшения женского пояса, обуви и шапочки.

Погребение № 3 (мог. 27-й км) также располагалось на склоне сопки, имело однослойную каменную выкладку, размерами 540×470 см, которая была вытянута по линии В–З. В могильной яме, на глубине 70 см, был обнаружен костяк женщины в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-восток. В районе шейных позвонков была найдена дугообразная по форме бронзовая гривна, выполненная путем спайки двух составных частей, происходящих от разных изделий. Один конец гривны был закручен в ушко, а на другом имелось просверленное отверстие. Поверхность гривны гладкая, без насечек и узоров. На лучевых костях рук располагались бронзовые браслеты, выполненные, как и гривна, в технике литья. У одного браслета концы смыкались в кольцо, у другого – они были не сомкнуты.

Справа от плечевых костей находилось донышко толстостенного глиняного сосуда; еще несколько фрагментов керамики были найдены в других частях погребения. В районе таза располагались три бронзовые пуговицы, бронзовый колокольчик и медная китайская монета с девизом правления «Кай юань тун бао». Такие монеты выпускались в период с 618 по 964 гг., а это позволяет датировать погребение не ранее первой трети VII в. Хорошая сохранность монеты и нахождение ее вместе с колокольчиком на поясе погребенной женщины свидетельствует об использовании данной монеты в качестве украшения. Такое же назначение имел и колокольчик.

В погребениях женщин, относящихся к дарасунской культуре, браслеты, колокольчики (а вместе с ними и бубенчики) встречаются достаточно часто, причем о способе ношения последних на поясе свидетельствуют не только археологические материалы, но и данные китайских хроник [Кюнер, 1961, с. 50]. Более того, по этнографическим материалам мы можем даже предположить, что ношение колокольчиков и бубенчиков было эпатажем, прежде всего незамужних женщин, которые с их помощью привлекали внимание потенциальных женихов [Рерих, 1967, с. 53].

Наличие в погребении № 3 (мог. 27-й км) дугообразной по форме бронзовой нагрудной гривны можно считать фактом случайным. Ни в письменных источниках, ни в материалах погребений дарасунской культуры такие гривны не отмечены. Однако они широко представлены в

погребениях другой забайкальской культуры – бурхотуйской (V–IX вв.) и, судя по всему, являлись показателем определенной степени власти или знатности погребенных в курганах людей. При этом, формы, материал и пропорции бурхотуйских гривн значительно отличаются от гривны указанной выше. Это дает основание говорить нам о том, что у племен дарасунской культуры такие гривны не пользовались спросом, хотя и могли служить в качестве украшений. В пользу непопулярности данного вида украшений может свидетельствовать и грубая состыковка найденной гривны из обломков двух разных изделий с различным оформлением концов гривны.

Указанные материалы, таким образом, существенно расширяют наше представление о женских погребениях дарасунской культуры Восточного Забайкалья.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Е. В. Ковычев

Список литературы

Кириллов И. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, О. И. Кириллов. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 176 с.

Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока / Н. В. Кюнер. – М., 1961. – 587 с.

Рерих Ю. Н. Избранные труды / Ю. Н. Рерих. – М., 1967. – 574 с.

Burials of Darasunsky archaeological culture in the basin of Kuenga

K. Ya. Gultyaeva

Article is about female burials of Darasunsky archaeological culture. This culture dates back to the VI–IX centuries and located on territory of East Transbaikalia. Article information can extend the view of ethno-cultural situation of the region in the Middle Ages.

Keywords: Darasunsky archaeological culture, East Transbaikalia, burial

Гультяева Ксения Яковлевна
студент 4-го курса, Забайкальский государственный университет
e-mail: Gultyaevak2508@rambler.ru

Gultyaeva Kseniya Yakovlevna
student 4th year, Zabaikal State University
e-mail: Gultyaevak2508@rambler.ru

УДК 903.57

Погребальный обряд древних тюрков Казахского Алтая (по материалам могильника Каракаба)

Ж. М. Жалмаганбетов[1], М. Г. Ахметов[2], Н. А. Абдигали[1]

[1]*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан*

[2]*Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, Астана, Казахстан*

Изучение археологических культур в большинстве случаев основывается на анализе погребального обряда, так как он является важным источником для изучения истории и развития материальной и духовной культуры, а иногда это связано с малой изученностью или отсутствием других видов источников. Цель данного сообщения – дать анализ материалов, происходящих из пяти погребений древнетюркского времени могильника Каракаба Катонкарагайского района в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан.

Исследования древнетюркских памятников на этой территории проводились В. В. Радловым, Ф. Х. Арслановой, З. С. Самашевым [Арсланова, 1969].

Археологические раскопки на могильнике ведутся с 2012 г. сотрудниками Филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством З. С. Самашева [Исследования древетюркских памятников…, 2012]. Все археологические объекты привязаны к узкой речной долине, поэтому они квалифицированы как курганные группы и, соответственно, им присвоены номера – Каракаба-I, II, III, IV, V и т. д., начиная с дальней восточной точки.

За три полевых сезона исследовано пять курганов древнетюркского периода.

Наземные сооружения курганов (от 10 до 15 м в диаметре), возведены из колотого сланца с незначительным использованием речной гальки. Оно имеет округлую и прямоугольную в плане форму, по периметру укреплялось крупными камнями. Стоит отметить курган 12 и 13 группы Каракаба-II, соединенные между собой «перемычкой», так что они до разборки конструкции выглядели как восьмёркообразное сооружение. Можно предположить, что соединение курганов

таким образом подразумевает родство погребенных людей. Под насыпью фиксируются первоначальная форма наземных конструкций – подпрямоугольные ограды, ориентированные по сторонам света, внутри которых выявлены очертания «входного колодца».

Могильные ямы исследованных объектов имели прямоугольную или овальную в плане форму, были ориентированы по направлению северо-восток – юго-запад.

Все погребения имели сопроводительные захоронения коней, которые располагались на дне входного колодца. В одном кургане вместе с умершим были положены два коня, что, возможно, связано с верованием о длительном переходе в другой мир (рис. 1). Погребения с парным захоронением лошадей зафиксированы на Алтае в курганах могильника Узунтал и Юстыд XII [Савинов, 1982].

Внутримогильные конструкции всех пяти курганов схожи, но есть и свои особенности. При сооружении конструкций в стенках входного колодца вырубался подбой, на дно которого укладывали умершего человека и погребальный инвентарь. В двух случаях, курган 4 и курган 9, подбой выкапывался в северной стенке входного колодца, а в остальных – в южной.

Рис. 1. Могильник Каракаба-II, курган 4, парное захоронение коней

В кургане 12 в южной стенке входного колодца фиксируется кладка из плоских камней среднего диаметра, высотой в 4 ряда, которая выполняла функцию заклада прохода в подбой, а в 13 кургане вход в подбой был заложен камнями средних размеров в хаотичном порядке.

Внутримогильная конструкция курганов 12 и 13 состояла из входного колодца, на дно которого укладывали лошадь, короткого дромоса в 70 см, ведущего в подбой, и, собственно, самого подбоя.

В кургане 9 перекрытие входа в подбой состоит из двух слоев: размещенные вертикально четыре узкие плиты и деревянные жерди, стоящие под наклоном друг к другу вдоль всей стены. Три жерди более крупных размеров, по-видимому, являлись опорными. Перекрытие подбоя кургана 11 состоит из толстых веток кедра, средняя длина которых составляет 120 см. Высота подбоя от 1 до 1,5 м, ширина составляет до 1,3 м.

Умерших укладывали в вытянутом положении на спине, головой на восток – северо-восток, а сопроводительных лошадей – в противоположную сторону.

Под погребенным прослеживались сгнившие остатки деревянного настила, толщиной на некоторых участках до 1 см. Рядом с телом умершего клали заупокойную пищу на деревянном блюде, чаще всего это задняя часть лошади или барана [Самашев, 2014а].

Погребальный инвентарь соответствовал социальному положению, которое занимал при жизни умерший, и его роду деятельности. Так, к примеру, в курганах 4, 11, 12, помимо комплекса предметов вооружения – сабля, лук, колчан со стрелами и др., рядом с телом человека располагался музыкальный инструмент (рис. 2).

Музыкальные инструменты отличались друг от друга: в кургане 4 – остатки трехструнного музыкального инструмента, в кургане 11 обнаружен музыкальный инструмент с длинным грифом и корпусом ладьевидной формы, а в кургане 12 зафиксирован музыкальный инструмент хорошей сохранности, форма которого напоминает кобыз [Самашев, 2014б]. При раскопках кургана 13 обнаружена поделка из рога марала, напоминающая молот, а также один отросток рога, обрубленный у основания и обработанный особым способом. Возможно, данный предмет использовался для землеройных работ.

Рис. 2. Могильник Каракаба-I, курган 12, погребение человека с захоронением коня

Следует также отметить, что у троих погребенных на макушке черепа имеется идеально круглое искусственное углубление – срез костной ткани, диаметром в 4–5 см (трепанация). Скорее всего, это связано с культом шаманизма, с идеей непосредственного общения с небесным владыкой – Тенгри.

Исследованные памятники предварительно датируются VIII в. н.э.

Погребальная обрядность, зафиксированная на Каракабе, имеет большие сходства с синхронными памятниками сопредельных регионов и маркирует расселение одной из групп древнетюркских племен.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор З. С. Самашев

Список литературы

Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане / Ф. Х. Арсланова // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата : Наука, 1969. – С. 43–57.

Исследования древнетюркских памятников на Каракабе / З. Самашев, А. Е. Чотбаев, Ж. М. Жалмаганбетов, Б. М. Хасенова, Г. Киясбек, М. Г. Ахметов // Труды филиала Института археологии им А.Х. Маргулана. –Астана : Издат. группа ФИА им. А. Х. Маргулана, 2012. – Т. 2. – С. 163–167.

Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) / Д. Г. Савинов // Археология Северной Азии. – Новосибирск : Наука, 1982. – С. 102–122.

Самашев З. С. Культура ранних тюрков Казахского Алтая (по материалам некрополя Каракаба) / З. С. Самашев // Восхождение к вершинам археологии. – Алматы, 2014а . – С. 669–690.

Самашев З. С. Музыканты древнетюркской эпохи Казахского Алтая / З. С. Самашев // Культурное наследие. – 2014б. – № 5. – С. 29–41.

Funeral rites of the ancient Turks of Kazakh Altai (according to Karakaba repository materials)

Zh. M. Zhalmaganbetov, M. G. Akhmetov, N. A. Abdigali

The article discusses the funeral ceremony as one of the most important sources of cultural studies of ancient Turks Kazakh Altai. This is achieved by field archaeological materials Karakaba cemetery in eastern Kazakhstan. The article considers the five graves of ancient Turkic time, where a comparative analysis of the funeral rites was carried out, also their interpretation was provided.

Keywords: Ancient Turks, funeral rites, Kazakh Altai.

Жалмаганбетов Жалгас Маликович
докторант 1-го года обучения, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: Zhalgas_kostanai@mail.ru

Ахметов Мирхат Гадылбекович
инженер высшей категории, Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана

Абдигали Нуркен Абдигалиевич
студент 3-го курса, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: Nurkenabdigali@mail.ru

Zhalmaganbetov Zhalgas Malikovich
PhD 1st year, Eurasian National University named after L. N. Gumilev
e-mail: Zhalgas_kostanai@mail.ru

Akhmetov Mirkhat Gadilbekovich
researcher, Branch Institute of archaeology named after A. K. Margulan

Abdigali Nurken Abdigalievich
student 3rd year, Eurasian National University named after L. N. Gumilev
e-mail: Nurkenabdigali@mail.ru

УДК 903.02(470.5)

Проблемы изучения кушнаренковской и караякуповской гончарной традиции

А. С. Зеленков
Тюменский государственный университет, Тюмень

В середине 50-х гг. XX в. появились первые находки кушнаренковских и караякуповских сосудов. Данная посуда нехарактерна ни для одной другой известной в ту пору культуры средневековья Приуралья из-за специфической формы, тонкостенности и изящности орнамента. Сразу встал вопрос перед исследователями о ее происхождении. С того времени накоплен значительный керамический материал по ту и другую сторону Урала, однако систематических исследований на предмет истоков данной гончарной традиции сегодня нет. Поэтому, считаем необходимым обратиться к историографии вопроса, тем самым определить, какие проблемы стоят у исследователей при анализе данных керамических комплексов, а также сформировать план дальнейших исследований.

Все работы по изучению кушнаренковской и караякуповской посуды можно разделить на три группы, следуя логике эволюции методологических подходов к изучению гончарства: 1) эмоционально-описательный подход; 2) формально-классификационный подход; 3) историко-культурный подход [Цетлин, 2012, с. 30–38].

В рамках эмоционально-описательного подхода выделяется работа В. Ф. Генинга [Генинг, 1961]. Он дал описание морфологии, орнамента кушнаренковских сосудов, выдвинул предположение о составе формовочной массы и способе обработки поверхности. Им была предложена гипотеза о том, что истоки гончарства данных культур необходимо искать в Западной Сибири, основываясь на аналогиях из Перейминского, Потчевашского и Тюковского могильников и др. [Генинг, 1961, с. 329–336]. Г. И. Матвеева дала общее представление о караякуповской керамике, изложив разные стороны ее изготовления: своеобразие орнаментов («жемчужины», ямки, мелкая гребенка), форм (хорошо выраженная шейка, округлое или удлиненное тулово), способ конструирования (ленточный налеп) [Матвеева, 1968, с. 119–120]. По ее мнению формирование данной гончарной традиции происходило в лесостепи Западной Сибири – ареале бакальской культуры [Матвеева, 1968. с. 113–121]. Раскопки могильника Усть-Тара-7 и Красноярского городища позволили Е. М. Данченко установить, что «усть-тарские схожи по форме и пропорциям, но *отличаются иным набором фигурных штампов*, характерным для карымской керамики». Также он указал круг культур, в материалах которых следует искать истоки кушнаренковского и караякуповского гончарства – потчевашская (гор-

носталевский этап), карымская и саргатская [Данченко, 2008, с. 56–57].

Таким образом, анализ кушнаренковской и караякуповской керамики в рамках эмоционально-описательного подхода дал исследователям общие представления о формах и вариантах орнамента данных комплексов.

Первые попытки классификации кушнаренковской и караякуповской керамики были произведены В. Ф. Генингом [Генинг, 1972, с. 221–295] и Н. А. Мажитовым [Мажитов, 1977, с. 60–75]. Они установили основные варианты форм, орнаментов – признаки, которыми сегодня активно пользуются другие исследователи. Далее, с увеличением источниковой базы появляются более содержательные классификации кушнаренковской и караякуповской посуды, на основе которых решаются задачи хронологизации вариантов данной керамики. Так, В. А. Иванов детализировал набор признаков: кушнаренковские сосуды более высоких пропорций, обладают приплюснутым и шаровидным туловом; особенность караякуповской группы состоит в нанесении ямочных вдавлений с внутренней и внешней стороны сосуда [Иванов, 1999, с. 51–53]. По итогам обработки западносибирских материалов он делает вывод об истоках кушнаренковского и караякуповского гончарства в среде потчевашского и молчановского населения [Иванов, 1999, с. 66–68]. Н. П. Матвеевой был произведен анализ западносибирских экземпляров кушнаренковской посуды с Коловского городища. Выборка была проанализирована по основным показателям – форма, конфигурация венчиков и шеек, сочетание элементов орнамента [Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, с. 180]. Автором были предложены аналогии данной посуде из круга приуральских памятников: Куштерякское селище, Бирский, Манякский могильники и др. [Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, с. 184].

Обнаруженное разнообразие в керамических материалах кушнаренковских и караякуповских памятников на прошлых этапах исследований заставляет подходить к изучению данной гончарной традиции, следуя более строгой методической основе. Таковым сегодня является историко-культурный подход к изучению древнего гончарства, разработанный А. А. Бобринским [Бобринский, 1978].

Так, И. Н. Васильевой удалось определить различия на уровнях приспособительных навыков, отбора сырья и подготовки формовочных масс при изготовлении кушнаренковской и караякуповской посуды. По результатам бинокулярного анализа И. Н. Васильева пришла к выводу об ее прикамско-приуральских истоках [Васильева, 1993, с. 31–34, 44–46]. Н. П. Матвеевой и Л. С. Кобелевой на материалах могильников Устюг-1 и Козлов мыс-2 Нижнего Притоболья были определены схожие с приуральскими образцами рецепты формовочных масс с добавлением песка и шамота, орнаментальные мотивы. Главное отличие, по наблюдениям авторов, – присутствие в формовочных массах зауральской выборки дробленной жженой кости. Отсюда авторы делают заключение о сложении кушнаренковских комплексов в Приуралье в VI в., а устюжская коллекция отражает их ранние прототипы [Матвеева, Кобелева, 2013, с. 68–78].

Подводя итог историографии по проблеме изучения кушнаренковской и караякуповской керамики, можно сделать несколько выводов. В рамках описательно-эмоционального подхода и формально-классификационного у исследователей не сформировалось единых критериев оценки сосудов. Отсюда в работах присутствует «пестрота» в построениях типологий о сложении данной гончарной традиции. Представляется, что в этом лежит объективная причина – постепенное накопление материалов, начиная со второй половины XX в. по сегодняшний день, увеличивало не только количество, но их многообразие, из-за чего классификации дополнялись все новыми признаками.

Дальнейшие исследования могут выстраиваться на значительной коллекции кушнаренковской и караякуповской керамики, которая пополняется из года в год. На данный момент известно порядка 60 археологических комплексов, из них в Приуралье обнаружено около 40, в Западной Сибири – около 20, включая недавно открытые Устюг-1, Ревда-5 и Викуловское кладбище. Источниковая база позволяет ставить для будущих исследований следующие задачи: 1) обобщить и систематизировать имеющиеся материалы керамических комплексов кушнаренковской и караякуповской культур; 2) произвести корреляцию результатов технико-технологического и типолого-статистического изучения данных комплексов; 3) определить общее и особенное в орнаментальных традициях кушнаренковского и караякуповского гончарства разных регионов; 4) определить место данной гончарной традиции в рамках этнокультурной ситуации в раннем Средневековье.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Н. П. Матвеева

Список литературы

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М. : Наука, 1978. – 272 с.

Генинг В. Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. / В. Ф. Генинг // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 329–336.

Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) / В. Ф. Генинг // Проблемы археологии и древней истории угров. – 1972. – С. 221–295.

Васильева И. Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XII вв. / И. Н. Васильева. – Екатеринбург : Наука, 1993. – 245 с.

Данченко Е. М. К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и Средневековья / Е. М. Данченко // Проблемы Бакальской культуры. – 2008. – **С.** 45–60.

Иванов В. А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе / В. А. Иванов. – Уфа : Гилем, 1999. – 123 с.

Матвеева Г. И. Памятники I тыс. н.э. левобережья р. Белой / Г. И. Матвеева // Археология и Этнография Башкирии. – 1968. – Т. III. – С. 113–125.

Матвеева Н. П. Коловское городище / Н. П. Матвеева, С. В. Берлина, Т. Н. Рафикова. – Новосибирск, 2008. – 240 с.

Матвеева Н. П. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья / Н. П. Матвеева, Л. С. Кобелева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – №3 (22). – С. 68–78.

Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. / Н. А. Мажитов. – М., 1977. – 240 с.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода / Ю. Б. Цетлин. – М., 2012. – 379 с.

Problems of studing kushnarenkovo and kara-yakupovo pottery tradition

A. S. Zelenkov

In this article we are focused on studying historiography of kushnarenkovo and kara-yakupovo pottery tradition. We have summarized the problems that arise for researchers in the analysis of these types of ceramics, also offer a plan for further research.

Keywords: historiography, ceramics, kushnarenkovo and kara-yakupovo culture, Trans-Urals.

Зеленков Александр Сергеевич
магистрант 1-го года обучения, Тюменский государственный университет
e-mail: qvimen@hotmail.com

Zelenkov Aleksandr Sergeevich
graduate student 1st year, Tumen State University
e-mail: qvimen@hotmail.com

УДК 903/904

Проблемы изучения средневековой керамики Алтая

И. С. Караченцев
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

Керамика, как исторический источник, несет в себе значительный пласт историко-культурной информации и иногда является единственным источником для изучения, как отдельных памятников, так и целых археологических культур. Зачастую керамика является и так называемым хронологическим маркером, т. е. выступает элементом материальной культуры, на который может опереться исследователь в ходе датировки и определения культурной принадлежности того или иного памятника. Способствуют этому, прежде всего, такие факторы, как особенности состава формовочной массы и формовки сосуда, орнаментация, а также его назначение и практическое применение. Некоторые исследователи [Погодин, 1996, с. 67] утверждают, что древним общностям была присуща устойчивость керамической традиции, что дает возможность выявлять процессы развития культуры от момента формирования до её дальнейшей трансформации и проникновения в другие культуры.

Публикации, в которых содержатся упоминания о средневековой керамике Алтая, появляются с конца прошлого века. Исследователь С. М. Киреев пишет о том, что на поселении Майма-I был найден керамический материал раннего средневековья, в частности, керамика одинцовской культуры [Киреев, 1988, с. 163].

Находки керамики эпохи средневековья отмечаются в верхнем слое поселения Сары-Бел [Поселение Сары-Бел, 1995, с. 6–19]. Керамика представлена фрагментами баночного сосуда, орнаментированного «резцами животного и протаскиванием острого края орнаментира» [Поселение Сары-Бел, 1995, с. 15]. Далее авторы отмечают, что аналогий данному сосуду в Горном Алтае неизвестно. Также на поселении Сары-Бел был обнаружен фрагмент горшковидного сосуда, орнаментированного «горизонтальными линиями и заштрихованными треугольниками в результате протаскивания острого края инструмента» [Поселение Сары-Бел, 1995, с. 15], однако принадлежность его к средневековой керамике под сомнение ставят сами авторы.

Исследователь П. И. Шульга описывает средневековую керамику поселения Партизанская Катушка без определения более конкретной хронологической принадлежности. Главной проблемой изучения средневековой керамики автор считает слабую изученность поселений этого периода на Алтае [Шульга, 1998, с. 151]. Средневековая керамика на поселении представлена плоскодонными лепными сосудами двух типов: баночными и горшковидными.

А. Л. Кунгуров описывает средневековую керамику с верхних слоев поселения Тыкескень-3 [Кунгуров, 1994, с. 44].

Средневековую керамику памятника Тыткескень-VI описывает С. С. Матренин. Керамика представлена фрагментами семи сосудов [Матренин, 2007, с. 145–147].

Довольно подробно древнетюркскую керамику из погребально-поминальных памятников Алтая рассмотрели Г. В. Кубарев и А. Д. Журавлева. Главной проблемой изучения керамики данного периода авторы обозначают её малочисленность. Другой проблемой, по их мнению, является отсутствие раннесредневековой керамики на поселениях, как собственно и публикаций «по четко датированным древнетюркским поселениям» [Кубарев, Журавлева, 1998, с. 25].

Авторы рассмотрели серию сосудов из следующих памятников: могильники Кудыргэ; Курай III; Туэкта; Боротал II; Юстыд I; Калбак-Таш; Кара-Коба; Боротал I; Балык-Соок I; оградка Макажан; оградки № 2 на р. Юстыд [Кубарев, Журавлева, 1998, с. 25–28].

Авторы выделили три группы древнетюркской керамики по форме сосудов: вазообразные, горшковидные и баночные. Авторами сделан вывод о том, что определенные сосуды использовались в тех или иных целях. Для погребений не изготавливались специальные сосуды, а брались те, что использовались при жизни их владельцем. Также было отмечено, что древнетюркская керамика имеет черты преемственности с керамикой предшествующих периодов, но есть и формы сосудов, которые начинают развиваться лишь с приходом нового населения в I тыс. н.э. Авторы отмечают постепенное угасание «традиции керамического производства у древних тюрок Саяно-Алтая» [Кубарев, Журавлева, 1998, с. 29].

Краткий обзор истории изучения средневековой керамики показал, что по имеющимся на сегодняшний день материалам можно более подробно рассматривать лишь керамику раннего средневековья. По форме сосудов древнетюркскую керамику разделяют на три группы [Кубарев, Журавлева, 1998].

Первая группа сосудов представлена вазообразными изделиями, использовавшимися в быту для хранения жидких продуктов. Помимо формы эти сосуды отличаются относительно «богатым» декором и отгибом венчика наружу.

Вторая группа – горшковидные сосуды, «слабопрофилированные со слегка выделенным горлом и незначительно раздутым туловом, диаметр венчика приблизительно равен диаметру тулова». Появление горшковидной керамики, по мнению Г. В. Кубарева и А. Д. Журавлевой, связано с появлением нового населения. Аналоги такой посуды встречаются в Туве.

Третья группа – баночные сосуды, использовавшиеся для приготовления пищи, чрезвычайно редко встречаются на Алтае [Кубарев, Журавлева, 1998, с. 28].

Исследователи выделяют характерную технологическую черту для всех тюркских раннесредневековых сосудов – лепная техника изготовления, что совпадает с такими характеристиками, как «неаккуратность формовки, грубость формовочной массы, асимметричность форм, преимущественно небольшие размеры» [Кубарев, Журавлева, 1998, с. 27]. Также, в составе теста некоторых раннесредневековых сосудов присутствует дресва [Матренин, 2007, с. 145].

Что же касается орнаментации, то орнамент керамики раннего средневековья зачастую беден, либо вообще отсутствует. Встречаются резные линии, налепные шишечки, круглые ямочные вдавления по венчику, штамп встречается редко [Кубарев, Журавлева, 1998, с. 25–27].

Керамика других периодов средневековья на сегодняшний день по разным причинам не изучена. Одной из главных проблем изучения средневековой керамики является недостаточная изученность поселений Алтая, и практически полное отсутствие достоверно выделенных слоев эпохи средневековья на изученных поселениях. Кроме того стоит отметить тот факт, что большинство алтайских поселений содержат культурные слои различных исторических периодов, т. е. являются многослойными.

Еще одной проблемой изучения средневековой керамики является её немногочисленность в погребально-поминальных памятниках Алтая.

Сложность выявления раннесредневековой керамики в материалах открытых комплексов связана с тем, что она имеет черты преемственности с керамикой предшествующего периода.

Таким образом, на данный момент относительно подробные материалы имеются только по раннесредневековой керамике. Керамика развитого и позднего средневековья в закрытых памятниках отсутствует. Более того, памятники позднего средневековья на Алтае практически не изучались.

Одним из путей решения проблем изучения средневековой керамики является исследование керамики раскопанных ранее поселений, которые могут содержать находки средневекового периода. Основным же решением проблемы выделения средневековых материалов и выявления средневековых поселений будет целенаправленное исследование алтайских поселений.

В итоге можно сказать, что средневековая керамика нуждается в дальнейшем изучении, ведь учет типологического разнообразия и характерных особенностей керамики важен при рассмотрении всей материальной культуры средневекового периода.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент В. И. Соенов

Список литературы

Киреев С. М. Майминский археологический комплекс / С. М. Киреев // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 162–182.

Кубарев Г. В. Древнетюркская керамика Алтая / Г. В. Кубарев, А. Д. Журавлева // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1998. – № 3. – С. 25–31.

Кунгуров А. Л. Верхние культурные слои поселения Тыткескень-3 / А. Л. Кунгуров // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 43–58.

Матренин С. С. Находки предметов эпохи средневековья с памятника Тыткескень-VI / С. С. Матренин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2007. – С. 143–148.

Погодин Л. И. Керамика поздних памятников Саргатской культуры / Л. И. Погодин // Керамика как исторический источник. – Тобольск, 1996. – С. 67–69.

Поселение Сары-Бел / Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин, Н. Ф. Степанова, Н. Ю. Кунгурова // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – С. 6–19.

Шульга П. И. Поселение Партизанская Катушка на Катуни / П. И. Шульга // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 146–164.

The Problems of Study of Medieval Ceramics in the Altai

I. S. Karachentsev

The article considers the history of study of medieval ceramics in Altai. Moreover, with the given material, the main features of the ancient Turkic ceramics are described, such as shape, ceramic dough, molding composition and ornament. The main problem of studying medieval ceramics in the Altai is highlighted.

Keywords: Altai Mountains, pottery, Middle Age, Turkish time, Mongolian time.

Караченцев Иван Сергеевич
Студент 3-го курса, Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: ivankarachencev@gmail.com

Karachentsev Ivan Sergeevich
student, Gorno-Altai State University
e-mail: ivankarachencev@gmail.com

УДК 902

Погребальный обряд троицких мохэ по результатам раскопок археологического памятника Октябрьское, грунтовый могильник-1

С. Е. Кулигина
Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск

Выделение мохэской археологической культуры связано с именем А. П. Окладникова. Именно он впервые определенным памятникам I тыс., открытым в Приамурье и Приморье, дал этническую характеристику мохэских [Окладников, 1959]. Вслед за А. П. Окладниковым большой вклад в исследование мохэских памятников и изучение мохэской культуры внесли Е. И. Деревянко [Деревянко, 1975; 1977], О. В. Дьякова [Дьякова, 1984], С. П. Нестеров [Нестеров, 1998].

В погребальном обряде троицкой группы мохэ преобладал вторичный способ погребения умерших людей, первой фазой которого было наземное, воздушное захоронение. После наземного захоронения кости собирали и закапывали. При хорошей сохранности костей скелета в могиле им придавали примерный анатомический порядок. Череп укладывали преимущественно в северо-западной части могилы, а согнутые в коленях кости ног – в юго-восточной. Между ними располагались остальные кости [История Амурской области…, 2008, с. 101].

В 2013 г. территория Амурской области была подвержена сильному наводнению. Памятник Октябрьское, грунтовый могильник-1 оказался в зоне максимального затопления водой. Специалистами Центра по сохранению культурного наследия было принято решение о проведении срочных спасательных археологических раскопок наиболее сильно разрушающейся части памятника, выраженной в виде отдельно стоящего «острова» с обрушающимися крутыми склонами. Работы были выполнены в полевой сезон 2014 г., отрядом ГАУ «ЦСН Амурской области» под руководством директора Центра Д. П. Волкова при участии студентов БГПУ и школьников Амурской области.

В результате исследований на памятнике Октябрьское, грунтовый могильник-1 было раскопано более 90 кв. м площади памятника. Исследовано 8 погребений, из которых 4 были частично разрушены обрушающимися склонами.

Весь представленный керамический материал позволяет отнести исследованный памятник к троицкой группе мохэской археологической культуры [Деревянко, 1977].

Наиболее информативным оказалось погребение № 2. Это погребение было наиболее насыщенным по содержанию из всех исследованных. Оно содержало в себе человеческие костные останки, части трех сосудов (частично собранных в 3 различных развала), фрагменты лат-

ного доспеха в виде большого количества сильно коррозированных мелких фрагментов латных пластин. Помимо этого, оно имело деревянную обкладку, сооруженную на каркасе, выстланную листами бересты. Погребение представляло собой прямоугольную могилу с закругленным неровным контуром, заглубленную в грунт относительно древней дневной поверхности на 108 см. Захоронение проводилось по обряду вторичного погребения с укладкой погребального инвентаря в могилу. Погребальная камера имеет приготовленную конструкцию в виде деревянных плашек, установленных вертикально, по всей видимости, на заранее изготовленный каркас, застланный изнутри берестой. Обгоревшие деревянные конструкции и отсутствие следов огня на костных останках указывает на то, что погребальная камера была подвержена огненной обработке короткое время. Впоследствии, в нее были уложены кости погребенного и сопроводительный инвентарь – сосуды, латный доспех, части туши животного (кабана), которые частично присыпаны грунтом.

Важным итогом проведенных спасательных раскопок стало получение археологических коллекций с разрушающейся части памятника, пострадавшей в результате антропогенного воздействия и наводнения 2013 г. Отличительной чертой для данного могильника по отношению к другим троицким захоронениям является наличие погребальной конструкции в виде обкладки деревянными плашками, установленных вертикально, по всей видимости, на заранее изготовленный каркас, застланный изнутри берестой. В ходе раскопок других памятников троицких мохэ данного явления не наблюдалось.

Научный руководитель – Д. П. Волков

Список литературы

Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура / Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1975. – 250 с.

Деревянко Е. И. Троицкий могильник / Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1977. – 223 с.

Дьякова О. В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. / О. В. Дьякова. – М. : Наука, 1984. – 206 с.

История Амурской области с древнейших времен до начала 20 в. / под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Нестеров С. П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья / С. П. Нестеров. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 184 с.

Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья / А. П. Окладников. – Владивосток, 1959. – 291 с.

Funeral rites Trinity Mohe the results of excavations of archaeological monument Oktyabrskoe , ground burial-1

S.E. Kuligina

Article includes short information about excavation of archeological sites. (Octyabrskoye, Ground Burial-1). The article describes the burial rite the Trinity Mohe, also describes one of the most available to us burial. Herein shows the features of the burial.

Keywords: The Trinity Mohe, the rite of reinterment, funerary construction.

Кулигина Софья Евгеньевна
студент 2-го курса, Благовещенский государственный педагогический университет
e-mail: sofa-3095@mail.ru

Kuligina Sofiya Evgen'evna
student 2nd year, Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: sofa-3095@mail.ru

УДК 903.05

Производство бронзовых изделий в средневековом городище Талгар

С. П. Куркин
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Средневековое городище Талгар находится в 25 км от г. Алматы, на южной окраине г. Талгар. Раскопки на городище Талгар ведутся с 1955 г. и по настоящее время. Учеными было установлено, что в IX–X вв. город был крупным административным, политическим, культурным и торговым центром на Великом Шелковом пути, а своего рассвета Талгар достиг в XI – начале XII вв. Городище Талгар идентифицируется со средневековым городом Тальхир, упоминаемом в анонимном источнике «Худут аль-Алам» (982 г.).

В ходе изучения городища ученым удалось получить богатые коллекции керамики, стекла, резной кости, изделий из железа, чугуна, меди и сплавов на медной основе. Археологические материалы, полученные в ходе раскопок, давно привлекают внимание исследователей. Они изучались К. М. Байпаковым, Т. В. Савельевой, О. В. Кузнецовой, Н. М. Зиняковым, Т. С. Дощановой и др.

Медь с глубокой древности занимала значимое место в производственной жизни человека. Сплавы меди с оловом, свинцом, сурьмой, мышьяком и другими металлами называют бронзами. В зависимости от основного легирующего элемента, бронзы разделяются на оловянистые, мышьяковистые, сурьминистые и т. д. Физические и химические свойства бронз зависят от легирующих элементов и их количественного содержания в сплавах. В оловянистых бронзах, при увеличении содержания олова, возрастает прочность, но понижается пластичность металла.

В связи с увеличением количества олова меняется цвет бронз: от красного (при содержании меди не менее 90 %) до желтого (меди не менее 85 %), белого (меди – 50 %), серо-стального (меди не менее 35 %).

Об азиатских бронзах мы узнаем из трудов выдающегося ученого Ал-Бируни. По свидетельству Ал-Бируни, в странах Среднего Востока (современные Ирак, Иран и Афганистан) широко использовался сплав меди со свинцом. Этот сплав применялся для «выделки сосудов – чаш для питья, кувшинов для воды, лоханей и тазов для стирки одежды благодаря сравнительной малой его (сплава) ржавчине и загрязнению» [Бируни, 1963]. В XI в. различали несколько видов этого сплава: красный (из меди и свинца) и белый (из меди, олова и свинца) [Бируни, 1963]. Сплав меди со свинцом нередко называли «батруй» («дурная медь»). Характеризуя его Ал-Бируни обращает внимание на то, что «дурная медь не выдерживает длительной ковки и сильного огня» [Бируни, 1963]. Также Ал-Бируни отмечает, что «дурная медь» подходит для изготовления подсвечников, светильников, печных принадлежностей. Сплав меди, олова и свинца называли «исфизруй» («белая медь»).

В ходе развития городской экономики в городах Южного Казахстана происходит выделение медницкого дела в особую отрасль ремесленного производства. Повышение эффективности труда металлистов приводит к выделению специализированных мастерских, в которых трудились изредка упоминаемые в письменных источниках высококвалифицированные мастера-медники – *мисгары*.

Мастерские медников обнаружены на многих памятниках Южного Казахстана. Оборудование мастерской медника состояло из очага-горна, стола, ударного, опорного, режущего и захватывающего инструмента, глиняных тиглей и литейных форм.

Мастера-мисгары поставляли на рынок большой ассортимент изделий: кухонную утварь (кувшины, блюда, чаши, подносы, тазы, котлы), светильники и подставки под них, зеркала, ременные пряжки и накладки, элементы конской сбруи, украшения. Обнаруженные в ходе раскопок на городище Тальхир коллекции изделий из цветного металла свидетельствуют о высокой квалификации мастеров.

Коллекция бронзовых изделий городища Тальхир включает в себя как изделия местного производства, так и привозные. Мастерам средневекового Тальхира было известно большое количество способов производства изделий из меди и ее сплавов. Основными способами обработки меди и сплавов на медной основе являлись посадка металла, выколотка, отбортовка металла, изготовление изделий со швами, паяние, ручное тиснение (басма), чеканка, литье бронзы.

Посадка металла применялась при изготовлении изделий из плоской заготовки, стенки которой отгибались вовнутрь, приобретая вертикальное или несколько отогнутое наружу положение [Зиняков, 2014]. В ходе раскопок на городище Тальхир были обнаружены чаши, небольшие сосуды, котлы, изготовленные способом посадки.

Отбортовку применяли при изготовлении медных изделий, кромки которых должны быть

отогнуты наружу под каким-либо углом в виде бортика [Медведюк, 1970]. Подобная технология отмечена при производстве подносов, лоханей и т. п.

Выколоткой называется операция формообразования листового металла выбиванием или посредством посадки и выбивания, в результате чего получались изделия выпуклой формы [Медведюк, 1970]. По технике исполнения различают выколотку на стойке и выколотку на болванке [Зиняков, 2014]. С помощью первого способа мастерами удавалось получать изделия с округлой поверхностью в виде полусферы, полушара (котлы, котелки и др.). Второй способ позволял изготавливать изделия довольно больших размеров с небольшой выпуклостью и резкими переходами от днища к стенкам (подносы, блюда большого диаметра).

Паяние представляет собой способ получения неразъемного соединения металлических деталей при помощи расплавленных металлов или сплавов, называемых припоями [Медведюк, 1970]. Методы паяния подразделялись на два вида: паяние мягкими припоями (при температуре до 300º С) и паяние твердыми припоями (при температуре свыше 550º С). Паяние чаще всего использовалось при сборке изделий, состоящих из отдельных деталей (светильников, кувшинов).

Ручное тиснение рельефного изображения именуется термином «басма», что в переводе с тюркского языка означает «оттиск, отпечаток». В ходе раскопок на городище Тальхир было обнаружено более двух десятков предметов, выполненных способом ручного тиснения [Зиняков, Савельева, Коробкова, 2010].

Чеканная техника представляет собой технологический процесс изготовления рисунка, надписи, изображения, заключающийся в выбивании на пластине определенного рельефа.

Особое место занимает способ изготовления изделий со швами. Технология производства изделий со швами предполагала создание медных сосудов, состоящих из отдельных пластин и частей. Свидетельства об использовании данной технологии мы находим в трудах Ал-Бируни. В одном из разделов своего труда «Минералогия» он пишет: «И если человек, наблюдая, как мастер соединяет один лист с другим, как он делает в них зубцы, так, чтобы каждому зубцу на одном листе соответствовала выемка на другом, как сцепляет эти листы с помощью зубцов и как затем кует их молотком, - подумает, судя по аналогии, что части черепа соединены одна с другой зубцами и швами как это искусно устроено» [Бируни, 1963]. Археологические материалы свидетельствуют о том, что данная технология широко применялась медниками средневекового Тальхира. В ходе исследований археологами была накоплена большая коллекция изделий со швами. Наиболее яркими примерами являются сосуд с носиком, два полусферических котелка и два кувшина.

Таким образом, анализ археологического материала, технологии производства позволяют нам говорить о том, что медницкое ремесло было специализированной отраслью ремесленного производства и достигло высокого развития. Медники средневекового Тальхира отличались высоким уровнем мастерства.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Н. М. Зиняков

Список литературы

Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Бируни. – Л., 1963. – 518 с.

Зиняков Н. М. Басма средневекового Тальхира / Н. М. Зиняков, Т. В. Савельева, К. Ю. Коробкова // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. – Алматы, 2010. – С. 206–210.

Зиняков Н. М. Технология ремесел средневековых городов Казахстана / Н. М. Зиняков. – Кемерово, 2014. – 238 с.

Медведюк Н. И. Медницко-жестяницкие работы / Н. И. Медведюк. – М. : Высшая школа, 1970. – 480 с.

Production of bronze products in the medieval city of Talgar

S. P. Kurkin

Article is devoted to the production technology of bronze products in the medieval city of Talgar. Types of bronze products, ways of processing are analyzed.

Keywords: production technology, bronze products, Great Silk Way.

Куркин Степан Петрович
студент 5-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: stefardkur@mail.ru

Kurkin Stepan Petrovich
student 5th year, Kemerovo State University
e-mail: stefardkur@mail.ru

УДК 904

Опыт строительства (реконструкции) раннесредневекового жилища в Амурской области

Я. М. Мамуль
Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск

В археологической практике большое значение придается экспериментальным исследованиям (расщепление камня, воспроизведение гончарного производства, в металлургии – бронзы и железа, в музейном деле и др.). Реконструкция жилищ имеет также большое значение для археологии. Возводя древнюю конструкцию, можно детально понять принцип строительства, плюсы и минусы используемого материала. Необходимо рассчитать нагрузки, определенную структуру кровли с учетом вариантов утепления, систему отопления. Главное, с помощью такого эксперимента на практике можно применить и опробовать условия строительства, и жизни в реконструированном объекте.

В данной статье рассматривается описание процесса строительства (реконструкции) средневекового жилища населения Западного Приамурья, возникшие трудности в ходе работы и поиски их преодоления. Данный эксперимент проводился для того, чтобы на практике проверить теоретические данные, полученные в результате предыдущих раскопок средневековых жилищ михайловской и мохэской культуры. Нами сознательно были использованы современные строительные материалы (рубероид, гвозди) для придания прочности и долговечности конструкции и возможности ее безопасного использования в популяризационных и туристических целях.

Памятники археологии, относящиеся к мохэской раннесредневековой культуре, впервые выделены А. П. Окладниковым, и с 1953 г. началось их интенсивное исследование в Приморье, а затем на Амуре в 1959 г. [Окладников, 1959]. На сегодняшний день на территории Дальнего Востока исследовано несколько десятков раннесредневековых жилищ. В большинстве случаев авторы исследований предлагают графическую реконструкцию древних построек [Деревянко, 1981; Материалы и исследования…, 2009; Материалы и исследования…, 2010; Волков, 2011].

Для проведения эксперимента по строительству (реконструкции) жилища за основу было взято раскопанное на Михайловском городище на р. Завитой жилище № 5 михайловской культуры с элементами конструкции жилищ мохэ троицкой группы поселения Осиновое Озеро в Константиновском районе Амурской области. Местом для строительства (реконструкции) жилища был выбран раскопанный и рекультивированный в 2009 г. участок поселения Осиновое Озеро.

На первом этапе выполнены работы по подготовке ландшафта. Убрали дерн, выкопали котлован 4×4 м и 60 см в глубину от современной поверхности земли. Подготовили 4 ямы глубиной 50 см в углах котлована. Еще 4 ямы такой же глубины – в 1,5 м от углов в направлении к центру жилища.

Высота угловых столбов после укрепления их в ямах составила 1 м, центральных опорных – 2,5 м от дна котлована. Каркас рамы-основы был собран частями. Два нижних бревна уложили концами на угловые столбы с западной и восточной стороны котлована. С северной и южной стороны были соответственно уложены верхние бревна рамы с опорой на нижние. Концы бревен выступали за линию котлована и образовывали внешний прямой угол. В качестве угловых стропил использовали некалиброванный брус, установленный на раму обвязку в специально подготовленные пазы. В результате в верхней части жилища образовался пучок стропил.

Для обшивки стен котлована были использованы доски-горбыль, поставленные вертикально вплотную друг к другу по периметру котлована. Их плоская часть устанавливалась к стенке котлована, а выпуклая к внутреннему пространству. Нижние концы плашек, упиравшиеся в дно котлована, дополнительно фиксировались досками, поставленными на ребро, а верхние крепились с внешней стороны рамы-основы не выше середины бревна. После обшивки стен в углах рамы-основы осталось незакрытое пространство-щели. Их закрыли изнутри досками. Углы жилого пространства оказались закругленными.

Доски скатов кровли стелились так, что их нижние концы упирались в землю и опирались на раму основу, средняя часть крепилась к раме-обвязке, а верхняя – к раме-трубе. Пустота, образовавшаяся между нижней частью ската досок и стеной жилищем, позже укреплялась грунтом для большей герметизации и сохранения тепла внутри помещения.

Дверной проем установили с западной стороны жилища. Верх дверного короба был прикреплен к специально прибитой доске, а низ – к доске, которую положили на бревно рамы-основы. Она же и послужила первой верхней ступенью лестницы в жилище.

Для гидроизоляции скаты кровли были обшиты рубероидом (в средние века использовали бересту). Теперь вода, стекающая с кровли, не попадала внутрь и отводилась от жилища. Так как рубероид пришивали по принципу «панциря», то остались стыки. На стыки были прибиты неширокие горизонтальные доски. Между ними укладывался дерн толщиной примерно 5 см. Через несколько дней дерн прижился за счет корневой системы.

Вопрос с прикрытием дымового отверстия от осадков был решен путем изготовления специального козырька. Состоял он из двух одинаковых деревянных щитов, сбитых между собой. Соединение их на коньке прикрывалось напуском одного над другим. Расположили щиты соответственно с южной и северной стороны постройки.

Для входа и выхода из жилища была сооружена лестница длиной около 1 м прямо под дверным отверстием. Сконструировали и установили в помещении нары вдоль южной и северной стены. Нары состояли из трех бревен и уложенных на них четырех досок длиной 3 м.

В середине жилища для очага была выкопана прямоугольная яма глубиной около 15 см. Дно выстлали берестой, а сверху насыпали слой песка и грунт. Изготовили деревянную раму-обкладку и установили ее в очаге.

Выполненная работа позволила на практике опробовать теоретические знания, накопленные исследователями прошлых лет, несколько по иному взглянуть на детали графических реконструкций и особенности расположения археологического материала в ходе археологических раскопок и последующей его интерпретации.

Научный руководитель – д-р ист. наук
С. П. Нестеров

Список литературы

Волков Д. П. Домостроение найфельдской группы мохэ в Восточной Азии / Д. П. Волков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология: Археология и этнография. – 2011. – Т. 10, вып. 7. – С. 176–182.

Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье / А. П. Деревянко, Ким Бон Гон, С. П. Нестеров, Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сон, Я. Ю. Хабибуллина. – Тэджон : Изд-во Гос. исслед. Ин-та культ. наследия, 2009. – Вып. II: Раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. – 286 с.

Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье / А. П. Деревянко, Ким Ён Вон, С. П. Нестеров, Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Джи Сон, Л. Н. Мыльникова, Я. Ю. Лоскутова, О. А. Шеломихин, Пак Джон Сон, Ли Кён Ха. – Тэджон : Изд-во Гос. исслед. Ин-та культ. наследия, 2010. – Вып. III: Раскопки раннесредневекового поселения Осиновое Озеро в 2009 году. – 317 с.

Деревянко Е. И. Племена Приамурья. I тысячелетие нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры) / Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1981. – 333 с.

Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья / А. П. Окладников. – Владивосток, 1959. – 291 с.

Experience in construction (reconstruction) of early medieval, moheskogo home in the Amur region

Ya. M. Mamul

This article describes a detailed description of the reconstruction of a medieval dwelling belonging to the tribes Mohe, provides detailed step-by-step construction, difficulties encountered during the work and the search for their solutions. This experiment was conducted in order to verify in practice the knowledge obtained from previous excavations of medieval dwellings of above described tribe.

Keywords: reconstruction, the early middle Ages, experiment, Amur region.

Мамуль Ян Михайлович
студент 3-го курса, Благовещенский государственный педагогический университет
e-mail: mamul.93@mail.ru

Mamul Yan Mihailovich
Student 3rd year, Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: mamul.93@mail.ru

УДК 902.63

Место Лебединского клада в относительной хронологии раннесредневековых комплексов Кузнецкой котловины

Р. А. Мартюшов

Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета, Новокузнецк

Комплекс предметов, ныне известный как «Лебединский клад», был обнаружен в 1988 г. жителями д. Лебеди Промышленновского р-на Кемеровской области в ходе земляных работ на огороде. В. В. Бобров опросил находчиков и обследовал место, где были найдены вещи. На основе полученной информации был сделан вывод о том, что данный комплекс предметов является кладом [Бобров, Добжанский, 1989].

В состав клада входят 72 предмета из бронзы и серебра, а также бусы и раковина каури. Металлические предметы представлены лунницами (двух типов); двухчастными прорезными подвесками с перемычками и тремя круглыми бляшками (двух типов, один из них В. В. Бобров предложил считать пряжками); коробчатыми безъязычковыми колокольчиками арочной формы с подтреугольной петлёй; коническими гранеными колокольчиками с широким основанием и отверстием около петли (двух типов); колоколовидным изделием с петелькой и симметрично вогнутыми краями; колоколовидными подвесками; солярными бляхами (двух типов); каплевидными подвесками (видимо, пуговицами); цилиндрическими бусами; гривной; перстнем; элементами поясной гарнитуры геральдического типа — псевдопряжками; наконечниками ремней с прямым основанием; фигурными накладками.

Лебединский клад уже представлен в нескольких публикациях [Бобров, Добжанский, 1989; Кузнецова, 2002; Бобров, 2002; Бобров, Васютин, Онищенко, 2010; Васютин, 2010], где дается более подробное описание предметов и рисунки основных категорий находок [Бобров, 2002, рис. 1]. Там же была предложена и их датировка. В. В. Бобров и В. Н. Добжанский датируют клад в широком диапазоне – концом VI – началом VIII вв. н.э., в узком – второй половиной VII – первой половиной VIII вв. н.э. При этом допускалось, что бытование нескольких предметов может выходить за рамки предложенной широкой хронологии. С такой датировкой соглашаются и другие исследователи [Илюшин, 2005, с. 25]. Предложенная датировка обосновывалась поиском аналогий предметам из клада в других комплексах. Отмечалось, что широкая хронология соответствует хронологии рёлкинской культуры, а узкая основана на представлениях о распространении геральдической поясной гарнитуры в комплексах Южной Сибири. Следует отметить, что по мнению ряда исследователей геральдические бронзы бытовали в комплексах верхнеобской (рёлкинской) культуры даже после VIII в. [Плетнева, 1984, с. 77; Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 105–106].

Из предлагаемой для Лебединского клада хронологии логически выходит, что если на территории Алтая на рубеже кудыргинского (вторая половина VI – первая половина VII вв. н.э.) и катандинского (вторая половина VII – первая половина VIII вв. н.э.) этапов геральдические бронзы исчезают [Тишкин, 2006, с. 37–39], то у населения Кузнецкой котловины они продолжают существовать. Столь поздние даты для геральдических поясных гарнитур исследователи обосновывают не только «запаздыванием» культурного влияния на население Кузнецкой котловины со стороны алтайского (древнетюркского, по мнению большинства исследователей), но и предположением об угорском, уральском влиянии [Бобров, Васютин, Онищенко, 2010, с. 33–34], где наблюдается самостоятельная линия развития геральдического стиля поясной гарнитуры в женских поясах неволинского типа [Голдина, 2012, с. 36].

Чтобы проверить этот вывод об уникальности культурного развития верхнеобского региона в период раннего средневековья, был проведен корреляционный анализ распределения кудыргинских и катандинских типов изделий в погребальных памятниках верхнеобской культуры. Всего было проанализировано 144 комплекса из 6 могильников Кузнецкой котловины (Ваганово, Есауловка, Калтышино-2, Саратовка, Сапогово, Шестаки-2).

В результате было выявлено, что ни в одном комплексе с катандинскими типами изделий не встречается поясная гарнитура, выполненная в геральдическом стиле. В то же время, в комплексах с геральдическими бронзами отмечены и иные изделия, встреченные в составе Лебединского клада. Таким образом, нет оснований датировать Лебединский клад временем более поздним, чем VII в. н. э. С тимирязевского этапа верхнеобской культуры население Кузнецкой котловины испытывало все возрастающее разностороннее влияние со стороны тюрок, что находило отражение и в материальной культуре. Мода на геральдическую поясную гарнитуру у населения Кузнецкой котловины и населения Алтая исчезает одновременно, о чем говорит отсутствие заимствований асинхронного характера.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Ю. В. Ширин

Список литературы

Бобров В. В. Атрибуты шаманского костюма из клада у села Лебеди (Кузнецкая котловина) / В. В. Бобров // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб., 2002. – С. 206–212.

Бобров В. В. Лебединский клад / В. В. Бобров, В. Н. Добжанский // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск, 1989. – С.133–135.

Бобров В. В. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье / В. В. Бобров, А. С. Васютин. С. С. Онищенко. – Кемерово : ИНТ, 2010. – 276 с.

Васютин А. С. Кочевнические компоненты в материальной культуре населения верхнеобской культуры Кузнецкой котловины (VII–X вв. н.э.) / А. С. Васютин // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 103–115.

Голдина Р. Д. Неволинский могильник VII–IXвв. н.э. в Пермском Предуралье / Р. Д. Голдина. – Ижевск, 2012. – 472 с.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья / А. М. Илюшин. – Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.

Кузнецова Л. Ф. Археологическая коллекция Кемеровского областного краеведческого музея. Научное описание и использование / Л. Ф. Кузнецова // Наука и музей. – Кемерово, 2002. – С. 85–87.

Плетнева Л. М. Погребения IX–X вв. в Томском Приобье / Л. М. Плетнева // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. – Томск : Изд-во Том ун-та, 1984. – С. 64–87.

Тишкин А. А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук / А. А. Тишкин. – Барнаул, 2006. – 58 с.

The Lebedinskiy buried treasure in relative chronology of early medieval complexes from Kuznetsk Basin

R. A. Martyushov

The article deals with a dating of the Lebedinskiy buried treasure. That complex is dated by author as belonging to the VIIth century, based on correlation analyses of funeral assemblages of early medieval times from Kuznetsk Basin.

Keywords: Kuznetsk Basin, early Middle Ages, chronology, correlation analyses

Мартюшов Роман Андреевич
студент 5-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: martyushovromanandreevich@gmail.com

Martyushov Roman Andreevich
Student 5th year, Kemerovo State University
e-mail: martyushovromanandreevich@gmail.com

УДК 902.01

Браслеты Армиевского могильника (к вопросу о типологии и хронологии)

О. В. Мясникова

Пензенский государственный краеведческий музей, Пенза

Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия, Саранск

На территории Пензенской области располагается интереснейший памятник, относящийся к мордовской культуре, – Армиевский могильник, функционировавший в эпоху Великого переселения народов. Этот памятник свидетельствует о сложном этнокультурном характере формирования и развития древнемордовского населения. Этот процесс нашел отражение в предметах материальной культуры, в том числе и женских украшениях, к которым относятся и рассматриваемые в настоящей статье браслеты.

Всего обнаружено 61 экз. данного вида украшений, по преимуществу в женских и детских (девичьих) захоронениях. При обработке материала использовались непосредственно коллекционные предметы. В то время, когда плохая сохранность вещей не позволяла провести необходимую калибровку, мы использовали рукописи и отчеты авторов раскопок [Полесских, 1960; 1961; 1969].

В процессе разработки типологии учитывались работы П. С. Рыкова [Рыков, 1930, с. 24–25] и коллективный труд «Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья» [Хронология могильников населения…, 2008].

По материалу браслеты были разделены на группы, по форме поперечного сечения – на отделы, по оформлению концов – на типы и по особенностям орнаментации – на подтипы.

Группу I составляют браслеты, выполненные из бронзы.

Отдел А – браслеты из дрота округлого сечения.

Тип 1. С прямыми обрубленными концами.

Подтип а (погребения 52, 62, 63, 152, 89, 126, 191). Без орнамента. У браслетов из погребения 152 концы почти на одну треть от окружности заходят друг на друга. Поясная гарнитура является хорошим хронологическим индикатором, поэтому погребение 89 можно уверенно датиро-

вать VI–VII вв. В нем была обнаружена пряжка с инкрустацией из драгоценного камня, что является «подражанием золотым и серебряным пряжкам «полихромного стиля» [Ковалевская, 1972, с. 97, 104]. В. В. Гришаков считает, что в захоронении 89 нет вещей, позднее V в. [Гришаков, 2004, с. 19].

Подтип б (погребение 187). По три насечки на концах (рис. 1, *1*). Сосуды с усеченно-сфероконическим туловом и раструбообразным горлом, как и в захоронении, появляются в Верхнесурских памятниках только в VI в. [Гришаков, 1993, с. 83].

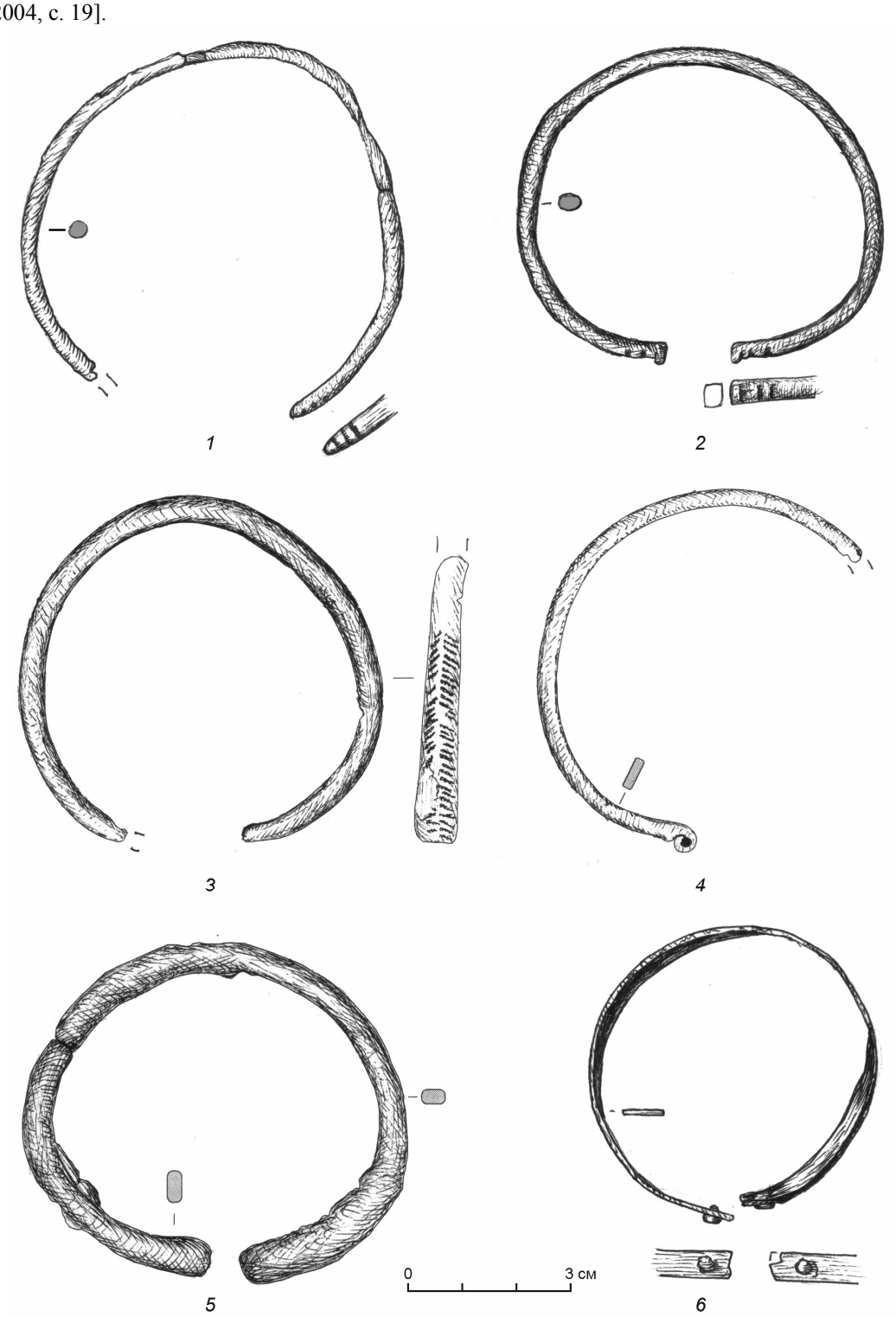


Рис. 1. Браслеты Армиевского могильника
1 – погребение 187 (IА1б), 2 – погребение 215 (IА2), 3 – погребение 32 (IА5в), 4 – погребение 12 (IБ1а), 5 – погребение 72 (IБ2а), 6 – погребение 230 (IВ1а)

Тип 2 (погребения 215, 239). С прямыми концами, имеющие поперечные желобки (рис. 1, *2*).

Тип 3. С равноутолщающимися концами.

Подтип а (погребения 89, 130, 136). Без орнамента.

Подтип б (погребения 51, 97, 111). На концах орнамент в виде двух рядов насечек «елочкой». Пряжку с овальным кольцом рамки и изогнутым в средней части, выходящим за рамку хоботковидным язычком из погребения 111, одни исследователи датируют V – первой половиной VI в. [Богачев, 1992, с. 148, 152], другие ограничивают V в. [Гришаков, 2004, с. 19].

Тип 4. С расплющенными прямообрубленными концами.

Подтип а (погребения 191, 230). Без орнамента. В погребении 191 обнаружена поясная гарнитура, датирующаяся исследователями третьей четвертью VI – началом VII в. [Гавритухин, 2001, с. 58]. Подтип б (погребения 65, 81, 87). Концы орнаментированы тремя рядами точек. У браслета из погребения 65 весь стержень орнаментирован насечкой в виде «елочки». В погребении 81 концы немного заходят друг за друга.

Погребение 87 В. В. Гришаков относит к V в. [Гришаков, 2004, с. 19], чему не противоречит и инвентарь захоронения, среди которого обнаружена бляха, бытовавшая в это время.

Тип 5. С расплющенными остроугольными концами.

Подтип а (погребения 31, 61). Без орнамента. Вместе с браслетом в погребении 31 находилась пельтовидная трехрогая лунница. Подобные подвески появились в Верхнем Посурье вместе с представителями именьковского населения в начале – первой половине V в. [Мясникова, 2014а, с. 11]. Кроме того, лунницы были обнаружены в погребениях 3 (IВ1б), 12 (IБ1а), 32 (IА5в; IIА1а).

Подтип б (погребение 94). Концы орнаментированы тремя рядами точек.

Подтип в (погребение 32). На концах орнамент в виде двух рядов насечек «елочкой» (рис. 1, *3*).

Тип 6 (погребения 87, 147, 177, 230). С несохранившимися концами. У большинства диаметр дрота к концам уменьшается. Обнаруженный в погребении 177 однолезвийный меч М. Р. Полесских относит к позднему этапу функционирования памятника и датирует VI–VII вв. Подобные мечи найдены в Борковском могильнике [Полесских, 1968, с. 198–201].

Отдел Б. Из четырехгранного дрота.

Тип 1. С отогнутыми в виде завитков концами.

Подтип а (погребение 12). Точечный орнамент близ концов (рис. 1, *4*).

Тип 2. С расплющенными прямообрубленными концами.

Подтип а (погребение 72). Близ конца браслета имеется на лицевой стороне орнамент насечкой с добавочной грубой двойной насечкой, переходящей на верхнюю плоскость (рис. 1, *5*).

Отдел В. Пластинчатые.

Тип 1. С расширенными закругленными концами.

Подтип а (погребения 198, 230). Насечки по краю расширенных концов (рис. 1, *6*).

Подтип б (погребение 3). Чеканные полушария расположены по две вертикально вдоль несомкнутых концов и по одной ближе к стержню, образуя неправильный треугольник. Полушария окружены точками.

Группа II состоит из браслетов, выполненных из железа.

Отдел А. Из дрота округлого сечения.

Тип 1. С утолщенными концами.

Подтип а (погребения 32, 60). Без орнамента.

Таким образом, мы видим, что от более тонких, изящных, орнаментированных браслетов (IА4б, IА5а, IА5в, IБ1а, IВ1б, IIА1а) идет переход (IА3а, IА3б) к более грубым, неорнаментированным, однотипным (IА1а, IА1б, IА4а) изделиям. По всей видимости, это было связано с постепенным нарушением прежних торговых связей мордвы, вызванным движением готов [Мясникова, 2014б, с. 618] и совпавшим с началом милитаризации древнемордовского социума. Вполне возможно, что на изменение форм наручных украшений оказали влияние тенденции кочевнической моды, наиболее заметно отразившейся в предметах поясной гарнитуры.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор В. В. Ставицкий

Список литературы

Богачев А. В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования / А. В. Богачев. – Самара : Артефакт, 1992. – 207 с.

Гавритухин И. О. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек / И. О. Гавритухин // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). – Самара : Самар. обл. ист.-краевед. музей, 2001. – С. 31–86.

Гришаков В. В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья / В. В. Гришаков. – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 1993. – 204 с.

Гришаков В. В. Ранняя стадия армиевского периода пензенских могильников (К проблеме соотношения тезиковских и армиевских комплексов) / В. В. Гришаков // Историко-культурное развитие народов Среднего Поволжья: традиции и инновации. – Саранск, 2004. – С.16–20.

Ковалевская В. Б. Башкирия и евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) / В. Б. Ковалевская // Проблемы археологии и древней истории угров. – М., 1972. – С. 95–117.

Мясникова О. В. Подвески-лунницы из захоронения Армиевского могильника / О. В. Мясникова // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2014а. – №2 (30). – С. 7–12.

Мясникова О. В. Мордва в эпоху Великого переселения народов / О. В. Мясникова // Известия Самарского НЦ РАН. – 2014б. – Т. 16, № 3(2). – С. 617–619.

Полесских М. Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1960 году / М. Р. Полесских // Рукопис. фонд Пенз. гос. объед. краевед. музея. № 341.

Полесских М. Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1961 году / М. Р. Полесских // Рукопис. фонд Пенз. гос. объед. краевед. музея. № 644.

Полесских М. Р. Боевое оружие и снаряжение из могильников Армиевского типа / М. Р. Полесских // СА. – 1968. – №1. – С. 198–207.

Полесских М. Р. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1969 году / М. Р. Полесских // Рукопис. фонд Пенз. гос. объед. краевед. музея. № 445.

Рыков П. С. Культура древних финнов в районе р. Уза / П. С. Рыков. – Саратов : Изд-во Ниж.-Волж. ин-та краеведения при Саратов. ун-те, 1930. – 82 с.

Хронология населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья / В. И. Вихляев, А. А. Беговаткин, О. В. Зеленцова, В. Н. Шитов – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 2008. – 352 с.

Armievo's burial ground bracelets (to the question of typology and chronology)

O. V. Myasnikova

The article describes the development of Armievo's burial ground bracelets. The typology was built and the relative chronology of the accompanying material traced for this. The material bracelets were divided into groups, based on the cross-sectional shape – on the branch, on design endings – on the types and on the characteristics of ornamentation - into subtypes. As a result, it became clear that some «degradation» is traced in the development of this type of jewelry. This is probably connected to the gradual loss of former trade relations of Mordovians caused by the moving of Goths and matched with the beginning of militarization.

Keywords: ancient Mordovians, Armievo burial ground, braslets, a typology.

Мясникова Олеся Васильевна
аспирант 2-го года обучения, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия;
научный сотрудник, Пензенский государственный краеведческий музей
e-mail: olesyamyasnikova@mail.ru

Myasnikova Olesya Vasilevna
Postgraduate student 2nd year, Research Institute under the Government of the Republic of Mordovia;
Researcher, Penza State Museum
e-mail: olesyamyasnikova@mail.ru

УДК 93/94 (571.54/55)

Женские украшения из средневековых погребений Восточного Забайкалья

Л. И. Носова
Забайкальский государственный университет, Чита

Роль погребений, как важного источника по реконструкции материальной и духовной культуры средневекового населения не только Восточного Забайкалья, но и других регионов, чрезвычайно велика. В потусторонний мир сородичи отправляли с умершим многое из того, чем он пользовался в реальной жизни, что ему было дорого и важно, включая предметы быта и украшений. Особенно это касается женских погребений, в которых предметы украшений занимают едва ли не первое место среди остальных находок. Но даже среди них выделяются своими необычными формами изделия, которые можно рассматривать в качестве «статусных» или «престижных» украшений. Многие из них, к тому же, изготовлены из цветных или драгоценных металлов, что только подчеркивает особую роль тех лиц, которым они принадлежали. На характеристике некоторых таких украшений, происходящих из средневековых памятников Восточного Забайкалья, мы бы и хотели остановиться.

В 1972 г. в 2 км северо-восточнее с. Ононск Оловяннинского района Е. В. Ковычевым было раскопано женское погребение, датированное предварительно XV–XVI вв. – временем, когда в нижнем течении р. Онон стали расселяться племена «конных эвенков». Материальная и духовная культура их была близка культуре степных монголов, под влиянием которых они находились в монгольский период. Возможно, что данное погребение также принадлежало «конным тунгусам», поскольку сами монголы к этому времени уже покинули степи Прононья.

Скелет был разрушен грабителями в нижней своей части, тогда как остальные кости сохранили анатомический порядок. У него, в частности, не хватало нижних костей ног, а лучевая кость руки, ключица и три ребра располагалась выше черепа. Женщина была похоронена в земле, на глубине 120 см, в вытянутом положении, головой на северо-восток.

На позвонках и тазовых костях погребенной было обнаружено несколько десятков раковин «каури» и небольших серебряных бляшек, напоминавших букву «Х», с перехватом в центральной части. Они лежали в две линии – от таза к голове и смыкались с несколькими рядами более простых по форме бронзовых бляшек. Последние, вместе с раковинами «каури», окружали череп в виде сплошной полосы в три ряда, являясь, по-видимому, украшением головного убора. Причем под черепом бляшки лежали более широкой полосой – в 4–5 рядов, обращенные лицевой частью к дну могильной ямы. Они достаточно четко обрисовывали нижний край головного убора. Скорее всего, он имел коническую или полуконическую форму, на что указывало темное удлиненное пятно, с остатками кожаной гни-

ли и бересты за черепом. Всего было найдено 20 раковин «каури», 55 серебряных и 159 бронзовых бляшек и одна бисерная бусинка из стекла. С обеих сторон черепа лежали крупные серьги-подвески, в виде четырёхлепесткового цветка. Они были изготовлены из круглой серебряной проволоки, которая, в свою очередь, была обмотана тонкой серебряной нитью. Массивность подвесок позволяет предполагать, что вместе с раковинами «каури» и серебряными бляшками, они были прикреплены к двум косам женщины при посредстве тонких ремешков и опускались в сторону таза [Ковычев, 2004, с. 90].

Не менее массивные серебряные серьги-подвески, но уже спиралевидной формы, были обнаружены в монгольском погребении могильника Арын-Жалга у с. Будулан Агинского района. Они были изготовлены из серебренной уплощенной проволоки, закрученной в спираль, и имели овальное крепление вверху. По составу инвентаря и погребальному обряду данное погребение датируется XIII–XIV вв.

Еще одни серьги-подвески, закрученные в спираль, но меньших размеров, были найдены в монгольском погребении на р. Шилке в пади Ишихан, вблизи с г. Шилка. От остальных они отличались и тем, что были закреплены на серебряной цепочке, которая затем крепилась к косам.

Несмотря на то что серьги-подвески комбинированного типа были широко распространены в этом регионе не только у монголов, но и у бурят, и у эвенков, полных аналогий указанным изделиям найти не удалось. Преемственность наблюдается только в использовании геометрических (спираль) и растительных (четырехлепестковая розетка) орнаментальных мотивов. Но эти виды орнамента уходят своими корнями еще в хунно-сяньбийскую, а затем и в тюркскую эпохи. В монгольский период, как мы видели, они также получают свое развитие, причем в достаточно специфической форме. Использование серебра только усиливает эту специфичность. Зато в более позднее время данные виды орнамента стали использоваться для украшения уже других предметов и по другому назначению.

Забайкальские материалы, таким образом, позволяют полнее представить особенности материальной культуры местных племен в средневековую эпоху.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Е. В. Ковычев

Список литературы

Ковычев Е. В. Далекое прошлое Поононья / Е. В. Ковычев // История и география Оловяннинского района. – Чита : Поиск, 2004. – С. 4–96.

Female ornaments of medieval burials of Eastern Transbaikalia

L. I. Nosova

Article is devoted to the female ornaments found in medieval burials on the territory of Eastern Transbaikalia. This material extends the knowledge about the features of the material culture of the local tribes in the Middle Ages.

Keywords: Transbaikilia, burial, material culture.

Носова Любовь Ивановна
студент 4-го курса, Забайкальский государственный университет
тел. +7-914-490-18-25

Nosova Lubov' Ivanovna
student 4th year, Zabaikal State University
tel. +7-914-490-18-25

УДК 903.29(470.53)

Ювелирные техники на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья: чеканка

А. В. Пермякова
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Среди ювелирных украшений, происходящих с территории Пермского Предуралья, выделяется группа изделий, в изготовлении которых применялась техника чеканки. Данная группа состоит из разных категорий изделий – погребальные маски, бляхи с сокольничим, ромбовидные подвески. Одни из категорий изделий, например, бляхи с сокольничим неоднократно становились объектом внимания ученых, другие категории изделий – остались не введенными в научный оборот.

Однако, изучение изделий с определенным техническим признаком (в нашем случае – техника чеканки), требует анализа всего массива изделий с данным техническим признаком, поэтому был произведён предварительный сбор и технический анализ изделий с чеканкой из материалов Пермского Предуралья эпохи средневековья.

Техника чеканки – способ получения рельефных изображений, орнамента на листовом металле, с помощью ударов по чекану (стержню различного сечения и разной формой рабочего окончания).

Выделяют три вида чеканки: пуансонная чеканка, плоская чеканка и рельефная чеканка.

Пуансонная чеканка представляет собой выбивание рисунка, фона фигурным чеканом – пуансоном.

Плоская чеканка – получается при выбивании фона изделия, так, что сам рисунок кажется объёмным, литым.

Рельефная чеканка – представляет собой чеканенную поверхность изделия с обеих сторон.

Техника чеканки имеет следующие признаки (следы):

– частая деформация изнаночной стороны изделия;

– наличие идентичных друг другу следов от применения одного чекана (при пуансонной чеканке);

– образование так называемых «валков» на месте удара чекана;

– получение более однородного контура рисунка;

– при плоском виде нанесения чеканки «наблюдается некоторая аморфность фона» [Минасян, 2014, с. 315].

Изделия с применением техники чеканки зафиксированы в материалах Бояновского и Рождественских могильников, Редикарского клада.

Одной из самых многочисленных категорий изделий, где встречается чеканка, являются погребальные маски. Изделия происходят из могильников Пермского Предуралья, датируемых второй половиной IX – началом XI вв. Чаще всего с помощью техники чеканки в масках выделяли основные части лица – рот и глаза. Реже встречаются маски с выделением чеканкой глаз, бровей, усов, бороды (рис. 1, *1–3*.). Встреченная техника чеканки на погребальных масках соответствуют мелко-пуансонному виду.

Следующая категория изделий с чеканкой – это шейно-нагрудные подвески (медальоны): с охотничьим сюжетом (сокольничим), круглой и ромбичекой формы, с растительным орнаментом.

Известная категория изделий с чеканкой – медальоны с «охотничьим» сюжетом (рис. 1, *4*). Аналогичные украшения известны на сопредельных территориях – Республика Коми, в Зауралье и Западной Сибири. Датируются они достаточно широко и условно – XI–XIV вв. [Белавин, 2000, с. 94–97]. В настоящее время вопрос об их происхождении поднят снова и пока остается открытым [Шатунов, 2008, с. 54]. Данные украшения неоднократно становились объектом внимания исследователей [Шатунов 2008, с. 50]. Обобщая краткие описания техники их изготовления [Белавин, 2000, с. 94–97] и результаты визуального поверхностного анализа экземпляров, доступных нам, можно сделать вывод, что на некоторых изделиях с помощью плоской и точечной чеканки наносился основной орнамент – фигуры всадника, животных.

Следующая группа изделий с чеканкой – это медальоны круглой, ромбической формы и с растительным орнаментом. В настоящее время точных аналогий данным изделиям неизвестно. Все изделия происходят из материалов Редикарского клада, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа.

Медальон с растительным орнаментом (рис. 1, *5*). Фон украшения заполнен мелкопуансонной чеканкой, контуры орнамента выполнены плоской чеканкой. Растительный узор имеет свои особенности. У пальметт выступающие края лепестков образуют завитки. Характерен мотив трех кружков на коротком стебельке внутри каждого лепестка. От волнистых стеблей отходят спиральные завитки с массивными пальметтовидными цветками. Вероятнее всего, основа данного украшения была вырезана из импортной торевтики. Данный орнамент характерен для Фергано-Семиречной группы торевтики, датируемой второй половиной VIII – первой половиной IX вв. [Даркевич, 1976, с. 87–90]. Металлическую посуду с заполнением фона мелкими окружностями Б. И. Маршак датирует началом IX – началом XIII вв. [Маршак, 1971, с. 59–63].

Также интересны медальоны, где прослеживается зигзагообразная гравировка и золочение внутри отрывочного рисунка (рис. 1, *6–7*). Вероятно, основа этих изделий также была вырезана из больших предметов (торевтики), и в дальнейшем, по контуру основы круглой формы была нанесена точечная чеканка.

В других медальонах круглой формы в центре чеканом произведен круглый след – имитация вставки из камня (рис. 1, *8–9*). Вокруг следа – пуансонная чеканка. На внешнем крае медальона чеканка может представлять как два ряда пуансонных следов, так и следы в виде пирамидок.

Имеется один медальон ромбовидной формы (рис. 1, *10*), где чеканка проходит по краю медальона дважды вокруг центрального круга и соединяет эти пуансонные круги с краем украшения по сторонам света.

Рассмотрев все известные ювелирные изделия территории Пермского Предуралья, в изготовлении которых применялась техника чеканки, можно сделать следующие выводы:

– на территории Пермского Предуралья изделия, в изготовлении которых применялась техника чеканки, появляются не ранее второй половины IX в. Скорее всего, это были импортные изделия;

– основные категории изделий с техникой чеканки – погребальные маски, подвески-медальоны;

– чаще всего в изготовлении ювелирных изделий применялась мелко-пуансонная, точечная чеканка, реже – плоская чеканка;

– вопрос о происхождении изделий с плоской чеканкой (бляхи с сокольничим, медальон с растительным орнаментом) остается открытым.

Научный руководитель – канд. ист. наук Ю. А. Подосёнова

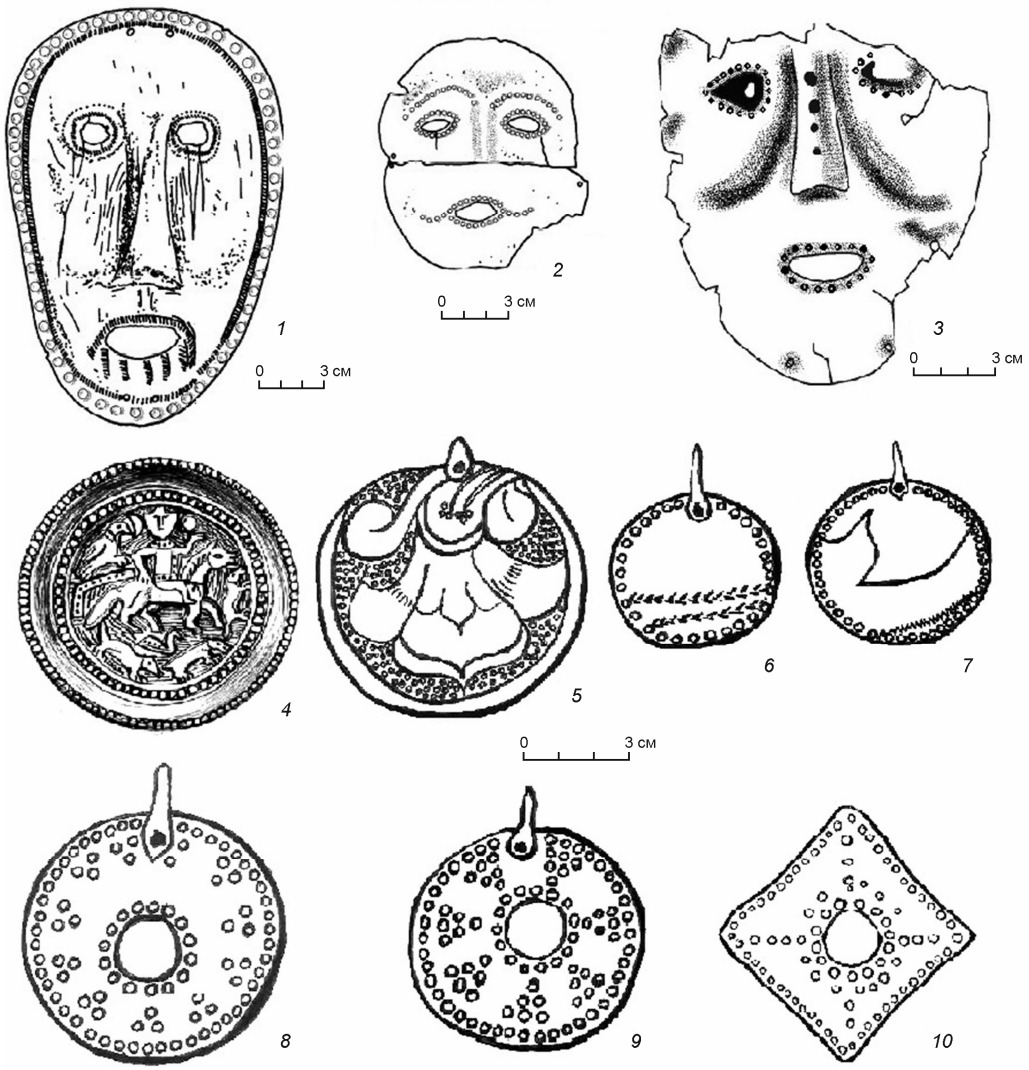


Рис. 1. Ювелирные техники на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья: чеканка (иллюстрации Н. Б. Крыласовой и А. В. Пермяковой): 1–2 – Пермский край; 3 – Рождественский могильник; 4 – Телячий брод могильник; 5–10 – Редикарский клад

Список литературы

Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях / А. М. Белавин. – Пермь : ПГПУ, 2000. – 200 с.

Даркевич В. П. Художественный металл востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья / В. П. Даркевич. – М. : Наука, 1976. – 198 с.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике / Б. И. Маршак. – М. : 1971. – 191 с.

Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье / Р. С. Минасян. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 472 с.

Шатунов Н. В. Медальон с сокольничим из сибирской коллекции Ф. Р. Мартина / Н. В. Шатунов // Барсова гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург; Сургут : Уральское изд-во, 2008. – С. 50–55.

Jewelry techniques on territory Perm Cis–Urals in the medieval epoch: chasing

A. V. Permyakova

This article about beginning chasing on territory of Perm Cis-Urals. In materials of some burial grounds, were found funeral mask, which include chasing. Medallions with hunting story also were made using the technique of chasing. Material for manufacturing medallions was, as likely, Sassanid silver. Chasing began to circulate on territory Perm Cis-Ural in IX–X ages.

Keywords: toreutics, chasing, medieval jewelries, perm Cis-Ural, funeral mask, technique, macro signs, medallions.

Пермякова Анна Владиславовна
Студент 3-го курса, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
e-mail: Dobryana@mail.ru

Permyakova Anna Vladislavovna
student, Perm State Humanitarian Pedagogical University
e-mail: Dobryana@mail.ru

УДК 902.21 (571.17)

К вопросу о соотношении верхнеобских и басандайских древностей юга Нижнего Притомья (по материалам стоянки Долгая 1)

А. В. Щербакова
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Традиционное представление в средневековой археологии Верхнеобского региона о последовательной смене культур (верхнеобская, V–IX вв. – сросткинская, IX–X вв. – басандайская, XI–XIV вв.) [Могильников, 1981; Плетнева, 1997] в последнее время подвергается определенному пересмотру. А. С. Васютин на материалах могильника Шумиха (юг Нижнего Притомья) предполагает преемственность басандайской культуры от верхнеобской и их поочередное мирное сосуществование со сросткинской культурой [Культурно-хронологические особенности…, 2004, с. 412]. Мысль о том, что басандайская культура – это продолжение верхнеобской, подтверждается идентичным некочевническим керамическим материалом. В представленной статье рассматриваются средневековые материалы стоянки Долгая 1, актуальные в качестве новых источников для решения отдельных аспектов поставленной проблемы.

Разновременная стоянка Долгая 1, расположенная в Яшкинском районе Кемеровской области (юг Нижнего Притомья, правобережье р. Томь, устье р. Долгая), исследована в 2008, 2010–2012 гг. А. Г. Марочкиным [Марочкин, 2009; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]. Обнаруженные здесь материалы датируются от неолита до средневековья [Бобров, Марочкин, 2010]. Коллекция средневековой керамики, зафиксированной в верхних культуросодержащих горизонтах памятника, состоит из 102 фрагментов от 36 керамических сосудов. Из них сходство с верхнеобскими и басандайскими комплексами демонстрируют 29 фрагментов от 20 сосудов. По сохранившимся фрагментам керамики невозможно установить ни формы сосуда, ни полной орнаментальной композиции, поэтому культурная принадлежность определена условно по отдельным элементам орнамента.

Условно керамический материал классифицируется на пять групп на основе преобладания отдельного элемента орнамента. А. С. Васютин отмечает, что типологизация керамического материала только по орнаментальному признаку вполне приемлема, особенно для таких памятников, где керамика сохранилась небольшими фрагментами [Культурно-хронологические особенности…, 2004, с. 406].

Первая группа включает 12 фрагментов от 11 сосудов и выделена по абсолютному преобладанию в орнаменте гребенчатого штампа (рис. 1, *1–11*). Орнамент данной группы состоит из оттисков крупной и мелкой «гребенки» по срезу венчика, оттисков вертикальной и косой «гребенки», горизонтально поставленной «гребенки», зигзагообразного узора. Сосуды с такой же орнаментацией встречаются на памятнике Шумиха на юге Нижнего Притомья, интерпретируемые здесь как басандайские [Культурно-хронологические особенности…, 2004, рис. 7], и на памятниках Новосибирского Приобья (Крохалевка-23, Юрт-Акбалык-8, Красный Яр-1), где подобные сосуды интерпретируются как верхнеобские [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 29; 32].

Вторая группа состоит из 9 фрагментов от 4 сосудов и выделена по такому элементу орнамента, как овальные вдавления (рис. 1, *12–16*). Орнаментальные композиции составляют горизонтальный ряд крупных овальных вдавлений и множество рядов небольших овальных вдавлений, дополненных по венчику отпечатками круглой палочки. Аналогичную керамику мы находим среди басандайских материалов Шумихи [Культурно-хронологические особенности…, 2004, рис. 7] и на верхнеобских памятниках Новосибирского Приобья: Черный Мыс-2, Крохалевка-23, 28 [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 28–30].

Третья группа представлена 4 фрагментами от 3 сосудов и выделена по насечкам от лопаточки на срезе венчика (рис. 1, *17–19*). Встречаются варианты: 1 – орнаментирован только срез венчика (рис. 1, *18, 19*); 2 – орнаментации подвергнут срез венчика и стенки сосуда (рис. 1, *17*). Подобная керамика, обозначенная как басандайская, встречается на могильнике Шумиха [Культурно-хронологические особенности…, 2004, рис. 12] и на городище Городок в Среднем Притомье [Ширин, 2002, рис. 8].

Четвертую группу составляют 3 фрагмента венчика от одного сосуда (рис. 1, *20*). Морфология сосуда представлена волнистым срезом венчика с загнутым внутрь воротничком, под срезом расположен ряд небольших глубоких ямочных вдавлений. Аналогичный басандайский сосуд встречен на Шумихе [Культурно-хронологические особенности…, 2004, рис. 7].

Пятая группа представлена 1 фрагментом тулова (рис. 1, *21*). Орнамент состоит из подтреугольного оттиска гладкой лопаточки, поставленной под небольшим углом. Басандайская керамика с подобным орнаментом найдена на городище Городок [Ширин, 2002, рис. 8].

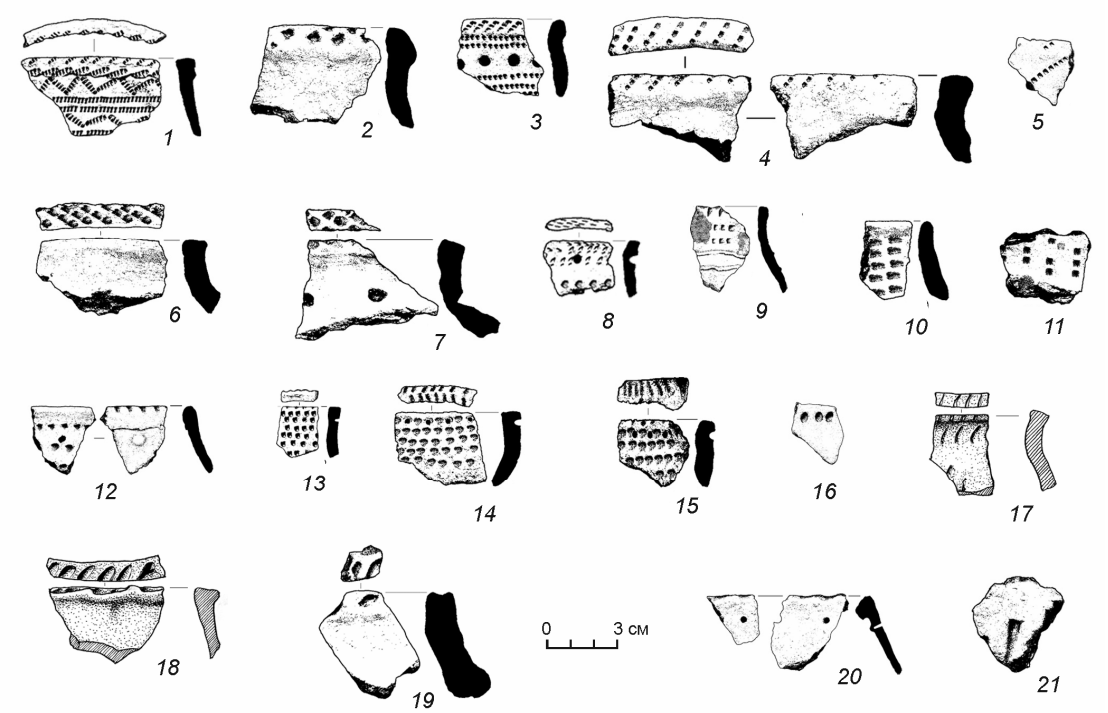


Рис. 1. Средневековая керамика стоянки Долгая 1

Как видим, аналогии представленных групп известны как среди верхнеобских материалов, так и среди басандайских. Очевидно, для точной культурной идентификации анализа одного керамического материала мало. На данном этапе изучения средневековых материалов памятника Долгая 1 отметим, что морфологическая специфика проанализированной керамики подтверждает гипотезу А. С. Васютина об эволюционной трансформации верхнеобской культуры в басандайскую, с доминированием угоро-самодийского компонента. [Культурно-хронологические особенности…, 2004, с. 412].

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Н. М. Зиняков
Научный консультант – канд. ист. наук А. Г. Марочкин

Список литературы

Бобров В. В. Раскопки у Новороманoвской писаницы (южные районы Нижнего Притомья) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 149–153.

Бобров В. В. Исследования стоянки Долгая 1 на юге Нижнего Притомья (предварительные итоги) / В. В. Бобров, А. Г. Марочкин, А. Ю. Юракова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 170–174.

Культурно-хронологические особенности курганного могильника Шумиха на Нижней томи в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н. э. / А. С. Васютин, А. В. Заушинцена, С. С. Онищенко, Н. А. Фомина // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. – Кемерово, 2004. – Т. 1. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. – С. 393–424.

Марочкин А. Г. О связях петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками / А. Г. Марочкин // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск : Апельсин, 2009. – С. 86–91

Могильников В. А. Сросткинская культура / В. А. Могильников // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М. : Наука, 1981. – С. 45–46.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам) / Л. М. Плетнева. – Томск, 1997. – 351 с.

Троицкая Т. Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т. Н. Троицкая, А. В. Новиков – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Ширин Ю. В. Городище Городок в Кемеровском районе / Ю. В. Ширин // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. – С. 41–78.

Revisiting the correlation of antiquaries of Upper Ob and Basandaika of the south of Lower Tom (by reference of Dolgaya 1 site)

A. V. Shcherbakova

It was considered medieval material of Dolgaya 1 site in the context of correlation of Upper Ob and Basandaika cultures. The material was classified into groups and correlated with the same material in the surrounding area.

Keywords: the Upper Ob culture, the Basandaika culture, comparative analysis, chronology, south of Lower Tom.

Щербакова Алёна Викторовна
студент 5-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: sherbackova.al@yandex.ru

Shcherbakova Alena Viktorovna
student 5th year, Kemerovo State University
e-mail: sherbackova.al@yandex.ru

УДК 902

Михайловская археологическая культура в Западном Приамурье

А. В. Яковлев
Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск

Памятники михайловской культуры на территории Западного Приамурья впервые исследованы Е. И. Деревянко в 1967–1968 гг. на Михайловском городище на р. Завитой. Изначально городище отнесли к мохэской культуре [Деревянко, 1975]. По результатам работы Бурейской экспедиции С. П. Нестеров соотнёс михайловские артефакты с летописными племенами шивэй, что стало отправной точкой выделения михайловской группы памятников из мохэской культуры и позиционирования её в качестве самостоятельной археологической культуры [Нестеров, 1998]. Маркером такой интерпретации являются характерные керамические сосуды с вафельным (ложнотекстильным) орнаментом и своеобразным венчиком в форме «рассечённого» валика. На сегодня ЦСН Амурской области выявлено несколько десятков памятников михайловской культуры.

Памятник Озеро Долгое представляет собой комплекс из 57 западин, примерно 14 из которых – жилища (остальные – могилы, предположительно, троицкой группы мохэ). Исследованы два жилища, одно из которых относится к михайловской культуре (жилище № 32), и выполнена его графическая реконструкция. Раскопки на памятнике дали важнейшие научные результаты для понимания этнокультурной ситуации, сложившейся в Западном Приамурье в первой половине I тыс. н.э., в переходный период от талаканской к михайловской культуре, от эпохи раннего железного века к раннему средневековью [Материалы и исследования…, 2009, с. 229–233].

Бурейской археологической экспедицией с 1987 г. по 2001 г. велись исследования стоянок Букинский Ключ-1, -2 и Большие Симичи, относящиеся к михайловской культуре.

На многослойной стоянке **Букинский ключ-1**, на правом берегу реки Буреи, в 10 км выше по течению от с. Бахирево, в раннесредневековом слое обнаружены следы трёх конструкций, имеющих общие черты михайловских жилищ симичинского типа, но содержащих детали, отсутствовавшие при исследовании других подобных построек [Нестеров, Шеломихин, 2002, с. 71–77]. Керамика однотипна: тонкостенные фрагменты с вафельным орнаментом и налепным рассечённым валиком по венчику. Из двух десятков развалов сосудов часть удалось восстановить. Орудийный комплекс представлен каменными орудиями для обработки шкур и кож. Малое число металлических артефактов объясняется дефицитом вещей из металла, которые по мере прихода в негодность не выбрасывали, как каменные, а переплавляли [Шеломихин, 2009].

Стоянка Букинский Ключ-2 расположена неподалёку от Букинского Ключа-1. Здесь был открыт жилой комплекс, включающий в себя два наземных жилища, кострище-очаг и две ямы с бытовым мусором: в ходе раскопок был выявлен археологический материал, а именно, керамика, имеющая вафельный орнамент. Были обнаружены полтора десятка развалов сосудов, часть из них удалось восстановить [Древности Буреи, 2000, с. 135].

Стоянка Большие Симичи расположена по правому берегу р. Буреи, в 5 км выше по течению от с. Бахирево. Здесь был открыт жилищный комплекс из четырёх конструкций, уничтоженных пожаром. В жилище № 4 найдена керамика, а также обнаружен целый сосуд с вафельным орнаментом; в жилище № 3 в заполнении очага, помимо других артефактов, был найден фрагмент керамики с вафельным орнаментом. Изучение данных объектов позволило реконструировать типы жилищ и быт аборигенов – михайловцев [Древности Буреи, 2000, с. 167–168].

Михайловское городище расположено в 27 км выше с. Михайловки на высоком мысу (60–70 м) правого берега р. Завитой. Площадь, окружённая рвом и валом, достигает более 6 000 кв. м. Все это пространство заполнено круглыми западинами диаметром 5–8 м и глубиной до 1 м. В ходе раскопок 1967–1968 гг., проведенных Е. И. Деревянко, было раскопано 8 жилищ и одна постройка между жилищами. Михайловское городище является опорным памятником данной археологической культуры [Деревянко, 1975].

Среднебелая, городище-1. Памятник расположен на поверхности береговой террасы левого берега р. Белой. Высота террасы относительно современной поймы реки 2 м. Городище ориентировано углами по сторонам света. С северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторон оконтурено тремя валами и двумя рвами. Во внутренней части городища зафиксировано 14 округлых западин диаметром от 5 до 8 м и глубиной до 1,5 м, расположенных рядами по 3–4 западины. Памятник выявлен в 2013 г. сотрудниками ЦСН Амурской области. Керамический материал позволяет отнести памятник к михайловской культуре.

Городище Амаранка-1 расположено на правом берегу р. Большой Горбыль (левый приток р. Томь) при слиянии с Малым Горбылем. Городище расположено на мысу, выступающем в пойму Большого Горбыля в юго-западном направлении. Высота мыса относительно современной поймы составляет 4 м. Городище имеет округлую в плане форму, оконтуренную двумя валами и одним рвом. Внутренняя поверхность горизонтальная с жилищными западинами. В ходе исследования был найден керамический сосуд с вафельным орнаментом со следами кострового обжига.

Городище Амаранка-2, расположено в 12 км от описанного выше, на правом берегу реч. Топтушка, впадающей в Малый Горбыль, на вершине мыса, выступающего в её пойму в юго-восточном направлении. Высота мыса относительно поймы реки составляет 16 м. Склон крутой, у самой вершины эскарпирован. Городище условно делится на две части: основную с развитыми системами укреплений, и дополнительную (пристройку) с упрощенной системой укреплений. На городищах Амаранка-1 и Амаранка-2 был обнаружен археологический материал, аналогичный полученному с городища на р. Большой Горбыль, относящийся к михайловской культуре (III–X вв. н.э.) [Волков, Кудрич, Савченко, 2007, с. 207–210].

Таким образом, появление михайловцев в Западном Приамурье происходит ранее других средневековых племён региона [Нестеров, 1998]. Первоначально заняв южные, благоприятные районы, михайловцы вынуждено сдвинулись позже на север и северо-запад из-за оказываемого на них давления со стороны пришлых племён, о чем косвенно говорит практически полное отсутствие укреплённых поселений – городищ на юге и их наличие на севере-северо-западе.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент О. А. Шеломихин

Список литературы

Волков Д. П. Михайловские городища на реке Горбыль в Амурской области / Д. П. Волков, О. С. Кудрич, Т. П. Савченко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 207–210.

Деревянко Е. И. Мохэские памятники на Среднем Амуре. / Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1975. – 250 с.

Древности Буреи / С. П. Нестеров, А. В. Гребенщиков, С. В. Алкин, Д. П. Болотин, П. В. Волков, Н. А. Кононенко, Я. В. Кузьмин, Л. Н. Мыльникова, А. В. Табарев, А. В. Чернюк. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье / А. П. Деревянко, Ким Бон Гон, Н С. П. Нестеров, Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Бён Ён Хван, Пак Джон Сон, Я. Ю. Хабибуллина. – Тэджон : Изд-во Гос. исслед. Ин-та культ. наследия, 2009. – Вып. II: Раскопки поселения Озеро Долгое в 2008 году. – 286 с.

Нестеров С. П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья / С. П. Нестеров. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 184 с.

Нестеров С. П. Общее и особенное в конструкции жилищ памятника Букинский Ключ-1 / С. П. Нестеров, О. А. Шеломихин // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск : Изд-во АмГУ, 2002. – Вып. 3. – С. 71–77.

Шеломихин О. А. Ранний железный век и средневековье в долине реки Буреи (на примере памятников Букинский Ключ-1 и Безумка) : автореф. дис. … канд. ист. наук / О. А. Шеломихин. – Новосибирск, 2009, – 27с.

Mickhailovskaya archeological culture in West Priamure

A. V. Yakovlev

This article contains information about Mickhailovskaya archaeological culture, places of its occurrence and distribution in the Amur region. The author gives a generalized characterization of archaeological culture, and makes an assumption about why aboriginal population of Amur region had to move up along the Amur river.

Keywords: archaeological excavations, michailovskaya, ceramics, Amur region.

Яковлев Андрей Викторович
студент 3-го курса, Благовещенский государственный педагогический университет
e-mail: www.krash-7@mail.ru

Yakovlev Andrey Victorovich
student 3rd year, Blagoveschenck State Pedagogical University
e-mail: www.krash-7@mail.ru

УДК 902/904

Феномен моделирования изделий у аборигенного населения севера Западной Сибири (по материалам исследования обдорских городков)*

А. А. Большакова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14–28–00045)

На севере Западной Сибири к настоящему времени проведены археологические исследования нескольких обдорских городков – Надымского, Полуйского, продолжается изучение Войкарского городка.

Надымский городок расположен в дельте р. Надым, в 5 км от устья. Раскопки этого памятника велись с 1998 г. под руководством О. В. Кардаша. Надымский городок основан в XII в., наивысшего своего расцвета он достиг в XVII – XVIII вв., когда здесь была резиденция вождя военно-политического объединения нескольких территориальных общин. Население, проживающее здесь, было полиэтничным – ханты, тундровые и лесные ненцы. К настоящему времени Надымский городок – это памятник, наиболее полно представляющий материальную культуру аборигенов севера Западной Сибири в XVI – XVIII вв. [Кардаш, 2009, с. 7–15].

Полуйский городок находится в черте г. Салехарда на правом берегу р. Полуй. Первые исследования на нем проводились в 1946 г. В. Н. Чернецовым, продолжены О. В. Кардашем в 2004–2005 гг. На основании дендрохронологического анализа было установлено, что данный памятник функционировал в конце XVI–XVII вв. По письменным источникам известно, что Полуйский городок являлся резиденцией вождей Обдорского княжества, предков остяцких князей Тайшиных [Кардаш, 2013, с. 6–13].

Войкарский городок, по данным ревизии 1783 г., входил в число пяти самых крупных населенных пунктов Обдорской волости [Перевалова, 2004, с. 171–172].

Войкарское городище – памятник, расположенный в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в 2 км от поселка Усть-Войкар. В 2003–2008 гг. он исследовался Ямальской археологической экспедицией под руководством А. Г. Брусницыной и Н. В. Федоровой, в 2012–2014 гг. – Приобским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А. В. Новикова [Новиков, Гаркуша, Шеин, 2013; 2014].

Археологические исследования показали, что хотя каждый из городков имеет свою историю и свои особенности, в целом они характеризуются близостью материальной культуры. В том числе, это касается и моделей различных изделий, широко представленных на всех трех памятниках. В данном случае под моделью понимается уменьшенное или в натуральную величину воспроизведение какого-либо предмета. Нередко подобные предметы интерпретируют как игрушки, по классификации А. С. Хорошева – игрушки-имитации, к ним относятся как миниатюрные модели предметов, так и соразмерные изделия [Хорошев, 1998, с. 82].

В табл. 1 представлено количественное соотношение моделей, обнаруженных в обдорских городках. Данное соотношение показывает разительное отличие состава коллекции Полуйского городка – значительная её часть представлена именно предметами быта, а не вооружения, в то время как на других памятниках они составляют 8–15 %.

Таблица 1

Количественное соотношение категорий моделей предметов обнаруженных на городках севера Западной Сибири

Категории инвентаря	Надымский городок	Полуйский городок	Войкарский городок
Клинковое оружие	13,4 %	5,8 %	16,7 %
Топоры	9,8 %	5,1 %	11,1 %
Копья и наконечники копий	3,2 %	0,1 %	9,7 %
Стрелы и наконечники стрел	28,8 %	17,4 %	31,9 %
Охотничьи луки	11,1 %	13,8 %	2,8 %
Ножи бытовые	19 %	18,8 %	19,4 %
Другие предметы быта и средства передвижения	14,7 %	39 %	8,4 %

Данная таблица составлена по опубликованным результатам исследований Надымского и Полуйского городков [Кардаш, 2009, с. 182–186; Кардаш, 2013, с. 210–212], а также материалам исследований 2012–2014 гг. на Войкарском городке.

Деревянные модели вооружения были распространены не только среди сибирского аборигенного населения, но и на северо-западе Руси – в Пскове, Новгороде и Старой Ладоге [Рябинин, 1995, с. 51–56; Салмин, 2013, с. 68–78; Хорошев, 1998, с. 82; Штакельберг, 1969, с. 252–254].

Также известны аналогии роговых моделей топоров, которые в коллекции обдорских городков представлены 9 экземплярами. Подобная модель была обнаружена на городище Ендырское I, существовавшее в первой половине II тыс. до н.э. и населявшееся южными (кондинскими) хантами [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 78].

Но особенно интересная коллекция игрушек-имитаций была обнаружена в Мангазее – русском городе в Сибири [Пархимович, 2014, с. 254–257]. Деревянные модели на памятниках европейской России в XVII–XVIII вв. уже неизвестны или мало распространены [Завьялов, 2010, с. 339–340]. Разнообразие деревянных моделей является отличительной чертой северосибирских наборов русских игрушек. Это могло быть связано, как с более архаичными русскими традициями, так и с проникновением традиций сибирских аборигенов.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. В. Новиков

Список литературы

Завьялов В. И. Игрушки и игры в Переяславле Рязанском в XVI-XVII вв. (по материалам Житного раскопа) / В. И. Завьялов // Материалы по истории и археологии России. – Рязань : Александрия, 2010. – Т. 1. – С. 337–348.

Зыков А. В. Древний Эмдер / А. В. Зыков, С. Ф. Кокшаров. – Екатеринбург : Волот, 2001. – 320 с.

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII веков / О. В. Кардаш. – Екатеринбург; Нефтеюганск : Магеллан, 2009. – 360 с.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных / О. В. Кардаш. – Екатеринбург; Невтеюганск : Магеллан, 2013. – 379 с.

Новиков А. В. Археолого-геофизические исследования Войкарского городка в 2013 году / А. В. Новиков, Ю. Н. Гаркуша, А. Н. Шеин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 305–309.

Новиков А. В. Продолжение археолого-геофизических исследований Войкарского городка в 2014 году / А. В. Новиков, Ю. Н. Гаркуша, А. Н. Шеин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (новая серия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – с. 251–254.

Пархимович С. Г. Детские игрушки в русских поселениях севера Сибири конца XVI – XVIII вв. / С. Г. Пархимович // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург : Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 253–261.

Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история / Е. В. Перевалова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 414 с.

Рябинин Е. А. Предметы вооружения и их имитации из Старой Ладоги (материалы новых исследований) / Е. А. Рябинин // Древности Северо-Западной России. – СПб., 1995. – С. 51–56.

Салмин С. А. Деревянное «оружие» из раскопок в Окольном городе Пскова: игрушки, модели, реквизит / С. А. Салмин // Археология и история Пскова и Псковской земли. – М.; Псков : ИА РАН, 2013. – С. 68–78.

Хорошев А. С. Детские игрушки из Новгорода: классификационный обзор археологических находок [Электронный ресурс] // Новгород и Новгородская земля: История и археология. – Новгород, 1998. – Вып. 12. –URL: http://www.bibliotekar.ru/rusNovgorod/174.htm (дата обращения – 08.01.2015).

Штакельберг Ю. М. Игрушечное оружие из Старой Ладоги / Ю. М. Штакельберг // СА. – № 2. – 1969. – С. 252–254.

The phenomenon of simulation products in the aboriginal population in northern West Siberia (studies Obdorsk settlements)

A. A. Bolshakova

This article examines the phenomenon of making models of real products from the native population of the north of Western Siberia. The paper deals with medieval settlements Obdorsk Territory and analogies with other archaeological sites in northern Russia.

Keywords: North of Western Siberia, Obdorsk settlements, the phenomenon of simulation, toys-imitation.

Большакова Анна Андреевна
студент 3-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: any29375@gmail.com

Bolshakova Anna Andreevna
student 3rd year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: any29375@gmail.com

УДК 903

Нательные кресты из Албазинского острога

В. Е. Вальченко

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск

Первые исследования нательных крестов относятся к XIX в. Именно тогда произошло становление науки о крестах – ставрографии. В XX в., в советский период, подъем сменился застоем в ее развитии. В это время шло накопление археологического материала, в музеях формировались коллекции нательных крестов. Возобновление интереса к ставрографии в последние десятилетия XX в. нашло отражение в статьях, книгах, альбомах, публикуемых в нашей стране и за рубежом [Молодин, 2007, с. 4].

На территории Амурской области кресты-тельники обнаружены в процессе археологических раскопок крупнейшего укрепленного поселения русских на Амуре второй половины XVII в. – Албазинского острога. В работах русских историков конца XVIII – начала XX вв. Албазин обычно фигурирует в связи с некоторыми событиями второй половины XVII в. на Амуре, такими как поход Е. П. Хабарова в 1649–1653 гг., хозяйственное освоение данных территорий в 1665–1685 гг., маньчжурская агрессия в 1685–1689 гг. [Артемьев, 1999, с. 102]. В 1682 г. острог стал центром Албазинского воеводства. Этап хозяйственного освоения оказался недолгим и завершился военным столкновением с маньчжурскими войсками в 1685–1687 гг., гибелью большей части защитников крепости и подписанием в 1689 г. в Нерчинске первого мирного договора между Китаем и Россией. Согласно условиям договора русские покинули территории Албазинского воеводства, а его укрепления были уничтожены [Полное собрание … , 1830, с. 31–32].

Археологические исследования острога начались в 1970-х гг. и продолжаются до настоящего времени. Впервые кресты-тельники на территории Албазинского острога найдены в 1980 г. экспедицией С. В. Глинского и В. В. Сухих [Александров, 1984, с. 86]. Двадцать пять тельников – экспедицией А. Р. Артемьева 1991–1992 гг. в «братской могиле» защитников крепости [Артемьев, 1999, с. 113]. В 2013 г. исследования проводились Албазинской археологической экспедицией Фонда «Петропавловск» совместно с Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. Нательный крест обнаружен в западной части острога у берегового обрыва, в слое XVII в., среди предметов быта и вооружения.

В настоящее время тельники Албазинского острога находятся на хранении в фондах Амурского областного краеведческого музея им. Г. С. Новикова-Даурского и его филиале – Албазинском краеведческом музее.

Рассматриваемые нами кресты-тельники происходят из раскопок 1991–1992 (№ 2 и № 3) и 2013 гг. (№ 1).

Крест №1. Размеры: длина вертикальной перекладины – 50 мм, ширина – 7–8,5 мм; длина горизонтальной перекладины – 35 мм, ширина – 7–8,5 мм; высота ушка – 8 мм, ширина – 6 мм, толщина – 3,5 мм, диаметр отверстия – 2,5 мм. Длина диагональных лучей – 9,5 мм, толщина – 2 мм. Нижний правый диагональный луч обломан, длина сохранившейся части – 3 мм. Толщина пластины – 2 мм. Поверхность тельника покрыта патиной зеленого цвета, в местах утраты эмали – коррозированная, светло-коричневого и коричневого цвета. На лицевой стороне нательного креста в области средокрестия изображен восьмиконечный голгофский крест. Слева и справа от него расположены копье и трость – Орудия Страстей Христовых. У подножия восьмиконечного креста – изображение горы Голгофы с Главой Адама. На обеих сторонах тельника имеются надписи, расположенные в основном в ячейках квадратной или прямоугольной формы и выполненные в две строки, за исключением надписей на лицевой стороне горизонтальной перекладины в области Голгофского креста. На оборотной стороне в двенадцати квадратных ячейках (восьми по вертикали и пяти по горизонтали) размещен текст тропаря кресту. Тельник, вероятно, мужской, так по форме он довольно прост.

Крест № 2. Размеры тельника: длина перекладины – 28 мм, ширина – 7 мм; длина вертикальной перекладины – 40 мм, ширина – 7 мм; длина ушка – 8 мм, ширина – 6 мм, толщина – 3,5 мм, диаметр отверстия – 2,5 мм. В отверстии ушка сохранился фрагмент гайтаны. Длина диагональных лучей – 8 мм, толщина – 2 мм. Верхний левый диагональный луч обломан. Толщина пластины – 2 мм. Крест покрыт темно-зеленой патиной с пятнами коррозии коричневого цвета. Диагональные лучи у основания имеют завитки. На лицевой стороне, как и на предыдущем кресте, размещен восьмиконечный голгофский крест с традиционной атрибутикой (копье и трость), на краях лопастей – трудно читаемые монограммы. На оборотной стороне на концах лопастей размещены прямоугольники с надписями. В средокрестии прямоугольник с надписью находится внутри ромба, из каждого угла которого отходит листовидная фигура, по форме напоми-

нающее стилизованное изображение сердца. В нижней части вертикальной планки чередуются – лист, прямоугольник с текстом, лист, незавершенный ромб, прямоугольник с текстом.

Крест № 3. Параметры изделия следующие: длина горизонтальной перекладины – 33 мм, ширина – 7 мм; длина вертикальной перекладины – 42 мм, ширина – 7мм; длина ушка – 8 мм, ширина – 6 мм, толщина – 3 мм. Длина диагональных лучей – 15 мм, толщина – 2 мм. Толщина пластины – 2 мм. На поверхности предмета заметны следы окисления черного цвета. По форме крест четырехконечный с прямоугольными концами и лучистым венцом вокруг средокрестия. Лучи – с завитками у основания. На лицевой стороне тельника изображен голгофский крест с копьем и тростью. На концах лопастей – монограммы, расположенные внутри листовидных фигур, напоминающих стилизованное изображение сердца, а также надписи внутри прямоугольников. Изображения и надписи на оборотной стороне неразборчивы, однако виден растительный орнамент. В средокрестии – ромб с некрупными завитками в углах, на остальных частях креста – более крупные завитки. Растительный орнамент в христианской символике олицетворяет древо жизни. Кресты, при декорировании формы и орнаментации лицевой и оборотной поверхностей которых используются растительные мотивы, называют «процветшими». К ним можно отнести кресты № 2 и № 3.

В результате сравнительного анализа охарактеризованных нами трех крестов-тельников выявлены некоторые черты сходства и различия. Сходство заключается в том, что все экземпляры выполнены в технике литья, являются четырехконечными крестами с прямыми концами вертикальной и горизонтальной перекладин и относятся к крестам с голгофской тематикой. В средокрестии имеются диагонально отходящие «лучи сияния». На всех трех крестах нанесены надписи, требующие дополнительной работы с ними для правильного прочтения. Способ ношения – через ушко, расположенное в верхней части вертикальной перекладины. Различаются кресты размерами, особенностями декорирования и орнаментации.

Можно предположить, что все тельники относятся к XVII в., так как один из них был найден в слое (№ 1), остальные (№ 2 и № 3) – в братской могиле этого времени. Кроме того, различия по размерам (крест № 1 больше, чем кресты № 2 и № 3), морфологии и декору (крест № 1 – простой, кресты № 2 и № 3 – более сложной формы, с декором в виде растительного орнамента на лицевой и оборотной сторонах), по нашему мнению, указывают на тип и принадлежность креста. В данном случае тельник № 1 может являться «мужским», а кресты № 2 и № 3 «женскими».

Научный руководитель – канд. филос. наук
И. А. Ермацанс

Список литературы

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1984. – 272 с.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. / А. Р. Артемьев. – Владивосток, 1999. – 336 с.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога / В. И. Молодин. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Собрание 1-е. – Т. III (1689–1699). – № 1346. – 694 с.

Pectoral Crosses from Albazin Fortress

V. E. Valchenko

The article describes three crosses worn next to skin found in the territory of Albazin Fortress during archaeological excavations 1991–1992 and 2013. The results of the comparative analysis revealed some similarities and differences. Preliminary date was found out as XVII century.

Keywords: archaeological excavations, Pectoral Crosses, Albazin Fortress, Calvary theme.

Вальченко Виктория Евгеньевна
студент 3-го курса, Благовещенский государственный педагогический университет
e-mail: valchenkotori@mail.ru

Valchenko Victoria Evgenevna
student 3rd year, Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: valchenkotori@mail.ru

УДК 903.2-035.56(571.15)"16"

Археологическая коллекция костяных изделий Томского кремля последней трети XVII – середины XVIII вв.*

М. Ю. Крупенкова
Национальный исследовательский Томский государственный университет
*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 15–31–14026 а(ц)

Изделия из кости – составная часть любой археологической коллекции средневековых русских городов, в том числе, и в Сибири, хотя по количеству уступают керамическим и металлическим предметам.

Коллекция изделий и заготовок из кости и рога, собранная при раскопках Томского кремля (раскопки М. П. Чёрной), насчитывает около 150 предметов. Основной объём материала сосредоточен на территории воеводской усадьбы – почти 130 изделий (около 98 %).

Ценность томской коллекции заключается в её разнообразии, которое показывает, что костяной инвентарь был ориентирован на удовлетворение повседневных нужд. В соответствии с классификацией О. И. Давидан, разработанной по материалам староладожской коллекции [Давидан, 1966, с. 103], можно выделить несколько групп изделий.

1. Орудия, связанные с домашним производством и промыслами. Сюда относятся проколки или шилья (2 экз., 10–13 см), иглы (5 экз., 6,8–15 см), лощило для разглаживания швов (14 см), кочедык для вязания (9 см), рукояти (6 экз.). Рукояти по конструкции цельные (5 экз.) и составные. Их длина 1–10,2 см. Цельные рукояти 4-, 5- и 6-гранные, одна – овального сечения. Аналоги отмечены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 248] и Старой Ладоге [Давидан, 1966, с. 109].

2. Предметы вооружения и охоты. Наконечники (29 экз., 2,5–16 см) по способу крепления делятся на втульчатые и черешковые.

Тип 1. Втульчатые – представлены томарами биконической формы, круглые в сечении (2 экз.). Высота – 2,5 см при ширине 1,5–1,8 см. Аналоги зафиксированы в Новгороде [Медведев, 1959, с. 171] и Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 203].

Тип 2. Черешковые – по форме делятся на два варианта:

– вытянутые треугольные с обработкой на 3, 4, 6 граней (19 экз.);

– игловидные с обработкой на 4, 6 граней (8 экз.);

В Мангазее игловидные наконечники обозначены как карандашевидные [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 64].

3. Предметы домашнего обихода. Игольники (5 экз., 3,5–11,3 см).

Тип 1 – цилиндрический, вытянутый (3 экз., один слегка изогнут). К игольникам условно отнесен цилиндрический футляр (4,8 см) с тремя отверстиями для шнурка. Тип 2 – овальный в сечении.

Крышка шкатулки с глазковым орнаментом диаметром 9,5 см.

4. Предметы туалета (гребни – 26 экз.) и одежды (пуговица), украшения (кольцо).

Гребни двух типов: односторонние и двусторонние. Тип 1 представлен односторонними трапециевидными изделиями (2 экз.). Тип 2 – двусторонние гребни прямоугольной (9 экз.) и трапециевидной формы (10 экз.). У части фрагментированных гребней форма неопределима (5 экз.). Двусторонние гребни по частоте расположения зубьев делятся на два варианта: частозубые с обеих сторон (9 экз.), частозубые с одной стороны и редкозубые с другой (8 экз.).

Маленьких гребней (высотой до 5 см, шириной до 5,5 см), которыми расчесывали усы и бороду, больше (13 экз.), чем больших (5 экз.), которыми расчесывали волосы.

Один из гребней орнаментирован геометрическим узором. Особо привлекателен зооморфный гребень с изображением парных коньков, украшенный глазковым орнаментом и солярным знаком. Аналоги отмечены в Архангельской области [Ефименко, 1874, с. 50], на городищах Псковском, Камно, Сарском, в Старой Ладоге, в курганах Суздальского Ополья и др. [Кондратьева, 1981, с. 104], в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 277].

5. Музыкальные инструменты. К ним можно отнести костяные «свистульки» из фаланг конечностей лошади или коровы длиной 5–7 см (3 экз.). Они подвешивались на веревку, при вращении гремели и издавали свист за счет сквозных отверстий.

6. Атрибуты игр представлены кубиками (2 экз.), фишками и заготовками домино (9 экз.), шашками (3 экз.), две из них имеют форму квадрата (2,4×2,1 см), одна – конусовидную форму (высота 2,4 см, диаметр основания 3,3 см) [Чёрная, 2001, с. 88–92]. Аналоги конусовидным шашкам найдены в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 280] и Кузнецком остроге.

Особо интересны находки шахмат (7 экз.). Среди них есть самоделки (4 экз.) из кости и рога, обструганные в виде усеченного конуса, разной высоты (3,4–6 см) в зависимости от ранга фигуры. Привозные шахматы, выточенные ремесленниками-шахматниками, относятся к абстрактно-геометрическому типу и отличаются небольшими размерами: пешка/слон – 1,8 см, ферзь/король – 3,3 см [Азартные игры…, 2004]. Богатые шахматные коллекции собраны при раскопках Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008,

с. 278], Алазейского острога [Алексеев, 1996, с. 48]. Есть шахматы в материалах Тобольска [Балюнов, 2014, с. 162], Тары, Стадухинского острога. Сибирские коллекции шахмат находят аналогии в новгородских [Колчин, Рыбина, 1982, с. 232], холмогорских материалах [Овсянников, 1969, с.117].

7. Накладки (4 экз.). Все накладки, кроме ромбовидной, с линейным или глазковым орнаментом. Толщина накладок 1–3 мм.

Ромбовидная накладка обломана с одного конца (длина – 4,8 см, максимальная ширина – 1,4 см). На внутренней стороне – следы поперечных линий от ножа. Имеет сквозное отверстие для штифта.

Накладка подтрапециевидной формы (длина – 4,5 см, ширина – 2 см), на концах просверлены два отверстия для штифтов.

Накладка овальной вытянутой формы (длина – 10 см, максимальная ширина – 3,4 см), с тремя сквозными отверстиями для штифтов по центру.

Накладка вытянутой прямоугольной формы, обломана с двух концов (длина – 7,8 см, ширина – 7–9 мм).

8. Навершия (2 экз.).

Тип 1. Втульчатое навершие, высота – 5,5 см, диаметр – 2–3,6 см. Основание в виде цилиндрического пояска переходит в куполообразующее уплощение, завершающееся цилиндром. Имеет сквозное отверстие диаметром 1,8–2,3 см.

Тип 2. Фигурное навершие с черешковым насадом. Его высота 1,4 см при ширине 3 см, черешок сохранился в длину на 5 мм.

9. Атрибут культа – чётки из костяных бусин (0,7–1 см) с двумя каменными бусинами-начинами.

Наиболее массовый материал – наконечники и гребни. Привозной характер имеют абстрактно-геометрические шахматы, выполненные на токарном станке. Не исключен привоз части гребней. О завозе гребней «с Руси» в Мангазею, Тобольск и Томск на протяжении XVII в. известно из таможенных книг [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 41]. Большинство изделий, отличающихся простотой и несовершенством исполнения, видимо, изготавливалось на месте. Преждевременно делать вывод о косторезном ремесле, ориентированном на рынок, но оно могло развиваться в рамках домашнего ремесла и семейной кооперации.

Воеводская усадьба, где собрана основная масса бытовых предметов, по находкам монет, изразцов и чернолощёной керамики датируется последней третью XVII – серединой XVIII в. [Чёрная, 2002, с. 56]. В эти хронологические рамки укладывается бытование и костяных изделий.

Сравнение томской коллекции костяных обиходных предметов с материалами как древнерусских, так и сибирских городов периода русской колонизации, показывает их близость по набору изделий и технике исполнения, что свидетельствует об общерусской культурной основе.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор М. П. Чёрная

Список литературы

Азартные игры в досуге томичей: предварительные замечания к социально-психологическому анализу // Традиционное сознание: Проблемы реконструкции. / А. К. Байбурин, Л. Г. Березовая, Ю. В. Балакин и др. – Томск, 2004. – Вып. 9. – С. 286–296.

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии / А. Н. Алексеев. – Новосибирск, 1996. – 152 с.

Балюнов И. В. Материальная культура города Тобольска конца XVI – XVII веков по данным археологических исследований : дис. … канд. ист. наук / И. В. Балюнов. – Новосибирск, 2014. – 204 с.

Белов М. И. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев 16–17 вв. / М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков. – М., 1981. – 147 с.

Визгалов Г. П. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович. – Екатеринбург; Нефтюганск, 2008. – 296 с.

Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) / О. И. Давидан // АСГЭ. – М.; Л., 1966. – Вып. 8. – С. 103–115.

Ефименко П. С. Старинныя гребенки въ Пинежскомъ уездеъ, Архангельской губерниии / П. С. Ефименко // Труды московского археологического общества. – М., 1874. – Т. 4., вып. 2. – С. 49–57.

Колчин Б. А. Раскоп на улице Кирова / Б. А. Колчин, Е. А. Рыбина // Новгородский сборник: 50 лет раскопок в Новгороде. – М., 1982. – С. 178-238.

Кондратьева О. А. Зооморфные гребни IX–X вв. / О. А. Кондратьева // Средневековые древности. – М., 1981. – С. 103–109.

Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого / А. Ф. Медведев // Труды новгородской археологической экспедиции. – М., 1959. – № 65. – С. 121–191.

Овсянников О. В. Заметки о северных косторезах / О. В. Овсянников // СЭ. – 1969. – № 4. – С. 114–122.

Чёрная М. П. Азартные игры в быту томичей / М. П. Чёрная // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С. 88–92.

Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII – XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации / М. П. Чёрная. – Томск, 2002. – 187 с.

Archaeological Collection bone artifacts Tomsk Kremlin last third of the XVII – mid of XVIII centuries

M. Yu. Krupenkova

Comparative historical analysis of the collection of bone artifacts from Tomsk Kremlin allows to reveal its features, opening into the cultural and chronological description of the monument and to track the unity of cultural traditions, transmitted from European Russia to Siberia.

Keywords: Siberia, Tomsk Kremlin, the late Middle Ages, bone artifacts.

Крупенкова Маргарита Юрьевна
студент 3-го курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет
e-mail: marguerite1015@list.ru

Krupenkova Margarita Yur'evna
student 3rd year, Nation Research Tomsk State University
e-mail: marguerite1015@list.ru

УДК 902

Женские украшения из коллективного захоронения Прядчинского могильника в Амурской области

А. С. Кушнарева

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск

Украшения – неотъемлемая часть материальной жизни человека и общества в целом. Украшения – это тот артефакт, который позволяет нам намного глубже понять быт, нрав того или иного народа. Ведь украшения в себе несут не только эстетический характер, но и религиозное или культурное понимание мира и отношение личности к нему.

В наше время современный человек украшение воспринимает как элемент дизайна. Но в те времена украшения носили демонстративный характер. Также они использовались в магических, ритуальных целях. Нательные украшения, по представлению древних, могли защитить или огородить их от злых духов.

В рассматриваемой статье использованы материалы археологических раскопок Прядчинского могильника Владимировской культуры Западного Приамурья [Результаты исследований городища…, 1998; Ходзевич, Болотин, 2001].

Владимировская археологическая культура относится к эпохе позднего средневековья и датируется периодом с XIII в. до середины XVII в. н.э. Занимает южную часть бассейна Верхнего Амура и территорию вдоль нижнего течения р. Зеи.

Прядчинский могильник относится к ранним памятникам Владимировской культуры и датирован радиоуглеродным методом 1438–1479 гг. [Результаты исследований городища…, 1998, с. 206].

Могильник представлен 7 грунтовыми погребениями, слабо фиксируемыми на поверхности. Часть из исследованных погребений оказалась пустой. Наиболее информативно коллективное погребение трех человек № 7.

Яма могилы № 7 подчетырехугольной формы с закругленными углами. Дно плоское, стенки сужаются вглубь. Конструкция могилы выполнена из деревянных плах, образующих четырехугольник. Над костяками прослежено деревянное перекрытие, а под черепа подведена деревянная плаха. В могиле находились останки трех человек, положенных на спину [Результаты исследований городища…, 1998, с. 202].

Первичный анализ костяков позволил определить половую принадлежность погребенных – по краям находятся костяки мужчин, в центре – женщина.

У мужских скелетов отсутствовали отдельные кости в районе грудной клетки и головы (отдельные позвонки и ребра, лицевая часть черепа). При этом следует отметить хорошую сохранность костного вещества у обнаруженной части скелетов [Результаты исследований городища…, 1998, с. 203].

Центральный скелет женщины имел хорошую сохранность, погребенная уложена на спину, руки расположены вдоль туловища. У восточного скелета лицевая часть черепа провалена, ребра и сам позвоночник отсутствуют, кости кистей рук расположены на костях таза. У западного скелета, так же как и у восточного, лицевая часть черепа повреждена. Правая рука находится вдоль туловища, а левая согнута в локте и расположена на тазе. Отсутствует часть позвонков.

Предметный комплекс, обнаруженный в погребении, условно подразделяется на предметы, относящиеся к вооружению (нож в деревянных ножнах, железные и костяные наконечники стрел, кольцо для стрельбы из лука, накладка на лук), и предметы, относящиеся к украшениям.

Женские украшения из могильника сосредоточены у центрального скелета погребенной женщины.

Украшения головы и шеи. Ушные серьги (2 шт.) в виде вытянутых, пустотелых составных кубышек из тонкого бронзового листа (рис. 1, *1*).

Нашейная бронзовая гривна, выполненная из единого тонкого прута сложенного вдвое и скрученного по спирали. Край изделия разомкнут, оформлен округлыми ушками (рис. 1, *2*).

Нашейная бронзовая гривна изготовлена путем отливки в заранее приготовленную форму в виде разомкнутого круга с заостренными краями в виде шаровидных уплотнений, рассеченных прямыми стяжками (рис. 1, *3*). Орнаментирована косыми симметричными насечками по обоим краям.

8 голубых пастовых округлых бусин.

Костяное полированное изогнутое изделие (заколка для волос?) со сквозным отверстием в центральной части (рис. 1, *4*).

Украшения тела. Стеклянные бусы расположены двумя отдельными группами, каждая из которых состоит из двух параллельных ниток (79 бусин).

Ажурные плоские нашивки (22 ед.) (рис. 1, *5*), образующие П-образную форму на шее и груди погребенной.

Украшения конечностей. Железное кольцо-браслет диаметром 8 см на левой руке.

7 бронзовых округлых колец на пальцах кисти левой руки и 3 на пальцах кисти правой руки.

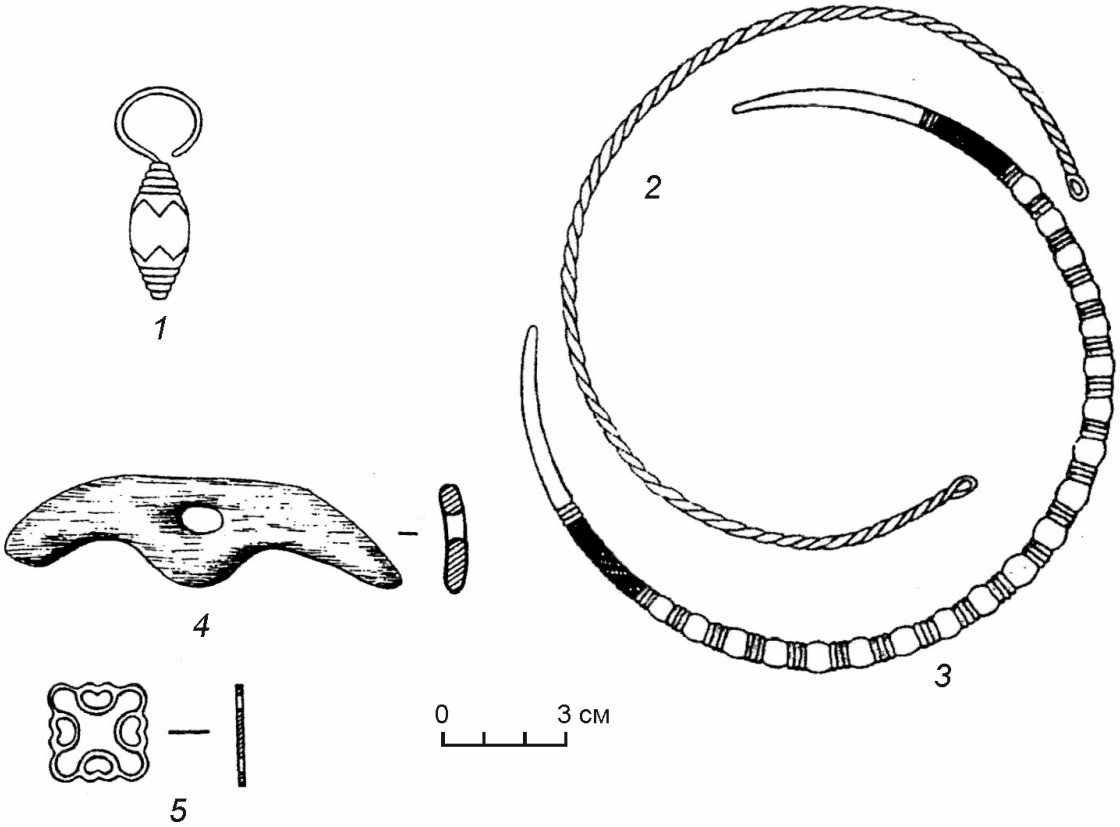


Рис. 1. Женские украшения Прядчинского могильника в Амурской области. 1 – серьги ушные; 2–3 – шейные гривны; 4 – заколка для волос; 5 – ажурная пряжка

Железные браслеты на голенях обеих ног (по 3 ед.) [Результаты исследований городища…, 1998, с. 202–204].

Рассмотренный комплекс украшений показывает присутствие ранне-тунгусских (мохэ-чжурчжэньских) традиций и монгольских элементов XII–XIII вв. в материале [История Амурской области…, 2008, с. 119]. Это вполне согласуется с гипотезой миграции монгольских племен эпохи Чингисхана на территорию Приамурья, что привело к созданию особой этнокультурной общности, которая выражена в археологии владимировской археологической культурой [Российский Дальний Восток…, 2005, с. 619].

Список литературы

История Амурской области с древнейший времен до начала 20 в. / Под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

Результаты исследований городища и могильника у с. Прядчино Амурской области / Д. П. Болотин, С. П. Нестеров, Б. С. Сапунов, Н. Н. Зайцев, И. Б. Сапунов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 201–206.

Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы / отв. ред. Ж. В. Андреева. – Владивосток : Дальнаука, 2005. – 696 с.

Ходзевич Л. П. Накладка из могильника Прядчино II / Л. П. Ходзевич, Д. П. Болотин // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2001. – С. 170–177.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Д. П. Болотин

The women's jewelry from the collective Pryadchinsky entombment in the Amur region

A. S. Kushnareva

The article consists of information about the women's jewelry from the collective Pryadchinsky entombment of the Vladimir archaeological culture. Moreover, the article includes conclusions about the status of the buried, comparisons the Pryadchinsky entombment with other archaeological sites.

Keywords: jewelry, ornamentation, the Vladimir culture, the Pryadchinsky entombment, earrings, beads, an openwork stripe, hryvnia, buttons, rings, bracelets.

Кушнарева Анастасия Сергеевна
студент 2-го курса, Благовещенский государственный педагогический унивесритет
e-mail: volk-d@yandex.ru

Kushnareva Anastasia Sergeevna
Student 2nd year, Blagoveshchensk State Pedagogical University
e-mail: volk-d@yandex.ru

УДК 902.01

Строительный приклад в системе ритуальной обрядности русского населения Западной Сибири в XVII–XVIII вв.

Ю. В. Менщикова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

В XVII–XVIII вв. мировоззрение русских переселенцев Западной Сибири основывалось на двух фундаментальных началах: христианском и языческом. Эта двойственность отразилась в процессе строительства, где важное место занимали магические обряды. Археологически они фиксируются по находкам строительных прикладов, которыми сопровождались начальные этапы возведения жилища или оборонительного сооружения.

Строительный приклад можно охарактеризовать как совокупность атрибутов магического обряда, в символической форме выражающую сакральные представления человека об окружающем мире и направленную на обеспечение благополучия лиц или объектов, в отношении которых были совершены ритуальные действия.

Археологические материалы свидетельствуют, что в качестве приклада чаще всего использовали бытовые вещи – посуду, предметы личной гигиены, плотницкие инструменты, иглы, ножи, элементы костюма. Кроме того, в составе строительного приклада археологически фиксируются предметы специального назначения: стилизованные изображения и костные останки животных, монеты, наконечники стрел, церковные атрибуты и другие предметы [Пархимович, 2014, с. 28–40].

Комплексы предметов строительных прикладов, широко представлены на Мангазейском городище [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 125]. Поэтому мы полагаем, что Мангазея – базовый археологический памятник в рассмотрении этой стороны духовной культуры русского населения Сибири, а приклады являются прямым материальным свидетельством актуальности языческих представлений в мировоззрении общества. По этой причине становиться важным более глубокое рассмотрение строительного приклада как составляющей ритуальной обрядности русских переселенцев.

Особый интерес вызывают предметы церковной принадлежности (нательные кресты, свечи, иконы), входившие в приклад вместе с другими вещами. Это свидетельствует о том, что в повседневной жизни русских переселенцев Сибири церковно-православные и магико-бытовые элементы были тесно взаимосвязаны, образовывая единые комплексы. В качестве примера можно привести следующий строительный приклад, зафиксированный на Мангазее: в одной из построек под основанием глиняной печи располагались, образуя два вписанных круга, следующие предметы: кожаные башмаки, костяные гребни, железные наконечники стрел, сверло, железные иглы и, расположенные в центре, нательные кресты [Пархимович, 2014, с. 28–40].

В язычестве Древней Руси знак креста был символом идеи пространства, окружавшего человека со всех сторон. Крест помещался внутри солнечного круга, чтобы обозначить повсеместность его света, распространяющегося во все стороны [Рыбаков, 1987, с. 550]. В то же время крест – главный христианский символ. Его защитно-оградительная функция приобретала магическое значение оберега. В солярном значении он воспринимался как символ Христа – Солнце Правды, таким образом, являясь источником Божественного Света. Следует отметить, что тельный крест является сильнейшей защитой христианина, но его действие не носит магического характера, свойственного языческим амулетам [Фёдоров, 2000, с. 21]. Магическое восприятие привносилось главным образом древними традициями.

В XVII в. использование в народной среде нательного креста расширилось в связи с тем, что в это время происходит укрепление единого русского централизованного государства, которое все больше осознается как оплот православия [Фёдоров, 2000, с. 4].

Среди атрибутов строительного приклада зафиксированы и церковные свечи, которые использовались (и используются) в качестве подкрепления молитвенных речей. Это говорит о том, что строительный обряд мог сопровождаться произнесением молитвы.

Подобное сочетание языческого и христианского начал обусловливалось следующими причинами:

– единой религиозно-магической направленностью ряда дохристианских и православных поверий, образов и культовых действий;

– церковь на протяжении столетий подавляла и подчиняла своему влиянию народные верования [Носова, 1975, с. 89].

В публикациях ученых-археологов внимание таким комплексам, как строительный приклад, уделяется чрезвычайно мало, чаще всего по той причине, что находки, которые могли быть в его составе, фиксируются в качестве массового материала.

В нашей работе мы попытались рассмотреть, как можно интерпретировать подобные находки

на других археологических памятниках. Так, возможное свидетельство предполагаемого совершения строительного обряда было зафиксировано на археологическом комплексе XVII–XVIII вв. Ананьино I (Тарский район Омской обл., раскопки Л. В. Татауровой 2014 г.). С наружной стороны у нижнего венца стены сеней трехчастной избы-связи был расчищен необработанный ствол молодой ели.

Известно, что значение использования молодого дерева в процессе закладки фундамента сводилось к ассоциации его с «мировым деревом». Оно было призвано маркировать центр – точку развертывания мира из жертвы. Деревце у стены сруба – это одновременно и центр будущего жилища, и «центр мира». Как мир в мифологическое время был «развернут» из тела жертвы, так и дом «выводится» из жертвы [Байбурин, 1983, с. 60].

Интересны находки предполагаемых строительных прикладов, обнаруженных при раскопках в г. Тара. В центре основания «Княжьей» башни в материковом слое зафиксирована монета достоинством в одну копейку. Год чеканки был обозначен не цифрами, а буквами. По заключению Е. А. Строговой такую монету могли отчеканить в 1708 или 1709 г. Возведение башни исследователи датируют началом XVIII в. [Тихонов, 2013, с. 20].

В качестве строительного приклада на Тарском городище можно трактовать находку деревянной иконы (раскопки С. С. Тихонова 2014 г.). По устному сообщению автора раскопок, обернутая в бересту, она была обнаружена в материковом слое незанятого постройками пространства «воеводской» усадьбы, но в стороне от мостовой. Вероятно, что закладка иконы, «строительная жертва», могла предшествовать сооружению всего усадебного комплекса и сопровождать не только укладку первого венца построек.

Из вышесказанного следует, что рассмотрение строительного приклада, как элемента духовной культуры русских переселенцев Сибири, имеет большой потенциал, особенно применительно к археологическим памятникам Восточной Сибири, а также центральной и южной части Западной Сибири. На наш взгляд, представляется возможным расширить перечень предметов, составляющих строительные приклады, а также знания об их местоположении, тем самым раскрыв малоизученные стороны ритуальной жизни русских переселенцев Сибири в XVII–XVIII вв.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Л. В. Татаурова

Список литературы

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л. : Наука, 1983. – 188 с.

Визгалов Г. П. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.) / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович. – Екатеринбург; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 294 с.

Носова Г. А. Язычество в православии / Г. А. Носова. – М. : Наука, 1975. – 154 с.

Пархимович С. Г. Строительная обрядность в русских поселениях севера Западной Сибири конца XVI – XVIII вв. / С. Г. Пархимович // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. 2. – С. 28–40.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков.– М. : Наука, 1987. – 783 с.

Тихонов С. С. Отчет о проведении археологических работ на объекте археологического наследия «Тарский кремль» / С. С. Тихонов. – Омск, 2013 // Архив Музея народов Сибири ОФ ИАЭТ СО РАН. – Ф. VII-1. Д. 38-1. – 115 с.

Фёдоров Ю. А. Образ креста. История и символика православных нагрудных крестов / Ю. А. Фёдоров. – СПб., 2000. – 31 с.

Building findings in rites of the Russian population of Western Siberia in the XVII–XVIII centuries

Y. V. Menshchikova

Spiritual culture of Russian settlers in Siberia is a symbiosis of Christian and pagan origins. Archaeologically it can be traced by the magical building findings. Household items, special items - such as attributes of the Christian identity, were used as such. It is possible to interpret these findings on other archaeological sites due to the widely represented findings on the Mangazeya building. This opens the possibility of a more thorough review of one of the most mysterious aspects of the spiritual culture of the Russian population in Siberia.

Keywords: Siberia, Russian population, building findings, special items, Mangazeya.

Менщикова Юлия Валерьевна
студент 3-го курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: yulka.menshikova@mail.ru

Menshchikova Yulia Valer'evna
Student 3rd year, Omsk State University named after F. M. Dostoevskiy
e-mail: yulka.menshikova@mail.ru

УДК 393.05.1

Погребение из местности Юс-Хатын (г. Якутск)

Д. М. Петров, В. В. Сыроватский
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

Погребальные памятники являются одним из важнейших источников для изучения этнической культуры. Их изучение особенно важно для освещения истории бесписьменных народов, так как погребальная обрядность наглядно демонстрирует многие аспекты материальной и духовной культуры. Якутские дохристианские погребения достаточно хорошо освещены в исторической литературе. В ряде работ материал погребений использован в качестве исторического источника [Константинов, 1971], с помощью которого можно воссоздать картину прошлого якутского народа. Также изучение данного вопроса может дать широкий простор для проведения историко-культурных параллелей со смежными и родственными народами [Гоголев, 1990]. Отдельная работа посвящена погребально-поминальному комплексу якутов [Бравина, Попов, 2008]. В настоящее время ведутся комплексные исследования в области палеомедицины, генетики и антропологии якутов на основе материалов погребений [Мир древних якутов, 2012].

Материал и методы исследования. Были использованы материалы археологической экспедиции 2013 г., полевая документация и ранее опубликованные источники. В ходе исследования был использован сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. Погребение было раскопано в 2013 г., в местности Юс-Хатын (долина Туймада), расположенной в 20 км к северу от г. Якутска в сторону Намского тракта, в ходе полевых работ археологического отряда ИГИиПМНС во главе с Р. И. Бравиной. Это первое раскопанное якутское захоронение в данной местности. Оно располагалось на 2-метровой террасе вблизи полузасохшего озера. Окружающий ландшафт подходит для жизни и ведения традиционного хозяйства, место захоронения является типичным для погребального обряда якутов. В 50 метрах к востоку, вдоль террасы, предположительно имеется второе погребение.

О наличии погребения можно было узнать по просадке грунта в виде овальной западины, имеющей следующие размеры: длина – 210 см, ширина – 70 см, глубина – 20 см. Западина располагалась в 2-х м от края террасы, ориентирована по оси запад–восток. На дневной поверхности, в центре западины, сохранился небольшой фрагмент надмогильного сооружения.

Над западиной был разбит стандартный раскоп 2×3 м. После вскрытия дерна стали видны остатки четырех столбцов диаметром 7–8 см. В ходе раскопок в заполнении могильной ямы зафиксированы участки горелой почвы, а также частицы угля. Было выявлено могильное пятно размерами 2×1,3 м.

На глубине 25 см в могильном заполнении было обнаружено стремя, сломанное и согнутое пополам. Подножка отсутствует, обе дужки у основания плоские. Нижняя часть навершия сломана. Сохранность плохая, металл сильно коррозирован. В 5 см глубже стремени найдены два фрагмента деревянного предмета, формами напоминающего стрелу. Данный предмет имеет 32 см в длину, диаметр в срезе 8 см.

На глубине 57 см от дневной поверхности проявилась крышка гроба. У изголовья гроба зафиксированы остатки столба, диаметром 23 см и высотой 70 см. Гроб был выдолблен из цельного ствола лиственницы (тип *куорчах*). Размеры гроба: длина – 200 см, ширина – 60 см, высота – 50 см. На обоих концах гроба имеются выступы – 20 см у головы, 15 см у ног. На уровне крышки было найдено второе стремя, сломанное посередине. Металл сильно деформирован из-за коррозии.

Справа от гроба зафиксированы остатки погребальной тризны – фрагменты ребер лошади. Некоторые из них разрублены на куски. Наличие подстилающей или покрывающей полотнищ бересты не обнаружено.

После снятия крышки гроба стало понятно, что внутренняя камера была полностью заполнена грунтом. После зачистки от грунта был выявлен костяк, принадлежащий мужчине предположительно 50–60 лет (возраст определен по зубам и черепным швам). Одежда полностью истлела. Костяк лежал на спине, голова повернута на бок в левую сторону. Левая рука согнута в локте и находится в районе шейного отдела, кисть на правом плече. Правая рука согнута, кисть расположена на уровне живота. Длина костяка – 165 см.

Рядом с правой кистью найдена одна полупрозрачная бусина («*одекуй*») белого цвета, предположительно стеклянная. Диаметр бусины – 1 см, отверстия в ней – 0,3 см. Ниже бусины находилась поясная металлическая пряжка прямоугольной формы с отломанным язычком. Длина пряжки – 4,5 см; ширина – 2,8–3,1 см; толщина – 0,5–0,7 см, длина язычка – 5,7 см. Металл пряжки сильно заржавел.

На правом бедре лежала курительная трубка типа «*хамса*». Медная чашечка трубки сильно окислилась, имеет толстый слой налета. Мундштук и ремешок для крепления чашечки сохранились лучше. Длина мундштука – 23,5 см; диаметр чашки – 1,6 см; толщина – 0,3 см, высота – 2,1–2,3см.

На уровне колен найден металлический нож в ножнах. Металл клинка сохранился плохо, отмечается сильная коррозия. Длина сохранившейся части клинка – 3,7 см, насада – 4 см. Ручка, длиной в 10 см, изготовлена из куска вытесанного дерева. Ножны состоят из двух частей: верхней (дерево) и нижней (береста). Эти части закреплялись между собой посредством шнурков, поддеваемых через отверстия в деталях ножен. По всей видимости, в момент снаряжения усопшего нож поместили в голенище торбаса.

Посредством анализа сопроводительного инвентаря погребение можно датировать первой половиной XVIII в. Сохранность костей, древесины, полное разложение одежды также подкрепляет эту датировку. Гроб-колода, или «*куорчах*», является одним из самых ранних вариантов внутримогильных конструкций. Гробы подобного типа встречаются повсеместно на всей территории Якутии и широко использовались также для арангасных, т. е. воздушных, погребений [Бравина, Попов, 2008, с. 63-64].

Поза погребенного, отсутствие нательного и могильного крестов говорят о том, что захоронение относится к дохристианскому, языческому периоду.

Загрунтовка внутреннего пространства гроба, в целом, редкое явление, однако следует отметить, что заполнение землей или песком является характерной чертой ранних захоронений долины Туймада (5 из 7 погребений). Такой способ погребения практиковался, возможно, с целью лучшей герметизации гроба или в качестве предохранительных мер от умершего, представляющего опасность для живых. В последнем случае это связано с глубокими убеждениями якутов про «мстительность» усопших [Бравина, Попов, 2008, с. 62–63].

Курительные приспособления встречаются в погребениях с XVIII в. Распространение курения было связано с развитием торговых связей с пришлым русским населением. Якуты быстро переняли традицию табакокурения. По этнографическим данным этой привычке были подвержены все слои населения, независимо от пола и возраста, вследствие чего курительные трубки широко представлены в сопроводительном инвентаре якутских погребений.

Особый интерес представляет предмет из дерева, внешне схожий со стрелой или дротиком. Подобная находка встречается впервые. Можно предположить, что данная находка имеет связь с наблюдениями Я. И. Линденау: «…Сколько лошадей зарыли с покойником в землю, столько вырезанных шестов устанавливают с одной стороны могилы, а с другой ставят столько шестов, сколько лошадей съели на похоронах» [Линденау, 1983, с. 41]. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходимо продолжить разведочные работы в районе нахождения погребения с целью выявления захоронения лошади.

Таким образом, стоит отметить, что данное захоронение свидетельствует о том, что якуты продолжали длительное время оставаться язычниками после вхождения Ленского края в состав Российского государства. Приверженность традиционным верованиям сохранялась как у якутов, живших в непосредственной близости от Якутска, так и среди жителей отдаленных окраин.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Р. И. Бравина

Список литературы

Бравина Р. И. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.) / Р. И. Бравина, В. В. Попов. – Новосибирск : Наука, 2008. – 296 с.

Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.) / А. И. Гоголев. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. – 192 с.

Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века: (По материалам погребений) / И. В. Константинов. – Якутск : Якутиздат, 1971. – 212 с.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века) / Я. И. Линденау. – Магадан, 1983. – 176 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / под. ред. Эрика Крюбези, Анатолия Алексеева. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2012. – 226 с.

The burial of the area Yus Khatyn (Yakutsk)

D. M. Petrov, V. V. Syrovatskiy

Burial Yus Khatyn was excavated in 2013, it is a classic burial of rider nomad. Yus Khatyn locality is considered sacred and is the venue for a national holiday Ysyakh. Having studied the burial, it can be concluded about the duration of preservation of pagan traditions. The detailed description of the inventory found, burial structures. Yakuts are the northernmost Turkic people, the nomadic tradition of southern ancestors can be traced throughout the funeral rites.

Keywords: Yakuts, funeral rites, burial, ethnicity, culture, Christianization, supporting tools, archaeological excavations.

Петров Денис Михайлович
аспирант 1-го года обучения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Сыроватский Владислав Владимирович
аспирант 1-го года обучения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: syrovatskiy.92@mail.ru

Petrov Denis Mikhailovich
postgraduate student 1st year, Istitute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North
e-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Syrovatskiy Vladislav Vladimirovich
postgraduate student 1st year, Istitute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North
e-mail: syrovatskiy.92@mail.ru

УДК 904

Погребение из местности Шестаковка (г. Якутск)

В. В. Сыроватский, Д. М. Петров
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов севера СО РАН, Якутск

В полевой сезон 2014 г. сектором археологии ИГИиПМНС СО РАН были проведены разведочные работы и раскопки якутских погребений на территории долин среднего течения р. Лена. В ходе работ обнаружено и вскрыто погребение на террасе высотой 2,5 м, приуроченной к руч. Шестаковка в 15 км к югу от г. Якутска.

Визуально захоронение представляло собой неглубокую западину в земле овальной формы. Был заложен раскоп размерами 2×3 м. После снятия дерна и зачистки проявились остатки деревянного сруба (надмогильного сооружения) подпрямоугольной формы. Общая длина остатков – 216 см, ширина – 33 см, диаметр бревна – 6,5 см. Глубина залегания от дневной поверхности – 15–20 см. Кроме того, на данном уровне отмечены мелкие лоскуты бересты. Контур могильной ямы не выявлен. На глубине 40–60 см от дневной поверхности зафиксировано орнаментированное берестяное полотно, вышитое из отдельных лоскутов (покрытие крышки внутримогильного сооружения). Длина с западной стороны – 224 см, с восточной – 236 см, ширина с северной стороны – 87 см, с южной – 80 см.

Внутримогильное сооружение представляет собой ящик-гроб. Крышка гроба состоит из 4 лиственничных плах.

Размеры (отсчет с юга):

1. Длина – 127 см, ширина – 32 см.

2. Длина – 220 см. Северная сторона: ширина – 24 см, толщина – 6 см. Южная сторона: ширина – 21 см, толщина – 7 см.

3. Длина – 221 см. Северная сторона: ширина – 29 см, толщина – 6 см. Южная сторона: ширина – 20 см, толщина – 3,5 см.

4. Длина – 220 см. Северная сторона: ширина – 30 см, толщина – 5,5 см. Южная сторона: ширина – 24 см, толщина – 5,5 см.

Стенки представлены цельными плахами, закрепленными между собой системой пазов.

Размеры:

Восточная плаха: длина – 220 см, ширина – 40 см, толщина – 5 см.

Западная плаха: длина – 223 см, ширина – 35 см, толщина – 9 см.

Северная плаха: длина – 62 см, ширина – 5 см, высота – 30 см.

Южная плаха: длина – 50 см, толщина – 6,5 см, высота – 28 см.

Глубина пазов в среднем 3–5 см.

Днище гроба состоит из 3 плах. Приблизительные размеры днища: длина – 220 см, ширина – 60 см.

Внутримогильное сооружение в виде ящика из плах является типичным для якутских грунтовых погребений XVII–XIX вв. Так же известно, что подобные гробы – *холбо* нередко покрывались берестяным полотном [Бравина, 2008, с. 62].

После открытия крышки гроба было видно, что пространство внутри гроба заполнено землей наполовину. Костяк лежал на спине, ориентирован был головой на запад, руки вытянуты вдоль тела и покоились по бокам, ноги прямые, носки повернуты на правую сторону. Возраст (определен по сохранности зубов и внешним черепным швам) не более 20 лет, рост – 165 см. Положение покойного является одним из менее подверженных изменениям элементов погребального обряда. Подобная ориентировка в направлении головой на запад – классическая и встречается в большинстве якутских захоронений.

Из одежды обнаружены остатки меховой шапки. Верхняя одежда из выделанной кожи длиной выше колен изнутри подбита мехом. На уровне таза располагались истлевшие фрагменты натазника. Ноги облачены в кожаные торбаза, подбитые сеном, подошвы которых отсутствовали. Данная особенность связана с представлением якутов об исходе души из тела через стопы. В этнографическом материале встречается обычай делать несколько отверстий на подошве обуви [Бравина, 2008, с. 175]. Весь комплект одежды в совокупности характерен для XVIII в.

Среди сопроводительного инвентаря были найдены следующие предметы:

– нож черешковый, располагался у изголовья. Клинок ножа выполнен из железа, разломан на три части, при апплицировании видны следы физического воздействия (погнутость). Кончик клинка отсутствует. Сильно коррозирован, железо расслоилось на три составляющие. Размеры: фрагмент № 1 – длина – 2,5 см, ширина – 1 см, толщина в сечении 0,5 см; фрагмент № 2 – длина – 8 см, ширина – 2,3 см, толщина в сечении 0,5 см; фрагмент № 3 – длина – 3,5 см, ширина – 2 см, толщина в сечении 0,8 см. Рукоять ножа изготовлена из березы. У места крепления клинка раскроилась вдоль на три части до середины. Размеры: длина – 8,5 см, ширина – 2,4 см, толщина в сечении 1,5 см. Нож, как элемент сопроводительного инвентаря, встречается как в мужских, так и в женских погребениях;

– чаша *кытыйа*. Материал – березовый кап. Повреждена (расколота на две части), сосуд рассохся. Размеры: внешний диаметр – 17 см, внутренний диаметр – 16 см, толщина стенки – 0,5 см, высота – 6,3 см, диаметр подножки – 9,5 см. Посуда в составе сопроводительного инвентаря якутских погребений встречается повсеместно. Она использовалась в качестве емкости для пищи покойнику;

– серьги проволочные в виде знака вопроса, украшенные тремя бусами белого цвета. В промежутках между бусинами имеются кольца из нити конского волоса, с нанизанным на них бисером темного синего цвета.

Серьга № 1 состоит из 7 верхних колец и 7 нижних. Размеры: общая длина – 5 см, диаметр кольца – 1,8 см, толщина проволоки – 0,2 см.

Бусы. Верхняя: ширина – 1,2 см, толщина – 1,1 см. Средняя: ширина – 0,9 см, толщина – 0,4 см. Нижняя: ширина – 1,1 см, толщина – 0,5 см.

Серьга № 2 состоит из 8 верхних колец и 7 нижних. Размеры: бщая длина – 5 см, диаметр кольца – 2 см, толщина проволоки – 0,2 см.

Бусы. Верхняя: ширина – 0,6 см, толщина – 0,5 см. Средняя: ширина – 1 см, толщина – 0,4 см. Нижняя: ширина – 1,1 см, толщина – 0,6 см.

Между медной проволокой и бусинами вставлен клин из тонкой деревянной щепы. Материал изготовления обеих серег – медь, паста, стекло, конский волос, дерево. Сохранность хорошая, проволока окислена.

Серьги в традиционном якутском обществе носили не только женщины, но и мужчины в качестве украшения, подчеркивающего статус. Известно, по крайней мере, три погребения мужчин с серьгами в ушах. Описанные нами серьги являются одними из самых архаичных вариаций ушных украшений. И. В. Константинов датирует погребения с серьгами в виде знака вопроса периодом XVIII в. [Константинов, 1971, с. 81]. Интерес вызывает наличие колец с бисером, расположенных между бусинами на металлическом стержне. Такая особенность в строении серег встречается крайне редко;

– дисковидное ажурное кольцо от натазника из меди. Металл окислен, покрыт небольшой патиной. Размеры: внешний диаметр – 3,7 см, внутренний диаметр – 1,8 см, толщина – 0,3 см;

– игольник из двух апплицирующихся фрагментов из железа. Сохранность удовлетворительная, железо подверглось коррозии. Размеры: фрагмент № 1 имеет длину – 4,2 см, ширину – 1,5 см. Фрагмент № 2 – длина – 3,2 см, ширина – 0,8 см;

– 4 железных сильно коррозированных кольца. Размеры: кольцо № 1 – внешний диаметр 4 см, внутренний диаметр 1,8 см. Кольцо № 2 – внешний диаметр 2,8 см, внутренний диаметр 1 см. Кольцо № 3 – внешний диаметр 2,8 см, внутренний диаметр 0,7 см. Кольцо № 4 – внешний диаметр 2,3 см, внутренний диаметр 0,7 см.

На основе сопроводительного инвентаря и визуального осмотра костей скелета можно заключить, что костяк принадлежит молодой женщине возрастом не более 20 лет. Положение рук усопшей, отсутствие нательного креста указывают на дохристианский период. В результате инвентарного анализа данное погребение можно датировать первой половиной XVIII в. Решающую роль в датировании играет степень сохранности материала, одежда усопшей и серьги.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Р. И. Бравина

Список литературы

Бравина Р. И. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.) / Р. И. Бравина, В. В. Попов. – Новосибирск : Наука, 2008. – 296 с.

Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений) / И. В. Константинов. – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1971. – 212 с.

The Entombment of the Shestakovka area (c. Yakutsk)

V. V. Syrovatskiy, D. M. Petrov

Materials of interment are included in scientific operation and interpreted in our research work as a result of archeological excavations carried out in 2014 on the area Shestakovka, Yakutsk. Dating is implemented on the basis of inventory analysis.

Keywords: funeral solemnity, grave construction, paganism, yakut, material culture.

Сыроватский Владислав Владимирович
аспирант 1-го года обучения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: syrovatskiy.92@mail.ru

Syrovatskiy Vladislav Vladimirovich
postgraduate student 1st year, Istitute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North
e-mail: syrovatskiy.92@mail.ru

Петров Денис Михайлович
аспирант 1-го года обучения, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
e-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Petrov Denis Mikhailovich
postgraduate student 1st year, Istitute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North
e-mail: dmpetrov-92@mail.ru

УДК 902.01

Ножи из материалов раскопок Тарской крепости

Т. Н. Фаистов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

В ходе раскопок исторического центра г. Тары с 2007 по 2014 гг., проведенных Омским филиалом Института археологии и этнографии СО РАН, раскопано более тысячи квадратных метров Тарской крепости и острога, исследовано несколько строительных горизонтов конца XVI–XIX вв., в которых было найдено несколько тысяч находок, позволивших внести определенные дополнения в письменные источники о жизни города и его населения.

В полученных коллекциях находок выделяется комплекс ножей, который составляет несколько десятков. Характер культурного слоя позволяет объяснить причины, по которым ножи потеряли своих владельцев – в подавляющем количестве случаев они были найдены в сгоревших жилищных и хозяйственных комплексах и только 3–4 предмета были найдены в толще строительного или хозяйственного мусора.

Специфических по своим формам, размерам или с декоративными элементами ножей при раскопках города не обнаружено. В плане выделения специальных ножей в настоящий момент мы можем достаточно уверенно отделить из общего комплекса только столовые ножи, которые отличаются сравнительно небольшими размерами лезвия с двусторонней заточкой, тонкой деревянной ручкой, сильной изношенностью и тупым концом (рис. 1, *1–4*). Лезвия имеют разную в сечении конфигурацию и, как правило, сильно сточены от заточек.

Наиболее распространенными в археологических коллекциях памятников конца XVI – первой половины XVIII вв. г. Тары и Тарского Прииртышья являются ножи с полулунными лезвиями (рис. 1, *5–7*). При раскопках русских поселений Изюк-I и Ананьино-I Л. В. Татауровой была получена значительная коллекция таких предметов [Татауров, Татаурова, 2003]. Следует отметить большой диапазон длин лезвий – от 14–15 см до 30 и более и веса металлической части – от 50 до 200 грамм. Форма сечения лезвия представляет собой вытянутый треугольник, причем у некоторых экземпляров толщина обуха доходит до одного сантиметра. Переход лезвия в черен у таких ножей со стороны лезвия и со стороны обуха четко выражен. Следы сработанности лезвия от заточек очень слабые. Рукояти для таких ножей достаточно просты и изготовлены из деревянных заготовок из прямоствольной березы, в которых просверливалось узкое отверстие для насадки.

Также в археологических коллекциях раскопок г. Тары выделены ножи с тонким длинным лезвием (рис. 1, *8–10*). Форма сечения лезвия представляет собой вытянутый равнобедренный треугольник. Переход лезвия в черенок и со стороны лезвия и со стороны обуха хорошо выражен. Длина лезвия поражающей части составляет от 19 до 25 см. Рукояти для таких ножей так же изготавливались из березы. Все ножи имеют небольшую сработанность от заточек. Ножен для таких ножей не зафиксировано. Такие ножи по форме лезвия распространены у сельского населения района и по настоящее время и используются для забоя крупного рогатого скота и свиней.

Ножи с прямым обухом представлены четырьмя экземплярами (рис. 1, *11–14*). Все они имеют длину лезвия около 20–25 см, форма сечения треугольная. На двух ножах окончание черенка загнуто. Рукоятки у трех ножей были выполнены из дерева, у одного на черенке сохранились остатки костяной рукояти, вырезанной, возможно, из рога лося (?).

В ходе раскопок были найдены определенной формы ножи, ножны и обувь, которые после анализа позволили выделить еще один вид бытовавших у тарчан ножей – это засапожные ножи (рис. 1, *15–16*). Это сравнительно небольшие (не более 17 см) по длине лезвия ножи с укороченными (7–9 см) уплощенными рукоятями, выполненными из дерева или кости. Лезвие имеет в сечении равнобедренный треугольник и переходит в почти невыраженный широкий черенок. Ножны к таким ножам практически не отличаются от обычных, но простые ножны пришиты к сапогу по шву голенища (рис. 1, *17–18*), а другие имели такое же крепление, как и к ремню, плюс еще дополнительный ремешок, который проходил поверх сапога и снимал нагрузку с бляшки-пуговицы, предотвращая тем самым колебание ножен.

Собранные материалы свидетельствуют о том, что население г. Тары в конце XVI – первой половине XVIII вв. имело в своем обиходе значительный набор ножей. Можно с уверенностью утверждать, что нож мог использоваться в любой обстановке, так как он является одним из самых универсальным по своему предназначению инструментом у человека во все времена, наравне разве что с топором.

Основываясь на археологических коллекциях, было выделено пять вариантов, исходя из их формы и предназначения – это столовые, хозяйственные с полулунным или с длинным тонким лезвием, универсальные с прямым обухом и засапожные. Вероятнее всего, ассортимент ножей был гораздо шире, так как пока не обнаружено специальных ножей – сапожных, медицинских,

ритуальных и т. д. Вполне вероятно, что вместо них в Таре использовали универсальные ножи.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент С. Ф. Татауров

Список литературы

Татауров С. Ф. Русские на берегах Иртыша (по данным археологических исследований) / С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 6. – С. 233–244.

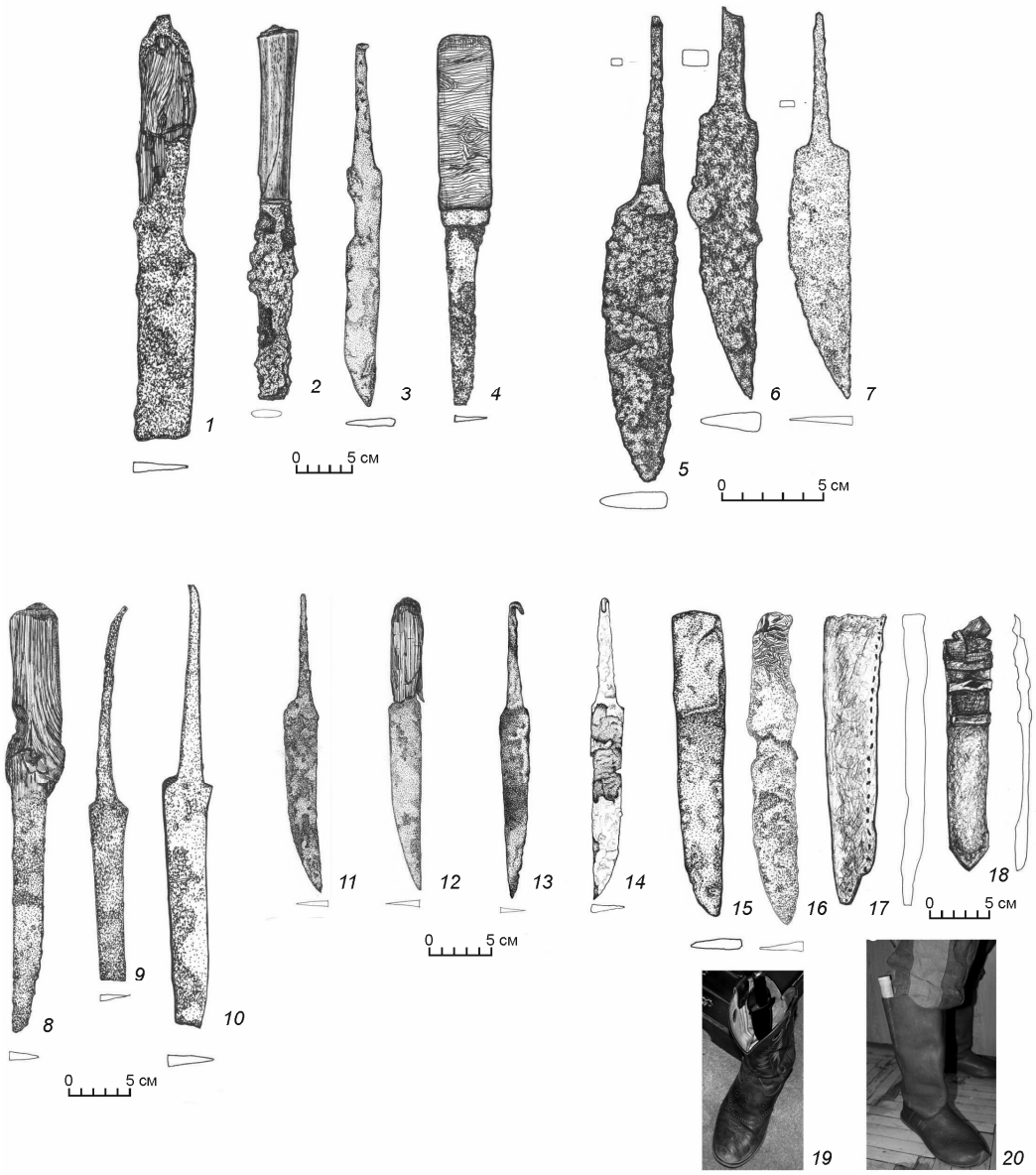


Рис. 1. Ножи из раскопок Тары: 1–4 – столовые; 5–7 – с полулунным лезвием; 8–10 – с тонким длинным лезвием; 11–14 – с прямым обухом; 15–20 – засапожные ножи.

The knives of excavation materials Tara fortress

T. N. Faistov

This article analyzes the complex knife end XVIth – the first half of the XVIIIth century of excavations Tara fortress. It presents the characteristics and classification of knives and scabbards.

Keywords: Tara, Siberia, knife, sheath.

Фаистов Тимофей Николаевич
студент 3-го курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: faistov1993@mail.ru

Faistov Timofey Nikolaevich
student 3rd year, Omsk State University F. M. Dostoevskiy
e-mail: faistov1993@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАДИЦИОННЫЕ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

УДК 39

Образ «кержака» в рассказах жителей алтайской деревни: по полевым материалам Центра устной истории и этнографии АлтГПУ

Д. В. Алекса
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Носителем традиционной русской культуры на Алтае является сельское население, представленное разными культурными, конфессиональными, социальными группами [Щеглова, 2009, с. 119]. Этнический и этнографический состав алтайской деревни формировался на протяжении трех столетий. Т. К. Щеглова указывает на то, что «деление русского населения на две группы, старожилов и переселенцев, не отражает всего многообразия историко-культурных групп, входящих в категорию старожилов и переселенцев» [Щеглова, 2009, с. 120]. Таким образом, появляется потребность в более глубоком изучении общностей алтайской деревни как старожильческих, так и переселенческих. Среди историков, занимающихся проблемами этнокультурного состава населения алтайской деревни, не сформировано единого мнения при делении русского старожильческого населения на локальные группы внутри большой этнической общности. В исторической литературе можно найти несколько вариантов классификаций русских старожилов Алтая, среди них есть более обобщенные образы – «чалдоны», «кержаки», казаки, староверы. В данной публикации автор хотел бы выделить отличительные черты «кержаков» от других групп старожилов, упоминаемых жителями алтайской деревни в полевых источниках архива ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ, и определить место «кержаков» в сельском обществе Алтая.

В исторической науке существует несколько точек зрения на происхождение этнокультурной группы «кержак». М. Л. Бережнова в монографии указывает, что существовали старообрядческие скиты на р. Кержанец, притоке Волги, в Нижегородской губернии, поэтому «кержаков» нужно считать выходцами из данной губернии [Бережнова, 2012, с. 224]. Исследователь Г. В. Любимова называет Нижегородскую губернию местом первоначального расселения старообрядцев [Любимова, 2004, с. 32]. Вспоминает И. А. Медведев, с. Усть-Калманка: «Мой-то дед кержаком был, заселял-то. … в России, была Кержа (р. Кержанец – левый приток Волги). Люди там жили, их прозвали кержаками…» [Алтайская деревня…, 2012, с. 264]. Упоминание об этнографической общности «кержаки» мы находим и в исследовательских работах конца XIX в. Например, статистик С. П. Швецов называет «кержаков» жителями алтайской деревни, но одновременно указывает, что они − переселенцы из Пермской губернии, и относит их к группе раскольников, которые стремились к затворнической жизни [Швецов, 1899, с. 429]. После разгрома Керженских скитов раскольники бежали на Урал, далее происходило расселение по территории Сибири, включая Алтай. Б. Б. Пушкарев указывает на то, что переселенцы алтайской деревни и их потомки в устных источниках не разделяют старообрядцев на отдельные общности по религиозным особенностям, а обобщенно называют их «кержаками» [Пушкарев, 2004, с. 173]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что общностью «кержаков» в алтайской деревне представлен обобщенный образ старообрядцев-старожилов. Респонденты в интервью ставят знак равенства между «кержаком» и «старообрядцем». Устно-исторические источники помогают в определении и выделении характерных черт и качеств «кержаков», сохранившихся в

сознании респондентов. Автор хотел бы показать образ «кержака» на примере двух районов Алтайского края, расположенных в разных природных зонах – Заринском и Мамонтовском районах, в северо-восточной и центральной частях края соответственно. Т. К. Щеглова в работах указывает на проявление «кержацкого» поведения или «кержацких» черт характера в восточной и центральной части Алтайского края [Щеглова, 2001, с. 37]. Из особенностей культуры кержаков в устных источниках чаще всего упоминаются религиозные и бытовые. К бытовым особенностям «кержаков» респонденты относят использование только «своей» посуды [Архив ЦУИиЭ ЛИК, Токарев С. Р., ИЭЭ 2000], чрезмерную чистоплотность в сравнении с «мирскими» [Архив ЦУИиЭ ЛИК, Шершнева Т. П., ИЭЭ 2000 г.], замкнутость и обособленность сельских обществ от переселенческих общностей – места для поселений «кержаки» стремились найти удаленные от внешнего мира, например, в тайге (Заринский район) или локализоваться в пределах одного «края» или улицы в населенном пункте [Мамонтовский район], некоторые респонденты вспоминают, что даже кладбища «кержаки» обустраивали отдельно [Архив ЦУИиЭ ЛИК, Койнова Т. П., ИЭЭ 1999 г.], конфессиональный фактор смешивался с бытовым и становился во многих сферах определяющим.

Жители обоих районов в интервью вспоминают случаи взаимоотношений кержаков и переселенцев, чаще отношения были связаны с сельскохозяйственной деятельностью в алтайской деревне. «Кержаки», как и многие другие общности старожилов, видели в новоселах дешевую рабочую силу и нанимали их на разного рода «работы». Не все переселенцы были довольны статусом «батрака» у кержацкого населения (Заринский район), но порой это был единственный способ выжить в экстремальных условиях иной местности. Переселенцы видели и отмечали черты зажиточности у кержаков, маркером становится такой предмет материальной культуры как одежда – «одежда у кержаков была богатая. Платья были длинные. Шубы из баранов, поясом подпоясанные. Обуты они были в сапоги» [Архив ЦУИиЭ ЛИК, Токарев С. Р., ИЭЭ 2000 г.]. Переселенцы называли «кержаков» представителями старой или старинной веры, называли их старообрядцами, не различая по согласиям. Респонденты отмечают наличие специального молебного дома в населенном пункте и наставника у кержаков (Заринский район). В Мамонтовском районе кержаков называют староверами, не раскрывая и не уточняя термин.

В заключении автор хотел бы сделать вывод о том, что образ «кержака» в алтайской деревни является собирательным. Первоначально кержаками называли одну из групп старожилов-раскольников, которые мигрировали из Нижегородской губернии по причине конфессиональных гонений на территорию Алтая в XVIII в. Однако с появлением групп переселенцев в последней трети XIX в. в границах алтайской деревни стал происходить процесс слияния культурных, конфессиональных, бытовых особенностей групп старообрядцев в сознании новоселов, и в быту стал употребляться экзоэтноним «кержак».

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Т. К. Щеглова

Список литературы

Алтайская деревня в рассказах её жителей / под науч. ред. Щегловой Т. К., Дмитриевой Л. М. – Барнаул : Алт. дом печати, 2012. – С. 260–275.

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2000 г. Токраев С. Р.

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2000 г. Шершнева Т. П.

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 1999 г. Койнова Т. П.

Бережнова М. Л. Загадка челдонов: история формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири / М. Л. Бережнова. – Омск, 2012. – 265 с.

Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири / Г. В. Любимова. – Новосибирск, 2004. – 240 с.

Пушкарев Б. Б. Этнографические группы Алтайского края / Б. Б. Пушкарев // История Алтайского края. XVIII – XX вв. – Барнаул, 2004. – С. 170–181.

Швецов С. П. Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайский округ / С. П. Швецов. – Барнаул : Типо-Литография при Глав. Упр. Алт. округа, 1899. – 579 с.

Щеглова Т. К. «Народная» этнография: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде / Т. К. Щеглова // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул : БГПУ, 2001. – Вып. 4. – С. 35–44.

Щеглова Т. К. Русское население Алтайского края: состав, формирование, численность / Т. К. Щеглова // Краеведческие записки. – Барнаул : ОАО «ИПП «Алтай», 2009. – Вып. 8. – С. 119–134.

The image of "kerzhak" in the stories of the inhabitants of the village of Altai: Field Data Center for Oral History and Ethnography AltGPU

D. V. Aleksa

In this publication the author singles out distinguishing features from other groups kerzhak veteran Altai village relying on STS-historical sources and determine the place of "kerzhak" in the rural society of Altai.

Keywords: Ethnography, kerzhak, Altai.

Алекса Дарья Викторовна
магистрант 1-го года обучения, Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: dasha_aleksa@mail.ru

Alexa Daria Victorovna
graduate student 1st year, Altai State Pedagogical University
e-mail: dasha_aleksa@mail.ru

УДК 390

Обычаи и обряды, связанные с лошадью, в традиционной культуре тувинцев

Д. В. Багай-оол
Тувинский государственный университет, Кызыл

Культурные традиции, обычаи и обряды имеют мощный положительный потенциал, способный воспитать гармоничную личность, крепко стоящую как на традициях своего народа, так и успешно впитавшую достижения современной цивилизации.

Роль животных в религиозных верованиях тувинского народа была удивительно разнообразной. В облике животного некогда представлялось божество. Животное считалось спутником или помощником бога.

Конь занимал особое место в культуре и жизни у тувинского народа. Лошадь – незаменимое животное для кочевого образа жизни. Прежде всего, ее использование как средства передвижения – многочисленные перекочевки, выпас скота, перевозка грузов и многое другое совершалось с ее помощью. Лошадь, наряду с другими домашними животными, использовалась как верховое и вьючное животное, а также для получения молочных продуктов. Из шкур изготавливали различные предметы домашнего быта. Конские волосы использовались на охоте и рыболовстве, а также из них свивали арканы. Чрезвычайно важная роль коня находила яркое отражение в верованиях, погребальных обрядах, эпосе, во многих формах народного искусства [Даржаа, 2003].

Еще в скифское время у племен Тувы, как и у многих других ранних кочевников, возник обычай сопровождать умершего «на тот свет» захоронением рядом с ним лошадей. Яркий пример – «царский» курган Аржан в Уюкской долине Пий-Хемского района Тувы, во время раскопок которого обнаружили 160 конских костяков и останки съеденных на поминальных тризнах еще почти 300 лошадей [Грязнов, Маннай-оол, 1973].

Одной из наиболее показательных и отличительных черт, характеризующих погребальный обряд и культуру населения Тувы пазырыкского времени, является захоронение человека с конем в одной могильной яме. Такая традиция, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием социально-экономических отношений в обществе древних кочевников, нашла свое отражение в системах религиозно-мифологических представлений тувинцев.

Нужно отметить, что для шаманистов, которые верили в загробную жизнь животных, потусторонний мир для людей и животных был один и тот же [Нестеров, 1990]. Более того, умершие, «которые здесь живут … держат скот (околевший и принесший в жертву)», в подземном мире встречались не только с родственниками, но и с домашними животными.

Культ лошади у тувинцев занимает видное место. Освященная лошадь остается таковой на всю жизнь, т.е. неприкосновенной. Л. П. Потапов указывал, что шаманы участвовали также в обрядах освящения коня, барана, оленя (у восточных тувинцев) [Потапов, 1960].

Священный конь «*ыдык аът*» выступал в качестве одного из главных символов власти над родом. Воин-мужчина пешком никогда не ходил, поэтому родовую принадлежность мужчин узнавали не только по лицам, но и по коням, на которых они ездили. При инициации мужчин, когда они получали новые имена, то их кони получали соответственно клички [Вайнштейн, 2009].

По более поздним этнографическим материалам, собранным Л. П. Потаповым, тувинцы посвящали коня в «*ыдыки*» при болезни главы семьи. Целью обряда и совершаемых при этом ритуальных действий была передача болезни хозяина его коню, отпускаемому затем в стадо и уносящему с собой болезнь человека. В данном обычае привлекает внимание одна существенная деталь, проливающая свет на некоторые характерные черты культа коня у тувинцев, присущие ему в отдаленном прошлом. Речь идет о том, что после замены новым конем состарившегося (той же масти), шкуру его вместе с черепом и нижними суставами ног вывешивали на жерди, продетой сквозь ветви дерева, растущего близ «*аала*». Следует заметить, что посвящение коня в «ыдыки» для избавления от болезней может служить доказательством существования у тувинцев в прошлом шаманистких представлений и культов, типичных до недавнего времени для хакасов, у которых посвящение коней духам болезней было весьма развита [Даржаа, 2007]

Аналогичным свидетельством участия лошади в погребальном обряде являются находки ее скелета, отдельных костей (чаще черепа и конечностей) или остатков сбруи. В литературе присутствие в могиле лошади объясняется чисто практическими соображениями – она является частью погребального инвентаря.

Погребение человека с конем у тувинцев является классическим вариантом погребального обряда. Коня при захоронении клали справа или слева

от умершего, несколько выше, ниже или на одном уровне с ним; между человеком и конем часто ставили разделительную стенку из бревен, камней, досок, кольев, оставляли земляную перемычку.

Роль лошади, погребенной вместе с человеком, заключалась в доставке умершего на тот свет и служении ему там так же, как и при жизни на земле.

В некоторых районах Тувы были свои особенности при погребении шамана. Так, к моменту выноса к дверям юрты тувинцы подводили лошадь, оседланную вьючным седлом, на которой везли умершего шамана к месту погребения. Под седло на лошадь клали войлочный матрац, шубу, шапку, пояс, обувь и трубку шамана, а лошадь ставили головой по направлению к той стороне, где предстояли похороны. Мертвого шамана без одежды мужчины перебрасывали через седло (животом на седло и головой на левую сторону лошади) и перевязывали кожаной веревкой, пропущенной под брюхо животного. После похорон лошадь покойного возвращалась домой [Грумм-Гржимайло, 1926].

В. П. Дьяконова во время сбора полевых материалов в Туве в районе Сут-Холе заметила, что обычай погребения с лошадью принял символическую форму. Здесь лошадь не убивали, а оставляли у могилы покойного на несколько дней, затем забирали ее в хозяйство.

Бытовал и иной способ, который после утверждения в Туве в XVII в. буддизма закрепился в среде духовенства. Перед похоронами ламы отряжался всадник, ездивший по округе до тех пор, пока не помочиться лошадь. На этом месте и оставлялся труп. Дъяконова усматривала здесь связь с буддийским культом лошади. Однако материалы из этнографии казахов позволяют предполагать, что главную роль играло поверье, имевшее, очевидно, общетюркские корни, о сакральной чистоте конской мочи (место, куда попала моча лошади, считалось очищенным от воздействия злых темных сил) [Вайнштейн, 2009]

Таким образом, лошадь занимала особое место в культуре тувинцев, так как использовали их не только как верховое и вьючное животное, но и священное – например, посвящение коня в *ыдыки* при болезни человека. Существовал погребально-поминальный обряд, который коротко можно описать так, что уходя из жизни, человек прощался с близкими людьми и с конем, а у народов Саяно-Алтая в мир иной умершего сопровождать был призван только конь.

Научный руководитель канд. ист. наук, доцент Е. В. Айыжы

Список литературы

Вайнштейн С. И. Загадочная Тува / С. И. Вайнштейн. – М., 2009.– 415 с.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край / Г. Е. Грумм-Гржимайло. – Л., 1926. – Т. III. – 424 с.

Грязнов М. П. Раскопки кургана Аржан в Туве / М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол // АО 1972 года. – М., 1973. – С. 200–204.

Даржаа В. К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / В. К, Даржаа. – Кызыл, 2003. – 184 с.

Даржаа В. К. Тайны мировоззрения тувинцев-номадов / В. К. Даржаа. – Кызыл, 2007. – 82 с.

Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-холя / Л. П. Потапов // Тр. Тувин. комплекс. археол.-этнограф. экспед. – М.; Л., 1960. – Т. 1. – С. 171–237.

Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен / С. П. Нестеров. – Новосибирск, 1990. – 53 с.

The customs and rituals associated with the horse, in the traditional culture of Tuvinians

D. V. Bagay-ool

Cultural traditions, customs and rituals have a powerful positive potential to foster harmonious personality firmly standing on the traditions of his people, and successfully absorbed the achievements of modern civilization. The important role of the horse was reflected in the beliefs in the funeral rites, epic in many forms of folk art.

Keywords: ritual, custom, horse, traditional culture Tuvinians

Багай-оол Дамырак Викторовна
студент 5-го курса, Тувинский государственный университет
e-mail: aiygy@mail.ru

Bagay-ool Damyrak Viktorovna
student 5th year, Tuva State University
e-mail: aiygy@mail.ru

УДК 39

Войлочный ковер у казахов Горного Алтая*

Г. А. Байгонакова
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
*Работа выполнена при поддержке РГНФ – проект № 15-11-04003 а(р)

В Республике Алтай казахи, переселившиеся сюда в середине XIX в., представлены многочисленной диаспорой, компактно проживающей в Кош-Агачском районе. В память о том, что они издревле принадлежат к кочевому народу, в народе бытуют знания об изготовлении предметов быта номадов. Наиболее распространенным видом является изготовление напольных, войлочных ковров – *сырмаков*. Это простеганные суровыми нитками двухслойные ковры, имеющие войлочную подкладку естественной окраски и верх, исполненные в технике инкрустации из разноокрашенных по цвету кусков войлока. Ковры сырмаки, выполненные в традиционной форме, мы встречали у Марии Кыдырбаевой (1926 г.р.) в с. Кокоря и Нуржамал Сванкуловой (1926 г.р.) в с. Тебелер Кош-Агапчского района. Данная статья посвящена характеристике узорного войлока и его места в традиционной культуре казахов Горного Алтая.

Орнаментальная композиция сырмаков сводится к двум вариантам: одна состоит из центральной и окаймляющей части, другая представляет собой сплошную орнаментальную плоскость без выделенного центра. Центральное поле этих сырмаков, куда помещены одна или несколько орнаментальных фигур, отделено от бордюра четкой линейной границей. Присутствует симметричность отдельных форм орнаментальных решений этих изделий. Их плавный переход одной в другую в бордюре, совпадение осей в центральном поле и в кайме придают им необходимую для всякого коврового изделия законченность и замкнутость [Джунисова, 2007, с. 235].

Наряду с симметрией в этих сырмаках также хорошо виден позитивно-негативный принцип построения узора. В них нет разделения на фон и узор, а имеется сочетание двух узоров различных цветов. Причем каждый из них занимает равную с другими площадь и зачастую является зеркальным отражением другого узора. В них использовано наиболее распространенное для кошагачских сырмаков сочетание красного с зеленым и желто-оранжевым цветами. В сырмаках с центральным полем встречаются и другие цветовые сочетания: красного с желтым и синим, красного с синим и зеленым, красного с синим, зеленым и розовым. Он является неповторимым творением прикладного искусства народа, изделием, призванным украшать повседневный быт каждой семьи [Аккожанова, 2004, с. 195].

Со вкусом орнаментированный сырмак по своей красоте разве что сравним с ковром. По своим размерам он меньше *текемета*. Обычно войлок, из которого делается сырмак, должен быть снежно-белым или черным. Шерсть для войлока подбирается заранее. Войлок в большинстве случаев изготавливается из шерсти ягнят. Шерсть расчесывается специальным железным гребнем, затем сбивается до пышности специальной палкой – *сабау*. Именно из такой специально подобранной шерсти валяется лицевая сторона сырмака. Оба полотнища войлока изготавливаются отдельно. Шерсть для сырмака берется экономно для того, чтобы войлок был легким. Обычно сырмаки делают тонкими, но плотными. Изнаночная сторона сырмака обшивается сукном и прошивается вдоль и поперек. Такая своеобразная подкладка полезна вдвойне. Во-первых, войлок не пачкается. Во-вторых, ворсинки шерсти не падают на пол. После изготовления войлока для сырмака продумываются его размеры и подбирается орнамент для его украшения [Коновалов, 1986, с. 62]. По величине казахские сырмаки бывают четырех видов.

Самый большой сырмак – *кош сырмак* – сырмак для кочевья. Эти сырмаки используются во время кочевок. Ими покрывают верблюжий вьюк или арбу, на которую нагружается домашнее имущество. Его размеры от трех до пяти метров. Второй вид – подстилочный сырмак. Его размеры от трех до трех с половиной метров. Такие сырмаки иногда изготавливаются для подстилки на пол юрты. Третий вид – *оталды сырмак* – сырмак перед очагом. Его размеры от двух с половины до трех метров. Этот сырмак стелится на пол поверх кошмы, под корпеше во время приема почетных гостей. Четвертый вид – *тосек сырмак* – постельный сырмак, его размеры от двух до двух с половины метров. Делаются сырмаки и меньших размеров – около полутора метров [Омирбекова, 2004, с. 33].

Мастер-сырмакчи заранее подбирает орнамент для своего будущего изделия и располагает его по собственной методике. После окончания подготовительного периода лицевую сторону сырмака расстилают на пол и на нем располагают образцы орнамента, вырезанные из плотной бумаги, картона или гладкой шкуры, которые очерчивают отточенным мелком. Затем очерчен-

ные линии орнамента вырезают специальным острым ножом или ножницами. Обычно вырезанная таким образом одна сторона войлока становится серединой сырмака, а вторая – краем. Например, если одна сторона войлока вырезается из черного войлока, то другая – из белого. Таким образом, середина одного сырмака состоит из белого войлока, а другого – из черного. Совмещенные орнаменты соединяются редкими стежками. Затем сшиваются соединительным швом. После соединения всех элементов орнамента поверх шва нашивается яркая тесьма. Тесьма пришивается методом двойного шитья – сверху и снизу. Элементы сшиваются по линии орнамента. После сшивания всех деталей края сырмака выравниваются и обшиваются красочной тесьмой или широкой шерстяной полоской.

По цвету различают четыре вида сырмаков: белый; черно-белый; сырмак, обшитый по краю; *дебиске сырмак*. *Ак сырмак* – белый сырмак орнаментируют цветной тесьмой или разноцветной тканью. Орнамент делают нитями из верблюжьей шерсти. Какого цвета тесьма по краю сырмака, такого цвета должна быть и нить. Это процесс называется «*жиектеу*» – обшивание по краю. После того, как орнамент по краю будет обшит нитями, к сырмаку пришивают подклад, который соединяют с лицевой стороной [Октябрьская, Сураганов, 2011, с. 97].

Сырмак делают из однотонного войлока, на который пришивают орнамент из войлока другого цвета. Казахи используют сырмаки в быту для подстилки. Обычно сырмак для красоты настилается поверх текемета или простого войлока. Существуют несколько видов сырмаков: *ак сырмак* – белый сырмак, *кара ала сырмак* – черно-белый сырмак, *жиекти сырмак* – сырмак с каймой, *дебиске сырмак*. Они отличаются друг от друга тем, что каймой для орнаментов служат нити разных цветов [Омирбекова, 2004, с. 32].

Традиции казахского народа представляют характерные образцы современного орнаментального искусства казахов Горного Алтая. Они связаны с гендерным принципом домашнего производства – преимущественно с женскими домашними ремеслами, сохранившими свою жизнеспособность до наших дней.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Н. А. Тадина

Список литературы

Аккожанова Е. Казахи Чуйской степи / Е. Аккожанова // Алтай – сокровище культуры. – М., 2004. – С. 194–197.

Джунисова О. А. Особенности этнокультуры казахов Кош-Агаческого района / О. А. Джунисов // Актуальные проблемы географии. – Горно-Алтайск : Универ-Принт, 2007. – С.232–239.

Коновалов А. В. Казахи Южного Алтая / А. В. Коновалов. – Алма-Ата, 1986. – 168 с.

Октябрьская И. В. Традиционные узорные войлоки казахов и современное ковроделие / И. В. Октябрьская, С. К. Сураганов // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2011. – № 4. – С. 189–199

Омирбекова М. Ш. Традиционная культура казахов / М. Ш. Омирбекова. – Алма-Ата, 2004. – 104 с.

Felt carpet of the Kazakhs of the Altai Mountains

G. A. Baygonakova

The article is devoted to gender-based domestic crafts, characterization of patterned felt and its place in the traditional culture of the Kazakhs of the Altai Mountains. At the moment, it is found out that the production of ornamental felt plays an important role in the culture of the Kazakh Diaspora and is still in demand and helps to preserve traditions.

Keywords: Altai Republic, diaspora, traditions, crafts, gender principle

Байгонакова Гульзат Алихановна
студент 4-го курса, Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: kim0484@mail.ru

Baygonakova Gulzat Alihanovna
student 4th year, Gorno-Altai State University
e-mail: kim0484@mail.ru

УДК 39

Мифы, связанные с культами птиц, у народов Сибири

С. Н. Балчыр
Тувинский государственный университет, Кызыл

Исторически сложившееся духовно-культурное наследие народов мира свидетельствует о многообразии их традиций, обычаев, верований и т. д. Именно в познании мира складывается мировоззренческая основа бытия каждого человека, народа – мироощущение, мировосприятие, представление о мире.

Человек в своей сознательной истории большую часть времени пребывал в мифе, посредством которого он оформлял и регулировал свою жизнедеятельность, всю систему отношений с природой, обществом и с самим собой. Многовековое мифологическое миропонимание и мироотношение в процессе планетарного развития приобрело множество различных форм и проявлений. Эти явления составили суть многообразия культур в истории, однако каждая эпоха (культура), накладывая особый отпечаток на человека и преображая его, не может изменить «истинно человеческое» обусловленное самой природой его становления [Абсалямов, 2004, с. 9–10]. Проблема взаимодействия человека с природой, а также особенности и схожие моменты в представлении о ней, интересуют автора в первую очередь.

Миф, в моем понимании, – это не сказка, а скорее система мировоззрения, которая представляет собой древнее знание, оберегаемое на протяжении тысячелетий и являющееся необходимым условием выживания социума. Именно посредством мифа сибирские народы долгое время сохраняли в своем сознании философию космизма, вне которого они не могли представить свое существование.

В данной статье будет рассматриваться культ птиц у народов Сибири, который представляет особый интерес, особенно с точки зрения мифологемы.

Мифологема «душа-птица», в том числе концепция птиц как проводников или носителей душ, широко распространена в традиционных культурах.

О. В. Ачитаева рассказывала, что хакасы верят, что всем плохим на белом свете правят боги Нижнего мира, которые пробираются и в души людей. В каждой степной птице живет «*хут*» (душа) ушедших в мир предков – доблестных воинов, знаменитых князей и легендарных шаманов. «Хут» достойного мужчины после земной жизни вселяется в орла, беркута, сокола. Души великих героев, погибших за свой народ, парят над родной землей, оберегают ее от зла, предупреждают об опасности, а главное, осуществляют связь с предками. Хут после смерти человека временно, до нового рождения, богиней Умай – богиней жизни и материнства, вселяется в травы и деревья, в птиц и животных, во все то, что нас окружает, незримо сопутствуя жизни на земле. Поэтому издревле хакасы бережно относились к природе и ко всему, что окружает нас (Ачитаева).

Рассмотрим легенды и мифы, посвященные некоторым священным и особенным птицам в культуре народов Сибири.

Легенда о птице, которая очень распространена среди тувинцев, это журавль – *«дуруя»*. Однажды на озере Тере-Холь охотник увидел очень красивых и больших птиц и застрелил одну на берегу. Птица, которая осталась, прилетала на место гибели своего партнера и не улетала, даже когда другие птицы собрались улетать в теплые края. Она оставалась на том же месте и плакалв, летала, кружила на месте и, когда наступили холода, она вознеслась на небо и мертвым камнем упала именно на то место, где охотник застрелил ее спутника. Эти птицы очень верные, если находят спутника жизни, то это на всю жизнь [Кенин-Лопсан, 1994, с. 200].

Согласно источникам, появление культа птиц отражает культурное миробытие тувинского народа. Например, можно сравнить жизненный путь мужчины и орла, чей полет тувинцы олицетворяли с жизнью человека. Также можно выделить особый ритуальный танец орла, который совершают борцы перед национальной борьбой *«хуреш»*.

Орел является очень распространенной мифологемой у народов Сибири. По рассказам Е. Н. Кулумаевой, в верованиях хакасов мир появился из орлиного яйца и все они потомки древнего великого орла, самый первый шаман был сыном орла и человека, и получил от орла свою мудрость, отличное зрение и т. д., а главное – магическую силу (Кулумаева). Действительно, ни один из обрядов, которые проводят сибирские шаманы, по сей день не обходится без орлиной атрибутики – перья, когти, клюв. Они используют все эти предметы в магических целях.

Наиболее прочная и выдерживающая критику мифологическая система из всех сибирских народов наблюдается у бурят. Культ орла связывают с историей загадочного острова Ольхон (существующего на самом деле на оз. Байкал). Буряты верят в то, что существует некий Хозяин, который сотворил остров Ольхон и всю ближайшую к нему землю, а орла они считают его прямым наследником – сыном. И этот орёл, в

свою очередь, является отцом первого шамана – Мэрген Хара. Однажды, Мэрген Хара отправил своего сына узнать о новом пророке, что явно связано с распространением буддизма, и так очень уж сложной была дорога, что превратил его в птицу – орла. Орёл летел, летел и под конец так проголодался, что когда увидел на земле павшее животное, подлетел к нему и начал поедать. Это осквернило его природу, и он больше не смог быть человеком. Тогда шаман превратил в орлицу самую красивую девушку их селения, и появились у них дети – орлы. Буряты верят в то, что белые орлы происходят именно от сына Мэрген Хары.

Таким образом, орла в Сибири считали самой главной птицей – ему поклонялись, устраивали ритуальные праздники. Буряты верили, что Орёл сможет защитить их от злых духов, поэтому хранили в доме орлиные перья и другую атрибутику. Якуты и буряты считали также, что орёл принёс людям огонь, и почитали его как хозяина огня. Природа орла в их мифологии амбивалентна, она имеет как положительные, так и отрицательные черты [Анохин, 1924, с. 159].

В шаманских поверьях алтайцев беркут – помощник шамана, и описывается таким же, как на писаницах, с луновидными крыльями: «С луновидными крыльями, черный мой беркут» [Алексеев, 1980, с. 215]. Кроме того, беркут у алтайцев использовался как ловчая птица на охоте, о чем свидетельствуют данные эпоса *«Алтай-Бучай»*:

«Тратить стрелы не решатся, -
Ловчих беркутов на нас
Пустят, может быть как раз!» [Галданова, 1987, с. 92].

Ещё одним тотемом у некоторых родов алтайцев, по мнению Л. П. Потапова, был лебедь, который по представлениям народов Саяно-Алтайского нагорья был связан с материнским родом [Потапов, 1983, с. 110].

Таким образом, мифология культа птиц в традиционной культуре различных народов занимает особое значение, и немаловажно отметить тот факт, что если раньше птицам поклонялись, то сейчас птица – это символ свободы и продолжения жизни.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Е. В. Айыжы

Список литературы

Абсалямов М. Б. Мифы Древней Сибири / М. Б. Абсалямов. – Красноярск, 2004. – 304 с.

Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Н. А. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1980. – 316 с.

Анохин А. В. Материалы по шаманству алтайцев / А. В. Анохин. – Л., 1924. – 159 с.

Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят / Г. Р. Галданова. – Новосибирск : Наука, 1987. – 176 с.

Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная этика тувинцев / М. Б. Кенин-Лопсан. – Кызыл : Новости Тувы, 1994. – 345 с.

Потапов Л. П. Мифы алтае-саянских народов как исторический источник / Л. П. Потапов // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск : Нациздат, 1983. – 110 с.

Mythes of Siberians about bird cults

S. N. Balchir

The study of the philosophical aspects of the traditional culture of the peoples of the world, their historical role and place in the overall socio-cultural and ethno-religious complex is one of the most important tasks in ethnographic and etnokulturologic studies and reconstructions. The cult of animals and birds connected with everyday signs and complex religious-ideological complex, allowing a detailed study of the spiritual culture of the peoples of Siberia.

Keywords: cultural heritage of peoples, myth, cult, hoot, khuresh, shaman

Балчыр Сайзана Николаевна
студент 5-го курса, Тувинский государственный университет
e-mail: aiygy@mail.ru

Balchir Sayzana Nikolaevna
Student 5th year, Tuva State University
e-mail: aiygy@mail.ru

УДК 392.51(571.51)

Свадебный стол татар с. Солоуха Красноярского края

Г. С. Гайфулина
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета, Лесосибирск

Заселение территории Пировского района Красноярского края этническими группами татар произошло в начале XX в. в ходе Столыпинской реформы. Концентрация татарских поселений в одном месте способствовала формированию и сохранению очагов традиционной культуры в данном регионе. Цель нашей работы – рассмотреть наиболее устойчивый этномаркер – национальную кухню и, в частности, праздничный свадебный стол татар с. Солоуха Пировского района на рубеже XX–XXI вв. Знакомство с источниками и научной литературой по пищевым обычаям татар показывает региональные различия в составе свадебных блюд [Ярзуткина, 2004; Черных, 2007; Татары, 2001; Насыри].

Свадьбы в селе проходят, как правило, в доме жениха через несколько дней после мусульманского обычая бракосочетания *никах*. Непременным атрибутом свадебного стола являются соль и горчица. До прочтения молитвы стол закрывается специальным материалом. После того как прочитают намаз, раздают *хаер* (подаяние).

Нами было установлено, что свадебный стол состоит из блюд только татарской кухни. Первым подается суп (*тукмачлы ош*). Он варится на говяжьем или курином бульоне, и его обязательным компонентом является домашняя лапша.

Ритуальным блюдом на татарской свадьбе всегда считался гусь. Эта птица не только играла важную роль в домашнем хозяйстве татар, но и была символом семейного благополучия и плодовитости. Несмотря на то, что сейчас не в каждом домашнем хозяйстве жителей Солоухи есть гусь, на свадебном столе он должен быть обязательно. Ножки приготовленного гуся на сельской свадьбе украшают розовой (для молодой жены) и голубой (для мужа) лентами. По тому, кто быстрее съест ножку птицы, определяют главу семьи.

Минимальное употребление овощей в пищевых традициях татар отражается и на свадебном столе. На нем отсутствуют салаты, из овощей можно встретить только картофель, но обязательно с мясом.

Из сладких блюд подается *бэлиш* (из пресного теста) с нехарактерными в целом для татар и татар Сибири в частности рисом, урюком (курагой), изюмом. Можно предположить, что эти продукты появились в татарской кухне с распространением ислама.

Еще одним известным ритуальным блюдом татарской свадьбы является *чак-чак – кыз кумэче* (чак-чак – угощение невесты). Готовят его следующим образом: сдобное пресное тесто раскатывают в круг, разрезают на полоски шириной два сантиметра и тоненько нарезают. После этого их обжаривают в большом количестве топленого масла. Обжаренные кусочки выкладывают в большую емкость, а затем заливают медом, выкладывают на тарелки и украшают. Иногда чак-чак заливают пастилой из лесной земляники (ягоды толкут в ступе, протирают сквозь сито и полученной массой заливают чак-чак).

Сладкий свадебный стол содержит также *болан дучмагы* (ватрушки из калины), *чей тукмачы* (хворост), булочки. В последние годы его дополняют домашние торты, вафли, консервированные и свежие фрукты.

Завершает свадебную трапезу единственный напиток на торжестве – чай по-татарски (с молоком).

Таким образом, собранная нами информация по традициям свадебного застолья в с. Солоуха Пировского района Красноярского края позволяет сделать следующие выводы.

Основу свадебных блюд составляет татарская кухня. В пищевых традициях присутствуют общетюркские (тукмачлы ош) и мусульманские (молитва, отсутствие свинины и строгий запрет алкоголя) элементы. Сохраняются ритуальные блюда: свадебный гусь и чак-чак. Продукты, которые используются для приготовления блюд свадебного стола, производятся, в основном, в домашнем хозяйстве жителей села.

В то же время мы установили, что за последние десятилетия утраченными на свадебном столе оказались такие блюда, как *кабартма* (вид блинчика) и *катык* (ряженка). Для приготовления национальных блюд используют продукты, не свойственные татарской кухне (например, чак-чак готовился традиционно в топленом масле, а сейчас используется растительное) [Ахметзянов, 1969, с. 226].

Все блюда свадебного стола в с. Солоуха являются основой и поминальной трапезы.

Блюда ритуальные перешли в разряд праздничных и даже повседневных (например, тукмачлы ош, бэлиш, чак-чак). На свадебном столе появляются «магазинные» продукты и блюда, не входившие ранее в перечень свадебных.

Научный руководитель – ст. преподаватель Н. Г. Харитонова

Список литературы

Ахметзянов Ю. А Татарские блюда / Ю. А. Ахметзянов. – Казань : Татарское книжное изд-во, 1969. – 271 с.

Насыри К. Материалы по татарской этнографии [Электронный ресурс] // Татарская электронная библиотека. – URL: http://kitap.net.ru/etno.php (дата обращения 01.10.2014).

Татары / отв. ред. Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. – М. : Наука, 2001. – 582 с.

Черных А. В. Народы Пермского края. История и этнография / А. В. Черных. – Пермь : Пушка, 2007. – 296 с.

Ярзуткина А. А. Традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар : автореф. дис. … канд. ист. наук / А. А. Ярзуткина. – Омск, 2004. – 18 с.

Tatar's wedding table in Soloukha village of Krasnoyarsk region

G. S. Gaifulina

The article deals with the tradition of the wedding feast of the Tatar. Work was based on interviews with residents in Soloukha village of Pirovsky district. This village was founded by migrants from the Kazan province during the Stolypin reforms. There is a conclusion about the maintenance of the festive food habits and the emergence of new features.

Keywords: tradition, food, bridal, Siberia, Tatar

Гайфулина Гульнара Салаватовна
студент 3-го курса, Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета
e-mail: ggajfulina@mail.ru

Gaifulina Gulnara Salavatovna
student 3rd year, Lesosibirsk Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University
e-mail: ggajfulina@mail.ru

УДК [304.444:39](=512.1)(571.17)

О возможности возрождения традиций у сельских шорцев в современных условиях*

М. Е. Голубев, М. О. Павленок
Кемеровский государственный университет, Кемерово

*Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 14-11-42003

Шорцы – малочисленный тюркоязычный народ, проживающий на юге Кемеровской области в горно-таежной местности. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность шорцев составляет 12888 человек (из них 10672 в Кемеровской области) [Всероссийская перепись…]. Большинство представителей этноса проживают в городах и крупных поселках (90 %) и не ведут традиционный образ жизни. Только в нескольких таежных улусах по р. Мрассу, выше порогов и верховьев Кондомы, отчасти сохраняется традиционная культура жизнеобеспечения и диалекты разговорного языка.

Традиционная хозяйственная специализация предков таежных шорцев была направлена на ведение хозяйственных занятий для собственных нужд – охоты, собирательства, сочетаемых со слабо развитым ручным земледелием, животноводством и рыболовством. Источники XVIII в. свидетельствуют, что у предков современных шорцев – абинцев и бирюсинцев – была древняя металлургия и кузнечное дело [Георги, 1776, с. 171]. После основания в 1618 г. Кузнецкого острога была предпринята попытка наладить вывоз кричного железа и создание местного производства военного снаряжения для казаков, которая не увенчалась успехом из-за трудности перевозки и дороговизны [Ширин, 1998, с. 92–96]. Однако, к концу XVIII в. наблюдается спад этого вида ремесла, причиной которого послужил запрет со стороны русских властей изготовлять холодное оружие и снабжать им джунгаров и кыргызов. Немаловажную роль сыграло развитие горнозаводской промышленности на Алтае, обеспечившей Западную Сибирь продукцией более высокого качества. Тогда главными занятиями предков шорцев стали охота и сбор кедрового ореха [Кимеев, 2013, с. 27–28].

К середине 1920-х гг. был создан Кабырзинский заказник, на территории которого любые формы охоты запрещались [Янушевич, 1994, с. 103–118]. Однако население этих запретов не придерживалось, продолжая бесконтрольно «опромышлять» район. В годы существования Горно-Шорского национального района (1926–1939 гг.) государство оказывало помощь шорцам, снабжая их семенами, техникой, выделяло денежные ссуды на строительство жилья. Властью были предприняты неудачные попытки создания систем потребкооперации.

С началом объединения единоличных хозяйств в коллективные земледелие, пчеловодство и сбор кедрового ореха стали дополнительным источником дохода бывших промысловиков. Население в принудительном порядке стало заниматься огородничеством даже там, где этому не способствовали природно-климатические условия.

Нерентабельные колхозы Горной Шории в 1960 г. были преобразованы в совхозы, однако традиционная система не восстановилась. Нерегулируемые хищнические вырубки леса привели к снижению количества кедровников, повсеместное браконьерство привело к сокращению популяции промыслового зверя и рыбы. Шорское сельское население осталось без средств существования, вследствие чего начался процесс массовой миграции населения в города или более крупные поселки.

С началом перестройки началось движение за возрождение шорского народа, его языка и культуры. Были образованы общественные организации, ставившие своей целью защищать права и интересы народа, возрождать самобытную культуру, традиции и обычаи. В 1990 г. был образован Шорский национальный парк с целью решения экологических вопросов, развития традиционного природопользования, народных промыслов и ремесел. Власти видели развитие экономики посредством создания кооперативов, родовых общин и пр., а также расширения традиционных для данной местности промыслов. Однако созданные организации не оправдали надежды властей.

В настоящее время наблюдается довольно высокий уровень безработицы среди шорцев из-за отсутствия каких-либо предприятий в местах их компактного проживания, поэтому хозяйство сельских жителей сориентировано в основном на ведение охотничьего промысла и сбора продуктов тайги, а также огородничество, внедренное в колхозный период.

Традиционная духовная культура сельских шорцев также претерпела свои трансформации, которые связаны с приходом русских в XVII – нач. XX вв. и влиянием в дальнейшем советского периода. Так, уже к началу XX в., большинство шорцев стараниями Алтайской духовной миссии исповедовало православие, вытеснявшее шаманистские верования или сочетавшееся с ними. Шорцы всех поколений носят нательные кресты, полученные при крещении, но в тоже время сохраняют обрывки представлений о духах гор, воды, огня и т.п. [Кимеев, Ширин, 2011, с. 186].

Попытки возродить традиционную культуру путем проведения праздников, тенгрианских обрядов силами местных властей, руководством общественных организаций и фольклорными коллективами не находят поддержки среди сельских шорцев, для которых главной задачей является выживание в современных условиях. В пос. Усть-Анзас создан экомузей «Тазгол», где ежегодно проходят мероприятия, на которых совершаются традиционные обряды, однако среди участников практически отсутствуют местные жители, а все представление обеспечивает ансамбль «Чылтыс» из г. Таштагол.

Сельское шорское население вынуждено ориентироваться, в основном, на ведение подсобного хозяйства, которое не способно полностью удовлетворять даже собственные потребности. Поставленные цели Шорским национальным парком по созданию условий сохранения и развития системы хозяйства и культуры шорского народа оказались недостижимыми. На территории парка продолжается сокращение популяции промыслового зверя и рыбы, причинами которого является как браконьерство, так и безответственное отношение туристов и местных жителей.

Таким образом, несмотря на то, что перспектив возврата к системе реально существовавшего традиционного природопользования, культуры в современных условиях нет, среди сельских жителей есть трудолюбивые и образованные семьи, для которых необходимо разрабатывать программы социально-экономического и этнокультурного развития. Однако сегодня главным направлением деятельности Шорского национального парка является развитие туризма для усиления инвестиционной привлекательности региона, а не обеспечение условий жизнедеятельности шорцев.

Научный руководитель: д-р ист. наук, профессор В. М. Кимеев

Список литературы

Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 26.11.2014).

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / И. Г. Георги – СПб., 1776. – Ч.2. – 191 с.

Кимеев В. М. Тайны Кабырзинской принцессы / В. М. Кимеев, Ю. В. Ширин. – Кемерово : Примула, 2011. – 272 с.

Кимеев В. М. Традиционные ремесла шорцев / В. М. Кимеев // Вестник Кемеровского госуниверситета, 2013. – № 4 (56), Т.1. – С. 27–28.

Ширин Ю. В. Консервация древних традиционных ремесел у кузнецких татар / Ю. В. Ширин // Сибирский город вчера и сегодня. – Новокузнецк, 1998. – С. 92–96.

Янушевич А. И. Обследование охотничьего промысла Горной Шории / А. И. Янушевич // Шорский сб.: Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. – Кемерово, 1994. – Вып. I. – С. 103–118.

On the possibility of reviving the traditions of rural Shorians in the present conditions

M. E. Golubev, M. O. Pavlenok

In the early 90's of the XX century one witnessed the revival of the Shorian people and its language and culture. However, this process is spread mainly among urban residents, representing 90 % of all the Shorians residing in the territory

Kemerovo region, while rural residents forced to survive in the modern conditions, continue to be indifferent to the neo-traditionalist holidays, managed by the Shorian national-political elite.

Keywords: ethnos, Shors, revival of traditions

Голубев Максим Евгеньевич
студент 3-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: golubev-kemerovo@yandex.ru

Golubev Maksim Evgenievich
student 3rd year, Kemerovo State University
e-mail: golubev-kemerovo@yandex.ru

Павленок Марина Олеговна
магистрант 2-го года обучения, Кемеровский государственный университет
e-mail: v8osminog.pav@yandex.ru

Pavlenok Marina Olegovna
graduate student 2nd year, Kemerovo State University
e-mail: v8osminog.pav@yandex.ru

УДК 39

Традиционное хозяйство казахов XIX – первой половины XX века (по трудам А. Н. Букейхана)

Р. К. Досмурзинов
Евразийский национальный университет им Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Существует большое количество научных трудов и статей, посвященных изучению проблем традиционного хозяйствования Казахстана на рубеже XIX–XX вв., однако особое внимание следует обратить на труды выдающегося казахского политического и общественного деятеля, публициста и этнографа Алихана Нурмухамедовича Букейхана. Научное изучение наследия лидера национального движения «Алаш» нашло свое освещение в трудах С. А. Аккулы, Э. А. Сеитова, А. К. Мамраевой, Л. И. Серекбаевой и др.

Объектом настоящей работы, имеющей характер историографического обзора, являются особенности традиционного хозяйства казахов, детально изученные А. Н. Букейханом.

В тяжелый для своего народа период А. Букейхан начинает свою общественную и научную деятельность. После завершения учебы в Санкт-Петербургском лесотехническом институте он принимает участие в работе экспедиции под руководством Ф. А. Щербины (1896–1903 гг.) и С. П. Швецова (1903–1904 гг.). Позднее в качестве статистика Омского переселенческого управления А. Букейхан продолжает изучать состояние хозяйственной деятельности казахов в частности и экономики Казахстана в целом. Этот опыт практической работы оказал большое влияние на него как на исследователя, который более не упускал из поля зрения проблемы традиционной экономики и ее изменений, что стало основой его дальнейших разработок в этом направлении.

В труде «О земледелии в Токраунской, Котан-Булакской, Западно-Балхашской волостях Каракаралинского уезда» (1889 г.) А. Букейхан описывает тяготы жизни растущего числа слоя оседлых казахов-жатаков (от «жатак» – бук.: «лежащий»). На основе приводимых им фактов можно сделать вывод о качественных изменениях, которые происходят в хозяйственной деятельности казахов: развитие земледелия, слабое техническое оснащение в хозяйстве жатаков. Отмечается оптимистичный настрой автора в вопросе будущего развития земледелия среди казахов. В этой связи он отмечает следующее: «Не думайте, что киргиз только способен лежать на боку «байбаком» да лениться – он здоров и на поле труда! Расшевелите только его, он сделает вам все» [Букейхан, 2009, с. 26].

В труде «Киргизы» (1910 г.) А. Букейхан приходит к выводу о том, что в хозяйстве казахов начала XX в. увеличивается доля земледелия, хотя казахи продолжают преимущественно заниматься скотоводством, которое давало «всего ¾ дохода (73,76 %)», тогда как земледелие составляло «1/7 дохода (13,69 %)». Лидер движения «Алаш» описывает также социальную организацию казахов, считая казахское «кыстау» (зимнее поселение) «элементарной земельной единицей, подобной крестьянской сельской общине» [Букейханов, 2007, с. 8–12]. Кроме того, А. Букейхан указывает на большую перспективу развития на территории Казахстана, прежде всего, скотоводства.

С этим трудно не согласиться, поскольку кочевое и полукочевое хозяйство стало адекватным ответом на изменение климата еще в эпоху поздней бронзы, который практически не поменялся и в новое время [Вайнберг, 1999, с. 90]. На протяжении тысячелетий на территории Великой Степи происходило развитие особой формы хозяйствования, существовавшей в рамках паст-

бищно-кочевой системы, – кочевого и полукочевого скотоводства, которое сочеталось также с земледелием, торговлей и ремеслом. Формирование такого вида хозяйственной деятельности в эпоху поздней бронзы было детерминировано, прежде всего, природно-климатическими условиями Казахстана (большая амплитуда между зимними и летними температурами, незначительное количество атмосферных осадков, незначительный пласт гумуса со значительным преобладанием пустынных и полупустынных земель и т. д.) [Акишев, 1972].

В труде «Овцеводство в Степном крае» (1904 г.) А. Букейхан, описывая состояние овцеводства в хозяйстве казахов, указывает на его приоритетность в казахском хозяйстве. Он выделяет два главных типа овец казахской курдючной овцы, являвшейся, по его мнению, «полезнейшим киргизским («казахским» - авт.) животным»: «салпыкуйрыкъ» (с курдюком) и «тангхы-куйрыкъ» – (с куцым курдюком), описывая при этом их внешние признаки. Также А. Букейхан приводит факты увеличения поголовья коз, которые составляли все же «незначительный процент в овечьем стаде: на 100 голов овец, по 12 уездам степных областей, приходилось только 12 коз» [Букейханов, 2007, с. 8–12].

Изучая работы А. Букейхана, можно прийти к выводу о том, что им постоянно приводятся наблюдения состояния традиционной системы хозяйствования у казахов. Он следит за изменениями, которые происходят практически на всей территории Казахстана. Как исследователь он замечает трансформацию в казахском хозяйстве. Его наблюдения показывают количественные и качественные изменения, произошедшие к началу XX в. в различных регионах страны, где, наряду с традиционным кочевым и полукочевым скотоводством, развивается множество новых переходных форм хозяйства.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент З. К. Сураганова

Список литературы

Акишев К. А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана / К. А. Акишев // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата, 1972. – С. 31–46.

Бөкейхан Ә. Н. Шығармаларыныңтолықжинағы. Полное собрание сочинений / Ә. Н. Бөкейхан. – Астана : Сарыарқа, 2009. – Т.1 – 564 б.

Букейханов А. Н. Казахи: историко-этнографические труды / А. Н. Букейханов. – Астана : Алтын кітап, 2007. – 303 с.

Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. / Б. И. Вайнберг. – М. : Восточная литература, 1999. – 359 с.

Kazakh traditional economy in XIX – the first half of XXcentury (after A. N. Bukeihanov's works)

R. K. Dosmurzinov

The author analyzes the changes in Kazakh economy on the basis of A. N. Bukeihanov's works. In second half of the XIX century part of Kazakhs became farmers, but most of Kazakhs were cattlemen. The main species of livestock were sheep, horses, camels and horned cattle. The author concluded that there were many new transitional forms of economy, except nomadic animal farming, in Kazakhstan to the beginning of the twentieth century.

Keywords: Economy, farming, nomads.

Досмурзинов Рустем Куандыкулы
студент 3-го курса, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru

Dosmurzinov Rustem Kuandykuly
student 3rd year, Eurasian National University of L. N. Gumilev
e-mail: rustem.dosmurzinov@mail.ru

УДК 903.930.2

Изучение русских городов Западной Сибири конца XVI века – первой половины XVIII века по письменным источникам: основные направления и возможности исследования материальной культуры*

Н. Б. Евстигнеева
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск
Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII – XXI веках»

Города всегда играли и играют определяющую роль в экономическом, социально-политическом и культурном развитии общества, так как в истории городов в свернутом виде заложены практически все проблемы исторического развития российского общества. Для данной работы выбраны следующие города: Верхотурье, Тара, Тобольск, Томск и Тюмень – ведущие центры освоения края.

Письменные источники, относящиеся каким-либо образом к данной теме, мы условно разделим на две группы, первая из которых – документы XVI–XVIII вв., опубликованные в исторической литературе. Например, источники, опубликованные в приложениях в работах Г. Ф. Миллера и др. Кроме этого имеется большое количество неопубликованных письменных источников, как в архивах сибирских городов, так и в архивах городов европейской части России.

Вторая группа – публикации отечественных ученых, касающиеся истории избранных городов. Поскольку эти работы опубликованы в разное время, можно выделить следующие периоды: дореволюционный (Г. Ф. Миллер, П. Н. Буцинский, П. М. Головачев, П. А. Словцов, И. А. Фишер), советский (С. В. Бахрушин, З. Я. Бояршинова, Д. Я. Резун, О. Н. Вилков, М. М. Громыко, В. И. Кочедамов, Н. И. Никитин) и современный или российский (А. В. Матвеев, П. А. Корчагин, М. П. Черная, С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, С. С. Тихонов).

В рамках данной работы постараемся, опираясь на литературу, определить круг вопросов и проблем, которые они освещают. Для начала рассмотрим кратко динамику данного вида источников.

Лишь в XVII в. появляются летописные исторические сочинения о «сибирском взятии» – это Есиповская, Кунгурская, Строгановская летописи, в которых выдвигались принципиально различные концепции похода Ермака, давались различные толкования и оценки описываемым событиям. Завершением этого «летописного» периода явилась «История Сибирская» С. У. Ремезова, созданная в самом конце XVII в.

Наиболее полно и подробно над изучением, анализом этих летописей работал С. В. Бахрушин [Бахрушин, 1955а; 1955б]. Говоря об исторических трудах этого замечательного исследователя, в которых затронуты проблемы изучения западносибирских городов, необходимо упомянуть об очерке «Вопрос о присоединении Сибири в исторической литературе» [Бахрушин, 1955а, с. 17–71], где автор дал емкие и исчерпывающие характеристики основных источников – дореволюционных и первых послереволюционных трудов по истории Сибири, что, несомненно, имеет большой интерес для нас.

Что же касается XVIII в., то на смену летописям приходят произведения «Описания о постановлении городов и острогов в Сибири...». Эти произведения имеют твердую хронологию и связаны с общерусскими событиями [Резун, 1982, с. 55–56].

Важным этапом в изучении дорусской Сибири были труды С. У. Ремезова в конце XVII — начале XVIII вв. В «Описании о сибирских народах» Ремезов дал исторический очерк дорусской Сибири, основанный, главным образом, на татарских легендах. Материал в этом труде только о народах Западной Сибири. Другой работой Ремезова была «История Сибирская». Ремезов также систематически собирал материалы о древних «чудских» и более поздних татарских жилищах, мольбищах, крепостях и курганах. На его картах в «Чертежной книге Сибири» имеются указания на древние городища.

Не менее важный факт – возникновение сибирских городовых летописей, что, на наш взгляд, было порождено несколькими факторами, но главный из них – усиление роли города в жизни Сибири и самой России XVII в.

Например, Д. Я. Резун признает существование городского летописания в Верхотурье, Тобольске, Таре, Томске и других городах [Резун, 1982, с. 71], но другой вопрос – сохранность городских летописей, количество и качество информации.

Таким образом, рассмотрев кратко динамику письменных источников Западной Сибири и их

виды, становится очевидным, что знания о русских городах Западной Сибири развивались и совершенствовались, менялись методы и приемы работы, расширялась источниковая база.

На первый взгляд, кажется, что имеется достаточное количество письменных источников, и можно восстановить полную историческую картину становления первых западносибирских городов с помощью данного вида источников, особенно в тех случаях, когда их число велико. Действительно, письменные источники дают возможность обстоятельно исследовать некоторые процессы истории русского города.

Если подробно рассмотреть историографию городов и какой конкретный материал исследователи извлекают из письменных источников, то заметим, что данным городам посвящено значительное количество исследований, написанных в дореволюционный, советский и современный периоды.

Стоит сразу отметить, что историография западносибирского города чрезвычайно обширна, сложна и многопланова. У истоков научного сибирского городоведения стоит Г. Ф. Миллер [Миллер, 1937а; 1937б]. Своим усердием по созданию источниковой базы и попытками осмысления и реконструкции реального исторического процесса он заложил научную базу дальнейших исследований Сибири. Пионерами в изучении сибирского города являются ученые-историки, фактологический багаж которых формируют письменные данные.

Примерно с 90-х гг. XIX в. начинается новый этап в изучении сибирского города, связанный с исследованиями П. Н. Буцинского [Буцинский, 1999], П. М. Головачёва [Головачёв, 1906; 1914]. В постановке и изучении проблем сибирского города советская историография, несомненно, была на более высоком уровне относительно предыдущих периодов.

Выявлено, что исследователи больше всего внимания уделяют экономическим процессам, прежде всего, торговле. Почти все исследователи, изучающие западносибирские города, начиная с Г. Ф. Миллера и заканчивая современными историками, так или иначе касаются этой темы.

Отметим, что кроме обозначенных аспектов (социально-экономических, политических и культурных процессах присоединения Сибири к России), большинство исследователей на основе письменных источников выявляют пути продвижения отрядов Ермака по Сибири, первоначальные цели основания первых городов в Западной Сибири.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что первые западносибирские города по материалам письменных источников, в первую очередь, – это военные лагеря, опорные пункты для дальнейшего освоения территории Сибири.

Таким образом, видна ограниченность письменных источников по истории данных городов. Они показывают главным образом социально-экономические процессы, происходившие в сибирском обществе в рассматриваемый нами период, политико-административные и военные аспекты. Однако основные недостатки письменных источников заключаются в их крайней выборочности по отношению к зафиксированным в них явлениям исторической жизни. Многие важные и имеющие значение особенности в жизни городов не находят в них отражения.

Можно прийти к выводу, что осветить материальную культуру жителей города только на базе письменных источников фактически невозможно. Соответственно, основным источником информации для всестороннего исследования города не могут быть только материалы письменных источников.

Изучение внутренней жизни западносибирского города конца XVI– начала XVIII вв. на современном этапе развития научной мысли должно носить комплексный характер, и требует привлечения обширного круга данных, как исторических, так и археологических и этнографических исследований.

Необходимость такого подхода к изучению западносибирского города в свете сказанного настолько очевидна, что соблюдение этого требования можно объявить первым условием на пути успеха в решении многих проблем.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент С. Н. Корусенко

Список литературы

Бахрушин С. В. Научные труды / С. В. Бахрушин. – М. : Изд-во АН СССР, 1955а.– Т. 3. – Ч. 1. – 376 с.

Бахрушин С. В. Научные труды / С. В. Бахрушин. – М. : Изд-во АН СССР, 1955б. – Т. 3. – Ч. 2. – 299 с.

Буцинский П. Н. Сочинения / П. Н. Буцинский. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – 328 с.

Головачёв П. М. Очерк заселения Сибири в XVI и XVII столетиях / П. М. Головачёв. – СПб. : Тип. Альтшулера, 1906. – 44 с.

Головачёв П. М. Экономическая география Сибири / П. М. Головачёв. – М. : Тип. И. Д. Сытина, 1914. – 183 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1937а. – Т. 1. – 607 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири / Г. Ф. Миллер. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1937б. – Т. 2. – 637 с.

Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века / Д. Я. Резун. – Новосибирск : Наука, 1982. – 219 с.

Studying of the Russian cities of Western Siberia of the end of the XVI century - the first half of the XVIII century on written sources: main directions and possibilities of studying material culture

N. B. Evstigneeva

The study of the Russian cities of the Western Siberia has been increasingly developing lately. But the materials received from written sources don't give full information on history of development and formation of the Russian city of Western Siberia. For example, the material as a result of the excavations of some cities have significantly contributed to the data obtained while excavating towns and villages. Strengthening of attention to other types of sources of the Russians will allow for a better research of everyday life and some aspects of material and spiritual culture of the peoples of Western Siberia in the Late Middle Ages.

Keywords: cities of the Western Siberia, written sources, material culture, spiritual culture, Late Middle Ages.

Евстигнеева Наталья Борисовна
магистрант 1-го года обучения, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: nataliya_ev-1993@mail.ru

Evstigneeva Natalya Borisovna
graduate student 1st year, Omsk State University of F. M. Dostoevsky
e-mail: nataliya_ev-1993@mail.ru

УДК 39(571.15)

Лыжи в традиционной культуре коренного населения Северного Алтая

Д. В. Емельянов
Алтайский государственный университет, Барнаул

Неотъемлемым элементом материальной культуры этноса являются средства передвижения и транспорт, специфика которых зависит от природно-географических условий территории проживания народа, а также от уровня социально-экономического развития этноса, его хозяйственно-бытовых традиций и контактов с другими группами.

Основной целью этой работы является выявление места и функций лыж в культуре коренного населения Северного Алтая. Актуальность работы обосновывается необходимостью обобщения известных и опубликованных материалов по данной теме с новыми полевыми материалами, собранными на данной территории за последние 10–15 лет.

История изучения средств передвижения и транспорта северных алтайцев берет свое начало в XIX в. Неоценимый вклад в изучение тюркоязычных народов Северного Алтая внес В. И. Вербицкий. Он глубоко изучил язык и быт различных этнических групп Алтая. В его работе, «Алтайские инородцы», мы впервые встречаем сведения об использовании алтайцами лыж во время охотничьего промысла. Исследователи второй половины XIX в. при описании традиционной культуры населения Южной Сибири делали акцент и на транспортной составляющей, однако представленные в их работах сведения о лыжах фрагментарны [Радлов, 1989; Ядринцев, 2003]. Например, из работ В. В. Радлова следует, что лыжи и в этот период времени использовались алтайцами преимущественно на охоте. Работы отечественного исследователя Л. П. Потапова сыграли значительную роль в историко-этнографическом исследовании северных алтайцев. В своих публикациях, опирающихся на полевые материалы 20–50-х гг. XX в., ученый приводил детализированное описание процесса изготовления лыж, материала, из которого их делали, а также указывал на особенности размеров (ширина, длина) [Потапов, 1935, с. 69]. Середина XX столетия стала ключевым моментом, когда собранные раннее этнографические материалы были подвергнуты глубокому анализу, на основе которого были подготовлены коллективные труды «Народы Сибири» и «Историко-этнографический атлас Сибири», где представлена информация о средствах передвижения коренного населения Сибири. При описании средств передвижения и транспорта в названной книге уделяется внимание их конструкции и методам изготовления, что открыло перспективы для типологизации средств транспорта [Левин, Потапов, 1956; Левин, Потапов, 1961]. Исследования материальной культуры северных алтайцев во второй половине XX в. проводились как сотрудниками центральных научных учреждений, так и усилиями сибирских этнографов, представляющих научные и учебные заведения в разных городах Сибири (Новосибирск, Томск, Омск, Горно-Алтайск, Барнаул и пр.). В начале XXI в. тема традиционных средств передвижения подробно рассмотрена в работах таких исследователей как А. Г. Селезнев, Е. А. Бельгибаев, И. И. Назаров и пр. [Селезнев, 1996; Бельгибаев, 2004; Назаров, 2013]

В настоящее время лыжи сохраняют свою значимую роль в охотничьем промысле коренного населения Северного Алтая. Это дает возможность их подробного описания и изучения. На основе широкого круга опубликованных материалов можно реконструировать процесс изготовления лыж северными алтайцами.

Использование лыж обусловлено, главным образом, развитием охотничьего таежного промысла северных алтайцев и дает возможность охотиться не только летом, но и зимой, что способствует увеличению производительности труда охотника. На юге Сибири коренное население использовало два типа лыж: голицы и подволоки.

Для изготовления лыж современными мастерами выбирается прямое дерево без сучков, как правило, это черемуха или тополь, которое срубали и обрабатывали топором. Затем маломерное бревно раскалывали при помощи березовых клиньев на полубревна [Полевой дневник…, 2014]. Ему при помощи топора придавали форму досок определенной толщины и ширины. [Ф. 1, П. 1, К. 29]. Один из концов каждой заготовки оставляли прямым, а другой – заостренным. Для сгибания носков лыж необходимо было распарить дерево, для этого топилась баня и в горячую воду опускали заостренные заготовки на сутки. Распаренные носки лыж сгибали на приспособлении, специально сделанном для этой цели – т.н. «изгиб». Длина лыж соответствовала шагу человека, который в дальнейшем будет их использовать. Далее мастер оформлял ступательную площадку. Для этого в центре лыж прибивали прямоугольный кусочек бересты или тоненькую дощечку. Это было необходимо для более крепкого сцепления обуви и лыжи, а также предохранения обуви от обледенения. После этого сверлились сквозные отверстия для установки крепления, через которые пропускались сыромятные ремни. Ремни нарезались из кожи разных животных. Например, кумандинцы, использовали коровью кожу, которую вымачивают в навозе, пока на ней не опреют все волосы. Затем шкуру выскабливали и нарезали на ремни [Ф. 1, П. 3, К. 25]. Изготовление голиц на этом заканчивается, а для подволок наступает следующий этап – обтягивание скользящей части лыж меховой обшивкой. В качестве обшивки использовали камусы, т.е. жестковолосную часть шкуры нижней части ног животных (лошади, коровы или марала). Камус прикрепляли несколькими способами: лыжу крепко обтягивали шкурой и прикрепляли гвоздями или же лыжа помещалась в скроенный и сшитый кусок шкуры, предназначенный для обтяжки, и прочно зашнуровывали [Потапов, 1935, с. 69].

Непременным атрибутом охотничьего снаряжения являлся лыжный посох. Он выстругивался из березового дерева и имел «вид лопаты с черенком-шестом» [Томилов, 1990, с. 98]. Черенок имеет вид длинной круглой в сечении палки с равномерно увеличивающимся диаметром в направлении к лопате и гладкой поверхностью. Один из концов переходит в совковообразную лопату с косо срезанными плечиками, вогнутую вовнутрь, узкую, со слегка скругленной и расширяющейся книзу рабочей частью. На выгнутой стороне лопаты имеется вырезанный цельно с лопатой высокий гребень, укрепляющий ее прочность. На промысле он выполнял различные функции. Посох служил средством управления и торможения при спуске с гор и разгребания снега на стоянке. С помощью лопатки посоха также черпали воду из ручья [Ф. 1., П. 3., К. 25].

В летний период времени лыжи хранили в упоминаемом выше станке для изгиба лыж или их связывали между собой веревками, повернув друг к другу ступательной частью. Для того чтобы лыжи не деформировались за лето и сохранили изгиб, между ними вставляли небольшой клин. [Назаров, 2013, с. 43].

На протяжении XX в. наблюдалась трансформация охотничьей культуры северных алтайцев. Если в начале столетия была развита коллективная охота [Потапов, 1935, с. 38], то к концу XX в. превалирует индивидуальная охота. Данный процесс связан с появлением новых средств ведения охоты (снегоходы, огнестрельные оружия). Все это облегчает труд охотника и дает возможность отправиться на охоту одному. Несмотря на это, лыжи и сегодня сохраняют свою роль в охотничьем промысле [Назаров, 2013]. Вместе с тем наблюдается отказ от традиционных деревянных лыж в пользу изготовленных из современных материалов. Такой выбор аргументирован лучшими техническими характеристиками современных средств передвижения (более прочные, легкие, удобные), а также отсутствием необходимости тратить время на их изготовление.

Лыжи использовались северными алтайцами не только как средство передвижения, но и как транспорт. Так, например, кумандинцы, в походных условиях делали импровизированные нарты из подволок. Для временных нарт кумандинцев характерна нерасчлененность «кузова» и лыж-полозьев. Подволоки ставили вплотную друг к другу и между собой их связывали ремнями креплений. Носки подволок фиксировали коротким ремешком. К полученному таким образом «головному вязу» привязывали длинный ремешок или веревочку, при помощи которой охотник буксировал за собой импровизированную нарту [Ф. 1, П. 1, К. 29].

Как показывают исследования по изучаемой нами тематике, за последнее столетие у коренного населения Северного Алтая произошла трансформация транспортной культуры. Данное явление связано с техническим прогрессом, который заменил традиционные лыжи на более современные. Однако это традиционное средство передвижение еще не утрачено полностью, поэтому приоритетной задачей исследователей и работников музеев является их сохранение для будущих поколений.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент И. И. Назаров

Список литературы

Бельгибаев Е. А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна реки Лебедь (вторая половина XIX–XX в.) / Е. А. Бельгибаев. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 300 с.

Левин М. Г. Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – 1114 с.

Левин М. Г. Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – 501 с.

Материалы этнографических экспедиций АлтГУ. Фонд № 1. Папка № 3. Карточка № 25.

Материалы этнографических экспедиций АлтГУ. Фонд № 1. Папка № 1 Карточка № 29.

Назаров И. И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура / И. И. Назаров. – Барнаул, 2013. – 192 с.

Полевой дневник Емельянова Д. В. 2014 год. Полевые исследования в местах традиционного проживания кумандинцев Алтайского края (в рамках выполнения научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-01-00170 «Геоинформационный мониторинг уязвимых компонентов этнокультурной среды коренных малочисленных этносов Алтае-Саянского региона») – 24 с.

Потапов Л. П. Разложение родового строя у племен северного Алтая (материальное производство) / Л. П. Потапов. – М.; Л. : ОГИЗ, 1935. – 122 с.

Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника) / В. В. Радлов. – М. : Наука, 1989. – 749 с.

Селезнев А. Г. Южносибирский лесной культурный комплекс: проблемы генезиса полозных средств транспорта // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск; Омск, 1996. – Ч. II. – С. 87–94.

Томилов Н. А. Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / Н. А. Томилов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. – 204 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. – 560 с.

Ski's in traditional culture of indigenous people of North Altai

D. V. Emelyanov

This publication summarizes known and published materials about use of ski by native people of Northen Altay. It includes information about ski's role in the culture. There are results of archaeological excavations on this territory which were made during last decade.

Keywords: Skis, Traditional Vehicles, Altai, Cumandy, Northern Altaians.

Емельянов Дмитрий Владиславович
студент 3-го курса, Алтайский государственный университет
e-mail: emelyanov.dm.v@yandex.ru

Emelyanov Dmitry Vladislavovich
student 3rd year, Altai State University
e-mail: emelyanov.dm.v@yandex.ru

УДК 392.544.2

Традиция и практика многоженства в казахском обществе

Е. О. Ешим
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

В древности на территории Казахстана у тюркоязычных племен большое распространение получило многоженство, разрешенное исламом. Единственное ограничение было в максимальном количестве жен – до 4. В исламе существовали свои правила в отношении многоженства. Например, если мужчина хотел взять вторую жену, то у него должно было быть соответствующее материальное положение. Также между женами должна была сохраняться справедливость и равные отношения. Такие правила защищали права женщин.

Если взглянуть на казахскую родословную (*шежіре*), то можно заметить, что большинство из наших предков брали несколько жен. Кроме того, можно отметить, что 20–30 % известных казахов родилось от младших жен (например, Абылай хан, Кенесары и великий казахский поэт Абай).

В XVII–XVIII вв., в период военного противостояния казахов с одной стороны и волжских калмыков, джунгар с другой, многоженство получило наибольшее распространение. Казахские ополченцы во время многочисленных сражений в качестве добычи захватывали в плен большое число женщин. Именно с этого периода у казахов начала бытовать поговорка: «*Қатын алсаң, қалмақтан ал*», что означает: «*Если берешь жену, то возьми калмычку*». Так, известный хан Абылай имел 12 жен, из которых 4 были джунгарками, родившими ему 70 детей (в том числе, 30 сыновей и 40 дочерей).

Из всех народов Средней Азии именно у казахов многоженство было более частым явлением. Например, в 1897 г. в Сырдарьинской области 15,7 тыс. женщин, в Семиреченской области – 14,4 тыс. женщин (данные о численности приводятся вместе с общими данными о казахских женщинах) являлись в браке вторыми женами *(тоқал)*.

Обычное право казахов содержит богатый материал о семейно-брачных отношениях у казахского народа [Обычное право…, 2007]. Объектом данного исследования стали особенности традиционных форм брака у казахов (*многоженство, аменгерство*).

По казахским степным обычаям, «казахи имели право брать до десяти и более жен, однако данный обычай имел распространение только среди состоятельных казахов» [Мейер, 2007, с. 142]. Содержание жен и обеспечение уплаты за них выкупа сильно отягощало материальное положение казахов, поэтому они редко имели более двух, трех и еще реже – четырех жен; бедные же в основном довольствовались одной женой. Как правило, старший в семействе брат имел несколько жен, он же был главой семьи, пока они жили вместе, а первая его жена управляла хозяйством. Ей не только подчинялись младшие жены ее мужа, но и все женщины семьи [Обычное право…, 2007, с. 50].

Причиной для заключения второго брака могло стать бесплодие первой жены или же рождение от нее дочерей. Для мужчины второй брак мог быть женитьбой по любви, а не по настоянию родителей, как первый. Часто именно младшие жены становились любимицами своего мужа. При этом первая жена оставалась в семье на правах главной жены – *бәйбіше.*

Выбор второй и последующих жен зависел от каждого отдельного мужчины, при этом совет родственников имел минимальное значение. Таких жен брали по большей части из бедных семейств и за большой калым, а в более раннее время и взамен иска по *баранте*. Богатые люди никогда не отдавали своих любимых дочерей в младшие жены, поскольку они не пользовались уважением в семействе, и само родство через них не имело такой цены, как через первую жену.

Первая жена считалась у казахов старшей в семействе и называлась «*бәйбіше*», что означает «госпожа дома». В ее распоряжении находилось имущество, скот, от нее зависело и соблюдение всякого порядка в семье; она распределяла домашние работы между прочими женами, следила за хозяйством и соблюдала всякое благоустройство в доме. Первая жена, будучи совершенною госпожой, у знатных людей никогда большими работами не обременялась [Гейнс, 2006, с. 84].

У казахов существовало еще одно правило, по которому в случае смерти брата его жена переходила к другому брату (*аменгерство*), обыкновенно к старшему, или, после его отказа, к другим, и если это повторялось, то к третьему. Таким образом, женщина почти никогда не оставалась свободной.

Молчаливое согласие старших жен на новый брак давалось мужу лишь в тех случаях, когда она была бездетной или же если новая жена доставалась мужу от умершего брата. Отсюда понятно, что молодая жена, как новая прихоть мужа, без особой радости встречалась старшими женами, не упускавшими случая пускать «шпильки» в сторону прибывшей.

Вообще в присутствии свекрови и бәйбіше младшая жена вскоре становилась просто даровою работницей, так как все хозяйство велось старшими женами. Свекровь также в домашние дрязги не вмешивалась, и, по обычаю, сноха должна была от нее прятаться, по крайней мере, первое время, хотя обычай этот был трудно соблюдаем в условиях кочевой жизни.

Следует отметить, что в течение первого года молодую жену не отпускали к матери и к родным, чтобы она лучше привыкла к новому месту и новой родне; исключение допускалось только в случае смерти кого-либо из родственников. Данное обстоятельство иногда ставило женщину в скверное положение, и только по истечении определенного срока ее родные, ознакомившись с делом, имели возможность улучшить судьбу дочери. В подобных случаях чаще всего родственники обращались к «биям», которые разделяли помещение, утварь и даже скот по числу жен, предлагая мужу устроить их каждую отдельно.

Правильнее было бы назвать младших жен рабынями или наложницами, а потому и обряды при вторичных свадьбах совершаются гораздо проще; во многих семьях на место младших жен заступают настоящие невольницы.

Число младших жен было неограничено, каждый был волен иметь по своему достатку, поэтому у богатых казахов их было больше, и это составляло важную выгоду для домашнего благосостояния, так как на женщинах у казахов лежала вся главная работа и забота о хозяйстве.

Жены взаимно посещали друг друга, нередко приглашали к себе и мужей в гости, причем, нарядно убравшись, угощали их лучшими кушаньями, одаривали одеждой и разными искусно вышитыми мужскими нарядами; равно и мужья со своей стороны дарили своим женам бусы, зеркальца и другие безделушки, служившие в качестве украшений. Младшие жены ни в коем случае не имели права жаловаться на несправедливость мужей, которые были самовластными господами и даже могли из корысти передавать их другим.

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что в настоящее время в Казахстане многоженство не преследуется по закону, так как такая статья была изъята из Уголовного кодекса недавно. В то же время нет и нормативного акта, разрешающего иметь более одной жены. Поэтому вопрос о многоженстве в Казахстане до сих пор остается предметом дискуссий и научного анализа.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор З. Е. Кабульдинов

Список литературы

Гейнс А. К Собрание литературных трудов / отв. ред. А. К. Гейнс. – Павлодар : ЭКО, 2006. – 213 с.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / отв. ред. Л. Мейер. – Павлодар : ЭКО, 2007. – 193 с.

Обычное право казахов. – Павлодар : ЭКО, 2007. – 221 с.

Tradition and practice of polygamy in the Kazakh society

E. O. Eshim

The author examines the traditions and practices of polygamy in the traditional Kazakh society. The main sources became Islamic law (sharia) and customary law of the Kazakhs. In particular, the article analyzes the issues common practice of polygamy in the nomadic environment with the adoption of Islam, the problems of the material content and the legal status of younger women, the specifics of farming. The author concluded that polygamy had played a major role in the regulation of family and tribal issues and other areas of life of Kazakh society.
Keywords: Polygamy, marriage, economy, shezhire, baybische, toqal, kalym, tradition.

Ешим Елнур Омарович
студент 4-го курса, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: eshimov.elnur@mail.ru

Yeshim Yelnur Omaruly
student 4th year, Eurasian National University of L. N. Gumilev
e-mail: eshimov.elnur@mail.ru

УДК 392.1

Традиционные родильные обычаи и обряды казахов

А. Б. Кабышева
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

В традиционном казахском социуме отношение к детям было особым, с большим трепетом, что получило большое отражение в произведениях устного народного творчества. Так, у казахов существует такая поговорка: «Дом с детьми, как базар – шумлив и весел, дом без детей, как могила – тих и печален». Рождение малыша и его последующее воспитание было возложено на мать и отца, свекровь и других родственников. Казахи говорят, что воспитание ребенка начинается ещё с того момента, когда дитя находится в утробе матери, и поэтому с момента беременности невестки свекровь всячески оберегала будущую мать от горя и несчастий, от сглаза. Так, для предостережения от дурного глаза мулла изготавливал оберег (*тұмар*) со священными писаниями из Корана. Его заворачивали в кожу и зашивали, затем вдевали в него веревку. Такой оберег беременные женщины носили на шее, либо прикалывали к груди с внутренней стороны одежды. Такой же оберег изготавливали и для новорожденных.

Существовали и другие меры, выполнявшие предохранительно-оберегательную функцию и связанные со всевозможными запретами. К примеру, беременной женщине запрещалось одной выходить на улицу в ночное время суток, не позволялось без лампы заходить в темный сарай и оставаться одной дома. Это было связано с тем, что злые духи могли причинить вред здоровью женщины и ее будущему ребенку. В таких случаях апотропеем служил железный предмет, который клали под подушку. Из этих соображений в жилище молодой невестки, как правило, вешали различные орудия, камчу, топор, клыки волка, клюв орла, выполнявшие защитную функцию [Аргынбаев, 1996, с. 67].

Кроме того, беременной запрещалось переступать через аркан, чтобы пуповина ребенка не скрутилась и не было физических отклонений.

По случаю беременности казахи резали барана и угощали будущую мать блюдом «*жерік асы*», приготовленным специально для нее. «Если беременная женщина была средних лет и старше, то ее угощали мясом из тазовой кости, называемым «*жамбас*» (бедренная кость). Если же невестка была молодой, то ее угощали «*асықты жілік*» (трубчатая берцовая кость), грудинкой и «*ұлтабар*» (блюдо из кишки), а сверху клали свежеизготовленный стальной нож. Грудинка, по традиции, подается зятьям и является культом плодородия, «ұлтабар» – женщинам, желающим родить сына, «асықты жілік» – «чтобы родился мальчик и играл с асыками» (бараньи альчики). Нож – инструмент, оберегающий от дурного глаза и слова» [Токтабай, Сейтқұлова, 2005, с. 124].

Казахи использовали определенные меры, направленные на облегчение родов. Этому способствовали особенности многих домашних животных, например, лошади. «В понимании казахского народа, магическим свойством обладает не только сама лошадь, но и конская упряжь. В ранние времена, чтобы облегчить схватки и побыстрее вызвать роды, в рот беременной клали волосяной аркан. Другое благосклонное животное – баран. Один из способов облегчить схватки и благополучно родить – это «*ақсарбас айту*», т. е. резали белого барашка с жёлтым пятном» [Токтабай, Сейтқұлова, 2005, с. 128].

Верблюда также почитали как «священное животное», которое в тяжелых схватках, когда женщина не может прийти в себя, чтобы изгнать злых духов, к ней приводили и показывали верблюда. Чтобы нечисти не приближались, к черепу верблюда привязывали белую материю. Считалось, что шайтаны и злые духи остерегались верблюда [Токтабай, Сейтқұлова, 2005, с. 129].

Повсеместно у казахов беременным запрещалось есть верблюжатину, зайчатину и блюда

из рыбы. Как и сегодня, в древности казахи старались удовлетворять прихоти женщины в еде. Казахи, как и другие народы, были уверены, что спрос идет от самого ребенка, и не удовлетворять его – большой грех [Ажигали, Байғабатова, 2005, с. 178].

Как только начинались схватки, женщины аула, прихватив «*шашу*» (сладости, угощения), собирались в доме невестки. Женщины, пришедшие в дом роженицы, осыпали ее «*шашу*» и желали свекрови легких и быстрых родов для снохи. Свекровь же в свою очередь готовила специальное угощение для гостей, называемое «*жарыс қазан*». Для его приготовления в самоваре кипятили чай, варили молоко. Из большого сундука доставали масло, «*құрт*» (кисломолочный продукт). Разжигали арчу и вращали над головой беременной женщины. На уровне ниже пояса раздымляли серу. Все это делали из желания, чтобы женщина родила за такое же короткое время, сколько требуется, чтобы открыть сундук, развязать узел, вскипятить чай, сварить молоко, приготовить мясо, чтоб родила быстро, как бы соревнуясь с казаном [Аргынбаев, 1996, с. 69].

О появлении схваток ставили в известность знахарей: они помогали облегчить схватки, иногда делали предсказания. Когда женщине было тяжело, она звала на помощь опытных женщин [Алекторов, 2006, с. 105]. Обычно схватки у казашек проходили легко и они быстро рожали. Отец ребенка, как правило, не присутствовал при родовых схватках, наоборот, чтобы не видеть страданий любимой, находился далеко от нее.

В некоторых областях Казахстана, например, на Урале, на роды приглашали всех соседей. Когда все собирались, на деревянные решетки, образующие круглые стены юрты, натягивали аркан. Присутствующие заставляли беременную женщину виснуть на аркане и ходить вперед и назад. В начале схваток одна из крепких женщин, стиснув беременную в объятьях, начинала давить на живот, чтоб ребенок скорее появился на свет. Согласно обычаю, каждый пришедший трижды подолом одежды касался беременной и приговаривал: «выходи». В некоторых районах во время родов казахи привязывали беременную арканом к «*шаныраку*» (деревянный круг на верхушке юрты, дымоход юрты). Такой обычай имел место и у русских. Таким образом, в висячем состоянии она рожала хорошо, иногда ее могли изрядно помучать: били, заставляли пить разные снадобья, заговаривали, пытаясь изгнать демона [Алекторов, 2006, с. 105].

После рождения ребенка с пола его поднимали женщины, родившие нескольких детей. Они извещали о том, кто родился на свет – мальчик или девочка, и просили «*сүйінші*» (подарок за радостную весть). В некоторых аулах проживали опытные женщины, прекрасно владеющие умением перерезать пуповину. На время начала схваток они уже приготавливали сухожилие для перевязки пуповины и небольшой узкий нож. Человека, перерезавшего пуповину, называют «*кіндік шеше*» (крестная мать) [Аргынбаев, 1996, с. 71]. Плаценту новорожденного закапывали, а пуповину вывешивали, впоследствии ее так же закапывали в землю.

Самое главное в воспитании у казахов – это воспитать ребенка, который несет пользу обществу, стремится к совершенству в окружающем мире, поэтому по возможности старались обучить искусству, труду, знаниям, гуманности. Эти благородные цели, сокровенные мечты кроются в следующем высказывании: «если у тебя растет сын – будь соседом с тем, у кого сын хороших манер, если у тебя растет дочь – будь соседом с тем, у кого растет воспитанная дочь». Образцовое воспитание, отличные знания – залог того, что ребенок в будущем будет полезен своей стране.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент З. О. Ибадуллаева

Список литературы

Ажигали С. Жетісу қазақтарының салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары / С. Ажигали, Н. Байғабатова. – Алматы : Арыс , 2005. – Т. 1. – 325 с.

Алекторов А. Е. Қазақта баланың дүниеге келуі, тәрбиелеуі, ата-аналардың құқықтары мен билігі туралы / А. Е. Алекторов. – Алматы : Арыс, 2006. – 410 с.

Аргынбаев Х. А. Қазақ отбасы / Х. А. Аргынбаев. – Алматы : Қайнар, 1996. – 286 с.

Токтабай А. Төрт түліктің қасиеті / А. Токтабай, Ж. Сейтқұлова. – Алматы : ҚазБаспа – КТ, 2005.– 191 с.

Traditional maternity customs and rituals of Kazakh nation

A. B. Kabysheva

The article describes the traditional maternity customs and rituals of Kazakh nation. All customs and rituals, such as Kursak shashu, Zharyskazan, Bel tartu and so on are observed from the time of woman's pregnancy up to the birth of a child. Article pronounced the role of livestock in the rites associated with pregnancy, which is for the Kazakhs not only a symbol of fertility, but also a stimulant of birth and prosperity. In the Kazakh society the raise of children doesn't begin with the birth, but from the moment of being in the womb.

Keywords: Traditional, pregnancy, to bear, child, custom, ceremony, Kazakhs, popular belief .

Кабышева Айгерим Баглановна
магистрант 1-го года обучения, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: aigera_kb@mail.ru

Kabysheva Aigerim Baglanovna
graduate student 1st year, Eurasian National University of L. N. Gumilev
e-mail: aigera_kb@mail.ru

УДК 391.7

Казахские ювелирные украшения

Ж. К. Кенжебекова
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Ювелирное искусство казахского народа уходит своими корнями в глубь веков, продолжая великолепные традиции древних мастеров. Оно является одной из важных составляющих культуры этноса.

Археологические находки Казахстана свидетельствуют о высоком мастерстве ювелиров прошлого. Ювелиры использовали технику штамповки, гравировки, зерни, инкрустации. Ювелирное искусство казахов носило профессиональный характер, что было обусловлено спецификой производства. Ювелиров, работающих с золотом и серебром, называли «зергерами» от слова «зер» – золото, золотое украшение. Зергеры работали в одиночку, часто передавая свое мастерство по наследству.

Ассортимент изделий, изготовляемых зергером, был широк: сюда входили женские украшения, детали для костюма, туалетные принадлежности, столовые приборы, бляшки для декорирования деревянного каркаса юрты, мебели, деревянной и кожаной посуды, музыкальных инструментов, оружия, конского снаряжения.

В качестве материала использовали золото, серебро, драгоценные камни, жемчуг, коралл, цветные стекла. Главной продукцией зергеров были женские ювелирные украшения, пользовавшиеся большим спросом среди всех сословий общества, что определялось не только их эстетической природой, но и рядом функциональных значений, связанных с обычаями, обрядами, всем идейно-религиозным комплексом. Отличительной чертой казахских ювелирных украшений являются монументальность и выразительность, сохраняемые даже в малых формах, ритмическое чередование узора и фона [Масанов, 1961, с. 24]. Казахские ювелиры всегда умело подчеркивали красоту металла.

По некоторым сведениям, начиная с XIX в., металл – серебро и золото – казахские ювелиры покупали в Средней Азии и Восточном Туркестане. Казахский ювелир имел специальный набор инструментов для изготовления ювелирных изделий: наковальню (*төс*), молоточки (*балға*), тиски (*іскенже*), паяльник (*дәнекерлегіш*), рашпили (*түрпі*), напильники (*егеу*), различные щипцы (*шымшыуыр, қысқаш*), ножницы (*қайшы*), зубило (*шапқы*), бур (*бұрғы*), шило (*біз*), дырокол (*тескіш*), ложку-тигль длиной около 25 см для плавки серебра (*түтік*), меха (*көрік*), железную прямоугольную пластину для вытягивания серебряной проволоки (*тесік темір*), набор разнообразных зубил для нанесения орнамента [Масанов, 1961, с. 74].

Часто ювелирные изделия инкрустировались камнями. Камни в казахских украшениях именуются словом «*тас*» – камень, или «*көз*» – глаз. Подобное сравнение не случайно, вставные камни осмысливались как всевидящее, стерегущее око и наделялись чудодейственной силой. У всех восточных народов камни наделялись удивительными свойствами. Так, считали, что бирюза укрепляет сердце, устраняет страх, дает победу над врагами. Существовало мнение, что жемчуг лечит бельмо, коралл оберегает от порчи и наговора, янтарь лечит зоб, перламутр защищает от злого языка и одновременно способствует жизненному благу, бирюза приносит счастье. Особой популярностью пользовался сердолик, который считался камнем благоденствия и радости. Этот камень широко использовался не только для украшений, но и как оберег от сглаза.

Особую значимость в произведениях казахских ювелиров приобретают не ценность материала, не сложность форм и разнообразие технических приемов, а, прежде всего, орнаментальный декор. Эта особенность отличает украшения от европейских [Сычева, 1984, с. 21]. Конструктивной основой декора подобных украшений являются геометрические фигуры (овал, круг, треугольник, ромб, точки, кружки, S-образные знаки). Также можно отметить, что особенность ювелирных украшений казахов состоит в том, что практически все они несли в себе не столько декоративную, сколько магическую, большей частью, защитную функцию. Смысловым значением были наделены и форма, и орнамент, и материал. Ритуальной чистотой в представлении казахов обладало серебро. Практически все ювелирные украшения декорировались узорами. Во многих орнаментах и формах нашли отражение различные пережитки.

Не все секреты мастерства зергеров прошлого сохранились до наших дней. Поэтому вопрос о технике изготовления некоторых украшений является спорным и трактуется по определению современных ювелиров.

Украшения для головного убора представлены брошью в виде полумесяца с подвесками. Популярными были украшения в форме полумесяца или полумесяца со звездой. Возможно, это влияние культуры мусульманского мира, где полумесяц со звездой считаются символом ислама.

Серьги были одними из самых любимых украшений среди казашек. Их носили с детства и до старости. Казахские серьги отличаются различными формами и вариантами. Широко были распространены плоские орнаментированные, проволочные простой и сложной конфигурации, шаровидные с подвесками на длинных цепочках, филигранные со вставками поделочных камней, цветной пасты или стекла, в виде колокольчиков с проволочной бахромой по краю и др. Достаточно популярными в Казахстане были крупные серьги. Видевшие их отмечали, что казашки носят «серьги серебряные или медные, и чем они большего размера, тем ценнее», а серебряные серьги нередко настолько массивны, что они деформируют ушную мочку, а иногда и прорывают ее» [Сычева, 1984, с. 58].

Накосные украшения несомненно подчеркивали длину и густоту волос, а звон подвесок должен был отпугивать злых духов. Накосники типа «*шолпы*», «*шаш теңге*» подвешивались к концам кос. В основе украшения для кос типа «*шашбау*» – длинная сложного плетения цепочка, шнур, лента с нашитыми монетами, перламутровыми бляхами. Концы «шашбау» заканчиваются пышными шелковыми кистями, образованными из шнуров, или серебряными подвесками. «Шашбау» крепятся у основания кос и спускаются по всей длине волос. Височные украшения надевались, как правило, в торжественных случаях. Они крепились за петли головного убора или за волосы у виска.

Казахские кольца отличались большим разнообразием форм и декора. Перстни и кольца были очень распространенными украшениями, их носили по 3–4, не снимая, за исключением массивных вариантов. Согласно письменным источникам прошлых веков, по очертаниям перстней-печатей можно узнать сословие, к которому принадлежал хозяин печати. Так, каплевидная форма была характерна для правящей элиты, святое сословие – «кожа» – носило перстни-печати круглой формы, старшины и батыры – овальные, грушевидные и квадратные. Как известно, кольцо – это украшение в виде обода, часто декоративно оформленного, одеваемое на палец. Кольцо с драгоценным камнем традиционно называется перстнем. В настоящее время больше используется термин «кольцо» для всех видов колец.

Руки женщины украшали браслетами «*білезік*», которые обычно носили по одному или парно на обеих руках, иногда надевали на руки два браслета. Браслеты бывают сплошные и составные. В других типах плоских браслетов поиск декоративности идет по пути усиления цветовой насыщенности вставками из камней, преобразования фактуры зернью, накладной сканью, сквозной резьбой, рельефной чеканкой. Браслеты создавались казахскими зергерами с помощью горячей и холодной ковки. Некоторые из них вырезали из серебряных пластинок, сплетали из серебряной проволоки или же были полые внутри, создававшиеся способом дутья.

Таким образом, рассматривая казахские ювелирные украшения, можно свидетельствовать, что история их появления и использования достаточно широкая. Практически присутствуют все виды украшений: кольца, серьги, браслеты, подвески для волос и многое другое. Выразительные, отличающиеся гармонией форм и декора, казахские ювелирные украшения представляют собой яркую страницу народного творчества и входят в сокровищницу национальной культуры. Следует отметить, что и сегодня традиционные ювелирные украшения играют значительную роль в жизни казахского народа.

Научный руководитель – ст. преподаватель
Т. В. Кошман

Список литературы

Масанов Э. А. Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском ауле / Э. А. Масанов. – Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1961. – 231 с.

Сычева Н. Ювелирные украшения народов Средней Азии и Казахстана / Н. Сычева. – М. : Советский художник, 1984. – 126 с.

Kazakh traditional jewelry

Zh. K. Kenzhebekova

Kazakh traditional jewelry has an important role in Kazakh people's life. Jewelers used technology of incrustation, stamping, and engraving. Jewelers have second name "Zerger,, .They made: earrings, rings, suspension brackets for hair, bracelets and many other things. These decorations were made of gold, silver, bronze and iron. Pearls, ambers, corals, turquoise, nacre was also used. Jewelry has patterns: circle, square, oval, rhombus, trapeze and rectangle. Nowadays, kazakh traditional jewelry gets a lot of attention in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: jewelry, technology, incrustation, zerger, pattern, stamping.

Кенжебекова Жансая Канатовна
студент 2-го курса, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: kenzhebekova-1995@mail.ru

Kenzhebekova Zhansaya Kanatovna
student 2nd year, Eurasian National University of L. N. Gumilev
e-mail: kenzhebekova-1995@mail.ru

УДК 39

Методика описания народов в XVIII в.: опыт И. Г. Георги*

Т. С. Киссер
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург
*Работа выполнена по гранту РГНФ-14-01-00413
«Антропология путешествия в этноисторическом контексте»

Этнографическая картина России складывалась во многом благодаря наблюдениям и публикациям зарубежных путешественников, торговцев и дипломатов. Например, таких как С. Герберштейн, А. Майерберг, Д. Горсей, И. Масса, А. Олеарий, Н. Витсен, Ф. Страленберг, Д. Мессершмидт и др. Но в основном они рассказывали об истории, системе управления, хозяйстве, городах и т. д., а не о народе, населяющем описываемые земли.

Впервые народ становится героем и предметом описания в работе немецкого путешественника, участника академической экспедиции Иоганна Готлиба, И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Оно представляет собой систематический этнографический свод и дает общую картину национального состава Российской империи. В своей работе он старался следовать единой схеме народоописания, включающей характеристики: территория, происхождение/название, внешний облик, язык, образ жизни (хозяйство), жилище, одежда, пища, дань/торговля, воспитание/нравственные качества, обряды жизненного цикла, религия (культы).

В методике описания народов Георги был не новатором, а, скорее, преемником Г. Ф. Миллера, который в ходе Второй Камчатской экспедиции составил специальную инструкцию «Об истории народов», одобренную на заседании Академии наук 5 апреля 1733 г. [Элерт, 1999, с. 21]. Наиболее полно взгляды Миллера на задачи этнографической науки отразились в его программе, составленной в 1740 г. Она включала шесть разделов и 1287 пунктов.

По мнению некоторых исследователей, первенство разработки научной программы этнографического изучения народов с Г. Ф. Миллером делит В. Н. Татищев, составивший в 1737 г. анкету «Предложения к сочинению истории и географии российской» для рассылки ее на места с целью сбора материалов для «сочинения истории и географии Российской». Основная часть анкеты (раздел первый) включает 107 вопросов, которые соединены в группы, имеющие следующие названия: о звании, о границах, о свойствах и действии воздуха, о водах, о природном состоянии земли, о подземностях, о жителях, о жилищах. Во втором и третьем разделах анкеты содержатся 53 вопроса этнографического характера, адресованные главным образом народам идолопоклонническим и магометанам [СПФ АРАН. Ф. 21., Оп. 5., Д. 149., л. 407–409].

В работе Георги чаще других описана территория (у 72 народов), одежда (65), образ жизни и хозяйствование (62), происхождение и название (60), жилище (56). С разной обстоятельностью представлены религия (у 49 народов) и обряды (42), описание внешности с характеристикой антропологических особенностей (47), языковая принадлежность того или иного сообщества (46), пища (43). Реже остальных встречаются такие характеристики, как дань/торговля (32), воспитание и нравственные качества (28), власть (8), колонизация (13).

Применительно к финской группе (в разделе «древних руссов») – территория, происхождение/название, образ жизни (хозяйство) и жилище описаны у каждого из 11 народов. Язык, одежда и религия охарактеризованы у 10 народов из 11, пища – еще реже. В этих описаниях прослеживается внутренняя схема, по которой ведется повествование.

При обозначении языка и территории народа Георги обходится несколькими фразами. Например, при описании латышей, эстов и ливонцев отмечает: «Язык состоит из трех четвертей славянских слов и небольшого количества финского» [Георги, 1799а, с. 20].

Ракурс описания народов «татарского племени» несколько меняется в сравнении с финнами. Если у финской группы наиболее обстоятельны характеристики религии и обрядов, то в случае с татарами на первый план выходит их образ жизни, хозяйство и жилище, тем самым хозяйственно-культурный элемент становится определяющим в их описании. При этом, в первую очередь, Георги обозначает специфику хозяйства по признаку кочевой/оседлый; особое внимание уделяется главному промыслу народа (в основном это землепашество, скотоводство, хлебопашество) [Георги, 1799б, с.24, 28, 31, 34, 37, 42, 58, 63, 64, 70, 77, 89, 96, 109, 113]. В характеристике жилищ акцент делается на особенностях строений у каждого народа, отдельно показаны летние и зимние жилища и домашняя утварь.

Заслуживает внимания введение нового ракурса – описание власти. Особая система управления присуща татарским и кавказским народам, что и отражено в «Описании». Георги показывает властную структуру, обозначает должности и полномочия «первых лиц» народа (хан, староста,

князь, выборный старейшина, есаул, яута или князек). Такое описание встречается не у каждого народа, а только в 6 случаях (черкесы, кумыкские татары, грузины, бухарцы, барабинцы, киргизы) [Георгиб, 1799, с. 47, 49, 55, 57, 63, 38, 113, 120].

В описании самоедских, манчжурских и восточных сибирских народов к «власти» добавляется «колонизация». Народы Сибири И. Г. Георги характеризует как людей вольных, никем не закрепощенных, пребывающих спокойно в древних своих порядках. Колонизация сибирских народов связана, с одной стороны, с покорением их россиянами, с другой — с данническими отношениями. Самоеды после покорения Российской державой подать стали платить «по привычке», маторы в 1609 г. начали платить России дань, а тунгусы оборонялись упорнее других сибирских народов [Георги, 1799б, с. 6, 16, 33].

В описании одежды Георги использует компаративный подход, сравнивая одеяние одного народа с другими: например, самоедскую одежду с остятской и якутской, аринскую с качинской, тунгусскую с якутской, юкагирскую с самоедской и т. д. Исторический ракурс демонстрируется в описании власти, показывая, как строилось управление народа до завоевания россиянами и после [Георги, 1799в, с. 6], таков ракурс, например, у самоедов.

В описании монгольских народов, армян, грузин, немцев, поляков и других народов России Георги не отступает от своей универсальной схемы. Но по полноте и насыщенности этот (четвертый) том уступает предыдущим. Выразительнее других смотрятся характеристики: происхождение, хозяйство, одежда, колонизация.

Достоинством «схемы Георги» является систематическое изложение этнографии народов Российской империи, автор старается осмыслить и обобщить огромный и разнообразный материал, собранный им самим, его соратниками по экспедиции и предшественниками. Он стремится выражать все в максимально точных определениях и цифрах [Загребин, 2006, с. 132–133]. Через эти характеристики он показывает уровень культуры того или иного народа, наблюдения над социальным строем. И. Г. Георги первому в истории отечественного народоведения удалось дать полное и систематическое описание народов России.

Научный руководитель – чл.-корр., д-р ист. наук, профессор А. В. Головнёв

Список литературы

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. – СПб., 1799а. – Ч I. – 76 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. – СПб., 1799б. – Ч II. – 178 с.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. – СПб., 1799в. – Ч III. – 116 с.

Загребин А. Е. Финно-угорские этнографические исследования в России XVIII–первая половина XIX вв. / А. Е. Загребин. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 324 с.

СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149. Л. 407–409.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера / А. Х. Элерт. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

Methodology description of nations in the XVIII century: the experience of I. G. Georgi

T. S. Kisser

The article discusses the methodology for the description of nations in the 18th century. For example, I. G. Georgi first used way of describing people: land, origin/name, appearance, language, lifestyle (farm), housing, clothing, food, trade, education, rituals and religion.

Keywords: I. G. Georgi, ethnic groups, the description, methodology

Киссер Татьяна Сергеевна
студент 5-го курса, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина
e-mail: tkisser@bk.ru

Kisser Tatyana Sergeevna
Student 5th year, Ural Federal University of B. N. Eltsyn
e-mail: tkisser@bk.ru

УДК 39

Исторические топонимы Прииртышья и присырдарьинских регионов как источник по этнической истории Центральной Азии

С. Т. Кожахметова
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Географические названия являются свидетелями различных исторических условий и событий, в которых они создавались, трансформировались. Возникновения географических названий являются не случайным процессом, а результатом многовековых жизненных опытов минувших поколений. Топонимический материал является незаменимым источником для изучения этнической истории Центральной Азии. К настоящему времени области применения топонимики достаточно обширны, и она выступает как историческая наука, способствующая выяснению того или иного явления.

На основе имеющихся исторических, археологических, топонимических материалов и других источников, в процессе формирования ойконимии Прииртышья казахстанским этнографом Ж. О. Артыкбаевым выделены шесть этапов, что может быть принято и для характеристики развития топосистемы Сырдарьи:

Первый этап – эпоха ранних кочевников;

Второй этап – древнетюркский период;

Третий этап – средневековый (до XVIII в.);

Четвертый этап – с XVIII в. до начала XX в. (до 1917 г.);

Пятый этап – с 1917 г. до начала 1990 г.;

Шестой этап – с начала 1990-х гг. – по настоящее время [Артыкбаев, 2007].

Ойконимия топосистемы Сырдарьи первого периода характеризуется наличием в своем составе тюрских терминов градостроительства и двукомпонентностью. Она представлена на изучаемой территории историческими ойконимами и некоторыми современными названиями. Например, Жанакент, Озкент (Өзкент-С.К.), Алтынасар, Жаманасар, Шерикрабат (Шірікрабат-С.К.), Куюккала и др.

Особенностью ойконимии второго этапа является то, что основным источником номинации становится топонимия – названия урочищ, рек и озер, местностей, через которые проходила железнодорожная магистраль. Начиная с этого периода, в названиях уездов и новых поселений стали появляться имена русского происхождения (Царек, Скобелевск, Гродековск, Александровский и др.) или образованные при помощи русских аффиксов (Перовск, Казалинск, Аральск). В структурном плане среди ойконимов этого периода преобладают одноосновные названия.

Третий этап формирования ойконимии присырдарьинского региона характеризуется значительным количеством от топонимических названий. Вместе с тем в этот период возросло число мемориальных названий. В начальный период этого этапа населенным пунктам присваивались имена видных партийных и государственных деятелей, героев войны и труда, знаменитых личностей (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Киров, Гагарин, Титов и др.). В последние годы все больше даются имена в честь народных героев, известных людей-уроженцев этого края (Богенбай батыр ауылы, Жалантос батыр ауылы, Досболдат ауылы, Мачанбетов ауылы, М. Шокай ауылы и др.) [Прманова, 1997, с. 12].

Одним из источников номинации в ойконимии третьего этапа становятся собственно ойконимы. Появление подобных названий связано с изменениями в административно-территориальном устройстве, с особенностями возникновения новых поселений. В названиях этого типа к старому названию добавляются уточняющие компоненты: в основном прилагательные, указывающие на время или место появления нового населенного пункта. В отдельных случаях новое поселение получало прежнее название, а к старому, наоборот, добавлялся компонент *ескі* – старый. Для наименований от ойконимов также характерно оформление их коррелирующей парой *жаңа – ескі*. В структурном отношении в ойконимии этого периода преобладают одноосновные названия. В последние годы стали появляться двуосновные названия с ойконимическим термином *ауыл*. Они построены по II типу тюркского изафета.

Археолого-этнографическое изучение территории Павлодарского Прииртышья подтверждает существование исторических и культурных связей с территорией присырдарьинского региона на примере средневековых топонимов, в том числе и на примере ойконима Казалы, который отмечен в Казалинском районе Кызылординской области и Аксуском районе Павлодарской области.

О завоевании областей Приаралья кыпчаками в XI в. и включении населения этих областей в состав кыпчакского союза отмечено во многих исторических документах. О роли кимаков/кыпчаков в этнической истории многих тюркских народов говорится также в известном труде «Народы Средней Азии и Казахстана»: «Передвижение в тот же исторический период другой части огузов («узов» или «торков» русских источников) вслед за печенегами в направ-

лении южнорусских степей и приход с Иртыша в Приаралье кыпчаков (западная ветвь живших на берегах Иртыша тюркоязычных племен кимаков) имели большое значение в начавшемся процессе формирования каракалпакской народности [Народы Средней Азии и Казахстана…, 1962, с. 84]. Все эти этнополитические процессы в определенной степени оказали влияние на развитие этого региона и нашли языковое отражение в топонимических названиях. Вопрос об огузо-кимакских отношениях и маршруте их движения также можно проследить на примере топонима Казалы.

В статье Ж. Артыкбаева «Огузско-кимакские топонимы на территории Среднего Прииртышья» мы находим следующие интересные факты о топониме Казалы: «Казалы название озера и поселка на левом берегу р. Аксу. В свою очередь Аксу является одним из больших рукавов р. Иртыш. В дореволюционное время плодородные участки побережья были отданы казачьим офицерам. Фамилия одного из них, Грязанова, на некоторое время заменила старое название Казалы. В середине 1990-х гг. усилиями нескольких аксакалов, помнящих еще старину, исконное название возвратилось. Но значение этого слова, к сожалению, уже никто не помнил. Первоначальные попытки этимологического анализа не привели нас к положительным результатам. «Казалы» – топоним, постоянно пребывающий в таинственной загадке. Данное обстоятельство было связано с ошибочными этимологическими интерпретациями данного топонима нашими лингвистами. На самом же деле топоним «казалы» берет начало от «каза» – средство для ловли рыбы» [Артыкбаев, 2007, с. 116–117]. Далее автор в работе ссылается на исследования С. Аманжолова, где «каза» также объясняется как «одно из орудий рыболовного хозяйства», и Т. А. Жданко, отмечавшего «каза» как рыболовную снасть у каракалпаков.

Вслед за А. Жакыповым и Ж. Артыкбаевым этимологию топонима «Казалы» мы связываем с названием древней рыболовной снасти. Как в Кызылординской, так и в Павлодарской областях ойконим «Казалы» производно от гидронима «Казалы». В свою очередь, гидроним мог получить свое название от места, где ставилась «каза» – древнее рыболовное приспособление. «Каза» изготовлялись из высоких стеблей камыша и ставились в речных протоках. Возможно место, где чаще ставились каза, стало именоваться казалы: каз/газ камыш+-а=каза – в значении «сделанное из камыша»; каза+-лы (аффикс наличия, обладания)=место, где много каза или место, где ставится каза.

В казахско-русском словаре под редакцией Р. Г. Сыздыковой и К. Ш. Хусаина каза II имеет обозначение как специальное слово, означающее «катцы» (ловушка для рыбы, сделанная из тростника); «шенгел казы» – катцы из осоки; «камыс казы» – катцы из камыша; «казы сал» – поставить катцы. В словаре есть указание и на слово казалы II – место в водоеме, где сосредоточено много катцов, верш, морд (разновидность рыболовных снастей) [Сыздыкова, Хусаин, 2008, с. 452]. Исходя из вышесказанного, по археологическим, историко-этнографическим данным о времени появления, название «Казалы» восходит к раннему средневековью, к периоду огузо-кимакских отношений, по мотиву номинации связано с древним приспособлением для ловли рыболовства.

В дополнение к вышесказанному следует также отметить, что в этническом составе казахов Младшего жуза имеется родовое подразделение «казалы» (Мл. Жуз ← байулы← алтын← казалы). Однако здесь наблюдается процесс от топонимического наименования этнической группы.

Таким образом, при топонимическом исследовании необходимо, наряду с лингвистическими материалами, учитывать материалы по археологии, истории, культуре и этнографиии народа. При этом задача исследования должна заключаться в том, чтобы собрать по крупицам источниковый материал и использовать его в решении тех или иных проблем.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Ж. О. Артыкбаев

Список литературы

Артыкбаев Ж. О. Среднее Прииртышье в контексте проблем истории евразийских степей. Этногенетический и этноархеологический опыт исследования / Ж. О. Артыкбаев. – Павлодар : ЭКО, 2007. – Т. 1. – 267 с.

Народы Средней Азии и Казахстана. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – Ч. 1. – 130 с.

Прманова Н. А. Историко-лингвистический анализ тюркской ойкономии Кызылординской области Казахстана : автореф. дис. … канд. филол. наук / Н. А. Прманова. – Казань, 1997. – 21 с.

Сыздыкова Р. Г. Казахско-русский словарь: Около 50 000 слов / Р. Г. Сыздыкова, К. Ш. Хусаин. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002. – 1008 с.

Historical toponyms of the Irtysh and Syr Darya regions as sources of the ethnic history of Central Asia

S. T. Kozhakhmetova

In this article, the author analyses the toponymic system of the Irtysh and Syr Darya regions. The historical toponyms are, as a matter of fact, an indispensable source for the study of ethnic history of Central Asia. The main phases of the formation of these toponyms in the regions are here highlighted. Studying the Kazaly oikonym (toponym denoting a

village or its part), the author confirms the existence of historical and cultural ties between the Irtysh and the Syr Darya regions.
Keywords: Irtysh and Syr Darya regions, historical toponyms, Kazaly oikonym

Кожахметова Салтанат Тулеубайкызы
магистрант 2-го года обучения, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: saltanat.geo@inbox.ru

Kozhakhmetova Saltanat Teleubekkyzy
graduate student 2nd year, Eurasian National University of L. N. Gumilev
e-mail: saltanat.geo@inbox.ru

УДК 394.014

Связь межэтнических отношений и брачных установок у современного городского населения (на примере молодежи г. Омска)

Е. А. Коптяева
Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Омск

Омская область в целом, и Омск в частности, позиционируют себя как «территория согласия». Поэтому представляется интересным определить, брачные установки жителей г. Омска, чтобы выяснить, согласны ли омичи только на добрососедское сосуществование с представителями других национальностей, или же для жителей Омска также свойственно заключать межнациональные браки.

Исследование проводилось при помощи анкет-опросников. Возраст опрошенных ранжировался от 17 до 23 лет. Преимущественно – это ученики старших классов средних общеобразовательных школ и студенты высших учебных заведений.

Согласно данным Росстата, в национальном соотношении население г. Омска делится следующим образом: русское население – 88,8 %, казахи – 3,4 %, украинцы – 2 %. На долю остальных национальностей приходится менее 2 % [Доля наиболее многочисленных…]. Поэтому в данном исследовании представители иных национальностей не учитывались. Для данной работы был использован массив полученных анкет, в котором доля русских составляла 83 %, казахов – 9,3 %, украинцев – 7,7 %, т. е. примерно совпадает процентное соотношение представителей разных национальностей в г. Омске в целом, и в отдельно взятом массиве анкет в частности.

При составлении опросника было учтено, что зачастую респонденты скорее стремятся создать о себе определенное впечатление, нежели дать честный ответ на вопрос. Чтобы избежать подобного рода искажения информации, в анкете были предложены еще два вопроса. В первом вопросе респонденты должны были ответить, как бы они отнеслись, если бы их (потенциальный) сын женился на представительнице другой национальности. И последний вопрос из блока, посвященного межэтническому браку, предлагал отвечающим выразить свое мнение о ситуации, если бы в межэтнический брак вступила их (потенциальная) дочь.

Ответы русских мужчин можно разделить на три группы. Положительно относятся к межэтническим бракам – 33 %. Вторая группа – респонденты, указавшие, что негативно относятся к межэтническим бракам – 33 %. В третью группу были включены те, кто отказались давать какой-либо однозначный ответ, либо выразили абсолютное равнодушие к данному явлению – примерно 25 % от всех ответов.

В качестве следующего вопроса респондентам предлагалось ответить, считают ли они для себя возможным вступление в межэтнический брак. Положительно ответили на данный вопрос 58 %, выразили отказ – 42 %.

Когда речь зашла о браке для сына, отрицательно восприняли данный вариант 67 %. положительно отнеслись к такой версии 25 % и 8 % не смогли дать однозначного ответа на данный вопрос.

В ответах, касающихся замужества дочери, прослеживается следующая раскладка: 75 % – против брака с представителем другой национальности, 17 % – дали свое согласие и 8 % указали, что не знают, как отреагировали бы на данную ситуацию. Стоит отметить, что примерно 10 % из числа респондентов, охарактеризовавших межэтнический брак как положительное явление и выказавших согласие на возможное заключение подобного рода брака для себя, на вопрос о браке дочери с представителем другой национальности высказались отрицательно.

Обобщая ответы на данный блок вопросов, можно прийти к следующим выводам: доля ответов, где отношение к межэтническому браку для

себя и для детей одинаково положительное составляет 42 % от общей массы, группа ответов, где равно отрицательное отношение к межнациональному браку, как для себя, так и для детей – 33 %.

Первоначально, женщины показали более терпимое отношение к межэтническому браку – 54 % охарактеризовали это явление как положительное, 35 % дали неопределенные или нейтральные характеристики и 11 % высказались отрицательно.

Отвечая на вопрос о возможности межэтнического брака лично для себя, высказались против 50 %, оказались не готовы дать однозначный ответ 2,5 % и признали для себя такую возможность 38,4 %.

Но когда речь коснулась вопросов, касающихся возможности межнационального брака для их детей, женщины оказались категоричнее мужчин. Брак дочери с представителем другой национальности положительно оценивали 46 % отвечавших, отрицательно – 54 %. По признанию 42 % респондентов допустили бы вступление в межэтнический брак своего сына, в то время как 58 % были бы против. Неопределенных или нейтральных вариантов получено не было.

Казахские мужчины высказали достаточно позитивное отношение к межнациональному браку – 67 % охарактеризовали его как положительное явление, 23 % продемонстрировали свое нейтральное отношение и 16 % высказались против.

Что касается личного отношения, то 50 % респондентов считают для себя приемлемым заключение подобного брака, 33 % выказали нейтральное отношение. Категорически не приемлют для себя 17 % отвечающих.

Когда вопрос коснулся брачных союзов для их детей, расклад данных в целом продублировал тот, что был получен при анализе ответов на предыдущий вопрос. Положительно смотрят на возможный брак детей с представителем (представительницей) другой национальности 50 %, не придали никакого значения национальной принадлежности брачного партнера для своих детей 33 %. И 17 % указали, что этот фактор будет иметь для них значение.

Представительницы казахского этноса оказались более консервативными в данном отношении.

Межнациональный брак считают негативным явлением 52 % опрошенных женщин. Положительно относится к нему 31 %, а 17 % оказались равнодушны в данных вопросах.

Отвечая на вопрос о возможности межнационального брака для себя, 64 % дали отрицательные ответы, 33 % – нейтральные («все может быть», «наверное», «национальность не имеет значения») и 3 % ответили, что межнациональный брак для них возможен и/или желателен.

Также были получены ответы на ряд вопросов, касающихся их детей. В данном случае полученные ответы были не столь консервативны. Не стали бы препятствовать браку своего ребенка с представителем другой национальности 66 % опрошенных, 17 % заявили, что данная ситуация неприемлема, и 17 % сочли возможным межнациональный брак для своего ребенка.

Также в исследовании участвовало украинское население г. Омска.

Украинские мужчины, отвечая на вопрос о своем отношении к межэтническим бракам, по большей части выказали нейтральное или равнодушное отношение – 55 % ответов. Высказали резко негативное отношение к феномену межэтнического брака 45 % отвечающих.

Общая масса ответов на вопрос о приемлемости межнациональных браков лично для респондента разделилась на две равные группы – 50 % дали положительный ответ, 50 % ответили, что не приемлют подобного брака для себя.

Украинские женщины продемонстрировали более лояльное отношение к межэтническим бракам – 42 % охарактеризовали подобный брак как позитивное явление, 38 % заявили о своем равнодушном отношении и 20 % высказали свое осуждение.

Отвечая на вопросы о возможности межнационального брака конкретно для себя, женщины по большей части продемонстрировали положительное отношение – 65 %. Категорически против подобной возможности высказались 35 %.

Также как и всем остальным участникам опроса, обеим группам респондентов было предложено ответить на вопрос о возможности межнационального брака для своего (гипотетического) ребенка. Мужчины, равно как и женщины продемонстрировали скорее положительное отношение к данной возможности – 65 % мужчин и 98 % женщин указали, что согласились бы с подобным развитием событий.

Всю совокупность ответов (без разделения по гендерному признаку) характеризует одна общая черта – практически все респонденты указали, что из всех возможных вариантов межэтнического брака, для собственных детей максимально приемлемым они считают брак с представителем славянской народности. В качестве второго возможного варианта указывался брак с жителем Западной Европы. На третьем месте стояли представители китайской нации.

Если рассматривать совокупность ответов в целом, без деления по этническому или гендерному признаку, то можно увидеть следующую картину. Практически треть респондентов (29 %) не смогли или отказались выказать какое-либо однозначное отношение к такому явлению, как межнациональный брак. Большинство (47 % от общего количества опрошенных) охарактеризовали межэтнический брак как позитивное явление. Но также имеются и противники заключения браков между представителями разных на-

циональностей – подобной точки зрения придерживаются 24 % респондентов.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что характеристика г. Омска как «территории согласия» является вполне оправданной. Так, население придерживается политики установления контактов, в том числе и брачных, с представителями других национальностей.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент М. А. Жигунова

Список литературы

Доля наиболее многочисленных национальностей Омской области в численности населения муниципальных районов и г. Омска [Электронный ресурс]. – URL: http://omsk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/omsk/resources/36bc1680407daa20bdd5ff367ccd0f13/itogivpn2010_41.htm. (дата обращения 26.09.2014).

Inter-ethnic relations and Marriage of modern urban population (on example of youth of Omsk)

E. A. Koptyaeva

This article is devoted to the analysis of the marital attitudes of urban youth. In particular we considered the relation of the population to such phenomenon as mixed-ethnic marriage. This work is based on research which took place in 2013–2014.

Keywords: Youth, inter-ethnic relationships, city.

Коптяева Екатерина Андреевна
аспирант 2-го года обучения, Омский Филиал ИАЭТ СО РАН
e-mail: ekaterinakoptyaeva@gmail.com

Koptyaeva Ekaterina Andreevna
postgraduate student 2nd year, Omsk Branch of IAET SB RAS
e-mail: ekaterinakoptyaeva@gmail.com

УДК 394.3

Игра в культуре казахов: прошлое и настоящее

А. С. Кубаев
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Игра – это многокомпонентное явление, занимающее значительное место в духовной жизни любого народа. Понятие «игра» имеет очень много трактовок, и по одному из определений «слово «игра» не является научным понятием в строгом смысле этого слова. Может быть, именно потому, что целый ряд исследователей пытались найти нечто общее между самыми разнообразными и разнокачественными действиями, обозначаемыми словом «игра», мы и не имеем до настоящего времени удовлетворительного разграничения этих деятельностей и удовлетворительного объяснения разных форм игры» [Эльконин, 1978, с. 10].

Игра является признаком культуры, и по мнению Э. Войтишек «игровая культура, являясь одним из наиболее показательных и устойчивых элементов национальной специфики, представляет собой совокупность мифологических представлений, традиций, моральных убеждений того или иного общества. Именно в контексте игровой деятельности той или иной нации можно оценить специфику ее духовной культуры. При этом сами игры, отражающие привычки и образ повседневной жизни, могут одновременно служить источником для выявления его специфических моральных и интеллектуальных черт. В этом смысле игровой дух оказывается источником разнообразных и неожиданных стимулов, которые способствуют развитию культуры» [Войтишек, 2010, с. 2].

В казахской культуре игры были весьма популярны и любимы народом. Играя в различные игры и забавы, казах-степняк забывал ежедневные хлопоты и заботы, и по-настоящему отдыхал от повседневной суеты. В культуре казахов присутствовало очень много игр, которые затрагивали почти все сферы жизнедеятельности кочевников, и вырабатывали такие качества, как выносливость, физическое развитие и силу, ловкость, быстроту, меткость, интеллект, умение работать в команде, принимать нестандартные решения и многие другие качества.

В игры казахи играли когда праздновали *Наурыз* (Новый год у тюркских и иранских народов) и другие праздники, когда только что прикочевали на летние пастбища (*жайляу*) и в честь этого события устраивали пиршества, на свадьбах и массовых гуляниях, на поминках знатных и известных людей.

Среди казахских народных игр особое место и большое значение отводилась играм с участием

коня. Вообще, конь являлся сакральным животным не только у казахов, но и у других кочевых народов Центральной Азии. Казахи высоко ценили это благородное животное, и игры с участием лошадей, такие как *байга* (скачки), *кокпар тарту* (козлодрание), *кыз куу* (догони девушку), *аударыспак* (борьба на лошадях), *жамбы ату* (стрельба из лука в мишень на полном скаку) и др. были очень популярны среди народа. Но, конечно же, самой популярной из них были *байга* (скачки). Богатые и известные люди выставляли на скачки своих лучших лошадей и принимали участие в скачках не столько из-за внушительных призовых, сколько за славу, известность и авторитет. Об этом хорошо пишет выдающийся тюрколог, востоковед, археолог и этнограф В. В. Радлов: «Вскоре народ собрался на скачки. Все зрители верхом на лошадях растянулись двумя длинными шеренгами по обеим сторонам скаковой дорожки, которая была обозначена шестами. В стороне от зрителей собрали участвующих в скачках лошадей, большей частью великолепных крупных животных, на которых сидели маленькие мальчики от шести до десяти лет. Сначала лошадей медленно провели перед зрителями, которые встретили их возгласами одобрения. От каждой хорошей лошади публика приходила в восторг. Для победителей скачек было предназначено десять призов. Первым была небольшая юрта, крытая красным сукном, со всей необходимой домашней утварью. Перед ней на оседланной лошади сидела девушка в костюме невесты, на ее голове – *саукеле*. Кроме того, около юрты находилось пятьдесят голов разного домашнего скота (верблюды, лошади, коровы и овцы). Второй приз составляли десять ямбов серебра и по десять голов каждого вида скота и т. д. Последний приз – пять лошадей» (Радлов, 2007, с. 126). О популярности скачек у казахов писали и другие российские авторы, а именно: С. Б. Броневский, М. И. Красовский, Л. И. Мейер и др.

Не меньшей популярностью пользовались у казахов молодежные игры с участием юношей и девушек. Одна из них – игра «*ақ сүйек*» (белая кость). Эта развлекательная игра с участием девушек и юношей в степи, преимущественно в лунную ночь, нередко с участием молодежи соседнего аула. Играют ее следующим образом. В качестве инструмента берется белая кость, откуда и название игры. Участники делятся на две группы со своими предводителями, также присутствует руководитель игры, который бросает кость подальше от участников. По его сигналу две команды начинают поиски белой кости. Тот, кто найдет кость первым, должен, прикрываясь товарищами по команде, незаметно для соперников принести кость ведущему игры. А представители побежденной группы в качестве наказания должны спеть песню, сыграть на домбре или же продемонстрировать какое-нибудь другое искусство.

На праздниках, на жайляу и народных гуляниях казахи не обходились без такой распространенной и веселой игры, как «*алтыбақан тебу*». Она проходила в вечернее время. Девушки и юноши раскачивались на качелях и должны были при этом начать какую-нибудь веселую песню, остальные подхватывали ее, играли на домбре, пары сменяли друг друга.

Есть у казахов и игры, направленные на интеллект, развитие вычислительных способностей и логическое мышление человека. Одна из них – игра «*Тогыз-кумалак*». В нее играли и играют до сих пор и дети, и молодежь, и взрослые. Играют в нее два человека на специальной доске, у каждого по 81 шарику, и в ходе игры соперники, делая определенные ходы, должны выиграть друг у друга более 81 шарика.

Активно играли казахские дети и в *асыки* (альчики, бабки). С помощью асыков играли дети во множество детских игр, но чаще всего играли в «*асык ату*» (метание альчика). Играли в нее несколько человек, преимущественно мальчики. Несколько асыков ставились в ряд и на некотором расстоянии от них играющие должны были сбить как можно больше асыков. Сбивали тоже асыком, каждый своим, и кто больше сбил, тот и становился победителем.

Таким образом, игры, которых у казахов очень много, имели большое значение не только как приятное времяпровождение, развлечение, но и вырабатывали многие личностные и физические качества, влияли на умственную работоспособность, оказывали воздействие на воспитание детей и подрастающего поколения. На сегодняшний день народные игры казахов утратили свою былую значимость и важность и не столь популярны среди народа. Но, тем не менее, многие игры сохранились, и в них люди играют до сих пор, особенно в сельской местности. В настоящее время со стороны государства ведется активная поддержка национальных видов спорта и игр, создана «Ассоциация национальных видов спорта РК», которая на высоком уровне проводит республиканские соревнования по таким играм как «кокпар», «аударыспак», «байга», «тогыз-кумалак» и др. Национальные игры казахов возрождаются.

Научный руководитель –
магистр Т. В. Кошман

Список литературы

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре Японии : автореф. дис. … д-ра. ист. наук / Е. Э. Войтишек. – Новосибирск, 2010. – 23 с.

Радлов В. В. Тюркские степные кочевники / В. В. Радлов. – Астана : Алтын Кітап, 2007. – (Библиотека казахской этнографии), Т.3. – 389 с.

Эльконин Д. Б. Психология игры / Д. Б. Эльконин. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 360 с.

Game in the culture of Kazakhs: the past in the present

A. S. Kubayev

This article is about how different scientists considered the concepts “game”, “game culture”, what mean games for Kazakhs and its place in the system of cultural values. In the article are considered such Kazakh national games as a bayga, kokpar, game in asyk, youth games, etc., their principles and rules, and also their current state.

Keywords: game, culture, Kazakhs, present.

Кубаев Аскар Салимович
студент 4-го курса, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: askar.kubaev@mail.ru

Kubayev Askar Salimovich
student 4th year, Eurasian National University of L. N. Gumilev
e-mail: askar.kubaev@mail.ru

УДК 322 (571.54/55)

Этноконфессиональная политика государства и миссионерская деятельность среди забайкальских старообрядцев (вторая половина XIX – начало XX вв.)

М. Е. Кульдо, М. Н. Ибрагимов
Забайкальский государственный университет, Чита

В 1879 г. была образована Забайкальская «противураскольническая» миссия. Она учреждалась с целью повышения эффективности распространения православия и единоверия среди местных старообрядцев. Деятельность миссии, однако, особой результативностью не отличалась: случаи принятия православия или единоверия, за весьма редкими исключениями, являлись единичными. На данное обстоятельство повлиял целый комплекс причин, главная из которых состояла в изменении этноконфессиональной политики государства по отношению к старообрядцам.

Известно, что во 2-й четверти XIX в. государство предпринимает ряд мер, направленных на искоренение старообрядчества. Так, указы 1826 и 1839 гг. предполагали ликвидацию их культовых сооружений. В 1827 г. беглопоповцы лишаются права принимать православных священников. Указы 1836, 1838 и 1852 гг. предписывали занимающим общественные должности раскольникам (до 1905 г. в официальных документах старообрядцев наряду с представителями различных сект именовали именно так) присягать в православной церкви. Наконец, в 1853 г. раскольникам вовсе было запрещено избираться на общественные должности.

Ограниченность в гражданских правах способствовала принятию старообрядцами православия либо единоверия с целью повышения своего юридического статуса. На фоне ужесточения политики государства в 40-е гг. XIX в. к православию примкнула четвёртая или даже третья часть забайкальских старообрядцев [ГАЗК, ф. 1, оп. 1, д. 3455, л. 3 об.].

2-я половина XIX в. – особенно 70–80-е гг. – характеризуется либерализацией правительственного курса по отношению к старообрядцам, что нашло отражение в череде законодательных актов.

В 1863 г. старообрядцы вновь получают право на занятие общественных должностей. Закон предписывал избранного кандидата приводить к присяге гражданским лицам с употреблением старообрядческих Евангелия и креста. Тех, кто отказывался от присяги, к данной процедуре не принуждали [ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 613, л. 3 об.].

Продолжительное время браки между старообрядцами государством не признавались и расценивались властями как «блудное сожительство». Нередко такие «сожители» разводились усилиями земской полиции. Для придания брачному союзу правовой силы отдельные старообрядцы решались на переходы в православие или единоверие, нередко принимавшие временный характер. Однако с изданием Правил о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников (1874 г.), вводивших для старообрядчества институт гражданского брака, проблема незаконного сожительства отпадала. Теперь жениху и невесте для регистрации отношений и сообщения им «силы и последствий законного брака» требовалось обратиться в местные полицейские органы [ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 1171, л. 1].

Очередным законодательным актом, значительно расширившим гражданские права и религиозные свободы старообрядчества, явились Положения о раскольниках 1883 г. Новый закон подтверждал право старообрядцев на занятие общественных должностей. С разрешения министра внутренних дел старообрядцы могли посту-

пать в иконописные мастерские. За ними признавалось право творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по своим обрядам, а также открывать ранее опечатанные молитвенные дома. Духовные наставники старообрядцев не подвергались преследованиям, если не были замечены в распространении своих «заблуждений». Однако за ними не признавалось духовного сана. Кроме того, старообрядцам воспрещалось «публичное оказательство раскола»: крестные ходы, публичное ношение икон, пение на улицах и площадях [Закон 3-го мая…, 1886, с. 2–4].

Либеральные веяния способствовали «укреплению в вере» забайкальских старообрядцев. В Хонхолое, например, начальник противораскольнической миссии архимандрит Иринарх на все увещевания во время собеседования со старообрядцами услышал от них следующий ответ: «Что вы, отец, нам доказываете теперь; явно нужно бы раньше; кабы такие доводы из наших книг нам приводили тогда, когда нас принуждали насильно ходить в вашу церковь, тогда многие бы легче пошли… а теперь нам и так хорошо – царь дал свободу, чего нам ещё нужно?» [ГАЗК, ф. 8, оп. 1, д. 4, л. 31 об.].

В 90-е гг. XIX в. отдельные согласия старообрядцев получают дополнительные льготы. Так, в 1895 г. беглопоповцам вновь разрешается принимать православных священников [ГАРФ, ф. 542, оп. 1, д. 316, л. 3 об.].

Значительных религиозных послаблений этноконфессиональные меньшинства добиваются в ходе первой российской революции, когда в империи провозглашается свобода вероисповедания. Ограничения для старообрядцев и сектантов при приёме на общественные и государственные должности отменяются. Вообще период между 1905 и 1917 гг. образно именуют «серебряным веком» старообрядчества.

В связи с отмеченным особого внимания заслуживает Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Отныне за духовными наставниками старообрядцев закреплялось право на организацию богослужений и ведение метрических книг, также за ними признавалась принадлежность к духовенству, освобождавшая их от воинской обязанности. Старообрядцам дозволялось возводить новые и открывать ранее опечатанные храмы. Кроме того, им разрешалось учреждать собственные школы [Васильева, 2007, с. 129–131].

В дальнейшем религиозные и гражданские свободы были зафиксированы в Указе о старообрядческих общинах 17 октября 1906 г. За общинами закреплялись права юридического лица, они могли владеть движимым и недвижимым имуществом, избирать духовных наставников, иметь культовые сооружения [Именной Высочайший Указ…, 1906, с. 2–4]. Следует отметить, что общины в Забайкалье прививались слабо. Так, в 1908 г. в 8 волостях Верхнеудинского уезда находились 46 отдельных старообрядческих обществ, из которых зарегистрировано было лишь одно – Тарбагатайское [ГАЗК, ф. 1, оп. 1, д. 4578, л. 3–3 об.].

В миссионерских кругах с тревогой констатировали, что с изданием упомянутых выше законов «гражданская власть слишком широко открыла двери для выхода из православия» [Отчёт о состоянии…, 1907, с. 14]. В результате веяний религиозной свободы с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1910 г. в Сибири из православия в старообрядчество перешли 2 815 чел. [Коптев, 1912, с. 58]. Нередко подобные переходы являлись массовыми. Например, в 1916 г. в Доно (ныне Калганский район Забайкальского края) в старообрядчество «отпала» 51 семья [ГАЗК, ф. 8, оп. 1, д. 1240, л. 1].

Наконец, одним из результатов революции явилась ликвидация в 1906 г. противораскольнической миссии. Для исполнения миссионерских обязанностей среди старообрядцев и сектантов вводится должность епархиального миссионера-проповедника.

Итак, рассмотренные нами законодательные акты позволяют судить о том, что во 2-й половине XIX – начале XX вв. этноконфессиональная политика государства по отношению к старообрядцам значительно видоизменяется. Постепенно, шаг за шагом, старообрядцы приобретают гражданские права и религиозные свободы. Данное обстоятельство самым непосредственным образом отразилось на положении противораскольнической миссии. Наряду с сокращением числа лиц, примыкавших к единоверию и православию, учащаются случаи «уклонения» в старообрядчество, нередко принимавшие массовый характер.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент В. И. Косых

Список литературы

Васильева С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья (конец XVII – начало XX вв.) / С. В. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2007. – 233 с.

ГАЗК, ф. 1, оп. 1, д. 3455.

ГАЗК, ф. 1, оп. 1, д. 4578.

ГАЗК, ф. 8, оп. 1, д. 4.

ГАЗК, ф. 8, оп. 1, д. 1240.

ГАРФ, ф. 542, оп. 1, д. 316.

ГАРФ, ф. 678, оп. 1, д. 613.

ГАРФ, ф. 722, оп. 1, д. 1171.

Закон 3-го мая 1883 года о правах раскольников. – СПб, 1886. – 41 с.

Именной Высочайший Указ о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин… – М. : Типография П. П. Рябушинского, 1906. – 24 с.

Коптев А. Миссионерская деятельность в Сибири / А. Коптев // Сибирские вопросы. – 1912. – №№ 7–8. – С. 54–61.

Отчёт о состоянии Забайкальской духовной миссии в 1907 году. – Чита, 1907. – 118 с.

Ethnic and confessional state policy and missionary work among old-believers of Zabaikalye (2nd half of the 19th c. – early 20th c.)

M. E. Kuldo, M. N. Ibragimov

The article is devoted to the missionary work among old-believers of Zabaikalye. It brings to the light the reasons of its loss of effectiveness. For this reasons ethnic and confessional policy of the state in the 2nd half of the 19th c. – early 20th c. is analyzed. Special attention is paid to the expansion of human rights and religious freedoms of old-believers. The article shows the influence of liberalization of the governmental policy towards old-believers which resulted in establishing closer connections to the orthodox mission.

Keywords: ethnic and confessional policy, missionary work, old-believers, Orthodoxy, legislative act, civil rights, religious freedoms.

Кульдо Максим Евгеньевич
магистрант 1-го года обучения, Забайкальский государственный университет
e-mail: mkuldo@mail.ru

Ибрагимов Михаил Николаевич
магистрант 1-го года обучения, Забайкальский государственный университет

Kuldo Maksim Evgenievich
graduate student 1st year,
Transbaikal State University
e-mail: mkuldo@mail.ru

Ibragimov Mikhail Nikolaevich
graduate student 1st year,
Transbaikal State University

УДК 39

Лекарственные растения в жизни Омолонских эвенов и чукчей

Е. М. Лаврищук
Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Применение растений человеком в лечебных целях началось задолго до возникновения научной фитотерапии. Далекие предки современного человека уже кое-что знали о целебной силе растений. Первоначальные крупицы знаний у них, должно быть, появились на базе инстинкта самосохранения, свойственного всем животным и проявляющегося, в частности, в траволечении в случае болезни и ранений. В процессе длительного общения человека с окружающим миром, от которого он получал все для своего существования (пищу, одежду и жилище), накапливаемые знания постепенно приобретали осмысленный характер. Об этом периоде жизни человека, естественно, нет письменных источников. Косвенным отражением его является устное народное творчество – исторические предания, легенды, героический эпос и др. [Макаров, 2002].

Учеными-лингвистами были опубликованы путевые записки, очерки и статьи, содержащие важные сведения о различных видах растений, в том числе, имеющих лечебные свойства, которые использовали эвены. Особую ценность представляет «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», где указаны названия многих деревьев, кустарников и трав [Садовникова, 2010].

В обычаях и обрядах любого народа родная природа всегда занимала самое почетное место. Ее одухотворяли, в честь природных явлений устраивали торжественные праздники, а цветы, венки и листья деревьев широко использовались в различных обрядах [Садовникова, 2012]. Так, в Чукотском автономном округе жители с. Омолон (чукчи, эвены, юкагиры, русские), в начале июня отмечают эвенский праздник «Цветение тундры». Хотя праздник раньше проводили только эвены, проживающие в зоне тундры, но традиция была усвоена и эвенами, проживающими в зоне лесотундры. Это связано с миграцией (перекочевкой) омолонских эвенов из зоны тундры в зону лесотундры, которая отличается большим обилием растительности.

Традиции использования лечебных растений рассохинскими и омолонскими эвенами в основном не отличаются, поскольку раньше рассохинская группа эвенов входила в состав оленеводческого совхоза «Омолон». Этнограф У. Г. Попова объединяет эти две группы в рассохинско-омолонскую группу эвенов. В 1971 г. вместо отделения совхоза «Омолон» был создан новый совхоз «Рассохинский» [Попова, 1975, с. 121–122], таким образом, омолонская группа эвенов отделилась от рассохинской, сохранив традиционную самобытную культуру.

Полезные дикорастущие растения омолонские эвены и чукчи собирали летом и в начале осени. Большинство лекарственных растений использовали летом для профилактики и заготавливали на зиму. Летом травяные растения

употребляли в свежем виде, а зимой – в засушенном. По данным информаторов, сушка мха происходила следующим образом: мох развешивали на ветках тальника или в яранге, для того чтобы все насекомые покинули растения. Мох сфагнум использовали женщины как гигиеническое средство и как детский подгузник. Этот мох, выделяя противомикробные вещества фитонциды, выполнял важную санитарную функцию дезинфекции.

Эвены уже давно используют тибетский зверобой, который помогает от коликов и болей желудочно-кишечного тракта. Также он снимает болевые спазмы, особенно помогая при лечении мочекаменной болезни. Сохранилось и его древнее эвенское название «*оер*». Тибетский зверобой в большом количестве засушивали на зиму, при употреблении заваривали два листика растения кипятком воды и пили три раза в день по кружке от 10 дней до одного месяца. Отвар из коры ивы употребляют при диарее, а также как вяжущее, желчегонное и успокаивающее средство.

При ангине использовали побеги карликовой березки, из которых готовили настой и полоскали им горло. Чабрец (тимьян) является одним из самых замечательных лекарственных растений, который обладает полезными и лечебными свойствами. Заваривая кипятком, его использовали при кашле или заболевании верхних дыхательных путей. Также от кашля использовали настой багульника, его заливали кипятком или заваривали вместе с чаем. Дым багульника используют в ритуальных обрядах, как очищение от злых духов, но, кроме этого, дым помогает в лечении и профилактике заболеваний дыхательных путей. При простудных заболеваниях использовали отвар из ягод и листьев малины.

Издавна использовали эвены и чукчи иван-чай (кипрей) в виде настоя, как успокаивающее, снотворное и мочегонное средство, а так же его заваривали и пили как обычный чай – недаром такой чай называют эвенским. Золотой корень (радиола розовая) тоже употребляли как чай, но главная его функция в лечении – улучшении работы сердца. Особенно вкусный и полезный чай заваривали из плодов и лепестков шиповника. Настой шиповника иглистого обладает сильным лечебным свойством: лечит болезни желудка, кишечника, заболевания костей, цистит [Ярышева, 2010].

Затвердевшую лиственничную смолу чукчи и эвены собирают в основном летом. Смолу разжевывают и используют до тех пор, пока она не потеряет свои целебные свойства. Смола или, как ее называют омолонские чукчи и эвены, сера помогает при зубной боли, воспалении десен и вообще используется как профилактическое средство от болезней полости рта. Жидкая смола лиственницы использовалась для заживления ран.

Как кладезь витаминов употребляют в пищу дикий лук и дикий чеснок (черемша). Отличить эти растения друг от друга при их сходстве не сложно – у дикого лука листья широкие, а у дикого чеснока тоненькие. В качестве профилактики используется также одна шишкоягода можжевельника в качестве настоя один раз в неделю.

Лекарственные растения имели и имеют в настоящее время большое значение как традиции народной медицины в практике самолечения омолонских эвенов и чукчей. Они издавна научились оберегать и уважать природу. В эвенском языке осталось слово «*бэг*», обозначающее лекарство. Многие лекари ушли из жизни, знахарские навыки постепенно утрачиваются и молодое поколение эвенов знают об этом очень немного, используя, в основном, лекарства официальной западной медицины.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А. А. Орехов

Список литературы

Макаров А. А. Лекарственные растения Якутии и перспективы их освоения. – Якутск, 2002. [Электронный ресурс] – URL: http://blog.webyana.ru (дата обращения 08.06.2014).

Попова У. Г. Рассохинская группа эвенов / У. Г. Попова // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. – Магадан, 1975. – Вып. 67 – С. 121–122.

Садовникова И. И. Лексика растительного мира в эвенском языке : автореф. дис. … канд. фил. наук / И. И. Садовникова. – СПб., 2010. – 166 с.

Садовникова И. И. Растительная табуированная лексика эвенского языка [Электронный ресурс] – 2012. – URL: http://www.rusnauka.com (дата обращения 08.06.2014).

Ярышева С. А. Растения в жизни Рассохинских эвенов / С. А. Ярышева // VI Диковские чтения. – Магадан, 2010. – С. 224–227.

The medicinal plant in the life of Omolon evens and chukches

E. M. Lavrishuik

The article had analysis of using medicinal plant of Omolon evens and chukches, it's old medicin traditional practice.

Keywords: Medicinal plant, evens, chukches, using

Лаврищук Евдокия Михайловна
студент 4-го курса, Северо-Восточный государственный университет
e-mail: nothernland@mail.ru

Lavrishuik Eudokiya Mikhailovna
Student 4th year, North–East State University
e-mail: nothernland@mail.ru

УДК 39

Факторы изменения традиционной материальной культуры украинского сельского населения Алтайского края*

Н. В. Люля
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул
* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-31-01008.а1 «Семья и семейный быт украинского населения Западной Сибири в конце XIX–XX в.»

Процесс изменения культуры этнических общностей происходит под воздействием различных факторов. Наиболее активное влияние оказывают факторы изменения природных условий, развития экономики, контакта с носителями другой культуры [Культурология, 1996]. Материальная культура, по мнению этнографов, в большей степени подвержена такому воздействию.

Одной из задач полевых исследований автора и участников историко-этнографических экспедиций АлтГПУ (2008–2014 гг.) являлось выявление изменений материальной культуры (жилища, пищи, одежды) украинского сельского населения Алтайского края на протяжении XX в.

Полевые материалы показывают, что традиционными элементами материальной культуры украинских переселенцев конца XIX – начала XX в. можно считать глинобитные хаты, крытые камышом или соломой; такие блюда как борщ с фасолью, соленое свиное сало, галушки (рванцы), вареники с сыром, ягодами, вареным картофелем, пшенную кашу с тыквой, кулеш, пампушки с чесноком или маком, драники, кисель; одежду: вышитые мужские рубашки и женские сорочки, юбки (спидницы), кирсетки, фартуки с вышивкой, чоботы (кожаная обувь) [Архив ЦУИиЭ ЛИК, ИЭЭ 2008–2014 гг.; Прохорова, 2014, с. 212–213; Щеглова, 2011, с. 211–213].

Оказавшись в новых природно-географических условиях, украинские переселенцы были вынуждены приспосабливаться к иному климату и географической специфике новых районов поселения.

Природные условия Алтайского края позволили украинцам выращивать традиционный набор овощей (огирки, фасоль, буряки, гарбузы, ковуны, картофель, капусту, морковь и т. д.) [Украинцы, 2000, с. 242]. Однако переселенцам пришлось отказаться от возделывания садов с плодово-ягодными культурами (яблоками, грушами, сливами и т. д.), плоды которых были заменены дикорастущими яблоками-ранетками, земляникой, смородиной, пасленом [Архив ЦУИиЭ ЛИК, ИЭЭ 2010–2014 гг.].

Частые низкие зимние температуры заставляли украинских переселенцев носить валенки (пимы), овечьи полушубки, вязаные шали продолжительную часть времени года. Информанты вспоминали: «Тут не то, что у нас [на Украине]. Тут без пимов делать нечего! Нет пимов – сидишь дома!» [Архив ЦУИиЭ ЛИК, ИЭЭ 2012 г.].

На протяжении первой половины XX века глина продолжала оставаться основным материалом для строительства жилища в степной зоне Алтайского края. Доступность материала, простота техники и короткие сроки возведения построек способствовали сохранению традиций глинобитного строительства украинским населением, что являлось важным условием успешной адаптации украинского населения на территории Алтайского края [Щеглова, 2011, с. 80]. В приборовой и лесостепной зонах края украинские переселенцы еще в начале XX в. строили срубные деревянные дома (Панкрушихинский, Егорьевский, Волчихинский районы) [Архив ЦУИиЭ ЛИК, ИЭЭ 2011–2013 гг.]. С середины 1950-х гг. повсеместно наблюдается постепенный переход к строительству деревянных, а позднее и кирпичных домов.

Наибольшее влияние на изменение материальной культуры в целом, в том числе, и в строительстве жилища, с этого времени приобретает экономический фактор. Массовое строительство

домов из дерева информанты связывают с «появлением лишних денег» в период освоения целинных земель: «Тода жить начали лучше. Лес покупать, да хаты строить» [Архив ЦУИиЭ ЛИК, Ю. Ф. Титов, ИЭЭ 2012 г.]. Развитие пищевой промышленности привело к смене ингредиентов в традиционных украинских блюдах. Например, в борщ вместо помидор и свекольного кваса стали добавлять томатную пасту, приобретенную в магазине, и тертую свежую красную свеклу [Архив ЦУИиЭ ЛИК, ИЭЭ 2012 г.]. На смену традиционной одежде со второй половины 1950-х гг. приходит одежда фабричного производства: платья из ситца, крепсатина, плюшевые жакетки, шали в клетку, фуфайки, ботинки и т. д. [Архив ЦУИиЭ ЛИК, ИЭЭ 2012 г.].

Процесс изменения материальной культуры украинского населения проходил в результате контакта с другими этническими группами, проживающими на территории Алтайского края. В обследованных районах украинцы в большей степени взаимодействовали с русским старожильческим и переселенческим населением, немцами. Взаимодействие с русскими отразилось в одежде – украинские женщины стали носить платья, сарафаны. Русские старожилы (чалдоны), в свою очередь, переняли традицию приготовления украинских блюд (борща, вареников, драников, галушек), особенности выпечки хлеба. В результате взаимодействия с немцами украинцы освоили технику саманного строительства (Кулундинский район), стали носить вязанные шерстяные шали [Архив ЦУИиЭ ЛИК, ИЭЭ 2010–2014 гг.].

Таким образом, полевые исследования показали, что фактор развития экономики приобретает особое значение для изменений в традиционной культуре украинского сельского населения Алтайского края с 1950–1960-х гг. Природно-географические условия и взаимодействие с другими этническими группами, очевидно, оказывали влияние на материальную культуру переселенцев с самого начала их прихода в регион и к середине XX в. имели конкретные результаты.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Н. С. Грибанова

Список литературы

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2008–2014 гг.

Культурология XX века. Энциклопедия [Электронный ресурс]. – М., 1996. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/444/%D0%9A%D0%A3%D0%9B%D0%AC%D0%A2%D0%A3%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%95 (дата обращения 05.01.2015).

Прохорова Е. А. Сохранность этнической культуры украинского населения Романовского района Алтайского края в XX в. (по полевым материалам 2010, 2013 г.) / Е. А. Прохорова // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2013г.: археология, этнография, устная история. – Павлодар : ПГПИ, 2014. – Вып. 9. – С. 211–216.

Украинцы. – М. : Наука, 2000. – 535 с.

Щеглова Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи, степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) / Т. К. Щеглова // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2011. – Вып.8. – С. 72–83.

Factors that affect the traditional material culture of the Ukrainian rural population of the Altai Territory

N. V. Lyulya

The article discusses the development of the economy as a factor of particular importance to the changes in the traditional culture of the Ukrainian rural population of the Altai Territory becomes 1950–1960s. Natural and geographical conditions and the interaction with other ethnic groups obviously had an impact on the material culture of immigrants from the beginning of their arrival in the region, and by the middle of the XX century have concrete results.

Keywords: material culture, Ukrainian immigrants, Altai Krai.

Люля Наталья Викторовна
магистрант 2-го года обучения, Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: natalyalyulya@mail.ru

Lyulya Natalya Viktorovna
graduate student 2nd year, Altai State Pedagogical University
e-mail: natalyalyulya@mail.ru

УДК 392.51

«Обряды перехода» в казахской свадьбе

А. А. Мейрамова
Евразийский национальный университет им Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

В традиционной культуре казахов «обряды перехода», сопровождающие переломные этапы жизни, занимали особое место. В полной мере это относится и к свадьбе, знаменующей собой переход человека в новый социальный статус. Мужчина обретает статус главы новой семьи, девушка – замужней женщины.

Свадьба представляла собой ритуал, наполненный глубоким знаковым содержанием. Брак в среде юных казахских парней и девушек всегда являлся актуальной темой для разговоров. Особенно это касалось девочек, которых по истечении детского возраста начинали готовить к замужеству. Так, И. В. Стасевич писал: «Для девочек значимым возрастом был 12–13-летний рубеж. После первого мушеля детство для казахской девочки заканчивалось и начиналось специализированное воспитание, подготовка к замужеству». Согласно народным представлениям, девушка 13–15 лет была готова к деторождению и поэтому могла выйти замуж. К примеру, в северных областях Казахстана, по данным переписи 1897 г., зарегистрирована выдача замуж 355 девочек до 10-летнего возраста; 1 045 начали семейную жизнь в 10–12 лет; 4 225 вышли замуж в 13–14 лет; 19 354 – в 15–16 лет [Стасевич, 2011, с. 41]. По этому поводу у казахов существует пословица: «*Тұзды көп сақтама су болар, қызды көп сактама күң болар»,* что означает «Соль долго не береги – замочишь, дочь долго не держи – обратится в рабыню».

Наиболее популярным брачным возрастом у казахских девушек считался 15–16-летний рубеж. Что касается парней, то они, начиная с 12-летнего возраста, могли вступать в брак. Именно с этого возраста мальчики имели также право на надел.

Внешним маркером перехода из одного статуса в другой служила одежда. Во время проведения свадебной церемонии парень и девушка одевали праздничную одежду, отличавшуюся от повседневной нарядностью и обилием украшений.

Главным атрибутом в наряде невесты являлся «*саукеле*» – «священный» головной убор невесты в форме усеченного конуса. Шили его из тонкого и плотного войлока, покрытого шелком. В прошлом состоятельные казахи украшали «саукеле» серебряными бляшками, диадемой с рубином и драгоценными камнями. Обязательными компонентами головного убора были длинные подвески – «*жақтау*» из позолоченных или серебряных пластинок, которые прикреплялись сбоку, и «*желек*» – большая накидка, изготавливаемая из легкой белой ткани и прикрепляемая к макушке. Функция «желек» заключалась в том, чтобы закрывать лицо и тело девушки во время ритуальной песни «*беташар*», которая исполнялась при знакомстве невесты с родственниками жениха. Традиционно «саукеле» передавался от матери к дочери, и его принято было носить до рождения первого ребенка. С появлением первенца саукеле сменялся другим головным убором, состоящим из двух частей: нижней – одеваемой непосредственно на голову, и верхней – в форме тюрбана или чалмы. Обе части изготавливали исключительно из белой ткани [Козыбаев, Аргынбаев, Муканов, 1995, с. 155]. В народе этот головной убор называли «*кимешек*» или «*жаулық*».

Свадебная одежда мужчин состояла из «*айыр калпака*» (остроконечного высокого колпака с раздвоенным отворотом), «*шапана*» (длинного халата) и «*таптаурына*» (сапог с загнутым носком, украшенных серебром). Свадебная одежда, в особенности «саукеле», оценивалась несколькими сотнями голов скота.

После свадьбы девушка переезжала в семью мужа и, соответственно, переходила в особый статус – статус замужней женщины. В каждой возрастной группе женщине соответствовал свой социальный статус, предполагавший определенные права и обязанности. Необходимо отметить, что с изменением статуса изменялся и внешний облик женщины. Женщины от 25 до 30 лет находились в возрастной группе «келіншек», «келінкепшік». В костюме женщины преобладал красный цвет – символ плодородия и здорового потомства. Женщины от 30 до 45–50 лет относились к группе «сары қарын» и имели статус «жеңге» – жены старших родственников мужа. Они выполняли посредническую функцию между невестой и женихом, являясь наиболее активными участниками свадебной церемонии. Этот статус предполагал наличие взрослых детей и значительного жизненного опыта. Женщины от 50–55 лет переходили в последнюю возрастную группу, именуемую «бәйбіше».

Мужчины, как и женщины, тоже имели различный социальный статус в зависимости от принадлежности к той или иной возрастной группе. «*Ер кісі*» – всеобщее наименование группы зрелых мужчин у казахов. Мужчины, входящие в возрастную категорию от 30 до 50 лет, назывались «*аға*» – старший, старше 55–60

лет – «*ақсақал*» (букв. «белобородый»). По мнению Н. Ж. Шахановой, уважительное отношение к группе «ақсақалов» было обусловлено не только простым почтением к их возрасту, но и тем, что «в обществе, базировавшемся на экстенсивном кочевом скотоводстве, большое значение имели опыт хозяйствования, прекрасное знание местности, особенностей круглогодичного выпаса разных видов скота…» [Шаханова, 1998, с. 147].

В заключение следует сказать, что в современном Казахстане «обряды перехода», сопровождающие свадьбу, сохраняют устойчивость и этническую специфику. Статусы мужчин и женщин, о которых шла речь выше, сохраняются, однако они потеряли прежнее внешнее оформление, связанное с ношением определенных видов одежды и головных уборов. В целом, традиционная казахская одежда по большей части стала музейной, хотя элементы национального декора прослеживаются и в современной одежде. Что касается головного убора «саукеле», то он попрежнему является главным атрибутом невесты.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент С. Р. Курманова

Список литературы

Стасевич И. В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность / И. В. Стасевич. – СПб. : Наука, 2011. – 202 с.

Козыбаев М. К. Казахи. Историко-этнографическое исследование / М. К. Козыбаев, Х. А. Аргынбаев, М. С. Муканов. – Алматы : Казахстан, 1995. – 351 с.

Шаханова Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов / Н. Ж. Шаханова. – Алматы : Казахстан, 1998. – 240 с.

«The rites of passage» in Kazakh wedding

A. A. Meiramova

The article considered «the rites of passage» in Kazakh wedding. Described in detail the age of marriage for girls and boys and characterized by incremental age status of married women. Particular attention is given to items of clothing, as a marker of the transition. It concludes that in the ethnographic present «the rites of passage» is to maintain its traditional wedding and semantic content.

Keywords: «The rites of passage», wedding, Kazakh, status, age, clothing.

Мейрамова Асемгуль Абдурахмановна
магистрант 1-го года обучения, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
e-mail: asemufka@inbox.ru

Meiramova Asemgul Abdurahmanovna
graduate student 1st year, Eurasian National University of L. N. Gumilev
e-mail: asemufka@inbox.ru

УДК 39

Новые этнографические сведения о племени хоро

Н. А. Николаев

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Амосова, Якутск

В настоящее время известные нам этнографические и археологические материалы не дают ясного представления об облике племени хоро. Поэтому исследования по поиску источников по вопросу племени хоро продолжаются.

Позиция исследователей по данному вопросу неоднозначна и часто не имеет серьезной источниковедческой базы.

В этнической истории и этногенезе якутов хоро являлись одним из наиболее крупных племенных образований, по крайней мере, в период средневековья (XIV – конец XVII вв.).

Как правило, племя хоро предстает в качестве антагониста по отношении к более крупным племенам и родам Центральной Якутии (т.н. потомкам Элляя), поскольку были чужим пришлым этническим элементом. Большинство сведений о племени известно нам по генеалогическим преданиям якутов, где также указывается обособленность в плане языка.

Целью исследования является введение в научный оборот новых сведений о племени хоро.

Хронологические рамки исследования охватывают XIV – первую четверть XXI вв.

Полевые работы проводились в вилюйской группе улусов Якутии зимой в период с 3 по 11 января 2015 г.

География полевых исследований включает Вилюйский (с. Тыымпы, с. Сортол, с. Илбенгя и г. Вилюйск), Верхневилюйский (с. Хоро, с. Ботулу и с. Верхневилюйск), Нюрбинский (с. Чиллэ Хорото) и Сунтарский (наслег Хоро) улусы.

В этих населенных пунктах местное население сохранило идентичные предания о первоначальном месте обитания в Усть-Алданском улусе. Большинство опрошенных информантов со-

глашаются с тем положением, что Улуу Хоро является предком хоро Якутии. В настоящее время население вышеупомянутых районов продолжает сохранять сознание своей обособленности как хоро. Возможно, речь идет о племенном сознании. Что также подтверждается интенсивными контактами между наслегами Хоро по всей Якутии. В частую практику вошло проведение совместного летнего праздника *Ыcыах* специально для представителей из разных сел Хоро РС (Я).

По рассказам Бестиновой Марии Васильевны (1965 г.р.) также выяснилось, что в хоро делились на два подразделения, представленных кузнецами и шаманами (т.н. *Хоро ойууна*).

Первое крыло, представленное кузнецами, славилось особым штрихом в обработке металла. О былой массовой деятельности кузнецов хоро свидетельствуют шлаки, обнаруживаемые практически в каждой долине.

До позднего времени обособленную позицию в иерархии шаманов среди якутов занимали *хоро ойуунара* обладавшие особыми способностями и методами лечения болезней, в частности, специализировавшимися в кожных заболеваниях. Как правило, эти шаманы должны были владеть языком хоро. Особым инструментом *хоро ойууна* выступало огниво, изгоняющее злых духов.

В ходе полевого исследования были зафиксированы диалектные слова как *дьуохар, дүллүкү, далыр, адаҕа, оноҕоччут, бурҕаа, тыкаары, чабырҕай, кырыкый, акана, худаһа, баатылы, тураа.*

Сохраняется почитание божества-тотема Ворона (или *Суор*). Почитание проявляется в подкармливании ворона добычей или прочей доброй едой на руках. Культ Ворона также продолжает носить символическое (или сакральное) значение. Как правило, оно проявляется в решающие моменты жизни хоринцев. Само присутствие ворона приносило удачу и успех в той или иной ситуации.

Почитание культа отразилось и на эмблеме муниципального образования «Хоринский наслег» Верхневилюйского улуса. По признанию местного населения это было сделано как дань далеким предкам хоро, избравшим в качестве божества-тотема эту птицу, и с надеждой на то, что ворон будет приносить им только удачу и благосостояние.

В некоторых местностях, обследованных нами, обнаружен удивительный перечень соседства топонимов Ботулу и Хоро в вилюйских улусах. Особенно это наблюдается в Верхневилюйском улусе, где имеются две соседствующие наслеги с аналогичными названиями. Наличие такого парного соседства, возможно, указывает на состояние особых взаимоотношений этих двух племен. Что отмечалось этнографами и ранее [Гоголев, 1989, с. 130].

Схожие отношения племен батулинцев и хори были обнаружены бурятскими исследователями [Долгих, 1960, с. 297, 328].

Таким образом, новые этнографические материалы по изучаемому нами вопросу дополняют уже имеющиеся сведения о племени хоро. Летом 2015 г. планируется продолжить полевые исследования по районам вилюйской группы улусов.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А. И. Гоголев

Список литературы

Гоголев А. И. Раннесредневековые истоки в традиционной культуре якутов и бурят / А. И. Гоголев // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 130.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – 662 с.

New ethnographic information about the tribe Horo

N. A. Nikolaev

This article presents new ethnographic research conducted within the project grant Rector NEFU "Mongolian ethnic component in the formation of the Yakut Vilyuiskaya group ulus." This is the first materials collected on implemented projects in the period from 3 to 10 January 2015 we observed supplement information already recognized position of ethnographic data, most of which is based on folklore data. Of particular interest is the generic division into two wings horintsy kind of "castes". Since each wing and submitted by shamans and blacksmiths pass on their craft to the next generation. During the field studies were also recorded dialect words. Many dialectal features in horintsy continue to persist at the present stage. This is especially true worship of the deity-Raven totem.

During the field studies were also recorded dialect words.

Many dialectal features in horintsy continue to persist at the present stage. This is especially true worship of the deity-Raven totem.

Keyword: khoro tribe, fieldwork, Crow, dialect words, a shaman, a blacksmith, a tribe and clan.

Николаев Николай Анатольевич
студент 4-го курса, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
e-mail: nikolaibs1993@mail.ru

Nikolaev Nikolay Anatol'evich
student 4th year, North-Eastern Federal University of M. K. Ammosov
e-mail: nikolaibs1993@mail.ru

УДК 392

Современные этнические процессы у украинцев Омской области

Ю. С. Новикова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

Численность украинского населения Западной Сибири никогда не была стабильной. Это зависело от многих факторов, среди которых важную роль играли особенности учета населения в разные периоды и государственная переселенческая политика. В данной работе внимание будет сосредоточено на характеристике трех обозначенных ниже миграционных волн украинского населения на территорию Омской области:

- переселенческое движение конца XIX – начала XX в., поддерживаемое правительством в рамках хозяйственного освоения Сибири;
- переселения, связанные с репрессивной политикой советской власти, раскулачивание 1930–1940-х гг.;
- наконец, освоение целинных земель 1950-х гг.

Основным источником характеристики их особенностей являются материалы переписей населения, а также данные по истории отдельных населенных пунктов.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. документирует, что «малорусский» язык по сибирским уездам занимал второе место по распространенности, уступая лишь «великорусскому»: число его носителей составляло 215 393 человек обоих полов. В то же время по сибирским городам насчитывался только 7 881 носитель украинского языка, что свидетельствует о высокой концентрации украинских переселенцев в сельской местности [Первая всеобщая перепись…].

Всесоюзная перепись населения 1926 г. показывает, что украинское население попрежнему осталось на втором месте по численности, составив в Омском округе 159 694 человека обоих полов, при этом городское население составляло 6 662 человека, а сельское включало 153 032 человек [Всесоюзная перепись населения 1926 г.]. Указанная перепись пришлась на период между первыми двумя основными волнами миграций, когда в истории страны произошли важные политические события, повлиявшие и на территориальное деление, и на технику проведения переписи в целом.

В этой связи отметим, что в период 1890–1914 гг. большинство населённых пунктов южной зоны Омской области было основано именно украинскими переселенцами. Как указывает Т. М. Назарцева, им также отводились свободные участки на заселение и в более северных районах. Однако основная масса украинцев поселилась на территориях нынешних южных районов. С 1906 по 1914 гг. были основаны села, названия которых дают нам представление о тех местах, откуда прибыли переселенцы. В Полтавском районе – это Никополь, Крым, Ольвиополь, Екатеринославка. Селились здесь также выходцы из Киевской, Полтавской, Харьковской, Волынской губерний. Большинство украинцев, поселившихся на землях нынешнего Шербакульского района, прибыло из Полтавской, Черниговской, Екатеринославской губерний [Евсеев, 2011, с. 25]. Важной причиной подобного расселения стали климатические условия.

После окончания Великой Отечественной войны получил развитие начавшийся в 1930-х гг. виток процесс депортации украинцев. Так, с 1947 г. в Омской области появились украинцы из Ровенской, Хмельницкой, Житомирской, Ивано-Франковской и Львовской областей [Назарцева]. Изменилась и территория расселения – большая часть спецпоселенцев была размещена в северных районах, в спецпоселках.

Следующий период тесно связан с освоением целины и реабилитацией. После реабилитации в 1956 г. часть депортированных вернулась в родные места, но многие утратили связи с родственниками на Украине и остались жить в Сибири.

Чуть раньше, в 1954 г., началась реализация постановления «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Омская область входила в зону интенсивного освоения залежных земель, и часть добровольцев-целинников обосновалась здесь. Украинцы-целинники и их потомки до сих пор проживают в Полтавском, Шербакульском, Исилькульском, Черлакском и других южных районах области.

По данным переписи 1959 г. численность украинского населения составила 128 011 человек. Ее снижение может объясняться оттоком городского и сельского населения Омской области в Казахскую ССР: если по данным Всесоюзной переписи 1939 г. украинцы Казахстана были представлены 658 319 человек [Всесоюзная перепись населения 1939 г.], то в 1959 г. их количество составило 762 131 человек [Всесоюзная перепись населения 1959 г.].

Всесоюзная перепись населения 1989 г. дает довольно подробные данные о динамике этнических и этнокультурных процессов, происходящих в СССР. Здесь мы имеем данные, касающиеся распределения населения по городам и

селам: всего украинское население Омской области в 1989 г. составило 104 830 человек обоих полов, из них 64 941 – в городах и 39 889 – в деревне [Всесоюзная перепись населения 1989 г.]. Если сравнивать это с данными переписи 1939 года, то можно говорить о том, что за полвека в среде украинцев в Сибири произошел значительный рост городского населения, связанный с процессами урбанизации и индустриализации.

Кроме того, данные, касающиеся владения родным языком, показывают изменение национального самосознания. К 1989 г. родным языком украинский считали 1 446 655 человек, а свободно им владели 581 595 человек [Всесоюзная перепись населения 1989 г.]. Это было обусловлено, в том числе, и закрытием национальных школ, начавшемся в 1933 г., в результате чего украинский язык перешел в разряд бытовых.

Переписи 2002 и 2010 г. показали дальнейшее снижение доли украинцев в населении Омской области: 77 884 [Всероссийская перепись населения 2002 г.] и 51 841 человек [Всероссийская перепись населения 2010 г.] соответственно, что связано, вероятно, со сменой этнической идентичности среди украинцев Омской области, которые все чаще осознают себя русскими.

На примере Омской области можно проследить различные варианты развития этнического самоопределения украинцев и их потомков в зависимости от тех условий, в которые попадали украинские переселенцы: совместное проживание украинцев и русских в одном населенном пункте; соседство переселенческих украинских деревень с русскими старожильческими и переселенческими; численное преобладание украинского населения в каком-либо районе [Новоселова]. Во всех случаях среди информантов наблюдается стремление называть себя русскими, что отражает постепенную утрату этнического самосознания, несмотря на условия для поддержания украинской культуры.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент И. В. Чернова

Список литературы

Всесоюзная перепись населения 1926 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – Приложения. – URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения 07.01.15).

Всесоюзная перепись населения 1939 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly.– Приложения. – URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения 07.01.15).

Всесоюзная перепись населения 1959 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly.– Приложения. – URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения 07.01.15).

Всесоюзная перепись населения 1989 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly.– Приложения. – URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения 07.01.15).

Всероссийская перепись населения 2002 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly.– Приложения. – URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения 07.01.15).

Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – Приложения. – URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения 07.01.15).

Евсеев Л. С. На стыке эпох. Очерки истории села Максимовка / Л. С. Евсеев. – Омск : Омскбланкздат, 2011. – 519 с.

Назарцева Т. М. Украинцы Омской области [Электронный ресурс] // «Омский краевед» – № 1. – URL: http://museum.omskelecom.ru/ogik/Om_kraeved_1/nazarzeva.htm (дата обращения 7.01.15).

Новоселова (Крих) А. А. Украинцы в Среднем Прииртышье: идентификация и самоидентификация в конце XIX – XX вв. (по полевым этнографическим материалам) [Электронный ресурс] // Кафедра этнографии и музееведения Омского государственного университета. – URL: http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=770 (дата обращения 7.01.15).

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – Приложения. – URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php (дата обращения 07.01.15).

Modern ethnic processes in Omsk region Ukrainian settlements

Y. S. Novikova

The present article covers the processes that occur in Omsk region Ukrainian settlements since the beginning of XX century. It is based on census materials and papers on the history of several settlements.

Keywords: Ukrainian people, Omsk region, census, migration, ethnic process.

Новикова Юлия Сергеевна
студент 5-го курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: julia.novikova92@mail.ru

Novikova Yulia Sergeevna
student 5th year, Omsk State University of F. M. Dostoevsky
e-mail: julia.novikova92@mail.ru

УДК 39

Арктическое жилище как сакральный объект (на примере чукотского жилища)

М. В. Норкина
Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Человек всегда стремился к организации ближнего и дальнего пространства как в сфере экономики, так и в мировоззренческой. Традиционное жилище чукчей – не только результат адаптации к условиям Арктики и Субарктики, но и модель вселенной, воспроизводящая представление человека о строении мира через систему представлений и ритуалов, структурирование и сегментацию постройки по вертикали, распределение социального пространства внутри по горизонтали.

Типы жилищ тундровых и береговых чукчей, а также расположение населенных пунктов определялись экологией и экономикой. Мобильное жилище оленных чукчей яранга – полусферический шатер, круглый в основании, высотой в центре от 3,5 до 4,7 м и диаметром от 5,7 до 7–8 м. Деревянный каркас ее состоял из шестов, внизу к которым ремнями привязывали метровые двуноги и треноги, образующие широкий круг основания яранги и поддерживающие прикрепленные к ним концами поперечные перекладины. У дымового отверстия располагался еще один ряд поперечных перекладин. Остов яранги покрывали (мехом наружу) шкурами оленей, сшитыми в два полотнища. Края шкур накладывали один на другой и скрепляли пришитыми к ним ремнями. Свободные концы ремней в нижней части привязывали к нартам или тяжелым камням, что обеспечивало покрытию неподвижность. У приморских чукчей в XVIII–XIX вв. было два типа жилищ: яранга и полуземлянка. У приморских чукчей яранги сохраняли конструктивную основу жилища оленных чукчей, но каркас сооружался как из дерева, так и из костей кита. Это делало жилище устойчивым к натиску штормовых ветров. Покрывалась яранга моржовыми шкурами и не имела дымового отверстия. Полог изготавливали также из большой моржовой шкуры.

По верованиям чукчей мир населен духами. Добрые духи помогают, а злые – вредят человеку. Они ловят сетями и удочками человеческие души, привозят домой и поедают [Богораз, 1934, с. 17]. Духи живут как люди: женятся, рождаются, голодают и умирают. Защищают от злых духов шаманы, которые убивают их десятками и сотнями, прогоняют их и берут с них выкуп. С помощью магических обрядов, проводимых в основном в жилище, обеспечивалась удача в охоте и промысле, защита от болезней и несчастий. Обряды, связанные с экономикой, носили сезонный характер, соответствующий природным биомам, изменяясь по временам года: весенние, летние, осенние и зимние обряды. Обряды обеспечивали помощь и покровительство «добрых духов» и защищали от «злых». Обряды являлись средством общения и взаимодействия человека с миром сверхъестественных существ для обеспечения жизнедеятельности. Ритуалы имели циклично-стабильный характер, а в ряде случаев диктовались необходимостью. Ритуалы-праздники образовывали годовой цикл. Каждому сезону соответствовал свой особенный ритуал-праздник. Кровь жертвенных животных считалась лакомством для «духов». Небольшое количество крови выливали в огонь очага, разбрызгивая её по всем сторонам света, «направлениям» обитания «духов», а также обмазывали ею священные предметы, которые также должны были получить свою часть жертвоприношения. В качестве жертвоприношения использовали также кусочки сала, жира, костного мозга, вареного мяса животных, а также толченые листья и корни. Их также бросали по сторонам света, закапывали в землю или бросали в огонь. Лица «огневых досок» обмазывают салом или костным мозгом. В то время как приношение жертв очагу, уход за «охранителями», смазывание их кровью и жиром выполняли обычно женщины, приготовление жертвоприношений было обязанностью мужчин. Это объясняется тесной связью жертвоприношений с охотничьим промыслом и с оленьим стадом. Участие женщин в жертвоприношениях «принадлежало внутреннему пологу», а мужское участие, т.е. умерщвление жертвы и бросание пищи «духам», относилось к «наружному жертвоприношению» (за пределами жилища). Место жертвоприношений располагалось перед входом в жилище, обычно обращенным к востоку, или за жилищем, где тщательно очищалось от снега небольшое пространство для обрядово-праздничного огня.

По космологическим представлениям чукчей существует несколько миров, расположенных один над другим по вертикали. Количество миров – пять, семь или девять. Они расположены в равном количестве над и под землей, каждому верхнему соответствует симметричный ему нижний. Все эти миры пронизаны общим проходом, находящимся под Полярной звездой. Шаманы и духи, перемещаются из одного мира в другой через этот проход. Герои многих сказок автохтонов пролетают через него на орле или с помощью

«громовой» птицы. В сказке «О чесоточном шамане» шаман, выброшенный соперником, пролетает сразу сквозь два мира. Первый он пробивает головой, второй ногами, потом попадает в третий мир, на движущуюся твердь облаков [Богораз, 1899]. В другой сказке старая колдунья лишает разума молодого человека и выбрасывает его сначала из полога, а затем из внешнего шатра. То и другое представляют собой два разных мира. Полярная звезда считается колом для привязи, а остальные звезды «ходят» вокруг неё, как олени на привязи. Под жилищем Полярной звезды в зените находится проход, через который можно проникнуть из одного мира в другой. Благодаря этому проходу Полярная звезда видна во всех мирах, нижних и верхних [Богораз, 1939]. Мир людей занимает среднее положение. В верхний мир можно было попасть через дымовое отверстие яранги, поднимаясь по опорным столбам яранги. В полуземлянке также использовали опорные столбы кровли или лестницу (бревно с зарубками) для проникновения в верхний мир.

По преданию в нижний мир можно попасть во время ненастья, когда люди заходили за жилище. Там «келе» («злой дух») мог схватить человека и утащить в нижний мир. Поэтому у мужчин существует обычай позади пояса оставлять веревочку, за которую его могли вытянуть из нижнего мира в случае нападения «келе».

Главное место среди священных предметов в хозяйстве принадлежит очагу, к огню которого при каждом обряде-празднике прибавляется священный огонь, полученный при помощи «огневых досок». По представлениям чукчей-оленеводов очаг жилища был неразрывно связан с оленьим стадом. Главным годовым обрядом-праздником была встреча очага и стада после летней разлуки. Во время этого праздника зажигали большой священный огонь и подгоняли к нему оленей с подветренной стороны так, чтобы дыхание огня прогнало всех «злых духов», которые могли прийти вместе со стадом из тундры: осуществлялось очищение стада огнем из очага жилища. С этой же целью бросалась перед оленем горящая головешка.

«Огневые доски» с изображением человеческой головы, использовались исключительно для обрядов-праздников. Они становились освященными благодаря ежедневному соприкосновению с огнем очага. Предполагается, что «деревянное огниво» сторожит стадо. В одной сказке говорится, как к одному оленеводу, у которого олени были очень беспокойны, пришли однажды два безногих деревянных человека, похожие на доски для огня. Пастух угостил их жиром. Перед тем как пойти спать, они сказали хозяину: «Если олени в стаде чего-нибудь испугаются и бросятся бежать, то лучше всего разбуди нас сразу». Когда они договорили, хозяин спросил: «Как я вас должен будить?» – «Возьми лучок, – сказали они, – и верти сверло в одном из наших глаз. Когда сверло запоет, стадо успокоится и вернется домой …» [Богораз, 1939].

Сохранение некоторых древних чукотских обычаев, связанных с жилищем, наблюдается и в наше время. Так при переезде семьи в другой дом или квартиру, женщины выполняют обряд кормления огня. Функцию очага выполняет электрическая плитка. Её нагревают и «кормят» кусочком мяса или рыбы. Тот же обряд проводят и в ванной комнате.

В основном обрядом во время праздников руководят пожилые женщины, молодые же наблюдают и запоминают, что и как надо делать. Женщина, хозяйка яранги или ее родственница, разводят ритуальный огонь. Старшая из женщин руководит обрядом, передавая свои знания молодым. Мужчины забивают оленя, мясо которого иногда заменяют кашей из растений или ивовой веточкой. Мясо, жир или каша, вареный щавель и ягоды раскладывали в ритуальную посуду. Участники ритуала ходили вокруг яранги и бросали жертвоприношения в сторону от яранги, выкрикивая «ооо-эй». Так происходило кормление добрых духов для обеспечения удачи. После обряда и трапезы, люди закрываются в яранге, где до утра в очаге горит огонь, исполняют песни собственного сочинения и танцуют.

Почти каждый обряд чукчей-оленеводов связан был не только с оленем, но и с жилищем. Сакральным центром жилища был очаг. Жилище являлось важнейшей частью мира человека. Оно представляло собой круг – сферу, модель вселенной, где был представлен каждый мир, а жилище выполняло роль связующего звена между мирами. Сакрализация жилища характерна для всех традиционных обществ.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор А. А. Орехов

Список литературы

Богораз В. Г. Сказка о чесоточном шамане / В. Г. Богораз // Живая старина. –М., 1899. – Вып. 2. – С. 263–270.

Богораз В. Г. Краткий путеводитель по выставке. Чукотское общество / В. Г. Богораз. – Л. : Изд-во АН СССР, 1934. – 22 с.

Богораз В. Г. Чукчи. Часть II. Религия / В. Г. Богораз. – Л. : Изд-во АН СССР, 1939. – 195 с.

Arctic dwelling as sacred object (for example chukches dwelling)

M. V. Norkina

The article had analysis of chukches dwelling as ecological and sacred object. This dwelling was micro model of universe with vertical and horizontal divide, were inhabited the good and spiteful spirits and people contact with him.

Keywords: Arctic, dwelling, chukche, ecology, sacred.

Норкина Мария Витальевна
студент 5-го курса, Северо-Восточный государственный университет
e-mail: nothernland@mail.ru

Norkina Mariya Vital'evna
student 5th year, North-East State University
e-mail: nothernland@mail.ru u

УДК 392

Фотография как этнографический источник в изучении культуры и быта якутов в конце XIX – начале XX вв.

М. Б. Пономарев
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Фотография вошла в жизнь человека еще в XIX в., поражая современников своими возможностями в отражении мира, точность которой не замечал даже человеческий глаз. Инструментом исследования она стала достаточно быстро, никто и не предполагал, что сфера ее применения станет такой обширной.

Этнография как наука развивалась в один период с фотографией, фотоаппарат стал незаменимым спутником научного познания. Метод фиксации прямого носителя визуальной информации стал на лидерские позиции.

В связи с ускоряющимися процессами глобализации, актуальными становятся вопросы сохранения этнической и культурной идентичности. Немалую роль в этом может сыграть изучение традиционного общества, в частности, через призму фотоматериалов авторов конца XIX – начала XX вв.

В конце XIX в. начались подробные этнографические исследования народов Якутии. Большой вклад в этнографическое изучение местных культур внесли политические ссыльные, а также участники различных экспедиций. Особенностью этих исследований является работа в полевых условиях: проживая вместе с исследуемым народом, у них была возможность не только изучать жизнь инородцев изнутри, но и фиксировать ее на фотоносителях.

Целью данного исследования является выявление источникового значения фотографий в изучении культуры якутов конца XIX – начала XX вв. Задачи исследования:

– обобщить сведения о фотоисточниках;

– дать характеристику имеющемуся материалу.

Внушительное количество фотографий этнографического характера оставили: В. И. Иохельсон, Э. В. Толь, А. И. Курочкин, И. Д. Черский, Н. М. Михель, Э. Д. Пекарский и И. В. Попов, которые в ходе различных экспедиций проводили свои исследования.

В рассматриваемых фотоисточниках нашли отражение многие аспекты повседневной жизни якутского народа. В частности, присутствуют сцены труда, праздников, фотографии портретного характера [Якуты…, 2012]. Можно отметить, что немалое число фотографий являются постановочными, так как на некоторых из них окружающие условия не совпадают с происходящими событиями.

На большинстве фотографий изображены представители якутского высшего сословия в богатом национальном одеянии, украшениях, и это привело к тому, что именно на таких фотографиях наиболее широко отражена материальная культура народа [Памятники отечества, 2011]. Изображения населения более низкого социального статуса выполнены в ключе репрезентации повседневного быта и хозяйственной деятельности. Фотографии низших сословий передают атмосферу исследуемого периода, характеризуя уровень жизни и деятельность класса.

В фотографиях праздничных действий, на которых изображены такие моменты, как праздник лета *Ысыах* и свадьба, дают описание духовной культуры народа. Так же в них отражается вербальная культура, как, например, на фотографии *олонхосута*. Отличительной чертой этих типов изображений является, присутствие всех сословий в одной композиции [Культура питания якутов, 2012].

Обобщив имеющийся материал, можно заключить, что фотохроника является ценным источником для изучения культуры и повседневной жизни любого народа не только в исторической ретроспективе, но и в настоящее время. Фотография представляется необходимым инструментом для более качественной передачи информации исследователем. При помощи фотографии можно зафиксировать мельчайшие трансформации, происходящие в культуре в реалиях современной жизни.

Научный руководитель – старший преподаватель А. Н. Прокопьева

Список литературы

Культура питания якутов / авт.-сост.: М. Н. Габышева, А. Н. Зверева // Гос. предприятия «Служба обществ, питания» Президента и Правительства Республики Саха (Якутия). – СПб., 2012 – 232 с.

Якуты (Саха) / А. Н. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. – М., 2011. – 599 с.

Памятники отечества (иллюстрированный альманах). – М., 2011. – 327 с.

Photography as an ethnographic source in the study of culture and life of the Yakuts in the late XIX – early XX centuries

M. B. Ponomarev

This article provides a summary and description of the photos as ethnographic source for the study of culture and life of the yakut, reflecting the material culture, consumer culture is characterized by daily Yakut people. The same is characteristic of photos of holiday action reflects the spiritual culture of the people.

Keywords: photo source, photograph, Yakutia, the Yakuts, the people, ethnographic, fixation, class, culture, everyday life, everyday life.

Пономарев Михаил Борисович
студент 3-го курса, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
e-mail: Ponomarev993@mail.ru

Ponomarev Mikhail Borisovich
student 3rd year, North-Eastern Federal University of M. K. Ammosov
e-mail: Ponomarev993@mail.ru

УДК 39

Особенности хозяйственно-экономического положения русских переселенцев Ояшинской волости Томского уезда и губернии в конце XIX–начале XX века*

Е. А. Рублев
Новосибирский государственный университет, Новосибирск
*Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 14-28-00045)

Направленность хозяйственной деятельности, виды и традиции хозяйствования являются одними из самых важных показателей жизнеспособности этноса. По характеру и способам ведения хозяйства можно рассказать о многих особенностях традиционной культуры исследуемых этносов или их отдельных групп. Изучение хозяйства русских переселенцев в конце XIX – начале XX в. помогает воссоздать этнокультурный облик Сибири, поскольку именно переселенцы на рубеже веков сформировали культурный и экономический облик Сибири, который во многом сохраняется до сегодняшних дней.

Поскольку в работе рассмотрено хозяйственно-экономическое положение переселенцев в конце XIX – начале XX вв., то контрольными точками для его исследования были взяты конец 90-ых гг. XIX в., и 1913 г. Выбор этих дат обусловлен тем, что между ними произошел ряд событий, который сильно повлиял на численный состав переселенцев и их хозяйственно-экономическое положение. Это, прежде всего, мероприятия аграрной реформы Столыпина и постройка Транссибирской магистрали. Ситуация конца 90-х гг. XIX в. – это ситуация накануне реформ, а 1913 г. – год, в который основные итоги реформы уже можно было подвести.

Эти мероприятия к тому же повлияли на этнический состав переселенцев, а также на их территориальное происхождение. Если к концу XIX в. среди переселенцев Ояшинской волости преобладали русские переселенцы из сибирских губерний и с Урала, то в начале XX в. появляется большой процент белорусов и украинцев, а территорией выхода переселенцев являются белорусские и центральные губернии.

За основу были взяты следующие критерии, по которым мы оценивали хозяйство крестьян-переселенцев. Эти критерии следующие: наличие голов скота (лошадей, крупнорогатого скота и мелкого скота), общая площадь посева (под озимыми, под яровыми, под парами), наличие ульев, промыслы (среди которых лесные промыслы, кустарные промыслы, ямщина, фабричное производство). Все эти критерии позволят нам оценить разные стороны хозяйственно-экономического положения переселенцев Ояшинской волости.

В работе были использованы также количественно-статистический метод, проведены математические расчеты. Поскольку материалы, на основе которых выполнена данная работа, выполнены разными группами исследователей, то пришлось прибегнуть к введению такого специ-

фического показателя, как количество хозяйственных единиц (голов скота, десятин земли) на душу населения.

Особенности хозяйства переселенцев Ояшинской волости на конец XIX в. были рассмотрены на основе данных «Материалов по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе» за 1882 г. Для того, чтобы отметить особенности хозяйственно-экономического положения переселенцев, было принято решение сравнить их с особенностями хозяйства старожилов той же Ояшинской волости.

Рассмотрев общую картину хозяйственно-материального положения старожилов и переселенцев Ояшинской волости, мы выяснили, что на все старожильческое население волости в 1882 г. приходилось: 9 341 голов лошадей, 6 633 голов крупного рогатого скота, 7 804 голов мелкого скота, 3 062,7 десятин под озимые, 3 820,1 десятин под яровые, 87 397 ульев. Далее было выяснено, что 518 хозяйств было занято ямским извозом, 343 хозяйства – лесным промыслом, 150 хозяйств – кустарными промыслами. Из этого следует, что на одну душу приходилось: 1,13 голов лошадей, 0,8 голов крупного рогатого скота, 0,94 голов мелкого скота, 0,37 – под озимые, 0,46 десятины под яровые, 10,6 ульев. Самым популярным промыслом у старожилов был ямской промысел, на что указывает количество лошадей, которое значительно отличалось от количества крупнорогатого скота.

На все переселенческое население Ояшинской волости приходилось на тот момент: 1 333 голов лошадей, 1 405 голов крупного рогатого скота, 1 573 голов мелкого скота, 548,3 десятины под озимыми, 698,8 десятины под яровыми, 8 057 ульев; 42 хозяйства занято в ямском извозе, 55 хозяйств в лесном промысле, 85 хозяйств в кустарном промысле. Соответственно, на одну душу переселенческого населения приходилось: 0,73 голов лошадей, 0,77 голов крупного рогатого скота, 0,86 голов мелкого скота, 0,3 десятины под озимыми, 0, 38 десятины под яровыми, 4,4 ульев.

Если сравнивать в общем материальное положение старожилов и переселенцев в конце XIX в., то мы явно видим, что переселенцы жили гораздо беднее, чем старожилы. Если же говорить об особенностях хозяйства переселенцев, то следует отметить, что наибольшее распространение у них имел мелкий скот. Среди промыслов переселенцы предпочитали кустарные промыслы. Скорее всего, предпочтения мелкому скоту и занятия кустарными промыслами были тесно связаны между собой, так как продукция, полученная от мелкого скота, могла идти в кустарные промыслы. Очевидно, что в этой среде были менее популярны занятия пчеловодством.

На вопрос, какие изменения произошли в хозяйственно-экономическом положении переселенцев, попытаемся ответить, используя в качестве источника данные «Сборника статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский» (1913 г.) [Сборник статистических сведений…, 1913а; 1913б]. Из большого числа характеристик хозяйства переселенцев мы взяли только те, которые интересуют нас в нашей работе.

В этот момент времени мы не стали сравнивать хозяйственно-экономическое положение переселенцев и старожилов, а сравнили хозяйственно-экономическое положение переселенцев в этот и предыдущий момент времени.

Проведя некоторые вычисления, мы выяснили, что в исследуемом нами районе Томского уезда на каждую душу переселенческого населения приходилось: 0,14 десятины под озимые, 0,5 десятины под яровые, 0,1 десятины под пары, 0,3 голов лошадей, 0,27 голов крупного рогатого скота, 0,5 голов мелкого скота. Батрачеством занималось 273 хозяйства, это составляет 6,6 % от всех переселенческих хозяйств. Кустарными промыслами занималось 163 хозяйства (около 4 % всех хозяйств), фабричными работами занималось 80 хозяйств (около 2 % всех хозяйств), а лесными промыслами 30 хозяйств (0,7 %).

Если сравнивать эти показатели с показателями переселенческого хозяйства в конце XIX в., то можно заметить, что благосостояние переселенцев заметно ухудшилось.

Сократились показатели основных сельскохозяйственных ценностей на душу переселенческого населения, а именно: земля под озимые сократилась с 0,3 на 0,14 десятины. Меньше стали держать голов лошадей – 0,3 вместо 0,73. Аналогичным образом уменьшились остальные показатели: с 0,77 на 0,27 голов рогатого скота на душу населения, с 0,86 на 0,5 голов мелкого скота. Вместе с тем, увеличилась земля под яровые – с 0,38 на 0,5 десятины, а также появилась земля под пары в расчете 0,1 десятины. На ухудшение материального положения переселенцев указывает тот факт, что ведущим промыслом у переселенцев становится батрачество, которым занималось 6,6 % хозяйств. Причина этого видится в том, что мощный поток переселенцев первого десятилетия XX в. включал значительно больше бедных слоев населения Европейской России, чем это наблюдалось в конце XIX в.

Научный руководитель: д-р. ист. наук, доцент Е. Ф. Фурсова

Список литературы

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский.– Томск, 1913а. – Вып.1. – 365 с.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский.– Томск, 1913б. – Вып.2. – 446 с.

Features of an economic situation of the Russian immigrants of the Oyashinsky volost of the Tomsk uezd and the gubernia at the end of XIX - the beginning of the XX century

E. A. Rublev

In this article it is about an economic situation of peasants immigrants of the Oyashinsky volost at the end of XIX - the beginning of the XX century. During this period in Siberia there are considerable changes in economy which caused by economic reforms of Stolypin. The ethnocultural image of Siberia changes, the image of country economy changes. Studying of these changes on the example of separately taken Oyashinsky volost will allow us to look at them more narrowly and to reveal local features of this large-scale process.
Keywords: immigrants, old residents, economy, stolypinsky reform, crops, cattle, crafts.

Рублев Егор Анатольевич
студент 3-го курса, Новосибирский государственный университет
e-mail: rublev-student@yandex.ru

Rublev Egor Anatolyevich
student 3rd year, Novosibirsk State University
e-mail: rublev-student@yandex.ru

УДК 39

Фольклорно-этнографическая карта святых мест старообрядцев Западной Сибири: локальные варианты модели конструирования сакрального пространства*

Д. С. Рыговский
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск
*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 14-36-50604

Необходимость создания фольклорно-этнографической карты святых мест старообрядцев Западной Сибири была обусловлена тем, что, несмотря на существенные наработки в области изучения народно-православной традиции почитания культовых объектов, её исследование на конкретных примерах зачастую оказывалось субъективным и зависимым от характера восприятия материала антропологом. В результате, довольно сложно сопоставить, к примеру, данные по Русскому Северу и Западной Сибири, которые были получены разными учёными. Кроме того, существующие процедуры качественного исследования народных культов святых мест лучше всего подходят для изучения локальных традиций, но не для таких больших пространств, как, например, Сибирь. В то же время, для того, чтобы понять специфику какой-либо локальной традиции, требуется провести сопоставление с широким кругом соседних и удалённых практик. Необходимость обобщения большого количества данных создаёт дополнительную предпосылку для формализации исследовательских процедур. Другими словами, при современном уровне накопления и сохранения материалов имеется объективная потребность в выявлении их внутренней структуры.

Для решения данной проблемы была предпринята попытка выявить структуру почитания различных культовых объектов на примере группы белокриницких старообрядцев Западной Сибири. Последние расселены на довольно широкой территории, в нескольких природно-климатических зонах и разных социальных условиях; в составе белокриницких общин присутствуют как представители старинных старообрядческих фамилий, так и неофиты. Это обуславливает уникальность современной старообрядческой культуры, и, одновременно, приводит к контаминации представлений и традиций, характерных для самых разных сред и субкультур.

В настоящей работе объектом исследования является структура почитания святых мест, а предметом – конструирование пространства в культуре белокриницких старообрядцев. Географические рамки исследования ограничены территорией Западной Сибири; хронологические – концом XX–началом XXI вв. В качестве методов исследования выступают создание базы данных, метод моделирования, методы типологии и классификации, метод картографирования. Были использованы материалы этнографических экспедиций (тексты, фотографии, фрагменты аудио- и видеозаписей) 2010–2014 гг., собранные автором на территории Алтайского и Красноярского краёв, Республик Алтай и Тува, а также Кемеровской, Омской, Новосибирской и Томской областей. Кроме того, корпус текстов и фотоколлекция были пополнены за счёт материалов, опубликованных в журналах «Сибирский Старообрядец» и «София» (издаются, соответственно, барнаульской и томской белокриницкими общинами), а

также в сети Интернет. В одном случае был включён текст исследователя, а не носителя традиции – это легенда о старце Филарете, опубликованная Р. П. Кучугановой [Кучуганова, 2000, с. 93–94]. Исключение было сделано потому, что данный текст оказал существенное влияние на локальную устную традицию и практики почитания горы Филарета среди старообрядцев Уймонской долины. Следует заметить, что из-за включения данных по Восточной Сибири, исследование вышло за пределы изначально планируемой географии. Однако это включение было полезным, так как оно позволило подчеркнуть особенности почитания святых мест в Западной Сибири.

На первом этапе исследования была создана база данных «Святые и памятные места белокриницких староверов Западной Сибири конца XX – начала XXI вв.: тексты и аудиовизуальные материалы» (доступна по ссылке: http://eurasianphonology.info/ folkcorpus/rygovsky). База данных содержит 3 вида поиска: по региону и объекту; по ключевым словам; внутритекстовый поиск. Для её разработки потребовалось создание списка ключевых слов, который стал основой метаязыка описательной модели конструирования сакрального пространства на втором этапе исследования. Данная модель отразила, прежде всего, структуру почитания святого места, и показала как общие для всей совокупности традиций элементы, так и локальные варианты этих традиций. На завершающем этапе было выполнено картирование святых мест белокриницких старообрядцев, а с помощью условных обозначений визуализированы локальные традиции Западной, Восточной Сибири и Уймонской долины (юг Алтая), в частности, представлены типы и посвящения святых мест, характерные для каждой из них (доступ по ссылке: http://www.google.com/maps/d/edit?mid=zXlwQZS 8WWFs.kNooq1lpmYZs). Описательная модель почитания святых мест, разработанная в ходе исследования, состоит из следующих элементов: типы святого места-посвящение-типы посещений-культовая составляющая (артефакты, личности, явления/чудеса)-локальные варианты (географический контекст, конфессиональный контекст, социальный контекст).

Анализ всей совокупности материалов позволил определить особенности модели конструирования сакрального пространства в Западной Сибири по отношению к Восточной, а также выделить локальную традицию старообрядцев Уймонской долины.

Почитание белокриницкими староверами в лике святых таких деятелей, как протопоп Аввакум, епископы Тихон и Афанасий, является общим для всей территории Сибири, и, в том числе, связано с конструированием пространства, поскольку имеются локусы, вокруг которых аккумулируется память о жизни и свершениях этих людей. Культы этих святых, взятые как элемент структуры, занимают разные позиции в модели конструирования пространства в локальных традициях белокриницких старообрядцев. Если в Западной Сибири он относится только к культовой составляющей (наряду с почитаемыми иконами, мощами и чудесными явлениями), то в Восточной Сибири в ряде случаев он становится посвящением святого места. Иллюстрацией к последнему утверждению являются поклонные кресты Аввакума в Енисейске и Афанасия в Бурятии, а также посвящённое Афанасию место под закладку храма в с. Тарбагатай (Бурятия) и носящая имя Аввакума община в г. Чита (Забайкалье). При этом поклонные кресты в Томской области, связанные с именем епископа Тихона, почитание которых началось параллельно с перечисленными выше объектами в Восточной Сибири, имеют общеправославные посвящения Архангелу Михаила и иконе Казанской Божьей Матери.

На юге Алтая, в Уймонской долине, наблюдается картина иного порядка – здесь происходит активное смешение различных традиций, чем обусловлено отношение к Филарету, который является почитаемой личностью как у местных часовенных, так и у белокриницких староверов, тогда как на всей остальной территории Сибири для последних оппозиция «свой-чужой» гораздо более акцентирована. Влияние локальной традиции настолько велико, что белокриницкие староверы, являющиеся носителями иных моделей конструирования пространства и приезжающие в Горный Алтай к своим одноверцам на престольный праздник, подхватывают и повторяют местные легенды о Филарете. То есть несмотря на перемещение носителей от локуса к локусу дискурс конкретной традиции не меняется.

Таким образом, в результате исследования, основой которого был ряд формализованных процедур (создание базы данных, составление описательной модели и разработка карты), на структурном уровне были определены локальные варианты исследуемой традиции. За основу типологии были взяты культы белокриницких святых, представленные как элемент модели конструирования сакрального пространства: в Западной и Восточной Сибири он может занимать различную позицию в структуре.

Научный руководитель: д-р ист. наук
А. Ю. Майничева

Список литературы

Кучуганова Р. П. Уймонские староверы. / Р. П. Кучуганова. – Новосибирск : Сибирское соглашение, 2000. – 161 с.

http://eurasianphonology.info/folkcorpus/rygovsky

https://www.google.com/maps/d/edit?mid=zXlwQZS8WWFs.kNooq1lpmYZs

Folklore-Ethnographic map of Belokrinitskie old believers' holy places in West Siberia: local models of constructing of sacred space

D. S. Rygovsky

Such territories as West Siberia or Russian North have received the most serious study of the tradition of reverence of holy places. However, materials from different regions are difficult to compare on sufficient level: procedures should be formalized to solve this problem. This research was based on field materials of Old Believers' holy places. As a result of the study, which contained a number of formalized methods (creation of a database, compiling of a descriptive model and composition of a map) there have been identified local variants of the tradition.

Keywords: Holy Places, Old Believers, West Siberia

Рыговский Данила Сергеевич
магистрант 2-го года обучения, Новосибирский государственный университет
e-mail: danielrygovsky@mail.ru

Rygovskiy Danila Sergeevitch
graduate student 2nd year, Novosibirsk State University
e-mail: danielrygovsky@mail.ru

УДК 572.9

Трудовые традиции крестьянства в контексте советской модернизации в 1920–1940-е гг.

А. В. Рыков
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Одной из важнейших составляющих жизни русского крестьянства, формировавшихся на протяжении столетий, являются семейные трудовые традиции. Прежде всего, на формирование трудовых традиций влияли внешние факторы. Крайне тяжелые природно-климатические условия России позволяли производить сельскохозяйственные работы только в крайне ограниченный временной период. Это приводило к тому, что для выполнения всех необходимых сельскохозяйственных работ необходимо было в короткие сроки напрячь все свои силы [Милов, 2006, с. 430]. Основным способом передачи трудовых традиций являлось трудовое воспитание. Оно начиналось с самых малых лет. Крестьяне осуждали лень, неумелое или недобросовестное отношение к труду. Над теми подростками, кто не овладел мастерством, соответствующим их возрасту, начинали насмехаться [Громыко, 1991, с. 64–65]. Вместе с трудовым воспитанием происходило формирование уважения к трудящимся людям [Миненко, 1979, с. 122].

В 1920–1940-е гг. крестьянская семья оказалась в процессе социалистической модернизации, но в ней продолжали преобладать традиционный уклад жизни и ценности. Таким образом, представляется интересным рассмотреть при помощи устных исторических источников, какие изменения произошли в трудовых традициях крестьянства в условиях единоличного хозяйствования и установления колхозного строя. В работе были использованы устные исторические источники, собранные в сборнике «Алтайская деревня в рассказах ее жителей», и данные, собранные автором самостоятельно на протяжении 5 лет, в историко-этнографических экспедициях АлтГПУ в 4 районах Алтайского края. Опубликованные воспоминания крестьян 1900–1910-х гг. рождения позволили более подробно раскрыть трудовые традиции в 1920–1930-е гг. Для характеристики военного периода использовались устные исторические источники, полученные автором у крестьян конца 1920 – начала 1930-х гг. рождения.

В 1920-е гг. с наступлением времени единоличного хозяйства у крестьянства происходит изменения роли труда. Теперь труд рассматривается не только как средство обеспечения элементарного существования, но и главнейшее средство достижения материального благополучия. В воспоминаниях это в основном выражалось в рассказе о величине своего хозяйства. Татарников П. И. (1918 г.р.) рассказывает: «Отец был крестьянином: сеял хлеб, убирал. Он родом 1866 года. Дом был крестовый, два амбара, завозня была, поднавес был, скотский двор. Скота держали: семь лошадей было и пять коров. Одна семья. Молотилку держал, жатка была у него самосброска – на лошадях жали. В общем, жили хозяйством» [Алтайская деревня в рассказах..., 2012, с. 287]. Также, как и ранее, в этот период большое внимание уделяется трудовому воспитанию и воспитанию трудолюбия с детства. Воспитание было направлено на постепенное включение ребенка к трудовой жизни семьи с учетом пола и возраста [Щеглова, 2008, с. 128].

Большое влияние на семейные трудовые традиции оказало установление колхозного строя в 1930-е гг. С ним связана потеря одного из главных мотивов крестьян к труду. Как справедливо отмечает Р. Пайпс, ранее «крестьянин был хозяином продукта своего труда, тогда как в колхозе они принадлежат государству, которое платит крестьянину за работу» [Пайпс, 1994, с. 34]. Таким образом, в 1930-е гг. произошло окончательное нарушение традиционных связей человека с землей, отторжение хлебороба от земли, утрата крестьянской психологии и инициативы [Любимова, 2012, с. 96]. В современной исторической науке этот процесс рассматривается как одно из главных следствий политики раскрестьянивания.

По воспоминаниям респондентов можно проследить отсутствие связи между трудом, вложенным в колхозное производство, и материальным благосостоянием семьи. Вспоминает А. Т. Аксенова (1934 г.р.): «Денег то не давали, [когда] в колхозе работали… Трудодни писали. Если ты один день отработал – тебе поставят один. Хлеб давали, писали… по килограмму если давали – писали. А потом сколько за месяц килограмм съедала.. тогда мало зерна было, пахали то мало. А при отчетном подсчитают сколько ты заработал… Бывает что кто-то маленько получит, центнер или сколь, а кто-то только распишется» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2011 г. Аксенова А. Т., 1934 г. р.]. Государство декларировало, что благосостояние колхозников должно напрямую зависеть от уровня экономического развития колхозов, членами которого они являлись. Однако государство изымало не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Поэтому материальное благосостояние колхозников зависело от трудового участия в общественном производстве едва ли не в последнюю очередь [Щеглова, 2008, с. 305–306].

На проводившуюся государством оброчную политику, крестьяне отвечали скрытым саботажем, когда часть полученного урожая скрывалась от госучета, а также индивидуальными хищениями [Любимова, 2012, с. 101].

Значительные изменения в роли трудовых традиций произошли в годы Великой Отечественной войны. В это время, в результате общего снижения уровня жизни, крестьянство Алтайского края оказалось на грани существования и было вынуждено использовать различные способы выживания. Трудовые традиции стали одним из немаловажных факторов, позволивших крестьянству справляться с тяжелейшими условиями войны. Рассказывает И. Ф. Калашник (1929 г.р.): «Младшая сестра у меня даже поваром была. Три километра полевой стан был. И было два или три случая, когда она в лунную ночь приходила домой и полола картофель ночью. Мать просила: «Не поли, Варя». — «Нет, мам, я помогаю тебе» [Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. ИЭЭ 2010 г. Калашник И. Ф., 1929 г. р.].

Также следует отметить, что в воспоминаниях участников и очевидцев событий тех лет упоминается установившийся в трудовых коллективах особый психологический настрой, когда все физические и моральные силы были направлены на помощь фронту, приближение победы [Щеглова, 2008, с. 306].

Подводя итог, следует отметить, что трудовые традиции претерпели ряд изменений в своих целях в течение 1920–1940-х гг. Если в период единоличного хозяйствования трудовые традиции и трудолюбие имели своей основной целью увеличение материального достатка, то с начала 1930-х политика раскрестьянивания оказала значительное негативное влияние на роль трудовых традиций. У крестьянства пропала мотивация к труду в колхозном секторе, который не давал прямого и эквивалентного трудозатратам дохода. В военные годы трудовые традиции и трудолюбие оказали большое влияние на способность крестьянства к выживанию и выполнению своих основных функций производителей сельскохозяйственной продукции в тяжелейших условиях войны.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Т. К. Щеглова

Список литературы

Алтайская деревня в рассказах её жителей // Управление Алтайского края по культуре и архивному делу / под ред. Л. А. Вигандт. – Барнаул : Алтайский Дом печати, 2012. – 447 с. *Громыко М. М.* Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 448 с.

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2010 г. Романовский район, с. Дубровино. Калашник И. Ф. 1929 г.р.

Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2011 г. Волчихинский район, с. Бор-Форпост. Аксёнова А. Т. 1934 г.р.

Любимова Г. В. Очерки истории взаимодействия сельского населения Сибири с природной средой (на материалах русской земледельческой традиции) / Г. В. Любимова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 207 с.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – М. : РОССПЭН, 2006. – 567 с.

Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.) / Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука, 1979. – 352 с.

Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М., 2004. – 494 с.

Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история / Т. К. Щеглова. – Барнаул, 2008. – 527 с.

Labor traditions of the peasantry in the context of soviet modernization in 1920–1940's.

A. V. Rykov

This publication is devoted to consideration of using oral historical sources of changes in the labor traditions of the peasantry in terms of individual entities and the establishment of collective farms. The author comes to the conclusion that some changes in order to work during 1920–1940's.

Keywords: labor traditions, soviet modernization, peasantry

Рыков Алексей Викторович
магистрант 2-го года обучения, Алтайский государственный педагогический университет
e-mail: varvar_09@mail.ru

Rykov Alexey Viktorovich
graduate student 2nd year, Altai State Pedagogical University
e-mail: varvar_09@mail.ru

УДК 392

Представления о семье у якутской и казахской молодежи

К. А. Собакин
Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Семейно-брачные отношения представляют собой интерес для исследования, поскольку семья является одним из фундаментальных институтов общества, придающим ему стабильность. На протяжении своей жизни человек входит в состав множества самых разных групп – в группу сверстников или друзей, школьный класс, трудовой коллектив, спортивную команду, но лишь семья остается той группой, которую он не покидает. Семья играет важную роль в социализации человека.

В ходе культурно-исторического развития изменялась не только форма семейно-брачных отношений, но и само содержание этих отношений, в частности, между мужем и женой [Аргынбаев, 1973].

Существует много работ разных авторов по религиям и семейным отношениям тюркских народов. Но особо выделяются: М. Ж. Сулейменова, Х. А. Аргынбаев, В. Л. Серошевский. В своей статье «О религиозных верованиях казахов», М. Ж. Сулейменова вместе со своими коллегами рассмотрели доисламские верования казахов и этапы исламизации Казахстана. В работах Х. А. Аргынбаева представлен проведенный автором многоплановый и глубокий этнографический анализ семьи и брака у казахов в разные исторические периоды [Аргынбаев, 1973; 1986]. В. Л. Серошевский в своей монографии «Якуты: Опыт этнографического исследования» провел обширный и глубокий анализ жизни якутского народа, при этом, конечно же, затрагивая и семейные отношения [Серошевский, 1993].

Основной задачей данной статьи является попытка рассмотреть отношение молодежи казахов и якутов к семье. Содержание статьи основано на полевом материале, собранном во время летних экспедиций Исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова в Республику Казахстан с 13 по 28 июня 2014 г. и международной археолого-этнографической экспедиции в Центральную Якутию (с. Танда Усть-Алданского района и с. Тюнгюлю Мегино-Кангаласского района) с 1 по 21 июля 2014 г. Методами исследования послужили включенное наблюдение, глубинное интервьюирование носителей культуры.

Больше половины опрошенных во время экспедиции в Республике Казахстан молодых людей, считали себя мусульманами, хоть и не совсем «ортодоксальными». Казахи придерживаются следующих правил бракосочетания: не должно быть большой разницы в возрасте между мужем и женой, а также присутствует экзогамный барьер, который обычно ограничивается семью поколениями. Казахи рассказывали, что раньше был такой обычай как *левират*, но сейчас он не практикуется.

Казахская, как и якутская молодежь, довольно негативно относится к семейно-брачным отношениям с большой разницей в возрасте. Потому что они могут иметь несогласованность, а, следовательно, трения и напряженность в силу социально-психологических особенностей супругов, проявляющихся в разных предпочтениях и интересах, представлениях о семейных ролях, ценностях и укладе семейной жизни.

Теперь об отношении непосредственно внутри семьи. Особое место отводится старшему поколению: здесь на первом месте стоит возраст, и родители имеют преимущество перед детьми, которых учат быть уважительными и тактичными [Серошевский, 1993, с. 517]. Большинство молодых людей считают, что главой семьи является мужчина, но стоит упомянуть, что несколько девушек были с этим не согласны. Многие из современных опрошенных планируют завести ребенка, уже имея некоторые материальные ценности. Чаще всего это: квартира, машина и хорошо оплачиваемая работа. Но как бы то ни было, стоит признать, что возраст, когда молодые люди создают семьи и заводят детей, сильно уменьшился, по сравнению с прошлыми поколениями. Молодые люди стали более самостоятельными, но из-за отсутствия практического опыта, большого проку от этой самостоятельности нет. На многие замечания со стороны взрослых молодые люди реагируют слишком резко,

считая, что эти замечания ущемляют их свободу и самостоятельность. В такие моменты взрослым следует поддержать тягу молодых людей к самостоятельности. Ведь став взрослыми, дети повторяют в своей семье все то, что было в семье у его родителей [Попов, 1994, с. 64].

Анализ традиций и обычаев казахского и якутского народов показывает, что национальные традиции представляют собой особый ценностный смысл – они соединяют личное с общественным. На сегодняшний день изменилась религиозная психология якутских и казахских мужчин и женщин, их отношения, трансформировались и упростились многие элементы народных традиций, обычаи и религиозные обряды, а некоторые и вовсе исчезли [Аргынбаев, 1973, с. 328].

Таким образом, под влиянием социально-экономических изменений формируются новые типы семейных отношений. Происходящая урбанизация не всегда позволяет придерживаться традиционных ценностей. На современном этапе семья приобретает все новые характерные ей черты. Но, несмотря на это, в большинстве мнений о семье и семейных отношениях среди молодежи сохраняются патриархальные элементы.

Научный руководитель – ст. преподаватель А. И. Яковлев

Список литературы

Аргынбаев Х. А. Казак халкындагы семья мен неке / Х. А. Аргынбаев. – Алматы : Гылым баспасы, 1973. – 328 с.

Аргынбаев Х. А. Біздін адамгершілік негіздеріміз / Х. А. Аргынбаев // Қазакстан эйелдері. – 1986. – № 1.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский – М. : 1993. – 751 с.

Попов Б. Н. Изменения семьи народов Якутии / Б. Н. Попов. – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1994. – 140 с.

Representations about family in the Yakut and Kazakh youth

K. A. Sobakin

The article presents an attempt to consider the relationship of modern youth from Kazakhstan and Yakutia to the family.

Keywords: family, anthropology, ethnology, youth, yakutian, kazakhs

Собакин Константин Андреевич
студент 3-го курса, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
e-mail: konstantinsobakin15@gmail.com

Sobakin Konstantin Andreevich
student 3rd[st] year, North-Eastern Federal University of M. K. Ammosov
e-mail: konstantinsobakin15@gmail.com

УДК 397

Традиционная утварь кумысопития у скотоводческих народов Северо-Восточной и Центральной Азии

С. И. Федоров
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Под влиянием глобализации у многих народов, занимающихся традиционными видами хозяйствования, наблюдается процесс стирания традиционного образа жизни и национальной культуры, в том числе, под большой угрозой находятся посуда и сопроводительная утварь для национальных блюд и напитков. Одним из основных блюд скотоводов Северо-Восточной и Центральной Азии является кумыс – кисломолочный продукт, являющийся не только пищей, носящей сакральное значение, но и неотъемлемой частью повседневной жизни. На современном этапе возникает проблема потери традиционных рецептов.

У каждого народа, каждого района и населенного пункта, в каждой семье кумыс по вкусу сильно отличается. Это зависит от закваски, методов и длительности брожения. На вкус кумыса влияют также материал посуды, вода, травы, которыми питаются лошади и места их обитания.

Целью данной статьи является выявление общих названий посуды и сопроводительной утвари для приготовления кумыса и обрядов, связанных с кумысопитием у скотоводческих народов Северо-Восточной и Центральной Азии.

Для достижения своей цели были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотрение кумысопития на основании собранных материалов по итогам экспедиций в июне–сентябре 2014 г. в Якутию, Казахстан и Монголию.
2. Выявление общих и особенных названий путем сравнения и сопоставления посуды и сопроводительной утвари.

Летом 2014 г. были проведены археолого-этнографические экспедиции по Якутии, Казахстану и Монголии. Материал собран методами

включенного наблюдения, глубинного интервьюирования, фотофиксации, аудио и видеозаписи.

У якутов центральное место среди различной кумысной утвари занимает «*чорон*» – кумысный кубок. Этот сосуд появился у якутов приблизительно в XVII в. Ранее бытовали кумысные сосуды «*айах*» и «*ымыйа*». С появлением «чоронов» смысл слова «айах» изменился. Он стал применяться для обозначения больших, почти метр высотой, сугубо ритуальных кумысных кубков – «*кэриэнайах*». Средней величины кубки назывались «чорон». Маленькие, для индивидуального пользования, назывались «*чорохой*» или «*бэлкэй*». Со временем под словом «чорон» стали понимать все виды кумысных кубков. «Чороны» бывают двух конструктивных форм: на поддоне и на трех ножках. Изготавливают «чороны» из цельного куска березы. Узоры наносят трехгранно-выемчатой резьбой, украшают геометрическим поясным орнаментом. По размерам «чороны» очень разные – от небольших до очень крупных, высота которых достигает почти метра. «Чороны» на трех ножках более приземисты и небольших размеров. Их ножки похожи на лошадиные копыта. Это связано с культом покровителя лошади «*Тойон Дьосогой*».

Форму стилизованных лошадиных копыт также имеет кумысная воронка – «*конколой*». Ее тоже, как и «чорон», вырезали из цельного куска березы. Раструб украшали богатым орнаментом, состоящим из геометрических и криволинейных узоров. Гладкое тулово вставлялось в устье «*симиира*» – кожаного кумысного сосуда, на виду оставался раструб с красивым узором. Существуют два вида «*конколой*»: прямой и наклонный.

Для взбалтывания кумыса предназначалась мутовка – «*хамнатар*». Она состоит из двух частей: первая – резная ручка, вторая – нижняя часть в виде колпака с прорезными фигурными отверстиями. Большим разнообразием форм и декора отличаются ковши – «*удьаа*». Его тоже вырезали из цельного куска березы. Максимальная длина рукояти – 1,5 м. На лицевую часть рукояти наносился сложный резной орнамент из геометрических и спиралевидных узоров. Ковшом разливали кумыс по «чоронам».

В сосуде «*матаарчах*» держали закваску для кумыса. Он имеет форму усеченного конуса. К кумысной посуде относится также ритуальная ложка «*эбиир хамыйах*». Во время праздника ею кропили кумыс, воздавая честь божествам [Серошевский, 1993, с. 635].

Казахи в течение многих столетий приготовляли кумыс в особой посуде. Кочевой образ жизни требовал удобной для перевозки посуды. Ею и служили так называемые «*турсуки*» и «*сабы*». «Сабу» начинают готовить задолго до сезона кумыса. Сначала конскую кожу в течение нескольких недель заквашивают в простокваше, затем ее моют, чистят, скоблят, мнут, сушат в тени. Затем ее коптят, а для копчения обычно используют березовые поленья или ветви таволги. В выделанную таким способом кожу втирают конский жир с ребер. Эту процедуру повторяют многократно. «Саба» бывают самого разного размера. Небольшие «саба», называемые «*торсык*» обычно вмещает до 10 л кумыса. «Саба», вмещающая более 30 л, называются «*суетпе*». Иногда «суетпе» достигает больших размеров. В таких «саба» готовили кумыс в особых случаях для больших торжеств [Похлебкин, 1978, с. 426].

Деревянный сосуд для взбивания «кумыса», «айрана», «шубата» и заквашенного «коже», называется «*коби*». Сосуд делают из цельного куска дерева или из реек дуба, тальника, арчи. Для «коби» из реек устанавливается днище, снаружи рейки стягивают кольцами. «Коби» из цельного куска дерева для гладкости обжигается. «Коби» имеет форму усеченного конуса с узкой верхней частью, накрытой изящной крышкой. В середине крышки или с краю просверливают отверстие для ручки шумовки. Емкость «коби» – 20–30 л, высота – 80 см. Для сбивания напитков в «коби» используют «*писпек*» – шумовку. Длинная ручка шумовки выступает наружу через высверленное в крышке отверстие, нижняя часть ее плоская (по объему «коби») и круглая. Ручку украшают серебряными пластинами.

Перед тем как подать кумыс, его переливают из «саба» в «*шара*», куда вмешается 10–15 л кумыса. Из высохших твердых пород деревьев (береза или дуб) выдалбливают «шара», круглой формы с ровными краями. Снаружи она украшается костяными или серебряными пластинами в виде гравированных узоров и накрывается деревянной крышкой, которая также украшается узорами. «*Зерен*» – это глубокая чаша для кумыса с толстыми и прямыми боками и широким дном. По величине и внешнему виду «зерен» похож на «шара». Для прочности «зерен» делают из твердых пород дерева и украшают орнаментом. «*Ожау*» (черпак), «*аяқ*», «*тостаган*» (чаши) – посуда для напитков. Черпак с длинной ручкой «ожау» делают из цельного куска дерева и украшают узорами. На ручке для удобства выпиливают выемку. «Ожау» бывают как одинарными, так и двойными, они являются неотъемлемым дополнением к «шара». Более вместительная посуда для кумыса с прямыми утолщенными краями и круглыми «ушками» для захвата называется – «*тегене*». Выдалбливается из твердых пород дерева, ушки иногда делают из железа или меди. Украшается серебряными и костяными узорами. Узорчатая деревянная крышка придает посуде дополнительную изящность. Для переливания кумыса в другую посуду используется «*саптаяк*» («сап» – ручка, «аяк» – чаша) – деревянная чаша продолговатой формы с ручкой,

украшенная красивыми узорами [Похлебкин, 1978, с. 415].

Якуты пьют кумыс в большом количестве на праздник летнего солнцестояния – «Ысыах». Празднество начинается от церемонии открытия праздника, куда входят обряд очищения местности и распитие кумыса. Казахи готовят кумыс к празднику первой пробы кумыса «Кымызмурындык». Этот праздник проходит весной, приглашаются почитаемые аксакалы, родственники и соседи. Аксакалы выделяют благословение.

Между казахами и якутами в отношении кумыса общими понятиями являются отношение к кумысу как к священному напитку и рецепт его приготовления. Однако, у этих двух народов посуда и сопроводительная утварь сильно отличается. Для питья якуты используют деревянный кумысный кубок «чороон», а казахи «тостаган». Казахский «тостаган» внешне схож с якутской деревянной чашей «кытыйа». Главное отличие казахской кумысной посуды от якутской состоит в сосудах для взбивания, а также в сосудах для питья. Казахи используют деревянный сосуд «коби», а якуты используют кожаный мешок-бурдюк «симиир» в качестве основного сосуда для приготовления кумыса.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент К. М. Яковлева

Список литературы

Похлебкин В. В. Национальные кухни наших народов / В. В. Похлебкин. – М. : Центрполиграф, 1978. – 640 с.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. – М., 1993. – 751 с.

Traditional utensils drinking of koumiss pastoral peoples in the North-East and Central Asia

S. I. Fedorov

The article discusses the traditional utensils for drinking of koumiss pastoral peoples in the North-East and Central Asia. This article is based on fieldwork expeditions of historical faculty NEFU.

Keywords: koumiss, dishes, traditions, rituals, the process of drinking, ethnography, anthropology, Kazakhs, Yakuts

Федоров Святослав Игоревич
студент 3-го курса, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
e-mail: ammoreman@mail.ru

Fedorov Svyatoslav Igorevich
student 3rd[st] year, North-Eastern Federal University of M. K. Ammosov
e-mail: ammoreman@mail.ru

УДК:394.21(571.151)

Семейный праздник «койу-кочо» у алтайского народа в свете научных подходов к обряду*

М. Ю. Чарышова
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск
*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263

Сегодня традиционные праздники имеют особый статус, потому что своими корнями уходят в далекое прошлое и именно они позволяют людям ощутить связь со своими предками. Огромную роль играют семейные праздники, по сути они определяют взаимоотношение человека с родственниками и формируют его мировоззрение.

Самым первым и важным событием в жизни каждого алтайца является семейный праздник «*койу-кочо*», что в переводе с алтайского означает «густая перловая похлебка». Описание праздника составлено на основе личных наблюдений автора. Специфичное название обряда определено главным угощением праздника. Данный праздник еще в 80-е гг. XX в. отмечался в первый год жизни ребенка, сегодня родители предпочитают проводить «койу-кочо», когда ребенку исполнится год. Следует отметить, что праздник проводится только в новолуние, что продиктовано традиционным мировоззрением алтайцев.

В назначенный день собираются все родственники, соседи и знакомые. Ранним утром забивают барана, причем разделывается вся туша животного, кроме шеи, все шейные позвонки остаются нетронутыми. Затем из баранины готовится главное угощение праздника – «*кочо*» − мясной суп, заправленный перловой крупой. После приготовления «кочо» отец ребенка отрезает парное количество кусочков от «*тепши*», т.е. сваренного мяса от ребер, грудинки, сердца и почек, и подносит угощение огню, а также кропит его ложкой молока, чая и «*аракы*» − молочной водкой.

Самым почетным гостем праздника является «*тай*» – дядя ребенка по материнской линии. Именно «тай» первым вкушает «тепши». Собравшихся гостей праздника родители пригла-

шают за стол, который изобилует блюдами национальной кухни. Затем все присутствующие произносят благопожелания ребенку. Главные обрядовые действия, а именно «*чормеш кезери*» и «*тужу кезери*», т.е стрижку волос и «разрезание пут», выполняет «тай». Кульминацией праздника является проведение обряда «чормеш кезери»: тай стрижет прядь волос ребенка, которую заворачивает в белую ткань, и они хранятся у тая до совершеннолетия племянника. Затем парное количество раз «тай» разрезает символическую веревку, которая якобы завязана на ногах ребенка и не дает ему самостоятельно осуществлять первые шаги. Совершая данные обрядовые действия, «тай» произносит благопожелания и обещает в будущем одарить племянника конем, которого ребенок при достижении двенадцати лет сможет забрать. Отец ребенка в присутствии гостей аккуратно объедает мясо с шейных позвонков, при этом не разделяет их и нанизывает на деревянную палочку, которую хранят в юрте. Считается, что это обеспечивает быстрое укрепление шеи ребенка.

Сегодня «койу–кочо» отводят большую роль в жизни семьи, так как после появления ребенка молодые родители стараются соблюсти обычаи и традиции предков. В народе считается, что если родители не провели «койу-кочо», то их чадо ждет несчастливая судьба.

Теперь постараемся проанализировать семейный праздник алтайцев «койу-кочо» в свете научных подходов к обряду. Рассмотрим «койу-кочо» с точки зрения Арнольда ван Геннепа, который в своей работе «Обряды перехода» приводит классификацию последовательности церемоний, сопровождающих переход из одного состояния в другое. Геннеп выделяет три фазы обряда перехода: предлиминарная (отделение), лиминарная (промежуток), постлиминарная (включение) [Геннеп, 1999, с. 15]. Применительно к «койу-кочо» предлиминарная фаза рассматриваемого праздника включает в себя беременность и рождение ребенка. В лиминарной фазе происходят все приготовления и проведение «койу-кочо», включая совершаемые обрядовые действия (стрижка волос и разрезание пут). Постлиминарная фаза завершается коллективной трапезой, узаконивающей статус ребенка как члена общества. Следует отметить, что обряд «койу-кочо» содержит в себе элемент перехода к следующему обряду – превращению ребенка в полноправного члена коллектива, способного исполнять все обязанности взрослого человека. В качестве такого переходного элемента выступает обещание «тая» подарить ребенку в двенадцатилетнем возрасте коня с полным набором упряжи. Благодаря подарку вновь меняется статус ребенка, и он приобретает материальное имущество, становящееся его личной собственностью.

Другой известный исследователь Виктор Тэрнер в своем труде «Символ и ритуал» указывает, что в каждом обряде есть собственные символы, которые могут быть представлены не только предметами, но и действиями [Тэрнер, 1983, с. 33]. Последние выражают культурную тему, т.е. основополагающую идею обряда [Тэрнер, 1983, с. 35]. В данном празднике символом является баран как творение верховного божества Ульгеня и выражение его функции демиурга. Богатый стол символизирует достаток: чем больше еды, тем сытнее будет ребенок в будущем. Подношения огню выражают культ огня − элемент традиционного мировоззрения алтайцев. Стрижка волос также носит символический характер, обрывая связь ребенка с предыдущим миром. Культурной темой является переход ребенка из потустороннего в наш мир.

Известный американский антрополог Крифорд Гирц рассмотрел интегрирующую и дезинтригрирующую функции обряда [Гирц, 2004, с. 170]. Что касается «койу-кочо», то обрядовые действия, проводимые в нем, сплачивают семью и общество, значит, они выполняют интегрирующую функцию.

Российский исследователь Альберт Кашфулович Байбурин в своей монографии «Ритуал в традиционной культуре» рассматривает ритуал как символическую форму поведения [Байбурин, 1993, с. 16]. Действительно, в празднике «койу-кочо» участвует несколько людей, без которых праздник немыслим и поведение которых строго регламентировано: это «тай», отец ребенка и, конечно, сам ребенок. Роль каждого важна. Во-первых, тай осуществляет ритуальные действия, а также отвечает за материальный достаток племянника. Его статусная роль в обряде наиболее высока. Таким образом, через обряд детям с детства прививается уважение к дяде по материнской линии, ему, как правило, выражается особое почтение, что соответствует нормам авункулата. Во-вторых, подчеркивается в обряде и особая роль отца. Он должен совершить подношение огню, аккуратно объесть и хранить шейные кости барана − залог физической крепости ребенка. Указанные нормы поведения определяются праздником «койу-кочо».

В целом, проанализировав данный праздник, можно с уверенностью сказать, что он, будучи обрядом жизненного цикла, имеет огромное значение для человека, семьи, рода, а «чормеш кезери», «тужу кезери» являются определяющими символами в жизни каждого алтайца.

Научный руководитель – д-р ист. наук,
профессор О. М. Рындина

Список литературы

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.

Геннеп. А. ван. Обряды перехода / А. ван Геннеп. – М. : Восточная литература, 1999. – 198 с.
Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 557 с.
Тэрнер В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. − М. : Наука, 1983. − 278 с.

Altai family fete «koyu-kocho» in the light of scientific approaches to a rite

M. Y. Charyshova

This article describe a family fete «koyu-kocho» in terms of scientific approaches to a rite.

Keywords: Fete, symbols, cultural theme, ceremonial, regulated behavior

Чарышова Мария Юрьевна
студент 3-го курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет
e-mail: charyshovamaria@mail.ru

Charyshova Maria Yurievna
student 3rd year, National Research Tomsk State University
e-mail: charyshovamaria@mail.ru

УДК 930:314

Аграрные переселения 1917–1924 гг. и их влияние на этногрупповую структуру населения Сибири (по материалам Омской области)*

П. П. Шинкевич
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

*Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII – XXI веках»

Формирования русского населения Сибири в XX в. – проблема, являющаяся ключевой для понимания современных демографических и культурных процессов региона. Представители локальных групп русских, являющиеся носителями уникальных культурных установок, поразному воспринимали окружающую действительность и отличались поведенческими моделями. Реконструкция миграционных потоков и их характеристика позволят определить структуру русского населения Сибири для последующих периодов. В данной работе автор делает попытку, опираясь на корпус архивных материалов, охарактеризовать один из этапов истории переселенческого движения в Сибири − первые годы Советской власти (1917−1924 гг.), установить места выхода переселенцев, их примерную численность и пути их вхождения в сложившуюся в Сибири этногрупповую структуру.

Октябрьская революция, провозгласившая слом царских институтов, казалось бы, должна была внести коррективы и в организацию переселенческого дела. Однако, как следует из имеющихся источников, многое в организации аграрных переселений крестьян осталось неизменным. В местах вселения устройством переселенцев стали заниматься работники существовавших ещё до революции переселенческих органов. В губерниях создавались переселенческие секции, во главе с комиссарами по делам переселения [Занданова, 2009, с. 116]. С учётом того, что государственный аппарат всегда играл ведущую роль в организации переселений в Сибирь, этот факт становится немаловажным. В целом, в Омском земельном управлении доля чиновников, продолжавших и после революции занимать свои должности, составляла около 80 % [Ящук, 1997, с. 59].

Плановые аграрные переселения в Сибирь сменились волной незапланированных переселенцев. Установить точную численность, этническую принадлежность и места выхода этих переселенцев нам не представляется возможным. Можно лишь опираться на общие цифры: к февралю 1917 г. численность беженцев в Сибирь составила 86 664 человека [Нам, 2004, с. 29], к 1919 г. общее их насчитывают порядка 800 тысяч человек [Рынков, 2003, с. 39]. Кто из них остался в селениях по пути, кто ушёл дальше, и сколько вернулось обратно после стабилизации социально-политической ситуации, неизвестно.

Голод начала 1920-х гг. служил причиной для большого потока вынужденных переселенцев. В «Сводке материалов информотдела ОГПУ по состоянию районов, охваченных недородом» целый раздел посвящён переселениям [Советская деревня…, 2000, с. 636-638]. Крестьяне-беженцы относились к категории «неприписного временно проживающего населения», селились на свободные земли часто без разрешения. Хлынувший поток крестьянских семей озадачил местные органы власти – встал вопрос о самозахвате земли. По-видимому, губернские отделы землеустройства разрешили узаконить массовые захваты

земли, так как в 1923 г. в большом количестве появляются приговоры общих собраний членов сельских обществ, постановляющих принять в члены сельского общества того или иного переселенца, прибывшего в 1920−1922 гг. [ГАОО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 123. Л. 35.]. В основном это переселенцы из Европейской части России.

Наряду с внешними миграциями, наблюдается и распространённость внутрисибирских миграций, главным образом, из северных районов в южные. Основной причиной для этих переселений стали неурожай и вызванный им голод.

В Омской губернии, согласно губернским отчётам, «главным контингентом переселяющихся были выходцы из Тульской, Рязанской и Калужской губерний, пострадавшие в предыдущем году от неурожая. … К этому времени на территории Омского округа насчитывалось, по данным переписи 1920 года, до 45 000 едоков неприписного населения, состоящего, преимущественно, из неустроенных в своё время переселенцев, беженцев голода и Империалистической войны и самовольцев. Возникшее переселение в последующие годы приостановилось» [ГАОО. Ф. Р214. Оп. 1. Д. 2297. Л. 1.]. В журнале учёта переселенческих колхозов Земельного управления Исполнительного комитета Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов как места выхода указаны различные губернии и округа европейской части страны [ГАОО. Ф. Р209. Оп. 1. Д. 828. Л. 1–9.]. Хотя в имеющихся источниках отсутствуют сведения, позволяющие точно определить этническую принадлежность переселенцев, мы можем предположить с высокой долей вероятности, основываясь на местах выхода, что это были русские (выходцы из Воронежской, Смоленской, Московской губерний), белорусы (из Минского, Витебского, Бобруйского округов) и украинцы (Черниговский и Киевский округа).

Коснёмся вопроса взаимодействия переселенцев и старожилов. Очевидно, что самозахват земель при попустительстве администрации не мог не вызвать негативного отношения со стороны населения региона. Однако, сложная политическая ситуация в стране оттесняла эту проблему на второй план. Стабилизация же политической жизни и оживление в экономике вызвали закономерные конфликты, возникающие между новоприбывшими и старожилами. Так, в письме в редакцию «Крестьянской газеты» переселенец Данил Портала жалуется на отношение старожилов: на собраниях им не дают право голоса и относятся как к гражданам другого государства [Крестьянские истории.., 2001, с. 155]. Не все беженцы получали право вселяться на новые земли – старожилы проводили своеобразный отбор наиболее полезных переселенцев. Приехавшие из России получали земли вблизи старожильческих наделов, на менее удобных землях, обработка которых требовала больших физических сил. Возможности переселенцев в обустройстве жилой среды были более ограничены, чем жителей выселков и заимок из местных жителей. Проделав большой путь, они начинали обустройство на новом месте с нуля [Щеглова, 2008, с. 104].

Наплыв переселенцев приводил зачастую к усилению политической напряжённости в местах вселения. В докладе Земельного управления исполкома Омского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О состоянии работы по переселению и колонизации в округе» даётся характеристика аграрным переселениям в Сибирь и отмечается, что «в период затишья в сельском хозяйстве наличие в округе такого незначительного неприписного населения всё же особых трений с коренным не вызывало. Но уже начиная с 1922−1923 годов взаимоотношения резко изменились – отмечается значительное обострение, коренное население, видя в неприписных претендентов на ихние земли, принимало всевозможные меры притеснения с тем, чтобы избавиться от них окончательно, здесь уже требовалось административное вмешательство» [ГАОО. Ф. Р214. Оп. 1. Д. 2297. Л. 1–2].

С этого времени государство начинает упорядочивать миграционные потоки. Стабилизация социально-экономической ситуации в стране меняет характер переселенческого движения, появляется «административное вмешательство». Управленческий аппарат берёт переселения под жесткий контроль и становится организатором миграционного потока посредством созданного в 1924 г. Всесоюзного переселенческого комитета. Эти изменения служат началом следующего этапа миграционного движения советского периода – планового аграрного переселения.

Таким образом, в период 1917–1924 гг. в переселенческом движении преобладали стихийные вынужденные переселения из Европейской части страны, вызванные социально-экономическими потрясениями. Примерная численность переселенцев – около 45–60 тысяч человек. Этногрупповой состав переселенцев складывается из выходцев из Европейской части России, которые расселялись преимущественно в южной части региона, что приводило к росту социальной напряженности. Поток переселенцев этого периода усложняет этногрупповую структуру русского населения Сибири: новая волна миграций накладывается на переселения довоенного периода, во многом продолжая их тенденции относительно мест расселения, делая структуру русского сообщества в Сибири неоднородной. Формирование групп населения становится связанным со временем расселения, актуализируется принадлежность к той или иной группе.

Научный руководитель – канд. ист. наук,

доцент М. Л. Бережнова

Список литературы

ГАОО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 123. Л. 62. (Список неприписного временно проживающего населения в Тургеновской волости Калачинского уезда).

ГАОО. Ф. Р209. Оп. 1. Д. 828.

ГАОО. Ф. Р214. Оп. 1. Д. 2297. Л. 1. (Доклад Земельного управления исполкома Омского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов «О состоянии работы по переселению и колонизации в округе»).

Занданова Л. В. Аграрные миграции в Сибирь в XX веке: основные этапы и политика государства / Л. В. Занданова // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – нач. XXI веков. – Новосибирск : Параллель, 2009. – С. 113–130.

Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. – М. : РОССПЭН, 2001. – С. 155.

Нам И. В. Беженцы / И. В. Нам // Томск от А до Я. Краткая энциклопедия города. – Томск, 2004. – С. 29.

Рынков В. М. Будни гражданской войны: поведение горожан в экстремальной ситуации / В. М. Рынков // Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. – Новосибирск, 2003. – С. 32−47.

Советская деревня глазами ВЧК − ОГПУ − НКВД. 1918–1939. : Документы и материалы. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 2. – С. 636–638.

Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтая в XX веке. Устная история / Т. К. Щеглова. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 528 с.

Ящук Т. Ф. Политика по отношению к старым специалистам в первой половине 1920-х годов / Т. Ф. Ящук // Исторический ежегодник. –Омск, 1997. – С. 52–59.

Agrarian resettlement 1917–1924 and their impact on Ethnography structure of the population of Siberia (according to the materials of the Omsk region)

P. P. Shinkevich

Author of this text describes migrations in Siberia after October Revolution. He touch upon the problems that are connected with movement of refugees, transmigrations, ethnography structure of population in 1917–1924.

Keywords: resettlement's, population of Siberia, migrations in Siberia, refugees, transmigrations.

Шинкевич Павел Петрович
магистрант 2-го года обучения, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: p-shinkevich@yandex.ru

Shinkevich Pavel Petrovich
graduate student 2nd year, Omsk State University of F. M. Dostoevsky
e-mail: p-shinkevich@yandex.ru

УДК 39

О межконфессиональной ситуации в Республике Алтай (об установке поклонного креста)*

Т. С. Ябыштаев
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск
*Статья написана при поддержке РГНФ – проект № 15-11-04003 а(р)

Республика Алтая является поликонфессиональным регионом России. В столице г. Горно-Алтайск возведены церковь и мечеть, функционируют различные секты – протестантские, буддийские и пр. Большинство русских идентифицируют себя православными, казахи, как крупная диаспора республики, исповедуют ислам. В 1990-е годы, в период этнического подъема алтайцев, актуализировались религиозная идентичность и традиционные верования «Алтай јан», представляющие синтез шаманизма и бурханизма [Тадина, 2013, с. 160].

В настоящее время в межконфессиональном пространстве республики назревает конфликт взаимоотношений приверженцев православной церкви и алтайской религии «Алтая јан». В данной статье освещается проблема противостояния алтайцев строительству часовен и водружению поклонных крестов на священных местах – перевалах, вершинах, источниках. Основными методами исследования являются непосредственное наблюдение межконфессиональной ситуации и интервьюирование участников событий.

В период 2011–2014 гг. широко обсуждается проблема установки православных крестов. Наиболее дискуссионными были случаи появления крестов при въезде в Республику Алтай, в приграничной зоне на плато Укок, повсеместно у священных источников, перевалов и вдоль федеральной трассы М-52 Чуйский тракт. В 2011 г. общественный резонанс вызвало обращение профессора Н. М. Киндиковой о законодательном запрещении «установки столба-креста в черте города и сел Республики Алтай». В том же году произошел другой случай – жители с. Аскат Чемальского района выступили против строительства часовни на горе Луковка, инициатором которого было руководство туристической базы «Турсиб» [Доктор наук…, 2011]. В 2012 г. у подножья Семинского перевала, около с. Топучая Шебалинского района, был повален поклонный крест, установленный в знак строительства часовни. Другой крест по Чуйскому тракту был установлен у с. Купчегень Онгудайского района, что явилось поводом межнациональных разногласий алтайцев и русских [Ябыштаев, 2014,

с. 163]. Последнюю конфликтную ситуацию вызвали планы местной епархии об установке поклонного креста на вершине г. Белухи, у истока р. Катунь.

В традиционной картине мира алтайцев Алтай обожествляем, от него зависит благополучие людей и окружающей среды. Вся природа Алтая священна, особенно ее символы – источники (*аржан суу*), перевалы (*ажу*) и родовые вершины (*байлу туу*). В таких местах повязаны белые ленты в знак почитания природы Алтая. Сегодня сакральное единство важно как природно-культурный ландшафт, где созданы охраняемые природные парки и зоны покоя.

Наблюдаемое межэтническое напряжение объясняется не борьбой с православием, а особенностью восприятия алтайцами христианских символов. В народе жива историческая память о деятельности Алтайской духовной миссии. На сегодняшний день алтайцы не считают себя православными. Есть устоявшееся мнение: «быть крещеным – значит быть обрусевшим». Иная ситуация у улаганских теленгитов, принявших в XIX в. православие, но сохранивших свой язык и до сих пор свободно говорящих на родном диалекте. Алтайская духовная миссия повсеместно устанавливала крест, о чем известно: «Если в определенную долину приходил миссионер и ставил крест, то алтайцам было запрещено кочевать в радиусе пяти верст вокруг этого креста» [Мамет, 1994, с. 26]. Постепенно духовная миссия захватывала лучшие земли в речных долинах, а некрещеные алтайцы были вынуждены переселяться в верховье после сокращения пастбищ и скота. Как правило, принявшие православную веру отказывались от традиционной культуры, переходили на оседлый образ жизни, назывались русским именем и вступали в смешанные браки. Таким образом, в этническом сознании алтайцев поклонный крест отождествляется с образом христианской веры и ассимиляцией в русскоязычной среде. До сих пор установка креста воспринимается как «религиозная экспансия», «навязывание чужого стандарта» и «демонстрация преимуществ».

Местная епархия объясняет, что возведение поклонных крестов связано с историческими событиями в православной жизни. Так, крест у подножья Семинского перевала поставлен в память о строителях Чуйского тракта, а у с. Купчегень Онгудайского района в честь мученика иеромонаха Киприана. В ответ на протесты алтайцев епископ Каллистрат заявил: «Мы ничьих верований не попираем, относимся к ним с уважением. Но сравнивать с захватчиками Алтайскую духовную миссию, которая здесь была до революции, не считаем правильным» [Епископ…, 2013].

Проблема установки креста периодически поднимается общественным движением «Курултай алтайского народа» и родовыми главами – зайсанами. В декабре 2014 г. в г. Горно-Алтайске состоялся съезд-курултай, на котором одним из актуальных вопросов была необходимость решения проблемы поклонных крестов. Глава Курултая «Эл Башчы» и зайсаны выступили с решением запретить установку крестов, потребовать у местной епархии полный список установленных крестов на территории республики.

По инициативе молодежного дискуссионного клуба «Тёрки» состоялась встреча общественных деятелей, журналистов, зайсанов и служителей церкви с целью урегулирования межконфессиональной ситуации. Несмотря на широкое обсуждение в СМИ, проблема установки крестов у почитаемых мест алтайцев остается открытой. Как считают зайсаны родов, необходимо составить карту священных природных объектов Горного Алтая и принять закон «О сакральных местах», который бы защитил священные места от случаев антропогенного воздействия.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Н. А. Тадина

Список литературы

Доктор наук: Меня раздражают установленные в священных местах символы распятия Христа [Электронный ресурс] // Новости Горного Алтай URL: http://www.gorno-altaisk.info/news/11501 (дата обращения 05.12.14)

Епископ: Я не верю, что традиционные алтайские верования агрессивны к православию [Электронный ресурс] // Новости Горного Алтай URL:http://www.gorno-altaisk.info/news/ 26825 (дата обращения 01.12.14)

Мамет Л. П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и Гражданской войны на Горном Алтае / Л. П. Мамет – Горно-Алтайск : Ак Чечек, 1994. – 184 с.

Тадина Н. А. Два взгляда на бурханизм у алтай-кижи / Н. А. Тадина // Журнал социологии и социальной антропологии . – 2013. – № 4. – С. 159–166.

Ябыштаев Т. С. Современный институт зайсаната в сохранении национальных традиций / Т. С. Ябыштаев // Урал – Алтай: через века в будущее. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайская типография, 2014. – С. 160–164.

About interfaith situation in the Altai Republic (the installation of worship cross)

T. S. Yabushtaev

The article sanctifies the causes of the conflict in interfaith space of the Altai Republic. During 2011–2014 between the Altai people and the Orthodox Church there is a confrontation on the issue of installing worship cross at the holy places. The article is written on the basis of the ethnographic material collected by the author.

Keywords: Altai Republic, religious conflicts, Altai, worship cross zaysanat

Ябыштаев Тенгис Степанович
младший научный сотрудник, Горно-Алтайский государственный университет
e-mail: teng7891@mail.ru

Yabushtaev Tengis Stepanovich
junior researcher, Gorno-Altai State University
e-mail: teng7891@mail.ru

СЕМАНТИКА И СИМВОЛИКА В АРХЕОЛОГИИ

УДК 902/904

К вопросу изучения гравированных изображений Тепсейского археологического комплекса*

И. В. Аболонкова
Кемеровский государственный университет, Кемерово
*Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России №33.1175.2014К

В 2012–2014 гг. в результате полевых работ Тепсейского отряда КемГУ среди рисунков на скалах и курганных камнях Тепсейского археологического комплекса были выявлены изображения, выполненные в технике гравировки и пока не введенные в научный оборот. Гравированные изображения на Тепсее неоднократно привлекали внимание исследователей, однако, ввиду разных причин (несовершенные материалы копирования, сложность документирования и проч.) большинство из них публиковались значительно позже их обнаружения и документирования или же не были введены в научный оборот вовсе. Таким образом, сложилось мнение, что число гравированных изображений здесь незначительно. И хотя введенных в научный оборот гравированных рисунков Тепсея пока еще мало, С. В. Панковой опубликована уникальная композиция, обнаруженная на массивном скальном блоке одной из вершин пункта Тепсей II, содержащая изображения животных (быки, лошади, лоси, медведь (?), две антропоморфные фигуры, знаки (спираль с линиями вокруг нее, заштрихованный прямоугольник), линии, не поддающиеся прочтению [Панкова, 2004, рис. 2], О. С. Советовой – антропоморфный персонаж в сочетании с зооморфной фигурой [Советова, 1995, рис. 9, *4*], И. Л. Кызласовым – серия рисунков, обнаруженная им в 1987 г. на южных склонах Тепсея – антропоморфные персонажи [Кызласов, 2012, рис. VII]; фигуры животных (олень, косуля, конь) [Кызласов, 2012, рис I, II, IX]; рисунки сосудов [Кызласов, 2012, рис. VI, IV]; а также достаточно редко встречаемое в наскальном искусстве изображение саадака [Кызласов, 2012, рис. V], Э. Б. Вадецкой опубликована интереснейшая антропоморфная фигура, найденная на стенке детского ящика-гробика одного из склепов Тепсея, интерпретируемая как служитель культа [Вадецкая, 2000, с. 16]. Что касается гравированных рисунков на плитах оград тагарских курганов Тепсея в целом, то в большинстве своем можно отметить лишь упоминания о них [Наскальные изображения..., 2007, с. 78; Панкова, 2004, с. 52]. Кроме этого, в фондах музея «АЭиЭ Сибири КемГУ» среди материалов Петроглифического отряда Южносибирской экспедиции КемГУ (рук. Б. Н. Пяткин, 1983–1984 гг.) нами были обнаружены неопубликованные копии гравированных рисунков с курганных камней Тепсея, вошедших в основу кандидатской диссертации Т. В. Николаевой, посвященной рисункам на плитах тагарских курганов [Николаева, 1983].

Таким образом, проблема документирования гравированных изображений Тепсейского археологического комплекса остается актуальной и на сегодняшний день.

Среди полученных нами материалов встречается ряд интересных сюжетов, которые автору удалось выявить среди множества тончайших линий, не всегда складывающихся в полноценные образы (рис. 1).

Рис. 1. Тепсей II. Гравированные изображения (масштабы разные)

Удалось обнаружить уникальную фигуру лыжника (рис. 1, *1*), ноги которого расставлены в характерной позе [Дэвлет, Дэвлет, 2011, рис. 3, *4*], корпус немного наклонен, голова читается плохо, слева от фигуры в такой же технике выполнено изображение животного.

Еще одним выявленным любопытным персонажем является антропоморфная фигура в лодке (?), найденная неподалеку от плоскости, известной по публикации С. В. Панковой [Панкова, 2004, рис. 2]. К сожалению, в результате тщательного многократного изучения разрозненных линий при естественном освещении в разное время дня, многократной фотосъемки и дальнейшей лабораторной обработки фотографий в графических редакторах, изображение удалось выявить лишь частично. Хорошо видны ноги человека, стоящего, очевидно, в лодке. Корпус, как и руки фигуры, улавливаются хуже, линии головы вовсе не удалось проследить. Отметим, что при этом корпус человека имеет характерный для гребца наклон, а все туловище пересекает длинная линия, напоминающая весло (рис. 1, *3*).

Еще одним новым персонажем, обнаруженным среди гравированных рисунков Тепсея, является хорошо читающаяся фигурка животного, отсутствие стилизации которой, а также наличие рядом под кальцитовым натеком линий, напоминающих рунические надписи, дает основание отнести его к этнографическому времени (рис. 1, *2*). Подобное взаиморасположение рунических надписей и зооморфных изображений нередко встречается на плоскостях, в том числе и среди тепсейской руники, расположенной на южных склонах памятника [Кляшторный, 2006, рис. 1, *7*; Савинов, 2011, с. 50]. Для датировки вышеприведенных изображений лыжника и антропоморфной фигуры в лодке нужен дальнейший анализ и поиск аналогий. Однако, становится очевидным, что Тепсейский археологический комплекс хранит еще немало секретов с рисун-

ками, выполненных в технике гравировки. Склоны Тепсея остаются по-прежнему перспективными для дальнейшего обнаружения гравировок и более детального анализа уже найденных, так же, как и плиты курганов под горой. Приведенные материалы не только пополняют и расширяют изобразительную базу Тепсейского археологического комплекса, но также меняют представление о памятнике в целом.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О. С. Советова

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) / Э. Б. Вадецкая // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 2000. – С. 15–17.

Дэвлет Е. Г. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии / Е. Г. Дэвлет, М. А. Дэвлет – М. : ИА РАН, 2011. – 379 с.

Кляшторный С. Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) / С. Г. Кляшторный // Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006 – С. 319–325.

Кызласов И. Л. Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей / И. Л. Кызласов // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. – Вып. 26. – С. 103–108.

Наскальные изображения Центральной Азии. Фонд истории Северо-Восточной Азии / Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо, Н. А. Боковенко, М. Е. Килуновская. – Сеул, 2007. – 353 с.

Николаева Т. В. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры (методика и хронология): автореф. дис. … канд. ист. наук. / Т. В. Николаева. – Кемерово, 1983. – 20 с.

Панкова С. В. Таштыкские гравировки на Тепсее / С. В. Панкова // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 52–60.

Савинов Д. Г. Тепсей, петроглифический микрорайон и возможности его изучения / Д. Г. Савинов // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. – Кемерово, 2011. – Т. 1. – С. 48–53.

Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей / О. С. Советова // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С. 33–54.

On the question of study engravings of archaeological complex Tepsey

I. V. Abolonkova

The paper presents some results of the study at the engravings of archaeological complex Tepsey. New anthropomorphic and zoomorphic images give us information about Tepsey artistic materials.

Keywords: archaeological complex Tepsey, engravings, anthropomorphic and zoomorphic characters.

Аболонкова Ирина Васильевна
аспирант 1-го года обучения, Кемеровский государственный университет
e-mail: abolonirina@mail.ru

Abolonkova Irina Vasil'evna
postgraduate student, Kemerovo State University
e-mail: abolonirina@mail.ru

УДК 902.01

Восток и Запад: сравнительный анализ ритуала порчи боевого оружия*

О. В. Андреев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск

*Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К)

Изучение погребального обряда древних сообществ является одним из основных направлений археологических исследований. Применение различных методологических подходов и научных методик позволяет ставить и рассматривать вопросы социального и имущественного положения, проследить этапы этнокультурного становления сообществ, пути их миграции и расселения, распространения новых идей, как технических, так и мировоззренческих, а в целом понять, насколько это возможно, мир людей далекого прошлого.

В своем изучении традиции ритуальной порчи оружия мы опираемся на признание факта, что в составе инвентаря, сопровождающего умершего, нет «случайных» предметов. Все вещи имели свое значение, свой смысл, иногда, казалось бы, явно прочитываемый. Но даже в тех случаях, когда мы анализируем «явно» престижные или утилитарные вещи, они выступают еще и как знак, как символ, как набор идей, расшифровать и понять который крайне сложно, но необходимо, поскольку в этом и состоит задача археологии как науки.

Начиная с бронзового века и заканчивая средневековьем, в погребальных обрядах различных археологических культур и этнокультурных групп на территории Евразии прослеживает-

ся традиция, связанная с намеренной порчей боевого оружия. Чаще всего она отражается на находках рубящего оружия: мечей, палашей, сабель. Письменных источников, описывающих этот ритуал, современной исторической науке неизвестно, но о характере механической деформации можно судить по археологическим находкам из погребений. В литературе можно встретить различные варианты объяснения этого семантически насыщенного ритуала: обезопасить живущих от оружия умершего, «умертвить» клинок вместе с владельцем, сделать громоздкий клинок более портативным для помещения в погребение или же это происходило в том случае, когда у умершего воина не было наследника [Худяков, 1980, с. 36].

Для того чтобы изучить традицию ритуальной порчи боевого оружия, нужно проследить её генезис и особенности бытования на разных территориях и в разные исторические периоды. Ее наиболее ранние этапы фиксируются в Западной и Восточной Европе. Так, в Богемии вплоть до V в. до н.э. в могильниках латенской культуры зафиксированы погребения знатных воинов в сопровождении богатого погребального инвентаря, включающего в себя меч, щит, поясной ремень и копьё. При захоронении в результате ритуальной порчи клинок меча загибался в «восьмерку» или в спираль. После V в. до н.э. под воздействием социальных факторов, меч перестал быть достоянием только элитных групп общества и постепенно происходит затухание этой традиции в рамках погребального обряда. Однако при этом в захоронениях продолжают встречаться намеренно сломанные наконечники копий [Sankot, 2007, p. 115].

Стоит отметить, что ритуал порчи оружия был связан не только с погребальным обрядом, его применяли в качестве очистительного обряда при входе воина в священное место. В ходе раскопок святилища в кельтском поселении Гурне-Сюр-Аронд, расположенном в 20 км к северо-западу от Компьене, было обнаружено множество элементов воинского снаряжения. Найдено около трёхсот комплектов вооружения, которые были сброшены в защитный ров, предварительно поврежденными. Жан-Луи Брюно объясняет это как ритуальное осквернение и ссылается на Плутарха, который писал о существовавших в то время представлениях «святости» стен святилища. Воины должны были очистить себя тем, что уничтожали оружие, намеренно ломая и бросая его в окружавший сакральное место ров [Brunaux, 2000]. Возможно, семантически близкой находкой стал найденный в одном из погребений у Гурне-Сюр-Аронд согнутый в три раза меч, датируемый III–I вв. до н. э. Клинок мог принадлежать знатному воину или «богатому простолюдину».

Ещё одна подобная находка была сделана в 2013 г. в Норвегии, недалеко от города Нурхеймсунн. Меч, датированный VIII–IX вв. н.э., был согнут вдвое. Клинки эпохи викингов встречаются практически на всей территории Северной и Центральной Европы и представляют собой результат погребального ритуала, связанного с «переходом» меча в загробный мир вместе с хозяином.

Изучение скандинавской мифологии позволило представить общую концепцию религиозных представлений, связанных с обрядом погребения. Согласно ей, воин после смерти будет вечно пировать в чертогах Вальгаллы, но лишь в том случае, если умер с мечом в руке. В случае же обычной смерти он рискует превратиться в драугра – ожившего мертвеца. Возможно, боясь вооруженного умершего воина, сгибали оружие.

Схожая традиция намеренной порчи оружия была распространена и на востоке Евразийского континента. Она довольно отчетливо прослеживается в погребальной обрядности енисейских кыргызов и тунгусоязычных чжурчжэней, населявших в эпоху средневековья Маньчжурию, Центральный и Северо-Восточный Китай. Близкий по формальным признакам ритуал встречается и у бохайцев в Северной Корее и Приморском крае.

Кыргызский обряд порчи оружия подразумевал, что клинки гнули уже после пребывания их на погребальном костре, и они имеют довольно разнообразные по форме типы изгиба. Например, у клинка, найденного Р. В. Николаевым в могильнике у железнодорожной станции Минусинск, черен рукояти был согнут в кольцо, и не понятно, каким способом это было сделано. Помимо этого, на клинке также прослеживаются несколько следов изгиба [Николаев, 1972, с. 201].

В 1970 г. кыргызском кургане на могильнике Демир-Суг I (Тува) был найден поврежденный палаш. Его лезвие оказалось трижды согнутым и, во многом благодаря этому, на нем сохранились две обоймы ножен в виде пластинчатых колец. В обрядности прослеживаются различные формы изгиба, но чаще всего встречается именно сгибания вдвое, или втрое. Встречаются и более экзотические формы, например в форме «гармошки».

Палаши чжурчженей, как правило, встречаются согнутыми в два раза. В Надежнинском могильнике найдены три палаша с разными формами изгиба, у одного из них обломано остриё [Андреев, 2014, с. 89–91].

Бохайцы так же имели схожий ритуал, но их мечи не гнулись, а ломались. Возможно, это делалось намеренно, но не стоит исключать и того, что клинок ломался при сгибании. В последнем случае, это может быть связано с особенностью металла.

Для восточной традиции характерно сгибание оружия после совершения обряда кремации. Об этом свидетельствуют характерные особенности пребывания в огне, а также находки обойм ножен, сохранившихся на клинке.

Обряд ритуальной порчи оружия прослеживается у енисейских кыргызов в период их военного, экономического и политического расцвета. Практически через двести лет похожий ритуал возникает в погребальной обрядности чжурчжэней, которые создают мощное государство, известное как империя Цзинь. Он возникает у обоих народов на определенном этапе их исторического развития, когда дорогой клинок перестаёт быть достоянием только лишь знати и может помещаться в погребение вместе с умершим хозяином.

Таким образом, семантически насыщенная традиция, в основе которой лежал ритуал порчи боевого оружия, существовала довольно продолжительное время на обширной территории у носителей разных археологических культур и этнических групп, практически не связанных между собой. Нельзя исключить общих идеологических истоков, формирующихся вокруг так называемого «культа меча». У разных народов этот культ появляется на определенном историческом этапе и исчезает в связи с социальными изменениями, повлиявшими на статус меча или сабли, как престижной вещи, непременной принадлежности воина, рыцаря, батыра.

Научный руководитель – канд. истор. наук, доцент О. А. Митько

Список литературы

Андреев О. В. Согнутое рубящее оружие в погребальный памятниках чжуржений и енисейских кыргызов: сравнительный анализ / О. В. Андреев // Материалы 52-й междунар. науч. студ. конф. (МНСК-2014): Археология. – Новосибирск, 2014. – С. 89–91.

Николаев Р. В. Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск / Р. В. Николаев // СА. – 1972. – №2. – С. 198–205.

Худяков Ю. С. Вооружение Енисейских Кыргызов / Ю. С. Худяков. – Новосибирск : Наука, 1980. – 176 с.

Brunaux J.-L. Les religions gauloises / J.-L. Brunaux. – Paris, éd. Errance, 2000. – 272 p.

Sankot Pavel. Le rite funéraire de nécropoles laténiennes en Bohême / Pavel Sankot // Acta terrae septemcastrensis VI, 1, Special number Bibliotheca Septemcastrensis. – Sibiu : ALTIP Alba Iulia, 2007. – P. 111–121.

East and West: a comparative analysis of the ritual deformation of the weapons

O. V. Andreev

Comparison of ritual deformation of military weapons in the east and the west Eurasia. Using materials of the Celts, the Scandinavians, the Yenisei Kyrgyz, Fo-hai. The study of the funeral rite of ancient societies is one of the main areas of archaeological research.

Keywords: Ritual deformation, the Yenisei Kyrgyz, Jurchen, military weapons, traditions.

Андреев Олег Викторович
студент 3-го курса, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
e-mail: oleg-and@inbox.ru

Andreev Oleg Viktorovich
student 3rd year, Novosibirsk National Research State University
e-mail: oleg-and@inbox.ru

УДК 73.027.2+903.27

Редко встречаемые образы животных в кремневой скульптуре Урала

К. А. Евлюхина
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил

Уникальным проявлением культуры древнего человека является кремневая скульптура. Ее наиболее многочисленные находки сделаны на севере европейской части страны, в районах Волго-Окского междуречья и в Зауралье. Средняя длина фигурок колеблется от 3 до 6 см. К особенностям кремневой скульптуры относят силуэтный характер, лаконизм, игнорирование внутренних деталей и обобщенность. Свойства минерального сырья и техника ретуширования не позволяли древнему мастеру делать фигурки объёмными, поэтому находки относятся к группе плоской скульптуры. Современное собрание кремневых скульптурок включает зооморфные, орнитоморфные, антропоморфные, мифологические и символические изображения. Самыми многочисленными по числу изображаемых образов являются зооморфные скульптуры. Чаще всего встречаются изображения медведя и лося. Археологи также выделяют группу редко встречающихся образов животных. Известны фигурки змеи (Нижегородская обл., с. Панфилово), тюленя и моржа (Архангельская обл., с. Зимняя Золотица). На территории Урала редкими являются изображения мамонта, кабана, горностая, ежа, бобра, собаки, выдры и ящерицы.

В мифологии древних народов Урала эти животные занимают особые места. Считалось, что мамонт живет в воде, в него могут превращаться очень старые звери и рыбы. Кабан лишь отрывочно упоминается в мифах и значится как тотемное животное, означающее мужество и неустрашимость. Горностай и бобр могли играть роль тотемного животного или проводника шамана в подземный мир. Еж упоминается как символ защиты, символ пробуждения природы или тотем. По воззрениям хантов и манси, собака способна вступать в связь с миром духов и миром мертвых. Она была защитником и помощником человека, а убийство собаки приравнивалось к убийству ее хозяина. В мифологии северных народов выдра – это представитель нижнего мира, второй после медведя подземный дух, помощник шамана. Ящерица считалась порождением нижнего мира. Ее запрещалось убивать или мучить. Она была призвана помогать шаману в его путешествиях по мирам. [Мифы, предания…, 1990, с. 24–25].

Самой ранней является фигурка мамонта, которая была найдена на стоянке Шированово II (Пермский край). Исследователи относят её к верхнему палеолиту. Размер фигурки – 6×6 см. Мамонт выполнен из плитки коричневого кремня. Двусторонняя краевая ретушь обрамляет весь периметр фигурки. Показаны характерные черты животного: четко выделенная голова, намеченные ноги, с помощью выемки подчеркнут переход от головы к горбатой спине. Главная особенность – обозначенный с помощью ретуши и трещины опущенный книзу хобот [Сериков, 2014, с. 28].

Миниатюрными размерами отличается фигурка ежа со стоянки Шигирский Исток III (Шигирский торфяник, Свердловской обл.). В длину изделие всего 2,6 см, а в ширину 2,2 см. Изготовлен ёж из черного углистого сланца и обработан двусторонней краевой ретушью, которая помогла образовать характерные рельефные шипы. Пять шипов в верхней части – это иглы ежа, один шип сбоку – вздернутый нос, шипы снизу – ноги животного. Это единственное на всей территории распространения кремневой скульптуры изображение ежа [Сериков, 2013, с. 274].

На поселении Юртик (Кировской обл.) найдено скульптурное изображение кабана. Оно имеет совсем миниатюрные размеры: длина изделия – 2,5 см, а высота – 1,3 см. Фигурку из светлого кремня изготовили путем двустороннего ретуширования всех поверхности. Выделена приподнятая холка, обозначен выпуклый лоб и длинное рыло, указан маленький хвостик.

Еще более миниатюрное изображение редкого животного с этого же памятника представлено в образе пушного зверька. Его длина всего лишь 1,7 см, а высота 2 см. Это горностай, который замер в настороженной позе. У него вытянутая шея, приподнятые уши и выставленные перед телом лапки. Обе плоскости изделия обработаны двусторонней ретушью [Сериков, 2011, с. 149–150].

На поселении Юртик также найдена кремневая головка собаки. Она обработана краевой двусторонней ретушью, которая выделяет мордочку животного и его приподнятые уши [Сериков, 2009, с. 398].

Фигурка бобра найдена на Аятском озере (Свердловская обл.). Краевая ретушь покрывает изделие со стороны спины и частично со стороны брюшка. Фигурка обработана по всему периметру отщепа, за исключением ударной площадки. Ретушью подчеркнуты мордочка бобра, прижатые к тулову лапки и резкий переход от задней части тела к ногам [Сериков, 2011, с. 150].

Из числа недавно найденных кремневых скульптур следует отметить изображения выдры и ящерицы (?). Фигурка выдры найдена на стоянке Лопью (Северное Приуралье). Она небольшого размера, выполнена из красного кремня в технике двусторонней ретуши, плоской ретушью выделена непропорционально крупная голова, ноги показаны небольшими треугольными выступами [Сериков, 2014, с. 27]. Аналогичная скульптура найдена в Республике Татарстан.

Самая необычная скульптура происходит со стоянки Угдым (Республика Коми). С каждой стороны фигуры находятся асимметрично расположенные шипы – по одному краю их пять, по другому – три. Оба конца изделия заострены, но один из концов окрашен в бледный красно-коричневый цвет, а остальная часть скульптуры имеет светло-серый цвет. Непонятно, кого или что могла изображать данная скульптура. Наиболее близкое к ней изображение происходит с Выг-Острова, которое, по мнению С. Н. Замятнина, могло изображать ящерицу [Замятнин, 1948, рис. 5, *16*]. Также изображение ящерицы найдено в с. Изведово Тверской обл.

Таким образом, на основе анализа рассмотренных скульптур, а также мифологии древних народов Урала, можно сделать вывод о том, что рассмотренные находки отражают не случайные образы, а особенных животных. Каждая фигурка тщательно проработана мастером, что также указывает на ее значимость. Большинство рассмотренных животных являлись тотемными и поэтому воспринимались как защитники рода. Возможно, найденные фигурки имели такое же назначение. Стоит также предположить, что эти «защитники рода» передавались из поколения в поколение. Нужды в большом количестве не было, поэтому встречаются лишь единичные экземпляры. Но, возможно, напротив, данные находки это лишь начало открытий.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Ю. Б. Сериков

Список литературы

Замятнин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы / С. Н. Замятнин // СА. – 1948. – Т. X. – С. 85–123.

Мифы, предания, сказки хантов и манси / отв. ред. Н. В. Лукина – М. : Наука, 1990. – 568 с.

Сериков Ю. Б. Кремневая скульптура Урала (Вопросы хронологии, происхождения и семантики) / Ю. Б. Сериков // Тверской археологический сборник. – Тверь : Триада, 2009. – Вып. 7. – С. 391–410.

Сериков Ю. Б. О своеобразии кремневой скульптуры Урала / Ю. Б. Сериков // Челябинский гуманитарий. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – № 1 (14). – С. 146–161.

Сериков Ю. Б. Каменная скульптура древнего населения Среднего Зауралья / Ю. Б. Сериков // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. – С. 272–276.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала / Ю. Б. Сериков – Нижний Тагил : НТГСПА, 2014. – 268 с.

Rare images of animals in the Urals flint sculpture

K. A. Evlukhina

Flint sculpture is a unique manifestation of the culture of ancient man. Zoomorphic sculpture is the largest group by number of images. The greatest interest is rare images of animals. In the Urals there are sculptures of a mammoth, wild boar, ermine, hedgehog, beaver, dog, otter and lizard. These findings reflect the images of totem animals, defenders of the family. Maybe they passed on from generation to generation.

Keywords: flint sculpture, zoomorphic, totem, mammoth, wild boar, ermine, hedgehog, beaver, dog, otter, lizard, mythology.

Евлюхина Ксения Алексеевна
студент 3-го курса, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил
e-mail: kcenia-e@mail.ru

Evlukhina Ksenija Alekseevna
student 3rd year, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute – branch of Russian State Vocational Pedagogical University
e-mail: kcenia-e@mail.ru

УДК 7.031

Наскальные изображения хакасских тамг как исторический источник

Р. К. Мальцев
Кемеровский государственный университет, Кемерово

К настоящему времени археологами собрано большое количество изображений тамг с различных памятников наскального искусства Минусинской котловины. В данной работе предпринята попытка анализа ряда тамг с местонахождения Оглахты (республика Хакасия) из коллекции МАЭиЭ КемГУ и некоторых публикаций [Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 15, 22, 34, 39] (табл. 1) на предмет соотнесения их с различными группами хакасов. В свое время Л. Р. Кызласов проводил подобную работу по другим источникам [Кызласов, 1960; 1965 и др.].

Как известно, тамга – это личный знак каждого более-менее крупного хакасского скотовода, имевший социальное и символическое значение. Употребление тамг восходит еще к традиции раннего железного века, когда произошло сложение тамговой системы. Исследователи давно обратили внимание на особую роль тамг в социально-экономической и бытовой жизни хакасов [Катанов, 1893; Кызласов, 1979; Кызласов, Леонтьев, 1980; Бутанаев, 1994; и др.]. По характеру они могли быть родовыми, личными, семейными, княжескими и др. По сообщению Н. Ф. Катанова, у хакасов бытовали личные именные и семейные тамги для клеймения скота [Катанов, 1893, с. 110–113]. Тамг не имели бедняки в силу отсутствия у них скота [Бутанаев, 1994, с. 30]. Как правило, тамгой метился скот, но могло помечаться и другое имущество (мебель, одежда), обозначались границы земельных владений, они могли использоваться вместо подписи на документах [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 6]. Тамги передавались из поколения в поколение, исключение составляли случаи, когда зять переезжал жить в аал жены, в таком случае он принимал тамгу супруги [Бутанаев, 1994, с. 31]. Тамга, как символ собственности, не могла быть одинаковой для двух владельцев скота, живущих рядом, однако было возможно применение одного и того же символа скотоводами, проживающими на расстоянии друг от друга [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 30]. Для хакасов необходимость использования тамг была обусловлена и тем, что население Хакасии разделялось более чем на 150 сеоков. Названия основных четырех групп возникли в XVIII в. – качинцы, сагайцы, койбалы и кызыльцы [Бутанаев, 1994, с. 3].

		Тамга	Группа	Фамилия	Аналогии	
1			У всех групп	Нет сведений	6	1 2
2			У всех групп	Нет сведений	7	1 2
3			Качинцы	Шандаковы (?)	8	1 2
4			Качинцы Сагайцы	Нет сведений	9	1 2
5	А Б		Качинцы Сагайцы	Аткины Килижековы Каштымовы Агуржины	10	1 2

Табл. 1. Изображения хакасских тамг на скалах и аналогии к ним

1 – 4, 6 – 1, 9 – 1 – Оглахты [по: Кызласов, Леонтьев, 1980]; 5 – Оглахты [по: КМАЭЭ, № 826]; 6 – 2, 7 – 2 – улус Аёва [по: Кызласов, Леонтьев, 1980]; 7 – 1 – М. Арбаты [по: Кызласов, Леонтьев, 1980]; 8 – 1, 9 – 2 – Комаркова [по: Кызласов, Леонтьев, 1980]; 8 – 2 – курганы у Божьего озера [по: Кызласов, 1960]; 10 – 1, 2 – Оглахты [по: Кызласов, 1965]

В таблице приведен ряд тамг, выявленных на фигурах коней этнографического времени, выбитых на скалах Оглахты. Первая из них (табл. 1, *1*) демонстрирует, очевидно, заключительную стадию эволюции тамг. Данное изображение относятся ко времени, когда под влиянием русского населения получили распространение именные тамги в виде начальных букв имени или фамилии владельца [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 28] – это тамгообразный знак в виде букв «Т». Вторая группа тамгообразных знаков представляет крест и его разновидности (табл. 1, *2,5)*. Такие тамги бытовали у всех групп хакасов. По мнению Н. Ф. Катанова, хакасы заимствовали его через тувинцев из буддийской символики [Катанов, 1893, с. 110]. Тамги в виде креста (табл. 1, *5 А,Б*) в основном бытовали у сагайцев и качинцев [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 28].

Несколько тамг представлены на изображениях коней, возможно, являющихся «изыхами» (табл. 1, *3, 4)*. В одной композиции центральное место занимает фигура коня с восседающим на нем всаднике (дух?). На бедре коня с шаркунцом на шее выбита тамга в виде птицы, в центре корпуса – круг с шестью спицами. Тамга в виде птицы была распространена уже в таштыкскую эпоху (см., например, на астрагалах и керамике из таштыкских склепов). Культ орла имел место и у хакасов [Кызласов, 1960, с. 144–147]. Другой нарядный конь (табл. 1, *4*) изображен со всадником небольших размеров. На его бедре тамга

(тамги?) в виде двух подков (табл. 1, *4*). Такие тамги были характерны для качинцев и сагайцев и имеют свою историю в средневековье [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 25, 48]. Рядом изображен круг со спицами, который широко представлен в хакасских «Пого» и трактуется как «тана» – солярный символ [Литовская, Улахович, 2014, с. 69].

Таким образом, даже немногочисленная группа изображений коней с тамгами на крупах, запечатленных в наскальном искусстве хакасов, позволяет делать некоторые выводы об активном нанесении тамг на скалы в этнографическое время. Ряд тамг имеет свои корни в предшествующих эпохах. Можно сделать осторожное предположение, что среди проанализированных материалов большинство тамг принадлежит качинцам (одной из групп хакасов), некоторые из них можно соотнести с фамилиями Аткиных, Агуржиных, Килижековых, Кыштымовых, Шандаковых.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О. С. Советова

Список литературы

Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий / В. Я. Бутанаев. – Абакан : Лаб. Этнографии НИС АГПИ, 1994. – 95 с.

Каталог коллекций музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. – Кемерово : Кузбасс, 2008. – Вып. 3. – 128 с.

Катанов Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Н. Ф. Катанов // Приложение к LXXIII тому записок Академии наук. – СПб., 1893. – Вып. 8. – С. 110–113.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины / Л. Р. Кызласов. – М. : Изд-во МГУ, 1960. – 196 с.

Кызласов Л. Р. О датировке памятников енисейской письменности / Л. Р. Кызласов // СА. – 1965. – № 3. – С. 38–49.

Кызласов Л. Р. О древнехакасских личных тамгах / Л. Р. Кызласов // Проблемы истории Хакасии. – Абакан : ХакНИИЯЛИ, 1979. – С. 130–136.

Кызласов Л. Р. Народные рисунки хакасов / Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев. – М. : Наука, 1980. – 147 с.

Литовская Т. А. К вопросу о традиционном хакасском нагрудном украшении «Пого» / Т. А. Литовская, С. Н. Улахович // Научное сообщество студентов XXI столетие. Гуманитарные науки. – Новосибирск : СибАК, 2014. – №5 (20) – С. 65–71.

Rock images khakassian tamgas as a historical source

R. K. Maltsev

In this paper we attempt to analyze a number tamgas location Oglakhty (Republic of Khakassia) from the collection of the Museum of archaeology, ethnography and ecology KemSU and some publications [Kyzlasov, Leontiev, 1980, Table. 15, 22, 34, 39] (Tab. 1) for correlating them with different groups of Khakassia.

Keywords: tamgs, ethnographic present, rock art.

Мальцев Роман Константинович
студент 5-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: mrk1992@mail.ru

Maltsev Roman Konstantinovich
student 5th year, Kemerovo State University
e-mail: mrk1992@mail.ru

УДК 903.08

Образы птиц на керамической посуде древнего населения Западной Сибири

А. Г. Маляренко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

В творчестве древнего населения Западной Сибири особое место занимают орнито-, зоо- и антропоморфные изображения на керамике, как правило, выполненные в той же технике, что и орнамент. Этот оригинальный вид художественной деятельности В. В. Бобров предложил назвать орнаментальной графикой [Бобров, 2013, с. 5]. Среди известных на сегодняшний день рисунков по количеству, качеству исполнения и разнообразию выделяются орнитоморфные изображения. Птицы, несомненно, занимали особое место в мировоззрении древних обитателей Западной Сибири. Вероятно, с конкретными видами птиц были связаны соответствующие представления, что, на наш взгляд, должно было найти отражение в рисунках на керамике. Однако интереснейший аспект исследования – видовая идентификация, нередко вызывает затруднения. Соответственно, возникают проблемы с интерпретацией изображений.

По мнению В. В. Боброва, на западносибирском пространстве выделяются два региона, в которых получила распространение орнаментальная графика – Зауралье и Томско-Нарымское Приобье. Известные на сегодняшний день изображения различны по стилю исполнения и технике нанесения. Как правило, они выполнены гребенчатым штампом. Стилистически можно выделить две группы изображений: 1) в линейно-схематическом стиле, 2) с геометрическим туловищем [Бобров, 2013, с. 6–7].

В первой группе образ передается лаконично. Это силуэтное изображение плывущей птицы, которую можно отнести к отряду гусеобраз-

ных и, с определенной вероятностью, к семейству утиных. Об этом свидетельствуют подчетырехугольное очертание тела, короткая шея, пропорционально маленькая голова. Тело утки показано параллельными оттисками довольно длинной гребенки числом от одного до четырех, шея такими же оттисками гребенчатого штампа, нанесенного под прямым или слегка острым углом по отношению к телу. Иногда шея слегка откинута назад, в других же случаях – немного вытянута вперед. Головка передана коротким гребенчатым штампом, при этом толщина ее соответствует толщине шеи, что достигается равным количеством отпечатков. Корпус птицы всегда шире шеи и головы. Есть случаи изображения корпуса птицы вертикальными оттисками гребенчатого штампа. Соотношение ширины тела и шеи строго соблюдено [Гурина, 1972, с. 40]. Так, на фрагменте сосуда с Шигирского городища туловища птиц выполнены тремя горизонтальными параллельными линиями. На двух фрагментах с поселения Аятское Правобережное есть изображения с двумя и с тремя горизонтальными параллельными линиями, образующими туловище. На фрагменте с поселения Юрьино IV туловище представлено одной горизонтальной линией [Чаиркина, 1998, с. 84–86, рис. 2, *2, 3, 5, 10*] и т. д.

Динамизм и индивидуальность фигур подчеркнуты различным положением головы и шеи птицы: слегка наклоненной вперед, поднятой вверх или откинутой назад. Характерно заполнение тулова горизонтальными линиями, менее типично – вертикальными. Изображения как бы встроены в общую композицию орнамента. Для древнего художника здесь была важна форма в целом, без проработки деталей. А это весьма затрудняет видовую идентификацию. Однако в отдельных случаях видовое определение (утка, гусь, лебедь) выглядит вполне обоснованным.

Ко второй группе относятся изображения с геометрическим туловищем. Они представлены на керамике с поселений Быстрый Кульёган-66 [Поселение Быстрый Кульёган 66…, 2006, с. 120, рис. 11], Барсова гора II/8 [Чемякин, 2008, с. 112, рис. 6, *4*]. На этих рисунках хорошо прослеживается одна общая деталь – неразрывная связь орнитоморфных изображений с горизонтальными или волнистыми линиями, выполненными чаще всего тем же штампом, что и сами птицы, т. е. гребенкой. По-видимому, эти линии должны символизировать спокойную и волнующуюся водную стихию [Гурина, 1972, с. 40]. К этой же группе относится фрагмент сосуда с поселения Разбойничий Остров [Чаиркина, 1998, с. 85, рис. 2, *7*]. Судя по сохранившимся фрагментам, воспроизведен стоящий гусь. Некоторые изображения весьма реалистичны в плане передачи видовых признаков. Например, рисунки на керамических сосудах с поселения Тух-Сигат IV [Кирюшин, 2004, с. 175, рис. 65, *3, 4*; с. 232, рис. 122, *1, 4*]. По мнению доктора биологических наук Э. А. Ирисова на рис. 122, *1* изображен лебедь-шипун (очень характерны форма туловища и слегка приподнятые крылья), а на рис. 122, *4* – голенастый журавль, но не исключено, что это дрофа (наличие маленького короткого клюва) [Кирюшин, 2004, с. 79].

Встречаются и изображения хищных птиц. На четырех сторонах сосуда с поселения Тух-Эмтор IV объемно вылеплены голова и туловище, крылья и хвост нанесены гребенчатым штампом [Кирюшин, 2004, с. 201, рис. 90, *1*]. По определению заведующего зоологическим музеем ТГУ С. С. Москвина, это хищная птица, скорее всего орлан-белохвост, скопа или коршун. Верхняя часть сосуда изнутри покрыта толстым слоем нагара. В изломе хорошо прослеживается, что в нем долгое время поддерживали огонь. Возможно, этот сосуд был связан с культом огня [Кирюшин, 2004, с. 62].

Таким образом, идентификация изображений птиц как класса обычно не вызывает сомнений. Определимы отряд и семейство (например, утиные). Установление же видовой принадлежности достаточно проблематично. Однако следует заметить, что у изображений в линейно-схематическом стиле в целом не прослеживается стремления мастера к видовой детализации. Можно предположить, что в данном случае был актуален собирательный образ водоплавающей птицы. Изображения же с геометрическим туловищем и другие, со специфической манерой оформления, более реалистичны и, как правило, имеют определенные видовые признаки. В этом аспекте интересна постановка вопроса о функциональном назначении керамических сосудов, на которых представлены изображения и выявление их связи с различными представлениями, связанными с определенными семействами и видами птиц.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент И. В. Толпеко

Список литературы

Бобров В. В. Орнитоморфный образ в орнаментальной графике древних народов Западной Сибири / В. В. Бобров // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – №3 (55). – С. 5–12.

Гурина Н. Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен / Н. Н. Гурина // КСИА. – 1972. – Вып. 131. – С. 36–45.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и развитая бронза южнотаежной зоны Западной Сибири / Ю. Ф. Кирюшин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 295 с.

Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / отв. ред. А. Я. Труфанов // Екатеринбург; Сургут : Уральское изд-во, 2006. – 192 с.

Чаиркина Н. М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья / Н. М. Чаиркина // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург, 1998. – Вып. 23. – С. 81–104.

Чемякин Ю. П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность / Ю. П. Чемякин. – Сургут; Омск : Омский дом печати, 2008. – 224 с.

Images of birds on ceramic ware of the ancient population of Western Siberia

A. G. Malyarenko

Research is devoted to ornamental graphics – a special type of graphic creativity of the population of Western Siberia of the Neolithic era – bronze. Ornithomorphical images are considered. Possibilities of identification of images of the birds presented on ceramic vessels are analyzed on the basis of two stylistic groups.

Keywords: The Neolithic, the Eneolithic (chalcolit), bronze, Western Siberia, images of birds, ornamental graphics, style.

Маляренко Алена Григорьевна
студент 3-го курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
e-mail: itolpeko@yandex.ru

Malyarenko Al'ona Grigor'evna
student 3rd year, Omsk State University nemed after F. M. Dostoevsky
e-mail: itolpeko@yandex.ru

УДК 902.01

О семантике шествия животных в петроглифах Малого Баян-Кола

К. М. Монгуш
Тувинский государственный университет, Кызыл

Семантикк петроглифов местечка Малый Баян-Кол большинство исследователей обходили вниманием, отмечался только интерес к стилю и технике изображения. Проблема в том, что многие исследователи, посещавшие памятник, не видели единообразия плоскостей изображений в таштыкском стиле, которая может дать ключ для понимания семантического смысла шествия животных [Дэвлет, 1976, с. 40]. Вполне мифологическим можно считать плоскости с изображением медведя и лосей, а так же воина, которые имеют аналогии с тепсейскими планками [Грязнов, 1971, с. 100].

На памятнике Малый Баян-Кол фигуры в таштыкском стиле, исполнены в определенном порядке, в первой плоскости изображен бегущий медведь, во второй – нарисованы 2 фигуры горных козлов, лося и лосихи, воина верхом на лошади [Чадамба, 2009, с. 201–202].

М. П. Грязнов предполагал, что на планках были прорисованы сцены общественной охоты в духе бурятского зэгэтэ-аба или военно-тренировочных занятий хуннов [Грязнов, 1971, с. 104]. Если пойти в таком ключе семантического объяснения, то на памятнике Малый Баян-Кол, возможно, был изображен данный сюжет, но у народов Западного Саяна и Алтая в недавнем прошлом не было ничего известно об общественных охотах или военно-тренировочных занятиях. В прошлом у тувинцев практиковался загонный промысел лося. Промысел медведя в литературе отмечается только внутри берлоги или путем засад, называемый тувинцами специальным термином – «*даялаашкын*» [Даржа, 2008, с. 341]. Примечательно, что «даялаашкын» практиковался только у восточных тувинцев, в случае убийства медведя устраивался медвежий праздник – «*шогурер*» [Вайнштейн, 1991, с. 81].

Сцена, возможно, описывала миф о возникновении созвездий Малой, Большой Медведицы и Млечного пути, где лось играл роль созвездий, а воин гнался за ним. С другой стороны, в мифологии было много свидетельств о противопоставлении двух животных – медведя, как представителя нижнего мира, и лося – наместника неба [Мифы народов мира…, 1988, с. 70]. В данном смысле плоскости Малого Баян-Кола полностью соответствуют мифу, поскольку древний художник в точности изобразил противостояние животных на двух разных плоскостях.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент Е. В. Айыжы

Список литературы

Вайнштейн С. И. Мир кочевников Азии / С. И. Вайнштейн. – М. : Наука, 1991. – 296 с.

Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры. Из работ Красноярской экспедиции 1968 г. / М. П. Грязнов // АС ГЭ. – Л., 1971. – Вып. 13. – С. 94–106.

Даржа В. К. Традиционные мужские занятие тувинцев / В. К. Даржа. – Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 2008. – 592 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема / М. А. Дэвлет. – М. : Наука, 1976. – 120 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах) / Гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Советская Энциклопедия, 1988. – Т. 2. – 719 с.

Чадамба Л. Д. Современное состояние памятника наскального искусства Малый Баян-Кол (Республика Тыва) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. – 2009. – №3. – URL: http://www.tuva.asia/persons/340-chadambaa.html (дата обращения 28.01. 2015).

On the semantics of the procession of animals in the petroglyphs on the Maly Bayan-Kol

K. M. Mongush

The article is devoted to the study of the semantics of engravings of animal's tashtyk culture on a Maly Bayan-Kol, executed in the style of the procession. During semantic analysis of the plot marches identified two semantic components: military training sessions, which were held at the time of ethnographic modernity and the inclusion of specific mythological schemes peoples who lived in this territory at the turn of the Millennium.

Keywords: semantics, petroglyph, tashtyk culture, procession, Maly Bayan-Kol.

Монгуш Кежик Май-оолович
студент 2-го курса,
Тувинский государственный университет
e-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

Mongush Kezhik May-oolovich
student 2nd year, Tuvian State University
e-mail: kezhik.mongush.1994@yandex.ru

УДК 903.08

Средневековые украшения рук с зооморфными изображениями Пермского Предуралья *

К. В. Моряхина
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь
*Материал подготовлен в рамках государственного задания НИР Минобрнауки №33.1091.2014/К «Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья»

Издревне люди почитали животных и поклонялись им. В Пермском Предуралье в эпоху РЖВ и средневековья сложился так называемый Пермский звериный стиль (ПЗС). ПЗС – это своеобразное искусство мелкой пластики, отражающее черты мировоззрения, сознания и социального устройства населения Предуралья. Предметы ПЗС имеют культовое и утилитарное значение (предметы быта, детали костюма) [Белавин, 2009, с. 139]. В данной статье мы рассмотрим утилитарные предметы, а точнее – украшения рук с зооморфными изображениями.

В Пермском Предуралье на средневековых памятниках было найдено 7 экземпляров таких изделий: 3 браслета с изображением медведя и 4 перстня с изображением змеи.

Браслеты с зооморфными изображениями (рис. 1, *4-5*) были найдены на Агафоновском II могильнике (2 экз.) [Голдина, 1985, табл. IV/41–42], у д. Плес [Спицын, 1902, табл. XX/16]. Последний происходит из случайных сборов, что затрудняет определение его датировки. Предположительно его можно отнести к Плесинскому могильнику, который датируется VII–X вв. [Оборин, Вотинцева, 1961]. Браслеты с Агафоновского II могильника Р. Д. Голдина датировала XI в. [Голдина, Ютина, 2012, с. 261]. Памятники располагаются в Гаинском районе.

Браслет относится к типу узко пластинчатых и на его концах расположены головы медведей. Основная часть браслета представлена в виде трех валиков, боковые валики украшены насечками, или в виде дрота полукруглого в сечении, украшенного насечками.

Стоит отметить, что Р. Д. Голдиной эти украшения были описаны как браслеты «с концами в виде головы животного и насечками по боковым сторонам» [Голдина, 1985, с. 37], позднее названы как «браслет с концами в виде змеиных голов» [Голдина, Ютина, 2012, с. 261]. На наш взгляд, на данных изделиях переданы головы медведя, так как у изображенного животного имеются уши, а как мы знаем, у змей, живущих в лесах Урала, их нет. Уши хорошо заметны на двух браслетах, на третьем изображение животного стилизовано.

Общая форма данных браслетов характерна для Пермского Предуралья в X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 371].

Браслеты с зооморфными изображениями встречаются в средневековье на территории Урало-Поволжья: в мордовских древностях на Борковском могильнике было найдено два бронзовых браслета со стилизованным изображением и один серебряный, на котором хорошо читается образ животного [Атлас, 1941, табл. 23/4, с. 131]; в марийских древностях IX–XI в. на Веселовском (16 экз.) и Дубовском (1 экз.) могильниках. На браслетах из марийских могильников головы животных сильно стилизованы, выделяются они по двум выступам на концах, иногда с крестообразной насечкой. Один из браслетов изображает голову хищного животного с раскрытой пастью [Архипов, 1973, с. 34]. Широкие пластинчатые браслеты с медведем (в жертвенной позе) встре-

чаются на территории Зауралья и Приобья и появляются около X в. Декор основной части изделия представлен рубчатыми поясками, изображение медведя отделяется от остального орнамента с помощью дугообразных элементов [Федорова, 2003, с. 35–40]. Прямых аналогий не было найдено.

Браслеты с зооморфными изображениями несут дополнительную семантическую нагрузку. Например, у обских угров ношение медвежьего образа обеспечивало удачу охотника. «На Вахе считали, что медведь «посылает» охотнику остальных зверей» [Бауло, 2004, с. 82].

Перстни с зооморфными изображениями (рис. 1, *1-3*) происходят из случайных сборов у д. Златино, д. Модороб в Гаинском районе [Спицын, 1902, табл. XV/5], из раскопок могильника Телячий Брод [Белавин, 1986], Саламатовского I городища [Абдулова, 2012] в Чусовском районе.

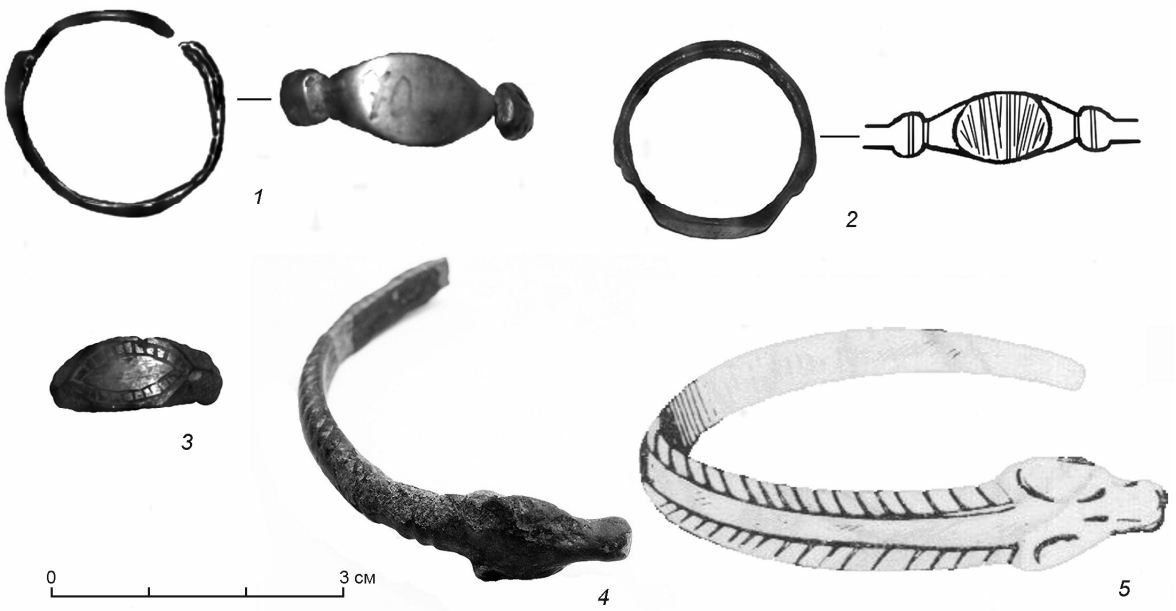


Рис. 1. Украшения рук с зооморфными изображениями с территории Пермского Предуралья
1 – д. Модороб, *2* – Саламатовское I городище, *3* – д. Златино, *4* – д. Плес, *5* – Агафоновский II могильник (по: [Голдина, 1985; 2012]).

А. В. Вострокнутовым были рассмотрены украшения из д. Модороб и датированы XI–XIII вв. [Вострокнутов, 2012, с. 15–24; Вострокнутов, 2013, с. 5–10]. И. А. Талицкой златинские находки были отнесены к X–XIV вв. [Талицкая, 1951, с. 181]. Саламатовское городище и могильник Телячий брод имеют широкую датировку – VIII–XIII вв. Но по сопутствующим материалам погребение (№ 12), где был найден перстень с зооморфным изображением, можно датировать XI в.

Перстни имеют щиток овальной формы, по бокам которого расположены змеиные головы. На двух изделиях щиток дополнительно украшен: на перстне с Саламатовского городища по центру щитка сделаны насечка в виде веера, на перстне из д. Златина по краю щитка нанесен бордюр. На последнем змеиные головы стилизованы.

Ранее исследователи определяли эти украшения как перстни с овальным щитком без орнамента или как с овальным щитком и выступами по бокам [Голдина, 1985, с. 36; Абдулова, 2012].

Перстни с зооморфными изображениями также имели сакральный смысл. А. В. Бауло отмечает, что у хантов ряд существ подземного мира относились к священным животным (змеи, ящерицы, ящеры, черви). «Их боялись, старались не брать в руки, тем более не убивать. Поскольку она свободно проникали в землю в мир мертвых, то могли принести в дом несчастье. Уберечь жилище старались с помощью оберегов, с изображением данных «чудовищ»» [Бауло, 2004, с. 84]. Таким образом, человек, надевший перстень с изображением змеи, мог огородить свое тело от проникновения злых духов.

Само изображение змеи имеет двойственное начало и связано с верхним и нижним миром, со злом и добром. Змея в финно-угорской мифологии выступает в роли посредника между высшими силами и недрами земли. Символу приписывают такие свойства, как мудрость, бессмертие, целительную силу [Коренюк, 2014, с. 290–291].

Интересна территория распространения украшений рук с зооморфными изображениями. Они четко локализуются в двух отдаленных друг от друга районах – Чусовском и Гаинском (примерно расстояние между ними 285 км). Чем это обусловлено, трудно сказать.

Таким образом, украшения рук с зооморфными изображениями в Пермском Предуралье бытовали в X–XI вв. и относятся к пермскому звериному стилю.

Научный руководитель – канд. ист. наук
Ю. А. Подосенова

Список литературы

Абдулова С. И. Отчет о раскопках Саламатовского I городища в 2012 г. // Хранится в МАЭ ПГГПУ.

Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа / Г. А. Архипов. – Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1973. – 197 с.

Атлас древностей мордовского народа / отв. ред. Ю. В. Готье, А. И. Яковлев. – Саранск : Изд-е Мордовского НИИ, 1941. – 137 с.

Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров / А. В. Бауло. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 157 с.

Белавин А. М. Отчет о полевых исследованиях в Чусовском районе в Пермской области в 1986 г. // Хранится в ИА РАН.

Белавин А. М. Звериный стиль в культуре средневекового населения Урала как этнический маркер / А. М. Белавин // Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа. – Пермь : ПГПУ, 2009. – С. 139–149.

Белавин А. М. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова. – Пермь : ПГПУ, 2008. – 608 с.

Вострокнутов А. В. Зооморфные пронизки Верхнего Прикамья первой половины II тыс. н. э. / А. В. Вострокнутов // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 34. – С. 15–24.

Вострокнутов А. В. Биякорьковые шумящие подвески родановской археологической культуры / А. В. Вострокнутов // Вестник ЧелГУ. – 2013. – № 36. – С. 5–10.

Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р. Д. Голдина. – Иркутск : ИГУ, 1985. – 280 с.

Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) / Р. Д. Голдина, Т. К. Ютина // Древности Прикамья эпохи железа (I тыс. – первая половина II тыс. н.э.): хронологическая атрибуция. – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 481 с.

Коренюк М. С. Изображения пресмыкающихся в материалах Гляденовского костища / М. С. Коренюк // Современные проблемы древних и традиционных культур Евразии. – Красноярск : СФУ, 2014. – С. 289–292.

Оборин В. А. Отчет о работе археологической экспедиции Пермского государственного университета и коми-пермяцкого окружного музея в июле 1961 г./ В. А. Оборин, Р. Д. Вотинцева // Хранится в ИА РАН.

Спицын А. А. Древности камской Чуди по коллекции Теплоуховых / А. А. Спицын // МАР. – 1902. – № 26. – 70 с.

Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна реки Камы / И. А. Талицкая // МИА. – 1952. – Вып. 27. –227 с.

Федорова Н. В. Рогатый медведь / Н. В. Федорова // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург : Аква-Пресс, 2003. – С. 35–40.

Medieval jewelry of hands Perm Cis-Urals with images of animals

K. V. Moriakhina

This article introduced into scientific circulation medieval jewelry of hands with images of animals with the Perm Cis-Urals. The author describes the things, gives the date and the semantic value.

Keywords: jewelry of hand, images of animals, the Middle Ages, the Perm Cis-Urals.

Моряхина Кристина Викторовна
магистрант 2-го года обучения, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
e-mail: kmoryaxina@mail.ru

Moriakhina Kristina Victorovna
graduate student 2nd year, Perm State Humanitarian Pedagogical University
e-mail: kmoryaxina@mail.ru

УДК 7.031.1 (575.51)

Исследование петроглифов в окрестностях с. Соленоозерное сотрудником Красноярского краеведческого музея Н. В. Нащекиным

О. М. Сазонова

ООО Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания», Красноярск

Выпускник Томского государственного университета Николай Владимирович Нащекин с 1963 по 1972 гг. работал археологом в Красноярском краевом краеведческом музее. Им были организованы широкомасштабные археологические работы: многочисленные экспедиции и разведки, сборы подъемного материала, проведены раскопки археологических памятников в окрестностях г. Красноярска, на территории Хакасии и юга Красноярского края. В ходе экспедиций им были исследованы стоянки и поселения, могилы андроновской, карасукской и тагарской культуры, открыты и зафиксированы курганы, относящиеся к эпохе бронзы, раннего железного века, часть которых была раскопана [Макаров, 1989, с. 161].

Мало кому известно, что кроме изучения памятников материальной культуры, Нащекин занимался исследованием и фиксацией петроглифов, совмещая их с археологическими работами на объектах материальной культуры. Так, в пе-

риод раскопок курганов, расположенных в районе с. Соленоозерное в Ширинском районе Республики Хакасия, им были описаны и скопированы каменные изваяния, наскальные рисунки писаницы Тус.

Исследователь описывает все зафиксированные петроглифы, отмечает места их расположения. Часть рисунков была скопирована. При копировании изображений использует как контактное (выполняет протирки изображений посредством использования бумаги), так и бесконтактное копирование (зарисовывает, делает фотографии).

При работе на могильнике Соленоозерная при зачистке могилы № 28 было обнаружено и зарисовано каменное изваяние с выбитой на нем трехглазой личиной и изображением быка [Нащекин, 1965]. Впоследствии оно было перевезено в Красноярский краеведческий музей [Отчет о работе…, 1967, л. 13].

При последующих работах на могильнике Соленоозерная I было найдено еще одно каменное изваяние с изображением двуглазой личины, описывая которое Нащекин указывает на то, что аналогию данного изваяния можно найти, знакомясь с работами А. Н. Липского [Нащекин, 1969, л. 26].

В период полевых сезонов 1968–1969 гг. Н. В. Нащекиным были исследованы наскальные изображения Соленоозерской писаницы. На памятник он выехал, получив сообщения от студентов КСХИ, которые передали в Красноярский краеведческий музей информацию об обнаруженных ими в июле 1968 г. рисунках на скале в районе оз. Тус. Для проверки полученного сообщения была организована экспедиция совместно с сотрудником Абаканского краеведческого музея А. Н. Липским. [Нащекин, 1969, л. 23].

В полевой сезон 1968 г. ими было обнаружено 7 камней с рисунками, расположенных на третьем верхнем ярусе писаницы. В сезон 1969 г. найдено еще два камня, располагающиеся также на 3–м ярусе. Таким образом, за два полевых сезона на писанице было выявлено 9 камней с изображениями. Нумерация камней была проведена с юга на север. При осмотре скалы было отмечено, что петроглифы встречаются в основном на гладких вертикальных плоскостях. Сама писаница расположена над юго-западной оконечностью озера в окрестностях с. Соленоозерное Ширинского района Республики Хакасия. Все обнаруженные камни с рисунками были описаны. Нащекин приводит соображения относительно техники нанесения изображений (выбивка, резьба, гравировка), интересуется глубиной и шириной линий выполненных рисунков [Нащекин, 1969, л. 24], отмечает следы палимпсеста, приводит аналогии с другими петроглифами Среднеенисейского региона [Нащекин, 1969, л. 26], затрагивает вопросы датировки и этнографической принадлежности наскальных рисунков, выполняет копирование и фотографирование изображений.

Осматривая скалу, исследователь отмечает интенсивное разрушение скальной поверхности, которая осыпалась даже при попытках эстампирования изображений [Нащекин, 1969 л. 24]. В связи с неудовлетворительным состоянием скалы было принято решение о перевозке отслаивающихся плоскостей с рисунками в Красноярский краеведческий музей, в фондах которого они хранятся в настоящее время.

В 2012 г. Н. В. Нащекин вновь посетил и осмотрел наскальные изображения Соленоозерской писаницы, сделав вывод, что за прошедший период наскальные рисунки памятника подверглись еще более сильному разрушению. Летом 2013 г. на писаницу была организована экспедиция КГПУ им. В. П. Астафьева под руководством А. Л. Заики. На памятнике были проведены работы по топо- и фотосъемке плоскостей, копирование наскальных рисунков [Ануфриева, Пахомова, Дорохина, 2014, с. 274]

К сожалению, в ходе работ было подтверждено интенсивное разрушение писаницы. Поэтому, знакомясь с исследованиями Н. В. Нащекина, мы можем получить более точные данные о наскальных рисунках памятника, ознакомиться как полностью, так и частично, с утраченными изображениями, проследить период разрушения скальных плоскостей, а также определить примерное время возникновения вандальских посетительских надписей на скале.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. Л. Заика

Список литературы

Ануфриева Е. И. Результаты исследований петроглифов на озере Тус / Е. И. Ануфриева, Т. А. Пахомова, А. А. Дорохина // Современные проблемы древних и традиционных культур народов Евразии. – Красноярск : СФУ, 2014 – С. 274–276.

Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций / Н. П. Макаров // Век подвижничества. – Краснояр. кн. изд-во, 1989. – С. 131–189.

Нащекин Н. В. Полевой дневник. / Н. В. Нащекин. – Архив ККМ, 1965, № п/п 704, оп. № 5, д. 99. – 45 л.

Нащекин Н. В. Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1969 г. / Н. В. Нащекин. – Архив ККМ, № 2102, оп. 5, д. 150. – 47 л.

Отчет о работе Красноярского краевого музея за 1967 г. // Архив ККМ, оп. 1, д. 21. – 50 л.

Research of the petroglyphs near the Soleozernaya village by the co-workers of Krasnoyarsk local museum

O. M. Sazonova

This article is devoted to studying of the petroglyphs near the Solenoozernaya village by the archaeologist N. V. Nashekin. This article says about the work of the investigator with stone sculptures and the petroglyphs, provides information about the methods of copying of the petroglyphs applied by the researcher.

Keywords: Rock art, petroglyphs.

Сазонова Ольга Михайловна
научный сотрудник, ООО Научно-производственное объединение «Археологическое проектирование и изыскания»
e-mail: Sazon8510@mail.ru

Sazonova Olga Mikhailovna
researcher, Scientific-production association "Archaelogical planning and research"
e-mail: Sazon8510@mail.ru

УДК 7.031:902.6(571.51)

К проблеме атрибуции петроглифов тесинского времени (по изобразительным материалам Минусинской котловины)

М. А. Талягина
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Долгое время исследователи интуитивно выделяли особый пласт рисунков, которые как бы уже представлялись не совсем «скифскими», но и еще не полностью «таштыкскими». Про них говорили, что они (или какая-то их часть) представляют «вырождение» скифо-сибирского стиля [Шер, 1980, с. 252] или переходное тагаро-таштыкское время [Кызласов, 1960; Дэвлет, 1976; Панкова, 2005; Миклашевич, 2004; и др.] и т. д. Постепенно эта серия изображений начала вовлекаться в научный оборот, но четкой характеристики стилистических признаков тесинских рисунков выработано не было.

Ситуация коренным образом изменилась после того, как Д. Г. Савиновым были обнаружены рисунки в надежно датированном закрытом комплексе – в могильнике тесинского времени Есино III на юге Хакасии, где на каменных плитках были зафиксированы своеобразные изображения [Савинов, 1995]. После этой находки стало понятно, что для тесинской эпохи характерны не только изображения животных и людей, выполненных в особом стиле, но и иные, очень специфические рисунки, представленные разнообразными фигурами в виде завитков, лабиринтов и тому подобных фигур. Выявленный стиль был назван его первооткрывателем идеограмматическим. Вообще изображения геометрического характера, аналогичные или весьма близкие рисункам на тесинских каменных плитках и стелах, часто встречаются на различного рода предметах материальной культуры хунну [Савинов, 2009, с. 89, 101]. Обнаружены рисунки, выполненные в идеограмматическом стиле, и на памятниках наскального искусства Минусинской котловины: Тепсее, Абакано-Перевозе, Куне и многих других памятниках (рис. 1).

Другая серия изображений представлена как зооморфными, так и антропоморфными персонажами. При определенной схожести они все же разные и условно их можно разделить по меньшей мере на две группы. К первой относятся изображения, выполненные как бы в искаженном скифо-сибирском стиле. Они уже не столь изящны, их пропорции разрушены – могут быть удлинены или укорочены ноги (Куня, Тепсей и др.), рога приобретают фантастические формы (Бычиха), нередко корпус животных удлиняется или бывает обильно заполнен завитками и спиралями (Тепсей, Бычиха) (по Я. А. Шеру– это «вырождение» скифо-сибирского звериного стиля [Шер, 1980, с. 252]). Такие рисунки можно встретить на Тепсее, Суханихе, Бычихе, Усть-Тубе, Анашской писанице, Абакано-Перевозе и др. [Советова, 2005, с. 112, табл. 6] (рис. 2). Можно провести параллель с тагарской мелкой пластикой, когда в конце эпохи вместо привычных оленных бляшек мы видим предметы, лишь отдаленно напоминающие классические образцы [Завитухина, 1983, с. 50–62].

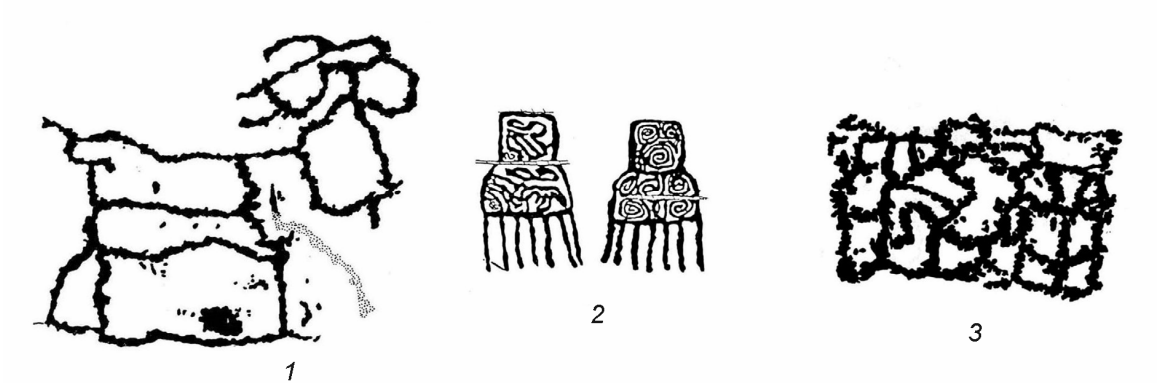


Рис. 1. Идеограмматический стиль в Минусинской котловине: 1 – Тепсей [по: Francfor, Sacchi, 1993]; 2 – Абакано-Перевоз [по: Русакова, 1997]; 3 – Куня [по: Советова, 2005]

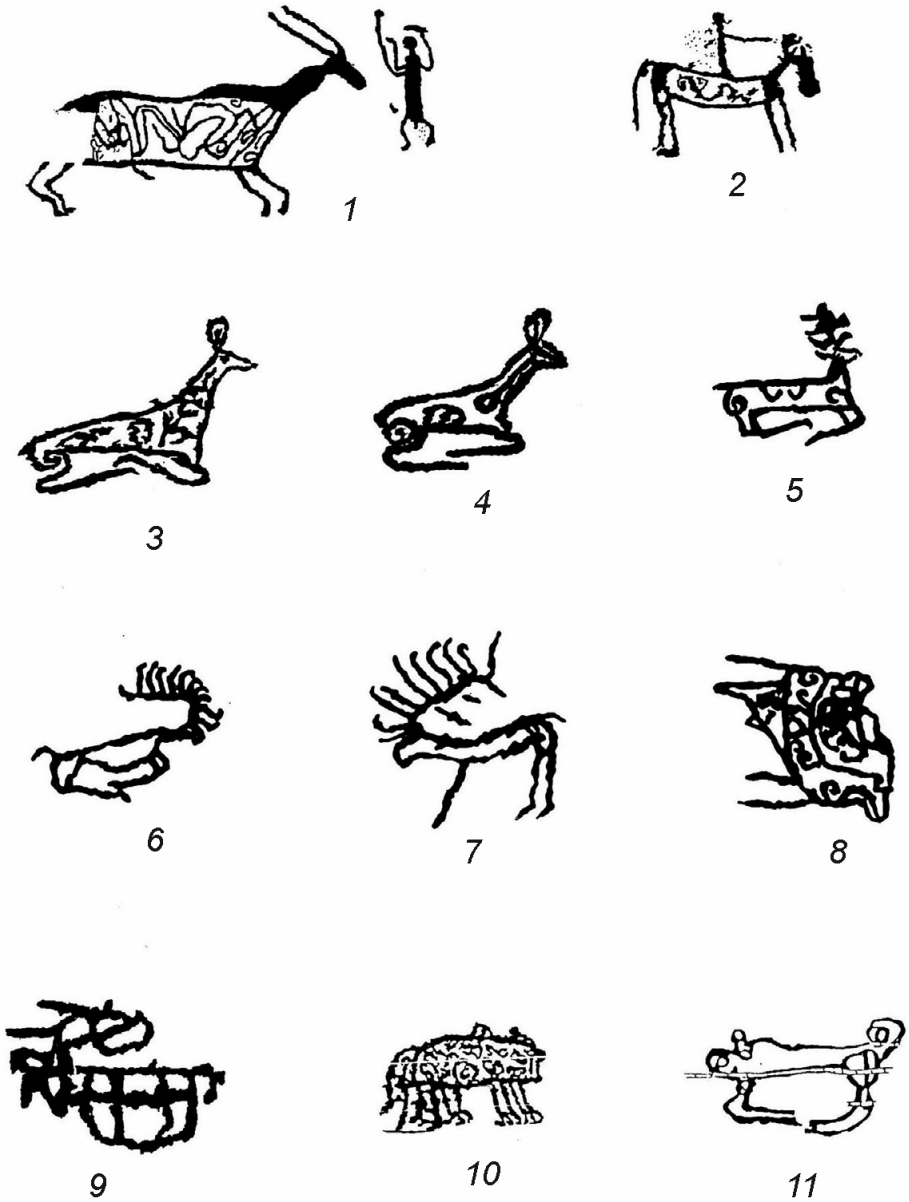


Рис. 2. «Вырождение» скифо-сибирского стиля: 1 – Тепсей [по: Советова, 2005]; 2 – Тепсей II [по: Шер, 1980]; 3, 4 – Суханиха [по: Советова, 2005]; 5–8 – Бычиха [по: Советова, 2005]; 9 – Усть-Туба [по: Шер, 1980]; 10 – Анашская писаница [по: Заика, 1997]; 11 – Абакано-Перевоз [по: Русакова, 1997]

Вторая группа изображений представлена набором признаков, сочетающих «старое» и «новое». С одной стороны, в них как бы намечен новый таштыкский стиль – некоторые животные показаны уже не в привычной позе «внезапной остановки», а демонстрируют иную манеру движения – например, лошади показаны с четырьмя ногами, из передних ног одна выброшена вперед, другая согнута в колене. С другой стороны, остаются еще многие признаки тагарской эпохи: «двуногие» кони с прямыми ногами, с отставленным хвостом и проработанным поводом; изображения батальных сцен и человечков в островерхих головных уборах, которые в равной степени характерны для тагарских и тагаро-таштыкских писаниц и т. д. Изображения этой группы выделяются исследователями по изобразительным материалам с гор Полосатой, Кавказской и Кунинской. Эти памятники относят к концу тагарской эпохи или тесинскому времени по таким признакам, как силуэтный характер изображений, отсутствие специфических таштыкских султанов на головах лошадей, специфическим прическам или же раскидистым головным уборам у антропоморфных персонажей (при наличии и некоторых таштыкских признаков). Важными для атрибуции петроглифов тесинского времени могут стать и сюжетные аналогии. Например, сюжет с взявшимися за руки человечками в остроугольных шапках (такие же сцены есть на Куне и Кавказской писанице, горе Полосатой).

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор О. С. Советова

Список литературы

Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница / М. А. Дэвлет. – М., 1976. – 36 с.

Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции / М. П. Завитухина. – Л., 1983. – С. 50–62.

Заика А. Л. Новые петроглифы Енисея / А. Л. Заика // Наскальное искусство Азии.– Кемерово, 1997. – Вып. 2. – С. 97–101.

Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.) / Л. Р. Кызласов. – М., 1960. – 198 с.

Миклашевич Е. А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) / Е. А. Миклашевич // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб.. 2004. – С. 320–325.

Панкова С. В. Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края / С. В. Панкова // Археологические экспедиции за 2004 г. – СПб., 2005. – С. 74–84.

Русакова И. Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевоз в Хакасии) / И. Д. Русакова // Наскальное искусство Азии. – Кемерово, 1997. – Вып. 2. – С. 101 – 112.

Савинов Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) / Д. Г. Савинов // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С. 22–32.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.) / Д. Г. Савинов. – СПб., 2009. – 226 с.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы) / О. С. Советова. – Новосибирск, 2005. – 140 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. – М., 1980. – 380 с.

Francfor H.-P. Archeologieet histoire de l`art: Questions de chronologie, de style etd`interpretation / *H.-P. Francfor, D. Sacchi* // Arts Asiatiques. Annaies du muse`e national des Art asiatiques. – Guimet et du muse`e Cernuschi. – T. XLVIII. – Extrait. – 1993. – p. 29–34.

On the problem of attribution of petroglyphs of the tesin time (by visual materials Minusinsk basin)

M. A. Talyagina

Initially, the scientists pointed out a special layer of images without specific characteristic features. They gradually started to get involved into a scientific turnaround. Tesin's images can be divided into series and groups.

Keywords: petroglyphs of the tesin time, Minusinsk basin.

Талягина Мария Александровна
студент 4-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: talyagina.maria@yandex.ru

Talyagina Maria Alexandrovna
student 4th year, Kemerovo State University
e-mail: talyagina.maria@yandex.ru

УДК 903.27

Использование красящих веществ древним человеком

Д. А. Широких
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт–филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил

Использование красящих веществ древним человеком начинается с нижнего палеолита. Первой находкой, на которой зафиксировано красящее вещество, стала фигурка Тан-Тан из Марокко, на поверхности которой имелись следы охры [Беднарик, 2004, с. 34]. Из многочисленного числа археологического материала видно, что самым популярным красящим веществом была охра. Охра – это природный минерал, который состоит из входящих в группу бурых железняков гётита, лимонита и гематита, и имеет химическую формулу Fe_2O_3.

Способ получения охры неоднократно описан. Для начала необходимо найти сырье в виде бурого железняка. Далее, бурый железняк нужно обжечь в костре. После этого изменившие цвет куски железняка пестом растираются до порошковидного состояния. Полученный порошок разбавляется небольшим количеством воды, затем к нему добавляется животный жир. В целом, на изготовление охры уходило 6–10 часов [Праслов, 1997, с. 40]. В охру могли добавлять различные минеральные включения, для усиления ее оттенка. На памятнике Гонур Депе (Туркменистан) был найден сосуд, внутри которого находился красно-коричневый порошок. Проведенный анализ показал, что в состав порошка входили обломки различных кристаллов кварца [Юминов, Романенко, 2014, с. 39]. Предполагается, что охру могли получать и другим путем. Для ее изготовления подходят около 60 видов растений, встречающихся в пределах Евразии. Но, поскольку краски из органики быстро разрушаются, то установить практическое применение охры из органики пока не удается. Поэтому это только теоретическое предположение [Рогачев, Аникович, 1984, с. 226].

Использование охры было очень разнообразным: ею посыпали отдельные участки поселений, дно жилищ, ямок, западин; она применялась в погребальной обрядности; охрой окрашивали различные предметы. Например, на мезолитическом поселении Геологическое III (Сибирь) под полом жилища находились котлованы, которые были посыпаны охрой [Мосин, 2010, с. 200]. В жилищах на энеолитическом памятнике Чойновты II (Республика Коми) охрой были заполнены полы, углы и очаги жилищ [Ашихмина, 2002, с. 42]. Вероятно, посыпка охрой разных частей жилищ усиливала охранную функцию жилища. Интересной находкой представляется скипетр, окрашенный охрой. Он был найден в погребении Улан-Толга (Калмыкия). Скипетр был сделан из серпентинита. Обух был окрашен красной краской [Кореневский, 2009, с. 32].

Другим используемым красителем была черная краска. Существуют несколько способов изготовления черной краски. Черную краску могли получать из древесных углей и двуокиси марганца, которые в смеси с жиром позволяют использовать ее для нанесения на поверхность [Рогачев, Аникович, 1984, с. 231]. Другой способ изготовления черной краски был получен автором в результате проведенного эксперимента. Для этого в окрестностях Каповой пещеры был взят бурый железняк с содержанием гётита. Далее гётит обжигался и растирался до порошковидного состояния. В итоге получился краситель черного цвета. Интересно отметить, что полученная красная и черная краски вполне результативно использовались для окрашивания предметов без добавления животного жира и пр. [Широких, 2014, с. 155]. Черный краситель также использовался в различных сферах деятельности первобытного человека. На энеолитической стоянке Шувакиш I (Свердловская область) было найдено весло со следами рисунка на лопасти. Узор, похожий на бабочку, был сделан черной краской [Чаиркина, 2005, с. 215]. Черной краской могли окрашивать и музыкальные предметы. Одним из таких примеров может служить колотушка из ребра мамонта на Гмелинской стоянки в Костенках. Оно было окрашено красным и черным цветом [Рогачев, Аникович, 1984, с. 281]. Черной краской могли делать и татуировки. В могильнике у с. Приморского (Ростовская область) был найден скелет мужчины. На пястных и запястных костях кисти левой руки сохранились остатки татуировки в виде полос и точек черного цвета [Шишлина, Белькевич, Усачук, 2012, с. 66].

Возможно, красящим веществом является белый мергель. Таким красителем могла быть белая глина, отложения которой в виде рыхлой порошкообразной массы находят на дне водоемов. Автору известен один случай использования белого мергеля. Вблизи озера Лача (Архангельская область) было найдено погребения эпохи мезолита. В погребение находились остатки костей человека. Дно ямы было посыпано белым мергелем. Череп и кости также были покрыты густым слоем мергеля [Ошибкина, 2006, с. 70].

Таким образом, можно отметить, что древний человек использовал различные виды красящих веществ. Их использование началось со

времени нижнего палеолита. Самым популярным красителем была охра, что зафиксировано в археологическом материале. Затем идет черный краситель, которого встречается уже значительно меньше. Что касается белого мергеля, то его использование в качестве красителя носит единичный характер.

Не вызывает сомнений, что использование различных красящих веществ свидетельствует о разнообразии ритуально-обрядовой деятельности древнего человека, которую еще предстоит осмыслить.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор Ю. Б. Сериков

Список литературы

Ашихмина Л. И. Охра в строительной обрядности древнего населения Европейского Северо-Востока / Л. И. Ашихмина // Новые идеи и концепции в минералогии. – Сыктывкар : Ин-т геологии Коми НЦ УрО РАН, 2002. – С. 42–44.

Беднарик Р. Интерпретация данных о происхождении искусства / Р. Беднарик // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. – № 4. – С. 31–43.

Кореневский С. Н. Особенности погребальной практики протоямного культурного типа в сравнении с погребальными традициями положения вещей майкопско – новосвободненской общности / С. Н. Кореневский // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург : Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2009. – С. 27–48.

Мосин В. С. Древние охотники Урала / В. С. Мосин. – Челябинск : Рифей, 2010. – 512 с.

Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье / С. В. Ошибкина. – М. : ИА РАН, 2006. – 324 с.

Праслов Н. Д. Краски в палеолитическом искусстве / Н. Д. Праслов // Пещерный палеолит Урала. – Уфа : ПРИНТ, 1997. – С. 81–84.

Рогачев А. Н. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма / А. Н. Рогачев, М. В. Аникович // Археология СССР. Палеолит СССР. – М. : Наука, 1984. – С. 162–271.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья / Н. М. Чаиркина. – Екатеринбург : УрО РАН, 2005. – 312 с.

Широких Д. А. Некоторые аспекты получения и использования охры в древности (по материалам эксперимента в Каповой пещере) / Д. А. Широких // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2014. – С. 153–156.

Шишлина Н. И. Татуировки эпохи бронзы: симпатическая магия или украшения? / Н. И. Шишлина, Е. В. Белькевич, А. Н. Усачук // Образы времени: Из истории древнего искусства. – Труды ГИМ. – М., 2012. – Вып. 189. – С. 64–73.

Юминов А. М. Красно-коричневая краска Гонур Депе (Туркменистан) / А. М. Юминов, М. Е. Романенко // Геоархеология и археологическая минералогия. – Миасс : Институт минералогии УрО РАН, 2014. – С. 38–41.

The using of coloring substances by ancient man

D. A. Shirokhix

The article presents data on the using coloring substances by ancient man. Start of using colorants is identified in the Lower Paleolithic. The technique of obtaining coloring substances is analyzed in the article. The most widely used dye is ocher and black coloring substances. Single use dye called white marl. The using of different dyes by ancient man could talk about the diversity held rituals.

Keywords: ocher, black coloring substances, white marl, technique preparation.

Широких Даниил Андреевич
студент 3-го курса, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт – филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета
e-mail: dnil@bk.ru

Shirokhix Daniel Andreyevich
student 3rd year, Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute – branch of Russian State Vocational Pedagogical University
e-mail: dnil@bk.ru

УДК 902/904

Антропоморфные изображения на плитах оград тагарских курганов и могильных плитах (археологический комплекс Тепсей)

О. О. Шишкина
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Считается, что в композициях на курганных плитах численно преобладают антропоморфные изображения, а в петроглифах на скалах – зооморфные, что является косвенным указанием на различия в их содержании [Савинов, 2013, с. 112]. Тепсейским отрядом КемГУ были исследованы петроглифы на плитах оград тагарских курганов и могильных плитах под г. Тепсей, раскопки которых проводились в 1960–1970-е гг. [Комплекс археологических памятников..., 1979]. Всего здесь обнаружено более 50-ти камней с рисунками, а также в 5 км от этого места в Малиновом логу. Ранее некоторые исследователи уже работали на данных объектах [Савинов, 1976; Николаева, 1983; Миклашевич, 2013], но опубликованы лишь единичные изображения.

Анализ материалов подтвердил, что наиболее многочисленны именно антропоморфные персонажи (24 камня), представленные как одиночно, так и в композициях с животными, тамгами, загадочными «лабиринтами» и пр. Они датируются в пределах тагарской культуры (включая тесинский этап) – именно в этот период времени были наиболее популярны т.н. «тагарские человечки». Особый интерес среди прочих вызывают: перевернутые фигуры; персонажи в особых головных уборах (с т.н. «султанами» и «перьевыми» уборами) и в особых позах (фертообразные, с растопыренными пальцами, с присогнутыми ногами).

Перевернутые фигуры (7 случаев). По мнению Д. Г. Савинова, перевернутое изображение является символом отрицания, смерти [Савинов, 1976, с. 63]. Не исключаем, что так могли изображать самого погребенного, на ограде могилы которого наносили рисунок. Аналогичные изображения известны повсеместно [Изображения на плитах…, 2003, рис. 61; Савинов, 2012, табл. I.XX; и др.].

Фигуры в особых головных уборах. Нам известен пока единичный случай изображения человечка в *«перьевом»* головном уборе на грани камня из пункта Тепсей VIII. – у выбитой фигуры всадника, рядом с которым изображены другие персонажи (аналогии – Хызыл-Хая, Куня, Полосатая и др.). Д. Г. Савинов обнаружил композицию с всадником в «перьевом» уборе на одной из плит могильника Есино X и предположил, что это «небесный всадник» «Ульгень» – проводник между миром живых и мертвых [Савинов, 2013, с. 113]. Не исключено, что такой убор носили «особые» знатные воины (отсюда и редкость их изображения). *«Султаны»* на головах тагарских человечков встречаются на многих памятниках Минусинской котловины и являются одним из маркеров тагарской эпохи, считаются опознавательным знаком мужчины-воина и свидетельствуют о его необычном статусе [Советова, 2005а, с. 80]. «Султан» мог являться и своеобразной прической, например, косой (в одном из тесинских склепов Тепсей XVI были захоронены мумии с косами [Вадецкая, 2009, рис. 85]).

Изображения *в своеобразных позах.* Например, у самого крупного из персонажей, изображенных на разделительном камне склепа Тепсей XVI, показаны длинные растопыренные пальцы рук, округлая голова и повернутые вправо ступни (рис. 1). Рядом с ним изображены две более мелкие фигуры, одна с неопределенным предметом в руке. Персонаж с растопыренными пальцами рук обнаружен также на одном из камней в Малиновом логу. Подобные фигуры довольно часто встречаются как на скалах, так и на курганных камнях (Барсучий лог, Большой Салбыкский курган, Есино III и др.), что предполагает важную семантическую нагрузку.

Рис. 1. Антропоморфная фигура с растопыренными пальцами рук, Тепсей XVI

Д. Г. Савинов предположил, что в сцене на плите Салбыкского кургана, где имеется подобный персонаж, отражен обряд так называемого «перехода» в иной мир, и не исключил, что подобным образом изображались сами умершие [Савинов, 2013, с. 115]. Подобная фигура с выраженными пальцами на одной руке и со своеобразно присогнутыми в коленях ногами обнаружена на одной из плит Тепсея XVI. Возможно, именно так художник хотел изобразить человека умершего, причем запечатлел его в позе, характерной и для мумий из этого склепа – сидячим [Кузьмин, 2011, с. 131]. Довольно распространены фигуры *в фертообразной и полуфертообразной позах* (6 случаев). Подобные фигуры часто встречаются среди петроглифов Минусинской котловины (Тепсей, Оглахты, Туран и т. д.). Рассматриваемые фигуры все пешие, некоторые из них в одной руке держат предметы (палка? оружие?), другую руку располагают на талии. Не исключено, что такая поза маркирует т.н. «героя» [Советова, 2005б, с. 239].

Таким образом, нанесение петроглифов на курганные камни имеет глубокий семантический смысл, связанный с погребальным обрядом, отсюда и наиболее частый мотив – изображение человека (иногда уже мертвого) как основного субъекта данного обряда. Может быть, так изображали самих погребенных или же божеств загробного мира, «шаманов», проводящих обряд погребения и т. д. Изучение антропоморфных изображений на курганных камнях может открыть исследователям много новой информации о мировоззрении людей, которым принадлежало это кладбище на протяжении многих веков, об особенностях их мифологии и ритуальной практике.

Научный руководитель – д-р. ист. наук, проф. О.С. Советова

Список литературы

Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Красноярск : Версо, 2009. – 248 с.

Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края) / В. А. Семенов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, А. В. Субботин. – СПб. : ЭликСис, 2003. – 122 с.

Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / М. П. Грязнов, М. П. Комарова, М. П. Завитухина, Ю. С. Пшеницына, С. С. Худяков, М. Н. Меняев. – Новосибирск : Наука, 1979. – 167 с.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунносяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура / Н. Ю. Кузьмин – СПб. : Айсинг, 2011. – 465 с.

Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 годах / Е. А. Миклашевич // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2013. – С. 255–259.

Николаева Т. В. Изображения на плитах оград тагарской культуры (методика и хронология) : автореф. дис. … канд. ист. наук / Т. В. Николаева – Кемерово, 1983. – 20 с.

Савинов Д. Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) / Д. Г. Савинов // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Известия кафедры археологии. – Кемерово, 1976. – Вып. 8. – С. 57–73.

Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989) / Д. Г. Савинов. – СПб. : ЭликСис, 2012. – 180 с.

Савинов Д. Г. «Обряды перехода» на курганных плитах Среднего Енисея / Д. Г. Савинов // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Абакан, 2013. – Вып. 1. – С. 112–120.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы) / О. С. Советова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005а. – 140 с.

Советова О. С. «Язык жестов» в наскальном искусстве / О. С. Советова // Мир наскального искусства. – М., 2005б. – С. 237–242.

Anthropomorphous images on the plates of Tagar kurgans (Tepsey Archaeological Complex)

O. O. Shishkina

The paper analyzes the petroglyphs on the rocks of Tagar mounds (kurgans) under the mountain Tepsey on the Yenisei which represent a separate group of pictorial sources on the history of Southern Siberia. Anthropomorphous images are painted very often. These images are varied. We meet inverses anthropomorphous images, anthropomorphous in original positions and head-dresses. These petroglyphs belong to the Tagar culture. Analysis of these images discovers the new sides of world outlook of their creators and gives the whole picture about the particular time.

Keywords: Tepsey archaeological complex, petroglyphs on rocks mounds (kurgans), anthropomorphous images.

Шишкина Ольга Олеговна
студент 3-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: haruki.yoko@yandex.ru

Shishkina Olga Olegovna
student 3rd year, Kemerovo state University
e-mail: haruki.yoko@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, ВОПРОСЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК 902.2

Археология Бурятии: новые материалы по результатам историко-культурных экспертиз (предварительные данные)

Б. А. Базаров
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

На территории Республики Бурятия помимо полевых научных археологических (стационарных и разведочных) работ, проводимых силами научных институтов и НПЦ охраны памятников, также постоянно организуются историко-культурные экспертизы земельных участков, иначе говоря, археологические разведки на территориях земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. Результатом некоторых из этих работ становится выявление новых объектов археологического наследия. В большинстве своем выявленные памятники археологии бывают представлены хорошо различимыми на современной поверхности надмогильными конструкциями бронзового века – это плиточные могилы и курганы-керексуры. Гораздо реже выявляют поселенческие комплексы. И иногда случается такое, что в силу малой экспонированности культурного материала на современную дневную поверхность и без проведения обязательных шурфовочных работ стоянка древнего человека оказывается под угрозой уничтожения, поскольку проведенная экспертиза оказывается формальной, настолько, что лежащие на поверхности земли археологические материалы не были замечены специалистами. С такой ситуацией пришлось столкнуться автору в случае с выявленным объектом археологического наследия «Верхний Саянтуй. Сивер Голубичный» (Тарбагатайский район РБ). Если бы нами не был произведен предварительный осмотр земельного участка и не были бы поданы своевременно в Министерство культуры РБ сведения о выявленном объекте археологического наследия, то результаты положительной экспертизы, выданные частной фирмой, были бы приняты государственным органом, и тогда часть памятника археологии была бы безвозвратно утрачена. Аналогичный пример касается выявленного объекта археологического наследия «Закту́й. Стоянка Туяна» в Тункинском районе РБ. Если бы не исследования иркутских археологов на 78 км планируемой к реконструкции автомобильной дороги Култук – Монды, то памятник наверняка был бы уже уничтожен [Новые археологические объекты…, 2014, с. 22].

Еще одна проблема, которая постоянно озвучивается, касается ввода в научный оборот археологических материалов, полученных в результате хоздоговорных работ. Многие материалы не всегда подвергаются окончательному анализу и, следовательно, не находят своего отражения в научных публикациях.

Данная работа посвящена материалам поселенческих и погребальных комплексов, выявленных в 2014 г. в результате археологических разведок, и призвана восполнить пробел в освещении археологических событий в республике.

1. Баргузинский район РБ. Баргузинская долина в археологическом плане является все еще недостаточно изученной, несмотря на более чем полуторавековую историю исследований. Имеющихся данных пока еще недостаточно для того, чтобы определить, являлась ли Баргузинская котловина природным коридором для миграций или рефугиумом.

Объект археологического наследия «Уржил. Стоянка Жаргаланта» находится северо-

восточнее улуса Уржил, на левом берегу реч. Жаргаланта. Культурные материалы приурочены к котловине дефляции. Особый интерес к материалам этой стоянки вызван не в последнюю очередь наличием в инвентаре относительно массивных каменных изделий, технологически и типологически соотносимых с материалами индустрий верхнего палеолита. Дальнейшие исследования должны подтвердить или опровергнуть такое утверждение, но, как бы то ни было, поиски палеолитических объектов в Баргузинской долине продолжаются.

2. Кабанский район РБ. На территории данного муниципального образования очень мало стоянок с сохранившимся культурным слоем. Одной из таких стоянок является выявленный объект археологического наследия, получивший наименование «Малое Колесово». Объект находится восточнее с. Малое Колесово, южнее пункта триангуляции в местности Гурьев Бугор, на левом берегу протоки р. Селенги. Значительная часть площади памятника археологии уничтожена в результате эрозионных процессов и антропогенного воздействия. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что существенная часть площади объекта археологического наследия находится в непотревоженном состоянии. Шурфовкой удалось выявить лишь один уровень находок (глубина залегания – 20–30 см) в подошве светло-бурого, плотного, пылеватого суглинка и в подстилающем слое темно-бурого, гумусированного, суглинка мощностью 5 см. Получен керамический материал, датируемый средневековьем. В подъемных сборах фиксируются каменные изделия неолитического времени. Предварительно памятник археологии датируется эпохами неолита и средневековья.

3. Селенгинский район РБ. Экспертиза касалась земельного участка, отводимого под реконструкцию автомобильной дороги А-340 Улан-Удэ – Кяхта – граница с Монголией. Территория исследования находится в междуречье Селенги и Чикоя. Результатом работ явилось открытие нового объекта археологического наследия, получившего наименование «Нур-Тухум. Новопавловка. Стоянка». Памятник археологии приурочен к подгорному склону юго-западной экспозиции и расположен по обе стороны автомобильной дороги. Значительная часть памятника археологии была уничтожена при строительстве ныне функционирующей автомобильной дороги.

Объект находится в 5,5 км к востоку от улуса Нур-Тухум, в безводной котловине. В подъемных сборах фигурируют подпризматический нуклеус, различные сколы, фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, в том числе – поливной. В скоплениях материала фиксируется многочисленный остеологический материал. Шурфовка выявила наличие только одного уровня находок (глубина залегания – 18–28 см) в литологических отложениях 1 и 2, представленных, соответственно, темно-бурым и светло-бурым суглинками. Обнаруженный керамический материал относится к позднему средневековью. К сожалению, выявить палеолитические материалы в этом сезоне не удалось.

Материалы, касающиеся погребальных комплексов, были получены в ходе археологической разведки на западном побережье оз. Гусиное. Объекты здесь вызывают особый интерес в связи с тем, что они в 1927 г. были обследованы в ходе Гусиноозерской экспедиции П. С. Михно. Карта, составленная по итогам этой экспедиции, была опубликована в 1999 г., но дневники-пояснения тогда к ней еще не были найдены [Лбова, Хамзина, 1999, с. 28]. К счастью, недавно они были обнаружены в фондах Кяхтинского краеведческого музея им. Академика В. А. Обручева [Батоцыренов, 2014]. Предстоит увлекательная, почти детективная история, по идентификации объектов археологического наследия с теми памятниками археологии, характеристики которых содержатся в найденных дневниковых записях. Ниже приводим данные по тем объектам, что были выявлены в 2014 г.

«Гусиноозерск. Гора Толгой. Могильник» (бронзовый век). Объект археологического наследия находится на западном берегу оз. Гусиное, в 5,6 км западнее г. Гусиноозерск, на левом берегу реч. Ельник, на пологом склоне юго-восточной экспозиции. В составе могильника – два керексура с сопровождающими кладками и две плиточные могилы.

«Бараты. Нарин-Горхон. Могильник» (бронзовый век). Объект археологического наследия находится на западном берегу оз. Гусиное, в 6 км юго-западнее с. Бараты, на левом берегу реч. Нарин-Горхон. Плиточная могила приурочена к юго-западному склону положительной морфоструктуры и расположена прямо на грунтовой дороге.

«Гусиное Озеро. Ключ Булагын-Ехэ. Могильник» (бронзовый век). Объект археологического наследия находится на западном берегу оз. Гусиное, в 6,9 км севернее с. Гусиное Озеро, в 150 м восточнее ключа Булагын-Ехэ, на склоне юго-западной экспозиции. В составе могильника две плиточные могилы, расположенные параллельно друг другу [Базаров, Алкин, 2014, с. 101].

«Гусиное Озеро. Могильник 3» (бронзовый век). Объект археологического наследия находится на западном берегу оз. Гусиное, в 3,2 км севернее с. Гусиное Озеро, на седловине между двумя высотами. В составе могильника две плиточные могилы, расположенные параллельно друг другу.

«Гусиное Озеро. Могильник 4» (бронзовый век). Объект археологического наследия находится на западном берегу оз. Гусиное, в 3,7 км север-северо-западнее с. Гусиное Озеро, на плос-

ком (платообразном) участке рельефа западного берега озера. В составе могильника две плиточные могилы, расположенные в 83 м друг от друга.

«Гусиное Озеро. Гора Бэржэгэр. Могильник 5» (бронзовый век). Объект археологического наследия находится в 8 км от юго-западного берега оз. Гусиное (место впадения р. Цаган-Гол в озеро), на левом берегу р. Цаган-Гол, в 6,2 км юго-западнее с. Гусиное Озеро. В составе могильника один керексур с внешней круглой оградкой и четыре плиточные могилы.

«Гусиное Озеро. Гора Бэржэгэр. Могильник 6» (бронзовый век). Объект археологического наследия находится в 6,3 км юго-западнее с. Гусиное Озеро, на левом берегу р. Цаган-Гол, в местности «падь Зун-Галтай». Плиточная могила внушительных размеров.

«Гусиное Озеро. Гора Улан-Хада. Могильник 7» (бронзовый век). Объект археологического наследия находится в 6,7 км юго-западнее с. Гусиное Озеро, на левом берегу р. Цаган-Гол. В составе могильника четыре плиточные могилы и один керексур. У плиточных могил № 1 и № 4 имеются так называемые «дворики» (детские могилы).

В данной публикации материалы получили свое предварительное изложение; в дальнейшем планируется обязательное продолжение исследовательских работ на выявленных памятниках археологии, которое позволит нам уточнить ряд значимых характеристик поселенческих объектов (площадь распространения артефактов, количество культурных слоев, стратиграфия, хронология и т. д.). Для погребальных комплексов западного побережья оз. Гусиное необходимо проведение сопоставительного анализа всего комплекса имеющихся материалов. Перспективы дальнейших исследований в районе оз. Гусиное очевидны, особенно в связи с появлением намеков на наличие там культурного материала палеолитического времени.

Список литературы

Базаров Б. А. Прогнозно-поисковый потенциал для археологии региона месторасположений минеральных источников Селенгинского среднегорья / Б. А. Базаров, С. В. Алкин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 100–102.

Батоцыренов Э. А. Гусиноозерская экспедиция П. С. Михно / Э. А. Батоцыренов // Развитие географических знаний: научный поиск и новые методы исследования. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2014. – С. 105–108.

Лбова Л. В. Древности Бурятии. Карта археологических памятников / Л. В. Лбова, Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 241 с.

Новые археологические объекты в Тункинской котловине (Байкальская рифтовая зона) / Н. Е. Бердникова, И. М. Бердников, Е. О. Роговской, А. А. Тимощенко, И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, А. А. Попов, С. А. Когай // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 19–41.

Archaeology of Buryatia: new materials based on the results historical and cultural expertise (preliminary data)

B. A. Bazarov

This article presents new materials of settlement and burial complexes identified in 2014 as a result of archaeological investigations on the territory of Buryatia, and are intended to fill a gap in the coverage of archaeological events in the republic. The materials in this publication are presented in a preliminary way.

Keywords: archaeology, expertise, site, slab grave, Bronze Age, Buryatia

Базаров Биликто Александрович

Научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

e-mail: bazar-b@ngs.ru

Bazarov Bilikto Aleksandrovich

researcher, The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS

e-mail: bazar-b@ngs.ru

УДК 069(091)(571.513):7.031.1:903.27

Полтаковский музей наскального искусства «Хайа Хоос»: прошлое, настоящее, будущее

И. В. Елтышева, К. В. Мамедова
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Полтаковский музей наскального рисунка «Хайа Хоос» – уникальный музей изображений на курганных плитах под открытым небом, расположенный в с. Полтаков Аскизского района Республики Хакасия рядом с Домом культуры [Миклашевич, 2012, с. 49].

История музея началась в 1980-е гг., когда археологами из Ленинграда на территории Аскизского района проводились раскопки, связанные с проектами мелиорации хакасских степей и реконструкции дорог [Работы Среднеенисейской экспедиции, 1988, с. 219]. С 1984 г. группа новостроечных экспедиций во главе с Д. Г. Савиновым исследовала десятки разновременных памятников на юге Хакасии [Савинов, 2009]. Интенсивные раскопки этого периода принесли много новых материалов, в том числе большое количество плит и стел с изображениями, открытие которых повлияло на представления о древней истории и искусстве этого региона. Была найдена целая серия плит и изваяний окуневской культуры, а также плиты с характерно стилизованными изображениями эпохи поздней бронзы, с рисунками скифского времени. Настоящим открытием стало выделение нового пласта в наскальном искусстве – тесинского – на основе анализа материалов раскопок могильника Есино III [Савинов, 2009].

Д. Г. Савинов в процессе раскопок не только открыл, проанализировал, ввел в научный оборот совершенно новые источники, но и приложил все усилия для сохранения этого богатейшего наследия. Некоторые плиты с рисунками были увезены в музеи, однако количество стел и плит было таким, что, ни один музейный фонд не мог бы их вместить. Поэтому было решено свезти найденные плиты в с. Полтаков. Д. Г. Савинов обратился к директору совхоза «Есинский» М. М. Карамчакову с просьбой о выделении места для размещения плит. В это время в селе началось строительство Дома культуры, рядом с которым и решено было открыть музей [Миклашевич, 2011, с. 224–225].

Музей был спроектирован архитектором института «Востоксибгипроводхоз» А. В. Угужаковым. В 1988–1989 гг. к строящемуся Дому культуры были привезены курганные плиты с петроглифами из окрестностей Аскиза и Полтакова. В 1990 г. Б. Н. Пяткиным проводились раскопки тагарского кургана на территории будущего музея, а в сентябре уже был возведен искусственный курган, вокруг которого были установлены привезенные плиты. В этом же году состоялось торжественное открытие музея. Однако с 1990 г. работы по созданию экспозиции остановились, так как в стране наступил трудный период, финансирование подобных проектов прекратилось. На территории музея плиты лежали практически без присмотра, под влиянием климатических условий они начали покрываться лишайниками. Но, тем не менее, музей продолжал пользоваться популярностью у посетителей и в 2003 г. получил официальный статус муниципального. Его состояние за последние годы улучшилось: проложены дорожки, летом удаляется трава, некоторые плиты приподняты на каменной подсыпке, проводятся экскурсии [Миклашевич, 2011, с. 225–226; 2012, с. 49], в ходе которых посетителей знакомят с 12 объектами, подобранными по тематико-хронологическому принципу [Еремин, 2007, с. 14].

В коллекции Полтаковского музея насчитывается 93 стелы (если считать фрагменты – 98), на которых в различной технике выполнены тысячи разновременных петроглифов от эпохи бронзы до Нового времени [Еремин, 2008, с. 190–191].

Летом 2014 г. в рамках проекта Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства «Листы каменной книги – новая жизнь музея рисунков на курганных плитах в селе Полтаков» (автор проекта Е. А. Миклашевич) – победителя конкурса «Культурная мозаика малых городов и сел», проводимого Благотворительным фондом Елены и Геннадия Тимченко, появилась возможность начать работы по подготовке плит к реэкспозиции.

В ходе подготовки проекта были выявлены недостатки музейного экспонирования плит в целом:

– возведенный курган и плиты, расположенные вокруг него, не соответствуют «нормам» тагарской традиции;

– многие плиты лежат на земле, что крайне нежелательно, поскольку они зарастают толстым слоем лишайника, который сильно разрушает поверхность и не позволяет провести полноценное документирование;

– горизонтальное положение плит затрудняет восприятие рисунков посетителями из-за отсутствия комфортного освещения.

В связи с этим были поставлены задачи для устранения недостатков:

– произвести поднятие плит и установку их на платформы в наклонном положении, что создаст условия для стока дождевой воды, быстрого высыхания плит и замедлит рост лишайников;

– расчистить плиты от лишайников;

– провести полноценное документирование изображений [Миклашевич, 2011, с. 225, 229–231].

За лето 2014 г. были расчищены 22 курганные плиты по методике, предложенной специалистами ГосНИИ реставрации (г. Москва), проведена их биоцидная обработка. Это позволило «открыть» рисунки для посетителей, выявить новые изображения и остановить процесс разрушения камня, связанный с негативным влиянием биообрастателей. Также были осуществлены копирование и фотофиксация изображений до и после расчистки. В данных мероприятиях активное участие принимали авторы статьи, наряду с членами САИПИ из разных городов Сибири, а также представителями музейных и других культурно-просветительных учреждений Республики Хакасия.

21 ноября 2014 г. состоялось торжественное открытие обновленной экспозиции, в которой представлены наиболее ценные из коллекции музея плиты с изображениями окуневской культуры эпохи бронзы. В рамках открытия был проведен круглый стол, где обсуждались проблемы и перспективы Полтаковского музея. Некоторые итоги обсуждения представлены ниже:

– возвести над музеем крышу и установить невысокое ограждение. Это позволит решить задачи экспонирования и сохранения плит;

– расширить образовательную программу музея для привлечения подрастающего поколения;

– разработать новые экскурсионные программы;

– организовать проведение летних практик на базе музея для студентов КемГУ;

– продолжить исследование и каталогизацию курганных плит Полтаковского музея.

Таким образом, несмотря на то, что музей был создан сравнительно недавно, он уже имеет богатую историю. Благодаря проекту «Листы каменной книги…» музей получил новый импульс для дальнейшего развития. Работы по реорганизации стелария не закончены и в перспективе необходимо еще многое сделать для сохранения уникальной коллекции курганных плит с рисунками, подобной которой нет больше ни в одном музее мира.

Научные руководители – д-р ист. наук, профессор О. С. Советова, канд. ист. наук, доцент А. Н. Мухарева

Список литературы

Еремин Л. В. Полтаковский музей наскального искусства / Л. В. Еремин // Музеи Аскизского района Хакассии. – Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2007. – С. 13–17.

Еремин Л. В. Стелариум в Полтакове / Л. В. Еремин // Сокровища культуры Хакасии. – М. : НИИЦентр, 2008. – С. 190–191.

Миклашевич Е. А. Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) / Е. А. Миклашевич // Древнее искусство в зеркале археологии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 214–232.

Миклашевич Е. А. Из истории создания музея им. Н. Ф. Катанова в селе Аскиз / Е. А. Миклашевич // Наследие хакасского ученого, тюрколога, доктора сравнительного языкознания, востоковеда Николая Федоровича Катанова. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2012. –Т. 1. – С. 44–49.

Работы Среднеенисейской экспедиции / Н. А. Боковенко, Н. Ю. Кузьмин, Г. Н. Курочкин, П. Г. Павлов, Д. Г. Савинов // Археологические открытия 1986 года. – М. : Наука, 1988. – С. 219–223.

Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984 – 1989 гг.) / Д. Г. Савинов. – СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2009. – 226 с.

The rock art museum in the village of Poltakovo: the past, the present, the future

I. V. Eltysheva, K. V. Mamedova

The paper is devoted to rock art museum in open air which is located in the village of Poltakovo in Khakasia. The authors, who participated in the Project for modernization this museum in 2014, consider the museum's history, its current state and future prospects.

Keywords: The rock art museum in the village of Poltakovo, petroglyphs, modernization.

Елтышева Ирина Владимировна
студент 3-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: irinaeltysheva@yandex.ru

Мамедова Кристина Видадиовна
студент 2-го курса, Кемеровский государственный университет
e-mail: kri43039143@mail.ru

Eltysheva Irina Vladimirovna
Student 3rd year, Kemerovo State University
e-mail: irinaeltysheva@yandex.ru

Mamedova Kristina Vidadiovna
Student 2nd year, Kemerovo State University
e-mail: kri43039143@mail.ru

УДК 069. 444: 903, 27 (517. 17)

Реставрация, которой не было: консервационные и реставрационные работы на Томской писанице в 1989 и 1990 гг.

К. В. Конончук
Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово
Кемеровский государственный университет, Кемерово

Памятник наскального искусства Томская писаница – первый музеефицированный в России петроглифический комплекс, расположенный в 55 км к северо-западу от г. Кемерово, на правом берегу р. Томи. Томская писаница имеет богатую историю исследования, особую главу которой составляют предпринимаемые на скале консервационные и реставрационные работы.

После музеефикации памятника 16 февраля 1988 г. перед администрацией музея-заповедника возникла проблема его сохранения. В разные годы решалась она с различной степенью эффективности. В данной статье речь пойдет о реставрационных и консервационных мероприятиях, проведенных в 1989 и 1990 гг. сотрудниками отдела технологии реставрационных работ института «Спецпроектреставрация» (г. Москва). Краткая информация о них имеется в статье И. Д. Русаковой [Русакова, 2004, с. 142], однако большая часть материалов ранее не публиковалась.

В 1989 г. приглашенные специалисты «Спецпроектреставрации» планировали закрепить отслаивающуюся скальную корку с дальнейшей обработкой поверхности скалы гидрофобным составом и восстановить аутентичный вид памятника путем маскировки посетительских надписей [Отчет по натурному…, 1989, с. 6].

Так как опыт подобных работ на петроглифах почти отсутствовал, решено было опираться на методику реставрации каменных элементов памятников архитектуры методами домазки, обмазки модифицированными минеральными составами и технологию консервации камня при помощи состава на основе тетраэтоксисилана [Отчет по предварительным…, 1990, с. 8, 11]. Так как специалисты разрабатывали свою методику на основе опыта реставрации памятников архитектуры, то они пользовались применяемыми в этой отрасли терминами. Под домазочными работами подразумевается восстановление формы отдельных выветрившихся или поврежденных участков путем нанесения раствора на реставрируемую поверхность. Обмазочные работы проводятся с целью превентивного закрепления проблемных мест, угрожающих в перспективе сохранности объекта, и предполагают сплошное нанесение состава на выбранный участок поверхности. Набор компонентов домазочных и обмазочных композиций, используемых на Томской писанице, практически совпадал: портландцемент (вяжущее вещество), каменная крошка, суперпластификатор (разжижитель), вода, пигменты для придания составу естественного цвета (сажа, охра). Однако в обмазочный состав вводились дополнительные добавки – клеевая, повышающая прочность сцепления с камнем, и гидрофобизирующая [Отчет по предварительным…, 1990, с. 8, 11].

Для адаптации технологии реставрации к памятнику наскального искусства была проведена целая серия лабораторных и натурных работ, сведения о которых изложены в соответствующих отчетах. Прежде всего, были выполнены лабораторные исследования субстрата. Для этого в 1989 г. были отобраны пробы камня с разных участков скалы. Анализ образцов показал, что породы, составляющие памятник, достаточно прочные, однако в поверхностных слоях сильно подвержены выветриванию, особенно в верхних его частях. Было также установлено, что на памятнике имеется два вида горной породы – плотная (песчаник) и слоистая рыхлая (алеврито-песчаник). Именно выявленный диапазон свойств двух разных видов камня обусловил в дальнейшем выбор той или иной реставрационной методики [Отчет по предварительным…, 1990, с. 7–10].

Предложенные после проведения лабораторных исследований реставрационные мероприятия состояли из трех этапов. Первоначально специалисты планировали при помощи домазочного состава провести инъектирующее закрепление трещин горной породы и восполнить незначительные утраты камня. Затем, используя обмазочный материал, укрепить осыпающиеся и расслаивающиеся торцевые поверхности скалы и замаскировать некоторые посетительские надписи. В дальнейшем должна была производиться консервация наиболее уязвимых участков памятника при помощи состава на основе тетраэтоксисилана [Технология реставрационных работ…, 1990, с. 9–11].

Планировавшийся для применения на 3 этапе состав на основе тетраэтоксисилана (кремнийорганического отвердителя) использовался в реставрации для укрепления мелящих и шелушащихся поверхностей камня и придания материалу дополнительной гидрофобности. Обработан-

ные этим составом в лабораторных условиях образцы породы Томской писаницы увеличили свою прочность в 1,5 раза, и состав был рекомендован для дальнейших натурных испытаний [Отчет по предварительным…, 1990, с. 20–21]. Испробовать его действие на скальной поверхности памятника специалисты не успели, однако, как показал накопленный в дальнейшем опыт консервационных работ на петроглифах, выраженного положительного результата применение тетраэтоксисилана не приносило [Агеева, Кочанович, Ребрикова, 2004, с. 119].

В целом, разработанная технология была опробована на памятнике лишь в очень ограниченном объеме. Так, летом 1989 г. на Томской писанице были проведены натурные работы, в ходе которых выбрали 2 опытных участка. Домазочный участок на плоскости 3 был обработан на глубину 3–4 см и по вертикальным сколам. На обмазочном участке на плоскости 8 был обработан торец и обмазаны посетительские надписи [Отчет по предварительным…, 1990, с. 17]. Работы планировалось продолжить летом 1990 г., но из-за отсутствия необходимых реставрационных материалов их перенесли на июль 1991 г. Но и в 1991 г. они не состоялись, вероятно, из-за отсутствия финансирования [Технология реставрационных работ…, 1990, с. 9].

В настоящее время общепризнано, что эффективность любого консервационного проекта может быть оценена лишь на основании длительности мониторинга [Беднарик, Дэвлет, 1993, с. 23], тогда как специалисты «Спецпроектреставрации» в своих работах ориентировались в основном на результаты, полученные в ходе лабораторных экспериментов. Показательной здесь является ситуация с рекомендацией к применению домазочного и обмазочного составов на основании всего лишь годичного периода наблюдения за опытными участками скалы. Впоследствии домазочный состав, примененный на плоскости 3, просто вывалился из углублений современных надписей. Обмазочный материал оказался значительно прочнее и долговечнее [Русакова, 2004, с. 142], он до сих пор хорошо держится на торцах плоскости 8.

Таким образом, даже небольшой эпизод из истории реставрации Томской писаницы демонстрирует, насколько важны тщательное планирование консервационных и реставрационных мероприятий, их мониторинг и соблюдение принципа обратимости проводимых работ на памятниках наскального искусства.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. Н. Мухарева

Список литературы

Агеева Э. Н. Опыт консервации памятников наскального искусства Сибири / Э. Н. Агеева, Н. Л. Ребрикова, А. В. Кочанович // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 116–120.

Беднарик Р. Консервация памятников наскального искусства Верхней Лены / Р. Беднарик, Е. Г. Дэвлет // Памятники наскального искусства. – М., 1993. – С. 7–24.

Русакова И. Д. Музей-заповедник «Томская писаница»: опыт презентации и сохранения петроглифов / И. Д. Русакова // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие. Менеджмент. Консервация. Документация. – Алматы, 2004. – С. 140–142.

Отчет по натурному обследованию и лабораторным исследованиям камня памятника «Томская писаница» в г. Кемерово. – М., 1989. – Т. I, ч. I. – 16 с. // Архив МЗТП, ф. 1, оп. 1, д. 36 (4).

Отчет по предварительным исследованиям по возможности реставрации камня памятника методами домазки и обмазки с применением минеральных модифицированных растворов. – М., 1990. – Т. I, ч. II. – 22 с. // Архив МЗТП, ф. 1, оп. 1, д. 37 (1).

Технология реставрационных работ: технологические рекомендации по реставрации камня памятника. – М., 1990. – Т. I, ч. III. – 33 с. // Архив МЗТП, ф. 1, оп. 1, д. 38 (1).

Conservation and Restoration Works on the Tomskaya Pisanitsa Rock Art Site (1989–1990-s)

K. V. Kononchuk

The article deals with restoration activities on the Tomskaya Pisanitsa rock art site in 1989/1990-s held by specialists from the institute "Spetsproektresavratsia" (Moscow). The materials of these activities have not been published yet. The author has undertaken a critical analysis of the conclusions and suggestions made in the reports based on the modern data related to this issue.

Keywords: rock art, petroglyph restoration, Tomskaya Pisanitsa, patching method, consolidation method, water-repellent agents.

Конончук Константин Владимирович
магистрант, Кемеровский государственный университет;
старший научный сотрудник, заведующий научно-экспозиционным отделом музея заповедника «Томская Писаница»
e-mail: konstantinkonon@mail.ru”

Kononchuk Konstantin Vladimirovich
Graduate, Kemerovo State Universitet
Senior Researcher, Head of the Department of Scientific Work and Expositions of Museum-Preserve “Tomskaya Pisanitsa”
e-mail: konstantinkonon@mail.ru

УДК 902

Археологическое обследование зоны строительства магистрального газопровода «Сила Сибири» в Амурской области

Е. И. Крючко

Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенск

Мало кто сомневается в важности археологических обследований. С каждым годом человек все больше и больше осваивает новые территории за счет строительства новых дорог, магистральных нефте- и газопроводов.

В связи с началом обустройства Чаяндинского месторождения и заключения 21 мая 2014 г. контракта на поставку российского трубопроводного газа в Китай, началось масштабное строительство магистрального газопровода «Сила Сибири». Будущий газопровод проходит, в том числе, и по территории Амурской области. Во избежание возможного разрушения объектов археологического наследия в зоне строительства магистрального газопровода «Сила Сибири» в полевой сезон 2013 г. было проведено полномасштабное археологическое обследование проектируемой зоны строительства.

В ходе проведенных работ на обследуемой территории было выявлено 15 новых объектов археологического наследия. По предварительной датировке объекты расположены в хронологическом диапазоне от эпохи неолита до периода раннего средневековья.

Наиболее интересными на наш взгляд являются 3 объекта, сосредоточенные в среднем течении р. Белая: Успеновка, селище-1, Среднебелое, городище-1 и Среднебелое, грунтовый могильник-2.

Успеновка, селище-1

Памятник расположен на вершине высокой релки с пологими, затяжными склонами. Высота релки относительно низины и озера, расположенного 270 м к северо-востоку от памятника, – 5,5–6 м. Памятник выражен на поверхности 36 округлыми жилищными западинами, диаметром от 2 до 10 м и глубиной до 1 м. Западины расположены двумя группами в южной и северной частях. В южной части более крупные, расположены двумя рядами, в северной – мелкие и средние, расположенные бессистемно [Волков, 2013, с. 185].

Выявленный в процессе шурфовки на памятнике археологический материал (развал горловой части керамического сосуда и мелкие фрагменты керамических сосудов) в контексте с обнаруженными западинами позволяет с большой степенью уверенности датировать обнаруженный объект периодом раннего средневековья (VII–IX вв. н.э.) и отнести его к найфельдской группе мохэской археологической культуры Западного Приамурья [История Амурской области…, 2008, с. 95–97]. Площадь памятника составила 7 483,36 кв.м.

Проектируемая ось магистрального газопровода расположена в 360 м к северо-западу от памятника.

Среднебелое, городище-1

Памятник расположен на поверхности береговой террасы левого берега р. Белая. Высота террасы относительно современной поймы реки 2 м. Памятник выражен на поверхности в виде ровной, подквадратной площадки, оконтуренной земляными валами и рвами.

Городище ориентировано углами по сторонам света. С северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторон обозначено тремя валами и двумя рвами. С юго-западной стороны фиксируется два вала, разделенных одним рвом. Высота валов относительно дна рва – 1,5 м, относительно внутренней поверхности городища – 1 м. В южном углу памятника имеется широкий проход между валов и рвов в виде прямоугольного проема, оконтуренного с двух сторон поднятиями на валах и пересыпкой рвов.

На внутренней части городища зафиксировано 14 округлых западин диаметром от 5 до 8 м, глубиной до 1,5 м, расположенных рядами по 4–3 западины.

Коллекция археологического материала, обнаруженного в процессе шурфовки, составляет 80 керамических фрагментов сосудов, 5 из которых – фрагменты венчиков [Волков, 2013, с. 187–188].

Анализируя полученный археологический материал, форму самого городища, особенности расположения на местности, следует отметить, что данный археологический объект наиболее сопоставим с памятниками археологии на территории Западного Приамурья, относящихся к михайловской археологической культуре, датируемой периодом раннего средневековья (IIII вв. н.э.) [Деревянко, 1969; 1972; 1975; Древности Буреи, 2000, с. 132–136; История Амурской области…, 2008, с. 77–91]. Таким образом, по аналогии выявленного археологического материала, формам городища, формам и размерам жилищных западин, а также особенностям фортификации, памятник предварительно датирован периодом раннего средневековья (II–III вв. н.э.), по

типологии отнесен к городищам михайловского типа. Площадь памятника составила 4 621,86 кв. м.

Проектируемая ось магистрального газопровода расположена в 60 м к юго-востоку от памятника.

Среднебелое, грунтовый могильник-2

Памятник расположен в 209 м к юго-востоку от описанного выше городища, на краю террасы левого берега р. Белая, возвышающейся над поймой, сосредоточенной к северо-востоку на 2–2,5 м. Поверхность террасы задернована, занята редким березовым лесом, густым кустарником, лещиной, окружающая территория распахана.

При визуальном исследовании на поверхности террасы выявлено 370 западин округлой формы от 1 до 1,5 м, глубиной до 0,3 м в диаметре, расположенных бессистемно тремя группами. Также в выбросе грунта из барсучьей норы обнаружены фрагменты берцовых костей человека, фрагменты костей черепа. Иного подъемного археологического материала не обнаружено.

Коллекция артефактов представлена 2 фрагментами керамических сосудов, фрагментом донной части, фрагментом донышка сосуда (ремонтаж) [Волков, 2013, с. 191–192].

Подобный археологический материал ранее был отмечен на грунтовом могильнике в окрестностях с. Троицкое Ивановского района (в 21 км ниже по течению р. Белая, топонимный памятник), датированном VI–IX вв. н.э. и относящимся к троицкой группе мохэской археологической культуры [Деревянко, 1975, 1977]. Таким образом, по выявленному археологическому материалу, по зафиксированным западинам и результатам шурфовки, памятник предварительно датирован периодом раннего средневековья (VI–IX вв. н.э.), по типологии отнесен к грунтовым могильникам. Площадь памятника составила 10 905,41 кв.м.

Проектируемая ось магистрального газопровода расположена в 123 м к северо-западу от памятника.

Описанные археологические объекты сосредоточены в одном районе (среднее течение р. Белая) и представляют остатки материальной культуры трех основных групп населения в период раннего средневековья на территории Западного Приамурья: найфельдской и троицкой групп мохэской и михайловской археологической культур, что определяет перспективность детального изучения выявленных объектов.

Научный руководитель – Д. П. Волков

Список литературы

Волков Д. П. Отчет о проведении полевых археологических исследований по объекту «Магистральный газопровод Сила Сибири» на территории Амурской области по Открытому листу № 281 от 7 мая 2013 года, выданного на имя Волкова Д. П. – Благовещенск, 2013. – Т. I. – 237 с.

Деревянко Е. И. Мохэское городище на р. Завитой: [Михайловское городище] / Е. И. Деревянко // Изв. / СОАН СССР. – 1969. – № 11.: Сер. обществ. наук. – Вып. 3. – С. 86–92.

Деревянко Е. И. Городище на реке Завитой // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока / Е. И. Деревянко. – Новосибирск, 1972. – Ч. 1. – С. 208–317.

Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура / Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1975. – 250 с.

Деревянко Е. И. Троицкий могильник / Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1977. – 223 с.

Древности Буреи / С. П. Нестеров, А. В. Гребенщиков, С. В. Алкин, Д. П. Болотин, П. В. Волков, Н. А. Кононенко, Я. В. Кузьмин, Л. Н. Мыльникова, А. В. Табарев, А. В. Чернюк. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

История Амурской области с древнейший времен до начала 20 в. / Под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. – Благовещенск, 2008. – 424 с.

The archaeological survey of the construction zone «Highway gas main «The force of Siberia» in the Amur region

E. I. Kruchko

This article is devoted to the archaeological survey in zone of construction «Highway gas main «The force of Siberia» in the Amur region. Describes of the three objects of archaeological heritage.

Keywords: The archaeological survey, «Highway gas main «The force of Siberia», Amur region.

Крючко Евгения Игоревна
Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенск

Kruchko Ewgenja Igorevna
The Center for the Conservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur region researcher Amur Laboratory of Archaeology and Ethnography

УДК 903

Петроглифы северо-запада Минусинской котловины

О. А. Лыкова

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск

Минусинская котловина – большой древний межгорный прогиб, ограниченный с востока Восточным Саяном, с запада – Кузнецким Алатау, с юга – Западным Саяном, с севера – невысоким хребтом Арга. В северо-западную часть Минусинской впадины входит западный участок Назаровской котловины, где в предгорьях Кузнецкого Алатау на скальных массивах Каратаг и Кедровая известны наскальные рисунки.

История изучения петроглифов на северо-западе Минусинской котловины начинается еще в 1887 г., когда в районе улуса Ораки работала финская экспедиция И. Р. Аспелина. В книге, изданной в 1931 г. Аппельгреном-Кивало по материалам экспедиции, сведений о наскальных рисунках на г. Кедровой нет. Но, тем не менее, на плане Аппельгрена-Кивало она обозначена под названием Кизик-Даг, в подножии которой участниками экспедиции были обследованы курганы, скопированы рисунки на курганных камнях [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb.2]. В 1909 г. на писанице Кедровой побывал А. В. Адрианов, им было скопировано 62 изображения [Адрианов, 1910]. В 1940 г. Г. П. Сосновский переснял 18 фигур – 11 оленей, антилопа, 3 человека, всадник и 2 котла [Вадецкая, 1986, с. 161].

В подножии г. Каратаг экспедицией И. Р. Аспелина более ста лет назад также были обследованы курганные могильники. Финские ученые зафиксировали рисунки на курганных стелах, но о петроглифах на Каратаге они не сообщают. Впервые краткая информация о наскальных изображениях Каратага была опубликована Я. И. Сунчугашевым в 1990 г. [Сунчугашев, 1990, с. 206–207].

В 1997, 1999 и 2000 гг. экспедиции, посвященные изучению петроглифов Каратага и г. Кедровой, совершила группа ученых из Санкт-Петербурга: Вл. А. Семёнов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, А. В. Субботин. На писанице Кедровой было выявлено 18 групп петроглифов с 69 четкими изображениями, другие сохранились плохо или являются нечеткими. В результате их данные в целом совпадают со сведениями А. В. Адрианова. В 1999 г. на писанице Каратаг было выделено 20 групп петроглифов [Петроглифы Каратага…, 2000].

В 2014 г. в рамках музейно-экскурсионной практики студентами КГПУ им. В. П. Астафьева было проведено внешнее обследование памятников с целью выявления и определения современного состояния петроглифов, также была проведена фотофиксация, топосъемка и выборочная копировка наскальных рисунков. В результате работ были определены границы распространения петроглифов, уточнена информация об известных и выявлены новые наскальные изображения. По результатам исследований разработаны предложения по сохранению, постановке на учет и музеефикации петроглифов.

Каратаг – горный хребет, протянувшийся в направлении с юга-юго-востока на север-северо-запад. На юге он ограничен долиной р. Печище, с запада – котловиной озер, среди которых наиболее значительными являются оз. Большое и Малое. Горная цепь Каратаг делится на Каратагские ближние горы (на юге) и Каратагские дальние горы (на севере). Исследуемые петроглифы расположены в центральной части Дальнего Каратага на южных, юго-западных склонах горы с абсолютной отметкой 771 м. У подножия Каратага с севера на юг протянулись цепочки тагарских курганов.

На писанице Каратаг рисунки встречаются на протяжении 454 м, сгруппированы на трех участках, разделенных скальными обнажениями и осыпями шириной 113 и 40 м. Участок 1 длиной 287 м включает в себя 25 плоскостей. Участок 2 длиной 127 м, состоит из 14 плоскостей (из них 3 упавших блока). Участок 3 включает в себя одну плоскость. Все плоскости обращены на запад и северо-запад, реже – на север. Рисунки выполнены путем выбивки, реже – гравировки. Они предварительно могут быть разделены на два хронологических пласта. Одни рисунки выбиты на более древних плоскостях, отличаются не только по расположению, но и по технике выбивки, общей стилистике, содержанию. Основные персонажи этих петроглифов: дикие копытные животные – лоси, лошади (?), олени; реже – быки, кабаны, некоторые антропоморфные фигуры (две профильных и одна фронтальная), а также геометрические фигуры – круги, ромбы и другие знаки. Центральный персонаж – лось. Данные изображения, по всей видимости, появились в период неолита – ранней бронзы. Другие, более поздние, рисунки фиксируются на сравнительно свежих поверхностях скалы, образовавшихся в результате осыпания скальных пород. Основной сюжет петроглифов: фронтальные антропоморфные фигуры, схематичные изображения копытных животных. Встречаются они как самостоятельно, так и в многофигурных

композициях. Датируются эпохой раннего железа – средневековья.

Гора Кедровая (абсолютная высота 490 м) расположена в центре небольшой межгорной впадины, окруженной сравнительно высокими лесистыми кряжами к югу от оз. Кедрового и в 3,5 км к северо-западу от д. Ораки [Красниенко, Субботин, 1997, с. 67]. В подножии горы расположены цепочки тагарских курганов. На писанице Кедровой петроглифы встречаются на протяжении 385 м, всего насчитывается 33 плоскости, сгруппированных на двух участках. Участок 1 имеет длину 77 м, включает в себя 9 плоскостей. Длина участка 2 составляет 109 м и включает в себя 24 плоскости (3 из которых находятся на упавших блоках). Интервал между участками 1 и 2 составляет 199 м. Плоскости обращены на юг и юго-восток, реже – на восток. Петроглифы выполнены в технике выбивки, иногда – с последующей прошлифовкой. Сюжеты наскальных рисунков разнообразны: встречаются и антропоморфные, и зооморфные изображения, а так же изображения котлов тагарской культуры, гравюры эпохи средневековья и нового времени, современные надписи.

В настоящее время памятники находятся в аварийном состоянии. Они подвергаются как природному, так и антропогенному воздействиям. Под влиянием естественных эрозионных процессов скальные плоскости разрушаются: наблюдается осыпание скальных блоков, отслаивание внешней скальной корочки. Практически все плоскости повреждены трещинами. Многие плоскости испещрены современными надписями, которые перекрывают рисунки. Судя по датированным надписям, в последние годы наблюдается активизация посещения петроглифов неконтролируемыми группами посетителей. Соответственно, необходимы неотложные меры по сохранению и музеефикации петроглифов.

С этой целью необходимо создание музеев-заповедников, территория которых должна включать не только скальные массивы с петроглифами, но и прилегающие к ним другие археологические объекты. В подножии горы Каратаг находятся курганные могильники «Апрельев Лог 1–4», «Малое Озеро 2–10», «Свялик 4–6»; в подножии горы Кедровая – курганные группы «Кедровая 1-4». [Красниенко, Субботин, 1997, с. 62–85]. На курганных камнях сохранилось большое количество выбитых рисунков [Изображения на плитах…, 2003]. В комплексе с памятниками наскального искусства они формируют историко-культурное пространство древних святилищ.

Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент А. Л. Заика

Список литературы

Адрианов А. В. Отчет по обследованию писаниц Минусинского края / А. В. Адрианов // ИРКИСВА, 1910. – Сер. 1. – № 10. – С.41–53.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Л. : Наука, 1986. – 161 с.

Изображения на плитах тагарских курганов / А. В. Субботин, С. В. Красниенко, М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов. – СПб. : ИИМК РАН, 2003. – 121 с.

Красниенко С. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край) / С. В. Красниенко, А. В. Субботин. – СПб. : ИИМК РАН, 1997. – С.62–85.

Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края) / Вл. А. Семёнов, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, А. В. Субботин. – СПб. : ИИМК РАН, 2000. – 85 с.

Сунчугашев Я. И. Петроглифы у Малого озера в Хакасии / Я. И. Сунчугашев // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М., 1990. – С. 206–207.

Appelgren-Kivalo H. Alt-altaishe Kunstdenkmler. Brife und Bildermfterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und Mongolei 1887–1889 / H. Appelgren-Kivalo. – Helsingfors, 1931. – Abb 2.

Petroglyphs northwest Minusinsk depression

O. A. Lykova

In 2014, students KSPU named after. V. P. Astaf'ev conducted survey of petroglyphs in the northwest of the Minusinsk depression As a result of work boundaries of the petroglyphs have been identified, updated information on known and revealed new rock carvings. According to the research developed proposals for conservation of registration and museumification petroglyphs.

Keywords: Petroglyphs, rock art, zoomorphic figures, anthropomorphic figures, museum-reserve.

Лыкова Ольга Александровна
студент 4-го курса, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
e-mail: ol-93@list.ru

Lykova Olga Aleksandrovna
Student 4th, Krasnoyarsk State Pedagogical Unnamed after. V. P. Astaf'ev University
e-mail: ol-93@list.ru

УДК 628.134(09)

Проблема изучения и сохранения водонапорных башен Забайкальской железной дороги как памятников историко-культурного наследия

А. Ю. Мороз
Забайкальский центр научно-технической информации и библиотек – Музей истории Забайкальской железной дороги, Чита

В последнее время в России всё больше развитие получает археология поздних периодов истории. Среди мероприятий, направленных на признание исторической археологии как полноценного научного направления, отмечаются проведение круглых столов, публикации тематических сборников и организация отдельных секций в рамках археологических конференций [Бердников, 2012, с. 1]. Несмотря на неоднозначность оценки этого археологического периода, большая часть исследователей признает его право на существование. Постепенное изменение отношения к данной проблеме связано с осознанием того потенциала исторической информации, которую могут предоставить памятники археологии поздних периодов (данные для исторических реконструкций, сравнение этнографических и письменных источников с археологическими данными). Одним из аспектов этого направления является изучение истории отдельных регионов как национальной истории. Так, например, сравнительно малоисследованной остается история освоения Сибири и Забайкалья.

Экономическое развитие Забайкальского края и Амурской области напрямую связано с сооружением Транссибирской магистрали (1895 г. – начало строительства). Наиболее ярким свидетельством грандиозного труда инженеров-путейцев являются сооруженные ими на протяжении всей проложенной магистрали станции, города, мосты, тоннели и водонапорные башни. Без последних трудно представить вид любой станции. Некоторые башни сегодня утратили прямое назначение, но являются памятниками культурного наследия. Другие, оснащенные современным оборудованием, продолжают использовать [Водонапорные башни…, 2011].

История сооружения водонапорных башен в России пока остается малоисследованной. В 1862 г. в Петербурге была построена первая водонапорная башня в России, с которой началась история городского водопровода. С развитием сети железных дорог водонапорные башни возводились на каждой крупной станции и становились центрами бытовой жизни. Здесь набирали воду местные жители, работники станции могли использовать их в качестве сторожки, недалеко располагались гидроколонки для заправки паровозов водой, где также регулярно бывали машинисты и паровозные бригады. Станционные башни строились на возвышенной местности из различных материалов и оборудовались системами трубопроводов.

Во многих регионах России водонапорные башни объявлены памятниками архитектуры и культурного наследия, за ними регулярно ухаживают, в некоторых по инициативе местных жителей создаются музеи (например, в Санкт-Петербургском музее воды, музей города в Кронштадте, водонапорная башня в г. Владимир с экспозицией «Старый Владимир»). Однако на Забайкальской дороге ситуация существенно отличается. В 1990-е гг. значительная часть станционных водонапорных башен была разрушена в связи с тем, что не использовалась по прямому назначению, и только некоторые из оставшихся сегодня отнесены к памятникам культурного наследия (например, на станции Белогорск). Вместе с тем уникальность этих строений очевидна.

В первую очередь бросается в глаза их оригинальная архитектура. Разработки вокзалов и железнодорожных сооружений с началом строительства были поручены ведущим российским архитекторам и инженерам (К. А. Тонн, Р. А. Желязевич, В. Г. Шухов). Кроме того, имеются данные о том, что, возможно, прототипами водонапорных башен послужили конструкции деревянных башен, описание которых оставлено античными авторами [Никифоров, Наливайко, 2013, с. 50]. На их архитектуру также оказали влияние и традиции русского зодчества. К строительству в Забайкалье привлекались итальянцы. Они сооружали, например, тоннели на Кругобайкальской железной дороге, галерею и портал из замкового камня на разъезде Тургутуй – самой высокой точке Транссиба. Данный портал в дальнейшем был разрушен в связи с необходимостью прокладки второго пути.

Однако даже разрушенные башни могут представлять интерес и, прежде всего, с археологической точки зрения. Вполне очевидно, что вблизи водонапорных башен регулярно находились люди и вполне могли терять монеты, пуговицы, оставлять путевой инструмент и пр. Комплексное использование архивных и археологических источников для изучения данных объектов может позволить составить более точное

представление о значении данных сооружений, предоставить дополнительные материалы о быте и труде современников строительства дальнейшей эксплуатации Транссибирской магистрали.

Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор М. В. Константинов

Список литературы

Бердников И. М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник : автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иркутск, 2012 .– 20 с.

Водонапорные башни Западно-Сибирской железной дороги // Западно -сибирский центр научно-технической информации и библиотек. – Новосибирск : Изд-во Западно-Сибирского центра науч.-тех. информации и библиотек, 2011. – 50 с.

Никифоров Ю. А. Архитектурное наследие железнодорожных вокзалов Уральского региона / Ю. А. Никифоров, Ю. В. Наливайко // Академический вестник УРАЛНИИ ПРОЕКТ РААСН/ 4.– Екатеринбург, 2013. – С. 47–50.

The problem of the study and preservation of water towers from Transbaikal Railway, as sites of historical and cultural heritage

A. Yu. Moroz

The report describes the problem of the study and preservation of such historical and cultural heritage monuments, as water towers. Such facilities were built along the whole Trans-Siberian Railway including Transbaikal Railway and played a great role in the life of local communities. The text says that many of them are still not protected (despite the fact that the importance and beauty of such structures are evident). Futhermore, the author talks about the possibility of studying them as archaeological sites. Such researches can allow to compare the material and written sources. It may form a more complete picture of the life style and the structure of Russian society in the era of steam locomotives.

Keywords: water towers, Transbaikal Railway, historical and cultural heritage, building of Trans-Siberian Railway.

Мороз Альбина Юрьевна
младший научный сотрудник Забайкальский центр научно-технической информации и библиотек – Музей истории Забайкальской железной дороги
e-mail: freealya@gmail.com

Moroz Albina Yrievna
Research, The Transbaikal center for Scientific and Technical information and libraries – The museum if History of TransBaikal Railway
e-mail: freealya@gmail.com

УДК 902

Возможности практического применения разработок археологического экскурсоведения на примере Алтая

К. В. Побегуц
Алтайский государственный университет, Барнаул

С древнейших времен горные долины Алтая были заселены человеком. Следы его деятельности обнаружены в сотнях уникальных археологических объектов, составляющих богатейшее культурное наследие Алтая [Сайт Управления Алтайского края…].

Основой для развития различных видов туризма, в том числе и научного, может стать именно археологическое культурное наследие Алтая, а также уникальные музейные коллекции. Как сообщается на официальном сайте Алтайского региона «в регионе могут быть созданы музеи-заповедники разного направления: архитектурные, этнографические, археологические. Сейчас на территории особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Бирюзовая Катунь» в Алтайском районе создан, развивается и функционирует археологический парк «Перекрёсток миров» [Официальный сайт Алтайского края…].

Археологический туризм, изначально представлявший из себя путешествия совместно с группами археологов, занимающихся раскопками, а также другой научной деятельностью [Сайт Фонд Археология…], сейчас всё более переходит в пассивный – ознакомительный вид туризма и набирает всё большую популярность в России [Сайт Библиотека русских учебников…].

Археологическое наследие, так или иначе, всегда использовалось в туризме, но первостепенный интерес всегда был к памятникам природы. Сейчас можно говорить о том, что время больших географических открытий на Алтае закончилось, но турист может и в наши дни найти здесь что-то новое – этим новым является археологическое наследие.

Рациональное использование памятников археологии в туризме возможно только лишь при наличии методологии. В связи с этим основой рационального использования памятников археологии является включение их в территориально – рекреационную систему (ТРС) [Мажар, 2005, с.145].

В пределах ТРС выделяют различные таксономические единицы, наименьшая из них – рекреационная точка – это ограниченная территория, объекты которой выполняют одну или несколько родственных рекреационных функций.

В археологическом туризме рекреационной точкой является археологический памятник. Но не каждый археологический памятник может быть рекреационной точкой. Основные характеристики, определяющие его как рекреационную точку – легкая доступность, наглядность, выразительность и возможностью включения точки в рекреационный узел. Наибольшая таксономическая единица – рекреационный подрайон, а затем – район.

Рассмотрим данную методологию применительно на практике к памятникам археологии Чемальского района Республики Алтай.

Картографирование археологических памятников Чемальского района показывает, что они в основном сконцентрированы по обоим берегам Катуни. Незначительное количество памятников находятся в долинах ее притоков [Степанова, Соёнов, 2009, с. 4]. Можно выделить несколько причин расположения археологических памятников:

– географические (ограниченность горными системами – Куминским и Семинским хребтами, речными бассейнами р. Катунь, р. Куюм, р. Чепош, р. Чичка, р. Тыткескень, руч. Карасу, р. Бийка, р. Чеба, р. Эдиган, р. Карасу, р. Нижний Куюс, р. Верхний Куюс);

– климатические (преобладание благоприятного климата – продолжительность теплого периода достигает 200 дней. В долине реки Катуни складываются благоприятные условия для развития фенов. Это обусловлено глубокой врезанностью долины и меридиональной ориентацией, перпендикулярной преобладающему воздушному потоку. Под влиянием фенов формируется более теплый климат. Сильнее всего отепляющее влияние фенов проявляется в холодный период. Максимальная разность средних месячных температур в долине Катуни по сравнению с соседними бесфеновыми долинами может достигать 5–6°С [Сайт Горно-Алтайского центра по гидрометеорологии…]);

– расположение на перекрестке путей (в основном водных);

– наличие ресурсов:

1) минеральных (для изготовления орудий труда – например, выходы кремния на памятнике Тыткескень);

2) биологических (возможность обеспечения пищей – расположение памятников недалеко от путей сезонной миграции животных; водой – ручьи и источники; жилищем – наличие богатого лесного покрова, возможность защитить поселение – например, Нижнетыткескеньская пещера-3 – отличный пункт обзора и предупреждения нападения противника).

На основании основных таксономических единиц и особенностях расположения памятников археологии возможно выделение:

– рекреационного подрайона – совокупность археологических памятников Чемальского района;

– основных рекреационных узлов Чемальского района - археологические комплексы в с. Чепош, в устье р. Куюм, р. Бийке, р. Эдиган, р. Куюс, Кара-Тенеш и Тыткескень;

– рекреационных пунктов/точек – равны археологическому объекту – например, Тыткескень-VI и Нижнетыткескеньская пещера [Мажар, 2005, с. 145].

Данные рекреационные узлы возможно использовать в экскурсионных маршрутах:

1) на трассах (Чемальский тракт) – радиальные маршруты;

2) на доступных водных путях (р. Катунь) – водные маршруты;

3) на доступных дорогах и тропах – активные маршруты.

Функционирование данного рекреационного узла предполагается в рамках научного туризма в его ознакомительном аспекте, когда во время поездок гиды знакомят путешественников с природными и антропогенными объектами [Сайт Русского географического общества...].

Создание экскурсионных маршрутов в соответствии с вышеуказанной спецификой расположения археологических объектов и территориально-рекреационной структурой, подразделяющейся на рекреационные узлы и точки, позволит использовать богатое археологическое наследие в туристической деятельности с целью популяризации древней истории Чемальского района и музеефикации памятников, которые будут включаться в данные маршруты. Это напрямую соответствует одному из приоритетных направлений социально-экономического развития Республики Алтай, что закреплено в ряде документов стратегического планирования, в том числе в «Стратегии социально-экономического развития Сибири на период до 2020 года».

Научный руководитель – канд. ист. наук, профессор А. Л. Кунгуров

Список литературы

Мажар Л. Ю. Формирование региональных туристско-рекреационных систем в России / Л. Ю. Мажар // Европейское образование. – Смоленск : Универсум, 2005. – с. 145.

Степанова Н. Ф. Археологические памятники и объекты Чемальского района / Н. Ф. Степанова, В. И. Соёнов. – Горно-Алтайск : АКИН, 2009. – 212 с.

Официальный сайт Алтайского края. Международный день памятников и исторических мест: по количеству объектов культурного наследия Алтайский край занимает одно из первых мест в Сибири [Электронный ресурс]. – URL: http://www.altairegion22.ru/region_news/ 28902.html?sphrase_id=334474

Сайт Управления Алтайского края по развитию туристско-рекреационного и санаторно-курортного комплексов. О крае [Электронный ресурс]. – URL: http://www.alttur22.ru/turizm1/o_krae/

Сайт Фонд Археология. Археологический туризм – удел избранных [Электронный ресурс]. – URL: http://www.archae.ru/media/smi_27.html

Сайт Библиотека русских учебников. Археологический туризм [Электронный ресурс]. – URL: http://uchebnikionline.ru/turizm/suchasni_riznovidi_turizmu_-_klyap_mp/arheologichniy_turizm.htm

Сайт Горно-Алтайского центра по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Чемальский район [Электронный ресурс]. – URL: http://meteo-altai.ru/prognoz.php?1

Сайт Русского географического общества. Комиссия научного туризма. Научный туризм – скорее часть образа жизни, либо вид активного отдыха не только для интеллектуалов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.knt.org.ru/Nauchnuy%20Turizm.htm

Possible of the practical applications on the development of the Archaeological Excursion on the example of the Altai

K. V. Pobeguts

This article tells about new type of tourism in Russia – archeological tourism. Authors try to create its methodology. The main part of methodology of archeological tourism is the territorial recreational system (trs), which consist of recreational area, subarea, node and point. TRS has special reasons for creation, which are describe in this article. On the basis of this part we can determinate the most rational tourist routs.

Keywords: archeological monuments, archeological tourism, special tourist routes, territorial recreational system.

Побегуц Ксения Васильевна
магистрант 2-го года обучения, Алтайский государственный университет
e-mail: instruktor7@mail.ru

Pobeguts Kseniya Vasilevna
graduate student 2nd year, Altay State University
e-mail: instruktor7@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГПИ – Абаканский государственный педагогический институт
АГУ – Алтайский государственный университет
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН – Академия наук СССР
АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БГПУ – Благовещенский государственный педагогический университет
БоГЭС – Богучанская гидроэлектростанция
БурГИЗ – Бурятское государственное издательство
БНЦ – Башкирский научный центр УрО РАН
БНЦ – Бурятский научный центр СО РАН
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВАЭ – Верхнеамурская археологическая экспедиция
ВООПиК – Всероссийское общество охраны памятников и культуры
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – географическая информационная система
ГО – Географическое общество СССР
ГосНИИ – Государственный научно-исследовательский институт
ГОУ – Государственное образовательное учреждение
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДВГУ – Дальневосточный государственный университет
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет
ЗабГУ – Забайкальский государственный университет
ЗКО – Забайкальский краевой отдел ВООПиК
ИА – Институт археологии РАН
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГИиПМНС – Институт гуманитраных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ИГПУ – Иркутский государственный педагогический университет
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИМЗ – Институт мерзлотоведения СО АН СССР
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИРКИСВА – Известия Русского Комитета изучения Средней и Восточной Азии
ИЭЧ – Институт экологии человека СО РАН
ИЭЭ – историко-этнографическая экспедиция
ИЯЛИ – Институт языка, литературы, истории СО АН СССР
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КОРГО – Красноярский подотдел Русского географического общества
КСГ – культуросодержащий горизонт
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет
ЛАПиСЖНСА – Лаборатория археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии
М. – Москва
МАР – Материалы по археологии России

МАЭ – Музей археологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МГУ – Московский государственный университет
НИ ИрГТУ – Национальный исследовательский Иркутский государственный университет
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИС – Научно-исследовательский сектор
НПЦ – научно-производственный центр
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия
НЦ УрО РАН – Научный центр Уральского отделения РАН
ОмГУ – Омский государственный университет
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
ПЗС – Пермский звериный стиль
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
САЭ – Северо-Ангарская археологическая экспедиция
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СамГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН – Сибирское отделение Российской Академии наук
СПб. – Санкт-Петербург
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СФУ – Сибирский федеральный университет
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
УАЭ – Уральская археологическая экспедиция
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ФИА – Филиал Института археологии
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ЦСН – Центр по сохранению историко-культурного наследия
ЦУИиЭ ЛИК – Центр устной истории и этнографии Лаборатории «Историческое краеведение» АлтГПУ
ЧГПИ – Читинский государственный педагогический институт
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЧОПОИРГО – Читинское отделение Приамурского отдела императорского Русского географического общества
ЭО – Этнографическое обозрение
ЭСК – экспериментальное сигнальное кострище
ЯАССР – Якутская автономная советская социалистическая республика
ЯГУ – Якутский государственный университет
GIS – geographic information system

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ LV АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Иркутск, 23–27 марта 2015 г.

ISBN 978-5-9624-1194-1

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 18.03.2015. Формат 60×90 1/8
Усл. печ. л. 33,8. Заказ 100. Тираж 250 экз.

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36
тел. (3952) 24-14-36, e-mail: izdat@lawinstitut.ru